

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
247

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 247 2017**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 247 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 432 с., ил.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-94457-294-3

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки –
золотая бляха в виде головы дракона из могильника Яломан II
(к статье А. А. Тишкина и С. С. Матренина)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-294-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2017
© Авторы, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Языки славянской культуры, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ СКВОЗЬ ВЕКА: ИСТОКИ, ТРАНСФОРМАЦИИ, РЕМИНИСЦЕНЦИИ.
ИСКУССТВО КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.»
(ИА РАН, 13–14 ДЕКАБРЯ 2016 г.)

<i>Канторович А. Р., Дэвлет Е. Г., Рукавишников И. В.</i> Истоки и итоги Семинара по звериному стилю	7
<i>Шер Я. А.</i> Угасает ли дискуссия о происхождении скифов, скифской культуры и скифского звериного стиля?	15
<i>Савинов Д. Г.</i> Нуклеарное искусство звериного стиля	28
<i>Королькова Е. Ф.</i> О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля	50
<i>Семенов Вл. А.</i> Кабан: «копытный хищник» в скифском искусстве и мифологии	61
<i>Тишкин А. А., Матренин С. С.</i> Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннуского времени (по материалам памятника Яломан-II)	74
<i>Килуновская М. Е., Леус П. М.</i> Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве	87
<i>Король Г. Г.</i> Истоки зооморфного кода в средневековом искусстве Саяно-Алтая	105
<i>Черных Е. М.</i> О своеобразии приемов орнаментального и скульптурного декора изделий из кости с вятских ананьинских городищ	120
<i>Советова О. С.</i> Декорированные изображения и «алтайский» стиль в наскальном искусстве Минусинской котловины в скифскую эпоху	132
<i>Фролов Я. В., Тишкин А. А., Иванов Г. Е.</i> Особенности изображений в скифо-сибирском зверином стиле на железных кинжалах юга Обь-Иртышского междуречья	150
<i>Рукавишников И. В.</i> Звериный стиль Аржана-5 (комплексный подход в изучении предметов, декорированных в зверином стиле)	163
<i>Очир-Горяева М. А.</i> Изображения коня в искусстве скифской эпохи степной Евразии	176
<i>Зинченко С. А.</i> Антропоморфы келермесского меча: к поиску иконографических аналогий	189

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Щелинский В. Е.</i> Раннепалеолитическое местонахождение Родники 4 в южном Приазовье	203
<i>Церна С.</i> К вопросу о распространении мелкой антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье	223
<i>Ковалев А. А.</i> Афанасьевская культура в Синьцзяне	245
<i>Разуваев Ю. Д.</i> Бронзовые коньковые подвески скифского времени на Верхнем Дону	267
<i>Бонин А. В.</i> О времени существования неукрепленной части Ильичевского поселения	274
<i>Вергазов Р. Р.</i> Архитектурные детали из Султануиздага. К проблеме атрибуции, датировки и стилистики капителей	285

<i>Михеева (Китаева) А. А.</i> К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва	296
<i>Суханов Е. В., Свиридов А. Н.</i> Комплексы раннесредневековых амфор с поселения Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове.	314
<i>Олейников О. М., Руденко К. А.</i> Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) ..	326
<i>Андреев С. И., Терехова Н. В.</i> Стекланные бусы Давыдовского городища	342
<i>Бейлекчи Вал. В.</i> Топоры муромы	355
<i>Фатюнина О. А.</i> Герметичный тигель из Переяславля Рязанского	372
<i>Буров В. А.</i> Полихромный изразец с двуглавым орлом из Соловецкого монастыря. Конец XVII – начало XVIII вв.	384

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Казарницкий А. А.</i> Антропологические материалы Усть-Альминского могильника (из раскопок 2002–2015 гг.)	390
<i>Учанева Е. Н., Бусова В. С.</i> Новые антропологические материалы из могильника раннего железного века Саускен	406

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Чхаидзе В. Н.</i> Полемика о «каменных бабах» – как поспорил Николай Иванович с Василием Алексеевичем	418
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	429
ОТ РЕДАКЦИИ	431

CONTENTS

TRANSACTIONS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC SEMINAR «ANIMAL STYLE THROUGH CENTURIES: ORIGINS, TRANSFORMATIONS, REMINISCENCES. ART OF EURASIAN STEPPES NOMADS IN I MILLENNIUM BC – I MILLENNIUM AD» (MOSCOW, IA RAS, 2016, DECEMBER 13–14)

<i>Kantorovich A. R., Devlet E. G., Rukavishnikova I. V.</i> Seminar on the Art of Eurasian Steppes Nomads: background and conclusions	7
<i>Sher Ya. A.</i> Is the debate about origin of the Scythians, Scythian culture and the Scythian animal style dying out?	15
<i>Savinov D. G.</i> 'Core' art of the animal style	28
<i>Korol'kova E. F.</i> Origin of some specific traits of the Siberian animal style	50
<i>Semyonov Vl. A.</i> Wild boar: A 'hoofed predator' in Scythian art and mythology.	61
<i>Tishkin A. A., Matrenin S. S.</i> Metal works of art in belt sets of Altai nomads of the Xiongnu period (a case study of the Yaloman-II site).	74
<i>Kilunovskaya M. E., Leus P. M.</i> Art at the end of I millennium BC in Tuva	87
<i>Korol' G. G.</i> The origin of the zoomorphic code in medieval art of the Altai-Sayan region	105
<i>Chernykh E. M.</i> Distinctive techniques of ornamental and sculptural decoration of bone items from Vyatka Ananyino fortified settlements	120
<i>Sovetova O. S.</i> Decorated images and the Altai style in the rock art of the Minusinsk depression during the Scythian period.	132
<i>Frolov Ya. V., Tishkin A. A., Ivanov G. E.</i> Distinctive features of images in the Scythian animal style on iron daggers from the Southern parts of the Ob-Irtysh interfluvium	150
<i>Rukavishnikova I. V.</i> Animal style of Arzhan-5 (an integrated approach employed in the studies of items decorated in the animal style)	163
<i>Ochir-Goryaeva M. A.</i> Horse image in art of the Scythian epoch in steppe Eurasia	176
<i>Zinchenko S. A.</i> Anthropozoomorphs of the Kelermes sword: in search of iconographic analogies	189

PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Shchelinsky V. E.</i> Rodniki 4: the Early Paleolithic site in the South of the Sea of Azov coast-line areas.	203
<i>Țerna S.</i> The issue of portable anthropomorphic art occurrence at the Cucuteni-Tripolye sites	223
<i>Kovalev A. A.</i> Afanas'ev culture in Xinjiang	245
<i>Razuvaev Yu. D.</i> Bronze horse-shaped pendants of the Scythian period in the Upper Don region	267
<i>Bonin A. V.</i> On the issue of the occupation period of the Il'ichevka settlement unfortified part	274
<i>Vergazov R. R.</i> Architectural details from the Sultanuzdag. The issue of attribution, dating and stylistic features of the capitals	285

<i>Mikheeva (Kitaeva) A. A.</i> On the problem of interpretation of the graves from the necropolis of Old Merv	296
<i>Sukhanov E. V., Sviridov A. N.</i> Assemblages of Early Medieval amphorae from the Gora Chirkova-1 settlement on the Taman Peninsula	314
<i>Oleynikov O. M., Rudenko K. A.</i> Finds of copper ladles of XII century in Velikiy Novgorod: the issue of the sources and composition of raw materials in the Novgorod market of non-ferrous metals revisited	326
<i>Andreev S. I., Terekhova N. V.</i> Glass beads from the Davydovo hillfort.	342
<i>Beilekchi Val. V.</i> Muroma axes	355
<i>Fatyunina O. A.</i> A hermetic crucible from Pereyasavl' Ryazanskiy	372
<i>Burov V. A.</i> A polychromic ceramic tile featuring a double-headed eagle from the Solovki monastery. End of the 17 th – early 18 th centuries.	384

ANTHROPOLOGICAL INVESTIGATIONS

<i>Kazarnitskiy A. A.</i> Anthropological remnants from the Ust'-Al'ma cemetery (2002–2015 excavations)	390
<i>Uchaneva E. N., Busova V. S.</i> New anthropological remnants from Sausken, an Early Iron Age cemetery.	406

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY

<i>Chkhaidze V. N.</i> Debates about balbal statues or How Nikolay Ivanovich quarreled with Vasiliy Alekseevich	418
---	-----

ABBREVIATIONS	429
SUBMISSION GUIDE	431

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ СКВОЗЬ ВЕКА: ИСТОКИ,
ТРАНСФОРМАЦИИ, РЕМИНИСЦЕНЦИИ.
ИСКУССТВО КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.»
(ИА РАН, 13–14 ДЕКАБРЯ 2016 г.): ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

А. Р. Канторович, Е. Г. Дэвлет, И. В. Рукавишникова

ИСТОКИ И ИТОГИ СЕМИНАРА ПО ЗВЕРИНОМУ СТИЛЮ

Резюме. 13–14 декабря 2016 г. в Институте археологии РАН состоялся Международный научный семинар «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.», организованный Центром палеоискусства ИА РАН и кафедрой археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Это третье мероприятие в ряду конференций, связанных с темой скифо-сибирского звериного стиля и сарматского зооморфного искусства. В семинаре приняли участие специалисты из ряда научных учреждений России, Украины и Казахстана, было заслушано 26 устных докладов и представлено 4 стендовых доклада. В ходе работы удалось выработать базовые принципы единого подхода к систематизации, анализу и интерпретации зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., его образов и сюжетов, с целью взаимной верификации продолжающихся исследований археологии и искусствоведения в этой сфере и формирования концепции зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и сопредельных культур как единой информационной системы со сложными и многосторонними стилистическими и семантическими взаимосвязями (как синхронными, так и диахронными). Иконографический анализ произведений искусства в сочетании с применением методов абсолютного и относительного датирования ведет в перспективе к актуализации произведений зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (и их материальных носителей) в качестве надежного хроноиндикатора, что важно для дальнейшей разработки истории и хронологии евразийских культур и цивилизаций данной эпохи.

Ключевые слова: Международный семинар, звериный стиль, скифы, сарматы, хунну, кочевники Евразийских степей.

13–14 декабря 2016 г. в Институте археологии РАН состоялся Международный научный семинар «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.», который был организован Центром палеоискусства ИА РАН и кафедрой археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова¹.

Семинар может квалифицироваться как третье мероприятие в ряду конференций, так или иначе связанных с темой скифо-сибирского звериного стиля и сарматского зооморфного искусства. Главным форумом в этом ряду, несомненно, является Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии, проходившая в Институте археологии АН СССР в декабре 1972 г. Будучи третьей (и последней) из Всесоюзных конференций по скифо-сарматской археологии², она была посвящена одной-единственной теме – скифо-сибирскому звериному стилю. Ее основным научным результатом стал сборник статей, являющийся, без сомнения, настольной книгой большинства исследователей, изучающих это художественное направление (Скифо-сибирский звериный стиль..., 1976). При этом часть докладов конференции и, соответственно, ряд публикаций по ее итогам вышли за рамки скифской эпохи и были связаны с сарматским и хуннским зооморфным искусством.

С тех пор, в течение четырех десятилетий, в условиях постоянного прироста археологического материала и, соответственно, изделий, оформленных или декорированных образами скифо-сибирского звериного стиля, исследователи неоднократно обсуждали проблемы, связанные с изучением данного художественного направления в рамках самых разных конференций, посвященных археологии отдельных макрорегионов или определенных эпох, но никогда не собирались вместе в режиме концентрации именно на вопросах анализа скифо-сибирского звериного стиля и сопряженных с ним историко-искусствоведческих проблем.

Ситуация изменилась, когда по инициативе ряда исследователей на кафедре археологии исторического факультета МГУ 4–5 декабря 2013 г. были проведены заседания круглого стола по проблемам изучения скифо-сибирского звериного стиля, в которых приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Уфы и Донецка. На круглом столе обсуждались четыре основные проблемы:

1. Что такое скифо-сибирский звериный стиль как художественный феномен?
2. Каково происхождение скифо-сибирского звериного стиля?
3. Основы хронологии и исторической динамики скифо-сибирского звериного стиля.
4. Проблемы семиотики скифо-сибирского звериного стиля и семантики его образов и сюжетов как возможных элементов единого языка.

¹ Научный семинар проведен в рамках Программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии: новые смыслы».

² Первая конференция по проблемам скифо-сарматской археологии состоялась в 1952 г. в Москве в Институте истории материальной культуры АН СССР (Погребова, 1954), вторая – в 1967 г. в Москве в Институте археологии АН СССР (Петренко, 1971).

Работа круглого стола освещалась на сайте исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и была представлена в обзоре В. А. Коренько в журнале «Российская археология» (Коренько, 2015). Участники круглого стола, проведя плодотворную дискуссию и сблизив или, как минимум, прояснив свои позиции по ряду актуальных вопросов, пришли к мысли необходимости продолжить эту традицию, расширив тематику докладов и обсуждений в пространственном и хронологическом отношении.

Реализацией этого замысла стало проведение в Институте археологии РАН в 2016 г. научного семинара «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.».

Для докладов и дискуссий на этом форуме оргкомитетом были изначально предложены четыре темы, рассматриваемые последовательно, в рамках общего заседания:

1. Анималистическое искусство предскифской эпохи и скифо-сибирский звериный стиль: проблема преемственности в различных регионах «скифо-сибирского мира». Общие закономерности развития скифо-сибирского звериного стиля.

2. Локальные особенности скифо-сибирского звериного стиля: взаимодействия и взаимовлияния.

3. Звериный стиль как компонент сарматской культуры и культуры хунну Забайкалья и Монголии: традиции, инновации, заимствования и влияния.

4. Анималистическое искусство Евразийских степей и Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов. Зооморфизм в искусстве тюркских народов раннего средневековья.

Поскольку на стадии подготовки семинара и сбора заявок на участие выяснилось, что в рамках четвертой темы планируется незначительное количество докладов, было принято решение объединить заседания по третьей и четвертой темам.

В рамках первой темы «Анималистическое искусство предскифской эпохи и скифо-сибирский звериный стиль: проблема преемственности в различных регионах “скифо-сибирского мира”». Общие закономерности развития скифо-сибирского звериного стиля» с устными докладами выступили Д. Г. Савинов (Санкт-Петербург), Я. А. Шер (Москва), В. А. Новоженков (Алма-Ата), С. Л. Воробьева (Уфа), А. Р. Канторович (Москва), Вл. А. Семенов, А. С. Леонтьева (Москва), Ю. Б. Полидович (Киев) и Н. Ю. Смирнов (Санкт-Петербург). Был представлен стендовый доклад М. А. Очир-Горяевой (Берлин/Элиста). Докладчиками были подняты вопросы о нуклеарности этого явления, полицентричности возникновения основных мегаобразов и о распространении их на широких территориях в рамках существования сходных по мировоззрению и культуре общностей ранних кочевников. Было отмечено, что за период, прошедший со времени Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии 1972 г., кроме накопления нового корпуса источников, много сделано для понимания механизмов возникновения и развития иных вариантов этого художественного направления, помимо классического скифского искусства. Применение новых и более совершенных методов датирования археологических памятников с предметами в зверином

стиле помогает более достоверно анализировать развитие и трансформацию инвариантов звериного стиля. Тем не менее вопрос о происхождении основных элементов этого художественного направления остается важнейшим и основным в исследовании любых локальных вариантов этого искусства на территории скифо-сибирского мира. Важнейшим методом изучения становится системный подход, в рамках которого были представлены типологические системы скифского звериного стиля в общем и в пределах конкретных образов и мотивов, что дает возможность выявления изображений-хроноиндикаторов.

Большинство докладов Семинара укладывалось в рамки второй темы «Локальные особенности скифо-сибирского звериного стиля: взаимодействия и взаимовлияния». Выступили: С. А. Зинченко (Москва), К. В. Чугунов (Санкт-Петербург), А. А. Ковалев (Санкт-Петербург), Е. Ф. Королькова (Санкт-Петербург), И. В. Руквишникова (Москва), Е. В. Переводчикова (Москва), А. А. Тишкин (Барнаул), Д. В. Черемисин (Новосибирск), Е. Г. Дэвлет (Москва), О. С. Советова (Кемерово), Е. А. Миклашевич (Кемерово), Я. А. Лукпанова (Уральск) и с совместным докладом – А. А. Тишкин и Я. В. Фролов (Барнаул). Также были представлены стендовые доклады Е. М. Черных (Ижевск) и А. З. Бейсенова, Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева и Д. Б. Дуйсенбая (Казахстан). В рамках докладов и последующего обсуждения были рассмотрены аспекты композиционно-стилистических вариаций и семантики различных образов скифо-сибирского звериного стиля Евразии в рамках определенных локальных вариантов этого художественного направления. Исследователей ожидаемо интересовали, в частности, образы кабана, горного козла, горного барана, лошади и свернувшегося кошачьего хищника. Была затронута тема происхождения синкретических миксморфных (антрополооморфных) образов в искусстве древних цивилизаций Переднего Востока. Были представлены материалы археологических исследований в Туве и Казахстане, посвященные контексту выявления тех или иных знаковых изображений. Затрагивался вопрос о происхождении и развитии звериного стиля лесной части Евразии как периферийной зоны. Были представлены новые материалы наскального искусства скифо-сарматского времени и более ранних эпох, в том числе демонстрирующие информативные возможности, используемые при тщательном анализе и современном документировании подобных памятников. Пласт образов скифо-сарматского времени, ярко и самобытно выделяющихся по стилю и иконографии, характеризующихся внятыми предпочтениями в выборе объекта изображения, позволяет продемонстрировать диапазон возможностей относительного датирования сюжетов петроглифов как возможных реплик декора предметов, так и независимых изобразительных явлений. Существенное внимание уделено археологическому контексту, соотносимому с объектами наскального и статуарного искусства.

В рамках третьей темы «Звериный стиль как компонент сарматской культуры и культуры хунну Забайкалья и Монголии: традиции, инновации, заимствования и влияния. Анималистическое искусство Евразийских степей и Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов. Зооморфизм в искусстве тюркских народов раннего средневековья» с устными докладами выступили: В. И. Мордвинцева (Волгоград), Е. С. Богданов (Новосибирск), М. Е. Килуновская (Санкт-Петербург) и В. Е. Маслов (Москва). Также был представлен стендовый доклад Б. М. Хасеновой (Алма-Ата). В контексте третьей темы были представлены

и обсуждены методологические аспекты в вопросе корреляции престижных вещей, декорированных в зверином стиле в период распространения элитных комплексов сарматской и римской эпохи, а также влияние зооморфных образов Древнего Китая и Древнего Ирана на зооморфное искусство кочевых обществ. Внимание участников семинара было обращено на новые подходы к исследованию знаменитой Сибирской коллекции. Были представлены полевые исследования новых памятников, содержащих предметы в зверином стиле хунну в Туве и на Алтае. Важным выводом послужило сохранение смысловых схем в использовании анималистических образов в хуннское время при их одновременной стилистической модификации. Соотношение стилизации «звериного стиля» и свободного трансформирования в I тыс. н. э. приводит к упрощению и трансформации образов. Этот вывод помогает осуществить ретроспективный анализ стилизованных изображений в металлопластике средних веков, что было показано на примере образа миксоморфного существа – левкроты, имеющего азиатские истоки и ставшего популярным образом в искусстве средневековой Восточной Европы, – его трансформацией являются «коньки» – подвески-обереги смоленского типа.

В рамках семинара вниманию его участников в формате презентации «Искусство кочевников глазами фотографа» было предложено замечательное издание, возникшее в результате сотрудничества фотографа Андрея Бронникова и археолога Константина Чугунова и представляющее собой подлинное произведение книжного искусства и библиографическую редкость (*Бронников, Чугунов, 2015*).

Таким образом, всего в рамках семинара «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» было заслушано 26 устных и представлено 4 стендовых доклада. В работе приняли участие специалисты из многих научных учреждений России, Украины и Казахстана, а именно: из Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института археологии Крыма РАН, Института археологии им. А. Х. Маргулана, Государственного Эрмитажа, Национального музея Республики Башкортостан, Музея исторических драгоценностей Украины, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Высшей школы экономики, Удмуртского государственного университета, Алтайского государственного университета, Кемеровского государственного университета, Западно-Казахстанского центра истории и археологии Казахстана и др.

В ходе работы семинара удалось выработать базовые принципы единого подхода к систематизации, анализу и интерпретации зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., его образов и сюжетов с целью взаимной верификации продолжающихся исследований в этой сфере археологии и искусствоведения.

Это понимание опирается на констатацию современного процесса формирования новой методологии в археологическом и искусствоведческом исследовании, предполагающей анализ и систематизацию изображений как самостоятельно существующего исторического источника, требующего специального изучения с помощью особых методик и приемов, определяемых спецификой материала. Такой подход отвечает вызовам современности и в первую очередь постоянному

и ускоренному приросту археологического материала, в том числе связанного с произведениями скифо-сибирского звериного стиля, а также зооморфного стиля сарматов, хунну и сопредельных этнических образований и сообществ.

Особое значение приобретают исследования, предполагающие:

1) формирование единого «языка» в описании произведений зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и сопредельных культур;

2) совершенствование технических и аналитических приемов изучения произведений зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (и их материальных носителей);

3) активизацию процесса иконографического и технологического изучения петроглифов и «оленных камней» соответствующих эпох и сопредельных периодов как особо информативного источника;

4) сопряжение классического археологического и искусствоведческого исследования с мир-системным анализом для акцентирования социально-политических аспектов зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Таким образом, речь идет о формировании концепции зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и сопредельных культур как единой информационной системы со сложными и многосторонними стилистическими и семантическими взаимосвязями (как синхронными, так и диахронными).

Кроме того, иконографический анализ произведений искусства в сочетании с применением объективных методов абсолютного и относительного датирования (хронологии импортных предметов, естественнонаучных методов датирования) ведет в перспективе к актуализации произведений зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (и их материальных носителей) в качестве надежного хроноиндикатора, что крайне важно для дальнейшей разработки истории и хронологии евразийских культур и цивилизаций данной эпохи.

Итак, семинар «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, ремисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» вышел за рамки камерного научного обсуждения узких проблем звериного стиля и вылился в разноплановые дискуссии на стыке разных научных подходов, что продемонстрировало насущную необходимость сделать регулярным семинаром для обсуждения многогранных аспектов исследования зооморфного искусства кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и сопредельных культур и цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Бронников А., Чугунов К., 2015. Сокровища Долины царей Тувы. Атлас-альбом древнего искусства. М.; СПб.; Кызыл: Фонд Кужугета Шойгу.
- Коренько В. А., 2015. Круглый стол «Проблемы изучения скифо-сибирского звериного стиля». Москва, 2013 // РА. № 1. С. 177–182.
- Петренко В. Г., 1971. Задачи и тематика конференции // Проблемы скифской археологии. М.: Наука. С. 3–7. (МИА; № 177.)

Погребова Н. Н., 1954. Состояние проблем скифо-сарматской археологии и конференция ИИМК АН СССР 1952 г. // Вопросы скифо-сарматской археологии (по мат-лам конф. ИИМК АН СССР 1952 г.). М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 3–38.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. 272 с.

Сведения об авторах

Канторович Анатолий Робертович, МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Дэвлет Екатерина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: eketek@yandex.ru;

Рукавишникова Ирина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

A. R. Kantorovich, E. G. Devlet, I. V. Rukavishnikova

SEMINAR ON THE ART OF EURASIAN STEPPES NOMADS: BACKGROUND AND CONCLUSIONS

Abstract. International scientific seminar «Animal Style through the centuries: genesis, transformations and reminiscences. Art of Eurasian Steppes Nomads» took place at the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences on December 13–14, 2016. It was organized by the Centre for PaleoArt Studies, Institute of Archaeology RAS and Dept. of Archaeology of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. It was the third meeting on the topic of the Scythian-Siberian animal style and Sarmatian zoomorphic art. Specialists from Russia, Ukraine, Kazakhstan have presented 26 presentations and 4 posters. The basic principles of uniform approach to systematization, analysis and interpretation of zoomorphic nomadic art (its images, motives and compositions) of the Eurasian steppes in the I mill. BC – I mill. AD were elaborated. It will enable verification of ongoing archaeological and art studies in this sphere and to input the general understanding of the nomadic art of Eurasian steppes and adjacent territories in the I mill. BC – I mill. AD as common informative system with coexisting complicated and varied stylistic and semantic interconnections (both synchronous and diachronous). Iconographic analysis of works of art combined with methods of absolute and relative dating can enable in future treat the zoomorphic images of art of the nomads of the Eurasian steppes in the I mill. BC – I mill. AD (and corresponding artefacts) as a reliable chronological indicator, so it is important for the further development of history and chronology of the Eurasian cultures and civilizations of this period.

Keywords: International seminar, Animal Style, Scythians, Sarmatians, Hjong-nu, nomads of Eurasian steppes.

REFERENCES

Bronnikov A., Chugunov K., 2015. Sokrovishcha Doliny tsarey Tuvy [Treasures of Tuva kings' valley]. Atlas-albom drevnego iskusstva [Atlas-album of ancient art]. Moscow; St. Petersburg; Kyzyl: Kuzhuget Shoigu Foundation.

- Korenyako V. A., 2015. Kruglyy stol «Problemy izucheniya skifo-sibirskogo zverinogo stilya». Moskva, 2013 [Round table «Problems of investigation of Scythian-Siberian animal style». RA, 1, pp. 177–182.
- Petrenko V. G., 1971. Zadachi i tematika konferentsii [Objectives and issues of the conference]. *Problemy skifskoy arkheologii* [Problems of Scythian archaeology]. Moscow: Nauka, pp. 3–7 (MIA, 177).
- Pogrebova N. N., 1954. Sostyanie problem skifo-sarmatskoy arkheologii i konferentsiya IIMK AN SSSR 1952 g. [State of problems of Scythian-Sarmatian archaeology and conference in IIMK AN SSSR of 1952]. *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii (po materialam konferentsii IIMK AN SSSR 1952 g.)* [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology (based on transactions of conference in IIMK AN SSSR of 1952)]. Moscow: AN SSSR, pp. 3–38.
- Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia]. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, Eds. Moscow: Nauka, 1976. 272 p.

About the authors

Kantorovich Anatoliy R., Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Devlet Ekaterina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: eketek@yandex.ru;

Rukavishnikova Irina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

Я. А. Шер

УГАСАЕТ ЛИ ДИСКУССИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКИФОВ, СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ?

*Памяти моих друзей
Марии Николаевны Погребовой и
Дмитрия Сергеевича Раевского*

Резюме. В течение более чем 70 лет в советской и российской археологии превалировала автохтонная версия происхождения скифов на основе культур эпохи бронзы степей Евразии. Параллельно складывалась версия центральноазиатского происхождения скифов. За последние 45 лет вторая версия значительно укрепилась за счет новых данных по абсолютной хронологии и палеогенетике. На этом фоне первоначальная дискуссия угасает, но возникают новые, не менее дискуссионные вопросы, связанные с новой парадигмой происхождения скифов.

Ключевые слова: скифы, скифская культура, скифский звериный стиль, генезис, автохтонная версия, миграционная версия.

«Происхождение скифов остается предметом споров» (Кулланда, 2016. С. 4; см. также: Археология..., 2012. С. 309). Спорность той или иной теории – явление обычное для любой науки. Подобно тому как естественный отбор двигает эволюцию, научные споры являются мотором развития науки. При этом желательно понимать, чем эта спорность обусловлена. Длительные споры чаще возникают там и тогда, где и когда трудно найти общую объективную, а лучше, измеримую основу для сопоставления разных мнений ученых. Особенно когда речь идет о хронологии памятников, датировки которых опираются на более или менее косвенные данные. Например, древний текст считается заведомо достоверным; типологические построения – единственно возможными; логические и исторические выводы – истинными. Еще одним фактором, усложняющим дискуссию, бывает недостаточное владение материалом, на котором построено знание или мнение оппонента. Если спорные гипотезы сложились на разных основаниях, то дискуссия с переменным успехом может продолжаться бесконечно. Думается, что спор о происхождении скифов в 50–70-е гг. XX в. длился на разных основаниях. Если пренебречь отдельными несущественными

детальями, к середине XX в. сложились две основные гипотезы происхождения скифов и их культуры: автохтонная и центральноазиатская (далее – первая и вторая). Не буду перегружать текст именами, которые хорошо известны. Их труд и стойкость в убеждениях заслуживают уважения и бережного отношения. Попробуем рассмотреть основания, на которых базируются эти гипотезы.

Первая гипотеза. Культура скифов сформировалась в VII–VI вв. до н. э. в южнорусских степях на основе местных культур эпохи поздней бронзы: каменнобронзовой, срубной и киммерийской. Главной опорой этой гипотезы были упоминания в древних ассирийско-вавилонских и греческих текстах (в основном в «Истории» Геродота). Большое значение в этой гипотезе придавалось дате первого упоминания о скифах – 670 г. до н. э. – и о 28 годах их гегемонии на Переднем Востоке. Последняя послужила основанием для дочерней гипотезы о том, что скифский звериный стиль был некоей реминисценцией образов животных, заимствованных в ахеменидском и луристанском репертуаре.

По мере освоения Россией территории южных степей здесь увеличивалось количество находок античных и скифских древностей (кладоискательство, затем научные раскопки). После раскопок таких курганов, как Литой, Келермес, Куль-Оба, Солоха, Чертомлык и ряд других, столь же богатых драгоценными находками, уверенность в том, что именно здесь был центр скифской культуры, укреплялась. Раскопки «царских» курганов в советское время (Мелитопольский, Толстая Могила и др.) сделали эту уверенность почти незыблемой. До начала 70-х гг. XX в. первую гипотезу разделяло большинство ведущих скифологов.

Она получила мощную поддержку после обнаружения в 1947 г. Сакксызского клада в Иранском Курдистане близ селения Зивие. «Сокровища из Саккыза» стали предметом ряда исследований и публикаций (*Godard*, 1950; 1951; *Ghirschman*, 1950; *Barnett*, 1956 и др., подробную библиографию см.: *Muscarella*, 1977). В составе клада среди многих вещей ассирийского, урартского и ахеменидского облика были редкие, явно скифские предметы с изображениями, аналогичными таковым на вещах, найденных в самых ранних скифских курганах Причерноморья (Келермес, Мельгуновский и др.). Считалось, что найдено недостающее звено в цепочке фактов, свидетельствующих о передневносточном происхождении скифского звериного стиля. Почти 30 лет комплекс из Зивие считался неопровержимым свидетельством того, что здесь был раскопан скифский «царский» курган.

Вторая гипотеза. Суть второй гипотезы соответствует словам Геродота «скифы пришли из Азии». Эти слова подтверждаются находками многих золотых, бронзовых, костяных, роговых, деревянных и войлочных изделий с изображениями в скифском зверином стиле на просторах азиатских степей, предгорий и горных долин.

Сторонники первой гипотезы считали их варварскими копированиями скифских оригиналов и, следовательно, более поздними по времени. Поначалу эту идею разделял и М. И. Ростовцев, но позже от нее отошел, понимая, что такое обилие и разнообразие варварских заимствований невозможно.

Сомнения. Первая гипотеза заметно пошатнулась более 40 лет назад, когда раскопки кургана Аржан I в Туве дали совершенно новые материалы, которые в нее не вписались. Типология найденных здесь удил, псалиев и наконечников

стрел указывала на VIII–VII вв. до н. э. как на очень осторожную датировку со всеми возможными допусками в сторону более позднего времени. Серия радиоуглеродных дат показала, что бревна погребальных срубов датируются еще более ранним временем (Шер, 1980. С. 249). Найденные здесь изображения и предметы мелкой пластики очень выразительны. В них очевиден не формирующийся, а уже вполне сложившийся звериный стиль. Очень близкие аналогии обнаруживаются в некоторых ранних скифских памятниках Причерноморья и Предкавказья: Новочеркасском, Жаботине, Ульских курганах и др. (Иессен, 1953; 1954; Зуев, 1993. С. 38–53). Но они ведь считались здесь едва ли не самыми ранними. Получалось так, что в Саянах скифский звериный стиль сложился до того, как он впервые появился в Причерноморье. Считавшиеся чуть ли не самыми древними скифскими изображениями находки из Зивие оказались более чем на 200 лет моложе изобразительных материалов из Аржана 1. Разумеется, не следует игнорировать несомненные следы связей скифских культур сибирского, среднеазиатского и причерноморского ареалов с культурами Ближнего Востока. Эти связи и влияния действительно были, в том числе и в элементах скифо-сибирского звериного стиля, но они проявились длительное время спустя, на этапе VI–IV вв. до н. э. (Руденко, 1961). Сейчас об этих влияниях можно говорить не в общем виде, а указывая конкретные элементы звериного стиля, которые были позаимствованы скифо-саками из других изобразительных традиций, и, наоборот, элементы, которые инокультурные мастера заимствовали у скифов и саков (подробнее см.: Bernard, 1976. С. 246). В свете новых данных становилась более обоснованной та часть второй гипотезы, где говорится об изобразительных традициях, восходящих к карасукской культуре и, как представляется автору этих строк, к намного более ранним периодам. Некоторые находки изображений т. н. «окуневской» культуры позволяют предполагать, что уже тогда появились отдельные элементы звериного стиля, которые, редуцируясь, продержались более двух тысяч лет (Шер, 1987; 1998; Sher, 1988. С. 992).

Были скорректированы данные Геродота. Специальный анализ показал, что 28 лет гегемонии не согласуются между собой, местами противоречивы и зависят от 40 лет правления Киаксара: включены ли они в эти 40 лет или добавлены к ним (Грантовский, 1998. С. 146; см. также: Медведская, 2010. С. 179 и сл.). Известно, как оценивал достоверность сообщений Геродота Страбон (Пьянков, 1997. С. 10–11). Но даже если бы этих противоречий не было, 28 лет – совершенно нереальный срок для такого глубинного явления культуры, как звериный стиль, чтобы его освоить, переработать, перенести и в массовом объеме внедрить в инокультурную среду.

Помимо более чем спорной концепции изначальной «аниконичности» предшествующих культур (Раевский, 1983; 1985), чего вообще не бывает, есть забавная аналогия. Знаменитый норвежский лингвист, мифолог и фольклорист Суфус Бюгге объяснял происхождение эддических мифов из различных христианских и позднеантичных текстов. Получалось так, что викинги, ворвавшись в тот или иной монастырь, вместо того чтобы заняться привычными насилием и грабежом, бросались в монастырский скрипторий и там вздох читали латинские рукописи редчайших памятников и потом сочиняли мифы, в которых использовали приобретенную эрудицию (Стеблин-Каменский, 1976. С. 14). Вряд ли

скифы на Переднем Востоке, вместо обычного занятия всех гегемонов, прилежно изучали искусство Ахеменидов и Луристана, чтобы потом его внедрить в Причерноморье.

В 1977 г. была опубликована работа, в которой обстоятельства обнаружения клада из Саккыза подверглись критическому анализу (*Muscarella, 1977*). В момент открытия блеск сенсационных находок затмил собой вопрос об их документированности. Первые вещи из Зивие были найдены пастухами. Некоторые из них были проданы некоему ювелиру из Саккыза. Ювелир, в свою очередь, продал их антиквару из Хамадана, а последний привез их одному тегеранскому торговцу древностями. После этого несколько предметов попали в Тегеранский музей, где впервые была понята научная ценность этих находок (*Ghirschman, 1979. С. 9*).

Молва о находках из Зивие, за которые в столице платят большие деньги, вернулась к жителям саккызской округи. Поодиночке и группами вещи якобы из Зивие стали появляться на антикварных рынках, а некоторые из них попали в музеи и частные коллекции Европы и Америки. Тегеранский музей поручил одному из крупных антикваров провести «коммерческие» раскопки. Они длились три сезона. Раскопки, по существу, были грабительскими. Конъюнктура антикварного рынка способствовала тому, чтобы вещи, подлинное происхождение которых неизвестно, выдавались за происходящие из Зивие. Как показал О. Мускарелла, в комплексе Зивие оказались вещи, точное происхождение которых неизвестно. Относительно некоторых предметов, разошедшихся через скупщиков древностей по музеям и частным собраниям Европы и Америки, высказываются сомнения как в их происхождении из Зивие, так и в самой подлинности, поскольку отдельные из них оказались искусными современными подделками.

Работы Мускареллы вызвали резкое неприятие Р. Гиршмана, который, однако, не нашел каких-либо новых контраргументов. Опубликованные им фотографии крестьян с лопатами на склоне холма, изрытом небольшими ямами, конечно, не могут заменить документации раскопок. К тому же Р. Гиршман сам отметил, что «никогда на этом памятнике не было научных раскопок» (*Ibid. С. 29*). Надо сказать, что теория передневозосточного происхождения скифского звериного стиля и раньше вызывала возражения специалистов (*Barnett, 1956; Farkash, 1973; 1977; Фаркаш, 1992 и др.*).

Почти за 15 лет до Мускареллы сомнения в достоверности этих находок высказал Р. Дайсон, который проводил раскопки на поселении Хасанлу неподалеку от Зивие и в 1950–1960-х гг. неоднократно посещал тот холм, на котором якобы была обнаружена «скифская гробница». В 1956 г. Дайсон и его сотрудники попытались провести раскопки силами тех же местных жителей, которые снабжали находками известного тегеранского антиквара. Как пишет Дайсон, практика показала, что никто из этих людей не понимал природы культурных отложений. Они выкапывали небольшие квадраты по склону и на вопрос, почему они так копают, отвечали, что они так работают с 1947 г., когда был найден клад, и указали место его находки в глубокой промоине. В 1960 г. Р. Дайсон, Э. Порада и Э. Кантор нашли здесь несколько расписных черепков типа Хасанлу, но не нашли никаких следов «царской скифской гробницы» (*Dyson, 1963. С. 32–37; 1966*).

«Азию» Геродота разные авторы понимают по-разному. На основе анализа скифского языка С. В. Кулланда обобщил эти варианты следующим образом: «Теоретически Араксом, из-за которого пришли скифы, мог быть и современный Аракс, и Волга, и Урал, и Аму- или Сыр-Дарья, но, учитывая, что ближайшие родственники европейских скифов, саки, обитали в Средней Азии, первых, видимо, следует выводить из-за Волги (в широком смысле), а не из Передней Азии» (Кулланда, 2016. С. 37). Это тоже был вклад в укрепление второй гипотезы.

В основе исследования С. В. Куланды лежит лингвистический анализ сохранившейся и реконструируемой скифской лексики в сравнении с другими индоиранскими (и не только) древними языками. Методы лингвистической компаративистики – едва ли не самые точные из нечисловых методов в гуманитарных науках. Важным дополнением при этом является анализ текстов Геродота и других древних авторов. Анализ всей скифской культуры такими же точными средствами, как анализ языка, пока еще не придумали. Однако подход к анализу отдельных сегментов этой культуры давно наметился. В качестве примера можно привести метод сопоставления инвариантных элементов, присущих изображениям того или иного стиля (Шер, 1980). Для этого понадобится сначала составить «алфавит» первичных элементов звериного стиля, а затем методами позиционной статистики проследить их взаимовстречаемость в пространстве и времени. Такая «изокомпаративистика» может, например, помочь при поисках дописменных мифологических формул и сюжетов.

В исследовании других, не информационных, а физических элементов скифских культур интересные результаты дают естественнонаучные методы. За прошедшие десятилетия российская археология обогатилась методами, потенциал которых применительно к нашей теме раскрыт еще далеко не полностью либо вообще не раскрыт. Например, трудно назвать новинкой книгу Т. Б. Барцевой (Барцева, 1981). В ней нет цветных картинок курганного золота. Она наполнена цифровыми таблицами. Если же присмотреться к таблицам результатов спектрального анализа предметов скифской бронзы, найденных при раскопках разных лет в Поднепровье, можно обнаружить много интересного. Спектральный анализ раскрывает качественный и количественный химический состав сплава, из которого был изготовлен данный предмет. В составе каждого предмета различаются три части: а) основа, т. е. медь; б) намеренная прибавка (присадка, т. е. мышьяк, сурьма, олово и т. п.), а также в) рудные примеси, т. е. те элементы, которые при плавке перешли в изделие из руды. Обычно это редкоземельные элементы в очень малых долях – десятых и сотых процента, но для наших задач они самые важные. Это как отпечаток пальца: каждое месторождение имеет свой набор рудных примесей. При плавке они переходят в сплав. В книге Т. Б. Барцевой показано, что среди находок из Поднепровья, кроме предметов, сделанных из руды близкого происхождения, встречаются вещи, выплавленные по южноуральским, центральноазиатским, южносибирским и иным восточным рецептам. В основном это наконечники стрел и предметы конской узда. Вряд ли наконечники стрел, отлитые близ нынешнего Минусинска, могли прилететь сюда без своих владельцев. Это упрощенный пример, но суть ситуации реальна.

Можно также вспомнить об отдельных находках (о раннескифском зеркале, см. *Алексеев*, 2005. С. 161–167), о проблеме появления железного оружия у ранних кочевников Центральной Азии, о не вполне ясных признаках обработки железных акинаков, клевцов-чеканов и наконечников стрел при их украшении узорными аппликациями из листового золота (*Минасян*, 2014. С. 34, 94–98, 265–269). Оригинальна техника резьбы по золоту (Аржан 2). Такая технология не встречается западнее Южного Урала (Филипповка).

Почти до конца XX в. мы не располагали абсолютными датами скифских памятников Причерноморья, а тем временем количество дат по ^{14}C для восточных районов росло по экспоненте, уже перевалило за сотню и продолжает расти (*Зайцева и др.*, 1997; 2007; *Семенов и др.*, 1997). Абсолютных дат скифских памятников Причерноморья и Северного Кавказа несопоставимо мало для весомых выводов (*Алексеев*, 2003; *Алексеев и др.*, 2005. С. 122–128). Необходимо ускоренное накопление датировок по ^{14}C , включая AMS-технологии.

Умножаются палеогенетические данные о миграциях светловолосых, серо- и голубоглазых европеоидов по Великому Поясу Степей с Запада на Восток и обратно, начиная едва ли не с IV тыс. до н. э.: Средний Стог, ямная, афанасьевская, так называемая окуневская и андроновская культуры. В ряде публикаций А. Г. Козинцева приведены результаты исследований краниометрических и генетических данных по сериям из сотен черепов, происходящих из памятников эпохи бронзы и скифов. Они протянулись по степи от Западной Европы до Енисея и Саяно-Алтая. Скифы входили в среду европеоидов средиземноморского типа. В эту же группу попали т. н. «окуневцы», а также андроновцы Западного Казахстана и др. Одновременно заметны различия между степными и лесостепными скифами (*Козинцев*, 1998; 2000; 2007; 2008; 2009; 2010 и др.; *Козинцев, Селезнева*, 2015). О проникновении европеоидов в состав саянских ранних кочевников см. также: *Чикишева*, 2000. С. 140, 141; 2008. С. 134 и сл. Все эти данные вполне согласуются с результатами масштабных раскопок экспедиции А. А. Ковалева (*Древнейшие европейцы...*, 2014; 2015; *Ковалев и др.*, 2016 и др.).

В последние годы впервые к материалам из скифских курганов Саяно-Алтая и среднего Енисея стали применяться анализы соотношения изотопов свинца для бронзы и стронция для костей (*Капитонов и др.*, 2007; *Лохов и др.*, 2007). Они позволяют разделить смешанные группы там, где другие методы этого «не замечают». Кстати, московские коллеги давно и успешно пользуются изотопными исследованиями материалов из памятников эпохи бронзы юга России (*Н. И. Шишлина и др.*).

Появляются и новые данные, размывающие первую гипотезу как бы изнутри, и они дают «основания полагать, что носители материальной культуры, легшей в основу раннескифского комплекса, пришли в Предкавказье из Средней Азии, точнее из Предаралья» (*Кулланда*, 2016. С. 39), т. е. ведут к отказу от гипотезы об автохтонном сложении культуры скифов на основе культур эпохи бронзы юго-восточной Европы. Накапливаются и другие материалы, позволяющие предположить значительно более удаленный регион, где начиналось формирование скифской культуры, – Южную Сибирь.

Они уже давно фигурируют в находках и в публикациях, но не привлекают к себе должного внимания.

Становится ясно, что спор шел на разных основаниях. В то время как сторонники автохтонной гипотезы практически исчерпали свои аргументы, их оппоненты продолжают не только укреплять свою фактическую базу, но и приближаться к исторической истине. Она вырисовывается пока в целом так, что начиная с энеолита четыре тысячи лет пастухи-скотоводы, праиндоевропейцы, передвигались по степям с Запада на Восток. Они описали гигантскую петлю от Европы до Енисея, Саян и Алтая и уже как всадники двинулись обратно через Среднюю Азию, огибая Каспий с Севера и с Юга. Конечно, это не более чем первичная, грубая схема. Начиная свой путь, пастухи-скотоводы не знали географии. Они двигались в разных направлениях по мере истощения пастбищ, по древнекитайской формуле «в поисках воды и травы». Главное направление миграции было восточным, но имело и ответвления. Есть следы движения на юго-восток – через Кавказ и восточный Прикаспий на Иранское Плато (*Ghirshman*, 1977). Менее заметны, но есть следы миграций через Тянь-Шань, Памиро-Алай, Гиндукуш в долину Инда и обратно (*Бернштам*, 1952; 1956; *Jettmar*, 1972; 1979; 1989; *Литвинский*, 1972; 2000).

Подводя итог, можно сказать, что дискуссия, медленно угасая в своем первоначальном варианте, подтвердила несомненный приоритет миграционной гипотезы. Однако при этом получается частичный возврат к автохтонной гипотезе на новой основе. Ведь в самом деле, путь на Восток проходил через земли культур Средний Стог, ямная, афанасьевская и т. д. Естественно, мигранты увлекали за собой некоторое количество местных мужчин и особенно женщин. Об этом говорят парные захоронения, которые, правда, иногда трактуются как впускные. Назревают новые дискуссии. Думается, что необходимо более глубокое краниометрическое и палеогенетическое изучение женских черепов из могил мигрантов. Необходимо составление современной динамической (на основе ^{14}C) типологии находок. В 2010 г. Н. А. Аванесова в музее Самаркандского университета показывала нам с А. П. Франкфором фрагменты ямной керамики, найденные при раскопках. Были бы также полезны более тесные контакты с экспедицией CNRS под руководством К. Дебэн-Франкфор в Синцзяне. По мере накопления новых данных будут возникать новые проблемы.

Итак, следуя законам развития науки, одна дискуссия, угасая, порождает новые проблемы и новые дискуссии. Пожелаем новых успехов всем, кто занят этой интересной работой.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.*, 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ. 410 с.
- Алексеев А. Ю.*, 2005. Предскифское зеркало из Саркела // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: пам. В. С. Ольховского: сб. ст. М.: ИА РАН. С. 161–167.
- Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., ванн дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В.*, 2005. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза. 290 с.
- Археология: учебник / Под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 608 с.
- Барцева Т. Б.*, 1981. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепропское левобережье. М.: Наука. 127 с.

- Бернштам А. Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 344 с. (МИА; № 26.)
- Бернштам А. Н., 1956. Саки Памира // ВДИ. № 1. С. 121–134.
- Грантовский Э. А., 1998. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.: Наука. 343 с.
- Древнейшие европейцы в центре Азии: Чемурачский культурный феномен / Ред., сост. А. А. Ковалев. Ч. I. СПб.: ЛЕМА, 2014. 416 с.
- Древнейшие европейцы в центре Азии: Чемурачский культурный феномен / Ред., сост. А. А. Ковалев. Ч. II. СПб.: ЛЕМА, 2015. 416 с.
- Зайцева Г. И., Поснерт Й., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Семенов А. А., 1997. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Европейской Скифии // РИА. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 76–85.
- Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Кук Г. Т., Скотт Е. М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Юнгер Х., Соннинен Э., 2007. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза. С. 251–262.
- Зуев В. Ю., 1993. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р. Х. // ПАВ. № 6. С. 38–52.
- Иессен А. А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Вып. 3. XVIII. С. 14–21.
- Иессен А. А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР. С. 112–132.
- Капитонов И. Н., Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Боковенко Н. А., Зайцева Г. И., Хаврин С. В., Чугунов К. В., Скотт Е. М., 2007. Комплексные изотопные исследования бронзовых изделий скифской эпохи из разных памятников Центральной Азии // РИА. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 274–282.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатэр Д., Рукавишников И. В., 2016. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // АЭАЕ. № 1. С. 82–92.
- Козинцев А. Г., 1998. Происхождение и родственные связи скифов по данным антропологии // Скифы. Славяне. Хазары. Древняя Русь: междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. И. Артамонова: тез. докл. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 23–24.
- Козинцев А. Г., 2000. Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // АЭАЕ. № 3. С. 145–152.
- Козинцев А. Г., 2007. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // АЭАЕ. № 4. С. 143–157.
- Козинцев А. Г., 2008. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // АЭАЕ. № 4. С. 140–144.
- Козинцев А. Г., 2009. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. № 4. С. 125–136.
- Козинцев А. Г., 2010. Ранние индоевропейцы Сибири и Центральной Азии по данным антропологии // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс. С. 419–421.
- Козинцев А. Г., Селезнева В. И., 2015. Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 418–429.
- Куланда С. В., 2016. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 232 с.
- Литвинский Б. А., 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука. 269 с.
- Литвинский Б. А., 2000. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС. С. 277–295.
- Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Боковенко Н. А., Зайцева Г. И., Скотт Е. М., 2007. Состав стронция из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // РИА. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 263–273.
- Медведская И. Н., 2010. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.). История Мидийского царства. СПб.: Петербургское востоковедение. 262 с.

- Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа. 472 с.
- Пьянков И. В., 1997. Средняя Азия в античной историографической традиции. Источниковедческий анализ. М.: Изд. восточной литературы. 343 с.
- Раевский Д. С., 1983. Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства (К анализу предпосылок сложения скифского звериного стиля) // АСГЭ. Вып. 23. Л.: Искусство. С. 8–15.
- Раевский Д. С., 1985. К характеристике основных тенденции в истории скифского искусства // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.: Искусство. С. 27–35.
- Руденко С. И., 1961. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М.: Изд. восточной литературы. 88 с.
- Семенцов А. А., Зайцева Г. И., Герсдорф Й., Боковенко Н. А., Парцингер Г., Наглер А., Чугунов К. В., Лебедева Л. М., 1997. Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // РИА. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 86–93.
- Стеблин-Каменский М. И., 1976. Миф. Л.: Наука. 103 с.
- Фаркаш Э., 1992. Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. № 4. С. 195–204.
- Чикишева Т. А., 2000. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // АЭАЕ. № 4 (4). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 107–121.
- Чикишева Т. А., 2008. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // АЭАЕ. № 4 (36). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 120–139.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Шер Я. А., 1987. К вопросу о происхождении культур скифо-сибирского типа // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: тез. докл. всесоюзн., конф. Омск: Изд. ОмГУ. С. 166–169.
- Шер Я. А., 1998. О возможных истоках скифо-сибирского зверного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым. С. 218–230.
- Barnett H. R., 1956. The Treasure of Ziwiye // Iraq. Vol. XVIII. Pt. 2. P. 111–116.
- Bernard. P., 1976. A propos des bouterolles de fourreaux achemenides // Revue Archeologique. 2. P. 227–246.
- Dyson R., 1963. Archaeological Scrap. Glimpses of History at Ziwiye // Expedition. № 5, 3. P. 32–37.
- Dyson R., 1966. Test Excavation at Ziwiye, 1964 // American Journal of Archaeology. Vol. 70.
- Farkash A., 1973. Sarmatian Roundels and Sarmatian Art // Museum Metropolitan Journal. Vol. 8. P. 77–80.
- Farkash A., 1977. Interpreting scythian Art: East and West // Artibus Asiae. Vol. XXXIX. No. 2. P. 124–138.
- Ghirshman R., 1950. Notes Iraniens, IV. Le tresor de Sakkes, les origines de l'art mede et les bronzes du Luristan // Artibus Asiae. Vol. 13. No. 3. P. 181–206.
- Ghirshman R., 1977. L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden: E. J. Brill. 88 p.
- Ghirshman R., 1979. La tombe princiere de Ziwyé et le debut de l'art animalier scythe. Paris; London: E. J. Brill. 114 p.
- Godard A., 1950. Le tresor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem: J. Enschedé. 136 p.
- Godard A., 1951. A propos du tresor de Ziwiye // Artibus Asiae. Vol. 14. No. 3. P. 240–245.
- Jettmar K., 1972. Die Steppenulturen und die Indoiranier des Plateaus // Irania Antiqua. Vol. 9. P. 65–93.
- Jettmar K., 1979. Die zentralasiatische Entstehung des Tierstils // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. I. P. 145–158.
- Jettmar K., 1989. Animal style – a heraldic system in the Indus valley // Pakistan archaeology. No. 24. P. 257–277.
- Muskarella O., 1977. «Ziwiye» and Ziwiye: The Forgery of a Provenience // Journal of Field Archaeology. Vol. 4. No. 2. P. 197–213.
- Sher J. A., 1988. On the sources of the Scythic Animal Style // Arctic Anthropology. Vol. 25. No. 2. P. 47–59.

Сведения об авторе

Шер Яков Абрамович, д. и. н., профессор, e-mail: sher.yakov@mail.ru, sheryakov@mail.ru

Ya. A. Sher

IS THE DEBATE ABOUT ORIGIN OF THE SCYTHIANS, SCYTHIAN CULTURE AND THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE DYING OUT?

Abstract. The autochthonous version of the Scythians origin based on the Bronze Age cultures of the Eurasian steppes prevailed in Soviet archaeology and later in Russian archaeology for more than 70 years. A version on the Central Asian origin of the Scythians developed in parallel. Over the past 45 years the latter version has been reinforced substantially by new data on absolute chronology and paleogenetics. Against this background the initial debate has been dying out, with new and equally controversial issues related to a new paradigm of the Scythian origin coming to the foreground.

Keywords: Scythians, Scythian culture, Scythian animal style, genesis, autochthonous version, migration version.

REFERENCES

- Alekseev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vv. do n. e. [Chronography of European Scythia in VII–IV cc. BC]. St. Petersburg: GE. 410 p.
- Alekseev A. Yu., Bokovenko N. A., Vasil'ev S. S., Dergachev V. A., Zaytseva G. I., Kovalyukh N. N., Cook G., van der Plicht Y., Possnert G., Semenov A. A., Scott E. M., Chugunov K. V., 2005. Evraziya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkhologicheskaya khronologiya [Eurasia in Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology]. St. Petersburg: Teza. 290 p.
- Alekseev A. Yu., 2005. Predskifskoe zerkalo iz Sarkela [Pre-Scythian mirror from Sarkel]. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya: Pamyati V. S. Ol'khovskogo* [Antiquities of Eurasia: from Early Bronze Age to early Middle Ages: In memory of V. S. Ol'khovskiy]. Moscow: IAN RAN, pp. 161–167.
- Arkheologiya: uchebnik [Archaeology: manual]. V. L. Yanin, ed. Moscow: MGU, 2012. 608 p.
- Barnett H. R., 1956. The Treasure of Ziwiye. *Iraq*, vol. XVIII, pt. 2, pp. 111–116.
- Bartseva T. B., 1981. Tsvetnaya metallobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoe Dneprovskoe levoberezh'e [Non-ferrous metalwork of Scythian time. Dnieper left bank forest-steppe]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Bernard. P., 1976. A propos des bouterolles de fourreaux achemenides. *Revue Archeologique*, 2, pp. 227–246.
- Bernshtam A. N., 1952. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Al'taya [Historical-archaeological essays of Central Tien Shan and Pamir-Altai]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 344 p. (MIA, 26.)
- Bernshtam A. N., 1956. Saki Pamira [The Saki of Pamir]. *VDI*, 1, pp. 121–134.
- Drevneyshie evropeytsy v tsentre Azii: Chemurchekskiy kul'turnyy fenomen [Earliest Europeans in centre of Asia: Chemuechek cultural phenomenon], I. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: LEMA, 2014. 416 p.
- Drevneyshie evropeytsy v tsentre Azii: Chemurchekskiy kul'turnyy fenomen [Earliest Europeans in centre of Asia: Chemuechek cultural phenomenon], II. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: LEMA, 2015. 416 c.
- Dyson R., 1963. Archaeological Scrap. Glimpses of History at Ziwiye. *Expedition*, 5, 3, pp. 32–37.
- Dyson R., 1966. Test Excavation at Ziwiye, 1964. *American Journal of Archaeology*, 70.
- Farkash A., 1973. Sarmatian Roundels and Sarmatian Art. *Museum Metropolitan Journal*, 8, pp. 77–80.
- Farkash A., 1977. Interpreting Scythian Art: East and West. *Artibus Asiae*, vol. XXXIX, no. 2, pp. 124–138.
- Farkash E., 1992. Iskusstvo kochevnikov v muzeyakh SSHA [Art of nomads in museums of the USA]. *VDI*, 4, pp. 195–204.
- Ghirshman R., 1950. Notes Iraniens, IV. Le tresor de Sakkes, les origines de l'art mede et les bronzes du Luristan. *Artibus Asiae*, vol. 13, no. 3, pp. 181–206.

- Ghirshman R., 1977. L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden: E. J. Brill. 88 p.
- Ghirshman R., 1979. La tombe princiere de Ziwyé et le debut de l'art animalier scythe. Paris/London, E. J. Brill, 114 p.
- Godard A., 1950. Le tresor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem: J. Enschedé. 136 p.
- Godard A., 1951. A propos du tresor de Ziwiye. *Artibus Asiae*, vol. 14, no. 3, pp. 240–245.
- Iessen A. A., 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII–VII vv. do n. e. na yuge evropeyskoy chasti SSSR (Novocherkasskiy klad 1939 g.) [On problem of sites of VIII–VII cc. BC in south of European part of the USSR (Novocherkassk treasure of 1939)]. *SA*, 3. XVIII, pp. 14–21.
- Iessen A. A., 1954. Nekotorye pamyatniki VIII–VII vv. do n. e. na Severnom Kavkaze [Some sites of VIII–VII cc. BC in North Caucasus]. *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology]*. Moscow: AN SSSR, pp. 112–132.
- Jakobson E., 1985. Mountains and Nomads: A Reconsideration of the Origins of Chinese Landscape Representation. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*, 57, pp. 133–180.
- Jakobson E., 1988. Beyond the Frontier. A Reconsideration of Cultural Interchange between China and Early Nomads. *Early China*, 13, pp. 201–240.
- Jakobson E., 1995. The Art of the Scythians... Leiden: E. J. Brill. 215 p.
- Jettmar K., 1972. Die Steppenulturen und die Indoiranier des Plateaus. *Iranica Antiqua*, 9, pp. 65–93.
- Jettmar K., 1979. Die zentralasiatische Entstehung des Tierstils. *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*, I, pp. 145–158.
- Jettmar K., 1989. Animal style – a heraldic system in the Indus valley. *Pakistan archaeology*, 24, pp. 257–277.
- Kapitonov I. N., Lokhov K. I., Berezhnaya N. G., Matukov D. I., Bokovenko N. A., Zaytseva G. I., Khavrin S. V., Chugunov K. V., Scott E. M., 2007. Kompleksnye izotopnye issledovaniya bronzovykh izdeliy skifskoy epokhi iz raznykh pamyatnikov Tsentral'noy Azii [Complex isotope investigations of bronze items of Scythian epoch from different sites of Central Asia]. *RIA*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 274–282.
- Kovalev A. A., Erdenebaater D., Rukavishnikova I. V., 2016. Sostav i kompozitsiya sooruzheniy ritual'nogo kompleksa s olennymi kamnyami Ushkiyn-Uver (po rezul'tatam issledovaniy 2013 goda) [Structure and composition of constructions of ritual character complex with deer-stones Ushkiyn-Uver (based on results of 2013 investigations)]. *AEAE*, 1, pp. 82–92.
- Kozintsev A. G., 1998. Proiskhozhdenie i rodstvennye svyazi skifov po dannym antropologii [Origins and blood relations of Scythians based on data of anthropology]. *Skify. Slavyane. Khazary. Drevnyaya Rus': mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Artamonova: tezisy dokladov [Scythians. Slavs. Khazars. Ancient Rus: international conference, dedicated to centenary of M. I. Artamonov: abstracts]*. St. Petersburg: GE, pp. 23–24.
- Kozintsev A. G., 2000. Ob antropologicheskikh svyazyakh i proiskhozhdenii prichernomorskikh skifov [On anthropological connections and origins of Pontic Scythians]. *AEAE*, 3, pp. 145–152.
- Kozintsev A. G., 2007. Skify Severnogo Prichernomor'ya: mezhrupponnye razlichiya, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie [Scythians of North Pontic zone: inter-group differences, external relations, origins]. *AEAE*, 4, pp. 143–157.
- Kozintsev A. G., 2008. Tak nazyvaemye sredizemnomortsy Yuzhnoy Sibiri i Kazakhstana, indoevropeyskie migratsii i proiskhozhdenie skifov [So-called Mediterraneans of South Siberia and Kazakhstan, Indo-European migrations and origins of Scythians]. *AEAE*, 4, pp. 140–144.
- Kozintsev A. G., 2009. O rannikh migratsiyakh evropeoidov v Sibir' i Tsentral'nyuyu Aziyu (v svyazi s indoevropeyskoy problemoy) [On early migrations of Caucasoids to Siberia and Central Asia (in relation to Indo-European problem)]. *AEAE*, 4, pp. 125–136.
- Kozintsev A. G., 2010. Rannie indoevropeytsy Sibiri i Tsentral'noy Azii po dannym antropologii [Early Indo-Europeans of Siberia and Central Asia based on data of anthropology]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy [Culture as a system in historic context: experience of West-Siberian archaeological-ethnographic meetings]*. Tomsk: Agraf-Press, pp. 419–421.
- Kozintsev A. G., Selezneva V. I., 2015. Vtoraya volna migratsii evropeoidov v Yuzhnyuyu Sibir' i Tsentral'nyuyu Aziyu (k voprosu ob indoiranskom komponente v okunevskoy kul'ture) [Second wave of Caucasoids' migration to South Siberia and Central Asia (on problem of Indo-Iranian component in Okunevo culture)]. *Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN*

- v 2014 g. [Radlov collected articles. Scientific investigations and museum projects of MAE RAS in 2014.]. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 418–429.
- Kullanda S. V., 2016. Skify: yazyk i etnogenez [Scythians: language and ethnic genesis]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 232 p.
- Litvinskiy B. A., 1972. Drevnie kochevniki «Kryshi mira» [Ancient nomads in «World's roofing»]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Litvinskiy B. A., 2000. Mednye kotelki iz Indostana i Pamira (drevnie svyazi dvukh regionov) [Copper cauldrons from Indostan and Pamir (ancient relations of two regions)]. *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* [Archaeology, palaeoecology and palaeodemography of Eurasia]. Moscow: GEOS, pp. 277–295.
- Lokhov K. I. Berezhnaya N. G., Matukov D. I., Bokovenko N. A., Zaytseva G. I., Scott E. M., 2007. Sostav strontsiya iz drevnikh zakhoroneniy Sayano-Altaya kak indikator mesta prozhivaniya i migratsii [Structure of strontium from ancient burials of Sayan-Altai as indicator of residence place and migration]. *RiA*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 263–273.
- Medvedskaya I. N., 2010. Drevniy Iran nakanune imperiy (IX–VI vv. do n. e.). Istoriya Midiyskogo tsarstva [Ancient Iran on the eve of empires (IX–VI cc. BC). History of Median Kingdom]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 262 p.
- Muskarella O., 1977. «Ziwiye» and Ziwiye: The Forgery of a Provenience. *Journal of Field Archaeology*, vol. 4, no. 2, pp. 197–213.
- P'yankov I. V., 1997. Srednyaya Aziya v antichnoy istoriograficheskoy traditsii. Istochnikovedcheskiy analiz [Central Asia in Antique historiographic tradition. Source analysis]. Moscow: Izdanie vostochnoy literatury. 343 p.
- Raevskiy D. S., 1983. Antropomorfnye i zoomorfnye motivy v repertuare ranneskifskogo iskusstva (K analizu predposylok slozheniya skifskogo zverinogo stilya) [Anthropomorphic and zoomorphic motifs in repertory of early Scythian art (Toward analysis of preconditions of formation of Scythian animal style)]. *ASGE*, 23. Leningrad: Iskustvo, pp. 8–15.
- Raevskiy D. S., 1985. K kharakteristike osnovnykh tendentsii v istorii skifskogo iskusstva [On characteristic of main trends in historiography of Scythian art]. *Khudozhestvennye pamyatniki i problemy kul'tury Vostoka* [Monuments of art and problems of culture of Orient]. Lenngrad: Iskustvo, pp. 27–35.
- Rudenko S. I., 1961. Iskustvo Altaya i Peredney Azii (seredina I tysyacheletiya do n. e.) [Art of Altai and Front Asia (mid I millennium BC)]. Moscow: Izdanie vostochnoy literatury. 88 p.
- Sementsov A. A., Zaytseva G. I., Gersdorf Y., Bokovenko N. A., Parzinger H., Nagler A., Chugunov K. V., Lebedeva L. M., 1997. Voprosy khronologii pamyatnikov kochevnikov skifskoy epokhi Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Problems of chronology of sites of Scythian epoch nomads in South Siberia and Central Asia]. *RiA*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 86–93.
- Sher J. A., 1988. On the sources of the Scythic Animal Style. *Arctic Anthropology*, vol. 25, no. 2, pp. 47–59.
- Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Sher Ya. A., 1987. K voprosu o proiskhozhdenii kul'tur skifo-sibirskogo tipa [On problem of origins of cultures of Scythian-Siberian type]. *Istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova: tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii* [Historic readings in memory of M. P. Gryaznov: abstracts of All-Union conference]. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 166–169.
- Sher Ya. A., 1998. O vozmozhnykh istokakh skifo-sibirskogo zverinogo stilya [On probable sources of Scythian-Siberian animal style]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Problems of Kazakhstan archaeology], 2. Almaty; Moscow: Gylym, pp. 218–230.
- Zaytseva G. I., Possnert Y., Alekseev A. Yu., Dergachev V. A., Sementsov A. A., 1997. Radiouglerodnye daty klyuchevykh pamyatnikov Evropeyskoy Skifii [Radiocarbon dates of key sites of European Scythia]. *RiA*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 76–85.
- Zaytseva G. I., Chugunov K. V., Alekseev A. Yu., Dergachev V. A., Vasil'ev S. S., Cook G. T., Scott E. M., van der Plicht H., Bokovenko N. A., Kul'kova M. A., Burova N. D., Lebedeva L. M., Junger H., Sonninen E., 2007. Istoriya i rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniya kurgana Arzhan [History and results of radiocarbon dating of kurgan Arzhan]. *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh* [Radiocarbon in archaeological and palaeoecological investigations]. St. Petersburg: Teza, pp. 251–262.

Zuev V. Yu., 1993. Izuchenie zhabotinskikh gravirovok i problema razvitiya zverinogo stilya v evropeyskoy Skifii na rubezhe VII–VI vv. do R. Kh. [Investigation of Zhabotin engravings and problem of development of animal style in European Scythia at turn of VII–VI cc. BC]. *PAV*, 6, pp. 38–52.

About the author

Sher Yakov A., Dr. of Science, Professor; e-mail: sher.yakov@mail.ru, sheryakov@mail.ru

Д. Г. Савинов

НУКЛЕАРНОЕ ИСКУССТВО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Резюме. Основная цель данной статьи – дополнительное обоснование центральноазиатской теории происхождения искусства звериного стиля. Для этого предлагается последовательность изучения составляющих его изображений по схеме: объект (природное окружение) – субъект (человек) – вид изображаемого животного – материал – мотив – образ – стиль – семантика – композиция. Особое внимание уделяется резьбе (по коже, войлоку, кости, дереву) как предположительно доминирующей форме изобразительной деятельности создателей звериного стиля. Выявляются основные компоненты его сложения в Центральной Азии – карасукский, сейминско-турбинский и «китайский». Обосновывается разделение аржаномайэмирского (раннего) этапа развития звериного стиля на две хронологические и стилистические группы – собственно аржанскую (VIII–VII вв. до н. э.) и майэмирскую (VII–VI вв. до н. э.), с последующим продвижением ее на Запад. Приводятся примеры реминисценций начального этапа развития звериного стиля в более поздних произведениях скифского искусства.

Ключевые слова: звериный стиль, Центральная Азия, изобразительная деятельность, резьба, образ, семантика, композиция.

Нуклеарным искусством звериного стиля (от лат. *nucleus* – ядро) можно назвать начальную фазу его формирования, когда на рубеже эпохи поздней бронзы и раннескифского времени в изображениях животных образовался удивительный сплав содержательных, стилистических и семантических элементов, представляющий одно из самых ярких явлений в культуре степных народов Евразии. В дальнейшем, в связи с различного рода историческими событиями, нуклеарное искусство звериного стиля испытало влияние со стороны художественных школ многих соседних цивилизаций – ассирийской, ионийской, древнегреческой, ахеменидской, что, во-первых, значительно усложнило репертуар, композиционные и стилистические особенности подобного рода изображений; во-вторых, в известной мере заслонило собой начальные формы его образования. Как сколы от палеолитического нуклеуса, от него отделялись многочисленные пластины – образы, наполненные новым содержанием, стилистикой и подчас уже далекие от оригинала.

Историография исследований скифского (скифо-сакского, или, учитывая его широкое распространение, скифо-сибирского) звериного стиля очень обширна.

В наиболее сконцентрированном виде круг вопросов, связанных с его изучением, отражен в материалах специально посвященных этому совещаний и симпозиумов (см.: сборник «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии». М., 1976; а также многочисленные статьи в периодических изданиях: Народы Азии и Африки. 1980. № 5, 6; КСИА. 1993. Вып. 207; СА. 1992. № 3; 1993. № 2; 1994. № 1). Научный семинар 2016 г. «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции» является естественным продолжением изучения этого феномена степной цивилизации.

Уже около сорока лет назад в одном из первых обсуждений дискуссионных проблем отечественной скифологии на страницах журнала «Народы Азии и Африки» В. А. Ильинская говорила о том, что для какого-либо их положительного решения «требуется конкретно установить, какие именно черты могут быть отнесены на счет непосредственного развития местных предскифских форм Северного Причерноморья, какие свойственны более широкому культурному ареалу, какие по своему происхождению связаны с проникновением из глубинных районов Азии, а какие восприняты в результате скифских походов через Кавказ в Переднюю Азию» (Ильинская, 1980. С. 123). Все последующие исследования показали, что общая тенденция в выявлении глубинных истоков звериного стиля как одного из важнейших компонентов т. н. «скифской триады» постепенно, но явственно сдвигается с Запада – Передняя Азия (в контексте сведений письменных источников о переднеазиатском периоде господства скифов) – на Восток – Центральная Азия (главным образом в связи с открытием здесь более ранних, по сравнению с переднеазиатскими, археологических памятников с изображениями звериного стиля).

Исторически сложилось три основных теории происхождения искусства звериного стиля: две из них моноцентрические (переднеазиатская и центральноазиатская) и одна полицентрическая. Ни одна из них не опровергает другую, так как они относятся к разным этапам развития звериного стиля и строятся на различных основаниях (наподобие параллельных путей, ведущих к одному пункту назначения). Каждая из этих теорий имеет свои сильные стороны (представляющие суть соответствующей аргументации), о которых уже сказано достаточно много. Вместе с тем в каждой из них имеются и свои слабые стороны, на которые хотелось бы обратить внимание.

В наиболее разработанной переднеазиатской теории (М. И. Артамонов, Д. С. Раевский, М. Н. Погребова, Н. Л. Членова, И. В. Яценко и др.) вызывает возражение излишне жесткая привязка решения проблемы происхождения звериного стиля к сведениям письменных источников о периоде пребывания скифов в Передней Азии. Отсюда неоправданное омоложение появления звериного стиля, особенно в восточных районах его распространения. Кроме того, это никак не касается двух других компонентов скифской триады (оружие, снаряжение верхового коня). Центральноазиатская теория (А. И. Тереножкин, Я. А. Шер, Э. А. Новгородова, Г. Н. Курочкин и др.) в свете, бесспорно, опережающей хронологии памятников с произведениями звериного стиля в Центральной Азии отличается излишней декларативностью и, по мнению ее сторонников, не требует особых доказательств. Но ведь надо не только указать, но и доказать.

Полицентрическая теория, созданная в духе формационного подхода к изучению истории развития общества, как бы вообще отказывается от решения данного вопроса; неважно, в каком виде она представлена – «аржано-черноротовской фазы», по М. П. Грязнову (1983), или «скифо-сибирского культурно-исторического единства», по А. И. Мартынову (1980). В том и другом случае искусство звериного стиля как неотъемлемая составляющая всех культур скифского типа появляется «везде и нигде», вне каких-либо культурно-исторических процессов (наподобие известного выражения Ф. Энгельса об относящейся к тому же периоду военной демократии, «когда каждый мужчина в племени был воином»).

Вместе с тем нельзя не отметить, что по мере накопления нового материала острота выражения переднеазиатской теории постепенно снижается. Так, в статье М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского с очень показательным названием «“Уйгаракский аргумент” в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи» авторы, детально анализируя луристанские истоки формирования отдельных образов звериного стиля, приходят к выводу о том, что уже «сама быстрота распространения по евразийским степям элементов скифоидной материальной культуры, в том числе звериного стиля, свидетельствует об определенном единстве кочевого мира на всей этой территории» (Погребова, Раевский, 2001. С. 52), т. е. к выводу, фактически близкому к обоснованию полицентрической теории.

Н. Л. Членова, пожалуй самый активный и бескомпромиссный сторонник ближневосточных истоков звериного стиля, после рассмотрения изображений Корсуковского клада в Прибайкалье вынуждена была признать, что «в Восточной Сибири, где-то неподалеку от тайги, существовала особая область звериного стиля уже в VII–VI вв. до н. э.» (Членова, 2001. С. 64), т. е. «поблизости» от тех мест, где предположительно располагается центрально-азиатский очаг звериного стиля. При этом подробно проиллюстрированное положение Н. Л. Членовой о сходстве компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира», включая и ранние изображения звериного стиля, также наиболее близко к полицентрическому (Членова, 1993).

На наш взгляд, с методической точки зрения правильнее ставить вопрос не о происхождении звериного стиля как такового (в разные периоды составляющие его компоненты могли быть различными), а о выделении его первоначальной основы, дальнейшем развитии и обогащении характеризующих его образов и композиций. По характеру стоящих за этим культурно-исторических процессов это более всего соответствует идеям диффузионизма и специально – теории построения культурных кругов (или принципам ареальных исследований) с их последовательным смещением во времени и в пространстве, а также выделением центра и периферии для каждого такого круга. Последнее обстоятельство (в рамках полицентрической теории) уже было отмечено Е. В. Переводчиковой (1989). При таком подходе все многообразие произведений скифо-сибирского звериного стиля раскрывается в динамике его развития: от самых ранних образцов до всех последующих форм поэтапной модификации.

Опорными датами при этом могут служить: на Востоке – датировка кургана Аржан-1 в Туве, рубеж IX–VIII вв. до н. э., или 810–770 гг. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху..., 2005. С. 102); на Западе – датировка Келермесской группы

курганов, третья четверть VII в. до н. э., или 660–640 гг. до н. э. (Галанина, 1997. С. 19). Последняя дата на одном хронологическом срезе приблизительно соответствует времени сооружения кургана Аржан-2 – середина VII в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху..., 2005. С. 137). Таким образом, общее время распространения раннескифского культурного комплекса, в том числе и присущего ему звериного стиля, составляет от 120 до 150 лет (с учетом «скользящей хронологии» – по мере заполнения этого культурного пространства). Самым первым, восточным, культурным кругом в этом ряду следует считать центральноазиатский (точнее, Саяно-Алтае-Хангайский) как начальную область появления нуклеарного искусства звериного стиля.

Исходную модель его формирования можно представить в виде схемы, внешне напоминающей песочные часы, с «перетеканием» отдельных природных объектов, а именно отдельных видов животных, в осмысленные многофигурные композиции. Основные составляющие данной модели, логически и поступательно демонстрирующие последующие ступени этого процесса: мотив – образ – семантика – стиль – композиция (рис. 1).

Рис. 1. Основные аспекты изучения нуклеарного звериного стиля

Блок ее исходных компонентов образуют природное окружение (объект) и действующий в этой среде человек (субъект). В качестве объекта изображения избираются определенные виды животных, скорее всего уже каким-то образом связанные с иррациональной сферой представлений. В раннескифском зверином стиле в этом качестве выступают, как правило, представители местной горно-степной фауны: олень, кабан, козел или горный баран, кошачий хищник (пантера или снежный барс); возможно, несколько позже – лошадь и волк. Каждый из этих видов животных, взятых по отдельности, образует мотив как единицу сюжетного развития (здесь и далее расшифровка приводимых терминов по: *Королькова*, 1996). Многократное воспроизведение мотива перерастает в образ, в котором единство формы и содержания (индивидуального и общего) демонстрирует более высокий уровень осмысления. Каждый такой образ обладает определенной семантикой, т. е. внутренним значением, понятным как исполнителям данного изображения, так и его реципиентам.

Изобразительное воплощение животного образа возможно в разных материалах, по поводу чего существуют различные точки зрения (*Членова*, 1971; *Минасян*, 1988; *Савинов*, 1999). Согласно предположению М. П. Грязнова, убедительно и талантливо проиллюстрированному, изображения оленей на оленных камнях разных типов наносились краской, что и определило их стилистические особенности (*Грязнов*, 1984). Однако красочное (живописное) искусство в принципе не было характерно для кочевников. Логичнее предположить, что в их изобразительной деятельности употреблялись в первую очередь органические материалы (кожа, войлок, кость, дерево), находившиеся «под руками». Соответственно, основным способом придания им художественной формы была резьба (фигурная резьба из кожи, войлочные аппликации, резьба по кости, дереву и пр.). В таком случае и виртуозно исполненные фигуры стоящих и «летающих» оленей на оленных камнях могли быть сначала вырезаны из кожи (по какому-то трафарету?), а уж потом нанесены на камень.

О значении искусства резьбы в скифской металлопластике еще раньше писал Р. С. Минасян, подробно рассматривавший технику изготовления предметов торевтики: «...итак, мы можем заключить, что техника резьбы по дереву и кости оказала значительное влияние на формирование особенностей скифской художественной металлообработки уже в VIII–VII вв. до н. э., а скорее всего и несколько ранее» (*Минасян*, 1988. С. 57). В этом отношении интересно также наблюдение О. Б. Варламова, по мнению которого фигурка свернувшегося хищника на одном из бронзовых топоров раннескифского времени, найденном в Прибайкалье, первоначально (в виде модели) была сделана из кожи «путем последовательного наложения одних плоских элементов на другие» – художественно-технический прием, который он определил как «накладной барельеф» (*Варламов*, 1995. С. 151). Можно предполагать, что подобным образом могли изготавливаться и другие бронзовые изделия этого времени.

Значение вырезных кожаных и войлочных изделий, искусство аппликации и художественной резьбы по дереву лучше всего демонстрируют замечательные находки из более поздних курганов с мерзлотой на Горном Алтае (пазырыкская культура). Можно себе представить, насколько богаче и разнообразнее выглядела бы культура кочевников, если бы и в других погребениях

знати существовали такие же условия сохранности изделий из органических материалов!

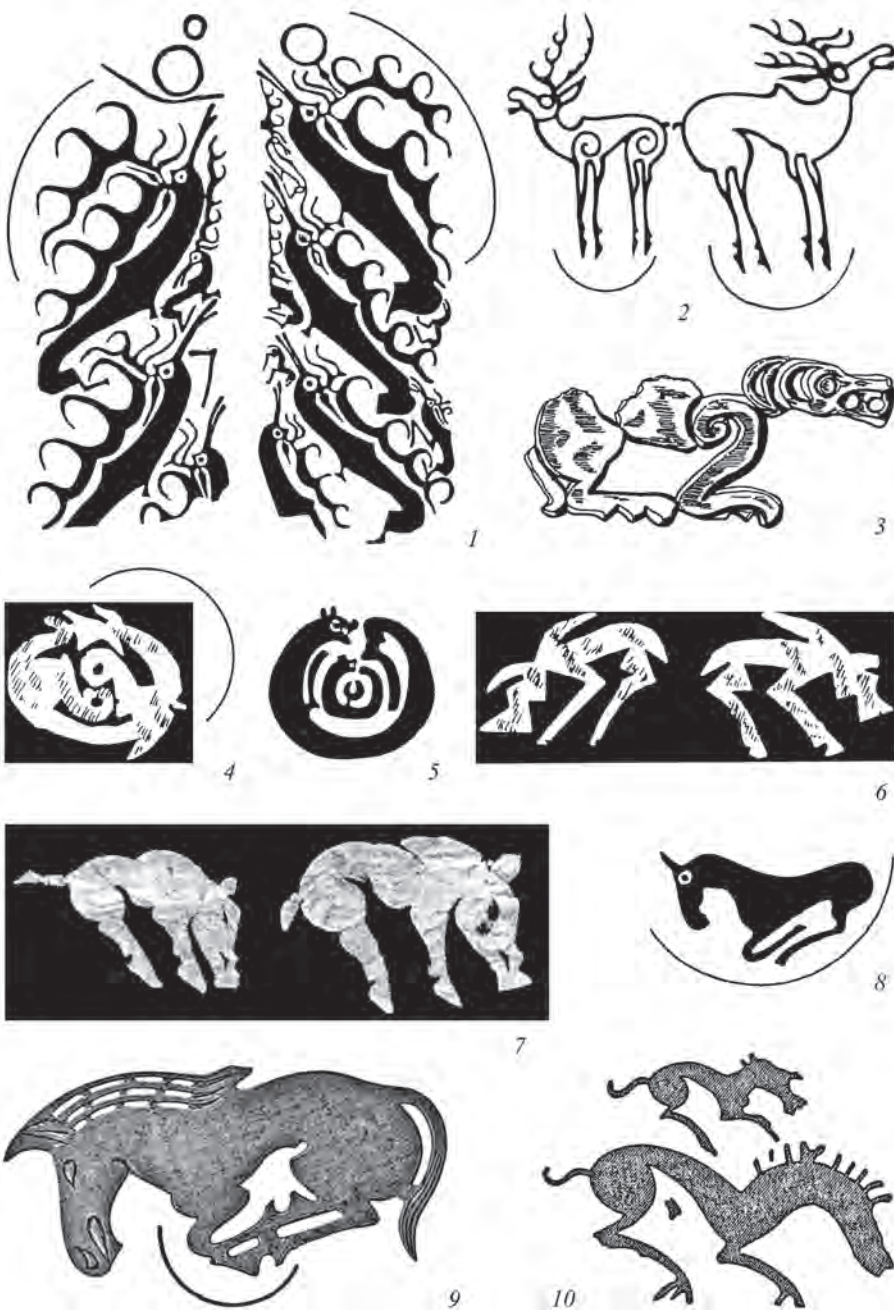
Именно благодаря искусству резьбы, передаваемому из поколения в поколение, достигалось удивительное изящество ранних изображений звериного стиля: в передаче ажурной сетки рогов «летающих» оленей на оленных камнях монголо-забайкальского типа, поставленных на «пуанты» с вырезными копытцами стоящих оленей на оленных камнях саяно-алтайского типа, фигур свернувшихся хищников, кабанов с клыками и взъерошенными загривками, лежащих лошадей с подогнутыми, но не сомкнутыми ногами и др. (рис. 2). Можно с уверенностью сказать, что сама пластика резных изображений из органических материалов (кожи, войлока и др.) диктовала стилистические особенности раннего этапа развития звериного стиля.

Блок интерпретационных аспектов изучения нуклеарного искусства звериного стиля включает три взаимосвязанных компонента: стиль, семантика, композиция. Семантика конкретного образа определяется видом изображаемого животного, избранного в виде мотива, путем многократного воплощения, переходящего в образ, переданный в определенной стилистической манере. При этом понятие стиля является не только изобразительной формой, но и средством выражения внутреннего содержания данного образа, т. е. семантики. Иначе говоря, для передачи (воплощения) смысла изображения (образа) необходимо исполнение его в определенной стилистической манере. В противном случае он не будет узнаваемым и востребованным в данном качестве. В этом отношении понятия семантики и стиля тесно взаимосвязаны: одно определяет другое и наоборот.

Сочетание, а чаще всего, повторяемость тех или иных образов, связанных последовательностью действия, в нуклеарном искусстве звериного стиля образует сюжетную композицию, являющуюся, таким образом, уже частью мифологического пространства (по отношению к понятиям объекта – субъекта). Сами композиции чаще образуются путем линейного (вертикального или горизонтального), а также кругового расположения однотипных фигур животных, символизирующих их множественность, и, судя по всему, связаны с реализацией идеи реинкарнации или жертвоприношения (Савинов, 2012).

Все фигуры животных нуклеарного звериного стиля выполнены вполне реалистично; элементы некоторой стилизации касаются только семантически наиболее значимых деталей изображения. От более поздних произведений звериного стиля их отличает полное отсутствие какого-либо внешнего влияния. Нет изображений фантастических персонажей (грифонов и пр.) и сложных композиций типа «борьбы зверей». Редко используются метонимии (замещение одного образа другими и придания ему более глубокого содержания соединением черт различных животных в одном изображении), еще реже – редуцирование – упрощение, сведение к более простому изобразительному решению (по принципу «часть вместо целого» – *pars pro toto*).

В целом изобразительная «палитра» нуклеарного искусства звериного стиля достаточно лаконична, больше оперирует контуром, силуэтом, чем дополнительными деталями изображений. Оно в значительно большей степени подчинено передаче устоявшихся стереотипов изображаемых фигур, имеющих определенное смысловое значение, нежели поискам новых композиционных и художественных

решений. Хотя и в этом искусстве есть непревзойденные со всех точек зрения образцы.

Вопрос о происхождении нуклеарного искусства звериного стиля еще далек от своего разрешения. До сих пор у сторонников центральноазиатской теории, несмотря на интенсивные поиски в этом направлении, нет убедительных примеров реальных прототипов изображений раннего этапа искусства звериного стиля в памятниках предшествующего времени. Создается впечатление, что оно появилось в уже сложившемся виде без какого-либо предшествующего генезиса. Подобная ситуация возможна при условии «разового» возникновения того или иного элемента культуры, затем получающего широкое распространение практически в том же первозданном виде. Такое явление культуры – а в данном случае это ранние образцы звериного стиля – могло аккумулировать различные исходные компоненты, сочетание которых оказалось наиболее благоприятным в данный исторический период. В числе таких наиболее вероятных компонентов – предшественников нуклеарного звериного стиля – можно назвать карасукские бронзы, сейминско-турбинскую изобразительную традицию, а также заметное влияние со стороны Чжоуского Китая, контаминация которых, по всей вероятности, и привела к появлению нуклеарного искусства звериного стиля.

Из названных компонентов наиболее очевидный – карасукский. Многие из ножей и кинжалов эпохи поздней бронзы, найденных в Монголии, Забайкалье и соседних пограничных провинциях Северного и Западного Китая, украшены головками горных козлов и баранов (рис. 3, 3–6). Манера передачи их – очерчивание выпуклыми валиками глаз и ноздрей, круто изогнутый рог – такая же, как на навершиях с фигурками стоящих баранов из кургана Аржан-1 в Туве, изображениях выемчато-эфесовых кинжалов на оленных камнях монголо-забайкальского типа, отдельных находках этого времени из Монголии и др. (рис. 3, 1, 2). Стилистическое сходство между ними настолько велико, что как будто стирается грань в археологической периодизации памятников, откуда они происходят. Очевидно, что в данном случае речь идет об одной непрерывной, долго действующей традиции в художественном оформлении подобного рода предметов/изображений. Показательно, что именно эти признаки в манере передачи образа животных были названы Я. А. Шером как одни из определяющих для самого раннего (аржано-майэмирского) этапа развития звериного стиля.

Другой компонент, также уже привлекавший к себе внимание в плане генезиса скифо-сибирского звериного стиля (*Парцингер*, 2000; *Савинов*, 2000; *Бобров*, *Моор*, 2011), – сейминско-турбинский. Поистине континентальное –

**Рис. 2. Примеры резьбы и отражения техники резьбы
в ранних изображениях звериного стиля**

1 – Иволгинский оленный камень, Забайкалье (по А. П. Окладникову); 2 – Аржан-1, Тува, оленный камень (по М. П. Грязнову); 3 – Карбан-1, Горный Алтай (по А. П. Бородовскому); 4, 6 – Колок, Минусинская котловина (по М. Н. Пшеницыной, А. С. Полякову); 5 – Кош-Пей, Тува, оленный камень (по Л. С. Марсадолову); 7 – Чиликты, Восточный Казахстан (по С. С. Черникову); 8 – Кокорю, Горный Алтай, оленный камень (по Д. Г. Савинову); 9 – Аржан-2, Тува (по К. В. Чугунову); 10 – Тигей, Минусинская котловина, рисунок на плите тагарского кургана (по В. Н. Седых)

от Западного Причерноморья до Северного Китая, с предполагаемым центром производства в районах Западного Алтая и Восточного Казахстана (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 247–255) – распространение сейминско-турбинских бронзовых изделий, несомненно, сыграло роль мощного катализатора в развитии всех скотоводческих обществ. Сейминско-турбинская (сокращенно – сейминская) модель вооружения надолго определила типологические особенности и характер оформления подобного рода предметов. С этой точки зрения обращает на себя внимание, что некоторые изделия раннескифского времени несут на себе отражение сейминской изобразительной традиции. Таких примеров немного, но они достаточно выразительны.

Так, бронзовый кинжал из Монгун-Тайги (Юго-Западная Тува) с перекрестием-«усиками» с шишечками на концах, типологически наиболее близкий кинжалам из кургана Аржан-1, украшен двумя схематическими фигурками идущих друг за другом лошадей (рис. 3, 2) (*Чугунов*, 1977) – явная реплика наверший известных парадных ножей с фигурками идущих друг за другом животных (в одном случае баранов, в другом – лошадей) из сейминско-турбинских могильников (рис. 3, 7, 8). То же самое можно сказать об оформлении очевидно несколько более позднего кинжала из Новопятницкого клада (Красноярский музей) с навершием в виде идущих друг за другом животных, предположительно, лошадей (?) (*Бобров, Моор*, 2011. Рис. 1).

Обращает на себя внимание еще одна специфическая деталь в изображениях лошадей: вертикально постриженная грива с нависающей челкой – стилистический прием, справедливо считающийся характерной особенностью сейминской изобразительной традиции (*Пяткин, Миклашевич*, 1990). Подобная передача гривы в степном искусстве Евразии имела широкое распространение. Помимо бронзовых фигурных изделий (типа известного «Ростовкинского лыжника»), это серия каменных жезлов из Прииртышья (рис. 3, 10), многочисленные петроглифы из Восточного Казахстана (рис. 3, 12) и др. Сохраняется она и в эпоху ранних кочевников Горного Алтая, правда, несколько более позднего времени (рис. 3, 11) (*Полосьмак*, 1994. Рис. 112).

Наконец, третий компонент, который наиболее активно разрабатывается А. А. Ковалевым (*Ковалев*, 1998), можно условно определить как «китайский». Рассмотрение его возможно только в общем контексте происхождения скифской триады, для чего имеются известные основания (рис. 4). Так, самая ранняя модификация кинжалов-акинаков с перекрестием-«усиками» (типа найденных

Рис. 3. Компоненты нуклеарного звериного стиля

А – карасукский компонент: 1 – изображения на оленных камнях монголо-забайкальского типа, Монголия (по В. В. Волкову); 2 – Аржан-1, Тува (по М. П. Грязнову); 3–5 – навершия бронзовых карасукских ножей и кинжалов (по А. А. Ковалеву, А. В. Варенову); 6 – золотая заколка, Тэвш-уул, Монголия (по А. Д. Цыбиктарову)

Б – сейминско-турбинский компонент: 7, 8 – навершия ножей сейминского типа (по И. В. Ковтуну); 9 – кинжал из Монгун-Тайги, Тува, случайная находка (по К. В. Чугунову); 10 – навершие каменного жезла из Прииртышья (по И. В. Ковтуну); 11 – деревянная головка лошади из Ак-алахи, Горный Алтай (по Н. В. Полосьмак); 12 – наскальные изображения, Восточный Казахстан (по З. С. Самашеву)

в кургане Аржан-1) типологически «выводится» из кинжалов с такой же формой перекрестия с «шариками» на концах эпохи Западное Чжоу и даже более раннего времени (рис. 4, 3, 4) (Комиссаров, 1988. Рис. 6; 76; и др.).

Тогда же появляются наиболее ранние стержневые, в том числе и коленчатые, псалии: в Южной Сибири – костяные (поздний этап карасукской культуры), рис. 4, 14 (Савинов, 1996. Рис. 3); в Китае – бронзовые, также коленчатые, но с внешними петлями (конец эпохи Западное Чжоу), рис. 4, 1 (Комиссаров, 1988. Рис. 27). В каком направлении шло заимствование этого важнейшего элемента всаднической культуры – из северных районов Центральной Азии в Китай или, наоборот, из Китая в Южную Сибирь, сказать трудно. Однако сам факт возможности такого взаимодействия достаточно показателен.

На этом фоне явно неслучайными выглядят отдельные проявления звериного стиля в китайских материалах этого времени, например навершие с фигуркой стоящего оленя из Юлину, пров. Шэньси (рис. 4, 5), или навершие бронзового ножа в виде головки взнузданной лошади из Аньяна (рис. 4, 2) (Членова, 1967. Табл. 29, 7). Точно такое же реалистическое изображение головки взнузданной лошади (предположительно, навершие псалия?) происходит из кургана Аржан-1, рис. 4, 12 (Грязнов, 1980. Рис. 15, 1–3). К этому же кругу заимствований, но, возможно, несколько более позднего времени относятся изображения стоящих оленей и других животных на рукоятках ножей и кинжалов (рис. 4, 6) из могильников типа Наньшаньгень (Внутренняя Монголия), приведенные А. А. Ковалевым и датированные «самое позднее 60-ми годами VII в. до н. э.» (Ковалев, 1998. С. 130. Рис. 1), а также некоторые другие изображения этого времени (рис. 4, 7), сопоставимые с центральноазиатскими (рис. 4, 8, 9). Конечно, на основе этих совпадений нельзя говорить о том, что хотя бы в какой-то мере искусство звериного стиля происходит от китайского, но сам факт такого взаимодействия мог оказаться своего рода «питательной средой» для формирования искусства кочевников.

Известно, что династия Западное Чжоу пала под ударами кочевников, пришедших из глубин Центральной Азии в 770 г. до н. э., т. е. в начале VIII в. до н. э., что в принципе соотносится со временем сооружения кургана Аржан-1 и свидетельствует о сложении в глубине центральноазиатских степей мощного союза кочевых племен, способного сокрушить одну из наиболее крупных правящих династий Древнего Китая. Конечно, у нас нет никаких оснований считать, что

Рис. 4. Предполагаемые составляющие элементы раннескифского культурного комплекса на Востоке

А – «китайский» компонент: 1 – бронзовые псалии (по С. А. Комиссарову); 2 – навершие ножа из Аньяна (по Н. Л. Членовой); 3, 4 – бронзовые кинжалы (по С. А. Комиссарову, А. В. Варенову); 5 – навершие из Юлину, провинция Шэньси (по М. И. Ростовцеву); 6 – Наньшаньгень, Внутренняя Монголия (по А. А. Ковалеву); 7 – Ордос, колл. Х. Биддера (по Е. Ф. Корольковой)

Б – центральноазиатский компонент: 8 – бронзовая трубочка с изображениями, Монголия, случайная находка (по Е. С. Богданову); 9 – Северный Китай, колл. Дж. Ортиса (по Е. Ф. Корольковой); 10, 11 – Корсуковский клад, Прибайкалье (по В. Ю. Зуеву, Р. Б. Исмагилову); 12, 13 – Аржан-1, Тува (по М. П. Грязнову); 14 – Торгажак, Минусинская котловина (по Д. Г. Савинову)

создатели Аржана – это и были те самые кочевники, которые вторглись в северо-западные провинции Китая и сокрушили государство Западное Чжоу. Однако вполне вероятно, что указанные события могли привести к относительно единовременному («разовому») появлению искусства звериного стиля (как и других элементов раннескифского культурного комплекса). Причем при этой контаминации были взяты «на вооружение» самые лучшие компоненты наследия предшествующих археологических культур, в первую очередь симбиоз карасукских (восточных) и сейминских (западных) традиций.

Ареал произведений нуклеарного искусства звериного стиля достаточно широк. Большое количество их в виде случайных находок происходит с территории Монголии (Culture of bronze artefacts..., 2011); наиболее известные изображения найдены в Туве (курганы Аржан-1 и Аржан-2); отдельные находки имеются на Алтае (Майэмирский клад, Штабка и др.), в Прибайкалье (Корсуковский клад) и в Минусинской котловине (в основном в составе музейных коллекций). Таким образом, очерчивается начальная область формирования скифо-сибирского звериного стиля (по принципу «широкого моноцентризма» в антропологии). Однако фактический его ареал был еще шире, с общей тенденцией уменьшения количества находок по мере распространения – от северного Китая (Ордос) до южных районов Средней Азии (Уйгарак).

Распространение подобных изображений с Востока на Запад, по всей видимости, могло быть связано с каким-то процессом широкого расселения кочевников и с точки зрения хронологической «привязки» совпадает с первой цепной миграцией степных племен, описанной в знаменитой поэме «Аримаспейя» Аристея из Проконеса (середина VII в. до н. э.). Этот путь движения по опорным памятникам (Аржан – Майэмир – Чиликты – Уйгарак – Гумарово – Келермес) давно отмечен исследователями, хотя, конечно, это не окончательное решение вопроса.

В литературе за ранним этапом развития скифо-сибирского звериного стиля закрепилось введенное Я. А. Шером (по названиям двух опорных памятников) наименование аржано-майэмирского стиля (*Шер*, 1980). Такое определение, как и его характеристика, справедливо по отношению к произведениям раннескифского времени вообще. Однако более детальное рассмотрение всего массива относящихся к нему изображений показывает, что по своим стилистическим особенностям они распадаются на две очень близкие, но все же самостоятельные

Рис. 5. Две группы изображений аржано-майэмирского стиля (1–4, 7–11) и ведущие приемы композиций (5, 6, 12, 13)

А – аржанская группа: 1 – Баян-Хонгор, Монголия, случайная находка (по С. Г. Кляшторному, Д. Г. Савинову); 2 – Корсуковский клад, Прибайкалье (по В. Ю. Зуеву, Р. Б. Исмагилову); 3 – с. Штабка, северный Алтай, случайная находка (по А. П. Уманскому); 4 – Аржан-1, Тува (по М. П. Грязнову); 5 – оленный камень, Монголия (по В. В. Волкову); 6 – Есино-1, изображение на каменной плитке, Минусинская котловина (по Д. Г. Савинову)

Б – майэмирская группа: 7 – Ортаа-Саргол, Тува, наскальное изображение (по М. А. Дэвлет); 8 – изображение на Бухтарминском зеркале (по М. П. Грязнову); 9 – случайная находка, Монголия (по Д. Эрдэнэбаатору); 10 – Аржан-1, Тува, оленный камень (по М. П. Грязнову); 11 – Уйгарак, Средняя Азия (по О. А. Вишневской); 12 – оленный камень Уюк-Туран, Тува (по М. П. Грязнову); 13 – Туранский нож, Тува (по М. Х. Маннай-оолу)

группы: собственно аржанскую – более раннюю – и майэмирскую – относительно более позднюю (Савинов, 1998).

Изображения аржанского типа непосредственно продолжают карасукские традиции (рис. 5, А). Фигуры животных здесь (преимущественно горных козлов и баранов) более объемны, статичны; чаще всего это наверхия с длинными или прямоугольными втулками (иногда с боковой петлей). Такие стилистические особенности, как округлые выпуклые валики вокруг ноздрей и глаз, характерны именно для этих изображений. Изображения майэмирского типа – преимущественно олени, лошади и кабаны (рис. 5, Б) – более грацильны, изящны, представлены в разнообразных позах, но чаще всего стоящими на «цыпочках» или лежащими, лежащими с подогнутыми, но не сомкнутыми ногами.

Более четко определяются видовые особенности изображений свернувшихся хищников. Если в знаменитой аржанской «пантере» сочетаются черты медведя и волка (в трактовке головы) и кошачьего (тигра или снежного барса) в передаче туловища, то в изображениях на сбруйных обкладках из Майэмирского клада уже совершенно определенно передан образ кошачьего хищника. Впервые на майэмирской пантере появляется трактовка уха животного в виде копыта, затем неоднократно встречающаяся в изображениях свернувшихся хищников в ближневосточной традиции (Саккызский клад, роговая бляха из Сард и др.). Бесспорно кошачий хищник представлен на не менее известной золотой бляхе из Петровской коллекции. В других случаях (например, в тагарской культуре) в изображениях свернувшихся хищников преобладают черты волка. А в более западных образцах отмечена еще большая трансформация данного образа.

Определенные различия наблюдаются и в принципах построения композиции, хотя их семантическое поле, скорее всего, было одинаковым или в достаточной степени близким. Для изображений более раннего времени характерно круговое построение композиций, например в изображениях на оленных камнях монголо-забайкальского типа (рис. 5, 5) и в наскальных изображениях, выполненных в стиле оленных камней. Скорее всего, оно унаследовано из круговых композиций, выполненных в карасукском стиле (рис. 5, 6). В изображениях майэмирского стиля преобладает линейное (сначала вертикальное, а затем горизонтальное) расположение животных, значение которых усиливается благодаря повторяемости однотипных фигур: оленные камни саяно-алтайского типа, аналогичные композиции на рукоятках ножей и др. (рис. 5, 12, 13).

Понятие начального (нуклеарного) искусства звериного стиля нельзя воспринимать только в его прямом (хронологическом) значении. Многие его характерные особенности продолжают существовать в искусстве ранних кочевников и более поздних периодов, причем не только восточного ареала,

**Рис. 6. Реминисценции нуклеарного звериного стиля
в произведениях скифского искусства**

1 – Кармир-Блур; 2 – р. Тясмин; 3 – р. Ворскла; 4 – Константиновская пластина; 5 – кинжал из Головадино; 6 – Жаботинские пластины; 7 – накладки из Келермеса

1, 3, 4 – по В. А. Ильинской, А. И. Тереножкину; 2, 6 – по В. А. Ильинской; 5 – по А. И. Тереножкину; 7 – по Л. К. Галаниной

но и в искусстве европейских племен раннескифского времени. По своим стилистическим особенностям – в целом реалистический характер изображений, круговое или многорядное расположение фигур – они вполне «узнаваемы» среди всего многообразия произведений скифского звериного стиля (Канторович, 2015). В основном это костяные изделия, например известная Константиновская пластина и большинство изображений т. н. жаботинского стиля в лесостепной части Скифии (рис. 5, 2–6). Очевидно, местное население, скорее всего не принимавшее участие в переднеазиатских походах скифов, наиболее устойчиво сохраняло архаические традиции искусства звериного стиля.

В материалах Келермесских курганов на Северном Кавказе к такого рода изображениям можно отнести фигурки лошадей с подогнутыми, но не сомкнутыми ногами на золотых пластинах и обкладках фаларов, по своим стилистическим особенностям резко выделяющиеся среди всех остальных художественных изделий этого замечательного памятника (рис. 6, 7). В коллекции находок из Кармир-Блура имеются длинные костяные пластины (накладки?), на которые с этой точки зрения еще не обращали внимания. Наиболее сохранившаяся из них украшена целым рядом (более 20) схематических головок грифонов (тот же принцип вертикального построения композиции), а нижний конец ее оформлен в виде поставленного на кончик копыта – детали изображения, хорошо читаемые при сравнении с саяно-алтайскими (рис. 6, 1).

То же решение многорядной композиции представляет оформление рукояти знаменитой Келермесской секиры, скопированное с каких-то известных мастеру образцов «предшествующего» скифского искусства. Количество такого ряда примеров можно было бы увеличить.

Таким образом, имеются основания полагать, что нуклеарное искусство звериного стиля – это тот вид изобразительной деятельности, с которым скифы пришли в Переднюю Азию. Исторически оно прошло длительный путь развития от самого начала – многокомпонентного возникновения в глубинах Центральной Азии – до позднейших «перепевов» в искусстве Древнего Востока. В этом отношении можно полностью согласиться с мнением В. А. Киселя, посвятившего специальное исследование анализу изображений на Келермесской секире, в том, что они «не иллюстрируют ступени формирования звериного стиля на основе ближневосточного художественного наследия, а, наоборот, представляют определенный результат освоения восточными мастерами нового искусства, проникшего на Ближний Восток с древними кочевниками» (Кисель, 1997. С. 43)... А потом оно вернулось и постепенно растворилось, теряя свою первооснову, в удивительном разнообразии образов, стилистических приемов и дополнительных деталей скифского искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В. В., Моор Н. Н., 2001. Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 70–76.
- Варламов О. Б., 1995. Бронзовый топор из Прибайкалья и некоторые вопросы сложения изобразительных комплексов раннескифского искусства // Байкальская область в древности. Иркутск: ИркГУ. С. 144–153.

- Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи / Отв. ред. А. Иванчик, Г. Парцингер. М.; Берлин: Германский археологический ин-т. 269 с. (Степные народы Евразии; т. I.)
- Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени / Отв. ред. А. М. Мандельштам. М.: Наука. 61 с.
- Грязнов М. П., 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Вып. 12. Кемерово: КГУ. С. 3–18. (ИЛАИ.)
- Грязнов М. П., 1984. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. Вып. 25. Л.: ГЭ. С. 76–82.
- Евразия в Скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / Науч. ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Ильинская И. А., 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол. Выступление // НАА. № 5. 1980. С. 123.
- Канторович А. Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 69 с.
- Кисель В. А., 1997. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб.: МАЭ РАН. 109 с.
- Ковалев А. А., 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгень) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат-лы всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-Информ-Пресс. С. 122–131.
- Комиссаров С. А., 1988. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. 119 с. (История и культура Востока Азии.)
- Королькова Е. Ф., 1996. Теоретические проблемы искусствознания и «звериный стиль» скифской эпохи / Отв. ред. А. Ю. Алексеев. СПб.: ГЭ. 78 с.
- Мартинов А. И., 1980. Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: мат-лы I всесоюзн. археол. конф. Кемерово: КемГУ. С. 11–29.
- Минасян Р. С., 1988. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // АС ГЭ. Вып. 29. Л.: ГЭ. С. 44–58.
- Парцингер Г., 2000. Сейминско-турбинский феномен и формирование сионирского звериного стиля // АЭАЕ. № 1. С. 66–75.
- Переводчикова Е. В., 1989. «Центры» и «периферия» в раннем скифском зверином стиле степей Евразии // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения): тез. докл. всесоюзн. археол. конф. Ч. II. Кемерово: КемГУ. С. 30–33.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С., 2001. «Уйгаракский аргумент» в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи // РА. № 1. С. 45–52.
- Полосьмак Н. В., 1994. «Стережущие золото грифы». Ак-алахинские курганы. Новосибирск: Наука. 120 с.
- Пяткин Б. Н., Миклашевич Е. А., 1990. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР. С. 146–153.
- Савинов Д. Г., 1996. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб: Петербургское востоковедение. 112 с.
- Савинов Д. Г., 1998. Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат-лы всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-Информ-Пресс. С. 132–136.
- Савинов Д. Г., 1999. Первичные материалы и стиль саяно-алтайских изображений раннескифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. ст. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: АГУ. С. 154–158.
- Савинов Д. Г., 2000. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник. Спец. выпуск: посвящ. 70-летию В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ. С. 179–187.
- Савинов Д. Г., 2012. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Отв. ред. О. С. Советова, Г. Г. Король. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 35–55. (Тр. САИПИ; вып. IX.)

- Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии: докл. конф. / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. 269 с.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 320 с.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 296 с.
- Членова Н. Л., 1971. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // Проблемы скифской археологии. М.: Наука. С. 208–217. (МИА; № 177.)
- Членова Н. Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. № 7. С. 49–77.
- Членова Н. Л., 2001. Были ли Ленская и Ангарская тайга прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа // РА. № 4. С. 53–68.
- Чугунов К. В., 1997. Находка кинжала раннескифской эпохи из юго-западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ: материалы Пленума ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН. С. 81–86.
- Шер Я. А., 1980. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: мат-лы I всесоюз. археол. конф. Кемерово: КемГУ. С. 338–347.
- Culture of bronze artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Ulaanbaatar, 2011. 496 p., ill. (In Mongolian and English.)

Сведения об авторе

Савинов Дмитрий Глебович, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 9, Санкт-Петербург, 190068, Россия; e-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

D. G. Savinov

«CORE» ART OF THE ANIMAL STYLE

Abstract. The main objective of this paper is to provide additional justification of the theory that identifies Central Asia as the region where animal style art originated. To this end, the following «workflow» to study elements of images made in animal style art is proposed: object (natural environment) – subject (man) – species of the depicted animal – material – motif – image – style – semantics – composition. The paper places a special focus on carving (on leather, felt, bone, wood) as, presumably, a dominant artwork form used by creators of the animal style. Main components of its development in Central Asia such as the Karasuk, Seima-Turbino, and «Chinese» components are singled out. Substantiation is provided to divide the Arzhan-Mayemir (early) stage of animal style development into two chronological and stylistic groups, i. e. the Arzhan group (8th–7th centuries BC) and the Mayemir group (7th–6th centuries BC) with the expansion of the latter to the West in subsequent periods. Examples of reminiscences of the early stage of animal style development in later works of Scythian art are given.

Keywords: animal style, Central Asia, artwork, carving, image, semantics, composition.

REFERECES

- Bobrov V. V., Moor N. N., 2001. Reministsentsii izobrazitel'noy traditsii seyminsko-turbinskoy epokhi v tagarskom iskusstve [Reminiscences of figurative tradition of Seima-Turbino epoch in Tagar art]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 70-letiyu*

- D. G. Savinova [Ancient art in mirror of archaeology: collection of scientific works dedicated to 70th anniversary of D. G. Savinov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 70–76.
- Chernykh E. N., Kuz'minykh S. V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient metallurgy of North Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origins and early history of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Chlenova N. L., 1971. K voprosu o pervichnykh materialakh predmetov v zverinom stile [On problem of primary materials of items made in animal style]. *Problemy skifskoy arkheologii* [Problems of Scythian archaeology]. Moscow: Nauka, pp. 208–217. (MIA, 177.)
- Chlenova N. L., 1993. O stepeni skhodstva komponentov material'noy kul'tury v predelakh «Skifskogo mira» [On degree of similarity of components of material culture within «Scythian world»]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik* [Petersburg archaeological bulletin], 7, pp. 49–77.
- Chlenova N. L., 2001. Byli li Lenskaya i Angarskaya tayga prarodiny skifov Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza [Was the Lena and Angara taiga the homeland of North Pontic and North Caucasian Scythians]. *RA*, 4, pp. 53–68.
- Chugunov K. V., 1997. Nakhodka kinzhala ranneskifskoy epokhi iz yugo-zapadnoy Tuvy [Find of dagger of early Scythian epoch in south-western Tuva]. *Novye issledovaniya arkheologov Rossii i SNG: materialy plenuma IIMK RAN* [New investigations of archaeologists of Russia and CIS: proceedings of plenum of IIMK RAN]. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 81–86.
- Culture of bronze artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Ulaanbaatar, 2011. 496 p., ill. (In Mongolian and English.)
- Evrasiya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya [Eurasia in Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology]. G. I. Zaytseva, ed. St. Petersburg: Teza, 2005. 290 p.
- Galanina L. K., 1997. Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [Kelermes kurgans. «Royal» burials of early Scythian epoch]. A. Ivanchik, H. Parzinger, eds. Moscow; Berlin: Germanskiy arkheologicheskiy institut. 269 p. (Stepnye narody Evrazii, I.)
- Gryaznov M. P., 1980. Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan. Royal kurgan of early Scythian time]. Moscow: Nauka. 61 p.
- Gryaznov M. P., 1983. Nachal'naya faza razvitiya skifo-sibirskikh kul'tur [Initial phase of development of Scythian-Siberian cultures]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of South Siberia], 12. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 3–18. (Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy.)
- Gryaznov M. P., 1984. O monumental'nom iskusstve na zare skifo-sibirskikh kul'tur v stepnoy Azii [On monumental art in the dawn of Scythian-Siberian cultures in steppe Asia]. *ASGE*, 25. Leningrad: GE, pp. 76–82.
- Il'inskaya V. A., 1980. Diskussionnye problemy otechestvennoy skifologii. Kruglyy stol. Vystuplenie [Debatable problems of national Scythian studies. Round table. Statement]. *NAA*, 5, p. 123.
- Kantorovich A. R., 2015. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for Doctor's degree Abstract]. Moscow: GE. 69 p.
- Kisel' V. A., 1997. Svyashchennaya sekira skifov. Ob odnoy nakhodke iz Kelermesa [Sacred axe of Scythians. On one find from Kelermes]. St. Petersburg: MAE RAN. 109 p.
- Komissarov S. A., 1988. Kompleks vooruzheniya Drevnego Kitaya. Epokha pozdney bronzy [Weaponry complex of Ancient China. Late Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 119 p. (Istoriya i kul'tura Vostoka Azii.)
- Korol'kova E. F., 1996. Teoreticheskie problemy iskusstvovznaniya i «zverinyy stil'» skifskoy epokhi [Theoretical problems of history of art and «animal style» of Scythian epoch]. A. Yu. Alekseev, ed. St. Petersburg: GE. 78 p.
- Kovalev A. A., 1998. Drevneyshie datirovannye pamyatniki skifo-sibirskogo zverinogo stilya (tip Nan'shan'gen') [Earliest dated pieces of art of Scythian-Siberian animal style (Nanshangen type)]. *Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i St. Petersburg: materialy vsrossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya A. D. Gracha* [Ancient cultures of Central Asia and

- St. Petersburg: transactions of All-Russian scientific conference, dedicated to 70th anniversary of A. D. Grach*. D. G. Savinov, ed. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, pp. 122–131.
- Martynov A. I., 1980. Skifo-sibirskoe edinstvo kak istoricheskoe yavlenie [Scythian-Siberian unity as a historic phenomenon]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuznoy arkhologicheskoy konferentsii* [Scythian-Siberian cultural historical unity: transactions of I All-Union archaeological conference]. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 11–29.
- Minasyan R. S., 1988. K voprosu o vliyaniy tekhniki proizvodstva na proiskhozhdenie nekotorykh osobennostey skifo-sibirskogo zverinogo stilya [On problem of influence of production technique on origins of certain features of Scythian-Siberian animal style]. *ASGE*, 29. Leningrad: GE, pp. 44–58.
- Parzinger H., 2000. Seyminsko-turbinskiy fenomen i formirovanie siyuirskogo zverinogo stilya [Seima-Turbino phenomenon and formation of Siuir animal style]. *AEAE*, 1, pp. 66–75.
- Perevodchikova E. V., 1989. «Tsentry» i «periferiya» v rannem skifskom zverinom stile stepey Evrazii [«Centers» and «periphery» in early Scythian animal style of Eurasian steppes]. *Skifo-sibirskiy mir (sotsial'naya struktura i obshchestvennye otnosheniya): tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkhologicheskoy konferentsii* [Scythian-Siberian world (social structure and social relations): abstracts of All-Union archaeological conference], II. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 30–33.
- Pogrebova M. N., Raevskiy D. S., 2001. «Uygarskiy argument» v kontekste diskussii o genezise zverinogo stilya skifskoy epokhi [«Ugarak argument» in context of discussion on genesis of animal style of Scythian epoch]. *RA*, 1, pp. 45–52.
- Polos'mak N. V., 1994. «Stereogushchie zoloto grify». Ak-alakhinskie kurgany [«Gold guarding griffins». Ak-alakha kurgans]. Novosibirsk: Nauka. 120 p.
- Pyatkin B. N., Miklashevich E. A., 1990. Seyminsko-turbinskaya izobrazitel'naya traditsiya: plastika i petroglify [Seima-Turbino figurative tradition: plastic art and petroglyphs]. *Problemy izucheniya naskal'nykh izobrazheniy v SSSR* [Problems of investigation of rock art in the USSR]. Moscow: IA AN SSSR, pp. 146–153.
- Savinov D. G., 1996. Drevnie poseleniya Khakasii [Ancient settlements of Khakasia]. Torgazhak. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 112 p.
- Savinov D. G., 1998. Karasukskaya traditsiya i «arzhano-mayemirskiy» stil' [Karasuk tradition and «Arzhan-Maiemir» style]. *Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i St. Petersburg: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya A. D. Gracha* [Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i St. Petersburg: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya A. D. Gracha] *Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg: transactions of All-Russian scientific conference, dedicated to 70th anniversary of A. D. Grach*. D. G. Savinov, ed. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, pp. 132–136.
- Savinov D. G., 1999. Pervichnye materialy i stil' sayano-altayskikh izobrazheniy ranneskifskogo vremeni [Primar materials and style of Sayan-Altai images of early Scythian time]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Results of investigation of Scythian epoch in Altai and adjacent territories: collected articles of international scientific conference]. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 154–158.
- Savinov D. G., 2000. Realisticheskie izobrazheniya loshadey skifskogo vremeni i seiminskaya izobrazitel'naya traditsiya [Realistic horse images of Scythian time and Seima figurative tradition]. *Istoricheskiy ezhegodnik. Spetsial'nyy vypusk: Posvyashchen 70-letiyu V. I. Matyushchenko* [Historic annual. Special issue: Dedicated to 70th anniversary of V. I. Matyushchenko]. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 179–187.
- Savinov D. G., 2012. Izobrazitel'nye pamyatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii [Figurative pieces of art of early Scythian time: art of composition]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Figurative and technological traditions in art of North and Central Asia]. O. S. Sovetova, G. G. Korol', eds. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 35–55. (Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, IX.)
- Sher Ya. A., 1980. Ranniy etap skifo-sibirskogo zverinogo stilya [Early stage of Scythian-Siberian animal style]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuznoy arkhologicheskoy konferentsii* [Scythian-Siberian cultural historical unity: transactions of I All-Union archaeological conference]. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 338–347.

Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii: doklady konferentsii [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia: conference reports]. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, 1976. 269 p.

Varlamov O. B., 1995. Bronzovyy topor iz Pribaykal'ya i nekotorye voprosy slozheniya izobrazitel'nykh kanonov ranneskijskogo iskusstva [Bronze axe from Baikal region and some problems of formation of figurative patterns of early Scythian art]. *Baykal'skaya Sibir' v drevnosti [Baikal Siberia in antiquity]*. Irkutsk: Irkutskiy gos. universitet, pp. 144–153.

About the author

Savinov Dmitriy G., St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 9, St. Petersburg, 190068, Russian Federation; e-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

Е. Ф. Королькова

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Резюме. Стилистические особенности художественных произведений могут служить индикаторами культурной принадлежности вещей, т. к. формальные признаки стиля очерчивают достаточно узкую локальную, хронологическую или этнокультурную группу памятников, т. е. характеристики формы определяют культурно-историческую позицию художественного материала. Стилистический и типологический методы помогают решить задачи культурной атрибуции древних художественных изделий. Статья посвящена компактной группе вещей, включающей художественные изделия (в основном из золота и лишь в некоторых случаях – из органических материалов), происходящие из разных памятников и характеризующиеся целым комплексом повторяющихся признаков. Группа включает предметы из так называемого Амударьинского клада, отдельные вещи из Сибирской коллекции Петра I, некоторые единичные украшения из других собраний и предметы из кожи и войлока из 1-го и 2-го Пазырыкских курганов. Главное определяющее отличие этой группы зооморфных изображений – акцентирование бедра или плеча животного цветными вставками, которые имеют вид сложной фигуры, состоящей из круга и примыкающего к нему криволинейного треугольника или продолговатых округлых скобок (рис. 1; 2). Генетически этот орнаментальный мотив, в целом нехарактерный для персидского искусства, скорее может быть увязан с периферийной зоной иранского мира и культурой кочевников, а выделенная группа памятников датироваться IV–III вв. до н. э.

Ключевые слова: скифо-сибирский звериный стиль, художественный, инкрустированный, вставки, контур, стилистическая группа, ювелирное украшение, происхождение, орнаментальный мотив.

Скифо-сибирский звериный стиль – широкое понятие, включающее самые разнообразные по происхождению и формальным признакам стилистические варианты, обусловленные разным происхождением. Даже сужение этой категории до «сибирского звериного стиля», по существу, не может адекватно отражать реальной ситуации. В действительности формальные признаки стиля очерчивают достаточно узкую локальную, хронологическую или этнокультурную группу памятников, т. е. характеристики формы определяют принадлежность художественного материала к той или иной культуре более или менее точно.

В данном случае речь пойдет лишь об одной стилистической группе, единство которой, несомненно, имеет под собой историческое основание, несмотря на то, что уточнить его конкретное содержание пока невозможно.

Художественные изделия (в основном из золота и лишь в некоторых случаях — из органических материалов), происходящие из разных памятников и коллекций и характеризующиеся целым комплексом повторяющихся признаков, выделяются в некую компактную группу. Большая их часть, к сожалению, не имеет достоверного происхождения и входит в музейные собрания, сформированные из вещей, случайно найденных или добытых путем грабительских раскопок погребений и приобретенных у перекупщиков древностей. Это предметы из так называемого Амударьинского клада, отдельные вещи из Сибирской коллекции Петра I, некоторые единичные украшения из других собраний и предметы из кожи и войлока из 1-го и 2-го Пазырыкских курганов.

При отсутствии точных сведений об обстоятельствах и местах находок вошедших в Сибирскую коллекцию предметов ее ценность заключается в том, что все вещи, бесспорно, подлинные, поскольку в начале XVIII столетия (в отличие от конца XIX в. и более позднего времени) практики производства подделок археологических древностей еще не существовало. Например, имеющая мировую известность коллекция сокровищ Окса, или так называемый Амударьинский клад, в собрании Британского музея в этом отношении представляет собой значительно менее надежный источник (*Muscarella*, 2003). Таким образом, Сибирская коллекция в известной степени может обладать статусом эталонной.

Эта группа включает эгрет, парные поясные пластины со сценой терзания поверженного коня рогатым монстром с телом хищника и крыльями (рис. 1), две гривны, ажурный браслет и зооморфный наконечник из Сибирской коллекции; поясную пластину из погр. 6 кургана 3 Исаковки; браслеты, хранящиеся в Римско-Германском музее Кельна (*Bunker et al.*, 1970. Cat. 40. P. 67) и в Пешаварском музее; эгрет, браслет с грифонами, перстень из Аму-Дарьинского клада и бляшка-пуговица из Британского музея (*Dalton*, 1964. P. 41, 46. Fig. 46; 73. Pl. I (116), а также браслет из частной коллекции и не дошедшее до нашего времени изделие (вероятно, рукоять кинжала), известное по акварели 30-х гг. XVIII в., зафиксировавшей этот утраченный впоследствии предмет в коллекции Кунсткамеры (рис. 2). Практически все упомянутые вещи могут быть датированы IV—III вв. до н. э.

В эту же группу входит и фигурная поясная пластина из сарматского погребения в кургане, раскопанном у с. Верхнего Погромного в Нижнем Поволжье. Пластина аналогична по типу сибирским застегкам и необычна для сарматского памятника. Это единственная относительно поздняя находка бляхи подобного типа на европейской территории до раскопок Запорожского кургана, который содержит поясные украшения рубежа эр, стилистически соответствующие времени захоронения.

Все эти вещи отмечены главным определяющим отличием: бедро или плечо изображенного животного украшено цветными вставками (чаще всего утраченными), которые имеют вид сложной фигуры, состоящей из круга и примыкающего к нему криволинейного треугольника или продолговатых округлых скобок.

**Рис. 1. Государственный Эрмитаж. Поясная бляха из Сибирской коллекции Петра I
Инв. № Си 1/6**

Иногда гнезда для вставок составляют трехэлементную структуру, в которой к центральному кругу с противоположных сторон примыкают криволинейные треугольники, имеющие разнонаправленный изгиб. Орнаментальный мотив в виде комбинации круга и криволинейного треугольника, помимо золотых предметов, встречается и в изображениях на алтайских художественных изделиях из цветного войлока и ажурных кожаных аппликациях (например, петухи из кожи и войлочный чепрак из 1-го Пазырыкского кургана). Генетически этот орнаментальный мотив, представляющий собой комбинацию геометрических фигур, в целом нехарактерных для персидского искусства, скорее может быть увязан с периферийной зоной иранского мира и культурой кочевников. Интересно, что именно в вещах этой группы прослеживаются традиции более раннего времени, относящиеся не столько к ахеменидской, сколько к ассирийской и финикийской культурам. Прототипом для этого мотива, несомненно, может служить треугольник в сочетании с дугами ребер в скульптурных изображениях, например, фантастических существ с телом быка и человеческой головой (гопатов) во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине (VIII в. до н. э.).

В большинстве, но не во всех случаях такая орнаментальная композиция сочетается с сегментовидными гнездами, ритмично расположенными в горизонтальном направлении на туловище животного, как бы подчеркивая ребра зверя.

Самое декоративное из упомянутых предметов – золотое украшение из коллекции Петра I в виде фигуры фантастического грифа с распростертыми крыльями, терзающего поверженного козла (рис. 3). Это украшение обычно называют эгретом, хотя, как отмечали еще И. И. Толстой с Н. П. Кондаковым (*Толстой, Кондаков, 1890*), аналогий ему среди декоративных деталей головных уборов ни в одной из культур Востока неизвестно. Таким образом, всегда сохранялось сомнение относительно функционального назначения этого украшения.

Гриф, терзающий козла, находит прямые параллели в некоторых деталях конского убора, в частности на кожаной пластине, служившей элементом какой-то декоративной композиции (2-й Пазырыкский курган). Аналогичные композиции с участием тех же зооморфных персонажей встречаются довольно часто в памятниках пазырыкской культуры в оголовьях конской сбруи. Правда, все они, несомненно, уступают в художественной выразительности бляхе из Сибирской коллекции. Совершенно очевидно, что такое украшение было сопряжено с зоной особого семантического статуса. К таковым, несомненно, относятся и головной убор, и ритуальное снаряжение коня. Основываясь на этих рассуждениях и учитывая аналогии среди деталей конского оголовья из алтайских погребальных памятников, я склонялась к трактовке бляхи со сценой терзания как принадлежности конского убора (*Королькова, 2011. С. 5–14*). Однако сейчас нет сомнения в том, что это действительно эгрет.

Это заключение основано на убедительной реконструкции мужского головного убора с зооморфными деревянными деталями из 2-го Пазырыкского кургана, которая недавно была предложена Е. В. Степановой. Целая серия головных уборов подобного типа, среди которых находка из 2-го Пазырыкского кургана демонстрирует самый сложный и красивый вариант композиции, позволяет считать такого рода декор типичным и, следовательно, закономерным. В уборе вождя из 2-го Пазырыкского кургана очень похожая на золотого грифа мифическая птица терзает архара, изображенного в той же позе, что и на эгрете из Сибирской коллекции Петра I. Таким образом, вопрос о функциональном назначении этого украшения можно считать окончательно решенным. Нельзя не отметить и стилистического сходства между резными деревянными фигурами и золотым украшением.

Рис. 2. Акварель 30-х гг. XVIII в.
из рисованного каталога Кунсткамеры
(СПбФ РАН. Разряд IX. Опись 4. Дело 291. Лист 1.
Центр листа. ©, Санкт-Петербургский филиал
Архива РАН, 2017)

Рис. 3. Государственный Эрмитаж. Эгрет из Сибирской коллекции Петра I
Инв. № Сп 1/131

В стилистической манере исполнения сибирского украшения и иконографических деталях его изображения прослеживается генетическая связь с художественными изделиями, найденными в Нимруде, несмотря на несомненный значительный хронологический разрыв между этими памятниками древнего искусства. Так, найденные в форте Салманасара (VIII в. до н. э.) изделия из слоновой кости, выполненные в технике *клуазоне*, имеют много общего в иконографических деталях (передача оперения крыльев разных фантастических существ

в сочетании с полихромной инкрустацией, декорировка вертикальными рядами цилиндриков (рис. 4) (*Mallowan*, 1966. P. 566–569. Fig. 513–515). Точно такие же петельки расположены на хвосте птицы из Сибирской коллекции.

Существует еще одна интересная иконографическая параллель для «грифа» из Сибирской коллекции. В Александропольском кургане (IV в. до н. э.) были обнаружены фрагментированные фигурные кожаные пластины, которые, очевидно, были частями одного предмета, украшенного с двух сторон. На одной из пластин изображены два грифона, пропорции которых, манера изображения оперения и гребня перекликаются с образом на золотом украшении из Сибирской коллекции. Учитывая определенные «восточные» черты в материале Александропольского кургана и его датировку, совпадающую с хронологической позицией сибирского украшения, можно предположить существование общих генетических корней для этих памятников. Александропольские грифоны были раскрашены красной, голубой (синей) и белой краской и украшены позолотой (*Королькова*, 2011. С. 13. Илл. 6).

С точки зрения анализа технического исполнения (что очень важно в культурной атрибуции вещи), эгрет, безусловно, принадлежит к кругу иранских ювелирных изделий с полихромной инкрустацией, характерных для ахеменидской эпохи и более позднего времени. Связь «сокровищ Окса» с алтайскими художественными памятниками и предметами из Сибирской коллекции Петра I в иконографическом и стилистическом аспектах несомненна. Но особенно интересны параллели с финикийским и ассирийским искусством, в том числе и в аспекте ювелирной техники. Например, чрезвычайно близкие аналогии прослеживаются в золотых предметах, связываемых с финикийскими традициями из Карфагена (Лувр) (*Acquaro, De Vita*, 2009. P. 114).

Фигура птицы имеет сложное оформление, соединяющее рельеф и цветную перегородчатую инкрустацию. Дугообразные перегородки для инкрустации напаяны на поверхность и создают орнамент оперения, как и на более раннем предмете из карфагенского музея.

Сибирская бляха сделана в технике басмы: используя матрицу, выбиванием получали рельефное изображение, детали которого затем прорабатывались чеканкой. Полая голова выполнена отдельно и припаяна¹. Ювелирное изделие сочетает два способа цветной инкрустации (все вставки ныне утрачены, поэтому судить о цветовом решении невозможно). Первый использован в оформлении оперения на шее, груди и крыльях птицы, трактованного в виде сплошного чешуйчатого орнамента перегородчатой инкрустации с напаянными дугообразными перегородками. Второй способ инкрустации более лаконичен: на гладкой поверхности тела копытного плечо и бедро акцентированы вставками с углубленными гнездами в форме сложной геометрической фигуры. Подобное декоративное решение характерно для центральноазиатских памятников звериного стиля раннескифского времени, где вставки из бирюзы обычно имеют форму запятой. Таким образом, от этой традиции вставки на сибирском эгрете отличаются более сложной формой и дополнительным вторым контуром вокруг них.

¹ Приношу благодарность Р. С. Минасяну за консультацию.

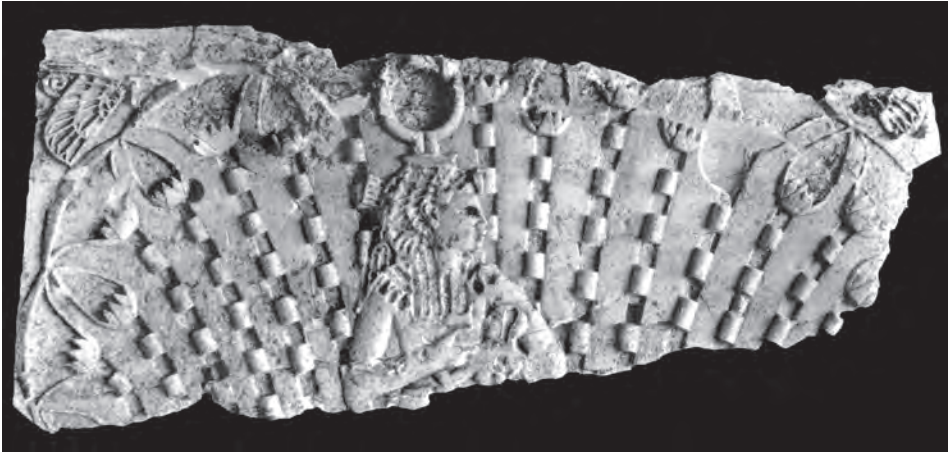

Рис. 4. Пластина из Нимруда. Слоновая кость. Иракский музей. Багдад. ND 9475 (по: Mallowan, 1966. Р. 567. III. 513)

Держава Ахеменидов породила искусство, выработавшее определенные каноны, декоративные принципы и приемы стилизации в изобразительном творчестве, которое базировалось на традициях древневосточной культуры. В свою очередь, ахеменидская художественная традиция оказала влияние на развитие искусства в периферийных областях иранского мира, в том числе на культуру ираноязычных кочевников Евразии – саков, скифов и сарматов. Искусство кочевников Алтая и Средней Азии несет на себе ярко выраженный отпечаток ахеменидского влияния.

Полихромия характерна для ахеменидских ювелирных изделий. Перегородчатая инкрустация с использованием разных материалов, включая натуральные камни, придает нарядную яркость и геометризированную орнаментальность ахеменидским украшениям. Полихромная иранская инкрустация, несомненно, уходит корнями в финикийские и ассирийские традиции, которые оставили ощутимый след в художественной культуре Древнего Востока и опосредованным образом перекочевали и в искусство звериного стиля.

В алтайских памятниках звериного стиля ощущается также влияние образов иранской архитектуры ахеменидского времени, для которой были характерны полихромные рельефы и цветные изразцы.

Аналогии украшениям из петровской коллекции, принадлежащим выделенной группе, обнаруживаются и в памятниках Казахстана. Пара поясных пластин из Сибирской коллекции в виде симметричных блях с изображением сцены терзания коня монстром относится к рассматриваемой группе. Бляхи выполнены в технике чеканки, что отличает их от прочих (как правило, литых) поясных блях петровской коллекции того же типа. Таким образом, этот поясной комплект, несомненно, имеет выделяющие его стилистические и технологические особенности.

Крылатый фантастический хищник с телом льва и рогами козла, как и поверженный конь, представлены с S-образно вывернутым туловищем. Вся композиция в целом построена на ритме S-образной кривой.

Бедра коня и хищника акцентированы вставками, вероятно, из бирюзы, которые не сохранились. Гнезда для вставок имеют двойной контур, подчеркнутый тонкой врезной линией, что характерно для всей группы рассматриваемых вещей, и расположены в виде орнаментального геометрического мотива, который состоит из круга с примыкающими к нему с двух сторон разнонаправленными криволинейными треугольниками. Плечо коня отмечено подобной орнаментальной фигурой, но в сокращенном виде – кружком с одним криволинейным треугольником.

Крыло и загривок чудовища, грива коня, ноги и изогнутая линия хребта у обоих животных обозначены косым рубчиком, который является характерным элементом в художественных изделиях выделенной группы. Необычна манера изображения ушей: они намеренно воспроизведены развернутыми в противоположную естественному положению сторону, аналогично изображению уха козла на бляхе из Верхнего Погромного. Эта необычная особенность в изображении ушей фиксируется и в некоторых памятниках Алтая. Причем аналогии обнаруживаются именно среди художественных изделий 1-го и 2-го Пазырыкских курганов. Так, композиции на медных штампованных пластинах с золотыми обкладками демонстрируют в симметричной композиции образы обращенных друг к другу в одном случае хищников с рогами козла и конскими копытами, а в другом – грифонов. Изображения выполнены в стиле, чрезвычайно близком сибирским бляхам и всей группе предметов, тяготеющих к иранскому кругу (Руденко, 1948. С. 47, 48. Рис. 27; 28). Звериные изображения на войлочных аппликациях из этого же кургана имеют те же стилистические особенности. Ближе всех в стилистическом отношении к ним круглая бляха из коллекции Петра I со сценой терзания. И в бляхах из 2-го Пазырыкского кургана, и на украшении из Сибирской коллекции присутствует рельефный акцентирующий геометрический мотив в виде сочетания круга с округлыми скобками, но нет криволинейных треугольников.

Что касается звериного стиля поясного комплекта из Сибирской коллекции, то ближе всего к нему, несомненно, стоят зооморфные изображения из кургана Иссык. Это относится прежде всего к фигуре хищника и, в меньшей степени, к изображению поверженного коня. Хотя совершенно точного совпадения в деталях нет. В иссыкских изображениях вообще отсутствуют цветные вставки и столь характерный для выделенной группы геометрический мотив, который вообще неизвестен в зверином стиле в памятниках Казахстана.

Тем не менее этот орнаментальный геометрический мотив, как ни странно, представлен именно в изделиях, связанных с культурой кочевников. При уточнении даты эта особенность декора может служить хронологическим индикатором для целой группы художественных изделий. Не исключено, что художественное влияние традиций Древнего Востока на искусство алтайских кочевников было косвенно связано с походами Александра Македонского, которые способствовали активизации взаимодействия разных культур.

Вероятно, вещи этого круга были созданы в зоне непосредственных контактов кочевников с ахеменидской Персией и на стыке культур Средней Азии, Южной

Сибири и Ирана. Где-то на периферии Ахеменидской державы могли находиться производственные центры, сохранявшие, с одной стороны, художественные и технологические традиции культуры Древнего Востока, прежде всего – Ассирии, а с другой стороны – находившиеся в непосредственной близости к кочевникам.

Все эти вещи демонстрирует стиль, близкий ахеменидскому искусству, и, вероятно, могли быть сделаны где-то на периферии иранского мира. Эта группа, безусловно, может быть соотнесена по стилистическим и технологическим признакам с памятниками типа Амударьинского клада и Тахти-Сангин в Средней Азии, т. е. с бактрийским кругом художественных изделий. Однако вещи, входящие в эту группу, имеют и аналогии среди художественных изделий кочевников Алтая и Казахстана, которые никак нельзя отнести к разряду импорта. Так, эгрет из Амударьинского клада имеет очевидное композиционное сходство с бронзовой ручкой от котла V–III вв. до н. э., найденной в Казахстане, а изображение на эгрте фантастического существа в деталях имеет поразительные совпадения с мордой кошачьего хищника на концах гривны из кургана Иссык в Казахстане.

Любопытно, что полное совпадение стилистических особенностей наблюдается в зооморфном оформлении браслета и поясной пластины из Верхнего Погромного и в зверином стиле изделий из некоторых алтайских курганов. Оба украшения из сарматского погребения в стилистическом отношении ближе всего стоят к художественным изделиям из 2-го Пазырыкского кургана. Причем некоторые декоративные приемы, манера исполнения и трактовка формы повторяются в точности и в золоте украшений, и в пазырыкских предметах из органических материалов. Так, на кожаной фигурке лося из 2-го Пазырыкского кургана рог оконтурен двойной линией, образующей небольшой рельеф; глаз животного приобретает подтреугольную форму, что полностью совпадает с деталями изображения оленя на браслете из Верхнего Погромного.

ЛИТЕРАТУРА

- Королькова Е. Ф., 2011. Конский «эгрет» со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I // Сообщения ГЭ. Вып. 69. СПб.: ГЭ. С. 5–14.
- Руденко С. И., 1948. Второй Пазырыкский курган: результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР в 1947 г.: предварит. сообщение. Л.: ГЭ. 91 с.
- Толстой И., Кондаков Н., 1890. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения. 215 с.
- Acquaro E., De Vita P., 2009. The Phoenicians. History and Treasures of an Ancient Civilization. Italy: White Star Publishers. 207 p.
- Bunker E. C., Chatwin C. B., Farkas A. R., 1970. «Animal Style» Art from East to West. N. Y.: The Asia Society, Inc. 186 p.
- Dalton O. V., 1964. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-work. 3rd ed. London: the Trustees of the British Museum. 124 p.
- Mallowan M. E. L., 1966. Nimrud and its Remains. Vol. II. London: Collins: The British School of Archaeology in Iraq. 677 p., ill., maps.
- Muscarella O. W., 2003. Museum constructions of the Oxus Treasures: forgeries of provenance and ancient culture // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia: An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 9. No. 3, 4. P. 259–275.

Сведения об авторе

Королькова Елена Фёдоровна, Государственный Эрмитаж, Дворцовая пл., 2, Санкт-Петербург, 196158, Россия; e-mail: lenkor_54@mail.ru

E. F. Korol'kova

ORIGIN OF SOME SPECIFIC TRAITS OF
THE SIBERIAN ANIMAL STYLE

Abstract. Stylistic features of works of art may serve as indicators of cultural attribution since formal traits of a style define a rather narrow local, chronological or ethnocultural group of sites, i. e. characteristics of the shape determine a cultural and historical position of a work of art. Stylistical and typological methods help address the task of cultural affiliation of ancient works of art. The paper focuses on a compact group of things, including works of art (mostly, made of gold) retrieved from various sites and characterized by a set of recurring traits. This group includes items from the so called Amu Darya treasure hoard, several items from the Siberian Collection of Peter I, a few jewelry pieces from other collections as well as items made of leather and felt coming from the first and the second Pazyryk kurgans. A distinctive feature of this group of zoomorphic images are colored inlays that accentuate an upper leg or a shoulder of the animal; such inlays have the form of an intricate figure made up of a circle and a curvilinear triangle abutting to it or elongated round brackets (Fig. 1; 2). Genetically, such ornamental motif, which is not generally typical for Persian art, may be linked to a periphery area of the Iranian world and a nomadic culture, while the isolated group of sites can be dated back to the 4th–3rd centuries BC.

Keywords: Scythian Siberian animal style, artistic technique, incrustation, inlay, contour, stylistic group, piece of jewelry, origin, ornamental motif.

REFERECES

- Acquaro E., De Vita P., 2009. The Phoenicians. History and Treasures of an Ancient Civilization. Italy: White Star Publishers. 207 p.
- Bunker E. C., Chatwin C. B., Farkas A. R., 1970. «Animal Style» Art from East to West. New York: The Asia Society, Inc. 186 p.
- Dalton O. V., 1964. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-work. 3rd ed. London: The Trustees of the British Museum. 124 p.
- Korol'kova E. F., 2011. Konskiy «egret» so stenoy terzaniya iz Sibirskoy kollektsii Petra I [Horse «agreda» with gripping animals scene from Siberian collection of Peter I]. *Soobshcheniya GE [GE Communications]*, 69. St. Petersburg: GE, pp. 5–14.
- Mallowan M. E. L., 1966. Nimrud and its Remains, II. London: Collins: The British School of Archaeology in Iraq. 677 p., ill., maps.
- Muscarella O. W., 2003. Museum constructions of the Oxus Treasures: forgeries of provenance and ancient culture. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia: An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*, vol. 9, no. 3–4, pp. 259–275.
- Rudenko S. I., 1948. Vtoroy Pazyrykskiy kurgan: rezul'taty rabot ekspeditsii Instituta istorii material'noy kul'tury AN SSSR v 1947 g.: predvaritel'noe soobshchenie [Second Pazyryk kurgan: results of works of expedition of the Institute for history of material culture, AN USSR in 1947: preliminary communication]. Leningrad: GE. 91 p.

Tolstoy I., Kondakov N., 1890. Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva [Russian antiquities in monuments of art], 3. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya. 215 p.

About the author

Korol'kova Elena F., The State Hermitage museum, Dvortsovaya pl., 2, St. Petersburg, 196158, Russian Federation; e-mail: lenkor_54@mail.ru

Вл. А. Семенов

КАБАН: «КОПЫТНЫЙ ХИЩНИК» В СКИФСКОМ ИСКУССТВЕ И МИФОЛОГИИ

«На медведя идешь – соломки бери,
на кабана идешь – гроб теши» (Сиб.)
Владимир Даль

Резюме. В скифской мифологии, которая отражена в зверином стиле, значительное место занимает образ кабана, сущность которого может быть рассмотрена как двоякая. С одной стороны, кабан является парнокопытным животным, с другой – это опасный и свирепый зверь, воплощение демонических сил природы. В статье рассматриваются различные агрессивные состояния кабана, отраженные в скифском искусстве и нарративных источниках.

Ключевые слова: скифское искусство, кабан, петроглифы, оленные камни, аржано-майэмирский стиль, Балгазынская композиция.

В скифском искусстве кабан менее заметен, чем олень или козел, но не уступает кошачьему или какому-либо другому хищнику. Кабан-вепрь обладает, можно сказать, огромной раскрепощенной энергией, которая всегда расценивалась как потенциальная агрессия. В греческой и кельтской мифологии он рассматривается как опасный противник. Добыча Эримафского вепря приравнивалась к одному из подвигов Геракла, а Калидонская охота носила коллективный характер и стоила жизни нескольким эллинским героям, о чем патетически повествует Гомер:

...Артемида богиня...
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя,
Страшный он вред наносил...
...Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый,
Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
Многих: его одолеть не успели бы с малою силой...
Гомер. Илиада. Песнь 9 – 530–545.
Пер. Н. И. Гнедича

Другой мифический вепрь, Бел Гулбан, стал причиной смерти героя кельтской мифологии Диармайда из-за того, что щетина зверя была ядовитой (Кельтская

мифология..., 2002. С. 242). К сожалению, мы не знаем архаической скифо-сибирской мифологии. Народы, обитавшие в степном поясе Евразии – скифы, савроматы, саки, массагеты и др., известные из античных источников, были, по всей вероятности, носителями восточноиранских языков (Раевский, 1985. С. 5–13; Клейн, 1987. С. 61–82). Ираноязычие скифов является фактом вполне доказанным, но язык этот «мертвый», бесписьменный, поэтому в нашем распоряжении остается только «семантика звериных образов» и не прямые аналогии, заимствованные из индоиранских источников – Ригведы и Авесты. Кабан здесь выступает в двух взаимоисключающих друг друга ипостасях. В Авесте кабан появляется как одно из десяти воплощений божества Войны и Победы – Вэртагна, предстающий перед пророком Заратуштрой, и, хотя это стало уже общим местом во многих публикациях, я приведу здесь текст, относящийся к инкарнации кабана:

Явился Заратуштре
На пятый раз Вэртагна,
Создание Ахуры,
Рассвирепевшим Вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал.
Взбешенным, недоступным,
Сердитым, пестромордым,
Увертливым, проворным,
Явился так Вэртагна.

Авеста. Гимн Вэртагна. Яшт 14 «Бахрам Яшт».
Пер. И. М. Стеблин-Каменского

В девяти своих инкарнациях Вэртагна предстает в «гневных» зооморфных воплощениях, а в десятой – в человеческом облике «Великолепного, прекрасного, богоданного Мужа». Согласно «Ригведе», вепрь, как одно из воплощений демона Вритры, является олицетворением Хаоса. Вритра змееобразен: без рук и ног, бесплечий, издает шипение. Он дикий, хитрый зверь, растет во тьме, «не человек» и «не бог». Вритра скрыт в воде, лежит в водах, сдерживает воду и т. д. Рожденный для его уничтожения Индра имеет эпитет «Вритрахан» – «убийца Вритры», имеет авестийское соответствие «Вэртагна». Исходя из приведенных текстов, мы видим раздвоение образа вепря в Авесте и Ригведе: в первом случае в образе вепря выступает сам Вэртагна, во втором – его антипод, демон-оборотень Вритра, которого в образе вепря-дракона поражает стрелой с железным наконечником риши Трита-Траэтан, сила которого для борьбы с Вритрой была укреплена Индрой (Ригведа 99.6).

Теперь, установив место вепря, демона или бога в индоарийской иерархии, можно обратиться к скифскому кабану. О «межеумочном» положении кабана в скифском бестиарии уже упоминалось ранее (Переводчикова, 1994. С. 46–48). Архаичность и длительность существования наскальных изображений, выполненных в скифском зверином стиле, а также резьбы по кости, торевтике и литья в Центральной Азии позволяет выделить серию интересующих нас изображений кабана, характеризующих его как метафорического копытного хищника. Почти

всегда петроглифы объединяются в группы с присоединительной связью, казалось бы, без предварительного замысла, но при использовании метода «визуальной археологии» вскрывается определенная структура связей между объектами, размещенными на изобразительной поверхности. Так, в местонахождении Беги-ре (Центральная Тува) на вертикальной скальной плоскости выявлено 15 изображений, среди которых выделяются 3 кинжала, 3 чекана, пятиугольная фигура в стиле «щитов» с оленних камней, всадник и олень, ведомый как бы на поводу, перед ним козел с занесенным над ним чеканом, ниже еще 2 козла, движущихся слева направо (Килуновская, 2002. С. 136–141). Все эти изображения сосредоточены вокруг большого кинжала-меча. Меч занимает здесь доминирующее положение. Он же и условная ось симметрии. Как известно из книги 4 истории Геродота (IV.62), в специально отведенных местах железному мечу «Аресу» ежегодно приносят в жертву коней и прочий рогатый скот. Ниже всей композиции изображен «атипичный», как и все остальные фигуры животных на этой скале, кабан. Он занимает место под «щитом» (рис. 1, 2). Данная «знаковая» композиция нашла полное воплощение в архетипической модели мира в оленних камнях. Оленние камни в контексте изобразительной и семантической системы могут быть отнесены к семиотически емким простым символам, так как основой их структурного каркаса является вертикаль – менгир, столб, коновязь, мировое дерево, соединяющее верх и низ.

Очевидно, что оленние камни отражают способ статического моделирования пространства и помещаются всегда в условном центре мифологического мира, вокруг которого разворачивается весь космический универсум. Этим определяется полисемантичность и полифункциональность оленнего камня на всех содержательных уровнях. Он может рассматриваться как центр локуса, как меморативный обелиск в связи с установкой у могильников и поминальных комплексов, как генетативный символ (первопредок). Деление на три зоны – верхнюю, среднюю и нижнюю – позволяет сопоставить те или иные символические образы с их местом в трехмерном пространстве. На Кош-Пейском оленнем камне, где все эти зоны четко разграничены, кабан помещен в нижнем мире, под поясом, вместе с оружием (рис. 2, 1–3). Кроме того, он выполнен в объемной барельефной технике, что подчеркивает значимость этого персонажа как хтонического, демонического божества. Он находится именно там, где размещены предметы вооружения с фаллической символикой – кинжал, нож и оселок, лук. Хтонические существа связаны одновременно с производительной силой земли/воды и умертвляющей потенцией преисподней (Килуновская, Семенов, 1993. С. 88–103; Ерофеева, 1992. С. 75–77; Маковский, 1996. С. 220, 221).

Кабаны на скалах Центральной Азии могут быть отнесены к той или иной стилистической группе. Наиболее устойчивым и выразительным является, вероятно, аржано-майэмирский стиль, начальные стадии которого надежно датируются по обломку оленнего камня, обнаруженному при разборке каменной насыпи кургана Аржан (рис. 1, 1). Кабаны здесь изображены как в контурной, так и силуэтной технике. Их всего 6, но у контурных кабанов показано по две пары ног, а у силуэтных по две ноги – задняя и передняя. И у тех и у других акцентированы клыки, но все фигуры выполнены в статичной позе с опущенными вниз мордами. Такие кабаны, т. е. силуэтные, с двумя ногами, представлены как

Рис. 1. Изображения кабана из памятников Тувы и Монголии

1 – Аржан. Тува. Оленный камень из насыпи кургана (по: Грязнов, 1980. Рис. 29, 2); 2 – Бегире. Тува. Плоскость с наскальными изображениями (по: Килуновская, 2002. С. 136); 3, 4 – Аржан-2. Тува. Плиты с изображениями из кургана (по: Чугунов, 2008. С. 57); 5 – Цаган-Гол. Монголия. Петроглифы в аржано-майэмирском стиле (по: Répertoire. P. 352. Fig. 926)

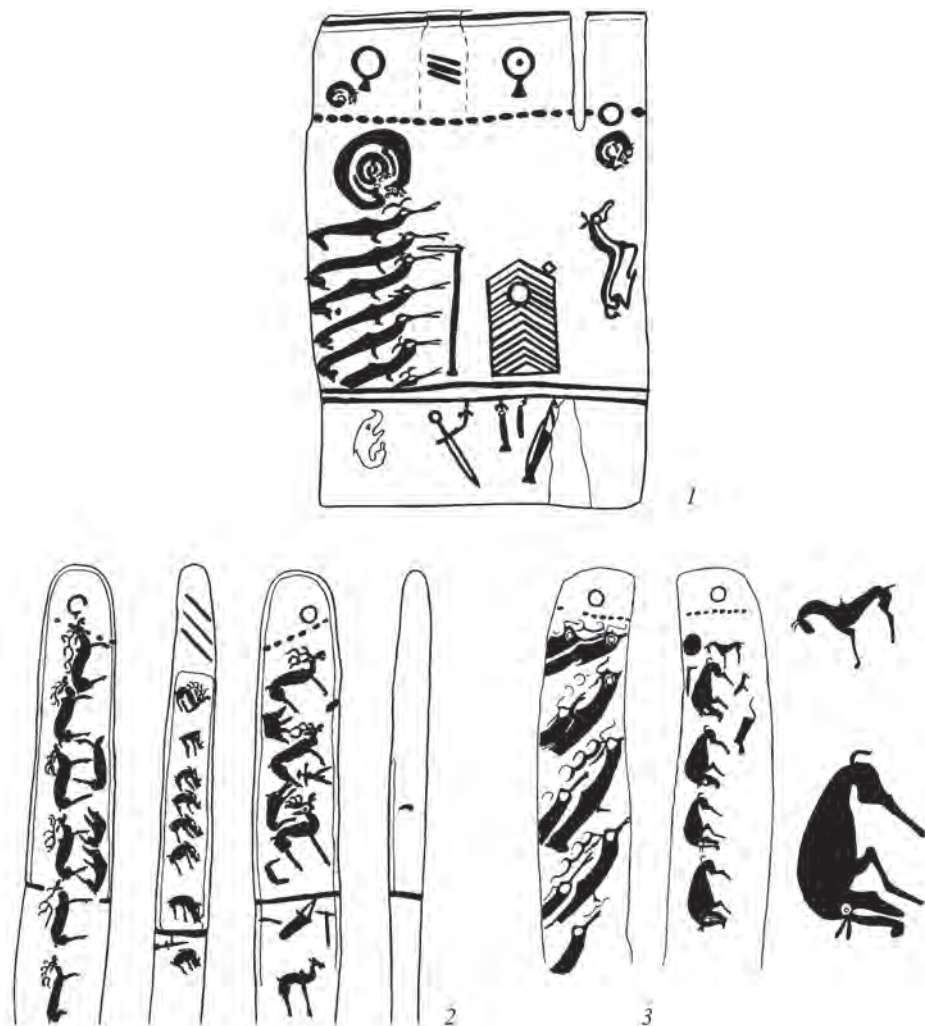

Рис. 2. Изображения кабана на оленних камнях

1 – Кош-Пей. Тува. Оленный камень; 2 – Уюк-Аржан. Тува. Оленный камень (по: Килуновская, Семенов, 1998. Рис. 2, 8), 3 – Баян-Зурх. Монголия. Оленный камень (по: Волков, 2002. Табл. 126–1)

в наскальном искусстве (особенно среди петроглифов Монгольского Алтая – рис. 1, 5), так и на многих оленних камнях, например Уюк-Аржан (рис. 2, 2) (Килуновская, Семенов, 1999. С. 130–143). Совокупность изображений на этом камне иная, чем на Кош-Пейском. Трехмерное пространство здесь «разрушено» движением оленей из нижнего мира в верхний. Тут к ним присоединяются и кабаны. На лицевой стороне в средней части камня 6 кабанов, седьмой – в нижней части, ниже пояса. К поясу подвешено оружие – кинжал, лук, чекан. Символика

кабана и оружия здесь та же, что и на Кош-Пейском камне. Время создания Уюк-Аржанского камня, вероятно, ближе ко времени возникновения Аржана-2, о чем можно судить и по стилистике изображений, и по появлению фигуры верблюда на нем, так как этих животных мы видим на плитах, обнаруженных в кургане Аржан-2 (Чугунов, 2008. С. 53–69). На курганных плитах представлены антитетические композиции, когда пара кабанов находится в состоянии конфронтации или между ними оказываются и другие животные (рис. 1, 3, 4). То же условное противостояние оленей и кабанов отражено и на оленном камне из Баян-Зурх (рис. 2, 3) (Волков, 2004. С. 9–21).

От статики мы перейдем к динамике, развитие которой представлено в серии различных и разновременных изображений «агрессивных» состояний вепря. В какой-то момент кабан поднимает голову, весь его облик выражает ожидание и готовность к атаке, так, по крайней мере, выглядит изображение на скалах Орта-Саргола (рис. 3, 2). Поджарый, длинноногий, с торчащим вверх клыком и вздыбленной шерстью. Назовем эту позу позой «сдерживаемой агрессии». Затем зверь, готовясь к атаке, припадает на переднюю ногу и опускает голову с нацеленным на противника клыком (рис. 3, 1, 4) и, наконец, атакует его (рис. 3, 3). Выполненные из кости и дерева изображения также позволяют резчику передать эмоциональный характер происходящего. Именно эту позу Е. В. Переводчикова рассматривает как обычную при изображении хищных зверей (Переводчикова, 1994. С. 46).

Хтоническая природа кабана передается в его образе не только на акцентировании клыков, но и на оскаленной пасти с треугольными дентикулами. На скале Бичикту-Бом кабаны, стоящие на кончиках копыт и с гребнем на загривке, что позволяет отнести эти фигуры к аржано-майэмирскому времени, оснащены двумя парами клыков, а в раскрытой пасти подчеркнуты треугольные дентикулы и длинный язык, что само по себе является признаком хищного зверя (Королькова, 2006. С. 108) (рис. 3, 7). Подобная форма зубов и языка прослеживается у кабана из Ур-Марала (Таласская долина) (рис. 3, 6) и из Цаган-Гола (Монгольский Алтай) (рис. 3, 5), на основании чего мы можем поставить знак равенства между кабаном-хищником и плотоядным хищником, изображенные дентикулы у которого могут быть треугольной формы, например у аржанской пантеры. Треугольные или вертикальные дентикулы изображаются довольно часто у хищников, например зверь, терзающий коня на скале Мортук в Овюрском районе Тувы (рис. 3, 9), свернувшийся кольцом хищник на тыльной стороне Кош-Пейского камня (рис. 1, 3), серпентиновые плоские гальки из Тувы (рис. 2, 11) (полная сводка изображений хищника в скифское время в Центральной Азии представлена Е. С. Богдановым (2006)).

Как хищник, так и кабан наделены определенными апотропеическими функциями. Ножи, кинжалы, чеканы и секиры нередко снабжены фигурами кабанов на навершиях или обушках оружия. Разнообразие этих форм довольно велико. Особенно много их на минусинских бронзах. Среди обычной серии канонических изображений встречаются редкие стилизации, например протома кабана на втулке секиры. Как отмечает М. П. Завитухина, отсутствие клыка замещают два ряда острых треугольных зубов хищного зверя (Завитухина, 1983. С. 47, 48. Рис. 63).

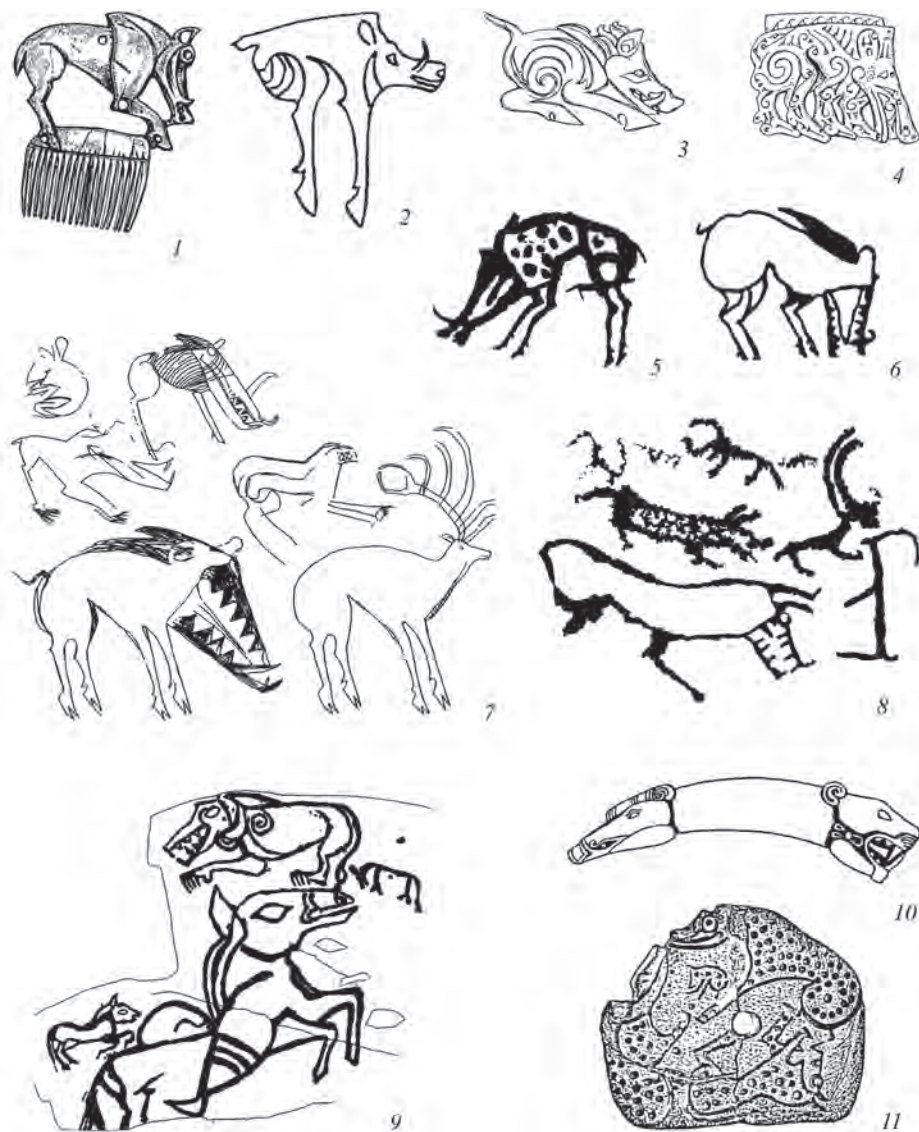

Рис. 3. Изображения кабана

1 – Тоджа. Тува. Изображение кабана на гребне. Кость (по: Дзвлет. 1975. Рис. 19, 2); 2 – Орга-Саргол. Тува. Изображение кабана на скале (по: Дзвлет. 1982. Табл. 11); 3 – Башадар. Алтай. Резьба по дереву, 4 – Филипповские курганы. Оренбургская обл. Золотая накладка на деревянный сосуд (по: Королькова. 2006. Табл. 10, 2, 1); 5 – Цаган-Гол. Монголия. Изображение кабана на скале (по: Répertoire. P. 330. Fig. 863); 6 – Ур-Марал. Казахстан. Изображение кабана на скале (по: Шер, 1980. Рис. 32); 7 – Бичикту-Бом. Горный Алтай. Петроглифы (по: Миклашевич, 2012. Рис. 9); 8 – Болгар-Табаты. Казахстан. Петроглифы (по: Самашев, 1992. Рис. 134); 9 – Мортук. Тува. Петроглифы (по: Килуновская, 2011. Рис. III); 10 – Новопривольное. Подонье. Декорированный клык кабана (по: Королькова, 2006. Табл. 9, 7–7); 11 – Тува. Случайная находка. Серпентиновая плитка с изображением кабанов и хищника (по: Семенов, 2015. Рис. 129)

Клыки кабанов использовались как неотъемлемая часть конского снаряжения. Клыки могли быть недекорированными, как в Аржане-1, но зачастую были гравированными и несли дополнительную семантическую нагрузку, совмещая определенный «сгусток культуры» и его явление, представленное знаком в конкретном предмете (рис. 3, 10).

Безрезультатная адаптация неустойчивого демона-вепря раскрывается в эпической традиции, отраженной в памятниках скифского изобразительного искусства. В необычной для скифского звериного стиля манере выполнена так называемая Балгазынская композиция, «обретенная» А. Д. Грачом в процессе раскопок скифских курганов на Балгазынской оросительной системе в Туве (рис. 4, 1). Этот уникальный памятник культового литья – золотая пронизь-ворворка – имеет максимальный диаметр в основании 5 см и высоту 4 см. Несмотря на небольшие размеры, эта уникальная вещь заключает в себе очень важный сюжет для раскрытия темы кабан-хищник. Здесь разворачивается драматическая ситуация, схватка человека с вепрем. Герой, а это, безусловно, герой, так же как и кабан, пребывают в непосредственном соприкосновении. Герой поражает вепря акинаком, а вепрь поражает героя, которому на помощь приходит собака. Эта мифологема была вскрыта при анализе Балгазынской композиции Н. Л. Грач и А. Д. Грачом. Здесь кабан выступает в роли демона Вритры, с которым борется культурный герой Трита (Траэтон), восходящий к прародителю скифов Таргитаю (*Грач, Грач*, 1987. С. 134–148).

Этот сюжет не изолирован на Саяно-Алтайском нагорье. Он имеет аналогии в скифском искусстве. В 1971 г. при прокладке дороги в долину реки Ачик был найден железный акинак длиной 30 см и шириной клинка 3,2 см. На плоском подтреугольном навершии со скругленными углами изображен «герой», вступающий в схватку с крупным вепрем, припавшим на обе ноги (поза нападающего хищника). Также задран кверху изогнутый крючком хвост, подчеркнут клык. Сохранность кинжала не очень хорошая, но за спиной «героя» угадывается силуэт сопровождающей его собаки (*Суразаков*, 1979. С. 265–269) (рис. 4, 2).

Оба эпизода схватки мифологического персонажа с вепрем позволяют нам сопоставить этот сюжет с цитированными выше мандалами «Ригведы». Но Вритра выступает главным образом в облике дракона. Вепрь – это единичный эпизод в текстах «Ригведы», и эта ипостась Вритры находит аналогии в скифо-сарматском искусстве. На золотой гривне из Кобяковского могильника, выполненной, как и Балгазынское навершие, в технике чеканки по золоту и инкрустации полудрагоценными камнями, в центре круговой композиции находится мужчина-жрец в скифском костюме, со скрещенными ногами и чашей в руках, с акинаком на коленях. Слева и справа от центральной фигуры в композиции трижды повторяется сцена борьбы дракона с тремя зоантропоморфными существами. Один из таких персонажей в скифском доспехе и с маской на голове, припав на правое колено, замахивается правой рукой с акинаком на дракона и левой хватает его за загривок (рис. 4, 3). Дракон-змей кусает героя за левое колено (точно так же кабан на Балгазынской композиции вонзает свой клык в левую ногу «охотника»). Другое сказочное существо, оседлав дракона, пытается нанести ему удар акинаком по спине. Третий персонаж держит дракона за хвост. Многие детали обеих рассмотренных композиций совпадают. «Охотник» на Балгазынском навершии

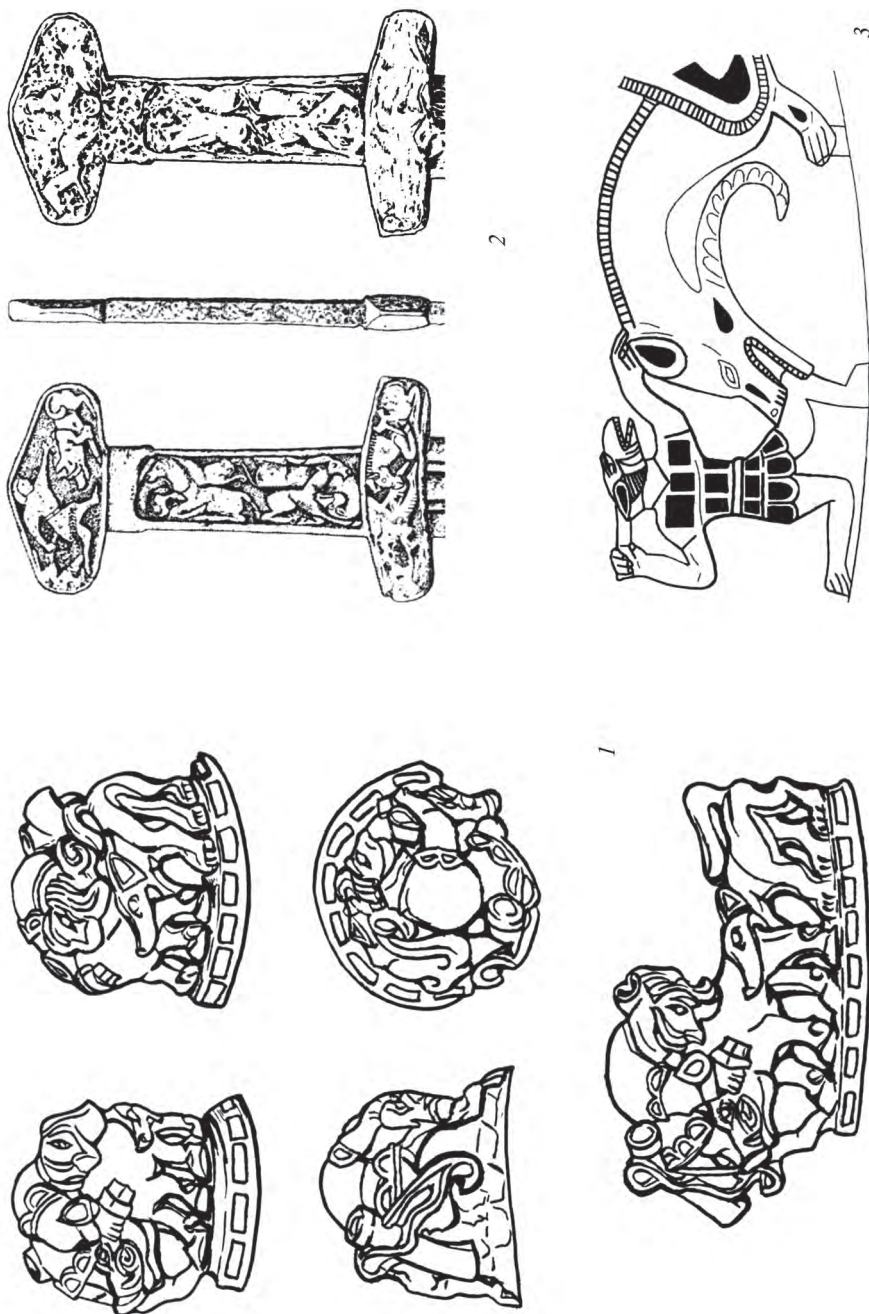

Рис. 4. Изображения кабана на металлических изделиях

1 – Балгазын, Тува. Ворворка с многофигурной композицией. Золото (по: Грач, 1980. Рис. 117); 2 – Ачик, Горный Алтай. Кинжал. Железо (по: Суразаков, 1979. Рис. 2); 3 – Кобяково. Ростовская гривны. Золото (по: Яценко, 2010. Рис. 9, 2)

имеет гипертрофированно большой нос, напоминающий клюв птицы, а у персонажа на Кобяковской гривне маска грифона с клювом-пастью. Подчеркнуто наличие костюма-доспеха в обоих случаях, что говорит о героическо-божественном характере персонажа. Сцена борьбы с вепрем встречается и на золотых пряжках из Сибирской коллекции Петра I, известных под названием «Охота в лесу» (Грязнов, 1961. С. 21).

Все это дает достаточно оснований рассматривать сцены схватки с кабаном как элементы змееборческого мифа, нашедшего свое воплощение в искусстве скифо-сакских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 240 с.
- Волков В. В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 248 с.
- Волков В. В., 2004. Оленные камни Монгольского Алтая // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН. С. 9–21.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. 256 с.
- Грач Н. Л., Грач А. Д., 1987. Золотая композиция скифского времени из Тувы // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука. С. 134–148.
- Грязнов М. П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3. Л.: Изд-во ГЭ. С. 7–31.
- Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 62 с.
- Дэвлет М. А., 1975. Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука. С. 119–127.
- Дэвлет М. А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука. 128 с.
- Ерофеева Н. Н., 1992. Лук // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. С. 75–77.
- Завитухина М. П., 1983. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство. 190 с.
- Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо. 2002. С. 242.
- Килуновская М. Е., 2002. Композиция в стиле оленных камней на скалах Бегреды // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XIX. Кызыл: Тувинский ин-т гуманитарных иссл. С. 136–141.
- Килуновская М. Е., 2011. Новые петроглифы на южном склоне Восточного Танну-ола в Туве // Археология Южной Сибири. Вып. 25. Кемерово: Изд-во КемГУ. С. 86–90.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., 1993. Оленный камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: Изд-во КемГУ. С. 88–103.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., 1998. Оленные камни Тувы (Ч. 1: Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. Вып. 5. С. 143–154.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., 1999. Оленные камни Тувы (Ч. 2: Сюжеты, стиль, семантика) // АВ. Вып. 6. СПб.: ИИМК РАН; Дмитрий Буланин. С. 130–145.
- Клейн Л. С., 1987. Индоарии и скифский мир. Общие истоки идеологии // Народы Азии и Африки. № 5. С. 61–82.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.
- Маковский М. М., 1996. Меч // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Гуманитарный изд. центр «Владос». С. 220, 221.
- Миклашевич Е. А., 2012. Техника и гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 157–202. (Труды САИПИ; вып. IX.)
- Переводчикова Е. В., 1994. Язык звериных образов. М.: Восточная литература. 206 с.
- Раевский Д. С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.: Наука. 255 с.

- Самашев З. С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым. 288 с.
- Семенов Вл. А., 2015. Искусство варварских племен. СПб.: НП-ПРИНТ. 400 с.
- Суразаков А. С., 1979. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. № 3. С. 265–269.
- Финн и фианы // Кельтская мифология: энциклопедия. М.: Эксмо, 2002. С. 222–247.
- Чугунов К. В., 2008. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржаномайэмирского стиля) // Тропю тысячелетия: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 53–69.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Яценко С. А., 2010. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы. С. 3–21.
- Répertoire des pétroglyphes d'Asie central. Fascicule № 7: Mongolie du nord-ouest: Haut Tsagaan Gol / E. Jacobson-Tepfer, V. D. Kubarev, D. Tseveendorj, eds. Paris: De Boccard, 2006. 444 p.

Сведения об авторе

Семенов Владимир Анатольевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: ranbov@yandex.ru

VI. A. Semyonov

WILD BOAR: A 'HOOFED PREDATOR' IN SCYTHIAN ART AND MYTHOLOGY

Abstract. The image of a wild boar, which can be viewed as an ambivalent animal, occupies an important place in Scythian mythology reflected in the animal style. On the one hand, a wild boar is an ungulate; on the other hand, it is a dangerous and ferocious animal, which embodies demonic forces of nature. The paper explores various aggressive behaviors of the wild boar reflected in Scythian art and narrative sources.

Keywords: Scythian art, wild boar, petroglyphs, deer stones, Arzhan-Mayemir style, Balgazyn composition.

REFERENCES

- Bogdanov E. S., 2006. Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii [Predator image in figurative art of nomad peoples of Central Asia]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 240 p.
- Chugunov K. V., 2008. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-mayemirskogo stilya) [Slabs with petroglyphs in complex of kurgan Arzhan-2 (on chronology of Arzhan-Maiemir style)]. *Tropoyu tysyacheletiya: K yubileyu M. A. Devlet [By path of millennia: Toward jubilee of M. A. Devlet]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 53–69.
- Devlet M. A., 1975. Pamyatniki «skifskogo» vremeni v severo-vostochnoy Tuve [Monuments of «Scythian» time in North-eastern Tuva]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric archaeology of Siberia]*. Leningrad: Nauka, pp. 119–127.
- Devlet M. A., 1982. Petroglify na kochevoy trope [Petroglyphs on nomad path]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Erofeeva N. N., 1992. Luk [Bow]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*, 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 75–77.

- Finn i fiany [Finn and phianes]. *Kel'etskaya mifologiya: entsiklopediya [Celtic mythology: encyclopedia]*. Moscow: Eksmo, 2002, pp. 222–247.
- Grach A. D., 1980. Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in centre of Asia]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Grach N. L., Grach A. D., 1987. Zolotaya kompozitsiya skifskogo vremeni iz Tuvy [Golden composition of Scythian time from Tuva]. *Tsentrāl'naya Aziya. Novye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva [Central Asia. New monuments of writing and art]*. B. B. Piotrovskiy, G. M. Bongard-Levin, eds. Moscow: Nauka, pp. 134–148.
- Gryaznov M. P., 1961. Drevneyshie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoy Sibiri [Earliest monuments of heroic epos of South Siberian peoples]. *ASGE*, 3. Leningrad: GE, pp. 7–31.
- Gryaznov M. P., 1980. Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan. Royal kurgan of early Scythian time]. Leningrad: Nauka. 62 p.
- Kilunovskaya M. E., 2002. Kompozitsiya v stile olennykh kamney na skalakh Begredy [Composition in deer stones style in rocks of Begreda]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy [Scientific notes of Tuva institute for humanity research]*, XIX. Kyzyl: Tuvinskiy Institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 136–141.
- Kilunovskaya M. E., 2011. Novye petroglify na yuzhnom sklone Vostochnogo Tannu-ola v Tuve [New petroglyphs on southern slope of Eastern Tannu-ola in Tuva]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]*, 25. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 86–90.
- Kilunovskaya M. E., Semenov V. A., 1993. Olennyy kamen' – izobrazitel'naya i mifologicheskaya struktura [Deer stone – figurative and mythological structure]. *Sovremennyye problemy izucheniya petroglifov [Actual problems of petroglyph studies]*. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 88–103.
- Kilunovskaya M. E., Semyonov V. A., 1998. Olennyye kamni Tuvy. (Ch. 1: Novye nakhodki, tipologiya i voprosy kul'turnoy prinalozhnosti) [Deer stones of Tuva (Part 1. New finds, typology and problems of cultural attribution)]. *AV*, 5, pp. 143–154.
- Kilunovskaya M. E., Semenov V. A., 1999. Olennyye kamni Tuvy (Chast' 2: Syuzhety, stil', semantika) [Deer stones of Tuva (Part 2 – subjects, style, semantics)]. *AV*, 6. St. Petersburg: IIMK RAN; Dmitriy Bulanin, pp. 130–145.
- Klein L. S., 1987. Indoarii i skifskiy mir. Obshchie istoki ideologii [Indo-Arians and Scythian world. Common sources of ideology]. *Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]*, 5, pp. 61–82.
- Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii [Animal style of Eurasia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Makovskiy M. M., 1996. Mech [Sword]. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskikh yazykakh [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages]*. Moscow: Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr «Vlados», pp. 220–221.
- Miklashevich E. A., 2012. Tekhnika gravirovki v naskal'nom iskusstve skifskogo vremeni [Engraving technique in rock art of Scythian time]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentrāl'noy Azii [Figurative and technological traditions in art of North and Central Asia]*. O. S. Sovetova, G. G. Korol', eds. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 157–202. (Trudy SAIPI [Works of SAIPI], IX.)
- Perevodchikova E. V., 1994. Yazyk zverinykh obrazov [Language of animal images]. Moscow: Vostochnaya literatura. 206 p.
- Raevskiy D. S., 1985. Model' mira skifskoy kul'tury [Model of the World in Scythian culture]. Moscow: Nauka. 255 p.
- Répertoire des pétroglyphes d'Asie central. Fascicule № 7: Mongolie du nord-ouest: Haut Tsagaan Gol. E. Jacobson-Tepfer, V. D. Kubarev, D. Tseveendorj, eds. Paris: De Boccard, 2006. 444 p.
- Samashev Z. S., 1992. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya [Rock art images of Upper Irtysh region]. Alma-Ata: Gylym. 288 p.
- Semyonov V. A., 2015. Iskustvo varvarskikh plemen [Art of barbarian tribes]. St. Petersburg: NP-PRINT. 400 p.
- Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentrāl'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Surazakov A. S., 1979. Zheleznyy kinzhal iz doliny Achik Gorno-Altayskoy avtonomnoy oblasti [Iron dagger from Achik valley of High Altai autonomous region]. *SA*, 3, pp. 265–269.

- Volkov V. V., 2002. Olennye kamni Mongolii [Deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.
- Yatsenko S. A., 2010. Sidyashchiy muzhskoy personazh s sosudom v ruke na sakskey bronzovoy «kuril'nitse» iz Semirech'ya [Sitting male personage with vessel in hand on Saki bronze «censer» from Semirech'e]. *Istoriya i arkhеologiya Semirech'ya [History and archaeology of Semirech'e]*, 4. Almaty, pp. 3–21.
- Zavitukhina M. P., 1983. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya [Ancient art on Yenisei. Scythian time]. Leningrad: Iskusstvo. 190 p.

About the author

Semyonov Vladimir A., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: ranbov@yandex.ru

А. А. Тишкин, С. С. Матренин

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА В ПОЯСНЫХ ГАРНИТУРАХ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II)*

Резюме. При раскопках курганов хуннского времени на памятнике Яломан-II (Центральный Алтай) обнаружены изделия из художественного металла. Некоторые из них являются деталями поясных гарнитур. В статье публикуется коллекция предметов торевтики, представленная пряжками, бляхами и наконечниками ремней (рис. 1; 2). Данный материал расширяет источниковую базу, необходимую для интерпретации результатов, которые получены при раскопках погребальных комплексов раннего этапа булан-кобинской культуры Алтая. Анализ рассматриваемых артефактов позволяет реконструировать процессы этнокультурного взаимодействия, а также решать проблемы установления относительной хронологии археологических объектов Центральной и Северной Азии (в рамках II в. до н. э. – I в. н. э.). Важной частью исследовательской деятельности является изучение снаряжения кочевников, которое демонстрирует отдельные стороны существовавшей системы жизнедеятельности. В этом процессе также особое значение имеет смысловая нагрузка изображений, выполненных в зверином стиле.

Ключевые слова: Алтай, хунну, булан-кобинская культура, художественный металл, хронология, система жизнеобеспечения, звериный стиль.

Включение во II в. до н. э. территории Алтая в состав кочевой империи хунну (сюнну) открыло новый этап в развитии материальной и духовной культуры населения региона, что, в свою очередь, повлияло и на формирование своеобразной системы жизнеобеспечения. Новации такого рода демонстрируют погребальные комплексы раннего (усть-эдиганского) этапа булан-кобинской культуры, который определяется такими хронологическими рамками: II в. до н. э. – I в. н. э. (Тишкин, Горбунов, 2006). При их раскопках обнаружена

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

серия предметов центрально-азиатского облика, а также местные подражания, имеющие аналогии непосредственно в материалах изученных археологических объектов собственно хунну Монголии и Забайкалья (Тишкин, Горбунов, 2005; 2006; Тишкин, Горбунова, 2005; Горбунов, Тишкин, 2006; Тишкин, Серегин, 2011. С. 43–47; Tishkin, 2011; Тишкин, Матренин, 2011 и др.).

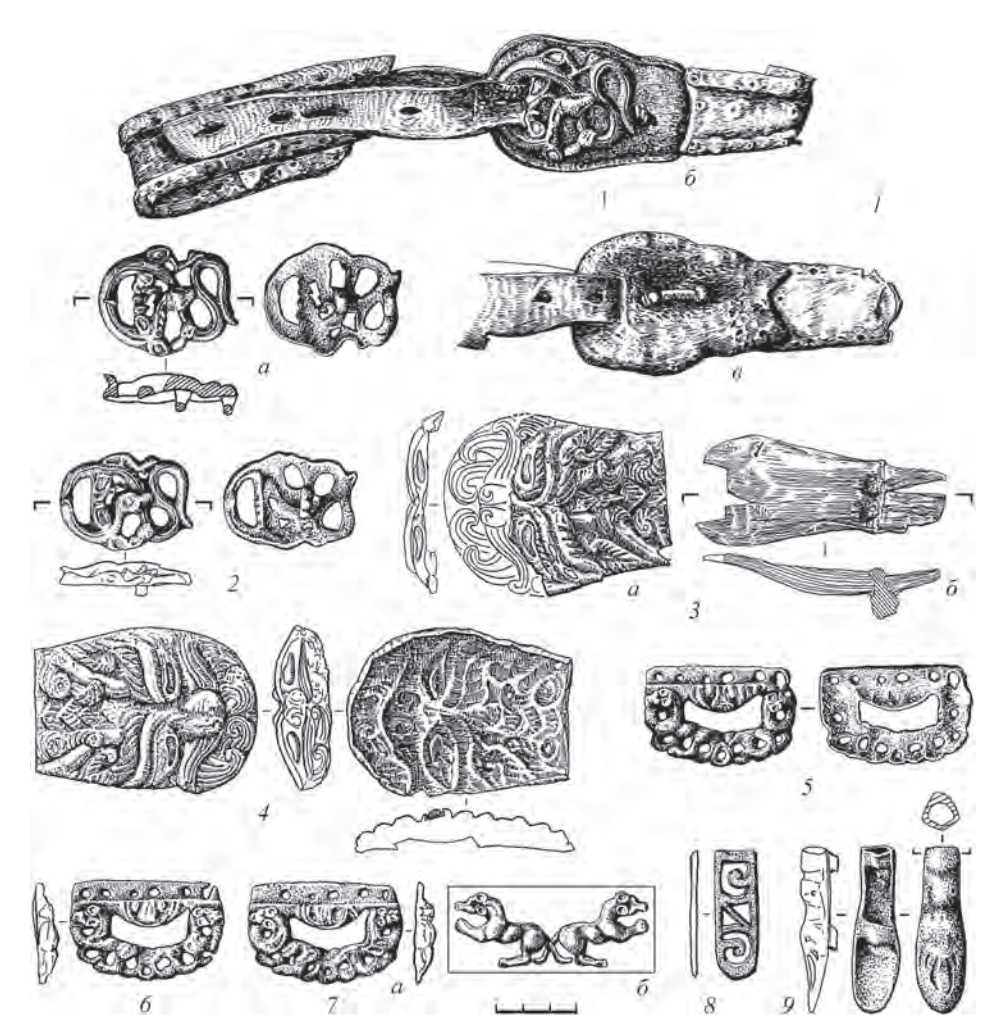
Выразительным свидетельством контактов кочевников Алтая с метрополией выступает коллекция изделий из художественного металла, найденная в ходе исследований курганов на памятнике Яломан-II (Тишкин, 2010), который расположен в Центральном Алтае около устья р. Большой Яломан, на территории Онгудайского района Республики Алтай. Опыт отечественных и зарубежных археологических исследований показывает, что данные предметы являются информативными источниками для изучения процессов этнокультурного взаимодействия разных групп автохтонного и пришлого населения, а также установления относительной хронологии памятников Северной и Центральной Азии в последней четверти I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э.

Среди полученных находок отдельного внимания заслуживают артефакты, относящиеся к поясной гарнитуре. Они зафиксированы в курганах № 23а, 43, 51, 57 и 60. Данные вещественные материалы представлены тремя категориями изделий разного функционального назначения (пряжки, бляхи, наконечники ремней). Основные задачи настоящей публикации – продемонстрировать обстоятельства обнаружения этих археологических предметов, изложить их морфологические характеристики и определить датировку, а также предложить семантическую интерпретацию имеющихся изображений.

Пряжки включают три экземпляра. В погребении женщины 20–25 лет (определение к.и.н. Д. В. Позднякова, Институт археологии и этнографии СО РАН), обнаруженной в кургане № 51, зафиксированы остатки кожаной основы пояса, застегивающегося с помощью ажурного изделия с неподвижным шпеньком (рис. 1, 1а–в; 2, 1–2). Пряжка в виде ящерицы, кусающей себя за хвост, в котором различаются сегментовидная рамка и цельный невыделенный щиток овальной формы. Соединение с неподвижным концом пояса осуществлялось посредством двух петель на оборотной стороне (рис. 1, 1а; 2, 2), через которые пропускался тонкий кожаный ремешок. Под пряжкой хорошо сохранилась подкладка коричневого цвета. Она пришивалась к кожаной основе и представляла собой что-то наподобие подшерстка (рис. 1, 1б; 2, 1). Металлическое изделие довольно выразительно смотрелось на созданном фоне (Тишкин, 2005. С. 198, 199).

Еще один похожий экземпляр пряжки (рис. 1, 2) происходит из кургана № 57, в котором также зафиксировано погребение женщины 20–25 лет (определение к. и. н. Д. В. Позднякова, Институт археологии и этнографии СО РАН). Данный образец отличается более низким качеством отливки и меньшими размерами. Кроме того, пряжка фиксировалась к ремню с помощью только одной петли на тыльной стороне корпуса (рис. 2, 3).

С помощью рентгенофлуоресцентного анализа установлен состав сплава обоих представленных изделий. Он оказался практически идентичным и включает медь с различными рудными примесями, среди которых преобладает мышьяк (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 303, 304).

**Рис. 1. Яломан-II (Центральный Алтай).
Археологические находки из курганов хуннского времени**

1 – цветной металл, кожа, подшерсток; 2, 5–9 – цветной металл, железо; 3 – золото, минерал, дерево, железо; 4 – золото, минерал

Проведенный типологический анализ деталей ременных гарнитур хуннского времени позволяет сделать вывод о наибольшей популярности на территории Центральной и Северной Азии (за исключением Среднего Енисея) во II–I вв. до н. э. пряжек с неподвижным шпеньком и цельным невыделенным щитком, а также использование их чуть ли не до начала III в. н. э. (*Матренин, Тишкин, 2015. С. 148, 149*). При этом важно отметить, что у булан-кобинского населения Алтая такие поясные детали генетически не связаны с наследием предшествующей пазырыкской культуры.

Рис. 2. Яломан-II. Изделия из художественного металла

1 – цветной металл, кожа, подшерсток; 2–8 – цветной металл

Яломанские пряжки из курганов № 51 и 57, вероятно, являются производными изделиями от ажурных поясных блях с фасиальными изображениями драконов (Азбелев, 2008. С. 70), которые представлены в составе Косогольского и Июсского кладов (а также случайными находками с территории Среднего Енисея) и датируются в рамках II–I вв. до н. э. (Дэвлет, 1980. С. 12, 13. Рис. 6, 1, 2. Табл. 19–27; 28, 104; Бороодовский, Ларичев, 2013. Рис. 33 и др.). Появление указанных блях в Южной Сибири исследователи справедливо связывают с влиянием традиций цветной металлургии хунну. При этом в археологических материалах северных хунну точные аналогии данным образцам звериного стиля пока не обнаружены. Стилистика зооморфного рельефа яломанских экземпляров сопоставима с хуннскими изделиями при ярко выраженном местном осмыслении фантастического образа дракона посредством его редукции к ящерице. Изображения на яломанских находках можно сравнить с сюжетом «извивающегося дракона», зафиксированном на китайских каменных бляхах из аристократического погребения южных хунну в могильнике Сигоупань (Внутренняя Монголия) периода Восточной Хань (Pan Ling, 2011. P. 470. Fig. 7, 4, 5).

При хронологической интерпретации яломанских пряжек необходимо в определенной мере учитывать способ фиксации их к ремню с помощью петель. У хунну такое крепление пряжек и блях, известное еще во II в. до н. э. (судя по датированным комплексам могильника Даодуньцзы), получило широкое распространение позднее (У Энъ и др., 1990). Подобное оформление деталей поясных гарнитур встречается в материалах позднихуннской (I в. н. э.) и раннесяньбийской (конец I – начало III в. н. э.) культур. Сочетание функциональных и декоративных характеристик дает основания предполагать датировку пряжек из курганов № 51 и 57 могильника Яломан-II в рамках II–I вв. до н. э. Полученные результаты радиоуглеродного анализа демонстрируют более широкие хронологические диапазоны (Тишкин, 2007. С. 267, 268, 270–274; Tishkin, 2011. P. 543).

Семантика изображения пресмыкающегося, кусающего собственный хвост, может рассматриваться в общем виде как символ «бесконечности» жизни или выражение идеи «вечного возвращения». Данная тема заслуживает отдельного исследования. Важно отметить, что рассматриваемые ажурные пряжки с изображением ящерицы происходят из женских погребений, имеющих многочисленный и редкий по своему составу сопроводительный инвентарь. К числу таких предметов из кургана № 51 можно отнести фрагмент китайского зеркала, золотую серьгу с длинной цепочкой и подвеской, медный котел, каменный алтарь, полную узду с распределителями из цветного металла (Tishkin, 2011). Оригинальные вещи из кургана № 57 представлены копией целого ханьского зеркала, деталями головного убора (включая обкладки из золотой фольги с орнаментом), гребень сложной конструкции, две железные панцирные пластины, уздечный комплект. Перечисленные изделия свидетельствуют об особом статусе женщин в социальной стратификации булан-кобинского общества.

В погребении мужчины в возрасте 30–40 лет (определение к. и. н. С. С. Тур, Алтайский государственный университет) из кургана № 43 могильника Яломан-II обнаружена поясная пряжка с деревянным корпусом, которая фиксировалась на ремне с помощью железных шпеньков. Абрис рамки арочный, форма щитка трапецевидная. Сверху пряжка украшалась обкладкой из золотой фольги с час-

тично сохранившимся рельефным фасиальным изображением головы рогатого дракона, с вставками глаз из черного агата (рис. 1, 3).

Находка представленной части золотого изделия демонстрирует высокохудожественный образец в виде одной из деталей импортных поясных гарнитур, попавших к носителям булан-кобинской культуры Алтая, по всей видимости, в процессе активных контактов с хунну. Изделие могло быть выполнено китайскими мастерами и направлено кочевникам в составе «подарков». Особенности декора позволяют сравнить яломанский экземпляр с пряжкой в виде головы сатира из захоронения хуннуской знати в некрополе Царам (курган № 7), исследованном в Бурятии и датированном 2-й половиной I в. до н. э. — началом I в. н. э., и бронзовым «навершием» рукояти китайской колесницы из элитного хуннуского погребения могильника Гол Мод (курган № 20), раскопанного в Монголии и отнесенного к началу I в. н. э. (Миняев, Сахаровская, 2007. Рис. 18; *Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга*, 2007. Зур. 3; *Brosseder*, 2011. Fig. 43, 13; 44, 3; *Treasures of the Xiongnu...*, 2011. Fig. 328). Указанные аналогичные изделия демонстрируют этап китаизации хуннуской культуры в I в. до н. э. — начале I в. н. э. Нужно подчеркнуть, что импортной могла быть не только пряжка с накладкой, но и сам пояс из кургана № 43, кожаная основа которого имела свои особенности оформления, в том числе покрытие китайским лаком (*Tishkin*, 2011. Fig. 14, 10–62). К числу импортных предметов сопроводительного инвентаря из данного закрытого комплекса относится плохо сохранившаяся ханьская «лаковая» чашечка (*Ibid.* Fig. 14, 63).

Бляхи. Такие изделия представлены четырьмя экземплярами. В кургане № 60 могильника Яломан-II, содержавшем кенотаф с мужским инвентарем, обнаружены три почти идентичные бляхи из цветного металла (рис. 1, 5–7; 2, 5–7). Они имеют литой, рельефный в сечении ажурный корпус, фиксировавшийся к поясному ремню с помощью шести небольших отверстий, расположенных в верхней части ровной планки. Абрис блях сегментовидный, нижний край и бортики фигурные. В центральной части каждая бляха имеет большую прорезь. На лицевой позолоченной поверхности предметов выделяется рельефное изображение двух кошачьих хищников, стоящих как бы на задних лапах спиной друг к другу (рис. 1, 7б). Имеется орнамент и между головами животных (рис. 1, 4–6).

Нашивной способ крепления ажурных металлических блях широко встречается в скифо-сакское и раннесарматское время. У хунну Забайкалья и Монголии данные изделия характерны для II–I вв. до н. э. В новой эре они были существенно потеснены бляхами, фиксирующимися с помощью петель и шпеньков. Точные в конструктивном и художественном отношении аналогии яломанским экземплярам представлены в погребении № 138 Иволгинского некрополя, относящегося ко II–I вв. до н. э. (*Давыдова*, 1996. Табл. 39, 2; *Пань Лин*, 2007). Похожие бляхи-нашивки, но выполненные в иной художественной традиции, имеются в торевтике сяньби конца I – начала III в. н. э. в Маньчжурии (могильник Лаохэшэнь, погребение № 56, 105) и Внутренней Монголии. Вероятно, оттуда такие модификации ременных гарнитур попадали к населению улуг-хемской культуры Тувы (могильник Аймырлыг-XXXI) и к племенам таштыкской общности (Салбык, погребение № 7) (*Jean Inn et al.*, 1985. Fig. 5, 4; 7, 3; *Мандельштам, Стамбульник*, 1992. Табл. 81, 58; *Вадецкая*, 1999. Рис. 15, 12; *Худяков и др.*, 1999.

С. 165, 168. Рис. 1; 2; Wang Renxiang, 2009. P. 455). С учетом имеющихся археологических материалов, наиболее приемлемая хронология поясных блях из кургана № 60 могильника Яломан-II – это II–I вв. до н. э. Стоит заметить, что данный закрытый комплекс является пока самым «богатым» мужским кенотафом раннего этапа булан-кобинской культуры.

Рельефная золотая бляха-накладка в виде головы дракона из кургана № 43 имела сегментовидную рамку и невыделенный цельный щиток трапециевидной формы (рис. 1, 4; 2, 4). Она была идентична представленной выше парной находке (рис. 1, 3а). Определяющее значение для датировки этого предмета имеют центрально-азиатские материалы. Важно отметить, что бляхи из дерева или железа, обложенные золотой фольгой, широко известны в хуннских памятниках конца I в. до н. э. – I в. н. э. Иконографически близкие, но не идентичные сюжеты представлены на предметах торевтики, среди которых уже упомянуты пряжка из Царама и «навершие» из Гол Мода. С учетом этих пока немногочисленных сопоставлений рассматриваемая яломанская бляха может быть предварительно датирована в пределах I в. до н. э.

Наконечники ремней с декором представлены двумя изделиями. В кургане № 60 могильника Яломан-II вместе с ажурными бляхами (рис. 2, 5–7), о которых речь шла выше, найден бронзовый наконечник из прямой пластины с овально-прямоугольным абрисом, соединявшийся с ремнем посредством прорези (рис. 1, 8; 2, 8). Корпус изделия украшен ажурными прорезями треугольной и С-образной формы. Имеются результаты рентгенофлюоресцентного анализа состава металла (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 304). Описанный образец является одной из ранних модификаций наконечников с прорезным способом крепления. Похожие экземпляры с монолитным корпусом в бронзе или железе (с золотым покрытием) появились у хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н. э. (Коновалов, 1976. Табл. XIV, 1–14; Давыдова, 1995. Табл. 14, 11, 12; Цзвэндорж, 2000. Зур. 12; Ковычев, 2006. С. 248). От хунну в I–II вв. н. э. произошло заимствование подобных изделий кочевым населением Бактрии и Согда. Примерно в то же время они попали в качестве импорта к носителям саргатской культуры Западной Сибири. Под влиянием центрально-азиатской моды такие наконечники ремней получили распространение у сарматов Приуралья и Восточной Европы во 2-й половине I – II в. н. э. (обзор аналогий по: Тишкин, Матренин, 2011. С. 163, 164; Матренин, 2012. С. 162, 163). С учетом центрально-азиатских параллелей и всего обнаруженного комплекса предметов яломанский экземпляр можно датировать в пределах II–I вв. до н. э. Его художественное оформление воспроизводит элементы декора ременных наконечников из хуннского погребального комплекса Дунд шандын амны (Южная Монголия), хронология которого пока точно не установлена, а также более поздних образцов I – начала II в. н. э. из Бабашовского некрополя (Бактрия) и могильника Новый (Северное Причерноморье) (Цзвэндорж, 2000. С. 13; Treasures of the Xiongnu..., 2011. P. 133; Малашев, Яблонский, 2008. С. 57. Рис. 205, 9, 11, 12).

В захоронении мужчины из кургана № 23а обнаружен бронзовый вкладышевый наконечник с основанием в виде прорезной трубочки и срезанным «ложечковидным» носиком. На лицевой поверхности зафиксировано слабо выраженное изображение головы сайги (рис. 1, 9). Рассматриваемый экземпляр,

вероятно, представляет собой реплику хуннских «ложечковидных застёжек», выступающих ярким маркером сопроводительного инвентаря погребальных памятников Монголии и Забайкалья II–I вв. до н. э. (Лю Цзочжи, 1965. Рис. 8, 1, 2; Давыдова, 1996. Табл. 8, 3, 4, 7; 16, 2; 26, 2; 39, 6; 46, 15, 16; 51, 4–7; Миняев, 1998. Табл. 8, 15; 64, 5–7; 57, 13; 63, 4, 5; 80, 4–7; 81, 4–6; 83, 29–31; 93, 3; 103, 8–13; 104, 8–13; 125, 7). Население булан-кобинской культуры стало использовать аналогичные ложечковидные наконечники с прорезной втулкой, скорее всего, с середины II в. до н. э. Верхняя хронологическая граница бытования таких изделий определяется предварительно I в. н. э. На рубеже новой эры их существенно потеснили бронзовые и железные экземпляры с цельной втулкой (Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008. Зур. 13; Brosseder, 2011. Fig. 50, 36; Investigation of Xiongnu..., 2015. P. 141). Судя по составу остального сопроводительного инвентаря, в кургане № 23а был похоронен представитель рядового населения булан-кобинской культуры.

Итак, рассмотренные детали поясных гарнитур из художественного металла, обнаруженные в курганах памятника Яломан-II, представляют собой яркие образцы изобразительного искусства, появившиеся под влиянием культурных традиций центрально-азиатских хунну. Большинство данных предметов были сделаны с использованием южно-сибирской сырьевой базы и выступают копиями (ложечковидный наконечник ремня, овально-прямоугольный наконечник ремня с прорезью, бляхи-нашивки с изображением куниц) и подражаниями (пряжки с изображением ящериц) хуннских оригиналов. Бляхи-накладки с изображением дракона являются образцами престижного импортного снаряжения, связанного с китайским миром. Представленные артефакты демонстрируют активные контакты населения раннего этапа булан-кобинской культуры Алтая с другими провинциями и центром кочевой державы хунну в II в. до н. э. – начале I в. н. э. Необходимо их дальнейшее комплексное изучение.

ЛИТЕРАТУРА

- Азбелев П. П., 2008. Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В. И. Соенов, В. П. Ойношев. Вып. 7. Горно-Алтайск: АКИН РА. С. 66–75.
- Бородовский А. П., Ларичев В. Е., 2013. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 120 с.
- Вадецкая Э. Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение. 440 с.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А., 2006. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // АЭАЕ. № 4. С. 79–85.
- Давыдова А. В., 1995. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА. 287 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 1.)
- Давыдова А. В., 1996. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб: Петербургское Востоковедение. 176 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 2.)
- Дэвлет М. А., 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Наука. 67 с. (САИ; вып. Д 4-7.)
- Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., 2007. Хүннүгийн үеийн сүйх тэрэг // Археологийн судлал. Б. IV (XXIV). Х. 258–279. (На монг. яз.)
- Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., 2008. Умард хуннүгийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. Б. VI (XXVI). Х. 149–189. (На монг. яз.)

- Ковычев Е. В., 2006. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия лаборатории древних технологий / Отв. ред. А. В. Харинский. Вып. 4. Иркутск: Иркутский гос. тех. ун-т. С. 242–258.
- Коновалов П. Б., 1976. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. 221 с.
- Лю Цзочжи, 1965. Краткий систематический отчет о зачистке древних могил в местечке Ваньгун в аймаке Чэньбаэрху во Внутренней Монголии // Каогу. № 6. С. 273–283. (На кит. яз.)
- Малашев Ю. В., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература. 365 с.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У., 1992. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 196–205. (Археология СССР.)
- Матренин С. С., 2012. Наконечники ремней кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. № 4/1 (76). С. 159–168.
- Матренин С. С., Тишкин А. А., 2015. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннуского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. № 3/2 (87). Т. 2. С. 143–152.
- Миняев С. С., 1998. Дырестуйский могильник. СПб: АзиатИКА. 233 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 3.)
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М., 2007. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. № 1. С. 159–166.
- Пань Лин, 2007. Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сюнну. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 219 с. (На кит. яз.)
- Тишкин А. А., 2005. Возможности реконструкции женской одежды хуннуского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 195–201.
- Тишкин А. А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Алтайский ун-т. 356 с.
- Тишкин А. А., 2010. Предметы торевтики хуннуского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука. С. 40–45.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии / Отв. ред. А. В. Харинский. Ч. I. Иркутск: ИрГТУ. С. 327–333.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2006. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. № 3. С. 31–40.
- Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2005. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 118–122.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., 2011. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 158–173.
- Тишкин А. А., Серегин Н. Н., 2011. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по мат-лам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского гос. ун-та). Барнаул: Азбука. 144 с.
- Тишкин А. А., Хаврин С. В., 2004. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 300–306.
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990. Могильник Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. С. 88–101. (История и культура Востока Азии.)

- Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа, 1999. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В. И. Соенов. № 4. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 163–169.
- Цэвэндорж Д., 2000. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хүннү булш // Археологийн судлал. Б. XX. Хэв. 1–11. X. 35–60. (На монг. яз.)
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / U. Brosseder, B. K. Miller, eds. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 349–424.
- Investigation of Xiongnu elite burials Gol Mod 2 at Balgasyn tal. Ulan-Bator, 2015. 256 p. (In Mongolian.)
- Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985. Excavation of a cluster of tombs of the Xianbei nationality at Laoheshen in Yushu, Jilin // *Wenwu*. No. 2. P. 68–82. (In Chinese.)
- Pan Ling, 2011. A Summary of Xiongnu Sites Within the Northern Periphery of China // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / U. Brosseder, B. K. Miller, eds. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 463–474.
- Tishkin A., 2011. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / U. Brosseder, B. K. Miller, eds. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 539–558.
- Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Ulaanbaatar, 2011. 296 p. (In English and Mongolian.)
- Wang Renxiang, 2009. On Ordos bronze buckles // The collection of international symposium on Ordos bronze wares. Pecin. P. 435–466. (In Chinese.)

Сведения об авторах

Тишкин Алексей Алексеевич, Алтайский государственный университет, пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; e-mail: tishkin210@mail.ru;

Матренин Сергей Сергеевич, Алтайский государственный университет; пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049; Барнаульский юридический институт МВД России, ул. Чкалова, 49, Барнаул, 656038, Россия; e-mail: matrenins@mail.ru

A. A. Tishkin, S. S. Matrenin

METAL WORKS OF ART IN BELT SETS OF ALTAI NOMADS OF
THE XIONGNU PERIOD (A CASE STUDY OF THE YALOMAN-II SITE)

Abstract. Excavations of Xiongnu kurgans at Yaloman-II (Central Altai Mountains) produced metal works of art. Some are parts of belt sets. The paper publishes a collection of toreutics items represented by belts, plaques and strap ends (Fig. 1; 2). This material expands the list of sources required to interpret the results obtained by excavating funeral assemblages dated to the early state of the Bulan-Koba culture of the Altai Mountains. The analysis of the artifacts in question helps reconstruct processes of ethnocultural interactions as well as address the issue of establishing relative chronology of archaeological items from Central and North Asia (placing it with the range of the 2nd century BC–1st century AD). An important thematic area of the study is accoutrements of nomads, which describe various aspects of a life-sustaining system in the period. In this respect, the message that these images made in the animal style are supposed to get across is also very important.

Keywords: Altai Mountains, Xiongnu, Bulan-Koba culture, metal works of art, chronology, life-sustaining system, animal style.

REFERENCES

- Azbelev P. P., 2008. Khunnskie elementy v tashtytskom dekore [Hun elements in Tashtyk decoration]. *Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Investigation of historical-cultural heritage of South Siberia peoples], 7. V. I. Soenov, V. P. Oynoshev, eds. Gorno-Altaysk: Agentstvo po kul'turno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altay, pp. 66–75.
- Borodovskiy A. P., Larichev V. E., 2013. Iyusskiy klad (katalog kollektsii) [Iyus hoard (collection catalogue)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 120 p.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. U. Brosseder, B. K. Miller, eds. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 349–424.
- Davydova A. V., 1995. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolginsk archaeological complex], 1. Ivolginskoe gorodishche [Ivolginsk fortified settlement]. St. Petersburg: Aziatika. 287 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 1.)
- Davydova A. V., 1996. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolginsk archaeological complex], 2. Ivolginskiy mogil'nik [Ivolginsk cemetery]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedeniye. 176 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 2.)
- Devlet M. A., 1980. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n. e. – I v. n. e. [Siberian open-work belt plaques of II c. BC – I c. AD]. Moscow: Nauka. 67 p. (SAI.)
- Ereol-Erdene Ch., Gantulga Zh., 2007. Khynnygiyn yeiyn sykh tereg. *Arkheologiyin sudla*, IV (XXIV), pp. 258–279. (In Mongolian.)
- Ereol-Erdene Ch., Gantulga Zh., 2008. Umard khynnygiyn yazguurny negen bulshny sudalgaa. *Arkheologiyin sudla*, VI (XXVI), pp. 149–189. (In Mongolian.)
- Gorbunov V. V., Tishkin A. A., 2006. Kompleks vooruzheniya kochevnikov Gornogo Altaya khunnskoy epokhi [Weaponry complex of High Altai nomads of Hun epoch]. *AEAE*, 4, pp. 79–85.
- Investigation of Xiongnu elite burials Gol Mod 2 at Balgasyn tal. Ulan-Bator, 2015. 256 p. (In Mongolian.)
- Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985. Excavation of a cluster of tombs of the Xianbei nationality at Laoeshen in Yushu, Jilin. *Wenwu*, 2, pp. 68–82. (In Chinese.)
- Khudyakov Yu. S., Alkin S. V., Yuy Su-Khua, 1999. Syan'bi i Yuzhnaya Sibir' [Hsianbi and South Siberia]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii* [Altai antiquities. Bulletin of laboratory for archaeology], 4. V. I. Soenov, ed. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. universitet, pp. 163–169.
- Konovalev P. B., 1976. Khunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiongnu in Transbaikalia (burial sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoye izdatel'stvo. 221 p.
- Kovychev E. V., 2006. Nekotorye voprosy etnicheskoy i kul'turnoy istorii Vostochnogo Zabaykal'ya v kontse I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Some problems of ethnic and cultural history of East Transbaikalia in the end of I mill. BC – I mill. AD]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Bulletin of laboratory for ancient technologies], 4. A. V. Kharinskiy, ed. Irkutsk: Irkutskiy gos. tekhnicheskii universitet, pp. 242–258.
- Lyu Tsochzhi, 1965. Kratkiy sistematskiy otchet o zachistke drevnikh mogil v mestechke Van'gun v aymake Chen'baerkhu vo Vnutrenney Mongolii [Brief systematic report on clearing up ancient graves in settlement Vangun, aimak Chenbaerhu in Inner Mongolia]. *Kaogu*, 6, pp. 273–283. (In Chinese.)
- Malashev Yu. V., Yablonskiy L. T., 2008. Steпноe naseleniye Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoy vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [Steppe population of South Ural in late Sarmatian time: based on materials from cemetery Pokrovka 10]. Moscow: Vostochnaya literatura. 365 p.
- Mandel'shtam A. M., Stambul'nik E. U., 1992. Gunno-sarmatskiy period na territorii Tuvy [Hun-Sarmatian period in territory of Tuva]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoy vremya* [Steppe belt of Asiatic part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 196–205. (Arkheologiya SSSR.)

- Matrenin S. S., 2012. Nakonechniki remney kochevnikov Altaya khunnusko-syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Belt tips of Altai nomads of Xiongnu-Hsianbi-Zhuzhan time (II c. BC – V c. AD)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya* [Bulletin of Altai state university. Series: History, politicalology], 4/1 (76), pp. 159–168.
- Matrenin S. S., Tishkin A. A., 2015. Poyasnye pryazhki kochevnikov Altaya khunnuskogo vremeni: klassifikatsiya i tipologiya [Belt buckles of Altai nomads of Xiongnu time: classification and typology]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai state university], no. 3 (87), vol. 2, pp. 143–152.
- Minyaev S. S., 1998. Dyrestuyskiy mogil'nik [Dyrestuy cemetery]. St. Petersburg: AziatKA. 233 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 3.)
- Minyaev S. S., Sakharovskaya L. M., 2007. Elitnyy kompleks zakhoroneniya syunnu v padi Tsaram [Elite cluster of Xiongnu burials in Tsaram valley]. *RA*, 1, pp. 159–166.
- Pan Ling, 2007. Ivolginskoe gorodishche i mogil'nik, a takzhe issledovanie svyazannykh s nimi voprosov v arkheologii syunnu [Ivolginsk fortified settlement and cemetery, and research of related problems in Xiongnu archaeology]. Beijing: Kesyue chuban'she. 219 p. (In Chinese.)
- Pan Ling, 2011. A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. U. Brosseder, B. K. Miller, eds. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 463–474.
- Tishkin A. A., 2005. Vozmozhnosti rekonstruktsii zhenskoy odezhdy khunnuskogo vremeni po arkheologicheskim materialam iz Gornogo Altaya [Possibilities of reconstruction of women's costume of Xiongnu time based on archaeological materials from High Altai]. *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii* [Equipment of Eurasia nomads]. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 195–201.
- Tishkin A. A., 2007. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Working out periodization and cultural-chronological schemes: historical experience and actual concept of research of ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Altayskiy universitet. 356 p.
- Tishkin A. A., 2010. Predmety toreutiki khunnuskogo vremeni iz pamyatnika Yaloman-II (Tsentral'nyy Altay) [Pieces of toreutics of Xiongnu time from site Yaloman-II (Central Altai)]. *Toreutika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 40–45.
- Tishkin A., 2011. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. U. Brosseder, B. K. Miller, eds. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 539–558.
- Tishkin A. A., Gorbunov V. V., 2005. Predmetnyy kompleks iz pamyatnika Yaloman-II na Altae kak otrazhenie vliyaniya material'noy kul'tury khunnu [Complex of items from site Yaloman-II in Altai as reflection of influence of Xiongnu material culture]. *Sotsiogenez v Severnoy Azii* [Social genesis in North Asia], I. A. V. Kharinskiy, ed. Irkutsk: Irkutskiy gos. tekhnicheskii universitet, pp. 327–333.
- Tishkin A. A., Gorbunov V. V., 2006. Gornyy Altay v khunnuskoe vremya: kul'turno-khronologicheskii analiz arkheologicheskikh materialov [High Altai in Xiongnu time: cultural-chronological analysis of archaeological materials]. *RA*, 3, pp. 31–40.
- Tishkin A. A., Gorbunova T. G., 2005. Rekonstruktsiya uzdechnykh naborov bulan-kobinskoy kul'tury (po materialam pamyatnika Yaloman-II) [Reconstruction of bridle sets of Bulan-Koba culture (based on materials from site Yaloman-II)]. *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii* [Equipment of Eurasia nomads]. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 118–122.
- Tishkin A. A., Khavrin S. V., 2004. Predvaritel'nye rezul'taty spektral'nogo analiza izdeliy iz pamyatnika gunno-sarmatskogo vremeni Yaloman-II (Gornyy Altay) [Preliminary results of spectral analysis of items from site of Xiongnu-Sarmatian time Yaloman-II (High Altai)]. *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Complex investigations of ancient and traditional societies of Eurasia]. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 300–306.
- Tishkin A. A., Matrenin S. S., 2011. Kenotaf khunnuskogo vremeni na pamyatnike Yaloman-II v Tsentral'nom Altae [Xiongnu-time cenotaph at site Yaloman-II in Central Altai]. *Khunnu:*

arkheologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya [Xiongnu: archaeology, culture origins, ethnic history]. P. B. Konovalov, ed. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN, pp. 158–173.

Tishkin A. A., Seregin N. N., 2011. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta) [Metal mirrors as a data source on ancient and medieval history of Altai (based on materials of Museum of archaeology and ethnology of Altai at Altai state university)]. Barnaul: Azbuka. 144 p.

Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Ulaanbaatar, 2011. 296 p. (In English and Mongolian.)

Tsevendorzh D., 2000. Baga gazryn chuluu, Tarvagatay, Khygyshiy khetoel, Baruun khayrkhany khyyny bulsh. *Arkheologiyin sudlal*, vol. XX, iss. 1–11, pp. 35–60. (In Mongolian.)

U En', Chzhun Kan', Li Tszin'tszen, 1990. Mogil'nik Daodun'tszy uezda Tunsin' v Ninsya [Cemetery Daodun'tszy in district Tunsing in Ninsya]. *Kitay v epokhu drevnosti [China in epoch of antiquity]*. V. E. Larichev, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 88–101. (Istoriya i kul'tura Vostoka Azii.)

Vadetskaya E. B., 1999. Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri [Tashtyk epoch in ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 440 p.

Wang Renxiang, 2009. On Ordos bronze buckles. *The collection of international symposium on Ordos bronze wares*. Beijing, pp. 435–466. (In Chinese.)

About the authors

Tishkin Aleksey A., Altai State University, Lenina prosp., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru;

Matrenin Sergey S., Altai State University, Lenina prosp., 61, Barnaul, 656049; Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, ul. Chkalova, 49, Barnaul, 656038, Russian Federation; e-mail: matrenins@mail.ru

М. Е. Килуновская, П. М. Леус

ИСКУССТВО КОНЦА ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э. В ТУВЕ

Резюме. В конце I тыс. до н. э. в Туве сосуществуют две археологические культуры: уюкско-саглынская (озен-ала-белигский тип памятников) и улуг-хемская, тесно связанная с хунну Монголии и Забайкалья и тесинской культурой Минусинской котловины. Для памятников озен-ала-белигского этапа характерно большое количество предметов, выполненных в зверином стиле. Это изделия из золота, кости и рога и бронзы. В них сочетаются влияния скифо-сибирского стиля, пазырыкского искусства и искусства хунну. В последнее время на территории Центральной Тувы обнаружены новые археологические памятники, содержащие большую серию хуннских бронз, – грунтовые могильники Терезин и Ала-Тей. В первую очередь это ажурные поясные пластины-пряжки, богато декорированные и находящие прямые соответствия в искусстве хунну Монголии, Забайкалья, Южной Сибири, Ордоса и Северного Китая. В иконографии этих пластин находятся соответствия со скифо-сибирским стилем, что позволяет говорить о сложении в конце I тыс. до н. э. особого гунно-сарматского звериного стиля, впитавшего как черты искусства северных варваров, так и Китая.

Ключевые слова: Тува, могильники, захоронения в срубках, каменные ящики, грунтовые могилы, озен-ала-белигский этап уюкско-саглынской культуры, скифо-сибирский звериный стиль, хунну, художественные бронзы.

Последние века до н. э. были временем значительных изменений на территории Центрально-азиатского субконтинента в связи с активизацией хунну, вышедших на историческую арену во время правления шаньюев Тауманя и Маодуня. Под давлением хунну происходят глобальные перемещения различных этнических групп от ханьского Китая до эллинистической Греко-Бактрии. В зоне этих влияний оказалось и Саяно-Алтайское нагорье, в пределах которого в бассейне Верхнего Енисея проживали и носители уюкско-саглынской культуры. Все эти события нашли отражение в археологических источниках, в частности в погребальных памятниках. Вследствие смешения носителей разных культур в них появляются импорты: оружие, предметы декоративно-прикладного искусства.

Данные археологии и антропологии позволяют заключить, что в этот период на территории Тувы сосуществовали две археологические культуры – местная

уюкско-саглынская и возникшая под воздействием пришлых этносов, которую, вслед за А. Д. Грачом, можно назвать улуг-хемской (Грач, 1971. С. 99, 100). Последний этап уюкско-саглынской культуры получил название озен-ала-белигский. В это время происходят изменения в погребальном обряде: как и в предшествующее время, распространены коллективные захоронения в срубках, но менее глубокие (около 2 м), под головами погребенных лежат каменные плиты – «подушки», по углам – кости жертвенных животных, пол и перекрытие срубов уложены перпендикулярно, а также в могилах обязательно устанавливается керамика. Поражает разнообразие керамических сосудов вазообразной и баночной форм, богато украшенных наlepным и расписным орнаментом. С захоронениями в срубках соседствуют погребения в каменных ящиках или склепах с аналогичным инвентарем. В это время широкое распространения получили изделия из железа. Эталонными памятниками озен-ала-белигского этапа можно считать могильники Суглуг-Хем и Хайыракан в Центральной Туве (Семенов, 2003), отдельные захоронения в могильниках Аймырлыг в том же районе, Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I и Дужерлиг-Ховузу в Западной Туве, Саускен 1, 2 и 3 в долине реки Эрбек, Оргу-Хову 2 в Уюкской котловине, а также Улангом в Монголии (Там же).

В последние годы был открыт еще один тип памятников – захоронения в ямах с дромосами. С юга, юго-востока или юго-запада в могилу ведет узкий вход, обложенный вертикально поставленными камнями и перекрытый плитами. В одном случае в конце дромоса на уровне перекрытия сруба был уложен оленный камень (об.¹ 4, могильник Красная Горка 2). Такие захоронения зафиксированы в могильниках Красная Горка 2 на левом берегу Енисея, Саускен 1 и 2 в долине р. Эрбек и в могильнике Догээ-Баары (раскопки В. А. Киселя) (Кисель, 2010). По инвентарю и устройству самого захоронения в срубе они также относятся к озен-ала-белигскому этапу, который датируется III–I вв. до н. э. Для могильников Саускен 1, 2 и 3, Оргу-Хову 2 и Красная Горка 2 получены радиоуглеродные даты: 2090 ± 25 , 2170 ± 30 и 2370 ± 50 BP соответственно. Кроме данных радиоуглеродного анализа, указывающих на этот временной диапазон, Вл. А. Семеновым был выделен ряд хронологических индикаторов, т. е. вещей, связанных своим происхождением с хунну (или их копий), а также характерные предметы, не известные у хунну, но встречающиеся вместе в одних и тех же комплексах (Семенов, 2003. С. 76–80). Из числа индикаторов наиболее характерными являются миниатюрные котелки, встречающиеся как в погребениях могильников Суглуг-Хем и Хайыракан, так и в Косогольском кладе, который датируется II–I вв. до н. э. (Дэвлет, 1980. С. 14). Последний, в свою очередь, включает в себя вещи, характерные исключительно для культуры хунну (ажурные поясные пластины и бронзовые ложечковидные застегивки), имитации которых встречаются в Туве (м-к Хайыракан, склеп 5/1). В этом же комплексе есть пятикольчатая бронзовая бляшка и железный нож, аналогии которому, в свою очередь, известны на Иволгинском городище (Давыдова, 1995. Табл. 186) и в тесинских могилах в Минусинской котловине (Кузьмин, 2011. Табл. 38; 40).

¹ об. – здесь и далее «объект».

Хронологические индикаторы позволяют установить верхнюю дату озен-алабелигского этапа – I в. до н. э.

В тоже время, проанализировав погребения позднего этапа уюкско-саглынской культуры, Вл. А. Семенов соотнес их с усунями, которые из Тувы и Северо-Западной Монголии в I в. до н. э. переселились в Семиречье (Семенов, 2010). Для них характерен определенный вещевой комплекс: железные булавки с шаровидным навершием (иногда плакированные золотом), подвески типа «костылька», расписная и рифленая керамика, медалевидные зеркала с разного типа боковыми ручками (иногда зооморфных очертаний), а также характерные для усуней серьги из золотой и медной проволоки и деревянные столики на четырех ножках. Сюда же входят керамические пряслица, бронзовые прямоугольные пряжки, оселки (впрочем, обычные и для сакских погребений) и наконечники стрел с четырехгранной боевой частью и зажимным насадом, известные по материалам могильника Копчагай III (к-н 20) в Казахстане, которые, вероятно, распространялись в ходе экспансии хунну. Они встречаются как в могильниках хунну в Забайкалье, так и в погребениях позднескифского времени в Туве (Семенов, 1999).

По материалам одного из неграбленных погребений могильника Суглуг-Хем был реконструирован погребальный костюм воина (об. 26, Суглуг-Хем 1) (Семенов, 1998). Куртка погребенного была украшена золотыми нашивками в виде пантер и подпоясана кожаным поясом с нашитыми на нем обернутыми золотой фольгой раковинами каури и четырьмя большими золотыми пластинами в виде голов кошачьих хищников. Пантеры все показаны скребущими или, лучше сказать, «припавшими к земле» (рис. 1, 16–21). Такие фигурки найдены и в могиле 29 Суглуг-Хема 1 (рис. 1, 22–25), где обнаружена пряжка в виде женской фигуры, а также в кург. 1 Оргу-Хову 2 (рис. 1, 26). По мнению Е. С. Богданова, собравшего исчерпывающий каталог изображений хищника Центральной Азии, такая иконографическая схема появляется в V–IV вв. до н. э. под влиянием Северного Китая (Богданов, 2006. С. 58), но в Туве она распространяется на позднем этапе, так как ранее в уюкско-саглынской культуре присутствуют в основном изображения «идущих» хищников. То же можно сказать и о поясных пластинах в виде головы пантеры (рис. 1, 29–31). Похожа по стилю и нашивная бляшка в виде свернувшегося в кольцо хищника из того же погребения (рис. 1, 28).

На голове погребенного была шапка, обшитая в несколько рядов фигурками грифонов (рис. 1, 1–4), с большим орлом в центре (рис. 1, 5). Совершенно другая фигура птицы представлена в срубе 14 Суглуг-Хема 1 (рис. 1, 7). Она сделана из более толстой золотой фольги, и голова изображена анфас, что отсылает нас к поздним образцам скифо-сибирского стиля и искусству хунну.

Для различных культур скифского облика на евразийском пространстве характерно украшение головных уборов фигурками животных, которые, по-видимому, служили знаками самоидентификации. В могильниках Суглуг-Хем, Оргу-Хову, Аймырлыг и др. найдены фигурки стоящих козлов и оленей с высоко поднятой головой и большим рогом (рис. 1, 10–13). Они были скульптурными и имели деревянную основу, которая обкладывалась с двух сторон тонкой золотой фольгой. К сожалению, деревянная основа сохранилась только в виде тлена,

Рис. 1. Украшения из золота памятников озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры

1–5, 11, 16–21, 28–31 – об. 26 Суглуг-Хем I; 6, 8, 22–25 – об. 29 Суглуг-Хем I; 7 – об. 14 Суглуг-Хем I; 9, 10 – об. 3 Аймырлыг III; 12 – об. 7 Суглуг-Хем II; 13 – кург. 3 Саглы-Бажи II; 14, 15 – об. 5 Суглуг-Хем II; 26 – кург. 1 Оргу-Хову 2

и фигурки представлены фрагментами фольги. Как и все золотые изделия позднего этапа, они сделаны довольно натуралистично.

Еще одним «знаковым» предметом являются нашивные бляшки с изображением протом в виде оленьих головок с большими ветвистыми рогами, найденные в срубе 5 Суглуг-Хема II и около пос. Туран (рис. 1, 14, 15). Такая манера передачи рогов характерна для «сарматского» стиля, представленного в памятниках Южного Урала и Казахстана.

Несмотря на то что в конце I тыс. до н. э. широко распространяется железо, в могильниках озен-ала-белигского этапа обнаружено много предметов,

сделанных из бронзы. В первую очередь это зеркала, часть из которых оформлена в зверином стиле: на ручках этих зеркал изображались фигуры животных (рис. 2, 2–4, 9–11). На оборотной стороне ручки имеется петля для подвешивания, на основании чего Е. С. Богданов пришел к справедливому заключению, что они являлись украшением пояса (Богданов, 2006. С. 85). Все эти зеркала местного (центрально-азиатского) производства (Кубарев, 2002. С. 71, 72).

Интересно зеркало из сруба 12 Саглы-Бажи II, где показана борьба двух хищников, один из которых изображен в профиль, а морда другого – в фас (рис. 2, 9). Е. С. Богданов предполагает, что это изображения медведей, и сравнивает с изображениями борьбы хищников на бронзовых поясных пряжках из кург. 6 Дужерлиг-Ховузу I (рис. 2, 21, 22). В этом же могильнике найдены две бронзовые пряжки в виде идущих хищников, держащих в пасти копытное животное (рис. 2, 19, 20). Эти предметы, как и пряжка из кург. 3 Даган-Тели I (рис. 2, 18), находят аналогии в искусстве Ордоса и Северного Китая. По-видимому, образ идущего тигра с головой копытного распространился от подобных изображений на ордоских бляхах, что, по мнению А. А. Ковалева, связано с перемещением групп населения, возможно лоуфаней, на Саяно-Алтай в IV в. до н. э. (Ковалев, 1999. С. 77).

Другой тип бронзовых зеркал на одной из сторон имеет процарапанные или гравированные изображения. Здесь мы видим фантастических существ, в которых переплетаются черты хищников и копытных: зеркала из кург. 1 и 2 Мажалыг-Ховузу I, кург. 2 Саглы-Бажи II (рис. 2, 13–15) (Кубарев, 2002. С. 68–70. Рис. 3; Богданов, 2006. С. 86, 87; Суразаков, 1992. С. 50). Особенно интересно зеркало из Мажалык-Ховузу с изображением «тарандра» (Семенов, 2015. С. 107, 108). Безусловно, на декор данного произведения большое влияние оказало пазырыкское искусство и ближайшей аналогией являются татуировки на пазырыкских мумиях. Пластика и динамика этого образа находит свое развитие в сценах противоборства животных в искусстве хунну.

С искусством хунну можно связать фигуру яка из сруба 7 Суглуг-Хем II, выполненную на тонкой бронзовой пластине (рис. 2, 1). Пластина нашивалась на кожаную основу (Семенов, 2013. С. 15). Изображение яков не характерно для скифо-сибирского искусства, хотя их фигуры есть среди петроглифов эпохи бронзы. Широкое распространение он получает в бронзовой пластике варварских племен Северного Китая и Ордоса с III в. до н. э., что, возможно, связано с тибетским влиянием.

Бронзовые поясные рамчатые пряжки в озен-ала-белигских памятниках декорировались достаточно редко. Однако имеющиеся экземпляры поражают своим изяществом и целостностью форм. Так, пряжка из кург. 1 Даган-Тели I представляет собой голову хищника, вписанную в овальную форму предмета (рис. 2, 5), а пряжки из сруба 7 Суглуг-Хема II и Аймырлыга – фигуры козерога и лани, переданные с перевернутым крупом; при этом передняя нога служит для крепления к ремню, а застегивался ремень между загнутой вверх задней ногой и рогом (рис. 2, 7, 8). В них нет ничего лишнего, и форма отчасти диктует художественное содержание. Такой же лаконичностью отличается и бронзовая поясная заклепка из кург. 8 Суглуг-Хема II, на которой протомы козерога объединяются общим рогом с отростками в виде нервюр (рис. 2, 5), что находит полные

**Рис. 2. Изделия из бронзы из памятников озен-ала-белигского этапа
уюкско-саглынской культуры**

1, 2, 4, 16, 17 – об. 7, 13, 3, 29 Суглуг-Хем I; 3, 7 – об. 7, 6 Суглуг-Хем II; 5, 10, 18 – кург. 1, 2, 3 Даган-Тели I; 9, 14 – кург. 12 и 2 Саглы-Бажи II; 11 – кург. 1 Аймырлыг II; 12 – Туран; 13, 15 – кург. 2 и 1 Мажалыг-Ховузу I; 19–22 – кург. 2 Дужерлиг-Ховузу I

аналогии в оформлении ручки на зеркале из Минусинской котловины (*Кубарев*, 2002. Рис. 8, 1). Хунским импортом является пряжка с головками грифонов из могильника Туран (случайная находка), точная аналогия которой найдена в могиле 86 Дырестуйского могильника (*Давыдова, Миняев*, 2008. С. 62).

Нужно еще остановиться на бронзовых наконечниках ремней в виде головок ланей из сруба 29 Суглуг-Хема I и кург. 4 Красной Горки 2 (рис. 2, 16, 17). Они сделаны по одному образцу и по своему облику напоминают ложечковидные подвески из памятников хунну, которые также представляют собой головки лани, утратившие детализацию (рис. 4, 3). Возможно, «скифские» экземпляры послужили для них образцами. В том же стиле выполнен и костяной наконечник ремня из кург. 8 Саглы-Бажи II.

Особая категория, свидетельствующая о высоком развитии искусства в позднескифское время (а не о его угасании, как это принято утверждать), – это изделия из кости и рога. Костяные изделия украшены резными изображениями животных и различными орнаментами. Здесь представлена серия небольших цилиндрических предметов с отверстиями по одному из краев. В ходе раскопок сруба № 15 озен-ала-белигского этапа на могильнике Саускен 3 было установлено, что эти предметы служили горлышками кожаных сосудов (рис. 3, 17). В данном случае мы видим объемную фигуру пантеры или льва с оскаленными зубами, подобные которой представлены на костяных наконечниках плетей (?) из Аймырлыга и Турана (рис. 3, 24, 25). Внутри «бочоночка» была деревянная пробка от сосуда. Самое большое количество таких предметов найдено в могильнике Аймырлыг (рис. 3, 18–22), где на них нанесены тонкой резьбой сцены терзания, напоминающие стиль «загадочных картинок», который зародился в Туве в раннескифское время и характеризуется тем, что фигуры животных вписываются друг в друга, заполняя все пространство. Обломок такого изделия найден и в срубе 8 Суглуг-Хема II (рис. 3, 26).

Замечательными образцами косторезного искусства являются накладки на гребень из кург. 8 Саглы-Бажи II (рис. 3, 6). На одной воспроизведены два архара с подогнутыми под брюхо ногами, на другой – две лошади с «вывернутым крупом», т. е. задняя нога закинута на спину. Фигуры вписаны в прямоугольную форму, тела заполнены S-овидными линиями, а в свободное пространство вписаны головки грифонов или изогнутые линии. Безусловно, такой предмет возник под влиянием пазырыкской культуры, с которой саглынская культура была в тесном контакте. В этом же стиле сделана костяная пряжка с изображением сцены терзания кошачьим хищником копытного, обломок которой найден в срубе 5 Суглуг-Хема II (рис. 3, 16), а также пряжка из кург. 3 Даган-Тели I (рис. 3, 5). Нужно остановиться еще на парных пряжках из Аймырлыга в виде горных козлов с «вывернутым» крупом, к которым сзади примыкают в одном случае фигура лошади, а в другом – козла (рис. 3, 2, 3).

Во многих комплексах конца I тыс. до н. э. встречены большие костяные пряжки, часто украшенные геометрическим орнаментом. Они, как правило, парные. В основном на них нанесен циркульный орнамент (сруб 6 Суглуг-Хема I, кург. 2 Даган-Тели I), а на пряжках из кург. 4 Хайыракана вырезанные точки вписаны в круги и полуокружности и образуют сложный декор (рис. 3, 7, 10–13). На пряжках из Аймырлыга вырезаны фигуры животных, напоминающие

**Рис. 3. Изделия из кости и рога озен-ала-белигского этапа
уюкско-саглынской культуры**

1, 12, 13 – об. 29 и 6 Суглуг-Хем I; 2, 3 – кург. 29Б Аймырлыг XXVII; 4 – кург. 2 Дужерлиг-Ховузу I; 5, 7, 18 – кург. 3, 2 и 1 Даган-Тели I; 6 – кург. 8 Саглы-Бажи II; 8, 14, 15, 25 – Аймырлыг; 9–11 – кург. 4 Хайракан I; 16, 26 – об. 5 и 8 Суглуг-Хем II; 17 – об. 515 Саускен 3; 19, 20 – об. 4 и 6 Аймырлыг VII; 21 – Аймырлыг XXXI; 22 – об. 3 Аймырлыг III; 23 – об. 4 Аймырлыг VIII; 24 – Туран

изображения на зеркалах (рис. 3, 8, 14, 15). На двух парных пряжках изображены змеи. Что особенно интересно, на одной змее обозначены волнистыми, а на другой – ломаными линиями. Аналогии этой традиции прослеживаются в бронзовых пластинах хунну с решетчатым орнаментом. Эти пластины достаточно широко представлены среди сибирских ажурных бронз и делятся на две группы: с волнистой решеткой, которую образуют плавно извивающиеся туловища четырех змей, и с геометрическим узором из вписанных в рамку прямых и изогнутых линий (Дэвлет, 1975). По-видимому, обе группы семантически связаны и узор на бляхах второй группы – следствие тенденции к геометризации,

свойственной для искусства хунну (Миняев, 1995). Такие поясные бляхи были обнаружены нами при раскопках могильников хуннского времени Терезин и Ала-Тей (Leus, 2011. Р. 525, 530, 536; Леус, Бельский, 2016. С. 95, 100) (рис. 4, 1, 5, 9, 10). Их аналогии встречаются на Среднем Енисее: в Косогольском кладе, в могильнике Тепсей (Пишеницына, 1979. С. 79. Рис. 52) и среди случайных находок в Минусинской котловине (Дэвлет, 1980. Рис. 6. Табл. 13; 14). Также они известны в Забайкалье (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 100).

Из могильника Суглуг-Хем I (сруб 29) происходит еще одна костяная поясная пряжка с изображением женской фигуры (рис. 3, 1). Этот памятник кочевнического искусства пока не находит аналогий ни в скифской, ни в гуннской традиции, хотя на могильнике Дужерлиг-Ховузу найдена подвеска, где лицо воспроизведено так же схематично, как на суглуг-хемской пряжке. В поздних комплексах Аймырлыга найдены вырезанные из бересты антропоморфные фигурки (Чугунов, 2012. С. 26. Кат. 38, 42). Возможно, перед нами свидетельства изменения мифологических воззрений на рубеже тысячелетий, когда происходит сложение шаманизма, для которого характерна антропоморфизация потусторонних сил, воплотившаяся в онгонах, олицетворяющих духов, населяющих миры.

В последние годы на территории Тувы были обнаружены новые археологические памятники эпохи хунну. Все они находятся на левом берегу Улуг-Хема (Верх. Енисей)², на берегу Саяно-Шушенского водохранилища или на затопляемых им участках. Первым был открыт могильник Терезин, где в 2007–2010 гг. П. М. Леусом было раскопано 15 погребений, большая часть из которых была разрушена водохранилищем (Леус, Бельский, 2016). Эти погребения представляют собой скопления каменных плит, составлявших когда-то конструкции каменных ящиков, в которых совершались захоронения. По сохранившимся останкам можно установить «скифскую» позу погребенных – с подогнутыми ногами на боку или на спине. В могилах была керамика кувшинообразной формы с вертикальным лощением и квадратным штампом от поворотного круга на дне, которая находит аналогии в памятниках хунну в Забайкалье (Давыдова, 1995. Табл. 179; 1996. Табл. 140), костяные накладки на сложносоставной лук хуннского типа, разнотипные костяные наконечники стрел, в том числе с расщепленным насадом; сильно коррозированные железные предметы – детали пояса, ожерелья, бусы, подвески, в том числе интересная подвеска из медвежьего когтя, внешне напоминающая ступню человека. Бронзовый ложечковидный наконечник ремня (рис. 4, 3) также является типичной находкой для хуннских памятников.

В целом могильник Терезин можно датировать II–I вв. до н. э., что подтверждают и полученные AMS даты (2044, 2066 и 2085 ± 30 BP).

Ханьские зеркала и их фрагменты находят в Туве в могильниках поздне-скифского времени и эпохи хунну как в виде местных копий, так и китайских оригиналов, что подтверждается и результатами металлографического анализа (Хаврин, 2016. С. 105, 107). В Терезине обнаружен фрагмент оригинального китайского зеркала (рис. 4, 13), относимого к династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.), и обломок местной копии однотипного зеркала (рис. 4, 14). Здесь же

² Работы проводились при поддержке Общества по изучению Евразии, Швейцария (Society for the Exploration of Eurasia).

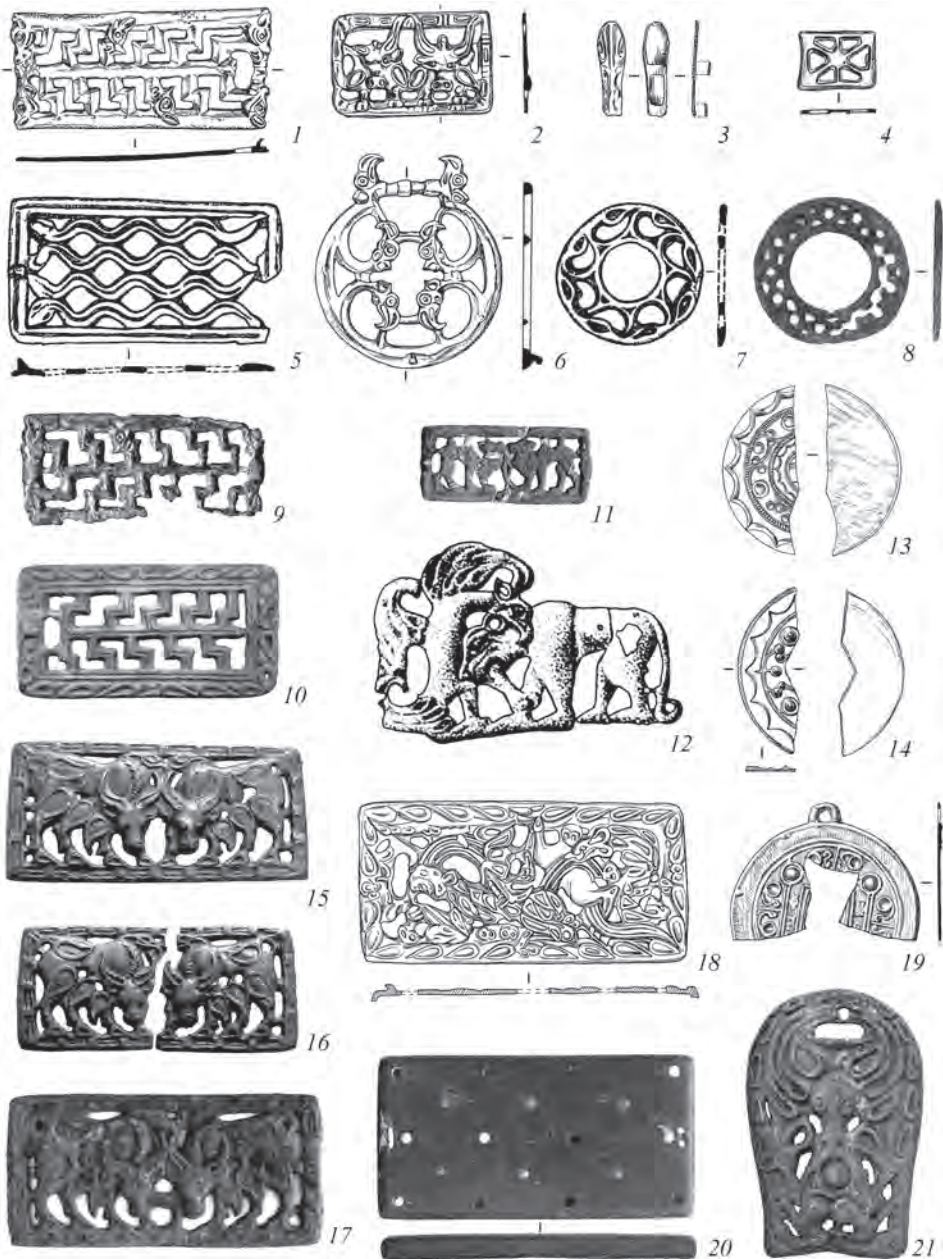

Рис. 4. Находки эпохи Хунну из Тувы

1-7, 9, 13-16, 18, 19 – Терезин; 8, 10, 11, 17, 20, 21 – Ала-Тей; 12 – Урбюн III
1-19, 21 – бронза; 20 – камень

найжены три фрагмента местной копии китайского зеркала с боковой петелькой, не характерной для ханьских зеркал (рис. 4, 19). Очевидно, что петелька добавлена местными мастерами в процессе отливки копии зеркала.

Второй могильник – Ала-Тей – находится в 4,5 км от Терезина, выше по течению Енисея. На нем пока обнаружено 33 непотревоженных грунтовых погребения, это каменные ящики и захоронения в узких ямах, в некоторых случаях с каменной обкладкой и остатками деревянных конструкций. Большинство погребенных лежат вытянуто на спине, как и в могильниках хунну Забайкалья и Монголии, а также в тесинской культуре Минусинской котловины. Но есть и погребения на спине с подогнутыми ногами. В каждой могиле в головах погребенного стоял лепной сосуд баночной формы. Предметов вооружения не найдено, но обнаружены украшения пояса и одежды, бусы, подвески и серьги, копии китайских зеркал и их фрагменты. В одном из погребений найдено целое бронзовое зеркало с китайской иероглифической надписью «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе». Такое же зеркало находится в Минусинском музее (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 118, 119) и происходит из могильника у Есинской МТС (Вадецкая, 1999. С. 245. Табл. 95). В двух погребениях зафиксированы *in situ* пояса, украшенные бронзовыми моделями раковин каури и китайскими монетами у-шу (что дает нам *terminus post quem* 118 г. до н. э. – первый год введения этих монет в оборот в Китае). Аналогии таким поясам известны, например, пояс с копиями каури из глинистого известняка в Иволгинском могильнике (Давыдова, 1996. С. 52. Табл. 29; Brosse, 2011. Р. 374, 375). Этот памятник также предварительно датируется II–I вв. до н. э.

Наибольший интерес представляют найденные в могильниках Терезин и Ала-Тей бронзовые ажурные пряжки с изображением зооморфных и геометрических орнаментов – настоящие шедевры искусства обработки металла (Килуновская и др., 2014). Кроме описанных выше пряжек с решетчатым орнаментом нужно отметить пластины с парными изображениями идущих навстречу друг другу яков (рис. 4, 15–17). Подобные большие поясные пластины с изображением двух противостоящих быков, или яков, известны главным образом на территории Минусинской котловины, откуда происходит несколько целых пряжек и фрагментов (всего 19 экз.), в основном это случайные находки (Дэвлет, 1980. С. 20, 21). Такая пряжка найдена в могильнике эпохи ранней Хань (II–I вв. до н. э.) на северо-востоке провинции Ляонин в Манчжурии (Kost, 2014. Р. 221. Pl. 17), несколько случайных находок происходят, вероятно, с территории Внутренней Монголии (Brosse, 2011. Р. 419; Bunker, Rawson, 1990. Cat. Nr. 222). Для одного из погребений с такой пряжкой на могильнике Ала-Тей получена радиоуглеродная дата 2092 ± 27 BP.

На двух пряжках из Терезина представлена геральдически поставленная пара яков в фас, с опущенными листовидными ушами и поднятыми рогами (рис. 4, 2). Характерной особенностью этих изделий является то, что у быка, стоящего слева, рог загнут и сомкнут с обрамляющей композицию рамкой, что позволило мастеру оформить петельку для застегивания пояса.

Одна из поясных пряжек по своей конструкции находит аналогию в Иволгинском могильнике (погр. 120) (Давыдова, Миняев, 2008. С. 104). Это ажурная пряжка диаметром 8,5 см, имеет внутри кольца 9 фигурных отверстий,

образованных четырьмя головками ушастых грифонов на длинных изогнутых шеях (рис. 4, 6).

Другая пряжка-пластина из могильника Терезин длиной 13,5 см и шириной 6,5 см, обрамленная бордюром из листьев деревьев, содержит сцену борьбы двух тигров с драконом (рис. 4, 18). Подобные парные пластины из бронзы известны в Забайкалье: пара из погр. № 100 Иволгинского могильника (*Давыдова*, 1996. Табл. 30; *Давыдова, Миняев*, 2008. Рис. 105), но их размер немного меньше ($12,0 \times 6,1$ см), что свидетельствует об отливке по разным матрицам, однако сама иконография была хорошо известна литейщику. Две пряжки происходят из могилы № 5 могильника Булак в Восточном Забайкалье (*Кириллов и др.*, 2000. Рис. 63); одна пряжка – из погр. № 4 на острове Осинском (Братское водохранилище). В этом же погребении были обнаружены две парные пряжки с геометрическим орнаментом и головами животных, аналогичные нашей пряжке из погр. № 5 Терезина в Туве (*Смотров*, 1982. С. 106; 1991. С. 140–141. Рис. 58). Фрагмент еще одной пряжки из коллекции Адрианова хранится в Государственном Эрмитаже (*Дэвлет*, 1980. Табл. 11). Место находки неизвестно, но вероятнее всего – это Южная Сибирь или Монголия. Еще две бронзовые пряжки хранятся в США в частных коллекциях: одна в коллекции Артура Секлера (*Bunker*, 1997. Р. 274, 275. No. 242) и еще одна – в другой частной коллекции (*Bunker*, 2002. No. 105). Место находки этих пряжек точно неизвестно, возможно это Монголия. Две массивные литые (неажурные) пряжки из золота с инкрустациями из бирюзы, кораллов и янтаря были обнаружены при раскопках в кург. 1 (мог. 2) Сидоровки в Омском Прииртышье (*Матющенко, Татаурова*, 1997. С. 48, 72, 73. Рис. 27; *Bunker*, 2002. Fig. 45). Не менее интересный вариант такой пряжки изготовлен из темного серо-зеленого нефрита и хранится в коллекции сэра Джозефа Хотунга в Великобритании (*Rawson*, 1995. Р. 311, 312. No. 23:1; *Bunker*, 2002. Р. 134. No. 106). Ее точное местонахождение неизвестно, но подобный тип нефрита добывается только в Северной Монголии, западнее Хангайских гор (*Linduff*, 1997. Р. 88).

В искусстве гунно-сарматского времени широко распространены сцены противоборства грифона и тигра, или одновременное их нападение на яка и друг на друга, или грифона, волка и тигра, борющихся между собой за добычу. Такая пластина была найдена в исследованном Д. Г. Савиновым могильнике Урбюн III (*Савинов*, 1969), в 6 км от Терезина. Это бронзовая поясная пряжка на деревянной основе с изображением противоборства грифона и тигра (рис. 4, 12). Аналогии ей известны из раскопок в Северном Китае и Монголии, а также в частных коллекциях (*Brosseder*, 2011. Р. 421, 422). Стилистически схожая резная пластина из стеатита хранится в Британском музее (*Rawson*, 1995. Р. 311).

В могильнике Ала-Тей найдена уникальная большая пряжка с изображением быка анфас (рис. 4, 21). Стилистически она похожа на пряжки с быками из Ордоса (*Kost*, 2014. Pl. 6) и на пряжку с изображением нападения рыси на горного барана из Дырестуйского могильника (*Давыдова, Миняев*, 2008. С. 97, 98).

В одном из погребений могильника Ала-Тей найдена поясная пряжка с изображением двух верблюдов-бактрианов, объедающих листья с растущего между ними деревца или куста (рис. 4, 11). Несколько случайных находок аналогичных

пряжек происходят из Северного Китая, половина такой пряжки найдена при раскопках могильника Даодуньцзы (*Дэвлет*, 1980. Рис. 2, 2; *Kost*, 2014. Pl. 23).

Небольшие подпрямоугольные шестилучевые бронзовые бляшки (рис. 4, 4) можно назвать «стандартными» поясными украшениями в Терезине и Ала-Тее. Они встречены в нескольких погребениях, а также в виде случайных находок. Их аналогии известны в одном из погребений могильника Даодуньцзы в китайской провинции Нинся (*Pan*, 2011. P. 465. Fig. 3) а также среди вещей Косогольского клада на юге-западе Красноярского края (*Дэвлет*, 1980. С. 16. Рис. 6, 30). Также стандартными для хуннских погребений можно назвать большие бронзовые ажурные кольца (рис. 4, 7, 8), являвшиеся частью поясного набора. Они найдены и в Терезине и в Ала-Тее и имеют четкие аналогии в памятниках хунну Монголии и Забайкалья.

Интересна серия поясных пластин из могильника Ала-Тей, сделанных из глинистого сланца и декорированных цветными вставками. Одна из них имеет внушительный размер (18 × 9 см) и инкрустирована вставками из кораллов, бирюзы и перламутра (рис. 4, 20). Подобные пластины известны в Забайкалье, но в большинстве случаев они повреждены, а цветные вставки в них утрачены. В качестве примера можно привести большую пряжку с геометрическим орнаментом из поселения Дурены в Забайкалье, где сохранились некоторые вставки из бирюзы (*Давыдова, Миняев*, 2008. С. 44), большие и маленькие пластины из Иволгинского могильника (*Давыдова*, 1996. Табл. 31; 40; 43; 45) и Иволгинского городища (*Давыдова*, 1995. Табл. 16; 53; 148; 157). В Туве подобные изделия ранее не встречались.

В могильниках хунну в Туве нет предметов, оформленных в скифо-сибирском стиле, так же как и на могильниках озен-ала-белигского этапа нет ажурных поясных блях, хотя есть отдельные вещи, которые можно соотнести с хунну или где чувствуется влияние пришлой культуры, но которые не могут быть украшениями погребального костюма. Однако эти памятники почти одновременны, так как на основании выделенных хронологических индикаторов и данных ¹⁴C некоторые озен-ала-белигские могилы можно датировать I в. до н. э. В то же время на могильниках, которые можно связать с хунну, продолжает существовать «скифский» обряд погребения с подогнутыми ногами в каменных ящиках.

Можно предположить, что в это время (II–I вв. до н. э.) в Центральной Туве, в ключевом месте у входа Енисея в Саянский каньон (традиционный исторический путь из Тувы в Минусинскую котловину), появились новые группы населения, чей первоначальный приход был связан с северной экспансией Хунну. Это могли быть как сами Хунну (тем более что в Туве известны захоронения хуннской знати – могильник Бай-Даг II, расположенный примерно в 40 км к востоку от Ала-Тей), так и какие-то иные связанные с ними племена. Произошла постепенная, но относительно быстрая культурная ассимиляция основной части оставшегося здесь скифского населения. Именно в это время в Туве появляются большие бронзовые поясные пряжки-пластины, принесенные новым населением, и возникает традиция их изготовления (большинство бронзовых предметов из могильников Терезин и Ала-Тей, вероятно, местного производства). Эти яркие, высокохудожественные изделия появляются в Туве на короткий срок

(возможно, в течение жизни 2–3 поколений) и маркируют непосредственно эпоху смены культурных традиций и ее активных участников – носителей материальной культуры Хунну. В искусстве уюкско-саглынской культуры на позднем этапе прослеживаются отдельные черты искусства хунну, в то же время в памятниках хунну мы видим некоторые черты, воспринятые из скифо-сибирского звериного стиля. Возможно, в результате слияния двух культур появилась кокзельская культура.

Археологические памятники этого периода можно, вслед за А. Д. Грачом, называть улуг-хемской культурой. Она отражает именно переходную эпоху (от скифского к гунно-сарматскому, или хунно-сяньбийскому, времени) и характеризуется различными типами погребального обряда с преобладанием материальной культуры Хунну, что особенно ярко выражено наличием китайских импортов и предметами декоративно-прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 240 с.
- Вадецкая Э. Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Петербургское Востоковедение. 440 с.: ил. (Archaeologica Petropolitana; VII.)
- Грач А. Д., 1971. Новые данные о древней истории Тувы // УЗТНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл. С. 93–107.
- Давыдова А. В., 1995. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзияИКА. 94 с., 188 табл. (АПС; вып. 1.)
- Давыдова А. В., 1996. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение. 176 с. (АПС; вып. 2.)
- Давыдова А. В., Миняев С. С., 2008. Художественная бронза хунну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас. 120 с.
- Дэвлет М. А., 1975. Сибирские решётчатые бронзовые пластины // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск. С. 150–155.
- Дэвлет М. А., 1980. Сибирские поясные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Наука. 65 с. (САИ; Д. 4-7.)
- Кируновская М. Е., Леус П. М., Семенов Вл. А., 2014. Художественное литье эпохи ранних кочевников Тувы // Тува – в беге времени: каталог выставки. М.: ВМДПНИ. С. 62–68.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И., 2000. Дарасунский комплекс памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 176 с.
- Кисель В. А., 2010. Закат скифской эпохи в Туве: единство и противоборство культур [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы: электронный информационный журнал. № 1. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html. Дата обращения: 11.06.2017.
- Ковалев А. А., 1999. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 75–82.
- Кубарев В. Д., 2002. Древние зеркала Алтая // АЭАЕ. № 3 (11). С. 63–77.
- Кузьмин Н. Ю., 2011. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг. 456 с., илл.
- Леус П. М., Бельский С. В., 2016. Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. Вып. 22. СПб. С. 93–104.
- Лубо-Лесниченко Е. И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука. 170 с.
- Матюченко В. И., Татаурова Л. В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука. 198 с.
- Миняев С. С., 1995. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования геометрического стиля в искусстве сюнну // АВ. № 4. СПб. С. 123–136.

- Пиеницина М. Н., 1979. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. С. 70–88.
- Савинов Д. Г., 1969. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. Вып. 119. С. 104–108.
- Семенов Вл. А., 1998. Вооружение и воинский костюм скифов Тувы // Военная археология. СПб.: ГЭ. С. 160–163.
- Семенов Вл. А., 1999. Синхронизация памятников хунну Забайкалья и поздних скифов Тувы и Северо-Западной Монголии // Изучение культурного наследия Востока. СПб.: Европейский дом. С. 117–121.
- Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение. 240 с.
- Семенов Вл. А., 2010. Усуни на севере Центральной Азии // АЭАЕ. № 3 (43). С. 99–110.
- Семенов Вл. А., 2013. Искусство восточных варваров в I тыс. до н. э. // Проблемы развития зарубежного искусства. СПб.: СПбГАИЖСА им. Репина. С. 3–19.
- Семенов Вл. А., 2015. Искусство варварских племен. СПб.: НП-Принт. 400 с.
- Смотров В. И., 1982. Находки бронзовых ажурных пластин в Прибайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск: Иркутский ун-т. С. 106–107.
- Смотров В. И., 1991. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Иркутский ун-т. С. 136–143.
- Суразаков А. С., 1992. Космогония в орнаментации зеркал скифского времени // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т. С. 49–53.
- Хаврин С. В., 2016. Металл эпохи Хунну могильника Терезин I (Тува) // АВ. Вып. 22. СПб. С. 105–107.
- Чугунов К. В., 2012. Ранние кочевники Центральной Азии и Южной Сибири в I тыс. до н. э. // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Славия. С. 19–49.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East–West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 349–424. (Bonn Contributions to Asian Archaeology; 5.)
- Bunker E., 1997. Ancient bronzes of the eastern eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. N. Y.: Arthur M. Sackler Fondation. 401 c.
- Bunker E., 2002. Nomadic Art of the eastern eurasian steppes. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art. 233 p.
- Bunker E., Rawson, J., 1990. Ancient Chinese and Ordos bronzes. Hong Kong: The Royal Asiatic Ceramic Society. 362 p.
- Kost C., 2014. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. 262 p. (Bonn Contributions to Asian Archaeology; vol. 6.)
- Leus P., 2011. New finds from the Xiongnu period in Central Tuva // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 515–536. (Bonn Contributions to Asian Archaeology; 5.)
- Linduff K., 1997. An archaeological overview // Bunker E. Ancient bronzes of the eastern eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. N. Y.: Arthur M. Sackler Fondation. P. 18–98.
- Pan Ling, 2011. Summary of Xiongnu sites in Northern China // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 463–474. (Bonn Contributions to Asian Archaeology; 5.)
- Rawson J., 1995. Chinese Jade from the Neolithic to the Qing. London: British Museum Press. 463 p.

Сведения об авторах

Килуновская Марина Евгеньевна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; email: kilunmar@mail.ru;

Леус Павел Михайлович, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; email: leuss@mail.ru

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus

ART AT THE END OF I MILLENNIUM BC IN TYVA

Abstract. Two archaeological cultures coexisted in Tuva at the end of 1000 BC, namely, the Uyuk-Saglyn culture (sites of the Ozen-Ala-Belig type) and the Ulug-Khem culture, the latter being closely connected with the Xiongnu of Mongolia and the Transbaikial region as well as the Tes culture of the Minusinsk Depression. The sites of the Ozen-Ala-Belig type are characterized by abundance of items made in the animal style. These are items made of gold, bone, antler and bronze. They combine influences of the Scythian Siberian style, Pazyryk art and Xiongnu art. New archaeological sites that have yielded a large series of Xiongnu bronze items have been discovered in Central Tuva in recent years, these sites are flat cemeteries of Terezin and Ala-Tey. The finds include openwork belt plates used as buckles, which are richly decorated and which have direct analogues in the art of the Xiongnu in Mongolia, the Transbaikial region, Southern Siberia, the Ordos Desert and Northern China. The iconography of these plates has analogies in the Scythian Siberian style implying development of a particular Hun-Sarmatian animal style, which absorbed both traits of northern barbarians' art and traits of China art at the end of I mill. BC.

Keywords: Tuva, cemeteries, burials in timber graves, cists, vaults, flat cemetery graves, Ozen-Ala-Belig type of the Uyuk-Saglyn culture, Scythian Siberian animal style, Xiongnu bronze works of art.

REFERENCES

- Bogdanov E. S., 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii* [Image of predator in figurative art of nomad peoples of Central Asia]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 240 p.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East – West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 349–424. (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5.)
- Bunker E., 1997. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. New York: Arthur M. Sackler Foundation. 401 p.
- Bunker E., 2002. Nomadic Art of the Eastern Eurasian steppes. New York: The Metropolitan Museum of Art. 233 p.
- Bunker, E., Rawson, J., 1990. Ancient Chinese and Ordos bronzes. Hong Kong: The Royal Asiatic Ceramic Society. 362 p.
- Chugunov K. V., 2012. Rannie kochevniki Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v I tysyacheletii do n. e. [Early nomads of Central Asia and South Siberia in I millennium BC]. *Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha: katalog vystavki [Nomads of Eurasia on the path to empire. From collection of State Hermitage: catalogue of exhibition]*. St. Petersburg: Slaviya, pp. 19–49.

- Davydova A. V., 1995. Ivolginskiy arkhеologicheskii kompleks [Ivolginskiy archaeological complex], 1. Ivolginskoe gorodishche [Ivolginskoe fortified settlement]. St. Petersburg: Aziyatika. 94 p., 188 tabl. (APS, 1.)
- Davydova A. V., 1996. Ivolginskiy arkhеologicheskii kompleks [Ivolginsk archaeological complex], 2. Ivolginskiy mogil'nik [Ivolginsk cemetery]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 176 p. (APS, 2.)
- Davydova A. V., Minyaev S. S., 2008. Khudozhestvennaya bronza khunnu. Novye otkrytiya v Rossii [Xiongnu artistic bronzes. New discoveries in Russia]. St. Petersburg: Gamas. 120 p.
- Devlet M. A., 1975. Sibirskie reshchatye bronzovye plastiny [Siberian lattice bronze plaques]. *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii [Archaeology of North and Central Asia]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 150–155.
- Devlet M. A., 1980. Sibirskie pojasnye plastiny II v. do n. e. – I v. n. e. [Siberian belt plaques of II c. BC – I c. AD]. Moscow: Nauka. 65 p. (SAI, D4-7.)
- Grach A. D., 1971. Novye dannye o drevney istorii Tuvy [New data on early history of Tuva]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo NIIYaLI [Scientific notes of Tuva NIIYaLI]*, XV. Kyzyl: Tuvinskiy NIIYaLI, pp. 93–107.
- Khavrin S. V., 2016. Metall epokhi Khunnu mogil'nika Terezin I (Tuva) [Metal of Xiongnu epoch from cemetery Terezin I (Tuva)]. *AV*, 22, pp. 105–107.
- Kilunovskaya M. E., Leus P. M., Semyonov V. A., 2014. Khudozhestvennoe lit'e epokhi rannikh kochevnikov Tuvy [Artistic casting of epoch of early nomads in Tuva]. *Tuva – v bege vremeni: katalog vystavki [Tuva – in time-flow: catalogue of exhibition]*. Moscow: Vserossiyskiy muzey dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva, pp. 62–68.
- Kirillov I. I., Kovychev E. V., Kirillov O. I., 2000. Darasunskiy komp leks arkhеologicheskikh pamyatnikov [Darasun complex of archaeological sites]. *Vostochnoe Zabaykal'e*. Novosibirsk: IAEt SO RAN. 176 p.
- Kisel' V. A., 2010. Zakat skifskoy epokhi v Tuve: edinstvo i protivoborstvo kul'tur (Elektronnyy resurs) [Sunset of Scythian epoch in Tuva: unity and confrontation of cultures (Electronic resource)]. *Novye issledovaniya Tuvy: elektronnyy informatsionnyy zhurnal [New investigations in Tuva: electronic information journal]*. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html.
- Kost C., 2014. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. 262 p. (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 6.)
- Kovalev A. A., 1999. O svyazyakh naseleniya Sayano-Altaya i Ordosa v V–III vekakh do n. e. [On relations of population of Sayan-Altai and Ordos in V–III centuries BC]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy [Results of investigation of Scythian epoch of Altai and adjacent territories]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 75–82.
- Kubarev V. D., 2002. Drevnie zerkala Altaya [Ancient mirrors from Altai]. *AEAE*, 3 (11), pp. 63–77.
- Kuz'min N. Yu., 2011. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura [Burial sites of Hun-Hsianbi time in steppes of Middle Yenisei. Tes' culture]. St. Petersburg: Aysing. 456 p., ill.
- Leus P. M., 2011. New finds from the Xiongnu period in Central Tuva. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 515–536. (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5.)
- Leus P. M., Bel'skiy S. V., 2016. Terezin I – mogil'nik epokhi khunnu v Tsentral'noy Tuve [Terezin I – cemetery of Xiongnu epoch in Central Tuva]. *AV*, 22. St. Petersburg, pp. 93–104.
- Linduff K., 1997. An archaeological overview. *Bunker E. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections*. New York: Arthur M. Sackler Foundation, pp. 18–98.
- Lubo-Lesnichenko E. I., 1975. Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny [Imported mirrors of Minusinsk depression]. Moscow: Nauka. 170 p.
- Matyushchenko V. I., Tataurova L. V., 1997. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [Cemetery Sidorovka in Irtysh region, Omsk vicinity]. Novosibirsk: Nauka. 198 p.
- Minyaev S. S., 1995. Noveyshie nakhodki khudozhestvennoy bronzy i problema formirovaniya geometricheskogo stilya v iskusstve syunnu [Newest finds of artistic bronzes and problem of formation of geometric style in Xiongnu art]. *AV*, 4. St. Petersburg, pp. 123–136.

- Pan Ling, 2011. Summary of Xiongnu sites in Northern China. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 463–474. (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5.)
- Pshenitsina M. N., 1979. Tesinskiy etap [Tes' stage]. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [Complex of archaeological sites near Tepsey Mountain on Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, pp. 70–88.
- Rawson J., 1995. Chinese Jade from the Neolithic to the Qing. London: British Museum Press. 463 p.
- Savinov D. G., 1969. Pogrebenie s bronzovoy blyakhoy v Tsentral'noy Tuve [Burial with bronze plate in Central Tuva]. *KSIA*, 119, pp. 104–108.
- Semyonov V. A., 1998. Vooruzhenie i voinskiy kostyum skifov Tuvy [Weapons and military costume of the Tuva Scythians]. *Voennaya arkheologiya* [Martial archaeology]. St. Petersburg: GE, pp. 160–163.
- Semyonov V. A., 1999. Sinkhronizatsiya pamyatnikov khunnu Zabaykal'ya i pozdnykh skifov Tuvy i Severo-Zapadnoy Mongolii [Synchronization of Xiongnu sites in Transbaikalian region and late Scythians of Tuva and North-western Mongolia]. *Izucheniye kul'turnogo naslediya Vostoka* [Research of cultural heritage of Orient]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, pp. 117–121.
- Semyonov V. A., 2003. Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-Tuvinskoy kotlovine [Suglug-Khem and Khayyrakan – cemeteries of Scythian time in Central Tuva depression]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 240 p.
- Semyonov V. A., 2010. Usuni na severe Tsentral'noy Azii [The Usuns in North of Central Asia]. *AEAE*, 3 (43), pp. 99–110.
- Semyonov V. A., 2013. Iskustvo vostochnykh varvarov v I tysyacheletii do n. e. [Art of Eastern barbarians in I millennium BC]. *Nauchnye Trudy. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy akademicheskii institut zhivopisi, skulptury i arkhitektury imeni I. E. Repina* [Scientific works. Repin St. Petersburg State Academic Institute for painting, sculpture and architecture], 25. *Problemy razvitiya zarubezhnogo iskusstva* [Problems of development of foreign art]. St. Petersburg, pp. 3–19.
- Semyonov V. A., 2015. Iskustvo varvarskikh plemen [Art of barbarian tribes]. St. Petersburg: Tipografiya NP-Print. 400 p.
- Smotrova V. I., 1982. Nakhodki bronzovykh azhurnykh plastin v Pribaykal'e [Finds of bronze open-work plaques in Baikal region]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri* [Problems of archaeology and ethnography of Siberia]. Irkutsk: Irkutskiy universitet, pp. 106–107.
- Smotrova V. I., 1991. Pogrebenie s azhurnymi plastinami na ostrove Osinskom (Bratskoe vodokhranilishche) [Burial with open-work plaques in Osinskiy Island (Bratsk reservoir)]. *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Sredney Sibiri* [Palaeoethnological investigations in South of Middle Siberia]. Irkutsk: Irkutskiy universitet, pp. 136–143.
- Surazakov A. S., 1992. Kosmogoniya v ornamentatsii zerkal skifskogo vremeni [Cosmogony in ornamentation of mirrors of Scythian time]. *Problemy izucheniya istorii i kul'tury Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Problems of investigation of history and culture of Altai and adjacent territories]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. universitet, pp. 49–53.
- Vadetskaya E. B., 1999. Tashtykская эпоха в древней истории Сибири [Tashtyk epoch in early history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 440 p.: il. (Archaeologica Petropolitana; VII).

About the authors

Kilunovskaya Marina E., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kilunmar@mail.ru;
 Leus Pavel M., independent researcher, St.-Petersburg, Russian Federation; e-mail: leuss@mail.ru

Г. Г. Король

ИСТОКИ ЗООМОРФНОГО КОДА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ САЯНО-АЛТАЯ*

Резюме. Рассмотрены популярные в декоре торевтики малых форм (ременные и другие украшения всадника и коня) Саяно-Алтая конца I – начала II тыс.: сюжет «всадник на охоте» и мотивы (олень, собака), по которым можно выявить некоторые истоки зооморфного кода в искусстве. Среди них: образ жизни кочевников (рис. 2; 3, 1), окружавший их ландшафт; искусство ранних кочевников, в первую очередь петроглифы (рис. 1, 1–3); мотивы, имеющие истоки в буддийской иконографии (рис. 3, 2–5, 10), ставшие известными в период возвышения Кыргызского каганата и военных походов, в том числе в Восточный Туркестан, в конце I тыс. Образы мифических крылатых оленя (рис. 1, 4, 5) и собаки (рис. 3, 2–8, 10) связаны с космогоническими представлениями, мировоззрением, верованиями народов Саяно-Алтая и их ближайших соседей. Эти представления, уходящие корнями в глубокую древность, можно считать фундаментальным истоком зооморфного кода в средневековом искусстве.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, средневековое искусство, торевтика малых форм, сюжет «всадник на охоте», зооморфные образы, мифические олень, собака, иконография, истоки.

Средневековое искусство Саяно-Алтая представлено двумя основными видами: мобильным – чрезвычайно распространенным декоративно-прикладным (ременные украшения одежды и амуниции всадника и коня, амулеты и пр., изготовленные преимущественно из цветного металла), и стационарным, но не менее распространенным петроглифическим. Задача настоящей статьи – на фоне краткой общей характеристики зооморфного кода, который подробно исследовался автором ранее, рассмотреть некоторые истоки данного кода на примере особенно показательных в рамках обозначенной темы образцов мобильного вида искусства с привлечением аналогичных материалов стационарного.

Саяно-Алтай – крупный регион степного пояса восточной части Евразии от р. Иртыш на западе до оз. Байкал на востоке. Степные ландшафты предгорий,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-01-00306а.

горных котловин, горы, долины крупнейших рек Сибири – Иртыша, Оби, Енисея, обилие разнообразных видов животных, птиц – природная часть ландшафта, в котором обитали жители в раннем средневековье – в эпоху Тюркских и других каганатов VI–XI вв. Исторический ландшафт: священные места в природном ландшафте, наскальные изображения всех предшествующих эпох, изваяния эпохи бронзы, стелы с изображениями эпохи ранних кочевников, стелы с эпиграфами у средневековых могил, каменные скульптурные изваяния – во многом рукотворная часть ландшафта. Природный и рукотворный ландшафт – один из истоков мотивов и композиций в декоративно-прикладном искусстве тюркских и других групп обитателей Саяно-Алтая в средние века.

Изображения, по которым можно судить об особенностях ландшафта и его элементов, а также о культуре и верованиях населения, сосредоточены не только на крупных каменных плоскостях (скальных и рукотворных), но и на крошечных поверхностях металлических ременных украшений всадников (торевтике малых форм) – массовом материале декоративно-прикладного искусства. В декоре преобладает растительный орнамент, что отражает традиционное мировоззрение тюрков, известное по фольклору и другим источникам. Концепция бессмертия через продолжение рода, бесконечного возрождения природы наилучшим образом выражается именно через этот код. Идея родства с деревом, с миром трав, листьев, побегов – основная в тюркской культуре. Дерево считалось у тюрков таким же предком, прародителем, как гора, дух или божество (подробно см.: *Сагалаев, Октябрьская*, 1990. С. 43–63). Дерево (растительный мир) было символом стабильности и реальной опорой в жизни народов, жизнь которых протекала в речных долинах, степных предгорных и горных местностях рядом с лесом, тайгой. Фон эпического мира любого сказания – «прекрасная Родина», «великолепный Алтай», «благодатный целебный Алтай» (эпические выражения). Герои эпоса защищают эту животворную землю и всегда возвращаются туда для отдыха и мирной жизни. Именно родная земля и природа дают силы богатырю.

Образ жизни людей в определенных природных условиях тоже был немаловажен для выбора тех или иных мотивов и композиций, сюжетов в искусстве. Одним из элементов реальной жизни воина-всадника была охота, в том числе с ловчими птицами и специально обученными собаками. Некоторыми видами охоты (например, соколиной) занимались знатные воины (см.: *Константинов, Соёнов*, 2012. С. 379). Считается, что подобная охота, начинавшаяся с преследования зверя, постепенно перерастала в военно-тренировочные упражнения. Вероятно, коллективная загонная охота в военных походах кочевников была одним из источников обеспечения отрядов продовольствием. В мирное время большие группы охотников-всадников в родных местах, богатых добычей (Саяно-Алтай и сейчас представляет собой именно такое место), могли проводить целые месяцы (подробней см.: *Токтабай*, 2013. С. 55–63).

Сюжет «всадник/всадники на охоте», его мотивы, включающие объекты охоты и элементы ландшафта, есть в наскальном искусстве, традиция использования каменных плоскостей с древности сохранилась в средние века (см., например: *Киселев*, 1949. Табл. LX; *Черемисин*, 2004. Рис. 7–9; *Леонтьев и др.*, 2005. Рис. VIII–X, XIII, XIX; *Мухарева*, 2012. Рис. 16; 17; *Дэвлет, Чжан Со Хо*, 2014.

Рис. 102; 103). Прекрасные образцы представлены в резьбе по кости (обкладки луки седла из мог. 9 могильника Кудыргэ в Горном Алтае, VII в.), в искусстве мелкой металлической пластики: набор накладных фигурок (курган 6 Копенского чаатаса в Минусинской котловине, VIII–IX вв.), украшавших также луку седла (реконструкцию см.: *Киселев*, 1949. Табл. LVIII, 1–3; *Федоров-Давыдов*, 1976. Рис. 44–49; *Великое переселение*, 2005. С. 48, 49).

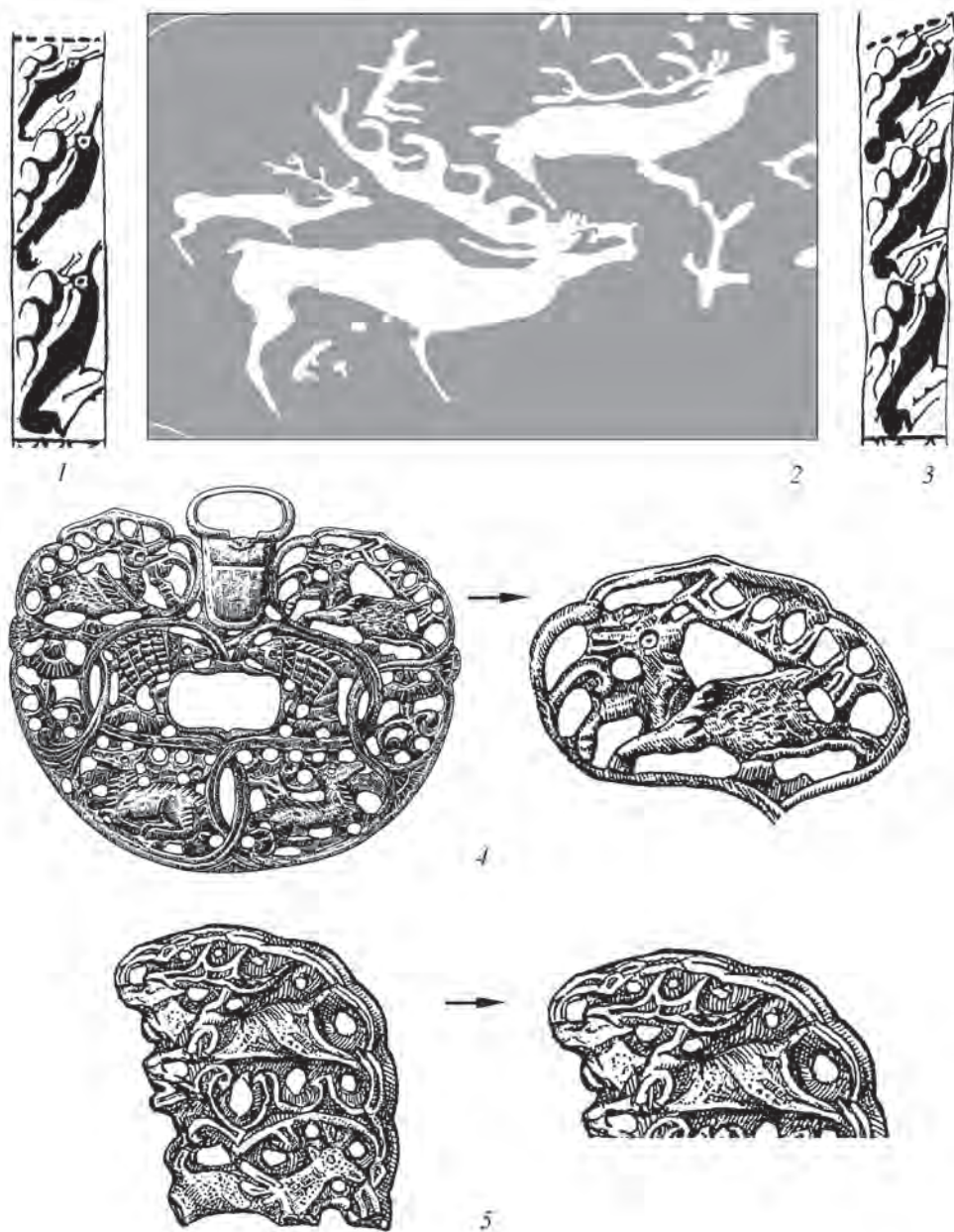
На копенских накладках можно видеть не только всадника-охотника, но и объекты охоты: хищника из семейства кошачьих (лев, тигр?), снежного барса, дикого кабана, лань, винторогого козла (некоторые и сейчас представлены в природе Саяно-Алтая), а также элементы ландшафта – горы, облака, выполненные в стилистике китайского искусства эпохи Тан (618–907 гг.). Всадник, как герой эпоса, скачет над горами и лесами, а конь служит ему «крыльями» (эпическое выражение). Подобные сцены охоты, выполненные также в танском стиле, украшают и сосуды из цветного металла, найденные на Енисее в XVIII в. экспедицией Д. Г. Мессершмидта¹. Отметим, что подобные сцены охоты появились в Китае под влиянием иранского искусства, но получили свое собственное иконографическое воплощение, особенно в растительном и пейзажном обрамлении самого сюжета. Таким образом, можно говорить и о разных истоках иконографического воплощения сюжета в рассматриваемом искусстве².

Собственно зооморфный код в декоративно-прикладном искусстве Саяно-Алтая представлен и другими животными, в том числе мифическими, а также птицами, рыбами. Репертуар образов в декоре элементов амуниции всадника и коня разнообразен (см.: *Король*, 2008. С. 137–145, 211–219). Некоторые из них (профильные изображения «шагающих»/«крадущихся» кошачьих хищников реалистичного облика – барсы, тигры и львы, в том числе в сцене терзания другого животного; крылатые кошачьи хищники; полиморфные образы лежащего крылатого рогатого «льва» с повернутой фронтально почти квадратной головой; грифоны) имеют некоторые аналогии, в том числе отдельные иконографические детали, в искусстве ранних кочевников (*Король*, 2013) – еще одном источнике зооморфного кода в средневековом искусстве.

Самый популярный в искусстве ранних кочевников зооморфный образ – олень. Некоторые детали его изображения в скифо-сибирском «зверином стиле»: вытянутая вперед голова, большой глаз, закинута на спину длинные рога с выступами, острый конец которых направлен назад-вверх, иногда из полуколец, острый конец которых также направлен назад-вверх, а широкое основание

¹ Подробно об этих предметах и сосудах танского времени с территории Китая, а также о популярности сюжета см.: *Король*, 2008. С. 132–135. Табл. 15.

² Об «иранских» корнях воплощения мотива всадника-лучника, стреляющего на полном скаку, обернувшись назад (сам прием, как и мотив всадника, стреляющего из лука в преследуемого им животного, пришел из кочевой среды скифского времени степной Евразии, подробно см.: *Киселев*, 1949. С. 352–355), его распространении на территории Средней Азии и возможном проникновении на территорию Саяно-Алтая именно с этой территории см.: *Мухарева*, 2007. С. 194. Рис. 3.

**Рис. 1. Иконография рогов оленя
в искусстве ранних (1–3) и средневековых (4, 5) кочевников**

1, 3 – Монголия (по: Волков, 2002. С. 247); 2 – Алтай (по: Дэвлет, Чжан Со Хо, 2014. С. 11, 49); 4 – Саяны (Средний и Верхний Енисей) (по: Король, 2008. С. 138); 5 – Чуйская долина (Киргизия) (по: Байпаков и др., 2007. С. 65). Без масштаба

сливается с соседним полукольцом. Нередко именно так изображались олени в наскальном искусстве (рис. 1, 2 – фрагмент композиции), в том числе стилизованные (Грязнов, 1978. С. 224, 226. Рис. 1; 2; Савинов, 1994. Табл. II, 5; III; XX; XXII, 7, 8; Волков, 2002. Табл. 130, 132, оборот обложки; Дэвлет, Чжан Со Хо, 2014. Рис. 13; 14; 18; 81, сл.; Миклашевич и др., 2015. Рис. 6; 7), – в подражание так называемым оленным камням (рис. 1, 1, 3 – фрагменты композиции).

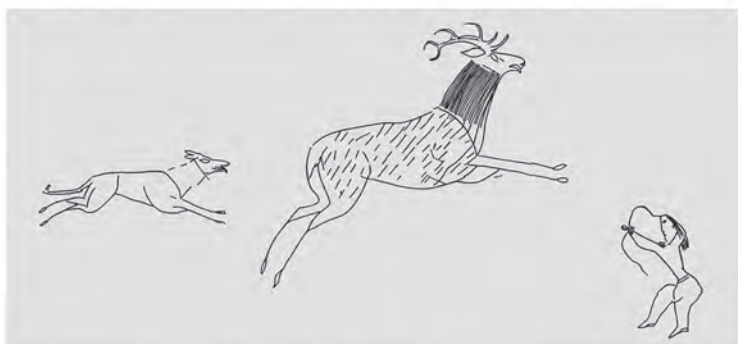
Образ оленя, в том числе мифического (крылатого), имеется и в репертуаре средневекового декоративно-прикладного искусства. Особенность изображения рогов – явный отклик на манеру передачи этого элемента в искусстве ранних кочевников скифской эпохи. Наиболее яркий образец – ажурная накладка на подвесную сумочку всадника (рис. 1, 4) – иллюстрация некоего предания о трехмерном мире, в котором отражены особенности природного ландшафта с большой рекой, включая животных, рыб, цветы.

Особенность мировоззрения сибирских народов – связь древнейших космогонических представлений с образом оленя (лося). О его глубокой древности свидетельствуют и петроглифы (подробно о мифологических сюжетах и многочисленные наскальные изображения оленей см.: Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005. С. 91–105, 114, 115). В шаманских обрядах саяно-алтайских народов образ благородного оленя (марала) играл значительную роль. Олень был «ездовым» животным, на котором шаман отправлялся к духам. Иногда душа шамана предстает в виде животного, часто оленя. В связи с этими представлениями особенно интересен не только образ оленя на упомянутой средневековой накладке, но и композиция в целом.

По шаманской космогонии енисейских эвенков, существующие три мира – нижний, средний и верхний – соединяла мировая река, устье которой находилось в нижнем мире, среднее течение – на земле, верховья – в верхнем мире. В нижнем мире, у корней космического «мирового древа» (растительные элементы нижнего фриза композиции) лежит самка оленя. По легенде о шаманском «избранничестве», она съедает антропоморфную душу шамана, рождая главную шаманскую душу, звериного двойника шамана. По реке – шаманской дороге между мирами – душа отправляется в путь. Ее сопровождают духи-помощники в виде рыб, птиц, зверей. В рассматриваемом варианте декоративной композиции рыбы охраняют шаманский путь по мирам Вселенной. Цветочные изображения среднего фриза символизируют прохождение реки через средний мир – землю. Кроме того, духи-рыбы служат охранителями «дверей» из среднего мира в верхний, в котором обитают мифические гигантские олени, исполняющие роли верховых животных (верхний орнаментальный фриз). Они мыслились и как самые сильные духи шамана. У вершины родовой реки находились родовое хранилище душ и бессмертные души рода. В этот мир по родовой реке шаман, вернее, его духи-помощники могли сопровождать душу умершего человека (Анисимов, 1959. С. 13–77; Василевич, 1969. С. 212–214, 233, 247). Таким образом, можно предположить, что в рассматриваемой композиции на накладке (2 экз. из погребения X в., могильник Аргалыкты I в Туве, Верхний Енисей; идентичная бляха – случайная находка из Минусинской котловины на Среднем Енисее) отражена картина трехмерного мира и того пути, по которому должна была отправиться душа человека после смерти.

1

2

3

4

5

6

7

На этом ярком примере определенно можно говорить и еще об одном источке (возможно, фундаментальном) зооморфного кода в средневековом искусстве. Это уходящие корнями в глубокую древность мировоззрение, космогонические представления, верования (шаманизм) народов Саяно-Алтая и их ближайших соседей.

Следует отметить фрагмент ажурной накладки с городища Красная Речка в Чуйской долине (совр. Киргизия)³ Семиречья. Ее декор по элементам композиции (но не самой композиции) близок находкам из Саяно-Алтая (*Байпаков и др.*, 2007. С. 65. Рис. 118, 3). На верхнем фризе этого фрагмента также размещен крылатый олень с характерными рогами, но иконографические детали (рис. 1, 5) изображения отличны от саяно-алтайских находок.

Олени, в том числе с характерными рогами, иконография которых восходит к скифо-сибирскому искусству, на раннесредневековых петроглифах нередко изображаются в качестве преследуемых в композициях охоты (как всадников, так и пеших лучников), в том числе с охотничьими собаками (рис. 2, 1, 3). Это длинноногие псы типа борзых, имеющие вытянутые пропорции тела и морду.

Образ собаки – один из мотивов зооморфного кода декоративно-прикладного искусства средневековых кочевников. Интересно отметить, что к востоку и к западу от Саяно-Алтая известны уникальные находки фигурок подобных собак породы борзых. Они изображены лежащими в похожих (но не идентичных) позах, с положенной на передние лапы мордой. Одна из фигурок (рис. 2, 7) происходит из древнетюркского подземного мавзолея VII в., исследованного в Монголии (*Сарткожаулы*, 2011. Цв. вклейка. Рис. 43, 44). Другая (рис. 2, 4) – случайная находка (длина 6, высота 2 см) из Чуйской долины (*Камышев*, 2012. Ил. XXV)⁴. Отмечено сходство внешнего облика собаки-фигурки из Монголии с реликтовой породой борзых собак – казахской (рис. 2, 2, 6) или среднеазиатской, а также южносибирской тазы (*Токтабай*, 2013. С. 48, 58, 59, 61), а второй – с кыргызским тайганом (тазы), охотничьей породой борзых, которая и в настоящее время культивируется в Киргизии (*Камышев*, 2012. С. 105). В любом случае это близкие породы со сходными характеристиками экстерьера. Интересна иконографическая деталь оформления выступающего позвоночника бронзовой фигурки собаки – своего рода насечками (рис. 2, 4).

Рис. 2. Образ гончей собаки (борзой) в искусстве кочевников Центральной Азии

1, 2 – Алтай, петроглифы, эпоха средневековья (по: *Черемисин*, 2004. С. 44); 3 – Казахстан, живопись, XIX в. (по: *Токтабай*, 2013. С. 67); 4 – Чуйская долина (Киргизия), цветной металл, X в. (?) (по: *Камышев*, 2012); 5 – Алтай, цветной металл, IX–X вв.; 6 – Казахстан, фото, XXI в. (по: *Токтабай*, 2013. С. 65); 7 – Монголия, глина, роспись, VII в. (по: *Сарткожаулы*, 2011). Без масштаба

³ Городище отождествляется с городом Невакет (Навкет), упоминаемым в одном из согдийских документов с горы Муг и в арабских географических сочинениях, основанным переселенцами из Согда не ранее VII в. (*Горячева*, 1988. С. 102–110; 2010. С. 42).

⁴ Со слов автора публикации, происходит с территории между городищами Красная Речка и Ак-Бешим.

На территории Саяно-Алтая подобные фигурки собак породы борзых характерного экстерьера неизвестны. Среди более 2 тыс. предметов ременной гарнитуры и других украшений из цветного металла, исследованных ранее автором, имеется комплект из погребения IX–X вв. (Камень II, к. 13, п. 3) на левом берегу Оби, Каменский р-н Алтайского края (Могильников, Куйбышев, 1976. Л. 4). Это сохранившиеся на сбруйном ремне маленькие идентичные накладки (рис. 2, 5 – длина накладки 2,7 см), отличающиеся друг от друга длиной (1–2 мм)⁵. Они представляют собой предметы в виде плотных фигурок лежащего животного, с мордой, положенной на передние лапы. Определить вид животного затруднительно, но поза характерна для лежащей собаки. Среди деталей оформления бросается в глаза выделение позвоночного столба насечками, аналогично тому, как это сделано на бронзовой фигурке из Чуйской долины.

Характерная черта «собак» с Оби – хорошо выделенная и специально подчеркнутая тупая мордочка. Если это попытка передать маленькую плотную собаку данного экстерьера, то она определенно «одной породы» с собакой, преследующей добычу в сцене охоты всадника-лучника из набора, найденного в Копенском чаатасе (Средний Енисей) и упомянутого выше. Вернемся к этому набору, реконструированному как обкладки луки седла (рис. 3, 1). Собака из этой композиции названа С. В. Киселевым «степной» (1949. С. 352). По мнению специалиста⁶ – заводчика собак породы бордер терьер, небольшой размер, голова с тупой мордой с усами-бородой, хвост с кисточкой (черты образа собаки из Копенского чаатаса) похожи на характерные черты современных бордер терьеров, выведенных в Англии/Шотландии в начале XIX в. для загонной охоты на лис. У фигурки «степной» собаки, правда, коротковаты ноги, но она определенно не отстает от всадника, как и положено охотничьей собаке.

Собака в искусстве Саяно-Алтая представлена и другими фигурками-накладками, а также изображениями на ременных накладках. Но это не просто собаки, а образ полиморфного кошачье-псового хищника: крылатого льва-собаки, небесной собаки *шицза*. Это один из немногих мотивов, ведущих в поисках истока на «восток». Он широко распространен в буддийской иконографии и в восточноазиатском искусстве в целом, в Китае появился под индийским влиянием вместе с буддизмом. Исследователи отмечают, что шицза хотя и рассматриваются китайцами именно как собаки, но иногда именуется и львами (Мазурина, 2009. С. 67).

В саяно-алтайском искусстве лев-собака представлен двумя вариантами. Один (распространен в западной части региона) соответствует традиционной

⁵ Длина ординарных накладок – 2,4–3 см, концевых – 3,5 см; ширина всех накладок – 1,4 (сзади) – 1,5 см, равная ширине узкого сбруйного ремня. В отчете фотографий или рисунков этих находок нет. В. А. Могильников любезно предоставил автору предметы для осмотра, но зарисовать профиль стандартных полых накладок с бортиками на обороте не удалось, так как они были прочно закреплены на ремне. Коллекция в 2004 г. передана из ИА РАН в Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (информация И. Л. Кызласова).

⁶ Приношу искреннюю благодарность за подробную информацию Т. В. Бактимировой.

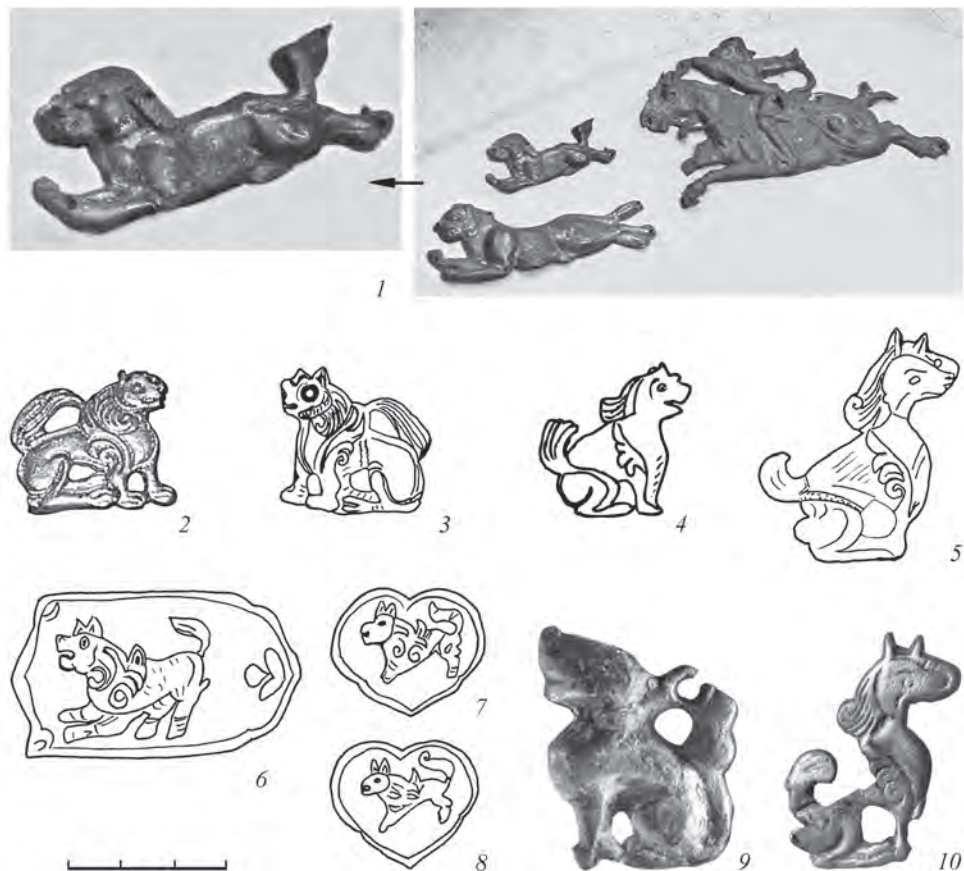

Рис. 3. Собаки «степная» (1) и мифическая в средневековой торевтике малых форм Саяно-Алтая и аналогия из Чуйской долины (9)

1 – Копенский чаатас, Минусинская котловина, Средний Енисей (по: Великое переселение..., 2005); 2 – курган Олтарь 1, Обь-Иртышское междуречье; 3 – могильник Екатериновка III, к. 3, мог. 1, Кулундинская равнина; 4 – Алтай, случайная находка (прорисовка по: Король, 2008); 5 – могильник Пчела, к. 10, Верхнее Прииртышье; 6–8 – Минусинская котловина, случайные находки; 9 – городище Красная Речка, Чуйская долина (по: Байтаков и др., 2007); 10 – могильник Пчела (по: Самашев и др., 2008). 1, 4, 10 – без масштаба; 9 – 2,6 × 2,2 см

позе сидящего льва-собаки и имеет больше основных иконографических черт оригинала: короткие ноги, укороченно-сжатые пропорции тела, специфические морда мопса и грива льва, пышный хвост-плюмаж и даже «вылезавшие из орбит глаза» (рис. 3, 2, 3). Такого же вида шица, но с иной иконографией⁷

⁷ Подчеркнут пропущенный между лап хвост; на других фигурных бляшках этот элемент «читается» не столь определенно. Отметим, что с городища Красная Речка в Чуйской долине происходит фигурка-подвеска (рис. 3, 9), похожая общим видом на фигурку с Алтая из альбома В. В. Радлова, но это все же определенно кошачий хищник

(рис. 3, 4) представлен в альбоме В. В. Радлова 1861 г. (см. *Король*, 2008. С. 324. Прил. 10. Табл. XLII, 17). Модификации образа также с несколько иной иконографией – посадка; вытянутые пропорции корпуса; вытянутая морда, похожая на борзую (рис. 3, 5, 10), происходят из самой западной части региона – Верхнего Прииртышья, Восточного Казахстана (подробней см.: *Король*, 2013. С. 29, 30). В обоих вариантах (с модификациями) крыло животного передано с помощью растительного элемента – расщепленной пальметты или полупальметты.

Другой вариант – из Минусинской котловины (восточная часть региона). Это крылатая собака в динамично-агрессивной (?) позе (рис. 3, 6) в декоре крупных концевых накладок, а также спокойно стоящая – на маленьких сердцевидных накладках (рис. 3, 7, 8). Отметим, что крыло передано совершенно иначе – в виде очень стилизованной пальметты с заостренным завершением, выступающим над спиной. Здесь крылатая собака при довольно реалистичной манере трактовки образа (в отличие от сидящего льва-собаки) сохраняет некоторые иконографические черты шицза (морда мопса, остатки гривы, пропорции тела). Можно заключить, что изобразительные элементы зооморфного мотива имеют определенно «восточные» истоки, но многое в нем изменено в соответствии с собственными представлениями о мифической собаке, которая в значительной мере похожа на реальную.

Популярность образа объясняется не только присутствием самого животного в повседневной жизни воина-всадника, его окружения и рода. Мифическая собака – один из лейтмотивов традиционных преданий и легенд. Гигантские боевые собаки, спутники богатырей, популярны в героическом эпосе хакасов, гигантские черные собаки как обитатели подземного мира – герои алтайских героических сказаний; крылатая собака, появившаяся из яйца дикой утки, соединяет разные миры (см.: *Король*, 2008. С. 145–150).

Собака, имеющая небесное происхождение по традиционным представлениям и других сибирских народов, – не только страж, помощник для людей, но и посредник («проводник») между мирами (*Мифология смерти...*, 2007. С. 28, 103, 199, 200). В мировоззрении и ритуальной практике хакасов образ собаки имел широкое распространение, исследователи подчеркивают двойственность его восприятия (*Бурнаков*, 2012). Мотив сохранился в традиционном декоративном искусстве южносибирских народов, в том числе на ременных украшениях (*Иванов*, 1979. Рис. 62). Все это говорит об имевшейся прочной смысловой основе, т. е. том основном истоке зооморфного кода в искусстве, о котором сказано выше, обусловившем восприятие и распространение мотива, его популярность и длительное существование. А истоком визуального воплощения изначально послужили образцы буддийской иконографии, попавшей в Саяно-Алтай, возможно, из Китая, но скорее всего – из Восточного Туркестана⁸.

Подводя итог, обобщим выделенные выше на ярких примерах некоторые (задача охватить все аспекты проблемы не ставилась) истоки зооморфного кода

(*Байтаков и др.*, 2007. Рис. 43, 1), хотя и с хвостом-плюмажем, но без крыла и других особенностей льва-собаки шицза.

⁸ О контактах тюрков Саяно-Алтая с разными соседними и дальними регионами, прослеживаемых по предметам декоративно-прикладного искусства, см.: *Король*, 2015.

в искусстве тюркских и других групп населения Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. Естественными и самыми простыми источниками образов, мотивов и композиций в декоративно-прикладном искусстве были образ жизни кочевников, а также окружавший их природный и рукотворный (объекты, видоизмененные или созданные людьми) ландшафт. Последний (в основном через наскальное искусство, а также вероятные случайные и не случайные находки предметов искусства предшествующей эпохи) тем или иным образом служил своеобразным «мостом» между эпохами на конкретной территории. Переднеазиатские («иранские», условно «западные») корни искусства ранних кочевников были питательной средой и для средневекового искусства. Таким образом, искусство ранних кочевников стало истоком не только некоторых образов, но и особенно их иконографических деталей в зооморфном коде искусства средневековых кочевников.

Другим истоком визуальной реализации некоторых образов изначально послужили мотивы буддийской иконографии, образцы которой попали на территорию Саяно-Алтая, вероятно, из Восточного Туркестана (условно «восточные» истоки) или из Срединной империи. Они могли модифицироваться в соответствии с собственными представлениями тех, для кого были предназначены предметы декоративно-прикладного искусства.

Фундаментальным истоком зооморфного кода в средневековом искусстве можно считать уходящие корнями в глубокую древность мировоззрение, космогонические представления, верования народов Саяно-Алтая и их ближайших соседей. Потребность визуализировать некоторые идеи или действия могла быть реализована через фиксацию их в материальном объекте – декорированном изделии, наделении декора и самого изделия неким смыслом. Это давало возможность совершенно утилитарные на первый взгляд предметы (ременные и другие украшения) использовать и как предметы, имеющие и иное, не утилитарное назначение. Популярность такого искусства объясняется его связью с древними тотемами, культом природных сил, а также приданием особому декору защитных, охранительных и благопожелательных функций.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов А. Ф., 1959. Космологические представления народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 105 с.
- Байтаков К. М., Терновая Г. А., Горячева В. Д., 2007. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). Алматы: Ғылым. 303 с.
- Бурнаков В. А., 2012. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. С. 196–215.
- Василевич Г. М., 1969. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука. 304 с.
- Великое переселение. М.: Бук Хаус, 2005. 180 с. (История мировой культуры.) (Сокровища Ойкумены.)
- Волков В. В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 248 с.
- Горячева В. Д., 1988. Город Золотого верблюда. Фрунзе: Илим. 116 с.
- Горячева В. Д., 2010. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.). Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский ун-т. 303 с.

- Грязнов М. П., 1978. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Вып. II. Л.: ЛГУ. С. 222–232.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005. Мифы в камне: мир наскального искусства. М.: Алетей. 472 с.
- Дэвлет Е., Чжан Со Хо, 2014. Каменная летопись Алтая. М.: ИА РАН. 144 с.
- Иванов С. В., 1979. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука. 196 с.
- Камышев А. М., 2012. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. III: Торевтика. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ. С. 97–122.
- Киселев С. В., 1949. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 364 с. (МИА; № 9.)
- Константинов Н. А., Соёнов В. И., 2012. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы III междунар. конф. Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монгольского гос. ун-та. С. 374–381.
- Король Г. Г., 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат. 332 с. (Труды САИПИ; вып. V.)
- Король Г. Г., 2013. Фантастические животные в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая // РА. № 3. С. 26–36.
- Король Г. Г., 2015. Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н. э. (по материалам торевтики малых форм) // РА. № 4. С. 64–77.
- Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., 2005. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 120–132.
- Мазурина В. Н., 2009. Львы и львы-собаки – защитники культовых сооружений в Непале // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: МАЭ РАН. С. 63–74.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л., 2015. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 1. Кемерово: Примула. С. 29–52.
- Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: этнографические очерки / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 278 с.
- Могильников В. А., Куйбышев А. В., 1976. Отчет о работах в зоне строительства Кулундинского магистрального канала и Кулундинской оросительной системы в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6474. 240 л.
- Мухарева А. Н., 2007. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 189–198.
- Мухарева А. Н., 2012. Петроглифы местонахождения Улазы III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 57–71. (Труды САИПИ; вып. X.)
- Савинов Д. Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ. 208 с.
- Сазалаев А. М., Октябрьская И. В., 1990. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука. 209 с.
- Самашев З., Ермолаева А., Куц Г., 2008. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Онер. 200 с.
- Сарткожаулы К., 2011. Древнетюркский подземный мавзолей // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: мат-лы междунар. конф. Т. II. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. С. 283–287.
- Токтабай А., 2013. Казахская борзая тазы. Алматы: Атамұра. 160 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство. 228 с.
- Черемисин Д. В., 2004. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // АЭАЕ. № 1 (17). С. 39–50.

Сведения об авторе

Король Галина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ggkorol08@rambler.ru

G. G. Korol

THE ORIGIN OF THE ZOOMORPHIC CODE IN MEDIEVAL ART OF
THE ALTAI-SAYAN REGION

Abstract. The paper examines scenes (a hunting rider) and motifs (a stag, a dog) popular in the decoration of toreutics of portable forms (belt and other decorations of the horseman and the horse), which can be used to trace down the origin of the zoomorphic code in art, such as a nomadic lifestyle (Fig. 2; 3, 1), and a surrounding landscape; art of early nomads, first of all, petroglyphs (Fig. 1, 1–3); motifs rooted in Buddhist iconography (Fig. 3, 2–5, 10), which became known at the time of the Kyrgyz Kaganate rise and military campaigns at the end of 1000 BC, including a military expedition to Eastern Turkestan. Images of a mythical winged stag (Fig. 1, 4, 5) and a mythical winged dog (Fig. 3, 2–8, 10) are linked to cosmogony concepts, views of the world, beliefs of the population, which inhabited the Sayan-Altai Region and its closest neighbors. These concepts deep rooted in extreme antiquity can be considered as a basic source of the zoomorphic code of medieval art.

Keywords: Sayan-Altai Region, medieval art, toreutics of portable forms, hunting rider scene, zoomorphic images, mythical stag, mythical dog, iconography, origin.

REFERENCES

- Anisimov A. F., 1959. Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa [Cosmological ideas of the peoples of the North]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 105 p.
- Baypakov K. M., Ternovaya G. A., Goryacheva V. D., 2007. Khudozhestvennyy metall gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII v.) [Art metal from fortified settlement Krasnaya Rechka (VI – beginning of XIII c.)]. Almaty: Fylym. 303 p.
- Burnakov V. A., 2012. Traditsionnye predstavleniya khakasov o sobake [Traditional ideas on dog among the Khakass]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [World-outlook of population of South Siberia and Central Asia in historical retrospection]. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 196–215.
- Cheremisin D. V., 2004. Rezul'taty noveyshikh issledovaniy petroglifov drevnetyurkskoy epokhi na yugo-vostoke Rossiyskogo Altaya [Results of the newest investigations of petroglyphs of ancient Turk epoch in south-east of Russian Altai]. *AEAE*, 1 (17), pp. 39–50.
- Devlet E. G., Devlet M. A., 2005. Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva [Myths in stone: World of rock art]. Moscow: Aleteya. 472 p.
- Devlet E., Jang Seog Ho, 2014. Kamennaya letopis' Altaya [Stone chronicle of Altai]. Moscow: IA RAN. 144 p.
- Fedorov-Davydov G. A., 1976. Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordyy [Art of nomads and Golden Horde]. Moscow: Iskusstvo. 228 p.
- Goryacheva V. D., 1988. Gorod Zolotogo verblyuda [City of the Golden camel]. Frunze: Ilim. 116 p.
- Goryacheva V. D., 2010. Gorodskaya kul'tura Tyurkskikh kaganatov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII v.) [Urban culture of Turk khanates in Tien Shan (mid VI – early XIII c.)]. Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiyskiy Slavyanskiy institut. 303 p.
- Gryaznov M. P., 1978. Sayano-altayskiy olen' [Sayan-Altai deer]. *Problemy arkheologii* [Problems of archaeology], II. Leningrad: Leningradskiy gos. universitet, pp. 222–232.

- Ivanov S. V., 1979. Skul'ptura altaytsev, khakasov i sibirskikh tatar [Sculpture of Altai people, Khakass and Siberian Tartars]. Leningrad: Nauka. 196 p.
- Kamyshev A. M., 2012. Kyrgyzstan [Kyrgyzstan]. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vekov [Art culture of Central Asia and Azerbaijan in IX–XV centuries], III. Torevtika [Toreutics]*. Samarkand; Tashkent: Mezhdunarodnyy Institut Tsentral'noaziatskikh issledovaniy, pp. 97–122.
- Kiselev S. V., 1949. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [Ancient history of South Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 364 p. (MIA, 9.)
- Konstantinov N. A., Soenov V. I., 2012. Sokolinaya okhota v Gornom Altae [Falconry in High Altai]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: transactions of III International conference]*, 2. Ulan-Bator: Mongol'skiy gos. universitet, pp. 374–381.
- Korol' G. G., 2008. Iskustvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [Art of medieval nomads of Eurasia. Essays]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 p. (Trudy SAIPI [Works of SAIPI], V.)
- Korol' G. G., 2013. Fantasticheskie zhivotnye v dekore srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya [Fabulous animals in decoration of medieval art metal of Sayan-Altai]. *RA*, 3, pp. 26–36.
- Korol' G. G., 2015. Kul'turnye vliyaniya v Tsentral'noy Azii i na sopredel'nykh territoriyakh rubezha I–II tys. n. e. (po materialam torevtiki malykh form) [Cultural influences in Central Asia and in adjacent territories at turn of I–II mill. AD (based on materials of small-size toreutics)]. *RA*, 4, pp. 64–77.
- Leont'ev N. V., Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., 2005. Pamyatnik naskal'nogo iskusstva Ulazy na severe Minusinskoy kotloviny [Ulazy monument of rock art in north of Minusinsk depression]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]*, 23. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 120–132.
- Mazurina V. N., 2009. L'vy i l'vy-sobaki – zashchitniki kul'tovykh sooruzheniy v Nepale [Lions and lions-dogs – guardians of cultic constructions in Nepal]. *Aziatskiy bestiariy: Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoy, Yugo-Zapadnoy i Tsentral'noy Azii [Asiatic bestiary: Animals images in traditions of South, South-Western and Central Asia]*. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 63–74.
- Mifologiya smerti. Struktura, funktsiya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri: etnograficheskie ocherki [Mythology of death. Structure, function and semantics of burial rite of Siberian peoples: ethnographic essays]. L. R. Pavlinskaya, ed. St. Petersburg: Nauka, 2007. 278 p.
- Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., Bove L. L., 2015. Issledovaniya petroglificheskoy ekspeditsii muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Investigations of Petroglyph expedition of museum-reserve «Tomsk Painted rock»]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Scientific notes of museum-reserve «Tomsk Painted rock»]*, 1. Kemerovo: Primula, pp. 29–52.
- Mogil'nikov V. A., Kuybyshev A. V., 1976. Otchet o rabotakh v zone stroitel'stva Kulundinskogo magistral'nogo kanala i Kulundinskoy orositel'noy sistemy v 1976 g. [Report on works in construction zone of Kulunda main channel and Kulunda irrigation system in 1976]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Mukhareva A. N., 2007. Rannesrednevekovaya izobrazitel'naya traditsiya v petroglifakh Sayano-Altayskogo regiona i sopredel'nykh territoriy [Early medieval figurative tradition in petroglyphs of Sayan-Altai region and adjacent territories]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, philology]*, vol. 6, iss. 3, pp. 189–198.
- Mukhareva A. N., 2012. Petroglify mestonakhozhdeniya Ulazy III [Petroglyphs of locality Ulazy III]. *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha [Monuments of rock art of Minusinsk depression: Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 57–71. (Trudy SAIPI [Works of SAIPI], X.)
- Sagalaev A. M., Oktyabr'skaya I. V., 1990. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual [Traditional world-outlook of the Turks of South Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka. 209 p.

- Samashev Z., Ermolaeva A., Kushch G., 2008. Drevnie sokrovishcha Kazakhskogo Altaya [Ancient treasures of the Kazakh Altai]. Almaty: Öner. 200 p.
- Sartkozhauly K., 2011. Drevnetyurkskiy podzemnyy mavzoley [Ancient Turk subterranean mausoleum]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [Archaeology of Kazakhstan in epoch of independence: results, perspectives: transactions of International conference]*, II. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana, pp. 283–287.
- Savinov D. G., 1994. Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii [Deer stones in culture of nomads of Eurasia]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet. 208 p.
- Toktabay A., 2013. Kazakhskaya borzaya tazy [Kazakh greyhound tazy]. Almaty: Atamura. 160 p.
- Vasilevich G. M., 1969. Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) [The Evenks: Historical-ethnographical essays (XVIII – early XX c.)]. Leningrad: Nauka. 304 p.
- Velikoe pereselenie [Great Migration]. Moscow: Buk Khaus, 2005. 180 p. (Istoriya mirovoy kul'tury). (Sokrovishcha Oykumeny)
- Volkov V. V., 2002. Olennye kamni Mongolii [Deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.

About the author

Korol Galina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ggorol08@rambler.ru

Е. М. Черных

О СВОЕОБРАЗИИ ПРИЕМОВ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО И СКУЛЬПТУРНОГО ДЕКОРА ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ И РОГА С ВЯТСКИХ АНАНЬИНСКИХ ГОРОДИЩ

Резюме. В статье анализируются особенности декора изделий из кости и рога с ананьинских городищ бассейна р. Вятка. Наиболее «украшенные» категории изделий – рукояти орудий и лопатки, выполненные в технике плоскорельефной резьбы. Именно она, вместе с приемами скульптурного оформления наверший, определяет своеобразие ананьинского искусства резьбы и позволяет рассматривать его в контексте художественных традиций звериного стиля. В декоре вятских рукоятей взаимодействие лесного и степного миров отразилось в решении топографии образа стоящего с опущенной головой хищника, близкого к целой серии подобных же изображений на скифских предметах. Серия рукоятей со скульптурно-рельефными изображениями хищника с открытой пастью обнаруживает близость в искусстве савроматов Волго-Уральского региона, кочевников восточно-казахстанских степей и Алтая. Они рассматриваются как прямое заимствование сюжета, испытавшего на местной почве лишь большую или меньшую трансформацию. Местное своеобразие трактовки хищника в наибольшей степени проявилось в серии предметов, изображающих «взнузданного» зверя или зверя «в упряжке», чему известны яркие мифопоэтические толкования в финно-угорском мире.

Ключевые слова: Прикамье, Вятский край, ананьинская резная кость, звериный стиль, декор, культурные влияния.

История изучения ананьинского искусства (прежде всего искусства звериного стиля) насчитывает более ста лет, но наши представления о его генетических корнях, локальных особенностях, связях с идеологическими представлениями по-прежнему далеки от полноты.

В коллекции вятской ананьинской кости¹ общее число орнаментированных изделий составляет 128, это менее 12 % от взятых в обработку предметов. Среди них отмечены изделия всех трех групп инвентаря, выделенных нами по назначению (Ашихмина и др., 2006. Табл. 3), но абсолютно преобладают,

¹ В основе доклада – исследования автора, выполненные при подготовке коллективной монографии (Ашихмина и др., 2006).

что представляется странным, орудия труда (60,15 %). Высокий показатель орнаментированности предметов данной группы дают роговые рукояти и лопатки-«тупики». Именно они составляют наиболее «украшенные» категории изделий с вятских городищ.

Среди приемов украшения встречаются различные виды резного орнамента, рельефные и скульптурные изображения. На девяти изделиях отмечены граффити. Прочие приемы были менее распространены. Как редкий случай можно отметить применение двух приемов орнаментации на одном изделии, например точечного и линейного. Техническое разнообразие приемов резьбы представлено собственно резными (прочерченными) орнаментами и рельефным декором. Как продолжение традиции предшествующей эпохи бронзы, очевидно, можно рассматривать такие элементы, как зигзаг, заштрихованные треугольники, «елочку», спирали и S-овидный орнамент. Геометрические узоры на костяных изделиях повторяют орнаменты на металлических предметах (прежде всего на ананьинских кельтах). Крестовые, точечные, спиральные орнаменты составляют основу декора бронзовых украшений костюма – поясной гарнитуры, головного убора, нагрудных блях. Столь же большой популярностью пользовался такой узор в декоре каменных и глиняных пряслиц – ярких маркеров вятского варианта ананьинской культурно-исторической области (Збруева, 1952. Табл. XXVIII–9, 1; Голдина, 1999. Рис. 95, 1, 6, 7, 10; Котов, 2003. С. 201–202).

Высокую долю среди орнаментированных изделий составляют образцы резной кости, декорированной в технике плоскорельефной резьбы. Именно они определяют своеобразие ананьинских изображений, сближают их с лучшими образцами прикладного искусства евразийского раннего железного века, позволяют рассматривать в контексте художественных традиций, характеризующихся прежде всего сюжетной доминантой звериного стиля. Приемы рельефной резьбы присущи рукоятям орудий, где они сочетаются с объемными (скульптурными) изображениями, а также отмечены на лопатках и гребнях. Высоким уровнем мастерства отличаются роговые рукояти, на которых ананьинские мастера искусно передавали образ зверя, сочетая прием плоскорельефной резьбы со скульптурным объемом. Древний мастер изображал лапы, бедра, плечи, шерсть, хвост, глаза, уши, пасть зверя, достигая при этом высочайшей выразительности. Правда, в угоду орнаментализму иногда терялись видовые признаки животного. Неудивительно, что трактовка их у разных исследователей расходится: медведь, волк, кошачий хищник, кабан зачастую усматриваются на одном и том же предмете (см. работы: Обыденнов, Корепанов, 2002; Коренюк, 2004; Коренюк, Перескоков, 2013).

Из дореволюционных сборов известны три изделия, орнаментированные в близкой манере, – это две рукояти с Пижемского городища (Спицын, 1893. Табл. VIII–3; Збруева, 1952. Табл. XXXI–29), хранящиеся в ГИМе и Эрмитаже, а также обломок рукояти с Аргыжского городища, опубликованный А. В. Збруевой (1952. Табл. XXVI–6) и повторно атрибутированный С. А. Васильевым (2001). Все три изделия объединяет изображение сидящего (стоящего) хищника, исполненного в рельефе и заключенного в пространство у внешнего края рукояти и ее боковых поверхностей. Вместе с тем иконографическое сходство отнюдь не влечет за собой сходства стилистического. На пижемской рукояти,

хранящейся в ГИМ (рис. 1, 1), изображен, очевидно, сидящий медвежонок (задняя его лапа подогнута). Непропорционально большая голова зверя опущена вниз, глаза и скулы показаны едва намеченными прорезями, лопатка, бедро и лапы украшены декоративными завитками и кружочками. Большое округлое ухо украшает небольшая ямка, пасть чуть приоткрыта, на лапах хищника выделены по четыре пальца. В целом изображение зверя весьма реалистично, чего нельзя сказать о двух других образцах. Изображение на рукояти, хранящейся в ГЭ (№ 650/16), отличается определенным схематизмом, хотя мотив хищника иконографически вполне выдержан. Та же опущенная морда, взгорбленная спина, мощные когтистые лапы, спиральные завитки на месте плеча и бедра. Датировки обоих предметов были выполнены с учетом аналогий, хорошо известных в искусстве евразийских степей, – V–III вв. до н. э. (*Корепанов*, 1980. С. 295–303; *Оборин, Чагин*, 1988. № 30–31), но в свете последних исследований более правомерной выглядит дата VI–IV вв. (*Васильев*, 2004. С. 279–283; *Политодович*, 2009. С. 239–241).

В орнаментализме «звериного стиля» аргыжской пластины (рис. 1, 3) взаимодействие лесного и степного миров отразилось в наиболее ярком виде. Как и на описанных выше предметах, мы видим близкое решение топографии образа хищника, вписанного в заданное пространство предмета, ограниченное тремя гранями. Но изображение настолько стилизовано, что образ животного в нем только угадывается. А. В. Збруева все же склонялась к медвежьей трактовке зверя, с его специфическими чертами-признаками (изгибом спины, опущенной мордой, огромной задней лапой с четырьмя пальцами-когтями), изображенного с двумя хищными птицами (1952. С. 138, 282). Крайняя условность изображения других исследователей, напротив, заставляет воздерживаться от определения завитков и спиралей как голов фантастических грифонов или хищных птиц (*Васильев*, 2001. С. 78), при всей распространенности подобного стилистического приема в скифском искусстве. Ст. А. Васильеву же принадлежит замечательное наблюдение, сближающее, при соответствующем ракурсе, этот предмет с известными рукоятями из рога, и прежде всего с пижемской (Там же. С. 77–80).

Еще одно изображение хищника в плоском рельефе происходит с Буйского городища (рис. 1, 2). Это роговая пластина толщиной 15 мм, на одной стороне которой вырезано изображение головы зверя с открытой пастью. Трактровка оскаленной пасти свойственна изображениям волкообразного хищника. У буйского хищника своеобразно передана пасть: только верхняя лентообразная губа и два нижних клыка в виде заостренных завитков. Таким же завитком показана складка шеи. Своеобразно вырезан нос зверя: круто завернутый завиток. Аналогичную передачу можно видеть на буйской рукояти (рис. 1, 4). Подобным же образом трактованы ноздри волкообразных хищников на известных бронзовых парадных секирах (*Збруева*, 1952. Рис. 14), а также у медведей на поясных крючках из среднедонских курганов (*Гуляев*, 1969. Рис. 4; 2010. Рис. 17). Воспроизведение данного мотива на костяных предметах сближает вятские резные изделия с савроматским искусством.

Дальнейшая стилизация этого образа обнаруживается на оригинальной, даже слишком орнаментализированной рукояти с того же Буйского городища

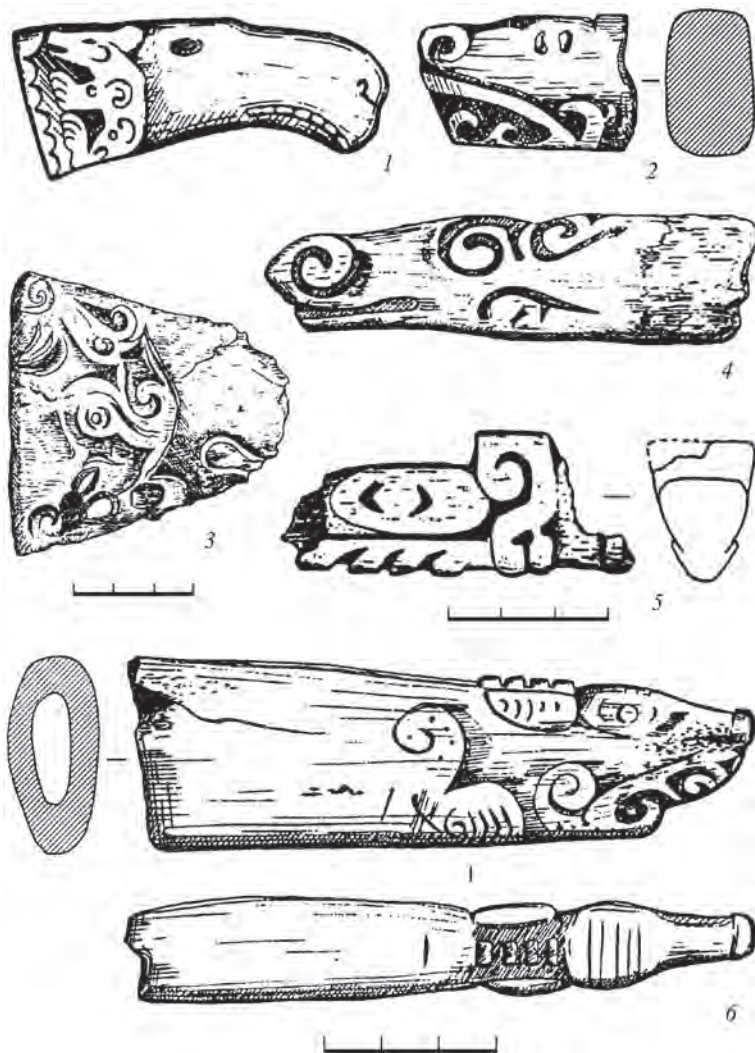

Рис. 1. Декорирование изделий из рога вятских ананьинских городищ

1 – Пижемское (по: Васильев, 2001); 2, 4–6 – Буйское (по: Ашихмина и др., 2006); 3 – Аргыжское (по: Васильев, 2001)

(рис. 1, 6). Рельефное изображение зверя скупо передано в рельефе головы с удлинённой мордой и прикрытыми удлинённо-овальными заострёнными ушами. Рельефный декор нанесен на обе стороны рукояти. Хотя чёткость деталей уже несколько утеряна, основной художественный мотив – зверь с оскаленной пастью – все же сохранен. Мы видим то же лентообразное оформление губы, закручивающееся на верхнем конце в шишечку носа, а на нижнем – то ли в клыки, то ли язык. Аналогичным образом завернутый спиралью язык известен

по изображениям зубастого хищника на блюменфельдских орнаментированных кабаньих клыках (Смирнов, 1964. Рис. 78, 6, 7; Граков, 1999. Рис. 3, 7; 4, 9). Щека, как и складка шеи, подчеркнута завитком, закрученным в спираль. Широкое приостренное ухо заполнено скобовидными насечками. Глаз вырезан в виде овала с круглым бугорком в центре. Массивная лапа с пятью когтями прижата к туловищу так, что соприкасается с лопаткой зверя, выполненной также в виде спирального завитка, украшенного точками. Такой прием дополнительного покрытия деталей точками-наколами обнаруживается на тех же больших блюменфельдских клыках, датируемых рубежом V–IV вв. (Там же. С. 32) или V в. до н. э. (Смирнов, 1964. С. 229). Оригинально выглядит трактовка на буйской рукояти морщин на лбу зверя, переданных пятью поперечными резными линиями, а также вздыбленной шерсти позади головы – четырьмя глубокими рельефными полосками. Возможно, тем самым вятский мастер стремился передать экспрессию зверя, равно как и его солидный возраст. Это совершенно самостоятельное творческое воплощение известного художественного образа. Однако смешение стилей (звериного и растительного), перегруженность орнаментикой выдает стремление совместить в одном образце все знакомые мастеру приемы творчества. Очевидно, древнему художнику были хорошо известны как савроматские образцы, так и, возможно, южносибирские (алтайские и восточно-казахстанские), с присущими им пышными завитками и спиралями. Некоторое сходство можно усмотреть с изображением клыкастого и зубастого зверя из 2-го Башадарского кургана (Руденко, 1960. Рис. 48). Те же вычурные завитки на лапах, шерсти.

Другая рукоять, точнее ее обломок, с Буйского городища, если я правильно трактую динамику изменений в искусстве звериного стиля, представляет иное направление в стилизации образа хищника (рис. 1, 5), связанное с геометризацией декоративных элементов. Рукоять крайне плохой сохранности, уцелела только ее центральная часть, в которой можно угадать лапу, глаз и ухо зверя. По направлению лапы и завитка спирали, передающей ухо животного, можно судить, что пасть его была обращена на уцелевшем фрагменте влево. Рельеф довольно глубокий в отличие от вышеописанных образцов. Длинная когтистая лапа напоминает скорее лежащую ветвь, плотно прижатую к огромному глазу, имеющему вид вырезанного овала с двумя уголковыми надрезами вместо зрачка. Завиток на месте щеки гиперболизирован настолько, что слился с ухом зверя. Это крайняя стилизация сидящего на плече грифона, известного по многочисленным образцам скифского звериного стиля, но потерявшего изначальный смысл и выродившегося в декоративный элемент. И вновь можно заметить сходство стилистического приема у вятских резчиков с зооморфными клыками из Блюменфельда (Граков, 1999. Рис. 9а).

Образ хищника с оскаленной пастью воспроизводится еще на трех рукоятях. Все они происходят с Буйского городища. Общность мотива тем не менее не означает единства изобразительных приемов. Своеобразный канон выдерживался главным образом в оскале, в изображении прижатой к морде лапы – поза «крадущегося» (или припавшего к земле) хищника, да в прижатых к затылку ушам. Но этот последний элемент имел различные вариации, возможно, хронологического характера.

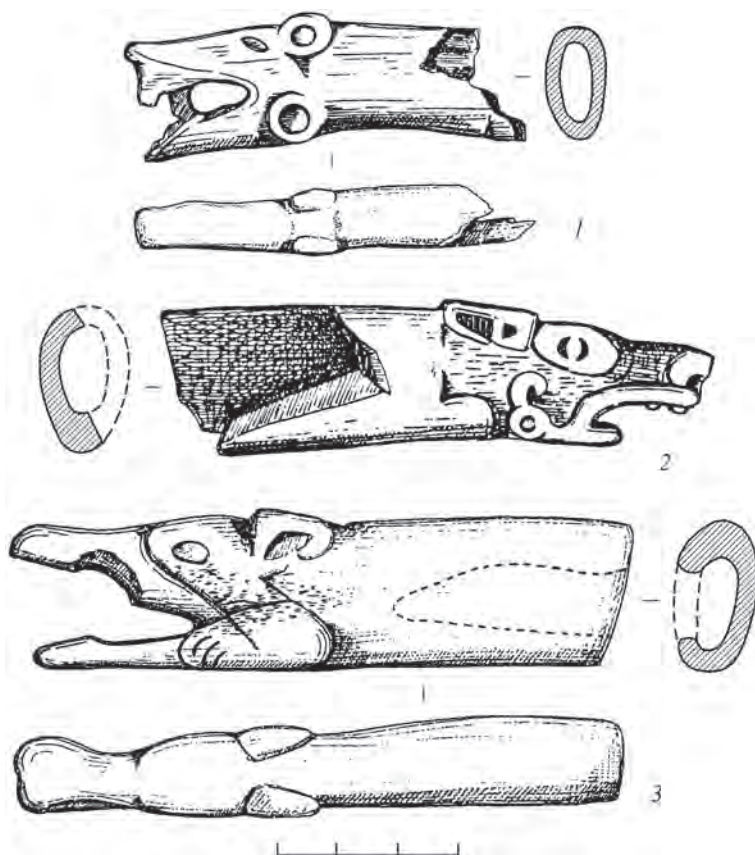

Рис. 2. Роговые рукояти с Буйского городища на р. Вятке (по: Ашихмина и др., 2006)

Во всех случаях изображения двусторонние, рельеф является лишь способом декорирования объемных скульптурных фигур на завершениях рукоятей. Лаконизм скульптур, ограниченный изображением головы животного, оставлял широкое поле для реализации мастером-резчиком его творческого метода. Так, моделировка рукояти с изображением волчьего хищника (рис. 2, 1) отличается некоторым схематизмом: полоска губ едва намечена, так же как и глаз, показанный невыразительной насечкой. Ухо и щека переданы окружностями – рудиментами более ранних спиралей. В открытой пасти сохранился лишь один клык, но, скорее всего, клыков было два (передний обломан). Суховатость и огрубленность стиля выдают более позднюю дату предмета. Более реальными чертами наделен хищник на рукояти (рис. 2, 3). Клыки в открытой пасти зверя не сохранились; лапы и ухо показаны вполне натурально. Ушные отверстия, как и само ухо, имеют треугольную форму. На лапе, переданной мягким рельефом, показаны четыре когтя. Губы не показаны вовсе, как это имело место на предыдущих предметах. Четкость исполнения, знание прототипа и простота стилизации

позволяют видеть в данной находке наиболее ранний образец. Определенным сходством с ним обладает третья рукоять с Буй (рис. 2, 2), но это сходство только самое общее. Элементы стилизации на данном изделии чрезвычайно близки изображениям в скифо-сибирском зверином стиле. Это и лентообразные губы, и полукруглые выступы клыков, и заполненное резным орнаментом поле ушных раковин. Но более всего с искусством кочевников Евразии буйскую рукоять роднит изображение головы грифона на щеке хищника. Голова грифона с длинным загнутым вниз клювом и завитком на конце, глаз в виде округлой выпуклости окружен рельефным овалом. Мощные лапы без когтей рельефом только намечены.

Таким образом, судя по приведенным описаниям, данная серия ананьинских рукоятей со скульптурно-рельефными изображениями хищника с открытой пастью является наиболее близкой к искусству скифо-сибирского мира и может рассматриваться как прямое заимствование нового сюжета, испытавшего на местной почве лишь большую или меньшую трансформацию.

Местное своеобразие трактовки хищника в ананьинском искусстве в наибольшей степени проявилось в серии предметов, изображающих «взнузданного» зверя или зверя «в упряжке» (рис. 3, 2). Ни в скифском, ни в сибирском искусстве такого сюжета нет, хотя манера изображения та же (*Липина, Черных*, 2011). Точность сюжета достигается посредством рельефно вырезанных деталей, выдающих знание прототипа – хищника с удлинённой мордой и пастью. Вот только пасть лишена оскала. Кроме того, мы не видим здесь типичных для изображений волкоподобных хищников заостренных подтреугольных ушей (*Коренюк*, 2003. С. 205). Напротив, ухо передано круглым завитком из узкой лентовидной полосы, соединённой с пастью. Этот сюжет повторен еще на одной рукояти с Буйского городища (рис. 3, 1). Рельефом достаточно четко выделен ремень, стягивающий морду медведя, нос и щеки которого украшены точечным орнаментом. За повторением мотива, безусловно, следует видеть некий сюжет, возможно мифологический текст. Кроме ананьинского искусства, он известен и в более позднее время. Изображение медведя в упряжке на роговом стержне найдено на средневековом чепецком городище Иднакар (*Иванова*, 1998. Рис. 51–4). С него же происходит великолепное изображение лося на костяной пластине, на котором с помощью гравировки переданы ремни упряжи. Длительность существования представлений у населения Прикамья, связанных с образами запряженных медведя и лося, свидетельствует, скорее всего, не об опыте одомашнивания обитателей тайги (*Куликов, Иванова*, 2001. С. 32). Представляется более обоснованным видеть в этих изображениях символическое выражение глубоких мифологических сюжетов либо религиозной практики. Можно указать лишь несколько любопытных сходжений. Во-первых, «ездовые» медведи – основные персонажи шаманских практик сибирских народов (*Грачева*, 1981. С. 16). Во-вторых, в мифопоэтическом творчестве финно-угорских народов медведь и лось выступают как некое подобие социокультурных символов, ассоциируемых с мироустройством. Так, герой «Калевалы» Вяйнямейнен вспахивает змеиное поле, впрягая в соху медведя или лося (*Петрухин*, 2003. С. 115). В саамском мифе на медведе (в утреннее время) и на оленях (в полдень и вечером) разъезжает по небу Солнце Пейве (Там же. С. 156). Образ «солярного»

медведя передает изображение на рукояти с Кривоборского городища (рис. 3, 4). Оппозиция медведя и лося передана также в скульптурном завершении рогового псаля с Аргыжского городища (рис. 3, 3), на котором головки этих двух животных противопоставлены друг другу, но вместе с тем предстают как некое единство.

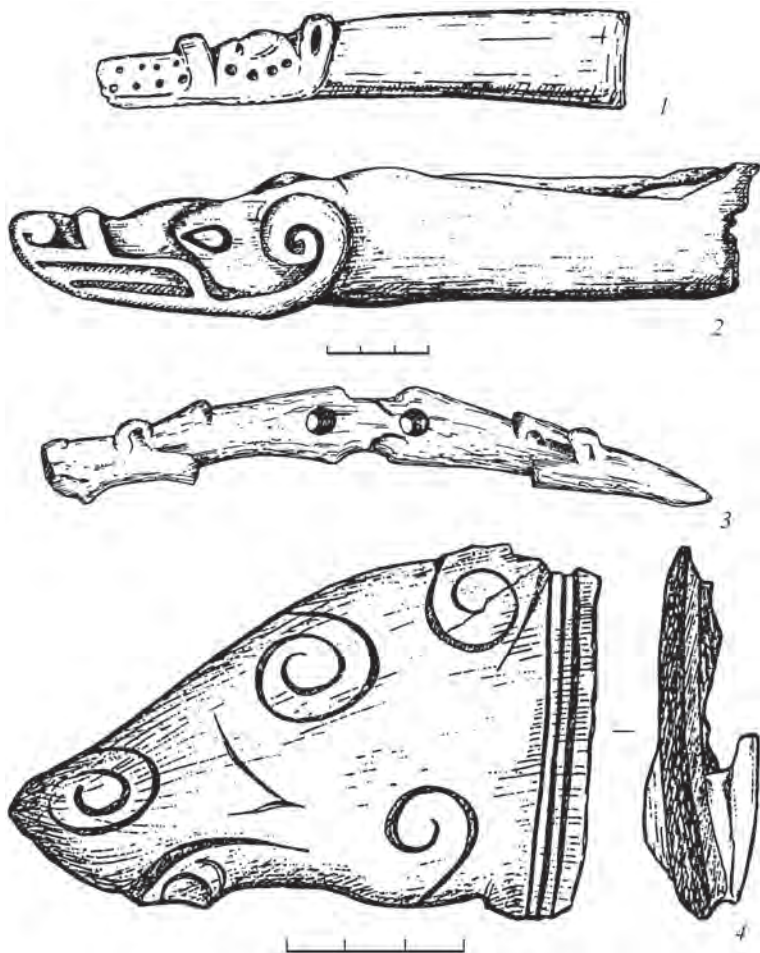

Рис. 3. Мотив медведя на изделиях из рога и кости с вятских городищ Ананьинской культурно-исторической общности

1, 2 – Буйское (по: Ашихмина и др., 2006); 3 – Аргыжское (по: Ашихмина и др., 2006); 4 – Кривоборское (по: Ашихмина и др., 2006)

ЛИТЕРАТУРА

- Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 220 с.
- Васильев Ст. А., 2001. Предмет неизвестного назначения из фондов Казанского музея // Евразия сквозь века / Ред. И. Я. Фроянов. СПб.: Филол. фак-т. СПбГУ. С. 77–80.
- Васильев Ст. А., 2004. Ананьинский звериный стиль: истоки, основные компоненты и развитие // АВ. № 11. С. 275–297.
- Голдина Р. Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский ун-т. 463 с.
- Граков Б. Н., 1999. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову: архивные мат-лы, публ., ст. / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА РАН. С. 7–33.
- Грачева Г. Н., 1981. Культовый комплекс нганасан // Сборник МАЭЛ. Т. XXXVII: Материальная культура и мифология. М.: Наука. С. 153–168.
- Гуляев В. И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука. 143 с. (МИА; № 151.)
- Гуляев В. И., 2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН. 342 с.
- Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: Изд-во АН СССР. 321 с. (МИА; № 30.) (Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья; т. 5.)
- Иванова М. Г., 1998. Иднакар – древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН. 294 с.
- Коренюк С. Н., 2003. Образ волка-собаки в искусстве населения Прикамья в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: мат-лы междунар. науч. конф. Пермь: Пермский гос. ун-т. С. 203–205.
- Коренюк С. Н., 2004. Образ волка-собаки в идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Оборинские чтения: мат-лы археол. конф. Вып. 3: Мат-лы региональных археол. конф. Пермь: Пермский обл. краевед. музей. С. 40–56.
- Коренюк С. Н., Перескоков М. Л., 2013. Эволюция образа медведя в искусстве населения Западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Томский гос. ун-т. С. 211–223. (Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского; № 3.)
- Корепанов К. И., 1980. Особенности генезиса звериного стиля в прикладном искусстве Среднего Поволжья и Прикамья VII–III вв. до н. э. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: мат-лы I всесоюзной археол. конф. (дек. 1979). Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. С. 295–303.
- Котов В. Г., 2003. Семантика пряслиц ананьинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: мат-лы междунар. науч. конф. Пермь: Пермский гос. ун-т. Пермь. С. 201–202.
- Куликов К. И., Иванова М. Г., 2001. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства: науч.-метод. пособие. Ижевск: Ист.-культур. музей-заповедник «Иднакар» Удм. ИИЯЛ. 48 с., 8 л. ил.
- Липина Л. И., Черных Е. М., 2011. «Верхом на медведе?»: к интерпретации одного из прикамских сюжетов с образом медведя // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат. С. 133–138
- Оборин В. А., Чагин Г. Н., 1988. Чудские древности Рифея: пермский звериный стиль. Пермь: Кн. изд-во. 180 с. (Искусство Прикамья.)
- Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И., 2002. Искусство Урала и Прикамья. Ч. 3: Эпоха железа, VIII в. до н. э. – III в. н. э. Уфа: Башкирский экон.-юр. колледж. 205 с.
- Петрухин В. Я., 2003. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига. 464 с.
- Полидович Ю. Б., 2009. Рукояти с изображениями хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного стиля» // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника): сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Елабуга, 2008). Елабуга: Андерсен. С. 239–244. (АЕС; вып. 8.)

Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 360 с.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 380 с.

Спицын А. А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 191 с. (Материалы по археологии восточных губерний России; вып. 1.)

Сведения об авторе

Черных Елизавета Михайловна, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, 1, Ижевск, 426067, Россия; e-mail: emch59@mail.ru

E. M. Chernykh

DISTINCTIVE TECHNIQUES OF ORNAMENTAL AND SCULPTURAL DECORATION OF BONE ITEMS FROM VYATKA ANANYINO FORTIFIED SETTLEMENTS

Abstract. The paper reviews distinctive traits of decoration of bone and horn items from Ananyino fortified settlements in the Vyatka basin. The group of the most decorated items includes handles of tools and blades made with the use of a flat relief carving. It is this carving technique along with the methods of sculptural decoration of top-ends that defines a signature style of Ananyino carving art and provides an opportunity for examining it in the context of animal style artistic traditions. In the decoration of Vyatka handles interaction between the forest and the steppe worlds is reflected in the topography of the image representing a standing predator, with its head held down, which is close to a series of stylistically similar images found on Scythian items. A series of handles with a sculptural relief image of a predator with open jaws reveals similarity with art of the Sauromats inhabiting the Volga-Ural region, nomads of the Eastern Kazakhstan steppes and the Altai Mountains. Such images are considered to be direct loans of the narrative, which was only transformed more or less locally. Local distinctive features of predator interpretation were manifested to the largest extent in a group of items featuring a 'bridled' animal or a 'harnessed' animal; there are relevant powerful mythological and poetical interpretations in the Finnish-Ugric world.

Keywords: Kama region, Vyatka region, Ananyino carved bones, animal style, decoration, cultural impact.

REFERENCES

- Ashikhmina L. I., Chernykh E. M., Shatalov V. A., 2006. Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tysyacheletie do n. e.) [Vyatka region on threshold of Iron Age: bone inventory of Anan'ino epoch (I millennium BC)]. Izhevsk: Udmurtskiy gos. universitet. 220 p.
- Goldina R. D., 1999. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [Ancient and medieval history of Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. 463 p.
- Gracheva G. N., 1981. Kul'tovyy kompleks nganasan [Cultic complex of the Nganasans]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of articles of Museum of anthropology and ethnography]*, XXXVII. Leningrad: Nauka, pp. 153–168.

- Grakov B. N., 1999. Pamyatniki skifskoy kul'tury mezhd Volgoy i Ural'skimi gorami [Sites of Scythian culture between Volga and Ural mountains]. *Evraziyskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian antiquities. Centenary of B. N. Grakov: archive materials, publications, articles]. A. I. Melyukova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 7–33.
- Gulyaev V. I., 1969. Zoomorfnye kryuchki skifskogo perioda [Zoomorphic hooks of Scythian period]. *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya* [Middle Don population in Scythian time]. Moscow: Nauka. 143 p. (MIA, 151.)
- Gulyaev V. I., 2010. Na vostochnykh rubezhakh Skifi (drevnosti donskikh skifov) [On eastern borders of Scythia (antiquities of the Don Scythians)]. Moscow: IA RAN. 342 p.
- Ivanova M. G., 1998. Idnakar – drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar – ancient Udmurt fortified settlement of IX–XIII cc.]. Izhevsk. 294 p.
- Korenyuk S. N., 2003. Obraz volka-sobaki v iskusstve naseleniya Prikam'ya v rannem zheleznom veke [Wolf-dog image in art of Kama region population in Early Iron Age]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkhologicheskoe soveshchanie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [International (XVI Uralian) archaeological meeting: transactions of international scientific conference]. Perm': Permskiy gos. universitet, pp. 203–205.
- Korenyuk S. N., 2004. Obraz volka-sobaki v ideologii naseleniya Prikam'ya v rannem zheleznom veke [Wolf-dog image in ideology of Kama region population in Early Iron Age]. *Oborinskie chteniya: materialy arkhologicheskoy konferentsii* [Oborin readings: transactions of archaeological conference], 3. Perm': Permskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 40–56.
- Korenyuk S. N., Pereskokov M. L., 2013. Evolyutsiya obraza medvedya v iskusstve naseleniya Zapadnogo Priural'ya v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Evolution of bear image in art of population of West Ural region in Early Iron Age and Middle Ages]. *Kul'tury i narody Severnoy i Tsentral'noy Azii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North and Central Asia in context of interdisciplinary research]. Tomsk: Tomskiy gos. universitet, pp. 211–223. (Sbornik Muzeya arkhologii i etnografii Sibiri imeni V. M. Florinskogo, 3.)
- Korepanov K. I., 1980. Osobennosti genezisa zverinogo stilya v prikladnom iskusstve Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya VII–III vv. do n. e. [Features of animal style genesis in applied art of Middle Volga and Kama regions in VII–III cc. BC]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I vsesoyuznoy arkhologicheskoy konferentsii (1979)* [Scythian-Siberian cultural-historical unity: transactions of I All-Union archaeological conference (1979)]. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 295–303.
- Kotov V. G., 2003. Semantika pryaslits anan'inskoy kul'tury [Semantics of Anan'ino culture spindle-whorls]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkhologicheskoe soveshchanie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [International (XVI Uralian) archaeological meeting: transactions of international scientific conference]. Perm': Permskiy gos. universitet. Perm', pp. 201–202.
- Kulikov K. I., Ivanova M. G., 2001. Semantika simvolov i obrazov drevneudmurtskogo iskusstva: nauchno-metodicheskoe posobie [Semantics of symbols and images of ancient Udmurt art: scientific-methodic manual]. Izhevsk. 48 p., 8 l. ill.
- Lipina L. I., Chernykh E. M., 2011. «Verkhom na medvede?»: k interpretatsii odnogo iz prikamskikh syuzhetov s obrazom medvedya [«Riding a bear?»: toward interpretation of one Kama region subjects with bear image]. *Shestye Bersovskie chteniya: sbornik statey Vserossiyskoy arkhologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Sixth Bers readings: collection of articles of All-Russian archaeological scientific-practical conference]. Yekaterinburg: Kvadrat, pp. 133–138.
- Oborin V. A., Chagin G. N., 1988. Chudskie drevnosti Rifeya: Permskiy zverinyy stil' [Chud' antiquities of Ripheum: Perm' animal style]. Perm': Knizhnoe izdatel'stvo. 180 p. (Iskusstvo Prikam'ya.)
- Obydenov M. F., Korepanov K. I., 2002. Iskustvo Urala i Prikam'ya [Art of Urals and Kama region], 3. Epokha zheleza, VIII v. do n. e. – III v. n. e. [Iron Age, VIII c. BC – III c. AD]. Ufa: Bashkirskiy ekonomiko-yuridicheskii kolledzh. 205 p.
- Petrukhin V. Ya., 2003. Mify finno-ugrov [Myths of Finno-Ugrians]. Moscow: Astrel': AST: Tranzitkniga. 464 p.
- Polidovich Yu. B., 2009. Rukoyati s izobrazheniyami khishchnikov i nekotorye osobennosti anan'inskogo «zverinogo stilya» [Handles with predators images and some features of Anan'ino «animal style»]. *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ya (k 150-letiyu otkrytiya Anan'inskogo mogil'nika): sbornik*

statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Elabuga, 2008) [At the estuaries of Volga-Kama archaeology (toward 150th anniversary of discovery of Anan'ino cemetery): collection of articles ubased on results of International scientific-practical conference. (Elabuga, 2008)]. Elabuga: Andersen, pp. 239–244. (AES, 8.)

Rudenko S. I., 1960. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of Central Altai population in Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 360 p.

Smirnov K. F., 1964. Savromaty: Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov [The Sauromatae: Early history and culture of the Sarmatae]. Moscow: Nauka. 380 p.

Spitsyn A. A., 1893. Priural'skiy kray. Arkheologicheskie rozyskaniya o drevneyshikh obitatel'yakh Vyatskoy gubernii [Ural region. Archaeological researches on earliest inhabitants of Vyatka province]. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 191 p. (Materialy po arkheologii Vostochnykh guberniy Rossii, 1).

Vasil'ev St. A., 2001. Predmet neizvestnogo naznacheniya iz fondov Kazanskogo muzeya [Artefact of unknown function from Kazan' museum collection]. *Evrasiya skvoz' veka [Eurasia through centuries]*, I. Ya. Froyanov, ed. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta, pp. 77–80.

Vasil'ev St. A., 2004. Anan'inskiy zverinyy stil': istoki, osnovnye komponenty i razvitie [Anan'ino animal style: origins, main components and development]. *AV*, 11, pp. 275–297.

Zbrueva A. V., 1952. Istoriya naseleniya Prikam'ya v anan'inskuyu epokhu [History of Kama region population in Anan'ino epoch]. Moscow: AN SSSR. 321 p. (MIA, 30.) (Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya, 5.)

About the author

Chernykh Elizaveta M., Udmurt State university, ul. Universitetskaya, 1, Izhevsk, 426067, Russian Federation; e-mail: emch59@mail.ru

О. С. Советова

ДЕКОРИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И «АЛТАЙСКИЙ» СТИЛЬ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

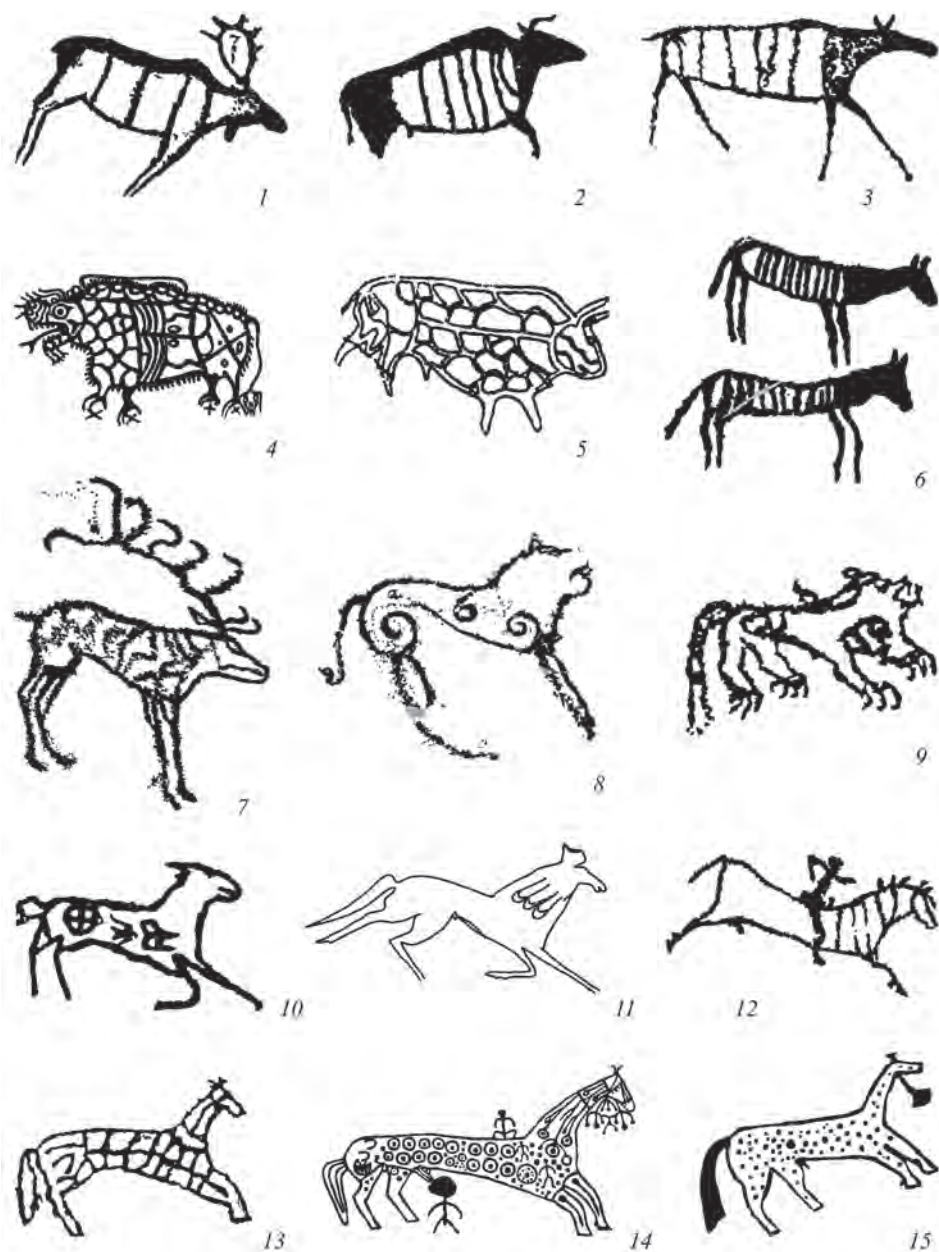
Резюме. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением декорированных петроглифов Минусинской котловины, т. е. выполненных контурно, с заполнением корпусов различными декоративными элементами (рис. 1–3). На примере наскальных изображений скифской эпохи анализируются отдельные приемы декорирования фигур. Рассматривается вопрос о правомерности сложившихся представлений о влиянии так называемого «алтайского» стиля на наскальное искусство этого региона. Суть этих представлений сводится к тому, что под влиянием пазырыкского искусства начиная с V в. до н. э. в наскальное искусство Минусинской котловины начинают широко внедряться приемы украшения фигур спиральями, завитками и т. д. В статье дан анализ признаков «алтайского» стиля, проявляющегося в петроглифах, проводятся параллели между сюжетами и персонажами наскального искусства Минусинской котловины и Алтая и делается вывод о том, что совпадения минимальны, кроме того, нередко «алтайские» темы проявляются на скалах Енисея намного позднее. Отдельные же элементы, присущие декоративно-прикладному искусству пазырыкского Алтая, в петроглифах существовали намного раньше и были присущи наскальному искусству широких территорий. Ставятся вопросы о серии рисунков, выполненных в «декоративном» стиле («оглахтинские» кони). Автор приходит к заключению, что, несмотря на имеющиеся соответствия с предметами декоративно-прикладного искусства, на аналогиях с которыми базируются хронологические и семантические построения, наскальные изображения имеют свою специфику и свои законы развития. В связи с происходящим в последние годы расширением источниковой базы, открытием новых сюжетов и персонажей в наскальном искусстве Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана возможен пересмотр существующей хронологии многих стилистических групп наскальных изображений.

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, скифо-сибирский звериный стиль, декорированные изображения, «декоративный» стиль, «алтайский» («пазырыкский») стиль.

В наскальном искусстве Минусинской котловины в разные исторические отрезки времени встречаются фигуры животных и фантастических персонажей

с различными декоративными элементами, заполняющими их корпуса прямыми, косыми, поперечными и волнистыми линиями, спиралями, розетками, завитками и т. д. Уже наиболее ранние рисунки, выполненные в «минусинском» и «ангарском» стилях, имеют на корпусах животных характерные вертикальные линии (Шалаболино, Тепсей, Усть-Туба, Оглахты, Суханиха и др.) (Шер, 1980. Рис. 51; 76; 102–104 и др.; Пяткин, Мартынов, 1985. Табл. 25, 1; 27, 2; 29, 5 и др.) (рис. 1, 1–3). Этот прием, очевидно в силу своей простоты, оказался чуть ли не самым популярным на всех этапах развития наскального искусства. Например, в эпоху поздней бронзы, при общей простоте карасукского стиля, выделяется группа изображений, практически сплошь покрытых вертикальными линиями (Бычиха, Оглахты, Суханиха и др.) (Шер, 1980. Рис. 93; Советова, Миклашевич, 1999. Табл. 4) (рис. 1, 6). В эпоху бронзы встречаются еще более впечатляющие декорированные персонажи окуневской культуры, расчлененные на квадраты, обильно украшенные поперечными и волнистыми линиями, штриховкой, с косыми крестами на крупах и т. д. (Савинов, 2006. Рис. 3; 11; 18–20) (рис. 1, 4, 5). Л. А. Соколова назвала такую избыточную орнаментацию «окуневским барокко» (Соколова, 2001. С. 131). Наскальные рисунки скифской эпохи дают образцы уже иначе декорированных изображений (об этом ниже). На таштыкских изображениях коней нередко нанесены своеобразные фигуры – лопасти, тамги (Панкова, 2008) (рис. 1, 10, 11). Средневековые рисунки также украшаются знаками-тамгами, поперечными линиями на шеях животных, штриховкой и другими элементами. В народных рисунках хакасов мы видим новый «всплеск» декорирования: излюбленные персонажи – кони – часто обильно украшены розетками, окружностями, рядами полос, тамгами и т. д. (Кызласов, Леонтьев, 1980. Табл. 16, 42, 44; 17, 47; 19, 50, 53; 22, 60; 24, 68; 25, 74; 28, 82; 29; 32–37; 39; 42; 51) (рис. 1, 12–15). Естественно, приемы декорирования персонажей наскального искусства характерны для памятников обширных территорий и имеют различный контекст (см., например: Дэвлет, Ласкин, 2014. Рис. 1; 3; 5; 10).

Одними из самых надежных методов датирования наскальных изображений является сопоставление их с предметами декоративно-прикладного искусства конкретных эпох, а также с имеющимися изобразительными материалами из «закрытых комплексов». Художественная манера создателей наскальных изображений могла формироваться под воздействием стиля окружавших их вещей, о чем красноречиво свидетельствуют, например, предметы из замерзших алтайских курганов. Сопоставления петроглифов и предметов скифского времени особенно удачны в силу их многочисленности и широкого распространения. В Минусинской котловине петроглифы скифской (тагарской) эпохи репрезентативны, своеобразны и встречаются не только на скалах, но и на отдельных плитах и камнях оград курганов. В настоящее время выделяется по меньшей мере несколько вполне самостоятельных групп таких изображений. В данном случае мы не касаемся рисунков, выполненных силуэтно, – это отдельная, большая группа с характерными для тагарского наскального искусства признаками: в позах «внезапной остановки», с подогнутыми под живот ногами, с вывернутым крупом, со своеобразной тематикой сюжетов, в которых они представлены. Декорирование же характерно для изображений, выполненных контурно, что

**Рис. 1. Декорированные рисунки разных эпох
на памятниках наскального искусства Минусинской котловины**

1–3 – петроглифы в «минусинском» и «ангарском» стилях: 1, 2 – Шалаболино; 3 – Оглахты; 4–6 – петроглифы эпохи бронзы: 4 – река Аскиз; 5 – Черновая VIII; 6 – Бычиха; 7–9 – петроглифы скифской эпохи: 7 – Суханиха; 8 – Оглахты; 9 – Анашинская писаница; 10, 11 – изображения таштыкской эпохи: 10 – Суханиха; 11 – Шалаболино; 12 – Оглахты; 14–16 – народные рисунки хакасов, Оглахты

позволяло мастеру заполнять абрис фигуры спиралями, волутами, запятыми, солярными знаками и прочими декоративными элементами. Этот прием существует практически на протяжении всей скифской эпохи и характерен как для самых ранних рисунков, так и для поздних – тесинских (тагаро-таштыкских), сохраняющих лишь «отголоски» классического скифо-сибирского стиля.

«Разрисованные» изображения животных на памятниках наскального искусства Минусинской котловины скифской эпохи достаточно разнообразны. По мнению Я. А. Шера, местными, «минусинскими, особенностями являются разрисовка корпусов животных извилистыми или пересекающимися линиями и заполнение их крупными выбоинами» (*Шер*, 1980. С. 245). Много фигур, украшенных простыми и спиралевидными завитками, зигзагами, изредка – мелкими насечками; с косыми и прямыми крестами, спиралями на крупах; с поперечными линиями на корпусах животных; отдельная группа изображений коней «расписана» квадратами, зигзагами и другими геометрическими фигурами. До настоящего времени вопрос о хронологических привязках этих декоративных элементов практически не ставился. Исключение составляет проблема влияния так называемого «алтайского стиля» на наскальное искусство Минусинской котловины.

О том, что тагарское искусство в V в. до н. э. подверглось влиянию искусства соседнего Алтая и на территорию Минусинской котловины проник «алтайский» звериный стиль, написала в 1967 г. в своей монографии «Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры» Н. Л. Членова (*Членова*, 1967. С. 110–113), сделав основные выводы на анализе художественных бронз тагарской культуры. Постепенно в литературе утвердилось мнение, что подобные изменения произошли на этом же этапе и в наскальном искусстве, что проявилось в орнаментах в виде спиралей, окружностей и запятых на корпусах контурных изображений животных. На этом сюжете мне хотелось бы остановиться подробнее и конкретизировать три основных вопроса: 1) что следует понимать под «алтайским стилем» применительно к памятникам наскального искусства Алтая («пазырыкский» пласт петроглифов); 2) как проявился «алтайский стиль» в наскальном искусстве Минусинской котловины; 3) следует ли использовать термин «алтайский стиль» в дальнейшем.

Совершенно очевидно, что термин «алтайский стиль» не представляется удачным и требует конкретизации. Долгое время искусство древних кочевников Алтая, служившее декоративно-прикладным целям – украшению оружия, одежды, упряжи коней, интерьера погребальных сооружений, различных бытовых и культовых предметов, практически не рассматривалось в сравнении с синхронными наскальными изображениями. Разработкой темы «пазырыкского» стиля в наскальном искусстве Алтая в 1990-х гг. занимался В. Д. Кубарев, использовавший для хронологических привязок метод сопоставления петроглифов с датированными предметными коллекциями из синхронных погребальных комплексов (*Кубарев*, 1999 и др.). Такой анализ был очень важен не только для синхронизации петроглифов Алтая, эталонные признаки могли быть полезны и для характеристики памятников сопредельных территорий. В результате проделанной работы исследователь пришел к выводу, что, несмотря на поразительное сходство отдельных зооморфных образцов мелкой пластики пазырыкской

культуры с персонажами петроглифов, последние по выразительности и передаче образа «явно уступают высокохудожественным изделиям из курганов», объясняя это различие техникой их изготовления: ввиду очевидных технических трудностей чаще всего копировались отдельные персонажи и несложные по содержанию сюжеты алтайского звериного стиля, некоторые из них чрезвычайно утрировались, нередко передаваясь в упрощенном, схематичном виде (Кубарев, 1999. С. 85). Тем не менее им были выявлены петроглифы, имеющие, по его мнению, выразительные аналогии с предметами прикладного искусства (Кубарев и др., 2005. Рис. 10; 14; 15), и определены следующие признаки их сходства: орнаментальная, «меандрирующая» форма рогов с S-видными отростками, клювовидные морды у оленей, повторяющиеся на барельефных деревянных скульптурах оленей из курганов Алтая. Среди изображений коней и всадников были отмечены некоторые фигуры, аналогии которым обнаруживаются в изобразительном творчестве древних кочевников Алтая (Там же. Рис. 11; 15; 16), как и для пар животных, запечатленных на скалах, продолжающих тематику объемных деревянных фигурок Катанды, Уландрыка, Юстыда, Барбугазы (Там же. Прил. II. Рис. 53). Для изображений хищников определены такие «пазырыкские» элементы, как завитки, спирали и крылья на туловищах животных, аналогичные по иконографии некоторым барельефным изображениям из Ташанты и Пазырыка (Там же. Прил. II. Рис. 56; 57). Для анфасных изображений птиц выявлено сходство с фигурами пазырыкских орлов с расправленными крыльями, а для профильных – вырезанные на золотых листках силуэтные изображения птиц, нашивавшихся на головные уборы кочевников (Кубарев, 1999. С. 120. Рис. 31). Было выявлено наличие бинарных оппозиций персонажей, характерных как для петроглифов, так и для алтайского звериного стиля в целом, а также характерные позы: подогнутые или прямые ноги у животных, обращенная вперед или назад голова, «перекрученное» на 180° туловище. Само пазырыкское искусство В. Д. Кубарев охарактеризовал словом «динамичное». Из основных отличий между предметами декоративно-прикладного искусства и наскальными рисунками он отметил следующие: петроглифы уступают по своей художественной выразительности; в них копируются несложные по структуре сюжеты «алтайского» звериного стиля (часто в упрощенном виде); почти нет сцен терзания (есть «противостояние» и «преследование») хищниками различных животных. В итоге основные материалы были представлены в таблицах, в каждой из которых демонстрировался один персонаж – олени, хищники и т. д. – в сопоставлении с предметами прикладного искусства. Таким образом было получено достаточно цельное для того времени представление о скифском пласте изображений. Но, судя по представленным таблицам, почти все олени и лоси выполнены не в «пазырыкском», а в ином стиле, более близком к стилю оленных камней, и, на мой взгляд, представляют совсем иной хронологический пласт, то же можно сказать и о других персонажах, за исключением фигур хищников/кабанов и птиц. Среди последних имеются и декорированные фигуры (Там же. Табл. III). Все остальные изображения в своей основной массе силуэтные и в них с большой натяжкой можно «увидеть» пазырыкские прообразы.

Какие же близкие алтайскому искусству персонажи и сюжеты нашли отражение в петроглифах Минусинской котловины? Если сопоставить предметы

декоративно-прикладного искусства Алтая и петроглифы Минусинской котловины, то, пожалуй, наиболее близкими являются изображения хищников с пламевидными отростками на спинах на памятниках Абакано-Перевоз, Анашинская писаница (Русакова, 1997. Рис. 1; 11, 3; Заика, 1997. Рис. на с. 98; и др.), Бычиха, Суханиха и др. (Советова, 2005. Табл. 12), а также разнообразных птиц. Наиболее наглядным представляется и сюжет с «шествием» хищников, запечатленный на Тепсее (Там же. Рис. 24) и Анашинской писанице (Заика, 1997) и напоминающий сцену со знаменитой Башадарской колоды. Одним из самых значимых определяющих признаков в пазырыкских древностях В. Д. Кубарев называл распространенный традиционный прием «перекручивания» туловища животного на 180°. Животные с вывернутым крупом известны среди петроглифов Куни (Советова, 2005. Табл. 9, 7–11; 12, 4), Абакано-Перевоза (Русакова, 1997), на Бейской стеле (Дэвлет, Дэвлет, 2005. Рис. 94) и на многих других памятниках Минусинской котловины. Если сопоставить минусинские петроглифы и выявленные В. Д. Кубаревым «пазырыкские» сюжеты в петроглифах Алтая, то аналогии вообще практически единичны. Причем многие из перечисленных персонажей относятся, скорее всего, к тагаро-таштыкскому времени, т. е. между ними имеется и хронологический разрыв. Следует отметить целый ряд и других противоречий: например, бляхи в виде оленя с подогнутыми ногами, широко распространенные в памятниках сарагашенского этапа тагарской культуры (не раньше V в. до н. э. по традиционной хронологии), имеют прямые аналогии в курганах могильников Чиликты (Восточный Казахстан) и Гумарово (Южное Приуралье), где они датируются VIII–VII вв. до н. э. (Исмагилов, 1988. С. 43, 45). Фигуры животных в позе с «вывернутым крупом» находят аналогии не только в искусстве пазырыкского Алтая, но и других территорий – Казахстана (золотая накладка из кургана Иссык) (Акишев, 1978. Табл. 25), Тувы (рельефное изображение фантастического животного на бронзовом зеркале из Мажалык-Ховузу I) (Грач, 1980. Рис. 113, 1) (рис. 3, 15) и мн. др. Упомянутые фигуры с пламевидными отростками на спинах фантастических хищников, популярные в искусстве пазырыкского Алтая, на памятниках наскального искусства Минусинской котловины также, скорее всего, относятся к самому концу тагарской эпохи. Принято считать, что «алтайское» влияние в наскальном искусстве проявляется в «орнаментах в виде спиралей, окружностей и запятых» (Пяткин, Мартынов, 1985; Кубарев, 1999 и др.), но эти элементы встречаются также и на корпусах животных более раннего времени – как на памятниках наскального искусства Минусинской котловины, так и в Туве, на Алтае, в Казахстане, Киргизии (рис. 2, 10–16). Яркий пример – изображение на плите 18/02 из кургана Аржан 2 (Чугунов, 2008. Рис. на с. 61) (рис. 2, 9). Некоторые примеры из репертуара наскального искусства Минусинской котловины: в Волчьем логу Тепсея в одной из композиций представлены козел и бык (олень?), выполненные в аржано-майэмирском стиле (Миклашевич, 2007. Рис. 11). У быка (?) слегка заостренная (клювообразная) морда, напоминающая стиль оленных камней, два завитка на корпусе, у фигуры козла четыре завитка (рис. 2, 1, 2). У оленя с местонахождения Усть-Туба, отнесенного Я. А. Шером также к раннему этапу скифо-сибирского стиля, три завитка (Шер, 1980. Рис. 122), а корпус оленя с Бейской стелы практически полностью ими покрыт (Дэвлет, Дэвлет, 2005.

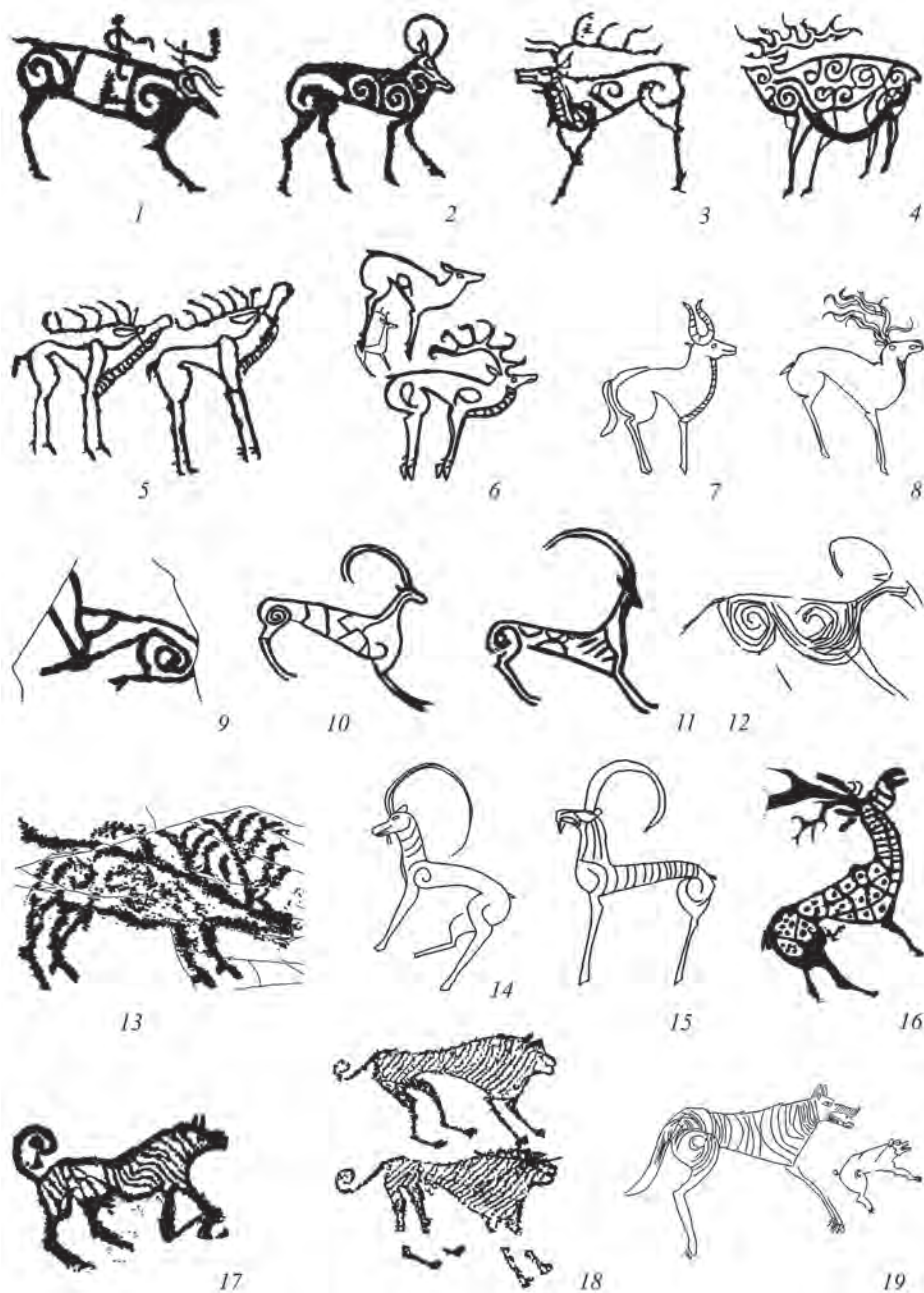

Рис. 94; 97). Штриховкой показан подшейный волос у животных, выполненных в аржано-майэмирском стиле, в композиции с горы Сульфатной (*Миклашевич*, 2007. Рис. 1–1) (рис. 2, 3–6). Здесь запечатлены две крупные фигуры стоящих оленей, которых Д. Г. Савинов сравнил с такими же парными фигурами на оленем камне из Аржана 1, подчеркнув, что минусинские олени, при соблюдении общей иконографии, отличаются от саяно-алтайских выделенной лопаткой, переданным поперечными черточками подшейным волосом, закинутыми за спину гребенчатыми, а не S-видными рогами. Эти различия он объяснил тем, что местный мастер сделал их понятными для тагарцев, но по известному оригиналу центральноазиатского происхождения (*Савинов*, 2012. С. 31, 32; Рис. 3, 6, 8). В наскальном искусстве прием демонстрации подшейного волоса нашел отражение в ранних петроглифах разных регионов: на памятнике Ортаа-Саргол в Туве (*Дэвлет*, 1980), на Жалтырак-Таше в Киргизии (*Миклашевич*, 2012. Рис. 27, 4, 12), Бичикту-Боме на Алтае (Там же. Рис. 9, 7; 14, 6, 7) (рис. 2, 5–8) и на других памятниках.

Тема «шестивия зверей» также хорошо известна и по более ранним изобразительным источникам, в том числе по изображению на гривне из Аржана 2, оленным камням и др. Датируются такого рода памятники не позднее раннескифского времени, а начало формирования традиции уходит корнями в эпоху бронзы (*Савинов*, 1994. С. 110). Что касается наиболее ранних композиций из ритмического ряда животных, выполненных в металле, то стоит упомянуть изделия из памятников типа Наньшаньгэнь, исследованных в Северо-Восточном Китае и датированных по совместно найденным китайским сосудам и оружию IX–VIII вв. до н. э. (*Ковалев*, 1998. С. 122–130).

Таким образом, нет особых оснований говорить о влиянии «алтайского» стиля на наскальное искусство Минусинской котловины в V в. до н. э. Прежде всего, сам «пазырыкский» пласт изображений Алтая требует дальнейшего изучения. Уже сейчас очевидно, что имевшиеся о нем представления были далеко не полными. В научном обороте были в основном выбитые рисунки, в последние же десятилетия открыта большая серия новых изображений, среди которых наиболее впечатляющие – гравированные (*Миклашевич*, 2012). Изображения, выполненные техникой гравировки (резьбы), отличаются большей детализацией, демонстрируют все разнообразие стилистических вариантов и в целом свидетельствуют о том, что скифо-сибирский стиль ярко воплощен в наскальном искусстве Алтая. Среди гравированных рисунков много высокохудожественных образцов, а также новых персонажей, например выявлены совершенно неизвестные ранее львы (Бичикту-Бом) и др. (Там же. Рис. 20). Кроме того,

Рис. 2. Декорированные наскальные изображения скифской эпохи

1, 2 – Тепсей, Минусинская котловина; 3 – Усть-Туба, Минусинская котловина; 4 – Бейская стена, Минусинская котловина; 5 – гора Сульфатная, Минусинская котловина; 6 – Мургур-Саргол, Тува; 7 – Оглахты, Минусинская котловина; 8 – Бичикту-Бом, Горный Алтай; 9 – Аржан 2, Тува; 10, 11 – Чолпон-Ата, Казахстан; 12 – гора Сосновая, Минусинская котловина; 13 – Лынищенская писаница, Минусинская котловина; 14, 15 – Жалтырак-Таш, Киргизия; 16 – Шивэзт-Хайран, Монгольский Алтай; 17 – Шалабай, Казахстан; 18 – Кулжабасы, Казахстан; 19 – Кара-Оюк, Горный Алтай

обращаясь к аналогиям с сопредельных территорий, можно отметить удивительные параллели для тагарского искусства в синхронных памятниках Тувы, а особенно Казахстана, где в последнее время открыто множество предметов, выполненных в скифо-сибирском стиле (Берель, Сарыарка, Тасмола, Талды-2 и др.). То же относится и к петроглифам, среди которых много выразительных изображений в скифо-сакском стиле, которые активно вводятся в научный оборот казахскими археологами (*Рогожинский*, 2011; *Самашев и др.*, 2011; *Бейсенов, Марьяшев*, 2014; и др.). То же и с петроглифами Монголии, Тувы (рис. 2, 16–18).

Остается открытым вопрос истоков того или иного стиля или его локальных вариантов. В этом смысле совершенно неожиданной в наскальном искусстве Минусинской котловины является серия изображений коней, корпуса которых расчленены на геометрические фигуры, известная по местонахождению Оглахты (*Советова*, 2005. Табл. 8; 9) (рис. 3, 1–3). Условно этих коней можно назвать «оглахтинскими», т. к. они обнаружены в разных пунктах этого горного узла, хотя известны еще две плоскости с подобными персонажами на соседних памятниках (Куня, Тепсей). Я. А. Шер считал их образцом раннего этапа скифо-сибирского «звериного» стиля и датировал VIII–VII вв. до н. э. (*Шер*, 1980. Рис. 120), а Н. Л. Членова относил к VI–V вв. до н. э. (*Членова*, 1981). Манера «украшения» таких коней очень напоминает «декоративный» стиль некоторых окуневских изображений (рис. 3, 4). Этот прием был достаточно широко распространен в эпоху бронзы и на памятниках наскального искусства Узбекистана, Казахстана, Тувы, Алтая (рис. 3, 5–7). И если еще десять лет назад Д. Г. Савинов отмечал, что рисунки животных, выполненные в декоративном стиле, немногочисленны (*Савинов*, 2006. С. 161), то к настоящему времени на разных памятниках обширной территории уже выявлена огромная серия подобных изображений. Особенно впечатляет количество и разнообразие декорированных фигур быков, оленей, верблюдов и других животных на памятниках Казахстана (*Байпаков, Марьяшев*, 2009. Табл. 4; *Самашев*, 2006. Рис на с. 25, 26, 94, 98, 100 и др.; 2012. Рис. 94; 2014. Рис. 12; 13; 19–22; 34; 38; 57; 61; 65; 67; *Самашев и др.*, 2011. Рис. 317; 322; 348; 351; 373; 382; 390; 441; *Бесенов, Марьяшев*, 2014. Фото 58; *Рогожинский*, 2011. Рис. 160; 254; и др.) (рис. 3, 5–7, 11). Название «декоративный» стиль было введено Э. А. Новгородовой для характеристики ряда изображений с территории Монголии, в частности Чулуута. Она отмечала, что этот стиль отличается заполнением фигуры животного правильными или неправильными фигурами: треугольниками, квадратами, ромбами, прямоугольниками

Рис. 3. Наскальные изображения в «декоративном» стиле и аналогии к ним. «Замаскированные» кони. Хищники и фантастические персонажи

1–3, 11, 16 – Оглахты, Минусинская котловина; 4 – Черновая VIII; 5 – Саускандык (хребет Карагау), Казахстан; 6 – Цагаан-Гол, Монгольский Алтай; 7 – Ак-Кайнар, Казахстан; 8 – бронзовый нож, могильник Улуг-Кюзюр, Красноярский край; 9, 10 – Апкашево, Минусинская котловина; 12 – изображение на кельте, случ. находка, Минусинская котловина; 13, 14 – орнамент на керамике из сарагашенского могильника под горой Тепсей; 15 – Мажалык-Ховузу, Тува; 17 – Шивээт-Хайран, Монгольский Алтай; 18, 21 – Жалтырак-Таш, Киргизия; 19 – Мортук, Тува; 20 – Пазырыкский курган, Алтай; 22–24 – Абакано-Перевоз, Минусинская котловина

квадратами с точкой в середине и т. д., и полагала, что «декоративный» стиль предшествовал «звериному» стилю и начал формироваться уже в эпоху ранней и развитой бронзы (*Новгородова*, 1984. С. 73, 82). По мнению Д. Г. Савинова, «декоративный стиль» в окуневской изобразительной традиции просуществовал недолго и развития не получил, и это вообще было «разовое» включение в искусство черновского этапа (*Савинов*, 2006. С. 162). Местом «исхода» этого стиля он называет горно-степные районы Монголии и Горного Алтая. Сложившийся декоративный канон характерен для некоторых рисунков местонахождений Шивээт-Хайран (Монгольский Алтай), Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура, рисунков Калбак-Таша и др. памятников (*Кубарев*, 2009. Прил. I. Рис. 851; 862 и др.; С. 28). Практически все изображения с территории Монголии и Казахстана относятся к эпохе бронзы или ранних кочевников. Как было отмечено, Я. А. Шер соотнес «оглахтинскую» группу изображений с ранним этапом звериного стиля, но ряд признаков позволяет усомниться в такой датировке. Прежде всего сомнения вызывают клювообразные морды «коней», имеющие соответствия с «клювоголовыми» персонажами («коне-грифонами»), представленными в пазырыкских татуировках, а также в сценах терзания и борьбы животных, запечатленных на золотых нашивных пластинах из Сигоупань, Налиньгаоту, Верхнеудинска, Ордоса и др. памятников скифского и гунно-сарматского времени (*Ковалев*, 1999. Рис. 2, 1–4; *Полосьмак*, 1994. С. 9, 10. Рис. 1; *Черемисин*, 2008. Рис. I–III). Во всяком случае, большинство известных изображений коне-грифонов относится к позднескифскому времени, т. е. не ранее V–III вв. до н. э. Важно и то, что практически все «оглахтинские» кони имеют необычное оформление хвостов, что в свое время позволило высказать предположение, что кони эти особенные, «отмеченные», подготовленные к каким-то важным событиям, связанным с погребальной практикой по типу пазырыкских и берельских традиций. Семантика маскированных парадно-церемониальных лошадей из элитных курганов Алтая и Восточного Казахстана, а также аналогичный обычай украшения коней у других народов Евразии подробно рассмотрены Е. Е. Кузьминой (*Кузьмина*, 2002. С. 47–73), Д. В. Черемисиным (*Черемисин*, 2005; 2008), З. С. Самашевым и др. (*Самашев и др.*, 2001. С. 38–39). Среди петроглифов соседних территорий также имеются изображения «замаскированных» коней: в Тамгалы (Семиречье) (Там же. Рис. 32), Шивээт-Хайране (Монгольский Алтай) (*Кубарев*, 2009. Прил. I. Рис. 931), хотя последнее изображение вносит некоторый хронологический диссонанс: оно выполнено в раннескифской манере (рис. 3, 16, 17).

Еще одна группа изображений коней обнаружена и опубликована Н. Л. Членовой (Апкашево, Оглахтинский горный узел) и датирована ею VI–V вв. до н. э. (*Членова*, 1981. Рис. 6). Эти кони отличаются иной «раскраской»: на их крупах знаки в виде креста и «колеса» со спицами, а корпуса декорированы орнаментом типа зигзага или вписанными друг в друга треугольниками (рис. 3, 9, 10). К сожалению, этот орнамент также не дает нам «выхода» на какую-то определенную дату, является универсальным и был распространен как в эпоху бронзы, так и в более поздних культурах на обширных территориях. Из местных материалов эпохи бронзы орнаментом в виде заштрихованных углов покрыты сосуды из карасукских могил Тепсея (*Грязнов*, 1979. Рис. 19), в тагарскую эпоху (шире – скифскую: зигзаг характерен для многих скифских котлов) подобным орнаментом

украшали керамику: например, на небольшом глиняном сосудице из подгорновского погребения у горы Багульня (*Кизмин*, 1994) на тулове имеется ручка в виде головы лося (а возможно, и коня?) и такой же орнамент (*Семенов*, 2015. С. 151. Илл. 228). Аналогичным образом украшены керамика из могил сарагашенского этапа под горой Тепсей (*Завитухина и др.*, 1979. Рис. 43) (рис. 3, 13, 14), а также тагарское оружие, например ножи из Означенного V–IV вв. до н. э. (*Трифонов*, 1974. Рис. 1–1), из Улуг-Кюзюра (*Завитухина*, 1983. С. 46. Илл. 73) и др. (рис. 3, 8, 12). Зигзагообразный орнамент встречается и среди наскальных рисунков сопредельных территорий: например, им украшен корпус быка (?) из Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) (*Кубарев*, 2009. Прил. I. Рис. 981). Примеры также можно продолжать, но и так очевидно, что этот орнамент существовал длительное время и широко представлен в искусстве разных культур.

Таким образом, традиция декорирования наскальных изображений рассматриваемого региона характерна уже для самых ранних наскальных изображений, выполненных в так называемых «минусинском» и «ангарском» стилях, а характерные для них элементы (ряд поперечных линий на разных частях корпусов животных) «доживают» до скифской эпохи – известно немало фигур животных, в которых сочетаются эти элементы с новыми, характерными для скифского стиля, – и намного «переживают» ее. С введением в последние годы в научный оборот большого количества новых групп изображений с памятников наскального искусства Казахстана, Алтая, Тувы, Монголии появилась возможность проводить вполне корректные аналогии. Стало понятно, что, например, «декоративный» стиль «оглахтинских» коней имеет не только местные, окуневские, корни, но и более отдаленные, что доказывают многочисленные рисунки эпохи бронзы и раннескифского времени на памятниках наскального искусства этих территорий. Как он попал на Енисей? Почему он «выстрелил» по меньшей мере дважды (в окуневском искусстве и в искусстве скифского времени)? А может быть, он и не угасал, а до нас просто не дошли или еще не открыты, например, гравированные рисунки, как это было с «пазырыкскими» на Алтае? Совершенно очевидно, что многие элементы так называемого «алтайского» стиля более древние, нежели материалы из замерзших курганов. Они имели не только широкое временное, но и территориальное распространение, и говорить о влиянии исключительно «алтайского» стиля на наскальное искусство Минусинской котловины в V в до н. э. неправомерно. Многие декоративные элементы (спирали, завитки), появившись в наскальном искусстве обширного ареала еще на аржаномайэмирском этапе, остаются популярными на протяжении веков и в Минусинской котловине доживают фактически до тагаро-таштыкского этапа, хотя уже и в сильно трансформированном виде. Остается много нерешенных вопросов, связанных с определением характера выделяемых признаков: какие из них являются стилистическими, а какие – семантическими. Почему, например, маскированный конь из Шивээт-Хайрана выполнен в раннескифском стиле, т. е. хронологически не соответствует археологическим находкам Алтая и Казахстана, а «украшенные» (и, вероятно, «замаскированные») среднеенисейские кони не находят соответствия в местных археологических материалах? Много вопросов связано с хронологическим несоответствием, казалось бы, родственных персонажей: например, хищники с пламевидным отростком на спине, имея явные

аналогии с пазырыкским искусством, в наскальном искусстве Минусинской котловины появились не ранее тагаро-таштыкского этапа (рис. 3, 20–24). Несмотря на имеющиеся соответствия с предметами декоративно-прикладного искусства, на аналогиях с которыми базируются хронологические и семантические построения, наскальные изображения имеют свою специфику и свои законы развития. В связи с происходящим в последние годы расширением источниковой базы, открытием новых сюжетов и персонажей в наскальном искусстве Минусинской котловины, Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана возможен пересмотр существующей хронологии многих стилистических групп наскальных изображений.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К., 1978. Курганы Иссык: Искусство саков Казахстана. М.: Наука. 131 с.
- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., 2009. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: Credos. 104 с.
- Бейсенов А. З., Марьяшев А. Н., 2014. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана. 156 с.
- Греч А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. 256 с.
- Грязнов М. П., 1979. Карасукская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. С. 29–39.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р., 2014. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. Вып. 232. С. 8–31.
- Дэвлет М. А., 1980. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука. 272 с.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2005. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетея. 472 с.
- Завитухина М. П., 1983. Древнее искусство на Енисее. Скифское время: Публикация одной коллекции. Л.: Искусство. 191 с.
- Завитухина М. П., Грязнов М. П., Пишеницына М. Н., 1979. Сарагашенский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. С. 54–70.
- Заика А. Л., 1997. Новые петроглифы Енисея // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 97–101.
- Исмагилов Р. Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29. С. 29–47.
- Ковалев А. А., 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип. Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 122–131.
- Ковалев А. А., 1999. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в VII–III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст.: по мат-лам междунар. науч. конф. (24–27 марта 1999 г.). Барнаул: АлтГУ. С. 75–85.
- Кубарев В. Д., 1999. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст.: по мат-лам междунар. науч. конф. (24–27 марта 1999 г.). Барнаул: АлтГУ. С. 84–92.
- Кубарев В. Д., 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 420 с.
- Кубарев В. Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2005. Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 640 с.
- Кузьмина Е. Е., 2002. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (Культурологические очерки). М.: Рос. ин-т культурологии. 288 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В., 1980. Народные рисунки хакасов. М.: Наука. 176 с.
- Миклашевич Е. А., 2007. Исследование наскального искусства Северной и Центральной Азии в 1995–1999 гг. Кемерово: Кузбассвуиздат. 60 с.
- Миклашевич Е. А., 2012. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 157–202.

- Новгородова Э. А., 1984. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука. 168 с.
- Панкова С. В., 2008. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях коней // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 106–115.
- Полосьмак Н. В., 1994. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 125 с.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И., 1985. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Красноярский ун-т. 192 с.
- Рогожинский А. Е., 2011. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print. 342 с.
- Русакова И. Д., 1997. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 101–112.
- Савинов Д. Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии // СПб.: СПбГУ. 208 с.
- Савинов Д. Г., 2006. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского времени // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: СПбГУ. С. 157–190.
- Савинов Д. Г., 2012. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис. 180 с.
- Самашев З. С., 2006. Петроглифы Казахстана. Алматы: Онер. 200 с.
- Самашев З. С., 2012. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: филиал ИА им. А. Х. Маргулана. 240 с.
- Самашев З. С., 2014. Петроглифы хребта Каратау (Саускандык) // Кадырбаевские чтения: мат-лы IV междунар. науч. конф. Астана: Мега принт. С. 6–64.
- Самашев З. С., Фаизов К. Ш., Базарбаева Г. А., 2001. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана. 108 с.
- Самашев З. С., Чжан Со Хо, Боковенко Н. А., Мургабаев С., 2011. Наскальное искусство Казахстана. Астана: Астанинский филиал ИА им. А. Х. Маргулана. 463 с.
- Семенов Вл. А., 2015. Искусство варварских племен. СПб.: Тип. «НП ПРИНТ». 400 с.
- Советова О. С., 2005. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (Сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 140 с.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А., 1999. Хронологические и стилистические особенности среднеисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. кафедры археологии Кемеровского гос. ун-та. Кемерово: КемГУ. С. 47–74.
- Соколова Л. А., 2001. Стела из Черновой VIII со знаменитыми быками и неизвестными повозками // Евразия сквозь века: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рожд. Д. Г. Савинова. СПб.: СПбГУ. С. 129–132.
- Трифонов Ю. И., 1974. Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // АО 1973 г. М.: Наука. С. 225–226.
- Черемисин Д. В., 2005. О семантике маскированных рогатых лошадей пазырыкских курганов // АЭАЕ. № 2. С. 129–140.
- Черемисин Д. В., 2008. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 99–105.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.
- Членова Н. Л., 1981. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука. С. 80–94.
- Чугунов К. В., 2008. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржаномай-эмирского стиля) // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 53–69.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Kuzmin N. Y., 1994. Burial mounds of nobles of the early Scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. St. Petersburg: ИМК. P. 44–47.

Сведения об авторе

Советова Ольга Сергеевна, Институт истории, государственного управления и международных отношений Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, г. Кемерово, 650000, Россия; e-mail: olgasovetova@yandex.ru

O. S. Sovetova

DECORATED IMAGES AND THE ALTAI STYLE IN THE ROCK ART OF
THE MINUSINSK DEPRESSION DURING THE SCYTHIAN PERIOD

Abstract. The paper examines the studies of decorated petroglyphs in the Minusinsk Depression, i. e. petroglyphs made in outline, with decorative elements filling up the body (Fig. 1–3). Figure decoration techniques are analyzed using Scythian rock images as an example. The issue of justification of ideas about the impact of the so-called Altai style on the regional rock art is reviewed. Basically, these ideas suggest that techniques of decorating figures with spirals and volutes were implemented on a larger scale in the rock art of the Minusinsk Depression under the impact of the Pazyryk art starting from the 5th century BC onward. The paper analyzes features of the Altai style in petroglyphs, draws parallels between scenes and characters of the rock art in the Minusinsk Depression and the Altai Mountains. It concludes that coincidences are minimal and often Altai scenes appear in the Yenisei basin much later. Some elements of the applied and decorative art of the Pazyryk Altai in the petroglyphs were in use much earlier and are found in rock art across vast areas. The paper focuses on a series of drawings made in the so-called decorative style (Oglakhta horses). The author emphasizes that despite parallels in applied and decorative art used as a basis for chronological and semantic concepts, rock images have their own distinctive features and laws of development. The extended corpus of data and recent discoveries in rock art of the Altai, Tyva, Mongolia and Kazakhstan make it possible to revisit the adopted chronology of many stylistic groups of rock art images.

Keywords: rock art, Minusinsk Depression, Scythian Siberian animal style, decorated images, decorative style, Altai (Pazyryk) style.

REFERENCES

- Akishev K., 1978. Kurgan Issyk: Iskustvo sakov Kazakhstana [Kurgan Issyk. Art of the Kazakhstan Saki]. Moscow: Nauka. 131 p.
- Baypakov K. M., Mar'yashev A. N., 2009. Petroglify Ak-Kaynara [Petroglyphs of Ak-Kanynar]. Almaty: Credos. 104 p.
- Beysenov A. Z., Mar'yashev A. N., 2014. Petroglify rannego zheleznoogo veka Zhetysu [Early Iron Age petroglyphs in Zhetysu]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana. 156 p.
- Cheremisin D. V., 2005. O semantike maskirovannykh rogatykh loshadey pazyrykskikh kurganov [On semantics of masked horned horses from Pazyryk kurgans]. *AEAE*, 2, pp. 129–140.
- Cheremisin D. V., 2008. K semantike obraza klyuvogolovogo olenya v pazyrykskom iskusstve [On semantics of beaked deer image in Pazyryk art]. *Tropoyu tysyacheletiy: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy yubileyu M. A. Devlet* [By path of millennia: Collection of scientific articles toward jubilee of M. A. Devlet]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 99–105.
- Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origin and early history of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 300 p.

- Chlenova N. L., 1981. Tagarskie loshadi (O svyazyakh plemen Yuzhnoy Sibiri i Sredney Azii v skifskuyu epokhu) [Tagar horses (On connections of tribes of South Siberia and Middle Asia in Scythian epoch)]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e [Caucasus and Central Asia in antiquity and Middle Ages]*. Moscow: Nauka, pp. 80–94.
- Chugunov K. V., 2008. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-mayemirskogo stilya) [Slabs with petroglyphs in complex of kurgan Arzhan-2 (toward chronology of Arzhan-Maiemir style)]. *Tropoyu tysyacheletiy: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny yubileyu M. A. Devlet [By path of millennia: Collection of scientific articles toward jubilee of M. A. Devlet]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 53–69.
- Devlet E. G., Laskin A. R., 2014. K izucheniyu petroglifov Amura i Ussuri [On investigations of rock-art of the Amur and Ussuri rivers]. *KSIA*, 232, pp. 8–31
- Devlet M. A., 1980. Petroglify Mugur-Sargola [Petroglyphs of Mugur-Sargol]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Devlet M. A., Devlet E. G., 2005. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii [Myths in stone: World of rock art in Russia]. Moscow: Aleteya. 472 p.
- Grach A. D., 1980. Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Early nomads in centre of Asia]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Gryaznov M. P., 1979. Karasukskaya kul'tura [Karasuk culture]. *Kompleks arkhеologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee [Complex of archaeological sites near Tepsey mountain on Yenisei]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 29–39.
- Ismagilov R. B., 1988. Pogrebenie Bol'shogo Gumarovskogo kurgana v Yuzhnom Priural'e i problema proiskhozhdeniya skifskoy kul'tury [Burial from Bol'shoy Gumarovskiy kurgan in South Urals and problem of origin of Scythian culture]. *ASGE*, 29, pp. 29–47.
- Kovalev A. A., 1998. Drevneyshie datirovannye pamyatniki skifo-sibirskogo zverinogo stilya (tip Nan'shan'gen') [Earliest dated monuments of Scythian-Siberian animal style (Nanshangen type)]. *Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburg [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg]*. St. Petersburg, pp. 122–131.
- Kovalev A. A., 1999. O svyazyakh naseleniya Sayano-Altaya i Ordosa v VII–III vekakh do n. e. [On connections of population of Sayan-Altai and Ordos in VII–III centuries BC]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy: sbornik nauchnykh statey: po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Results of research of Scythian epoch in Altai and adjacent territories: collection of scientific articles: transactions of International scientific conference]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 75–85.
- Kubarev V. D., 1999. Pazyrykskie syuzhety v petroglifakh Altaya [Pazyryk subjects in Altai petroglyphs]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy: sbornik nauchnykh statey: po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Results of research of Scythian epoch in Altai and adjacent territories: collection of scientific articles: transactions of International scientific conference]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 84–92.
- Kubarev V. D., 2009. Petroglify Shiveet-Khayrkhana (Mongol'skiy Altay) [Petroglyphs of Shiveet-Khayrkhan (Mongolian Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 420 p.
- Kubarev V. D., Yakobson E., Tseveendorzh D., 2005. Petroglify Tsagan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altay) [Petroglyphs of Tsagan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 640 p.
- Kuzmin N. Y., 1994. Burial mounds of nobles of the early Scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia. *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. St.Petersburg: IIMK, pp. 44–47.
- Kuz'mina E. E., 2002. Mifologiya i iskusstvo skifov i baktriytsev. (Kul'turologicheskie ocherki) [Mythology and art of Scythians and Bactrians: (Essays in history of culture)]. Moscow: Rossiyskiy institut kul'turologii. 288 p.
- Kyzlasov L. R., Leont'ev N. V., 1980. Narodnye risunki khakasov [Folk drawing of Khakasses]. Moscow: Nauka. 176 p.
- Miklashevich E. A., 2007. Issledovanie naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii v 1995–1999 gg. [Investigation of rock art of North and Central Asia in 1995–1999]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 60 p.
- Miklashevich E. A., 2012. Tekhnika gravirovki v naskal'nom iskusstve skifskogo vremeni [Engraving technique in rock art of Scythian time]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve*

- Severnoy i Tsentral'noy Azii [Figurative and technological traditions in art of North and Central Asia]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 157–202.
- Novgorodova E. A., 1984. Mir petroglifov Mongolii [World of Mongolian petroglyphs]. Moscow: Nauka. 168 p.
- Pankova S. V., 2008. «Figury-lopasti» na tashtytskikh izobrazheniyakh koney [«Fan-figures» on Tashtyk images of horses]. *Tropoyu tysyacheletiy: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy yubileyu M. A. Devlet [By path of millennia: Collection of scientific articles toward jubilee of M. A. Devlet]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 106–115.
- Polos'mak N. V., 1994. «Stereushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany) [«Gold guarding griffins» (Ak-Alakha kurgans)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 125 p.
- Pyatkin B. N., Martynov A. I., 1985. Shalabolinskoe petroglify [Shalabolinsk petroglyphs]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy universitet. 192 p.
- Rogozhinskiy A. E., 2011. Petroglify arkheologicheskogo landshafta Tamgaly [Petroglyphs of archaeological landscape of Tamgala]. Almaty: Signet Print. 342 p.
- Rusakova I. D., 1997. Novyy pamyatnik naskal'nogo iskusstva na Enisee (pisanitsa Abakano-Perevoz v Khakasii) [New monument of rock art on Yenisei (Abakano-Perevoz painted rock in Khakasia)]. *Naskal'noe iskusstvo Azii [Rock art of Asia]*, 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 101–112.
- Samashev Z. S., 2006. Petroglify Kazakhstana [Kazakhstan petroglyphs]. Almaty: Oner. 200 p.
- Samashev Z. S., 2012. Naskal'nye izobrazheniya Zhetysu. Bayanzhurek [Rock images of Zhetysu. Bayanzhurek]. Astana: Filial Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana. 240 p.
- Samashev Z. S., 2014. Petroglify khrebt Karatau (Sauskandyk) [Petroglyphs of Karatau range (Sauskandyk)]. *Kadyrbaevskie chteniya: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Kadyrbaev readings: transactions of IV International scientific conference]*. Astana: Mega print, pp. 6–64.
- Samashev Z. S., Jang Seog Ho, Bokovenko N. A., Murgabaev S., 2011. Naskal'noe iskusstvo Kazakhstana [Rock art of Kazakhstan]. Astana: Filial Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana. 463 p.
- Samashev Z. S., Faizov K. Sh., Bazarbaeva G. A., 2001. Arkheologicheskie pamyatniki i paleopochvy Kazakhskogo Altaya [Archaeological sites and palaeosoils of Kazakh Altai]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana. 108 p.
- Savinov D. G., 1994. Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii [Deer stones in culture of nomads of Eurasia]. St. Petersburg: SPbGU. 208 p.
- Savinov D. G., 2006. O vydelenii stiley i ikonograficheskikh grupp izobrazheniy okunevskogo vremeni [On singling out styles and iconographic groups of images of Okunevo time]. *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevo collection of articles 2. Culture and its milieu]*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet, pp. 157–190.
- Savinov D. G., 2012. Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.) [Tagar culture sites in Mogil'na steppe (based on materials of archaeological investigations of 1986–1989)]. St. Petersburg: ElekSis. 180 p.
- Semenov V. I., 2015. Iskusstvo varvarskikh plemen [Art of barbaric tribes]. St. Petersburg: Tipografiya «NP PRINT». 400 p.
- Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Sokolova L. A., 2001. Stela iz Chernovoy VIII so znamenitimi bykami i neizvestnymi povozkami [Stela from Chernovaya VIII with famous bulls and unknown wagons]. *Evrasiya skvoz' veka: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 60-letiyu so dnya rozhdeniya D. G. Savinova [Eurasia through centuries: collection of scientific works dedicated to 60th anniversary of D. G. Savinov]*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet, pp. 129–132.
- Sovetova O. S., 2005. Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee: (Syuzhety i obrazy) [Petroglyphs of Tagar epoch on Yenisei: (Subjects and images)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 140 p.
- Sovetova O. S., Miklashevich E. A., 1999. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseyskikh petroglifov (po itogam raboty Petroglificheskogo otryada Yuzhnosibirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii KemGU) [Chronological and stylistical features of Middle Yenisei petroglyphs (based on results of work of Petroglyph group, KemGU South Siberian archaeological expedition)]. *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo: sbornik nauchnykh trudov Kafedry arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeology, ethnography and museum*

work: collection of scientific works of Chair of archaeology, Kemerovo State university]. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 47–74.

Trifonov Yu. I., 1974. Tagarskie kurgany na yuge Minusinskoy kotloviny [Tagar kurgans in south of Minusinsk depression]. *AO 1973*. Moscow: Nauka, pp. 225–226.

Zaika A. L., 1997. Novye petroglify Eniseya [New petroglyphs on Yenisei]. *Naskal'noe iskusstvo Azii [Rock art of Asia]*, 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 97–101.

Zavitukhina M. P., 1983. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya: Publikatsiya odnoy kollektzii [Ancient art on Yenisei. Scythian time: Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo. 191 p.

Zavitukhina M. P., Gryaznov M. P., Pshenitsyna M. N., 1979. Saragashenskiy etap [Saragashenskiy stage]. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee [Complex of archaeological sites near Tepsey mountain on Yenisei]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 54–70.

About the author

Sovetova Olga S., Institute of History, Public Administration and International Relations, Kemerovo State university, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgasovetova@yandex.ru

Я. В. Фролов, А. А. Тишкин, Г. Е. Иванов

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЙ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ НА ЖЕЛЕЗНЫХ КИНЖАЛАХ ЮГА ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ*

Резюме. Железные кинжалы, обнаруженные при разных обстоятельствах на юге Обь-Иртышского междуречья, имеют изображения, которые выполнены в так называемом скифо-сибирском зверином стиле. Они представлены в виде новых детальных прорисовок и на фотоснимках, что реально отражает особенности оформления значимых предметов вооружения. Отдельно рассматриваются изображения на навершиях, ручках, перекрестиях и клинках изделий, найденных в окрестностях сел Кочки, Rogozixa, Шадрино, поселка Укладочный, в Мамонтовском районе и бывшем Барнаульском округе. Современный подход к фиксации всех деталей представленной серии кинжалов позволил определить круг аналогий, который ограничивается культурами восточной части скифо-сакского мира. Осуществленный анализ свидетельствует о престижном характере их использования в среде элитных слоев кочевых и оседлых обществ. На некоторых находках из лесостепного Алтая визуально фиксируются следы использования золота при дополнительном декорировании. Для одной из них получено подтверждение при помощи портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра.

Ключевые слова: Обь-Иртышское междуречье, лесостепной Алтай, скифо-сакское время, железный кинжал, изображения, звериный стиль.

На юге Обь-Иртышского междуречья (территория степного и лесостепного Алтая) на сегодняшний день известны шесть железных кинжалов, имеющих изображения, которые выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Эта серия позволяет рассмотреть особенности художественного оформления данных

* Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также при частичной финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-11-22007a(p) «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея».

предметов вооружения, обнаруженных в окрестностях сел Кочки, Рогозиха, Шадрино, поселка Укладочный, в Мамонтовском районе и бывшем Барнаульском округе (рис. 1–3). Все эти предметы уже были введены в научный оборот (Иванов, 1987. С. 15, 17. Рис. 5, 3, 6; 1993. С. 57. Рис. 2, 1; 2005. Рис. 1; Чекрыжова, Шамшин, 2001а; 2001б. Рис. 1; Тишкин, 2006. Рис. 1; 2; Могильников, 1984; 1997. С. 40–43. Рис. 36, 2, 6, 7; Членова, 1981. С. 11. Рис. 4, 13). Но качество иллюстраций в большинстве публикаций не позволяет получить полное представление об изделиях и особенно об изображениях на них. Приводимые новые прописки, фотоснимки и дополнительные описания дают возможность уточнить целый ряд существенных элементов, которые не отражены в предшествующих изданиях. Поэтому основной задачей статьи стал тематический анализ важных находок с их более качественной демонстрацией.

Не вдаваясь в подробности хронологической атрибуции каждого из приводимых кинжалов, обозначим общий промежуток бытования этих изделий: VI–IV вв. до н. э. Наибольшее количество аналогий им фиксируется в восточной части скифо-сакского мира и связано с памятниками или случайными находками из Казахстана и Южной Сибири (Алтай, Тува, Минусинская котловина).

Как и на всех кинжалах скифо-сакского времени, имеющих художественное оформление, у рассматриваемых предметов выделяются четыре части (зоны) с завершенными очертаниями: навершие, ручка (рукоять), перекрестие и клинок. Находки, представляемые в данной статье, демонстрируют разнообразие сочетаний мотивов скифо-сибирского звериного стиля. В целом все изображения на них полностью укладываются в фиксируемые каноны художественных традиций культур восточной части скифо-сакского мира. Причем на кинжалах с юга Обь-Иртышского междуречья встречается большинство известных вариантов оформления клинкового оружия.

На навершиях представлены парные, сопоставленные и разнонаправленные («янусовидные») головы животных (рис. 1): на кинжале из с. Кочки изображены головы хищников (рис. 1, 4; 3, 2), на предметах из пос. Укладочного и с. Шадрино – сильно стилизованные головы баранов (рис. 1, 1, 3; 3, 3–4), на навершии кинжала из бывшего Барнаульского округа – головы грифонов (рис. 1, 2). Другой типичный вариант для оформления кинжалов демонстрирует навершие в виде двух обращенных друг к другу голов ушастых грифонов на длинных шеях. Он представлен на кинжале из с. Рогозихи (рис. 2, 1; 3, 1). На навершии кинжала из Мамонтовского района Алтайского края изображена профильная фигура хищника из семейства кошачьих с подогнутыми ногами (рис. 2, 2; 3, 5). Подобный мотив на навершиях кинжалов скифо-сакского времени встречается значительно реже, чем вышеприведенные варианты, но в целом он не выбивается из общего канона оформления оружия рассматриваемого периода. Следует подчеркнуть, что профильная фигура хищника из семейства кошачьих на навершиях кинжалов фиксируется от Южной Сибири и до территории современного Китая (провинция Хэбэй) (Завитухина, 1983. С. 64. Илл. 155; Богданов, 2006. Табл. LXVIII, 2; ХС, 7; Илюшин, Ковалевский, 1999. Рис. 2, 2; Шульга, 2010. Рис. 79, 1). Архаичная форма навершия в виде широкого овала у кинжала из Мамонтовского района сближает данное изделие с ранними формами железных

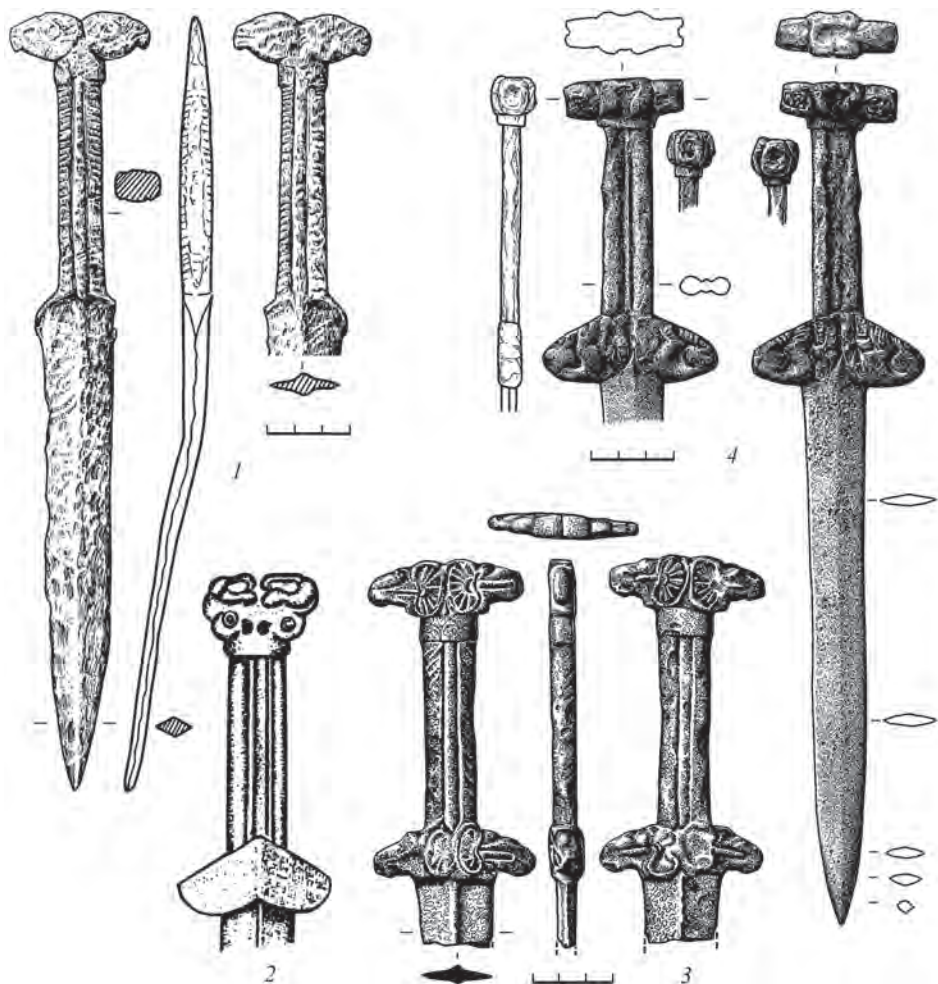

Рис. 1. Случайные находки кинжалов с территории Алтайского края

1 – с. Шадрино, Калманский р-н (по: Тишкин, 2006. Рис. 1; 2); 2 – Барнаульский округ (по: Членова, 1981. Рис. 4, 13); 3 – пос. Укладочный, Первомайский р-н; 4 – с. Кочки, Родинский р-н; 1, 3 – железо, золото; 2, 4 – железо

предметов клинкового вооружения. Сходный абрис имеет наведшие кинжала из кургана Аржан-2 (Чугунов, 2011. Рис. 7, 1).

Несколько реже на кинжалах с юга Обь-Иртышского междуречья встречаются художественно оформленные перекрестия. Изображения на них типичны для иконографии изделий из восточной части скифо-сакского мира. Это такие же, как и на навершиях, «янусовидные» головы животных. На перекрестии кинжала, найденного у пос. Укладочный, представлены головы баранов, на находке из Мамонтовского района – головы хищников из семейства кошачьих. Другой

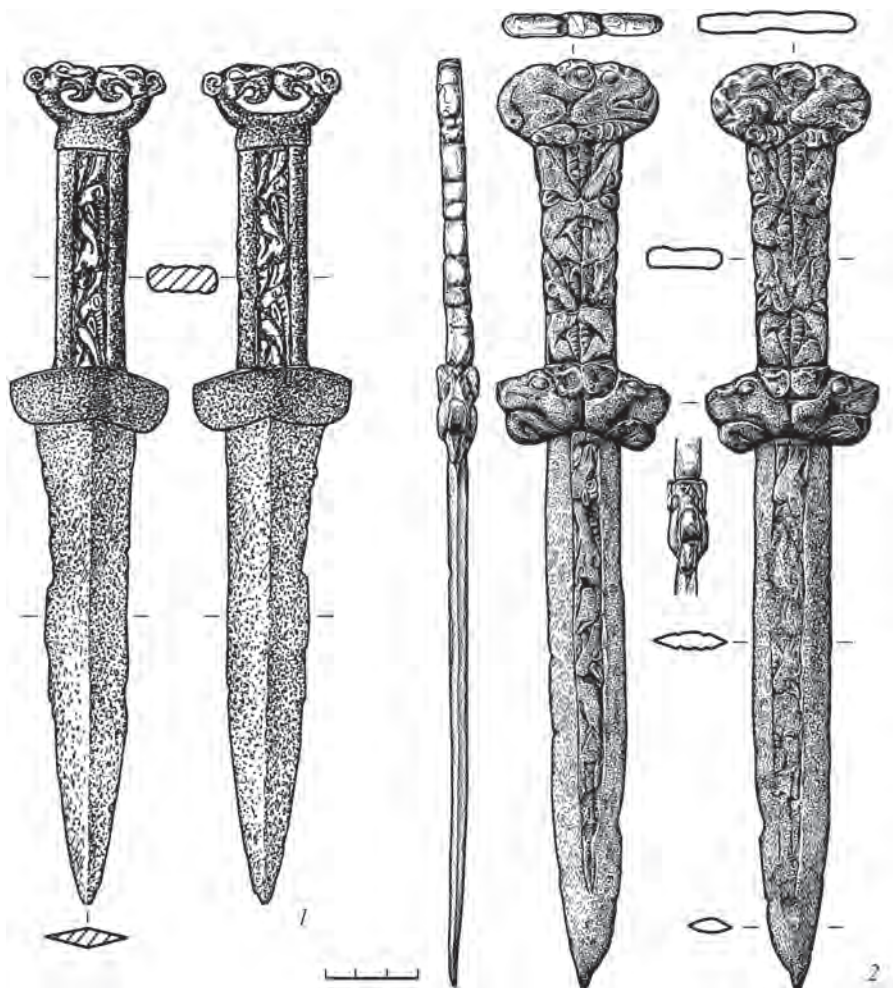

Рис. 2. Железные кинжалы из лесостепного Алтая

1 – с. Рогозиха, Павловский р-н (по: Чекрыжова, Шамишин, 2001б. Рис. 1); 2 – Мамонтовский р-н; 1, 2 – железо

распространенный в Южной Сибири, Казахстане и Приуралье мотив оформления перекрестий – это парные профильные фигуры животных, соприкасающихся головами. Чаще всего в данной композиции демонстрировались волки и кабаны (Богданов, 2006. Табл. ХС, 3–5; Завитухина, 1983. С. 74–75. Илл. 198–203; Фролов, 2008. Рис. 74, 1; Яблонский и др., 2011. С. 228, 229. Рис. 4, II, VII).

Изображения на ручках кинжалов также достаточно типичны, хотя мотивы художественного оформления клинкового оружия скифо-сакского времени сравнительно редки. На кинжале из с. Рогозихи (рис. 2, 1; 3, 1) фиксируется ряд животных с подогнутыми ногами, заключенный в прямоугольную рамку

Рис. 3. Кинжалы (случайные находки). Фото

1 – с. Рогозиха, Павловский р-н; 2 – с. Кочки, Родинский р-н; 3 – с. Шадрино, Калманский р-н; 4 – пос. Укладочный, Первомайский р-н; 5 – Мамонтовский р-н; 1, 2, 5 – железо; 3, 4 – железо, золото

(бордюр). Подобные варианты оформления встречены на кинжалах от Тувы (Аржан-2) и до Приуралья (Филипповка-1) (Чугунов, 2011. Рис. 7, 1, 2; Яблонский и др., 2011. С. 228, 229. Рис. 4, 1, VIII). Расположение изображений, как на рукоятке кинжала из Мамонтовского района, встречается редко. На ней (так же, как и на рогозихинском изделии) представлены ряды животных с подогнутыми ногами, но здесь они образуют пару зеркально противопоставленных фигур. Из близких аналогий можно привести рукояти кинжалов из кургана Аржан-2 (Чугунов, 2011. Рис. 7, 1, 2). Зеркально расположенные изображения животных с подогнутыми ногами имеются на рукояти бронзового кинжала из Минусинской котловины (Kossack, 1992, Abb. 56, 1).

Художественное оформление клинка фиксируется только на изделии из Мамонтовского района. Его общая схема похожа на оформление рукоятей. Она

представляет собой ряд животных с подогнутыми ногами, заключенный в прямоугольную рамку (бордюр) (рис. 2, 2; 3, 5). Подобный мотив имеет параллели в изображениях на клинках акинака из кургана Иссык (Южный Казахстан) и кинжала из кургана Аржан-2 (Тува) (*Акишев*, 1978. Табл. 24; *Чугунов*, 2011. Рис. 7, 1). В этом же контексте можно рассматривать и накладку на ножны меча из могильника Тагискен (*Итина, Яблонский*, 1997. Рис. 44, 5, 6).

Следует подчеркнуть, что на перекрестиях кинжалов из лесостепного Алтая представлены канонические схемы размещения изображений – парные морды животных «читаются», когда кинжал расположен рукоятью вверх, а парные изображения профильных фигур животных хорошо видны, когда кинжал размещен клинком вверх.

Если рассматривать прагматику изображений на кинжалах азиатской части скифо-сакского мира, то бросаются в глаза достаточно жесткие рамки, в которых определялись художественные схемы оформления клинкового оружия, и небольшое разнообразие мотивов. Такие находки из лесостепного Алтая демонстрируют близкое сходство с элитным оружием поздней древности из Казахстана и Тувы.

Иконография изображений на кинжалах с юга Обь-Иртышского междуречья также достаточно типична для восточной части скифо-сакского мира. Остановимся на некоторых наиболее часто встречающихся мотивах. Фигуры животных с подогнутыми ногами находят много параллелей. Хищник показан с закрытой пастью, голова располагается на передней лапе. Лапы акцентированы гипертрофированными когтями. Этот довольно распространенный мотив достаточно широко встречается в пазырыкском искусстве, а также и на предметах других культур скифо-сакского мира, в том числе лесостепного Алтая (*Богданов*, 2006. Табл. XXV; XXVI, 5; XXVIII, 1, 3; LVII, 3; LXXXIV, 1–3, 5; *Кубарев*, 1987. Табл. XLVIII, 2–3; LXXXVI, 22; *Могильников*, 1997. Рис. 54, 12). Сходную структуру имеет и иконография изображений копытных, у которых передняя нога также помещена под головой. Наиболее близкий вариант такого же расположения представлен на клинке кинжала из могильника Иссык (*Акишев*, 1978. Табл. 24). Этот мотив особенно сближает кинжалы из Рогозихи и Мамонтовского района с казахстанскими образцами клинкового оружия.

Изображения голов барана с рогами, трактованными в качестве пальметты, на кинжале из пос. Укладочный находят аналогии в оформлении ножен и рукоятей ахеменидского клинкового оружия (*Литвинский, Пичикян*, 1981. Рис. 6; *Алексеев и др.*, 1991. С. 99–101. Рис. 67. Кат. 192; *Переводчикова*, 1994. Рис. 26). Не исключено, что подобный же мотив представлен на навершии кинжала из с. Шадрино (рис. 1, 1; 3, 3), а может быть, здесь использованы мотивы, представленные, например, на кинжалах из Ордоса и на некоторых других изделиях из Южной Сибири (*Kossack*, 1992. Abb. 57, 1–4; *Тишкин*, 2006. С. 147, 148). К сожалению, плохая сохранность этого изделия не позволяет трактовать образы однозначно.

Следует еще отметить то, что кинжалы из пос. Укладочного и, возможно, из с. Шадрино были украшены золотом. Местами прослежены маленькие фрагменты золотой фольги. Возможно, эти два изделия являются импортом из державы Ахеменидов (или подражанием). Для подтверждения наличия

золота на навершии, рукоятке и перекрестии кинжала из пос. Укладочного одним из авторов статьи использовался портативный рентгенфлуоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000). Анализы сохранившихся фрагментов фольги позволили подтвердить указанную особенность оформления находки, ныне хранящейся в Алтайском государственном краеведческом музее (ОФ 13720/1, А-51). Ниже приводим результаты анализов, полученные на общем фоне окисленного железного изделия: 1) Fe (железо) – 92,32 %; Au (золото) – 6,63 %; Cu (медь) – 0,67 %; Co (кобальт) – 0,38 %; 2) Fe – 87,33 %; Au – 9,94 %; Cu – 0,8 %; Ag (серебро) – 0,78 %; Co – 0,73 %; Ti (титан) – 0,28 %; Cr (хром) – 0,14 %; 3) Fe – 91,29 %; Au – 7,41 %; Cu – 0,79 %; Co – 0,51 %. Дальнейшее детальное изучение данного предмета позволит решить вопросы технологии нанесения золотой фольги на железную поверхность.

Зооморфное навершие кинжала, найденного в бывшем Барнаульском округе, имеет ближайшую аналогию в оформлении рукояти меча из с. Ключи (*Фролов*, 2016. Рис. 3). Подобный мотив был широко распространен в азиатской части – от Северного Китая и до Приуралья (*Смирнов*, 1961. С. 39, 40. Рис. 4, 1; *Васильев, Обыденнов*, 1994. С. 96. Рис. 1, 3; *Чжун*, 1998. С. 25. Рис. 1, 5). В регионах западнее Урала чаще встречаются навершия, которые имеют уже стилизованные изображения голов грифонов, получившие название «когтевидные» (*Исмаилов, Скарбовенко*, 1977. С. 90; *Денисов, Мышкин*, 2008. С. 65). Многие исследователи предполагают, что навершия с изображениями голов грифонов – это сибирская традиция (*Смирнов*, 1961. С. 20; *Васильев*, 2001. С. 41; и др.).

Обращает на себя внимание очень близкое сходство кинжала из с. Кочки с предметом, найденным в Минусинской котловине и ныне хранящимся в Государственном Эрмитаже (*Завитухина*, 1983. С. 75. Илл. 203). Близкая манера оформления брусковидного навершия (однотипное выделение пасти и ушей животных, которое само по себе является довольно редким проявлением) достаточно самобытно и позволяет предполагать, что данные предметы могли быть изготовлены в одной мастерской. Ранее исследователи высказывали предположения (на основе сходства этих кинжалов) о существовании центра подобного производства, характерного в основном для Минусинской котловины (*Богданов*, 2006. С. 91). Однако находка кинжала в с. Кочки (зона степной Кулунды) возможно, указывает на работу такого центра на более широкий регион. В этом отношении важны находки еще двух очень похожих биметаллических кинжалов (оба из Минусинской котловины). Один из них хранится в Государственном Эрмитаже, а другой – в Муниципальном бюджетном учреждении культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова» (*Завитухина*, 1983. С. 75. Илл. 20; экспозиция МБУК МРКМ, №788). Еще В. В. Радлов отмечал странность кинжала из коллекции И. А. Лопатина – наличие железной рукояти и бронзового клинка. Он предположил, что после поломки к оставшейся рукояти прилили бронзовый клинок (*Радлов*, 1891. С. 69). Но обнаружение второго подобного предмета, имеющего сходное оформление и бронзовый клинок, также позволяет предполагать наличие единого центра, где делали предметы, столь необычные с точки зрения практического применения. Данный пример показывает значение и престижность железных кинжалов. Находясь в ножнах, биметаллический кинжал с бронзовым клинком смотрелся в качестве полноценного

железного оружия. По всей видимости, бронзовые кинжалы с подобным же оформлением являются местными подражаниями более престижным образцам железного клинкового оружия.

Важно отметить сходство оформления рукояти бронзового кинжала из Минусинской котловины (Богданов, 2006. Табл. ХС, 6) и кинжала из Мамонтовского района (рис. 2, 2; 3, 5). На рукояти последнего представлены зеркально расположенные фигуры хищников, соприкасающихся головами. На бронзовом кинжале из Минусинской котловины видны только парные головы хищников (Там же). При поверхностном рассмотрении изображений на рукояти кинжала из Мамонтовского района наиболее бросающейся в глаза деталью являются именно парные головы хищников. Не исключено, что этот наиболее «читаемый» элемент и копировался на бронзовом подражании железному изделию мастером, который не воспринимал первоначальный целостный образ и обозначал только парциальные изображения. Это может означать, что не только биметаллические, но и целиком сделанные из бронзы кинжалы, копирующие оформление железных, представляли собой реплики более ценных образцов, а не являлись, как предполагалось ранее рядом исследователей, их прототипами (Членова, 1967. С. 21, 23).

При рассмотрении изображений на железных кинжалах из Обь-Иртышского междуречья прослеживаются достаточно жесткие иконографические схемы передачи образов, которые применялись на довольно длительном хронологическом отрезке. Наиболее ранним выглядит кинжал из Мамонтовского района, находящийся параллели в предметах клинкового вооружения из кургана Аржан-2. Но иконография изображений на нем и стилистическое оформление отдельных фигур животных также сближает данный образец и с кинжалом из Иссыка. Поэтому кинжал из Мамонтовского района может датироваться в рамках VI–V вв. до н. э., т. е. несколько позже Аржана-2. По-видимому, этим же временем можно датировать и изделия из с. Рогозихи и бывшего Барнаульского округа. Более поздним выглядит кинжал из с. Кочки, который может быть отнесен к V–IV вв. до н. э.

На юге Обь-Иртышского междуречья пока не раскопаны неограбленные элитные погребения скифо-сакского времени. Но случайные находки кинжалов и мечей показывают, что престижные предметы вооружения были широко распространены на этой территории. Население лесостепного Алтая имело сходные с сопредельными регионами Казахстана и Южной Сибири традиции в использовании клинкового вооружения, а также располагало одними и теми же источниками поступления импортных изделий. В отличие от восточных регионов Южной Сибири, обращает на себя внимание наличие кинжалов, в оформлении которых прослеживается ахеменидское влияние. Это свидетельствует о большем спектре источников поступления престижных изделий клинкового вооружения в Обь-Иртышское междуречье в скифо-сакское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., 1978. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство. 132 с.
Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка. 416 с.

- Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 240 с.
- Васильев В. Н., 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Васильев В. Н., Обыденнов М. Ф., 1994. Кинжалы предсавроматского и савроматского времени из Башкирии // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Отв. ред. В. С. Горбунов. Уфа: Конкорд-Инвест. С. 95–99.
- Денисов А. В., Мышкин В. Н., 2008. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. Вып. 9. С. 62–75.
- Завитухина М. П., 1983. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство. 192 с.
- Иванов Г. Е., 1987. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. С. 6–27.
- Иванов Г. Е., 1993. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 56–62.
- Иванов Г. Е., 2005. Железный кинжал с зооморфными изображениями из Алтайского края // Памятники археологии художественное творчество / Науч. ред. Б. А. Конилов. Вып. 3. Омск: Наука. С. 27–31.
- Илюшин А. М., Ковалевский С. А., 1999. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 60–64.
- Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А., 1977. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневолжская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский ун-т. С. 77–92.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи. М.: РОСПЭН. 188 с.
- Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 302 с.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., 1981. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. № 3. С. 87–110.
- Могильников В. А., 1984. Меч с зооморфными изображениями из Верхнего Приобья // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 191–195.
- Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН. 196 с.
- Переводчикова Е. В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература. 206 с.
- Радлов В., 1891. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб: Изд. Императорской Археологической комиссии. 70 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: Академия наук СССР. 163 с. (МИА; № 101.)
- Тишкин А. А., 2006. Об археологических находках из частных коллекций // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Вып. 2. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 147–154.
- Фролов Я. В., 2008. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука. 479 с.
- Фролов Я. В., 2016. Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая // АЭАЕ. № 3 (44). С. 56–62.
- Чекрязова О. И., Шамшин А. Б., 2001а. Железный кинжал из Рогозихи и вопросы культурного взаимодействия населения юга Верхнего Приобья в раннем железном веке // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Томский ун-т. С. 209–211.

- Чекрыжова О. И., Шамиш А. Б., 20016. Случайная находка зооморфного кинжала из Рогозихи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. Л. А. Никитина. Вып. XII. Барнаул: Азбука. С. 172–175.
- Чжун Сук-Бэ, 1998. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир / Отв. ред. Б. А. Раев. Ч. 1. Краснодар: Краснодарская гос. акад. культуры. С. 23–29.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.
- Членова Н. Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. С. 4–42.
- Чугунов К. В., 2011. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия / Гл. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История. С. 39–60.
- Шульга П. И., 2010. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация.) Барнаул: АлтГТУ. 238 с.
- Яблонский Л. Т., Рукавишникова И. В., Шемаханская М. С., 2011. «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка-1 // ВДИ. № 4 (279). С. 219–250.
- Kossack G., 1992. Dolche und Gurtelzubehör aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundförmern // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / T. O. Höllmann, G. W. Kossack (Hrsg.). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. S. 97–106. (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie; Bd. 50.)
- Сведения об авторах*
- Фролов Ярослав Владимирович, Алтайский государственный университет, пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; e-mail: frolov_jar@mail.ru;
- Тишкин Алексей Алексеевич, Алтайский государственный университет, пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; e-mail: tishkin210@mail.ru;
- Иванов Геннадий Егорович, гимназия №42, Красноармейский пр-т, 133, Барнаул, 656031, Россия; e-mail: ge80866@yandex.ru

Ya. V. Frolov, A. A. Tishkin, G. E. Ivanov

DISTINCTIVE FEATURES OF IMAGES IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE ON IRON DAGGERS FROM THE SOUTHERN PARTS OF THE OB-IRTYSH INTERFLUVE

Abstract. Iron daggers found in a variety of circumstances in southern parts of the Ob-Irtysh interfluvium have images made in the so called Scythian Siberian animal style. New detailed images have been obtained by tracing images into a transparent film and photographing and realistically portraying distinctive features of ornamentation on prestigious items. Images on pommels, handles, guards and blades of the items discovered near villages of Kochki, Rogozikha, Shadrino, the settlement of Ukladochny, in the Mamontovo district, and the former Barnaul district have been reviewed with a special focus. The modern approach to documentation of all elements of the dagger group permitted the scholars to define a circle of analogues, which is limited by cultures in the eastern part of the Scythian-Saka world. The analysis demonstrates a prestigious nature of their use by high status groups of nomadic and sedentary communities. Some finds from the forest-steppe Altai areas bear traces of gold, which was used as an element of

additional decorations. One of the finds was used to obtain confirmation of the results with the help of a portable X-ray fluorescence (XRF) spectrometer.

Keywords: Ob-Irtysh interfluvium, forest-steppe Altai areas, Scythian-Saka period, iron dagger, images, animal style.

REFERENCES

- Akishev K. A., 1978. Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana [Kurgan Issyk. Art of the Kazakhstan Saki]. Moscow: Iskusstvo. 132 p.
- Alekseev A. Yu., Murzin V. Yu., Rolle R., 1991. Chertomlyk (Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.) [Chertomlyk (Scythian royal kurgan of IV c. BC)]. Kiev: Naukova dumka. 416 p.
- Bogdanov E. S., 2006. Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya) [Predator image in figurative art of nomad peoples of Central Asia (Scythian-Siberian art tradition)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 240 p.
- Chekryzhova O. I., Shamshin A. B., 2001a. Zheleznyy kinzhal iz Rogozikhi i voprosy kul'turnogo vzaimodeystviya naseleniya yuga Verkhnego Priob'ya v rannem zheleznom veke [Iron dagger from Rogozikha and problems of cultural interaction of population of southern part of Upper Ob' region in Early Iron Age]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: materialy XII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii [Space of culture in archaeological-ethnographic dimension. West Siberia and adjacent territories: transactions of XII West-Siberian archaeological-ethnographic conference]*. L. A. Chindina, ed. Tomsk: Tomskiy universitet, pp. 209–211.
- Chekryzhova O. I., Shamshin A. B., 2001b. Sluchaynaya nakhodka zoomorfnoy kinzhala iz Rogozikhi [Chance find of zoomorphic dagger from Rogozikha]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya [Preservation and research of cultural heritage of Altai region]*, XII. L. A. Nikitina, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 172–175.
- Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origins and early history of Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka. 300 p.
- Chlenova N. L., 1981. Svyazi kul'tur Zapadnoy Sibiri s kul'turami Priural'ya i Srednego Povolzh'ya v kontse epokhi bronzy i v nachale zheleznoy veka [Relations of West Siberia cultures with cultures of Urals and Middle Volga regions in the end of Bronze Age and beginning of Iron Age]. *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza [Problems of West Siberian archaeology. Iron Age]*. T. N. Troitskaya, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 4–42.
- Chugunov K. V., 2011. Iskusstvo Arzhana-2: stilistika, kompozitsiya, ikonografiya, ornamental'nye motivy [Art of Arzhan-2: stylistics, composition, iconography, ornamental motifs]. *Evropeyskaya Sarmatiya [European Sarmatia]*. D. A. Machinskiy, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 39–60.
- Chzhun Suk-Be, 1998. Kinzhaly epokhi rannego zheleza iz Severnogo Kitaya [Daggers of Early Iron Age from Northern China]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir [Antique civilization and barbaric world]*, I. B. A. Raev, ed. Krasnodar: Krasnodarskaya gos. akademiya kul'tury, pp. 23–29.
- Denisov A. V., Myshkin V. N., 2008. Klinkovoe oruzhie kochevogo naseleniya basseyna reki Samary v VII–IV vv. do n. e. [Blade weapons of nomad population of Samara River basin in VII–IV cc. BC]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 9. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 62–75.
- Frolov Ya. V., 2008. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. – II v n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) [Burial rite of population of Barnaul Ob' region in VI c. BC – II c. AD (based on data from ground cemeteries)]. Barnaul: Azbuka. 479 p.
- Frolov Ya. V., 2016. Mech skifskogo vremeni – novaya nakhodka s territorii lesostepnogo Altaya [Sword of Scythian time – new find from territory of forest-steppe Altai]. *AEAE*, 3 (44), pp. 56–62.
- Ilyushin A. M., Kovalevskiy S. A., 1999. Itogi issledovaniya drevnostey rannego zheleznoy veka Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Results of investigations of Early Iron Age antiquities of Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition]. *Itogi*

- izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy [Results of investigation of Scythian epoch in Altai and adjacent territories]*. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 60–64.
- Ismagilov R. B., Skarbovenko V. A., 1977. Novye nakhodki savromatskogo oruzhiya v mezhdurech'e Volgi i Urala [New finds of Sauromatian weapons in Volga and Ural interfluvium]. *Srednevolzhskaya arkhologicheskaya ekspeditsiya [Middle Volga archaeological expedition]*. G. I. Matveeva, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy universitet, pp. 77–92.
- Itina M. A., Yablonskiy L. T., 1997. Saki nizhney Syrdar'i [Saki of Lower Syrdaria]. Moscow: ROSPEN. 188 p.
- Ivanov G. E., 1987. Vooruzhenie plemen lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke [Weaponry of forest-steppe Altai tribes in Early Iron Age]. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Warfare of ancient population of North Asia]*. V. E. Medvedev, Yu. S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 6–27.
- Ivanov G. E., 1993. Novye nakhodki oruzhiya rannego zheleznnogo veka v lesostepnom Altai [New finds of Early Iron Age weapons in forest-steppe Altai]. *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri [Culture of ancient peoples of South Siberia]*. Yu. F. Kiryushin, A. B. Shamshin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 56–62.
- Ivanov G. E., 2005. Zheleznyy kinzhal s zoomorfnymi izobrazheniyami iz Altayskogo kraia [Iron dagger with zoomorphic images from Altai region]. *Pamyatniki arkheologii i khudozhestvennoe tvorchestvo [Monuments of archaeology and artistic activity]*, 3. B. A. Konikov, ed. Omsk: Nauka, pp. 27–31.
- Kossack G., 1992. Dolche und Gurtelzubehör aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundferbanden. *Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei)*. T. O. Höllmann, G. W. Kossack, Hrsg. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, pp. 97–106. (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie, 50.)
- Kubarev V. D., 1987. Kurgany Ulandryka [Ulandryk kurgans]. Novosibirsk: Nauka. 302 p.
- Litvinskiy B. A., Pichikyan I. R., 1981. Nozhny akinaka iz Baktrii [Akinac scabbard from Bactria]. *VDI*, 3, pp. 87–110.
- Mogil'nikov V. A., 1984. Mech s zoomorfnymi izobrazheniyami iz Verkhnego Priob'ya [Sword with zoomorphic images from Upper Ob' region]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian time]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 191–195.
- Mogil'nikov V. A., 1997. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. [Population of Upper Ob' region in mid – second half of I millennium BC]. Moscow: Pushchinskiy nauchnyy tsentr RAN. 196 p.
- Perevodchikova E. V., 1994. Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epokhi [Language of animal images. Essays on art of Eurasian steppes of Scythian epoch]. Moscow: Vostochnaya literatura. 206 p.
- Radlov V., 1891. Sibirskie drevnosti [Siberian antiquities], vol. 1, iss. 2. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii. 70 p.
- Shul'ga P. I., 2010. Sin'tsyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya) [Xinjiang in VIII–III cc. BC (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: Altayskiy gos. tekhnicheskii universitet. 238 p.
- Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Weaponry of the Sauromatae]. Moscow: AN SSSR. 163 p. (MIA, 101.)
- Tishkin A. A., 2006. Ob arkheologicheskikh nakhodkakh iz chastnykh kollektsiy [On archaeological finds from private collections]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological investigations]*, 2. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 147–154.
- Vasil'ev V. N., 2001. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do n. e. [Weaponry and warfare of South Ural nomads in VI–II cc. BC]. Ufa: Gilem. 153 p.
- Vasil'ev V. N., Obydenov M. F., 1994. Kinzhaly predsavromatskogo i savromatskogo vremeni iz Bashkirii [Daggers of pre-Sauromatian and Sauromatian time from Bashkiria]. *Vooruzhenie i voennoe delo drevnikh plemen Yuzhnogo Urala [Weapons and warfare of ancient tribes of South Urals]*. V. S. Gorbunov, ed. Ufa: Konkord-Invest, pp. 95–99.

Yablonskiy L. T., Rukavishnikova I. V., Shemakhanskaya M. S., 2011. «Zolotoy» mech iz tsarskogo kurgana № 4 mogil'nika Filippovka-1 [«Golden» sword from royal kurgan № 4 of cemetery Filippovka-1]. *VDI*, 4 (279), pp. 219–250.

Zavitukhina M. P., 1983. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoy kollektzii [Ancient art on Yenisei. Scythian time. Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo. 192 p.

About the authors

Frolov Yaroslav V., Altai State University, Lenina prosp., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: frolov_jar@mail.ru;

Tishkin Aleksey A., Altai State University, Lenina prosp., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru;

Ivanov Gennadiy E., High school No. 42, Krasnoarmeyskiy prosp., 133, Barnaul, 656031, Russian Federation; e-mail: ge80866@yandex.ru

И. В. Рукавишникова

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ АРЖАНА-5 (КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРЕДМЕТОВ, ДЕКОРИРОВАННЫХ В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ)

Резюме. Представленная работа посвящена сравнению декорированных предметов из исследуемого памятника Аржан-5 и уникального комплекса древней архитектуры Аржан-1, раскопанного и исследованного М. П. Грязновым в 70-е гг. XX в. В процессе исследования разрушенного каменного кургана было выявлено, что время его сооружения, тип конструкции, погребальный обряд во многом соответствуют грандиозному памятнику Аржан-1. Аржан-5, расположенный в 2,5 км к северо-востоку от кургана Аржан-1, имел радиальную деревянную конструкцию под насыпью. Полученные для этой конструкции радиоуглеродные калиброванные даты близки датам Аржана-1. В результате последних исследований получена подборка архаичных бронзовых предметов узды, в том числе и с изображениями в зверином стиле. Среди образов – свернувшаяся пантера, близкая по стилю знаменитой аржанской. Изображения этих памятников проанализированы в общей системе исследования звериного стиля. Автором сделан вывод, что все исследуемые изображения составляют общую группу раннего архаичного варианта звериного стиля аржанского горизонта.

Ключевые слова: звериный стиль эпохи ранних кочевников, Центральная Азия, каменная архитектура погребальных комплексов, Аржан, радиоуглеродное датирование, аржано-майэмирский период.

Одно из уникальных явлений древностей Евразийских степей – единство ранних кочевых обществ, как в материальной культуре, так и в искусстве (зверином стиле). Самые ранние образцы творчества и мировоззрения этих бесписьменных обществ найдены в самом центре Азии – на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Знаменитый курган Аржан-1, раскопанный в 70-гг. XX в. (Грязнов, 1980), – эталонный и загадочный комплекс с предметами древнего искусства Тувы и Центральной Азии – наряду с оленными камнями и херексурами Монголии стал определяющим в изучении истоков культуры и искусства раннего железного века Центральной Азии (Савинов, 2002. С. 32). Регион, включавший Центральную Азию и сопредельные территории, являлся одним из древних центров генерации культурных субстратов. Одним из важнейших

катализаторов этого процесса стала непосредственная близость подвижных сообществ к центрам древних цивилизаций (таких, например, как Древний Китай). Ранние кочевники Центральной Азии были во многом родоначальниками новшеств в основных предметах вещевого комплекса и мировоззрения кочевой культуры Евразии первого тысячелетия до н. э.

На семинаре о зверином стиле в 2013 г. автором был представлен доклад о системном подходе в изучении вариантов изображений звериного стиля разных регионов Евразии, основные подходы которого освещались ранее на конференции (*Рукавишников*, 2012. С. 161). Были сформированы открытые базы данных, где каждое изображение разбиралось по девяти признакам, таким как: А) местонахождение, Б) изделие, В) образ, Г) материал, Д) технология, Е) рельефность (наличие/отсутствие, степень рельефности), Ж) композиция, З) редуцированность (наличие/отсутствие, степень редуцированности), И) стилистические признаки (см.: табл. 1, рис. 1).

Выделение этих блоков и есть основа для формирования геоинформационных систем изображений в зверином стиле. Автором на примере выборки изображений от Нижней Волги до Тувы было продемонстрировано, что использование данных систем позволяет проследить векторы заимствований как стилистических, так и технологических новаций, а также помогает охарактеризовать каждый локальный вариант стиля и подобрать аналогии, используя корреляцию стилистических и технологических признаков.

Таким образом, формализованный (как и системный) подход к изучению большого количества разнообразных изображений разных вариантов стиля дает возможность перекрестного статистического анализа объединяющих признаков.

Представленный на двух конференциях метод, безусловно, даст много возможностей в исследовании отдельных вариантов стиля и отдельных изображений. Важно комплексную информацию о каждом из них собрать как можно достовернее.

Продолжая исследования в том же структурном ключе, автор обратился к самым ранним изображениям в ходе полевых изысканий в Туве. Экспедиция ИА РАН под руководством автора начала исследовать разрушенный памятник Аржан-5, который по ряду признаков соотносится с Аржаном-1 (*Рукавишников*, *Гладченков*, 2016). Исследования погребально-поминального комплекса Аржан-5 (2012–2016 гг.) доказали, что он напрямую связан с проблематикой кургана Аржан-1 и решением проблемы происхождения материальной культуры и искусства эпохи ранних кочевников Евразии.

Феномен Аржана-1 – это уникальная архитектурная конструкция, а также ранний и уже сложившийся вариант звериного стиля. Так, идея исследования Аржана-5 – это поиск и изучение как памятников раннего горизонта (типа кургана Аржан-1), так и (параллельно) ранних форм звериного стиля.

Несмотря на до сих пор неразрешенные разногласия ученых относительно даты сооружения, на современном этапе для деревянных конструкций комплекса Аржан-1 получены радиоуглеродные даты – IX–VIII вв. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху..., 2005. С. 67, 100), изучены останки многочисленных лошадей с уздой, исследован состав бронзовых изделий (*Пяткин*, 1983). Комплекс

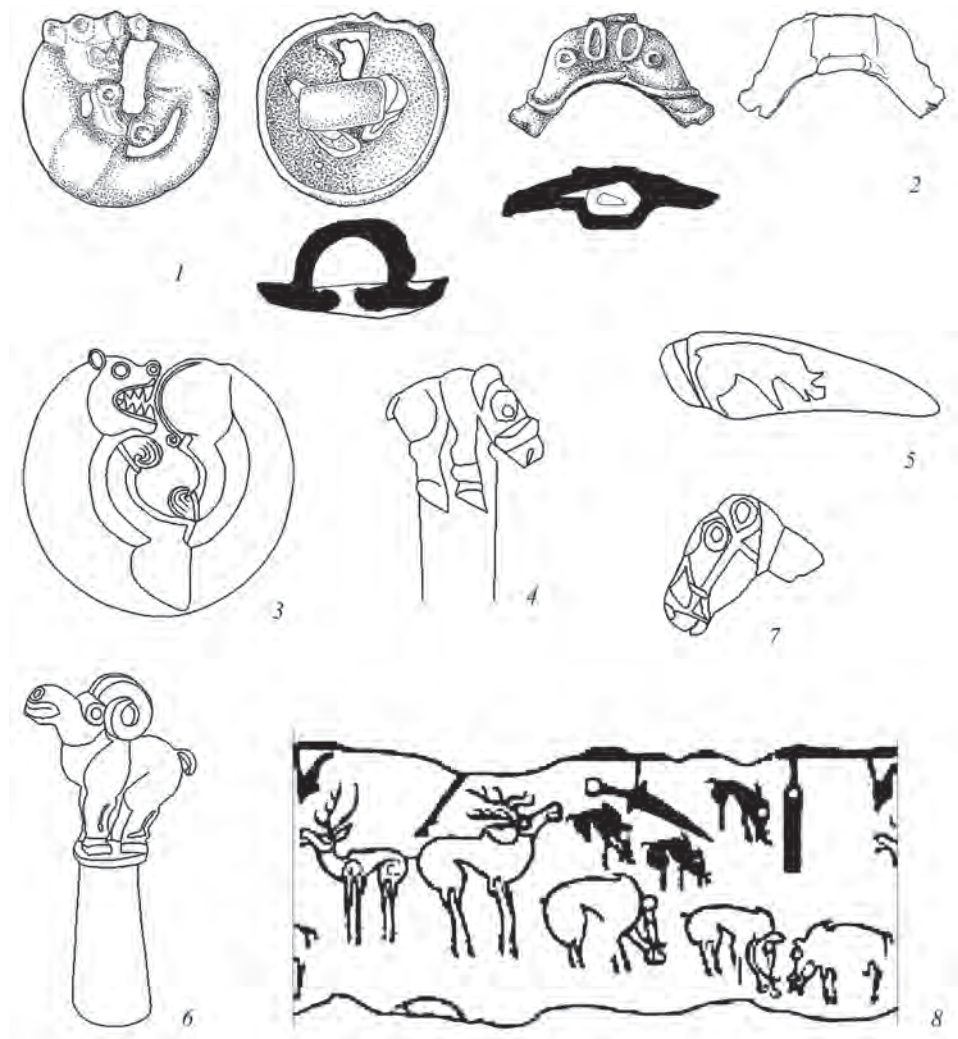

Рис. 1. Изображения в зверином стиле из курганов Аржан-1 и Аржан-5

(порядковые номера объектов соответствуют номерам в табл. 1):

3, 7 – по: Грязнов, 1980. С. 28. Рис. 15; 4 – по: Там же. С. 24. Рис. 14; 5 – по: Там же. С. 38. Рис. 24; 6 – по: Там же. С. 39. Рис. 25; 8 – по: Там же. С. 43. Рис. 29

был потревожен, но сохранил много элементов погребального обряда и архитектуры, изучение которых позволяет отнести памятник к разряду уникальных «царских» мемориалов.

Интерес к этой проблеме не ослабевает и требует поиска новых памятников и изображений (Кисель, 2015. С. 65).

Аржан-5 находился в 2,5 км к северо-востоку от Аржана-1 в долине реки Уюк, вблизи современного поселка Аржан. Предварительная информация о начале

**Таблица 1. Систематизация изображений в зверином стиле
из курганов Аржан-1 и Аржан-5. Датировка по ¹⁴C – IX–VIII вв. до н. э.**

№ п.п.*	Признаки**								
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И
1	Аржан-5, конское погр.	Бляшка- налобник?	Пантера	Cu+Sn	Литье по составной модели	Рельеф средний с мягкой моделировкой и выделен детальями	Композиция однофигурная, профильная, вписанная в круг	Образ целый	Контурное выделение элементов зверя, оскаленная пасть
2	« »	Уздечная пронизь- бляшка	Головы кабанов	« »	« »	« »	Композиция многофигурная, профильная, вертикально симметричная, сливающаяся	Образ редуцированный	Контурное выделение элементов зверя
3	Аржан-1, камера	Бляшка- налобник?	Пантера	« »	« »	« »	Композиция однофигурная, профильная, вписанная в круг	Образ целый	Контурное выделение элементов зверя, оскаленная пасть
4	Аржан-1, за срубом центр. погр.	Навершие	Кабан	« »	« »	Рельеф круглый	Поза «на пыпочках»	« »	Контурное выделение элементов

5	Аржан-1	Кабаний клык	« »	Клык	Резьба	Рельеф прочерч.	Композиция однофигурная, профильная	« »	Только силуэт с выражен. клыком и пятачком
6	Аржан-1, камера 26	Навершие	Баран	Cu+Sn	Литье по составной модели	Рельеф круглый	Композиция однофигурная	Образ редуцированный	Контурное выделение элементов
7	Аржан-1	« »	Голова лошади	« »	« »	« »	« »	« »	« »
8	« »	Олений камень	Кабаны, олени	Камень	Гравировка	Рельеф прочерч.	Многофигурная разноярусная композиция, сложносоставная с подчиненно- симметрич. композициями «на цыпочках»	Образы целые	Контурное выделение элементов зверя, буторок на лопатке

Примечания: * – порядковые номера соответствующих номерам на рис. 1.

** – буквенные индексы значений признаков соответствующих перечню признаков в тексте статьи.

изучения и датировке памятника опубликована (Рукавишников, Гладченков, 2016. С. 49). Однако исследования были продолжены, и полученные в ходе дальнейших раскопок материалы подтверждают ранее выдвинутые предположения и представляют новые данные для реконструкций, новые находки, в том числе и образцы древнего звериного стиля.

При разрушенной насыпи памятник выглядел круглым в плане каменным сооружением с радиальными западами и пустотами, благодаря которым на поверхности произрастает луговая растительность и деревья. В процессе раскопок удалось установить, что сооружение имело каменную ограду-крепиду диаметром 48 м в виде стены с горизонтальной кладкой и примыкающей к ней стены из многорядных вертикальных плит. Под каменной насыпью находилась деревянная конструкция, состоящая из клеток (сооружения из бревен и плах в два-три венца), радиально расположенных и выложенных на выбранной и углубленной поверхности внутри обводной стены. В центре, разрушенном грабительской воронкой, также обнаружены подпрямоугольные конструкции на глиняных фундаментах. В них найдены останки людей и лошадей, отдельные предметы погребального обряда. Клетки располагались вокруг центральных погребений, покрывая площадь круга диаметром до 32 м. Таким образом, это позволяет сделать вывод о виде погребальных конструкций: разрушенные камеры погребений находились на уровне древнего горизонта с галечными прослойками и илистой подложкой.

Получены калиброванные даты для клеток и центральных конструкций (Лаборатория ИИМК РАН, указаны интервалы наибольших вероятностей):

– для клеток: четыре даты из пяти показали значения, относящиеся к интервалу конец IX – VIII в. до н. э. (830–795BC, 830–795BC, 850–780BC, 835–775BC) (910–740 BC);

– для центральных конструкций: дерево из нижней части центральной конструкции (1350–500BC), дерево из верхней части центральной конструкции (910–740BC), из центра (850–720BC), 800–350BC). Край центральной конструкции (800–410BC), (1350–500BC).

Эти данные близки датам Аржана-1 (Евразия в скифскую эпоху..., 2005. С. 67).

По анализу разрозненного антропологического материала, с учетом дополнительных данных, можно утверждать, что в разрушенном погребении 1 были захоронены две женщины и подросток.

Найдены останки как минимум пяти лошадей – в северо-западном и северо-восточном секторах центра. Три головы лошадей оказались под обрушившейся деревянной конструкцией и частично сохранили остатки узды *in situ*.

Из вещевого комплекса, помимо керамики и орудий, зафиксированных в ограде и грабительской воронке, были найдены в центральных погребениях предметы узды: удила, подвески, бляшки, пронизи, пряжки (рис. 2). Среди них две бляхи в виде свернувшейся пантеры (рис. 2, 1) и четыре пронизи в виде противопоставленных голов кабанов (рис. 2, 2) с условно обозначенными, но четко узнаваемыми видовыми признаками. Восемь пронизей со щитком были украшены трехрядным жемчужным орнаментом (рис. 2, 3), восемь пронизей – простые биконические колечки (рис. 2, 4). Вместе с бронзовыми деталями узды были

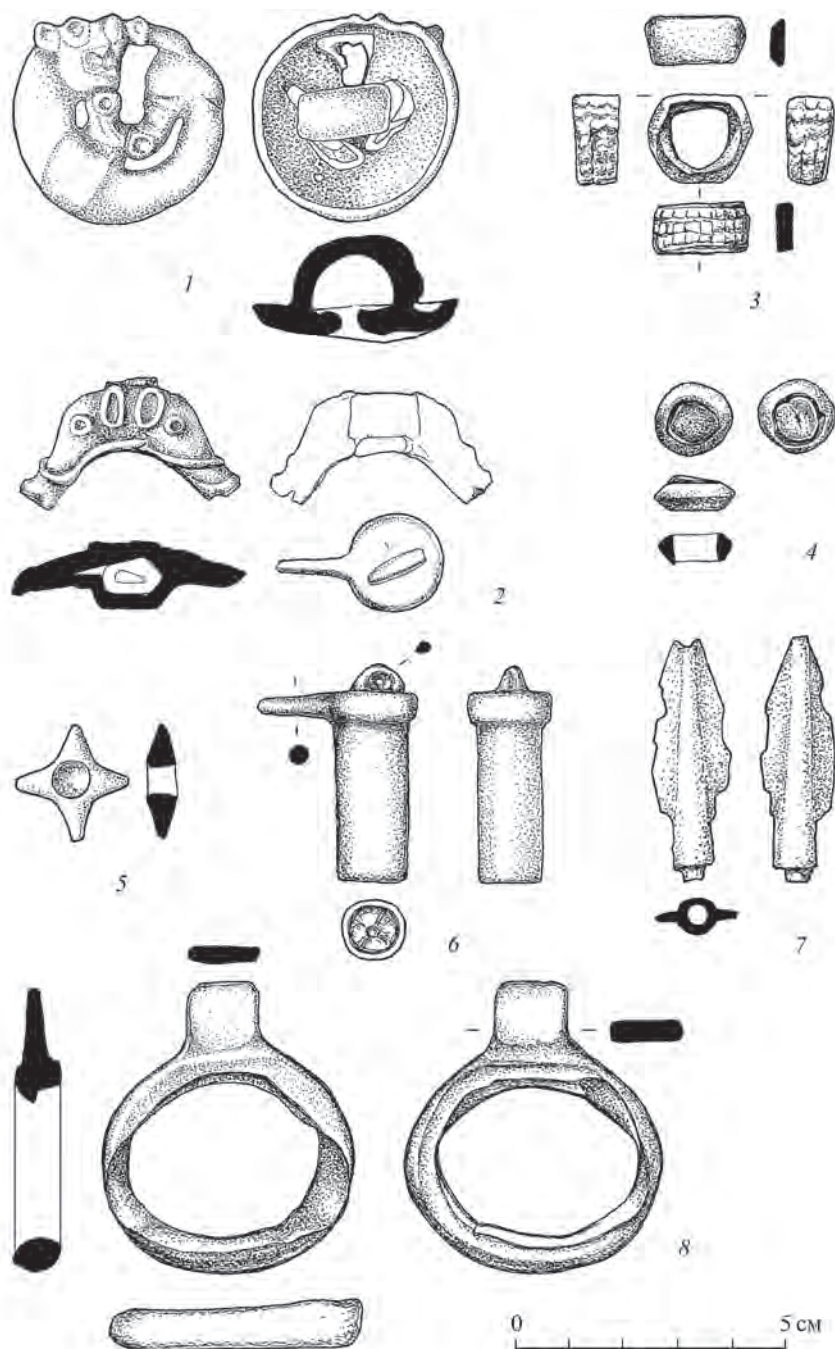

Рис. 2. Аржан-5, погребение 3. Бронзовые предметы

1 – уздечная бляха; 2–4 – уздечные пронизы; 5 – пронизь; 6 – наконечник плети; 7 – наконечник стрелы; 8 – уздечная пряжка. Рисунки автора

найлены и подвески из клыков кабана, обломки роговых предметов и костяная круглая накладка с отверстием. Подвески не имели ни отверстий, ни перетяжек. Следовательно, в погребальном обряде они были использованы вместо псалиев, как у лошадей в камере 31 Аржана-1, зафиксированных в уздечках без псалиев (Грязнов, 1980. С. 49). Кроме этих предметов были найдены бронзовые наконечники: плети (рис. 2, 6) и стрелы (рис. 2, 7).

Самое яркое изображение Аржана-5 – это свернувшаяся пантера (рис. 2, 1), украшавшая две уздечные бляшки. Возможно, эти украшения были налобниками.

Зверь показан в профиль и стилизован. Поверхность бляшки украшена (с мягкими переходами и без четких граней) с одной стороны. Основные элементы выделены рельефным контуром, это глаз, ноздря, ухо. Пасть с выраженной валиком губной складкой. Зубы противопоставлены, выделены загибающимися треугольниками. Лапы закруглены в замок. Хвост примыкает к носу, оканчивается рельефно выделенным кругом. В данном случае положение хвоста и кружки вместо когтей – это не хронологическое расхождение с большим прототипом, а технологическое упрощение в более мелком размере.

Бляха с пантерой соответствует известной бляхе со свернувшейся пантерой из Аржана-1. Как отметил В. А. Семенов, очень близка этому изображению пантера, выгравированная на Кош-пейском камне (Семенов, 2015. С. 73). Этот образ занимает первое и центральное место в ряду подобных, относящихся к раннескифскому времени: пантеры или кошачьи хищники из Майэмира – Алтая, Уйгарака – Древнего Хорезма, Чиликты – Семиречья, Зауралья, села Бейское Минусинской котловины.

Головы кабанов соответствуют наверху на кинжале из Аржана-1 (рис. 2, 2). Они изображены в профиль антитетично, как на перекрестиях кинжалов. Ушей по одному у каждого образа. Так, редуцированные образы формируют сливающуюся вертикально симметричную композицию. Отверстие для ремня округлое, как у пронизей, и близкого диаметра. Морды, вытянутые, с округлым лбом и приоткрытой пастью, заканчиваются небольшим расширением – «пяточком». Круглый глаз и овальное ухо обозначены рельефным контуром. Наискосок через всю морду проходит валик, образующий выступающий нижний клык, сливающийся с губой и ниже – скулой. Валики сливаются у двух антитетичных профилей в нижней части голов под скулой.

Самая близкая аналогия – навершие кинжала из Аржана. Очень похожие симметричные головки встречаются в древностях Минусинской котловины – на бляшках, навершиях и перекрестиях кинжалов (Членова, 1997. С. 61. Рис. 15).

Подвесок-клыков в разных видах много представлено в Аржане-1. М. П. Грязнов предположил, что они использовались вместо псалиев, как и в нашем случае. По наблюдению К. В. Чугунова (Бронников, Чугунов, 2015. С. 416), на миниатюрной головке лошади (навершии) на уздечке изображены клыки в разных местах ременных пересечений. Выделенные глаза, ноздри, ухо на головке лошади аналогичны этим деталям у голов кабанов и пантеры из Аржана-5.

Основные образы Аржана-1 – это пантера, кабан, баран и лошадь. На обнаруженном в кургане оленем камне зафиксированы образы оленей и кабанов. Пантера и кабан в том же стиле представлены в Аржане-5. Клыки кабанов найдены в обоих памятниках и являются (помимо функциональной значимости)

отдельным элементом в формировании декора уздечки – лошади в такой узде выглядели зубастыми, как кабаны и хищники. В комплексе узды Аржана-5 было найдено восемь пронизей с гладким щитком и трехрядным жемчужным орнаментом по ободу. Вблизи щитка находятся перемычки в орнаменте.

Предварительный анализ изображений по выделенным системным признакам демонстрирует однородность стиля всех изображений (табл. 1, рис. 1). Дополнительно введены и изображения с оленного камня, обладающие определенной спецификой и семантикой по сравнению с декором торевтики, а также относящиеся, по мнению исследователей, к чуть более раннему времени, так как оленный камень переиспользован в насыпи Аржана-1. Тем не менее образы этого декорированного объекта органично вписываются в систему признаков, позволяющую сравнивать важные элементы стиля, присущие предметам разного назначения, выполненным из разных материалов, в том числе и украшенным семантически сложными и простыми сценами. И эти изображения относятся к стилю аржанского горизонта, как и декор бронзовых и резных вещей из Аржана-1. Поэтому, вслед за другими исследователями, можно сделать вывод, что основные значимые элементы стиля повторяются в разных формах этого искусства (Семенов, 2015. С. 73).

Для бронзовых предметов в системе признаков выделяются рельеф, общие технологические особенности и близкий состав. В Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным на спектрометре ArtTAX (Brüker) проведен анализ проб, отобранных с 37 найденных в Аржане-5 предметов (табл. 2).

В проанализированном наборе, кроме декорированных предметов, восемь пронизей со щитком и с жемчужным орнаментом и восемь биконических, две пряжки, стертые, с выделяющимся шпеньком (рис. 2, 8), удила с ребристыми стержнями, кольчатые. В наборе присутствуют достаточно архаические элементы, такие как пряжки со шпеньком, пронизи с жемчужным орнаментом и пронизь в виде вогнутого ромба (рис. 2, 5). Кроме того, обнаружен архаический наконечник стрелы – втульчатый, листовидный, двухлопастной (рис. 2, 7).

По заключению С. В. Хаврина, при изготовлении большинства изделий проанализированной коллекции Аржана-5 использовалась оловянистая бронза, и только шесть предметов сделаны из бронзы мышьяковистой (табл. 2). В группу оловянистой бронзы вошли, кроме прочих, «бляха в виде пантеры, двое удила из камеры 37, двое разнотипных удила из камеры 1, навершие в виде барана и оба кинжала» (Хаврин, 2003. С. 173). В группе мышьяковистой бронзы оказались в основном архаические изделия (наконечник стрелы, пронизь в виде вогнутого ромба), а также одни из удила, у которых, кстати, одно звено было сделано из оловянистой бронзы. Стоит также подчеркнуть, что все декорированные предметы (пряжки, наконечник плети и др.) Аржана-5 выполнены, как и в Аржане-1 (Пяткин, 1983), из оловянистой бронзы.

На подобный характер распределения сплавов С. В. Хаврин указывает в работе по тасмолинским материалам Казахстана, где при общем преобладании оловянистых бронз в это время зафиксировано небольшое число ограниченного количества типов изделий из мышьяковистых бронз: элементы конского снаряжения, наконечники стрел, зеркала (Бейсенов, Хаврин, 2015. С. 530).

Таблица 2. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа состава изделий из сплавов на основе меди из Аржана-5

<i>Предмет</i>	<i>As</i>	<i>Sn</i>	<i>Pb</i>	<i>Sb</i>	<i>Ag</i>	<i>Прочие</i>
<i>Уздечная бляха-пантера</i>	3–4	12–14	< 0,6	Сл.	Сл.	Ni < 0,6, Fe
<i>«Подпругная пряжка»</i>	< 0,3	3–4	< 0,2	–	Сл.	Fe, Ni, Bi
« »	< 0,2	3–5	< 0,4	–	Сл.	Fe
Уздечная пронизь	1–2	23–28	Сл.	Сл.	–	Fe, Ni < 0,6
« »	1–2	24–27	Сл.	–	–	Fe, Ni < 0,5
Кольцо	1–2	–	–	< 0,3	< 0,3	Fe, Ni < 0,5
<i>Пронизь в виде звезды*</i>	1–3	–	< 0,5	< 0,6	< 0,2	Ni < 0,5, Fe
<i>Наконечник плети</i>	4–6	6–8	< 1	< 0,3	Сл.	Ni < 0,6, Fe
<i>Уздечная бляха-пантера</i>	4–5	19–23	2–3	< 0,5	< 0,4	Ni < 0,4, Fe, Bi
Уздечная пронизь	1–3	18–23	?	Сл.	Сл.	Ni < 0,5, Fe
<i>Наконечник стрелы</i>	5–6	~ 1	< 0,8	< 0,3	< 0,3	Ni < 0,6, Fe, Bi
Уздечная пронизь	< 0,8	15–20	Сл.	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	~ 1	14–18	–	?	–	Ni < 0,4, Fe
« »	1–2	16–20	–	–	Сл.	Ni < 0,5, Fe
« »	1–2	20–27	–	–	–	Ni < 0,4, Fe
Пронизь	1–2	20–24	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
Пронизь-колечко	1–2	18–22	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	1–3	18–22	Сл.	–	Сл.	Ni < 0,5, Fe
Уздечная пронизь	< 1	14–18	Сл.	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	~ 1	14–18	?	–	–	Ni < 0,5, Fe
Пронизь-колечко	1–2	20–25	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	1–2	20–24	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
Пронизь	~ 1	15–20	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	1–2	20–25	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	~ 2	22–26	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
<i>Удила 1</i>	3–4	–	< 0,7	< 0,3	Сл.	Ni < 0,6, Fe, Bi
« »	5–7	–	Сл.	< 0,4	Сл.	Ni, Fe, Bi
<i>Удила 2</i>	< 0,7	–	< 0,5	–	Сл.	Ni < 0,6, Fe, Bi
« »	2–3	2–3	2–3	< 0,3	< 0,3	Ni < 0,4, Fe, Bi
<i>Пронизь – головы кабанов</i>	1–2	20–24	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	1–2	20–25	–	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	1–2	18–22	Сл.	–	–	Ni < 0,5, Fe
« »	1–2	18–22	–	–	–	Ni < 0,5, Fe

Примечание: * – анализировались продукты коррозии

Изделия из Аржана-5 принадлежат к кругу древнего стиля аржано-майэмирского горизонта (*Шер*, 1979. С. 118), точнее к аржанскому горизонту. Мягкие формы дополняются четкими стилистическими выделениями мышечного рельефа, как у пантеры из Аржана-1, а лаконичные детали, выделенные рельефным контуром, являются стилообразующими элементами и четко определяют вид. У крупных изделий подчеркивание деталей четкое и изящное. Это такие детали, как: вписанные друг в друга когти, манжеты на лапах, выделенный линией очес на лапах, спиральный завиток на кончике хвоста, губная складка вокруг пасти. Более мелкие аналоги, как образ из Аржана-5, оформлены проще: окружности на лапах и кончике хвоста.

В результате вышеизложенных сравнений можно сделать вывод, что памятник Аржан-5 принадлежит к кругу Аржана-1, планиграфически формирует с ним единую цепочку курганов и связан общей историей. Образы на предметах Аржана-5 и Аржана-1 относятся к одному кругу звериного стиля, а сами бронзовые изделия – к одной литейной традиции.

Эта работа – первый результат изучения и интерпретации такого памятника, как Аржан-5, раскопки которого продолжаются, и окончательные и развернутые выводы по звериному стилю будут изложены в дальнейшем.

Наше исследование не дает дополнительной информации о происхождении этого феномена – сложившегося стиля Аржана-1, но расширяет базу данных для перекрестного анализа взаимовстречаемости элементов декора предметов, их технологических особенностей, архитектуры самого комплекса. Горизонт Аржана-1 представляет также и комплекс Аржана-5 – памятника менее грандиозного, но, в отличие от памятников монгун-тайгинского типа, насыщенного разнообразными конструктивными и обрядовыми элементами, аналогичными монументальному прототипу.

Подобные памятники необходимо исследовать дальше, чтобы увеличить выборку ранних образцов звериного стиля, что позволит полнее воссоздать историю его сложения в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсейнов А. З., Хаврин С. В.*, 2015. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 17. № 3 (2). С. 526–531.
- Бронников А., Чугунов К.*, 2015. Сокровища Долины царей Тувы: атлас-альбом древнего искусства. М.; СПб.; Кызыл: Фонд Кужугета Шойгу.
- Грязнов М. П.*, 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 64 с.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / Науч. ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Кисель В. А.*, 2015. Начало кочевнической культуры в центре Азии // АСГЭ. Вып. 40: мат-лы и иссл. по археологии Евразии. СПб.: ГЭ. С. 54–68.
- Пяткин Б. Н.*, 1983. Результаты спектрального анализа бронз кургана Аржан // *Древние горняки и металлурги Сибири: межвуз. сб.* Барнаул: АГУ. С. 84–96.
- Рукавишникова И. В.*, 2012. Применение пространственного анализа изображений для изучения звериного стиля ранних кочевников Евразии // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М. П. Грязнова*. Кн. I. СПб.: Периферия. С. 166–171.
- Рукавишникова И. В., Гладченков А. А.*, 2016. Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине // *КСИА*. Вып. 243. С. 49–58.

- Савинов Д. Г., 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ. 204 с.
- Семенов Вл. А., 2015. Искусство варварских племен. СПб.: ООО Типография НП-Принт. 400 с.
- Хаврин С. В., 2003. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. Кн. 2. СПб. С. 171–173.
- Членова Н. Л., 1997. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: ИА РАН. 98 с.
- Шер Я. А., 1979. Особенности раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. всесоюзн. археол. конф. Кемерово. С. 116–120.

Сведения об авторе

Рукавишникова Ирина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

I. V. Rukavishnikova

ANIMAL STYLE OF ARZHAN-5
(AN INTEGRATED APPROACH EMPLOYED
IN THE STUDIES OF ITEMS DECORATED IN THE ANIMAL STYLE)

Abstract. This paper compares ornamented items from Arzhan-5, which is a site under investigation, and a unique assemblage of ancient architecture known as Arzhan-1, which was studied by M. P. Gryaznov in the 1970s. The excavation of the destroyed stone kurgan revealed that the time of its construction, the type of design, and the burial rite were largely in line with monumental Arzhan-1. Arzhan-5 is located 2,5 km north-east of the Arzhan-1 kurgan and contains a wooden radial construction placed under the mound. Calibrated ^{14}C dates obtained for this construction are similar to the dates from Arzhan-1. Recent excavations have yielded a sample of archaic bronze parts of bridles, including those featuring images made in the animal style. One of the images is a coiled panther stylistically similar to a famous Arzhan find. Images from these sites have been analyzed within the overall system of studies dedicated to the animal style. The author has come to the conclusion that all studied images form part of the same group of an early archaic variant of the animal style identified in the Arzhan horizon.

Keywords: animal style of the early nomadic period, Central Asia, stone architecture of funeral sites, Arzhan, radiocarbon dating, Mayemir period.

REFERENCES

- Beyseyinov A. Z., Khavrin S. V., 2015. Metallicheskie izdeliya tasmolinskikh pamyatnikov Tsentral'nogo Kazakhstana [Metal items of Tasmola sites in Central Kazakhstan]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of Samara scientific centre of RAS]*, vol. 17, no. 3 (2), pp. 526–531.
- Bronnikov A., Chugunov K., 2015. Sokrovishcha Doliny tsarey Tuvy: atlas-al'bom drevnego iskusstva [Treasures of Tuva Kings' Valley: atlas-album of ancient art]. Moscow; St. Petersburg; Kyzyl: Fond Kuzhugeta Shoygu.

- Chlenova N. L., 1997. Tsentral'naya Aziya i skify. Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kul'tur skifskogo mira [Central Asia and Scythians. Date of kurgan Arzhan and its position in system of cultures of Scythian world]. Moscow: IA RAN. 98 p.
- Evrasiya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya [Eurasia in Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology]. G. I. Zaytseva, ed. St. Petersburg: Teza, 2005. 290 p.
- Gryaznov M. P., 1980. Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan. Royal kurgan of early Scythian time]. Leningrad: Nauka. 64 p.
- Khavrin S. V., 2003. Metall skifskikh pamyatnikov Tuvy i kurgana Arzhan [Metal of Scythian sites in Tuva and Arzhan kurgan]. Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov' [Steppes of Eurasia in antiquity and Middle Ages]. Transactions of international scientific conference devoted to centenary of M. P. Grayznov. St. Petersburg. Book 2. Pp. 171–173.
- Kisel' V. A., 2015. Nachalo kochevnicheskoy kul'tury v tsentre Azii [Beginning of nomad culture in centre of Asia]. *ASGE*, 40. St. Petersburg: GE, pp. 54–68.
- Pyatkin B. N., 1983. Rezul'taty spektral'nogo analiza bronz kurgana Arzhan [Results of spectral analysis of bronzes from kurgan Arzhan]. *Drevnie gornyaki i metallurgi Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik [Ancient miners and metallurgists of Siberia: high school collection of articles]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 84–96.
- Rukavishnikova I. V., 2012. Primenenie prostranstvennogo analiza izobrazheniy dlya izucheniya zverinogo stilya rannikh kochevnikov Evrazii [Application of spatial analysis of images for investigation of Eurasia's early nomads' animal style]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Gryaznova [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations: transactions of international conference devoted to 110th anniversary of M. P. Gryaznov]*, I. St. Petersburg: Periferiya, pp. 166–171.
- Rukavishnikova I. V., Gladchenkov A. A., 2016. Issledovaniya Arzhana-5 v Turano-Uyukskoy kotlovine [Explorations of Arzhan-5 in the Turan-Uyuk depression]. *KSIA*, 243, pp. 49–58.
- Savinov D. G., 2002. Rannie kochevniki Verkhnego Eniseya. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез [Early nomads of Upper Yenisei. Archaeological cultures and cultural genesis]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet. 204 p.
- Semenov V. I., 2015. Iskusstvo varvarskikh plemen [Art of barbarian tribes]. St-Petersburg: OOO Tipografiya NP-Print. 400 p.
- Sher Ya. A., 1979. Osobennosti rannego etapa skifo-sibirskogo zverinogo stilya [Features of early stage of Scythian-Siberian animal style]. *Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva: tezisy dokladov vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii [Problems of Scythian-Siberian cultural historical unity: abstracts of All-Union archaeological conference]*. Kemerovo, pp. 116–120.

About the autor

Rukavishnikova Irina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

М. А. Очир-Горяева

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЯ В ИСКУССТВЕ СКИФСКОЙ ЭПОХИ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Резюме. Статья посвящена анализу изображений лошади в скифо-сибирском зверином стиле классического скифского времени второй половины VI – IV в. до н. э. степной зоны Евразии. Особое внимание в ходе исследования было уделено изображениям коней с нетронутой гривой и без узды как представителям дикой природы. Только эти изображения могут служить источником для выявления роли коня в сакральной сфере культуры. Установлено, что изображения коней в зверином стиле довольно редки и исчисляются по всей степной зоне Евразии несколькими десятками. Для образа лошади отсутствуют разработанные каноны, характерные для изображений «популярных» образов скифского звериного стиля: оленей, хищников, хищных птиц. Можно сказать, изображения коня носят нерегулярный характер, не образуют канонических групп и типологических линий. Значительную долю составляют изображения взнузданных лошадей с всадником, а также коней с подстриженной гривой, что отображает роль коня в процессе его использования как боевого или хозяйственного транспортного животного. Единичность изображений коней с нетронутой гривой как представителей дикой природы в скифском зверином стиле, и особенно в сценах терзания, указывает на то, что конь не входил в божественный пантеон скифов и других племен скифского времени степной Евразии.

Ключевые слова: степи, Евразия, звериный стиль, образ коня, скифская эпоха, профанная и сакральная сферы культуры.

В скифскую эпоху на обширном пространстве степной Евразии господствовало особое мировоззрение. Оно воплотилось и дошло до нас в виде высокохудожественных по исполнению и необычайно сакрализованных по содержанию предметов, украшенных в зверином стиле. Основными образами скифского звериного стиля являются олени, бараны, хищники кошачьей или волчьей породы и хищные птицы. Наиболее частые персонажи звериного стиля могли быть тотемными предками, служить воплощением природных стихий, определяющих миропорядок, символизировать в сценах терзания противостояние добра и зла, смену времен года и т. д. Так или иначе, семантика изображений скифского звериного стиля носит явный религиозно-мифологический характер.

В данной работе проведен обзор изображений коня в изобразительном искусстве скифов степей Северного Причерноморья, а также кочевников скифской эпохи степей Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и степных долин Горного Алтая. Хронологические рамки ограничены классическим скифским временем – второй половиной VI – IV в. до н. э. Особое внимание в ходе исследования было уделено изображениям коней с нетронутой гривой и без узды как представителям дикой природы. Только эти изображения могут служить источником для выявления роли коня в сакральной сфере культуры.

Изображения коня в памятниках Северного Причерноморья

Изображения коня в памятниках Северного Причерноморья отмечены в основном на предметах торевтики со сценами жизни и быта скифов. Их можно подразделить на две категории: взнузданные, оседланные кони и кони без узды. Изображения коней с уздой немногочисленны, почти все они (всего 15) были собраны в монографии Б. Н. Мозолевого и С. В. Полина (2005. Рис. 144–146). К этой выборке можно добавить золотую пластину из Гермесова кургана с изображением поединка двух скифов – конного и пешего, а также ажурную пластину из погребения 4 кургана 11 Рогачикского курганного поля (в окрестностях с. Гюновки) со сценой так называемой «священной охоты»: всадник, преследующий оленя. На обоих предметах кони оседланы и взнузданы (*Горелик*, 1971. Рис. 1; *Scythian Gold... Cat. № 123*).

Изображения коня без узды в Северном Причерноморье еще более редки, их насчитываются единицы. Налобник из Александропольского кургана оформлен в виде скульптурной головки коня с коротко остриженной гривой. Щиток налобника украшен растительной пальметкой. Несмотря на отсутствие узды на голове коня, это изображение можно отнести к первой категории изображений – конь как транспортное животное в военной или хозяйственной сфере деятельности человека (*Мозолевский*, 1979. С. 78. Рис. 59а–в; *Dally*, 2007. S. 235. Abb. 2). Основанием для такого заключения является остриженная грива коня. Гривы стригли только обьезженным лошадям, которых человек использовал в хозяйственных или военных целях, как транспортное животное.

В зверином стиле скифов Северного Причерноморья насчитываются сотни, а возможно, уже тысячи изображений оленя в различных позах. Наиболее распространенными, можно сказать главными, являются сцены терзания оленя хищниками. Что касается лошадей, то главными являются сцены битвы, охоты и бытовые сцены. В этих сюжетах лошадь взнуздана и находится при исполнении своей основной роли – ездового животного.

Именно поэтому два сюжета с участием лошади в ритуальных действиях, наряду с главным сакральным животным скифской эпохи – оленем, требуют отдельного рассмотрения. Речь идет об изображении коней на одном из фризов знаменитой пекторали из Толстой могилы (рис. 1). Сцены с участием людей и животных на внутреннем, малом фризе пекторали были не раз объектом исследований (*Мозолевский*, 1971. С. 214–226; *Раевский*, 1978. С. 117; *Мачинский*, 1978. С. 131–151; *Кузьмина*, 2002. С. 124–145).

Пектораль состоит из трех фризов. Первый, малый (или внутренний), с наименьшим диаметром – это мир человека и домашних животных. На внутреннем

Рис. 1. Толстая могила. Пектораль, золото (по: Dally, 2007. S. 295. Abb. 2)

фризе пекторали из Толстой могилы имеется два изображения лошади: лошадь с левой стороны пекторали показана стоящей около лежащего, видимо только что родившегося жеребенка. Лошадь с правой стороны пекторали изображена с жеребенком, уже приложившимся к вымени. Гривы обеих кобылиц не тронуты. Видимо, это табунные кобылы, неприрученные. Малый фриз обрамляет второй, средний – мир природы, небо или рай с цветами и райскими птицами. Третий, внешний фриз пекторали является обрамляющим фризом, самым большим и, скорее всего, по мысли создателя, главным. Он обрамляет малый и средний фриз и, думается, символизирует собой космический мир. Исходя из предлагаемого понимания иерархии фриз пекторали, можно предположить, что на внешнем фризе нашли отражение представления об устройстве мира, смене дня и ночи, времен года, климатических изменениях, борьбе добра и зла, т. е. об основах космического и человеческого бытия.

Рассмотрим более подробно изображения на внешнем (космическом) фризе пекторали из Толстой могилы. Края внешнего фриза оформлены симметрично. В самом узком месте изображены один за другим два насекомых, скорее всего кузнечики. Далее, ближе к середине пекторали, с правой стороны изображена сцена терзания кабана двумя хищниками, один из которых, несомненно, лев, а второй, скорее всего, львица. С левой стороны пекторали – аналогичная сцена терзания той же парой хищников, что и с правой стороны, только не кабана, а оленя с ветвистыми рогами. Всю центральную часть нижнего фриза занимает изображение трех лошадей с неподстриженной гривой, без узды, терзаемых шестью грифонами. Симметричность просматривается и здесь. Правая и левая лошади направлены мордами к центру. Центральная лошадь находится непосредственно на вертикальной оси трех фриз. На этой оси находятся изображения двух скифов со шкурой овцы на малом фризе, центральная и самая крупная розетка-трилистник – на среднем фризе. Позы лошадей на внешнем фризе различаются. Правая лошадь стоит на всех четырех конечностях, несколько

упираясь задними ногами, головой ориентирована налево. Центральная лошадь также ориентирована головой налево, но находится уже в полураспластанной позе, правая передняя нога подогнута, левая задняя нога оттянута назад. Один из фантастических хищников стоит на этой ноге и терзает загривок лошади. Левая лошадь ориентирована головой направо, к центру, круп лошади находится на земле, т. е. она уже повержена двумя хищниками, вцепившимися ей в загривок и голову. По всей видимости, это иллюстрация некоего религиозного мифа, в котором лошади отведена роль страдающего поверженного животного.

Похожая сцена терзания изображена на золотых ножнах меча из той же Толстой могилы (Scythian Gold... Cat. № 122). В широкой части ножен изображен олень в полураспластанной позе, терзаемый точно таким же фантастическим хищником, что и на пекторали. Далее, ближе к узкому концу ножен, изображена распластанная лошадь, ориентированная головой в противоположном направлении. Грива лошади не видна полностью, но, судя по аналогии с изображениями на пекторали, скорее всего, не подстрижена. Лев, запрыгнувший на спину лошади, терзает ее загривок. Спереди на лошадь нападает уже упоминавшийся фантастический крылатый хищник. Далее, еще ближе к узкому концу ножен, показана сцена: убегающий олень, в круп которого вцепилась львица. Фриз заканчивается изображением парочки хищников – льва и львицы, обращенных мордами друг к другу. Таким образом, в рассмотренном фризе лошади отведена такая же роль терзаемого копытного, как и оленю.

Подводя итог, можно констатировать, что изображения терзаемых хищниками лошадей на пекторали и на ножнах меча из Толстой могилы являются уникальными для степной зоны Евразии скифской эпохи. Сцена с терзанием лошади отмечена еще только на поясной пластине из Сибирской коллекции Петра I, но она датируется более поздним временем и относится к эпохе «золото-бирюзового стиля» (Руденко, 1962. Табл. VII, 7, 8).

Образ коня в зверином стиле кочевников Нижнего Поволжья

В Нижнем Поволжье к предметам с изображением лошади можно отнести единственную золотую бляшку с лежащим животным, демонстрирующую весьма распространенный для евразийских кочевников иконографический тип. Бляшка прямоугольной формы изготовлена из золотой фольги с дырочками для пришивания по краям изделия. На ней оттиснуто изображение лежащего копытного животного, скорее всего лошади (Дворниченко и др., 1997. Рис. 2, 1). Е. Ф. Королькова включила изображение из Комсомольского в небольшую серию из 6 бляшек с изображением лежащей крылатой лошади и такую же немногочисленную серию изображений «бескрылых» лошадей. На крылатость лошади из Комсомольского, так же как и на других изображениях, по ее мнению, указывает небольшой бугорок, которым заканчивается грива в районе плеча. Прототипами для крылатых лошадей, по заключению Е. Ф. Корольковой, послужили золотые бляшки из Аржана-2 и случайная находка из Минусинского края, датирующиеся VII в до н. э. Остальные изделия этой серии, а также изображения лежащих и стоящих «бескрылых» лошадей являются случайными находками из Южной Сибири и Северного Китая, только две из них происходят из погребений уюкской культуры Саянского нагорья

V–IV вв до н. э. (Саглы-Бажи-II, к. 13 и Кош-пей-I, к. 1). Подобные изображения лошадей неизвестны в европейской части евразийских степей (*Королькова*, 2006. С. 51–53. Табл. 15, 16).

В то же время бляшка с изображением лошади из Комсомольского вполне логично входит в серию золотых бляшек (из однокультурных памятников Нижнего Поволжья), на которых изображены кошачьи хищники и фантастическое животное с лапами хищника и витым рогом. Способ ношения трех из шести золотых бляшек реконструируется по их расположению на костях погребенных. Прямоугольные бляшки из золотой фольги с оттиснутыми на них зооморфными изображениями нашивались на костюм в верхней части плеча или на воротник с правой стороны (*Очир-Горяева*, 1993. С. 35–38). Очень похожие аналогии серия нижне-волжских бляшек имеет в погребении из Покровки на Южном Урале, где были найдены три бляшки с изображением хищника (*Яблонский и др.*, 1994. С. 33–35. Рис. 76, 2–10, 12–20). Таким образом, изображение на бляшке из Комсомольского является самым западным в своей иконографической серии, и в то же время сама бляшка не является чем-то чужеродным, входя в серию золотых бляшек с явно одинаковым функциональным назначением. Единственная бляшка с изображением лошади из Нижнего Поволжья, а также единичные аналогии ей из восточных регионов выглядят как исключения, подтверждающие закономерность – образ лошади не был популярен в репертуаре звериного стиля Евразии в скифскую эпоху.

Изображения коня в искусстве кочевников Южного Приуралья

В Южном Приуралье известны пока только два полных изображения лошади. В обоих случаях они представлены как ездовые животные (с всадниками). В кургане 1 Филипповского могильника имеется пластинчатая накладка с изображением всадника на коне. Несмотря на ажурность, изображение отличается проработанными деталями костюма всадника и конструкции уздечки, на ногах низкорослой лошади показана шерсть (*Королькова*, 2006. Табл. 16). Из кургана 10 Переволочанского могильника происходят три фрагментированные бляшки для нащечных ремней в виде фигурки всадника с конем. Изображения довольно схематичные, копыта лошадей соединены внизу горизонтальной планкой (*Ochir-Goryaeva*, 2005. Рис. 77). Из того же первого Филипповского кургана происходит золотая обкладка рукоятки деревянного сосуда в виде головы лошади без узды, но с аккуратно подстриженной и зачесанной гривой, что указывает на обьеженность и использование в хозяйстве (Золотые олени Евразии... Кат. 90). Получается, что в Южном Приуралье лошади изображены в сопровождении всадника или с подстриженной гривой.

Образ коня в зверином стиле кочевников Горного Алтая

В изобразительном искусстве населения Горного Алтая скифской эпохи, несмотря на чрезвычайное разнообразие и изобилие образцов звериного стиля, изображения коня также единичны. Они, так же как в других регионах, делятся на две категории: оседланные лошади с уздой и лошади без узды и седла. В ходе анализа, однако, выяснилось, что на изображениях кони без узды имеют (все без исключения) подстриженную гриву, что свидетельствует о том, что они также обьежены и востребованы в хозяйстве.

Начнем описание с наиболее известного сюжета – изображения всадника на ковре из Пятого Пазырыкского кургана. В этой сценке лошадь выполняет роль ездового животного, в то время как к культовой или религиозно-мифологической сфере имеет отношение восседающая богиня (или жрица), трон которой является частью ветвистого дерева или растения с фигурными подвесками (*Руденко*, 1953. Табл. ХСV). К этой же категории относятся изображения лошадей на золотой бляшке со сценой, известной в археологической литературе как «Отдых в пути». Сидящая под деревом жрица в головном уборе, врастающем в крону дерева, имеет отношение к сакральной сфере, а две взнузданные и оседланные лошади в данном сюжете являются ездовыми животными мифологических героев (*Руденко*, 1962. Табл. VII, 1, 7). К серии изображений оседланных и взнузданных лошадей относится бляха из могильника Сибирка (*Королькова*, 2006. Табл. 19, 3). Для темы нашего исследования представляет интерес также изображение группы всадников на золотом цилиндрическом футляре из Сибирской коллекции Петра I. М. П. Грязнов считал, что изображение это не поддается датировке (*Грязнов*, 1959. С. 6–31). Позднее изображение группы всадников было привлечено С. И. Руденко при рассмотрении сюжетов изобразительного искусства пазырыкской культуры. Он назвал ее «Сцена воинов, возвращающихся после битвы» (*Руденко*, 1962. Рис. 29). Стиль изображения лошадей, на мой взгляд, совпадает со стилем на золотой поясной бляшке «Отдых в пути». Для темы данного исследования важно, что гривы всех семи лошадей на развертке коротко и аккуратно подстрижены. Сами кони взнузданы и оседланы (*Руденко*, 1960. Рис. 153).

В Большом Катандинском кургане были найдены две скульптурные фигурки лошадей, вырезанные из дерева. Изображения их очень реалистичны, все четыре ноги лошадей вырезаны отдельно. Голова одной лошади направлена прямо вперед, голова другой повернута влево. Узды на головах катандинских лошадей не показана. Важным для нашего исследования является, однако, то, что грива обеих лошадей коротко и ровно подстрижена и на спине показаны в рельефе приподнятые края седел. Получается, что фигурки изображают лошадей обьеженных и оседланных.

Перейдем к рассмотрению изображений коней без узды и седел. Их несколько. Наиболее реалистичными среди них являются четыре деревянных навершия из кургана Кутургунтас в виде головок коня (*Полосьмак*, 2001. Рис. 83). Этих коней также можно отнести к первой категории лошадей, обьеженных и используемых в хозяйстве, поскольку грива их коротко и ровно подстрижена. Не оставляющими сомнения в видовой принадлежности изображенных животных являются и геральдические парные головки лошадей из пятого Пазырыкского кургана, у которых также коротко и ровно подстрижена грива (*Кубарев*, 1981. Рис. 3). Относительно изображений коня на рукоятках нагаек из 2 и 4 Пазырыкских курганов, а также серебряного украшения пояса из 2 Пазырыкского кургана с распластанной фигурой лошади можно констатировать, что все они также характеризуются коротко и ровно подстриженной гривой (*Королькова*, 2006. Табл. 13).

Среди образцов звериного стиля из Горного Алтая особое место занимают скульптурные фигурки животных – украшения войлочных головных уборов погребенных пазырыкской культуры. Этим фигуркам была посвящена статья В. Д. Кубарева (1981. С. 84–94), где подробно описана серия скульптурок

животных из курганов, раскопанных в основном самим автором статьи, а именно: Барбугазы, Юстыд, Уландрык (рис. 2). В рассматриваемую серию В. Д. Кубарев включил и две упомянутые выше фигурки коней из Большого Катандинского кургана. Именно они послужили основой для интерпретации остальных фигурок как изображений лошадей.

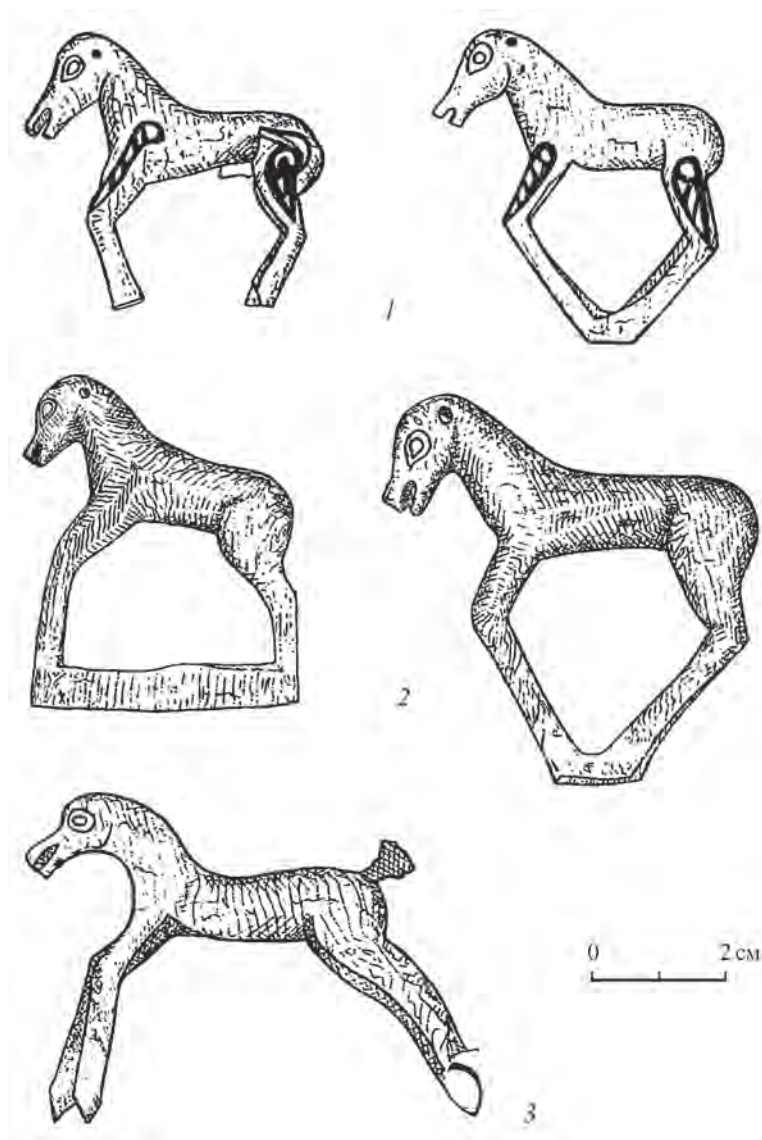

Рис. 2. Горный Алтай. Фигурки оленят

1 – Барбугазы-II, курган 18; 2 – Уландрык-I, курган 1; 3 – Юстыд-XII, курган 22 (по: Кубарев, 1981. Рис. 2)

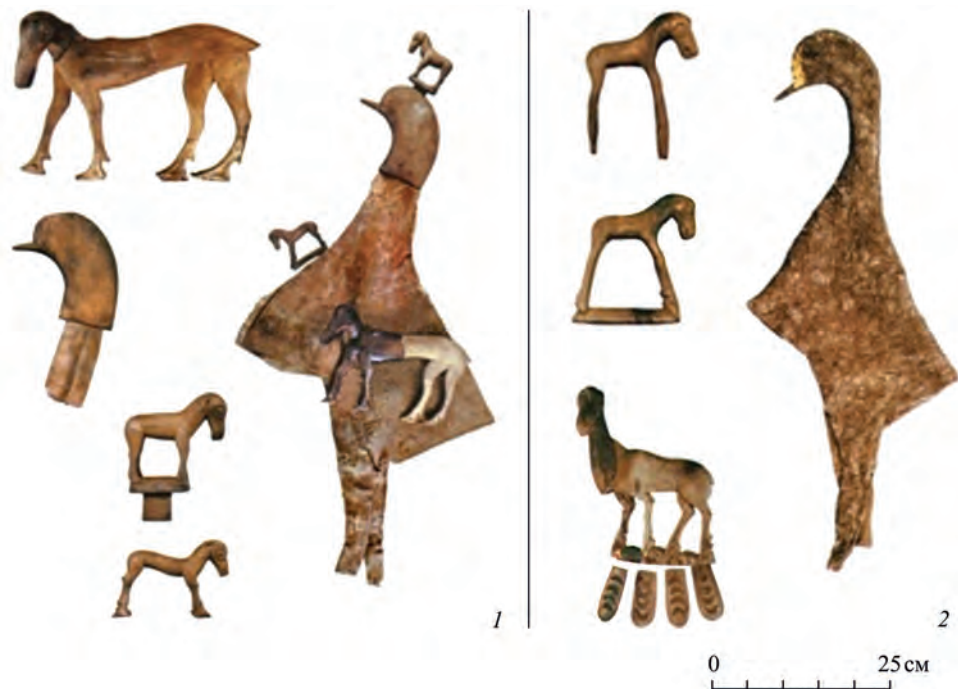

Рис. 3. Войлочные головные уборы

1 – Ак-Алаха-1, курган 1; 2 – Верхний Кальджин-2, курган 3 (по: *Полосьмак*, 2001. Рис. 105–106)

Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что пазырыкские фигурки не являются лошадьми. На войлочных головных уборах представлены, как правило, три фигуры животных: одна крупная фигура взрослого животного и две маленькие фигуры – приплод. Меньшие размеры фигурок и особенности строения их тел показывают, что это молодняк-приплод в сопровождении взрослой особи. При этом обе маленькие фигурки, как правило, парные. На них подчеркнуты половые различия (рис. 3). На всех войлочных головных уборах крупная фигура представлена оленем или горным козлом. Уже это обстоятельство выявляет нелогичность интерпретации мелких фигурок как лошадей. Почему взрослое животное и приплод относятся к различным видам животных. Тем более есть целый ряд войлочных уборов, в которых мелкие и крупные фигуры относятся к одному виду животных (рис. 3), сохранились одинаковые козлиные бородки или одинаковые у всех трех фигурок рога (*Полосьмак*, 2001. С. 157). В. Д. Кубарев включил в свою выборку только мелкие фигурки, полагая, что они являются фигурками коней. Все они происходят из наборов, где взрослая особь не является лошадью. У всех мелких фигурок предполагаемых лошадей отсутствует грива, а именно грива является диагностическим признаком лошади как биологического вида. Шеи у них намного короче, чем у катандинских фигурок, и морда имеет мягкий абрис и не столь вытянутые пропорции. Сомнение

в видовой принадлежности рассматриваемой серии изображений подкрепляется тем, что, судя по сохранившимся фрагментам вставок, мелкие фигурки украшали олени или козы рога из тонкой кожи, обернутой золотым листом. В одном случае на фигурке, по данным самого В. Д. Кубарева, сохранился и куцый хвост из кожи, что уж точно не является характерным для коней. Жеребята рождаются уже с гривой и вовсе не с куцом, а с удлиненным хвостом, похожим на мочалку. Общей чертой этих фигурок, по описанию В. Д. Кубарева, является приоткрытая пасть, покрытая красной краской. Значит, это животные, которые мычат, открывая при этом пасть. Особенность строения черепа лошадей состоит в том, что при ржании пасть не открывается широко. Жеребята же ржут очень тоненько, практически не раскрывая пасти. Перечисленные особенности укрепляют в мысли, что речь идет о фигурках оленят и козликов. Важным кажется момент, что на спинках фигурок были сделаны щели для прикрепления крыльев. Таким образом, это был не просто приплод, а приплод небесный.

Выводы

Анализ образа коня в изобразительном искусстве кочевников скифской эпохи Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая показал, что наблюдается парадоксальная ситуация. Изображения коней в зверином стиле довольно редки и исчисляются по всей степной зоне Евразии несколькими десятками. Это смотрится особенно контрастно в сравнении с изображениями оленя, кошачьих хищников и хищных птиц – наиболее популярных персонажей скифского звериного стиля. Изображения их насчитываются сотнями, если не тысячами.

Для лошадей отсутствуют разработанные каноны, характерные для изображений «популярных» образов скифского звериного стиля. Можно сказать, изображения коня носят нерегулярный характер, не образуют канонических групп и типологических линий. Значительную долю составляют изображения взнузданных лошадей с всадником, а также коней с подстриженной гривой, что отображает роль коня в процессе его использования как боевого или хозяйственного транспортного животного.

Судя по опубликованной недавно сводке изображений коней в скифском зверином стиле, происходящих из степных памятников Северного Причерноморья, лесостепных памятников Среднего Приднепровья, Среднего Подонья и Северокавказского региона VII–IV вв. до н. э., похожая ситуация наблюдается и там. За исключением единичных случаев, в сводке преобладают изображения без четких видовых признаков, часть из них настолько аморфны форму, что можно только с долей вероятности предполагать их лошадиную природу (Канторович, 2016. С. 89–114).

Единичность изображений коней с нетронутой гривой, как представителей дикой природы, в скифском зверином стиле, и особенно в сценах терзания, указывает на то, что конь не входил в божественный пантеон скифов и других племен скифского времени степной Евразии. Подтверждает это и известный сюжет, в котором Геродот описывает жертвоприношения у скифов в двух

формах: жертвоприношение бескровное (путем удушения) коней и мелкого скота из собственного стада и жертвоприношение с пролитием крови воинов из чужого, вражеского племени (Геродот. IV. 59–63). Важным является то, что **кони не входили в список скифских богов, и в обряде жертвоприношения они играют роль прямо противоположную роли богов. Кони и мелкий скот (овцы) являются средством задабривания богов.** Признаком поклонения коню, почитания его как бога в этом сюжете рассказа Геродота не выявлено. Во время похорон скифского царя его обслуга: наложница, виночерпий, повар, конюх, слуга, вестник – бескровно путем удушения «переводятся» в потусторонний мир для продолжения службы умершему царю. Во время поминок удушаются еще 50 юношей и столько же верховых коней для них. При описании свиты – обслуги царя – кони называются последними, перед перечислением погребального инвентаря, что также указывает на соответствующую роль коней в этой церемонии (Очир-Горяева, 2011. С. 69–75).

Изучение церемониальных конских головных уборов-масок пазырыкской культуры Горного Алтая показывает, что кони использовались в религиозных церемониях переодетыми под оленей и горных баранов-аргали или же как живые штандарты для уменьшенных изображений мифических животных и птиц (Очир-Горяева, 2014. С. 94–100). То есть как эрзац-животные, замаскированные под сакральных – мифологических – животных, возможно божеств (Руденко, 1953. Табл. 71, 109; Samashev, 2007. Рис. 4).

Золотая пектораль и золотые ножны меча из царского кургана Толстая могила являются исключением из правила и поэтому поставляют ценную информацию для дальнейшего изучения очерченной в данном обзоре темы. Без сомнения, эти сюжеты являются редкой возможностью проследить процесс окультуривания первобытного мировоззрения, когда представители дикой природы – основные персонажи религии и мифологии – заменяются домашними животными. Этот процесс сравним с установленным на фольклорном материале процессом антропоморфизации духов-покровителей, представленных дикими животными (Лунец, 1981. С. 121–134). Многочисленные предметы торевтики с изображением сюжетных сцен с участием людей и мифологических животных свидетельствуют о существовании у кочевников скифской эпохи развитого и многогранного мифологического творчества, в том числе героических сказаний. Вопрос этот неоднократно ставился как объект изучения в археологической литературе, но специальных исследований проводилось мало (Граков, 1950. С. 7–8; Грязнов, 1959. С. 7–31; Hapcar, 1976. S. 737–755). В то же время во всех работах, касающихся семантики изображений, само по себе логически подразумевалось наличие мифов и героических сказаний в скифскую эпоху, отдельные элементы которых остались в качестве реликтов в фольклоре и в эпосе современных народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Горелик М. В., 1971. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластине из Гермесова кургана // СА. № 3. С. 236–244.
Граков Б. Н., 1950. Скифский Геракл // КСИИМК. Вып. XXXIV. С. 3–15.

- Грязнов М. П., 1959. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 1. Л.: ГЭ. С. 6–31.
- Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А., 1997. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. № 3. С. 127–142.
- Золотые олени Евразии. СПб.: Славия, 2001. 247с.
- Канторович А. Р., 2016. Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конф. памяти М. Н. Погребовой. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 89–114.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.
- Кубарев В. Д., 1981. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. С. 84–94.
- Кузьмина Е. Е., 2002. Опыт реконструкции некоторых памятников скифского искусства // Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М.: Рос. ин-т культурологии. С. 124–145.
- Липец Р. С., 1981. «Лицо волка благословенно...» (стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях // СЭ. № 1. С. 121–134
- Мачинский Д. А., 1978. О смысле изображений на Чертомлыкской вазе // Проблемы археологии. Л.: ЛГУ. С. 222–232.
- Мозолевский Б. М., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 213 с.
- Мозолевский Б. Н., Полин С. В., 2005. Курганы скифского Герроса IV века до н. э. Бабина, Водяная и Соболева могилы. Киев: Стило. 599 с.
- Очир-Горяева М. А., 1993. Нашивные бляшки древних кочевников Поволжья // ПАВ. Вып. 6. С. 35–38.
- Очир-Горяева М. А., 2011. Конь в культуре кочевников скифской эпохи по Геродоту // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 18. Волгоград. С. 69–75.
- Очир-Горяева М. А., 2014. Маскировка коней под мифических животных в пазырыкской культуре Горного Алтая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. С. 94–100
- Полосьмак Н. В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 336 с.
- Раевский Д. С., 1978. Из области скифской космологии // ВДИ. № 3. С. 117–121.
- Руденко С. И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 401 с.
- Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 359 с.
- Руденко С. И., 1962. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: АН СССР. 51 с. (САИ; вып. ДЗ-9.)
- Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка-I и Покровка-II в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. М.: ИА РАН, Вып. 2. С. 9–54.
- Dally O., 2007. Skythische und graeco-skythische Bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; N. Y.: Prestel Verlag. S. 291–298.
- Hancar A., 1976. Heldensaga der Skythen? // Archaeologia Austriaca. Beiheft 13. Festschrift für Richard Pittioni zum siebzigsten Geburtstag. Urgeschichte. Wien: Deuticke. S. 737–755.
- Otchir-Goryaeva M., 2005. Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 184 s. (Archaeologie in Eurasien; Bd. 19.)
- Samašev Z. S., 2007. Die Fürstengräber von Berel // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; N. Y.: Prestel Verlag, 2007. S. 132–138.
- Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. N. Y.: Abrams Inc, 1999. 352 p.

Сведения об авторе

Очир-Горяева Мария Александровна, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, ул. Бутлерова, д. 30, г. Казань, 420012, Россия; Калмыцкий научный Центр РАН, ул. Илишкина, 8, Элиста, 358000, Россия, e-mail: mariaochir@gmail.ru

М. А. Ochir-Goryaeva

HORSE IMAGES IN ART OF THE SCYTHIAN EPOCH IN STEPPE EURASIA

Abstract. The paper reviews horse images in the Scythian animal style of the classical Scythian period (the second half of the 6th–4th centuries BC) from the Eurasian steppe areas. The study focuses on images of unbridled horses with a 'natural' mane as representatives of wild nature. It is only these images that can be used as a source for identifying the role of the horse in sacral concepts of the culture. It has been established that horse images are depicted in the animal style rather rarely and not more than several dozens of such images have been found across the entire Eurasian steppes. No canons for depicting horses have been developed as is the case for 'popular' images of the Scythian animal style such as deer, predators, and birds of prey. It may be argued that horse images are irregular; they do not form canonical groups and typological lines. Images of bridled horses with a rider as well as horses with a short trimmed mane account for a substantial share of the images, which reflects the role of the horse as a combat or draught animal. Extremely rare images of horses with a natural mane as representatives of wild nature in the Scythian animal style, especially, in the scenes featuring animals locked in combat, demonstrate that the horse did not form part of the pantheon of the Scythians and other population groups that inhabited steppe Eurasia during the Scythian period.

Keywords: steppes, Eurasia, animal style, horse image, Scythian period, profane and sacral components of the culture.

REFERENCES

- Dally O., 2007. Skythische und graeco-skythische Bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; N. Y.: Prestel Verlag. S. 291–298.
- Dvornichenko V. V., Plakhov V. V., Ochir-Goryaeva M. A., 1997. Pogrebeniya rannikh kochevnikov iz Nizhnego Povolzh'ya [Burials of early nomads from Lower Volga region]. *RA*, 3, pp. 127–142.
- Gorelik M. V., 1971. Opyt rekonstruktsii skifskikh dospekhov po pamyatniku skifskogo izobrazitel'nogo iskusstva – zolotoy plastine iz Germesova kurgana [Experience of reconstruction of Scythian armours based on piece of Scythian figurative art – golden plaque from Germesov kurgan]. *SA*, 3, pp. 236–244.
- Grakov B. N., 1950. Skifskiy Gerakl [Scythian Heracles]. *KSIIMK*, XXXIV, pp. 3–15.
- Gryaznov M. P., 1959. Drevneyshie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoy Sibiri [Earliest monuments of heroic epos of South Siberian peoples]. *ASGE*, 1. Leningrad: GE, pp. 6–31.
- Hancar A., 1976. Heldensaga der Skythen? *Archaeologia Austriaca. Beiheft 13. Festschrift für Richard Pittioni zum siebzigsten Geburtstag. Urgeschichte*. Wien: Deuticke, pp. 737–755.
- Kantorovich A. R., 2016. Obraz loshadi v vostochnoevropeyskom skifskom zverinom stile [Horse image in East European Scythian animal style]. *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati M. N. Pogrebovoy [Caucasus and steppe at turn of Late Bronze Age and Early Iron Age: transactions of international scientific conference in memory of M. N. Pogrebova]*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 89–114.
- Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.) [Animal style of Eurasia. Art of tribes of Lower Volga and South Urals regions in Scythian epoch (VII–IV cc. BC)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Kubarev V. D., 1981. Kon' v sakral'noy atributatsii rannikh kochevnikov Gornogo Altaya [Horse in sacral attribution of early nomads of High Altai]. *Problemy zapadno-sibirskoy arkheologii. Epokha zheleza [Problems of West Siberian archaeology. Iron Age]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 84–94.

- Kuz'mina E. E., 2002. Opyt rekonstruktsii nekotorykh pamyatnikov skifskogo iskusstva [Experience of reconstruction of some pieces of Scythian art]. *Mifologiya i iskusstvo skifov i baktriytsev (kul'turologicheskie ocherki)* [Mythology and art of Scythians and Bactrians (essays on history of culture)]. Moscow: Rossiyskiy institut kul'turologii, pp. 124–145.
- Lipets R. S., 1981. «Litso volka blagoslovenno...» (stadial'nye izmeneniya obraza volka v tyurko-mongol'skom epose i genealogicheskikh skazaniyakh [«Blessed is wolf's face...» (stadial changes of wolf image in Turk-Mongol epos and genealogic legends)]. *SE*, 1, pp. 121–134
- Machinskiy D. A., 1978. O smysle izobrazheniy na Chertomlykskoy vaze [On meaning of images on Chertomlyk vase]. *Problemy arkheologii* [Problems of archaeology]. Leningrad: Leningradskiy gos. universitet, pp. 222–232.
- Mozolevskiy B. M., 1979. Tovsta Mogila [Tovsta Mogila]. Kiev: Naukova dumka. 213 p.
- Mozolevskiy B. N., Polin S. V., 2005. Kurgany skifskogo Gerrosa IV veka do n. e. [Kurgans of Scythian Gherros of IV BC. Babina, Vodyana and Soboleva barrows]. Babina, Vodyana i Soboleva mogily. Kiev: Stilos. 599 p.
- Ochir-Goryaeva M. A., 1993. Nashivnye blyashki drevnikh kochevnikov Povolzh'ya [Sewn-on plates of early nomads of Volga region]. *PAV*, 6, pp. 35–38.
- Ochir-Goryaeva M., 2005. Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 184 s. (Archaeologie in Eurasien; Bd. 19).
- Ochir-Goryaeva M. A., 2011. Kon' v kul'ture kochevnikov skifskoy epokhi po Gerodotu [Horse in culture of Scythian epoch nomads according to Herodotus]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [Lower Volga archaeological bulletin], 18. Volgograd, pp. 69–75.
- Ochir-Goryaeva M. A., 2014. Maskirovka koney pod mificheskikh zhivotnykh v pazyrykskoy kul'ture Gornogo Altaya [Disguising horses as mythic animals in Pazaryak culture of High Altai]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of Kalmyk institute for humanity research RAS], 3, pp. 94–100.
- Polos'mak N. V., 2001. Vsadniki Ukoka [Ukok riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press. 336 p.
- Raevskiy D. S., 1978. Iz oblasti skifskoy kosmologii [From the field of Scythian cosmology]. *VDI*, 3, pp. 117–121.
- Rudenko S. I., 1953. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of High Altai population in Scythian time]. Moscow-Leningrad: AN SSSR. 401 p.
- Rudenko S. I., 1960. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of Central Altai population in Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 359 p.
- Rudenko S. I., 1962. Sibirskaya kollektsiya Petra I [Siberian collection of Peter I]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 51 p. (SAI).
- Samašev Z. S., 2007. Die Fürstengräber von Berel // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; N. Y.: Prestel Verlag, 2007. S. 132–138.
- Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. N. Y.: Abrams Inc, 1999. 352 p.
- Yablonskiy L. T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu. V., 1995. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka-I i Pokrovka-II v 1994 g. [Excavations of kurgan cemeteries Pokrovka-I and Pokrovka-II in 1994]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of Ilek left bank], 3. Moscow: IA RAN, pp. 9–48.
- Yablonskiy L. T., Trunaeva T. N., Wedder J., Davis-Kimball J., Egorov V. L., 1994. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka-I i Pokrovka-II v 1993 g. [Excavations of kurgan cemeteries Pokrovka-I and Pokrovka-II in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of Ilek left bank]. Moscow: IA RAN, 2, pp. 9–54.
- Zolotyie oleni Evrazii [Golden deer of Eurasia]. St. Petersburg: Slavia. 247 p.

About the author

Ochir-Goryaeva Mariya A., A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology Tatarstan Academy of Sciences, ul. Butlerova, 30, Kazan, 420012, Russian Federation; Kalmyk Scientific centre Russian Academy of Sciences, ul. Ilishkina, 8, 358000, Russian Federation; e-mail: mariaochir@gmail.ru

С. А. Зинченко

АНТРОПОЗООМОРФЫ КЕЛЕРМЕССКОГО МЕЧА: К ПОИСКУ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

Резюме. В статье на базе анализа 31 предмета глиптики (цилиндрических и штамповых печатей) и мелкой пластики анализируются иконографические аналогии, близкие образам на ножнах келермесского меча. В качестве выводов делается предположение, что иконографические схемы, подобные келермесским, были достаточно популярны в конце II – I тыс. до н. э. благодаря их тиражированию на массовых предметах – печатях, а также в результате популярности образной программы.

Ключевые слова: Келермесский курган, глиптика Ближнего Востока середины II – I тыс. до н. э., Стрелец-Кентавр, Пабилсаг, иконографические схемы.

Анализу образов на ножнах келермесского меча, попыткам расшифровки их содержательной программы, определения стилистических и иконографических аналогий давно уже уделено достаточно внимания в исследованиях как скифского звериного стиля, так и данного памятника¹.

В качестве объектов анализа для данной статьи выбраны рельефные чеканные изображения (Галанина, 1997. С. 92; Минасян, 2014. С. 314) фантастических зверей (антропозооморфов) с луком в руках по обеим сторонам золотого футляра ножен меча из Келермесского кургана I/III (рис. 1), изготовленные ближневосточными (урартскими, иранскими либо малоазийскими) мастерами для скифского потребителя (Кисель, 2003. С. 100, 101). Антропозооморфы – «чудовища, фантастически составленные из разных чуждыхъ въ природѣ одна другой частей» (Придик, 1911. С. 9).

На каждой стороне ножен представлено шествие из восьми (Черненко, 1980. С. 14) «фантастических зверей с туловищами львов и быков, головами грифонов, львов, быка и крыльями в виде зубастых рыб» (Галанина, 1997. С. 222). Как отмечает Е. В. Черненко, изображение выполнено таким образом, что «...зверь... на правой стороне дополняется его половиной, помещенной на противоположной (левой) стороне ножен» (Черненко, 1980. С. 14, 15). Из восьми фигурок три

¹ Краткий анализ истории изучения стилистических прототипов келермесского меча и возможных ремесленных центров представлен у Л. К. Галаниной (1997. С. 92–96) и у В. А. Киселя (2003. С. 28–30).

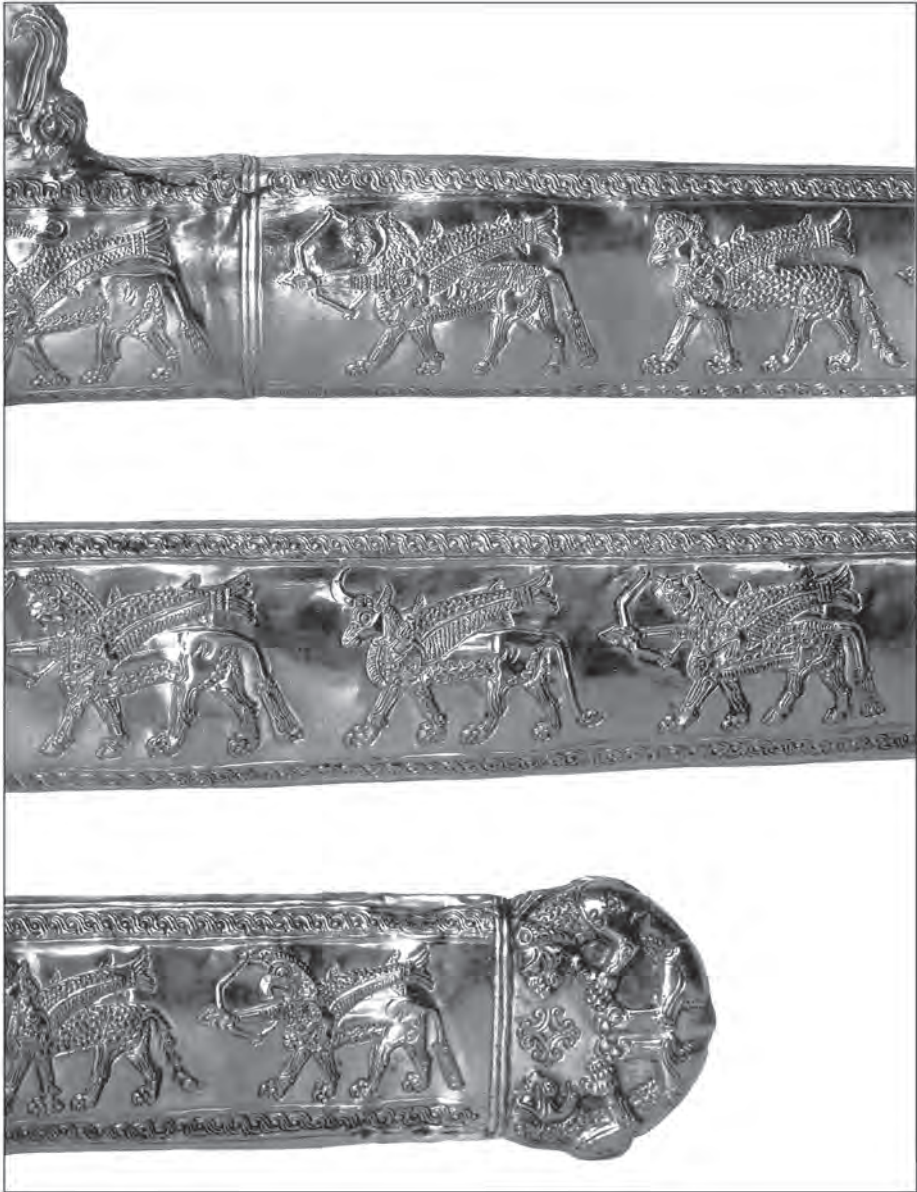

Рис. 1. Келермесский курган I/III. Золотая обкладка ножен меча
(по: Галанина, 1997. Табл. 9, 1)

дублируются, повторяя уже примененный в «пространстве» ножен иконографический тип; таким образом, отличных друг от друга иконографических типов пять (Черненко, 1980. С. 17).

Первый (отсчет принято вести от устья меча см.: Там же. С. 14) антропозооморф составлен из двух частей: передней в виде рогатого грифона и задней – тулова льва. Хвост заканчивается пучком волнистых линий (Там же).

Антропозооморфы № 2 и 6 составлены из передней части льва и задней части быка, «в левой руке зажат лук “скифского типа”², правая рука, с зажатой в ней стрелой, натягивает лук» (Там же. С. 15). Оформление хвоста идентично первому животному.

Антропозооморфы № 3 и 7 составлены из передней части хищной птицы с когтями и задней части льва. Художественное решение их голов напоминает по отдельным элементам передачу голов копытных с гривой (?). Тело покрыто чешуей, завершение хвоста подобно хвосту скорпиона.

Антропозооморф № 4 составлен из передней части орлиноголового грифона с раздвоенными копытами и задней части льва. В руках – лук и стрелы. Художественное решение антропозооморфа № 8 практически идентично № 4, за исключением оформления передних лап, заканчивающихся когтями. Оформление хвоста у антропозооморфов № 4 и 8 идентично № 1 и 2.

Антропозооморф № 5 составлен из тулова льва и головы копытного (лошади?) с одним рогом. Хвост оформлен в виде львиной кисточки (Там же. С. 16).

В лопатки всех описанных выше антропозооморфов хищно впадают рыбы.

Детальный анализ антропозооморфов помогает понять механизм их сотворения: собирание по принципу конструктора из отдельных, превращенных в шаблон³ деталей. Стоит отметить, что оформление отдельных деталей туловищ антропозооморфов также продублированы по одному трафарету, например подбрюшья у антропозооморфов № 1, 4, 5, 8⁴.

Как было отмечено выше, объектами анализа в рамках статьи выбраны стреляющие антропозооморфы (№ 2, 4, 6, 8). Краткое описание позволяет выделить основные элементы, из которых они собираются: тулово из частей разных животных (быка и льва); хищная рыба, впадающая в лопатку и создающая эффект крыла (и за счет расположения, и за счет специфической проработки плавников и хвоста); передача определенного действия – стрельбы из лука.

² По мнению же В. А. Киселя, «представляется более справедливым трактовать показанное здесь оружие как сложные или сложносоставные сегментовидные луки, которые были широко распространены на Ближнем Востоке начиная с конца III тыс. до н. э.» (Кисель, 2003. С. 29).

³ Подобный прием отмечен Е. М. Придилом при описании Мельгуновского меча: «...многое условно стилизовано» (Придик, 1911. С. 9).

⁴ Как полагает В. А. Кисель, проработка гривы «в виде пламевидных языков с круто загнутыми вершинами» (Кисель, 2003. С. 37) у льва, изображенного на келермесской секире, напоминает трактовку шерсти у львов и подобных им животных на ножнах из Келермесского и Литого курганов (Там же. С. 37, 38).

Безусловно, памятником наиболее близким келермесскому по используемым иконографическим типам является обкладка футляра ножен из Мельгуновского (Литого) кургана⁵. На каждой ее стороне изображено по восемь антропозооморфов, стреляющих из лука⁶, т. е. создается четкая композиционная схема, которую Е. М. Придик описывает так: «...по четыре разновидности, повторяющиеся по два раза на каждой сторонѣ въ одномъ и томъ же порядкѣ» (Придик, 1911. С. 8). Келермесским антропозооморфам соответствуют следующие изображения на обкладках футляра ножен Мельгуновского меча:

№ 1⁷ – на лицевой и оборотной стороне обкладки в виде орлиноголового грифона⁸ – вполне точно совпадает с келермесским антропозооморфом № 8, за исключением оформления одной детали – завершения хвоста, подобного хвосту скорпиона⁹;

№ 3 и 7 – на лицевой и оборотной стороне обкладки антропозооморфа с передней частью в виде льва – вполне точно повторяет келермесских антропозооморфов № 2 и 6, за исключением оформления двух деталей – задней части (в виде льва) и завершения хвоста (подобен хвосту скорпиона);

Кроме изображений, достаточно точно воспроизводящих келермесский образец, обращает на себя внимание изображение антропозооморфа, состоящего из тулова быка и головы человека с зооморфным ухом.

Несмотря на отмеченное выше отсутствие дословного повторения в оформлении отдельных деталей, все же это крайне редкий случай использования почти однотипных изображений, практически тождественных в пространстве одного или близких по времени памятников¹⁰. Подобный пример даже позволяет некоторым исследователям говорить об изготовлении этих ножен в одной

⁵ Л. К. Галанина полагала, что «келермесский и аналогичный ему мельгуновский акинак принадлежат к числу старейших парадных мечей скифского типа» (Галанина, 1997. С. 92).

⁶ К сожалению, данный памятник весьма плохой сохранности. Как отмечает Е. М. Придик, на обеих сторонах сохранились первое, второе, третье, седьмое и восьмое чудовища (отсчет изображений Е. М. Придик ведет от конца ножен); на одной стороне частично сохранились части четвертого и шестого, а также немногочисленные остатки пятого; на другой – частично сохранившиеся части четвертого, пятого, шестого антропозооморфов (Придик, 1911. С. 9).

⁷ Нумерация изображений начинается от устья ножен.

⁸ Если использовать предложенную Е. М. Придиком версию о том, что применена четкая схема чередования образов (Придик, 1911. С. 8), то тогда, возможно, отмеченная иконографическая схема присутствует и в оформлении изображения № 5 на лицевой и оборотной обкладке футляра (другую версию о реконструкции изображенного под № 5 см.: Черненко, 1980. С. 21, 22).

⁹ Наблюдается также определенное своеобразие в передаче отдельных персонажей: «...на келермесском у рыб есть головы, похожие на львиные, то здесь у рыбьих голов открытые зубастые рты... У каждой рыбы с келермесского меча три плавника (два – на спине и по одному – на животе), а у рыб мельгуновского – один спинной плавник» (Черненко, 1980. С. 19)

¹⁰ Об общих и отличительных чертах в оформлении ножен из Мельгуновского (Литого) и Келермесского курганов см.: Черненко, 1980.

мастерской (Черненко, 1980. С. 26; Галанина, 1997. С. 96; Кисель, 2003. С. 30¹¹) и, возможно, по некоему эталону (Черненко, 1980. С. 26). Учитывая иконографическую близость этих двух памятников, автор полагает, что совершенно закономерным будет включение в состав выделенных выше иконометрических компонентов следующих частей: хвост скорпиона и завершение зооморфного тулова человеческой головой.

Если принять в качестве рабочей гипотезы наличие неких эталонов для создания образцов, представленных на келермесском мече, да еще и в пространстве одной мастерской, то необходимо попытаться реконструировать носители, позволившие превратиться образцам в легко транслируемый (и с точки зрения создающего его мастера, и с точки зрения потребителя) шаблон, благодаря которым эти эталоны имели широкое хождение и были популярны в инокультурной среде. Безусловно, обращение к сфере «бродячих» изобразительных схем вызывает необходимость искать в качестве носителя материал достаточно массовый и крайне тиражный. Наиболее подходящими носителями, соответствующими предъявляемым им требованиям (как-то: массовость, тиражность образцов; применение хорошо узнаваемых шаблонов, производство которых требует только технической выучки, и возможность варьировать эти шаблоны в зависимости от определенного заказа), выступают цилиндрические печати.

Обращение к глиптике было вполне результативным, так как удалось обнаружить достаточно близкие келермесским антропозооморфам иконографические аналогии.

1. Цилиндрическая печать с изображением охотящегося кентавра (как его определяет Д. Мэттьюс (*Matthews*, 1990. Part II. No. 161)) и антилопы (*Porada*, 1952. No. 3; *Matthews*, 1990. No. 161; 1992. No. 158). Печать датируется вторым касситским периодом (середина – конец XIV в. до н. э.) (*Matthews*, 1990. P. 22, 63)¹² и, возможно, происходит из Ниппура (*Ibid.* P. 157). На печати изображен стреляющий из лука антропозооморф с задними раздвоенными копытами (передние ноги, к сожалению, плохо сохранились) и двумя хвостами (один из которых – скорпиона). Вдоль всего его тулова располагается рыба, верхний плавник которой может быть воспринят как маленькое крыло (рис. 2).

2. Цилиндрическая печать из ленточного агата с изображением кентавра (как его определяет Э. Порада (*Corpus of Ancient Near Eastern Seals...*, 1948. Vol. I. P. 91)), атакующего крылатого льва, из собрания библиотеки Моргана (*Ibid.* Vol. II. No. 749). Печать относится к т. н. объемному стилю («Modeled-style»)¹³ и датируется его начальными этапами – 747–752 гг. до н. э. (*Ibid.* Vol. I. P. 90). Э. Порада

¹¹ Как отмечает В. А. Кисель, «что касается места изготовления этих предметов, то следует присоединиться к возобладавшей в настоящий момент точке зрения о производстве их в ближневосточной мастерской при царской ставке скифов» (Кисель, 2003. С. 30).

¹² Д. Мэттьюс отмечает, что отдельные «отголоски» стилистических приемов этого периода могут распространяться и до 1220-х гг. (*Matthews*, 1990. P. 63).

¹³ Для данного стиля характерно использование ряда стилистических приемов, свойственных печатям среднеассирийского периода (*Corpus of Ancient Near Eastern Seals...*, 1948. Vol. I. P. 90).

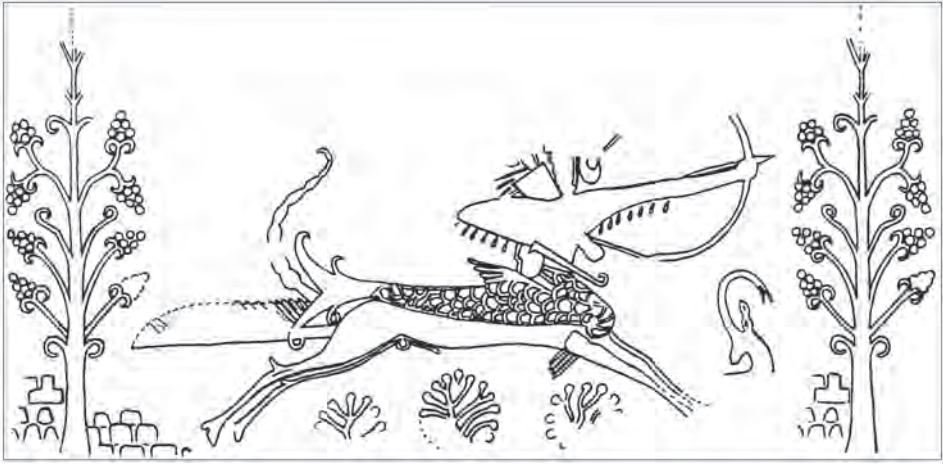

Рис. 2. Ниппур (?). Цилиндрическая печать с изображением охотящегося кентавра и антилопы, датируемая вторым касситским периодом (середина–конец XIV в. до н. э.) (по: Matthews, 1990. Part II. No. 161)

при описании именно этой печати акцентирует внимание на присутствии черт, свойственных касситской глиптике (*Corpus of Ancient Near Eastern Seals...*, 1948. Vol. I. P. 90). На печати изображен крылатый стреляющий из лука антрополоид. Оформление задних и передних ног различно: задние – с раздвоенными копытами, передние – когти (?). Между туловищем и крылом вставлен хвост скорпиона. В нижней части туловища, около передних ног, изображена впившаяся (?) в него рыба.

3. Цилиндрическая фаянсовая печать с изображением стреляющего антрополоида и скорпиона, из коллекции Британского музея (*Catalogue of the Western Asiatic Seals...*, 2001. P. 46. No. 38). Происходит из Карадашли близ Кармемиша. Относится к т. н. ассирийскому линейному стилю («Assirian Linear-style») (*Ibid.*), датируемому второй половиной VIII в. до н. э. (*Ibid.* P. 64; *Iskra*, 2016. P. 67). Стилистические особенности, присущие этому этапу в развитии глиптики, связаны с максимальным упрощением, сведением к минималистической художественной схеме; в результате основные детали образа едва намечены и не определяется форма ни задних, ни передних конечностей, туловище в виде скорпиона; акцент исключительно на действие – стрельбу.

4. Оттиск цилиндрической печати с изображением антрополоида, стреляющего в быка, из собрания Британского музея (*Catalogue of the Western Asiatic Seals...*, 2001. P. 45. No. 33). Как и № 3, относится к т. н. ассирийскому линейному стилю («Assirian Linear-style»). Предельная условность в передаче частей тела: антрополоид стоит на двух конечностях в виде птичьих лап, крайне компактно построено туловище, оканчивающееся хвостом скорпиона¹⁴.

¹⁴ Близкий по иконометрическим качествам образец представлен на цилиндрической халцедоновой печати № 42.807 среднеассирийского периода (1400–1200 гг. до н. э.) из Художественного музея Уолтерс (Walters Art Museum).

5. Оттиск цилиндрической печати с изображением стреляющего кентавра (как его определяет Д. Коллон) из коллекции Британского музея (*Catalogue of the Western Asiatic Seals...*, 2001. P. 52. No. 65). На печати изображен крылатый стреляющий антрополоидоморф, передняя часть которого оформлена сильно стилизованными когтями (?). Хвост состоит из двух частей, одна из которых является собой сильно стилизованный хвост скорпиона.

6. Оттиск цилиндрической печати с изображением охотящегося на козла антрополоидоморфа из собрания Британского музея (*Catalogue of the Western Asiatic Seals...*, 2005. P. 36. No. 61), датируемый, возможно, временем Ксеркса I (486–465 гг. до н. э.) (*Ibid.* P. 67). На печати изображен крылатый антрополоидоморф. Крыло показано в виде ушастого орлиноголового грифона. Решение конечностей и хвоста (в виде загнутого вверх крючка) очень условно. П. Мэриллис, анализируя этот оттиск, отмечает присутствие отдельных элементов как хеттского, так и скифского происхождения (*Ibid.* P. 36).

7. Цилиндрическая печать АО 22355 со сценой охоты кентавра (так его определяет Д. Мэттьюс (*Matthews*, 1990. P. 98)) на антилопу, из собрания Лувра (*Ibid.* No. 355), датируемая временем Салманасара I, т. е. второй четвертью – серединой XIII в. до н. э. (*Ibid.* P. 142). На печати изображен крылатый, скачущий в галопе кентавр, с загнутым вверх, как у скорпиона, хвостом. Завершение задних конечностей – как у лошади. В руках кентавра меч (?). Д. Мэттьюс называет его ассирийским кентавром (*Ibid.* P. 82), обращая внимание на детали оформления печати и заявляя, что такие элементы не могли прийти из Вавилонии (*Ibid.* P. 98)¹⁵.

8. Фрагмент оттиска с печати с изображением антрополоидоморфа с передней частью орлиноголового грифона и хвостом скорпиона (*Ibid.* No. 423). Датируется временем правления Тукульти-Нинурты I и позднее (середина XIII – начало XII в. до н. э. (*Ibid.* P. 99, 104).

Помимо цилиндрических печатей, изображения, близкие представленным на футляре ножен из Келермесского кургана, отмечены:

– на межевом камне (кудурру) касситского времени (XII в. до н. э.) (*Куртик*, 2007. Илл. 7), где изображен стреляющий на скаку крылатый антрополоидоморф с передними копытами лошадиными (форма задних – не читается), с двумя головами – человека и льва, двумя хвостами – лошади и скорпиона.

– на плакетке № 65.163.10 из слоновой кости с изображением сидящего крылатого существа с чертами льва и хвостом скорпиона (?) из собрания Метрополитен-музея (*Muscarella*, 1966. P. 130. No. 21). Происходит из Хасанлу и датируется IX в. до н. э. (*Ibid.* P. 130).

Еще один корпус материалов, близких по иконографическим схемам, представлен оттисками штамповых печатей. Рассматриваемые в данной статье оттиски штамповых печатей представляют собой чрезвычайно массовый материал, в пространстве создания и функционирования которого важно соблюдение исходного популярного (иногда модного, иногда типично-консервативного)

¹⁵ Д. Мэттьюс также отмечает, что в XII в. до н. э. и ассирийские, и вавилонские изображения стрельцов содержали черты быка (*Matthews*, 1990. P. 98).

образца, рассчитанного на узнаваемость и функционирующего исключительно как знак-подпись.

1. Два оттиска штамповой печати на контракте из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, датируемые 294–281 гг. до н. э. (*Catalogue of the Western Asiatic Seals...*, 2008. P. 200. No. 651d, e).

2. Оттиск штамповой печати на контракте из Вавилонии с изображением крылатого антропозооморфа с двумя хвостами (один из которых – скорпиона) и секирой в руке, сражающегося со львом (*Ibid.* No. 673b). Датируется 266 г. до н. э. (*Ibid.* P. 206).

3. Оттиск штамповой печати на контракте из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 266–261 гг. до н. э. (*Ibid.* P. 208. No. 680b).

4. Оттиск штамповой печати на храмовой табличке из Варки с изображением стреляющего в птицу крылатого антропозооморфа с головой человека и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 257 г. до н. э. (*Ibid.* P. 210, 211. No. 688c).

5. Оттиск штамповой печати на храмовой табличке из Варки с изображением крылатого антропозооморфа с двумя хвостами (один из которых скорпиона) и рыбой (?) под туловом, датируемый 256–255 гг. до н. э. (*Ibid.* P. 211. No. 690e).

6. Оттиск штамповой печати на контракте из Вавилонии с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 254 г. до н. э. (*Ibid.* P. 212. No. 692a).

7. Оттиск штамповой печати на контракте из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, с копытами на передних и когтями хищной птицы на задних конечностях и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 247 г. до н. э. (*Ibid.* P. 214. No. 697h).

8. Оттиск штамповой печати на контракте из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа, стоящего на двух конечностях, с двумя хвостами (один из которых – скорпиона) и изображением рыбы справа, датируемый 235 г. до н. э. (*Ibid.* P. 217. No. 705b).

9. Оттиск штамповой печати на храмовой табличке из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, с копытами на передних и когтями хищной птицы (?) на задних конечностях и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 234 г. до н. э. (*Ibid.* P. 217, 218. No. 707b).

10. Оттиск штамповой печати на контракте из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, с копытами на передних и когтями хищной птицы на задних конечностях и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый временем 234 г. до н. э. (*Ibid.* P. 218. No. 708d).

11. Оттиск штамповой печати (на табличке с текстом из Вавилонии, содержащим сведения по экономике) с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, копытами на передних и когтями хищной птицы на задних конечностях и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 230–229 гг. до н. э. (*Ibid.* P. 220. No. 712b).

12. Оттиск штамповой печати на контракте из Вавилонии с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 226 г. до н. э. (Catalogue of the Western Asiatic Seals..., 2008. P. 221. No. 712a).

13. Оттиск штамповой печати на храмовой табличке из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, копытами на передних и когтями хищной птицы на задних конечностях и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый 197 г. до н. э. (Ibid. P. 225. No. 727c).

14. Оттиск штамповой печати на храмовой табличке из Варки с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый эллинистическим временем (Ibid. P. 228. No. 772a).

15. Оттиск штамповой печати из Урука с изображением стреляющего из лука крылатого антропозооморфа с двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемый эллинистическим временем (*Куртик*, 2007. Илл. 33).

16 и 17. Оттиски штамповых печатей из Урука с изображением стреляющего крылатого антропозооморфа с головой человека, копытами на передних и когтями хищной птицы на задних конечностях и двумя хвостами (один из которых – скорпиона), датируемых эллинистическим временем (Там же. Илл. 34; 35).

18. Оттиск на куске глины из Урука с изображением крылатого антропозооморфа с передней частью быка, задними конечностями в виде хищной птицы и хвостом скорпиона, датируемый около V в. до н. э. (Catalogue of the Western Asiatic Seals..., 2008. P. 168, 172. No. 540).

Отобранные аналогии (31 экз.) показывают, что в достаточно широких территориальных и временных границах существуют иконографические схемы¹⁶ и их отдельные элементы, близкие келермесскому бесстиарию. В качестве элементов, слагающих подобные иконографические схемы, использованы: сочетание при построении тулова элементов копытного, парнокопытного, льва и хищной птицы; наличие крыла; передача головы в виде человеческой, львиной либо грифона; наличие двух хвостов (лошадиного и скорпиона); а также определенное действие – стрельба из лука. Какие из этих признаков повторяемы и дадут достаточно большой коэффициент совпадения¹⁷?

I. Элементы, из которых составляется тулово и конечности антропозооморфа, всего 27 изображений, из них:

парнокопытные + хищная птица: 11 = 40,7 %, из них на оттисках штамповых печатях 6 = 22,2 %;

только копытные: 9 = 33,3 %, из них на оттисках штамповых печатях 6 = 22,2 %;

только лев: 3 = 11,1 %, из них 2 на футляре ножен мельгуновского меча;

парнокопытные + лев: 2 = 7,4 %;

¹⁶ По мнению Е. Ф. Корольковой, можно говорить о правомерности использования в скифском зверином стиле термина «иконаграфическая схема» (*Королькова*, 2006. С. 166).

¹⁷ Учитывались только те изображения, где анализируемые элементы видны достаточно хорошо.

парнокопытные + копытные: 1 = 3,7 %;

только хищная птица: 1¹⁸ = 3,7 %.

II. Наличие крыла: 26 = 83,9 %, остальные 4 (12,9 %) – крыло в виде рыбы, 1 – в виде грифона = 3,2 %.

III. Элементы, из которых составляется голова антропозооморфа, всего 28 изображений, из них:

голова человека: 23 = 82,1 %;

голова льва: 2 = 7,14 %;

голова грифона: 2 = 7,14 %;

голова человека + голова льва: 1 = 3,6 %.

IV. Элементы, из которых составляется хвост антропозооморфа, всего 29 изображений, из них:

хвост скорпиона + хвост лошади (?): 20 = 69 %, из них на оттисках штамповых печатей: 16 = 55,1 %;

хвост скорпиона¹⁹: 8 (2 – на футляре ножен мельгуновского меча) = 27,6 %, из них на оттисках штамповых печатей: 1 = 3,4 %;

хвост лошади: 1 (на футляре ножен мельгуновского меча) = 3,4 %.

V. Действие – стрельба из лука: 27 = 87,1 %; 1 изображение с мечом (?) = 3,2 %; 1 изображение с секирой (?) = 3,2 %; 2 – отсутствие оружия и нет передачи стрельбы + их плохая сохранность, не позволяющая делать определенные выводы = 6,5 %.

Итак, наиболее часто применимыми элементами рассматриваемой иконографической схемы являются: туловище антропозооморфа, составленное из парнокопытных и хищной птицы (11 = 40,7 %, из них на оттисках штамповых печатях 6 = 22,2 %); наличие крыла (27 = 87 %); оформление головы миксоморфа преимущественно в виде головы человека (23 = 82,1 %); двойной хвост, состоящий из хвоста скорпиона и хвоста лошади (?) (20 = 69 %, из них на оттисках штамповых печатей: 16 = 55,1 %); стрельба из лука (27 = 87,1 %). В изображениях на футляре ножен келермесского меча из списка часто применяемых элементов используются два: 1) туловище антропозооморфа, составленное из парнокопытных и хищной птицы; 2) стрельба из лука. Далее в келермесских изображениях отмечено присутствие иконометрических компонентов, которые также применимы при передаче рассматриваемой схемы: решение головы в виде львиной или орлиноголового грифона, оформление хвоста как у скорпиона; тулово рыбы, абрис которого напоминает крыло, – при этом названные компоненты занимают второе место по популярности в группе аналогичных памятников. В результате

¹⁸ При этом важно отметить, что подобный вариант представлен стоящим персонажем на оттиске цилиндрической печати с изображением антропозооморфа, стреляющего в быка, из собрания Британского музея (Catalogue of the Western Asiatic Seals..., 2001. P. 45. No. 33).

¹⁹ Для понимания процессов, связанных с формированием иконометрических элементов, важно обратить внимание на то, что скорпион был важным символом в касситских кудурру, но не был известен ни в вавилонских, ни в ассирийских печатях того же времени, при этом широко в ассирийской традиции были распространены антропозооморфы с чертами скорпиона (Matthews, 1990. P. 81, 82).

проведенного анализа выявляется круг аналогий, максимально близких келермесским образам: изображения на футляре ножен мельгуновского меча, цилиндрическая печать с изображением охотящегося кентавра и антилопы (*Porada*, 1952. No. 3; *Matthews*, 1990. No. 161; 1992. No. 158) (рис. 2), цилиндрическая печать из ленточного агата с изображением кентавра, атакующего крылатого льва, из собрания библиотеки Моргана (*Corpus of Ancient Near Eastern Seals...*, 1948. Vol. II. No. 749).

Анализ изображений стреляющего антропозооморфа, выявленных в мобильных памятниках Ближнего Востока в II—I тыс. до н. э., позволяет говорить о его популярности, что, возможно, связано с соотнесением описываемого образа как с астрологическим символом – созвездием Стрельца²⁰, так и с Пабилсагом – божеством, связанным с этим созвездием (см. подробнее: *Зинченко*, 2014). Принято считать, что символом этого божества и изобразительным эквивалентом созвездия является либо «стреляющий из лука кентавр (на некоторых изображениях – крылатый) с двумя головами (человека и льва) и двумя хвостами (лошади и скорпиона)» (*Куртик*, 2007. С. 406), либо кентавр с 4-мя лошадиными копытами, иногда с хвостом скорпиона, часто держащий в руках лук или дубинку (*Black, Green*, 1992. P. 51).

Отвечая на вопросы о возможности выделения некоей исходной традиции и возможных прототипах, принимавших участие в процессах генезиса рассматриваемого образа, сопоставим выделенные аналогии по хронологическим и территориальным параметрам. Первые памятники, дошедшие до нас и показывающие уже сложившуюся иконографическую схему, появляются в период с середины–конца XIV в. до XII в. до н. э. По мнению Д. Коллона, стреляющие кентавры появились на вавилонских кудурру и оттисках печатей из Ниппура и Ашшура, датированных XIII–XII вв. до н. э. (*Catalogue of the Western Asiatic Seals...*, 2001. P. 52. No. 65). В продолжение тезиса, высказанного Д. Коллоном, Д. Мэттьюс, анализируя глиптику, отмечает, что изображение лучника вначале появляется в Вавилонии, а затем в Ассирии (*Matthews*, 1990. С. 116)²¹. В промежуток с IX по V в. до н. э. попадает примерно 32 % выделенных памятников, при этом число близких по иконографической схеме келермесским преобладает (по сравнению с остальными периодами). Далее в группе памятников, сосредоточенных в пространстве эллинизма, в основном присутствует иконографическая схема, повторяющая только основной набор наиболее популярных компонентов.

Но тогда встает вопрос о том, каковы причины принятия и повторения этого ближневосточного образца степными заказчиками? Безусловно, это связано с тем, что рассматриваемый прототип находит свое место в культуре евразийских степей, поскольку является, прежде всего, визуализацией опорных для

²⁰ Возможное соотнесение образов, представленных на футляре ножен Мельгуновского меча, с астрологическими символами отмечает и Е. М. Придик (1911. С. 9).

²¹ Так, Д. Мэттьюс, анализируя цилиндрическую печать с изображением охотящегося кентавра и антилопы (*Porada*, 1952. No. 3; *Matthews*, 1990. No. 161; 1992. No. 158), подчеркивает близость подобной иконографической схемы изображениям на кудурру (*Matthews*, 1990. P. 82). Стоит обратить внимание на то, что (как было указано выше) решение этой печати наиболее близко келермесским образцам.

данной культуры понятий – военной доблести, прекрасного владения конем, царской власти и господства над степными просторами. Как отмечают Д. С. Раевский, М. Н. Погребова и С. В. Кулланда, «имеющийся археологический и лингвистический материал дает основание полагать, что этот регион (территория Северного Кавказа и Предкавказья. – С. 3.) в интересующее нас время (время рейдов кочевников в Переднюю Азию. – С. 3.) был заселен носителями разных культур и языков... При такой диалектной пестроте процесс быстрого социального развития мог быть достаточно успешным лишь при использовании общего механизма фиксации коллективной памяти, воплощения общих для разных слоев общества воплощений» (*Раевский и др.*, 2013. С. 159). При этом элементы иконографической схемы хорошо опознаются и сопоставлены между собой так, чтобы возникала возможность прочтения необходимых ассоциативных рядов в чужом (а подчас и в совершенно незнакомом) образце, – для того чтобы он (образец) был принят и усвоен, так как «изобразительный текст не просто выражал обозначенную идею, но передавал практически всю многозначность связанного с ней мировоззренческого смысла и... был понятен людям, говорившим на разных языках» (Там же. С. 158). Подобная программа генезиса и функционирования рассматриваемого образа может свидетельствовать об изначальной его метафоричности, которая делает образы, подобные представленным на келермесском мече, чрезвычайно распространенными в сознании культур и Ближнего Востока, и Великой Степи²².

Выражаю благодарность за неоднократные консультации Г. Ю. Колгановой (ИВ РАН) и М. В. Сологубовой (Гос. Эрмитаж).

ЛИТЕРАТУРА

- Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. М.: Палеограф. 316 с.
 Зинченко С. А., 2014. Стрелец или кентавр: специфика формирования и функционирования одного образа в культурах Древнего мира в I тыс. до н. э. // АВ. Вып. 20. СПб. С. 242–231.
 Кисель В. А., 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб: Петербургское востоковедение. 192 с.
 Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.
 Куртик Г. Е., 2007. Звездное небо Месопотамии. СПб.: Алетей. 744 с.
 Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: ГЭ. 472 с.
 Придик Е. М., 1911. Мельгуновский клад 1763 года. СПб: Тип. Гл. упр. уделов. 24 с. (Мат-лы по археологии России; № 31.)

²² Так, в качестве примера можно привести описание апокалиптической саранчи в «откровениях Святого Иоанна Богослова», близкое рассматриваемым образам: «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее – как лица человеческие; и волосы у ней – как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала...» (Откр. 2: 7–10).

- Раевский Д. С., Куланда С. В., Погребова М. Н., 2013. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: Ин-т востоковедения РАН. 274 с.
- Черненко Е. В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка. С. 7–30.
- Black J., Green A., 1992. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. L.: Published by British Museum Press for Trustees of the British Museum. 192 p.
- Catalogue of the Western Asiatic Seals in British Museum. Cylinder Seals V. Neo-Assyrian and Neo-Babylonian Periods / Ed. D. Collon. London: Published by British Museum Press for Trustees of the British Museum, 2001. 204 p.
- Catalogue of the Western Asiatic Seals in British Museum. Cylinder Seals VI. Pre-Achaemenid and Achaemenid Periods / Ed. P. H. Merrillees. London: Published by British Museum Press for Trustees of the British Museum, 2005. 162 p.
- Catalogue of the Western Asiatic Seals in British Museum. Stamp Seals III. Impressions of Stamp Seals on Cuneiform Tablets, Clay Bullae and Jar Handles / T. C. Mitchell, A. Searight (eds). Leiden; Boston: Published in Collaboration with the Trustees of the British Museum, 2008. 314 p.
- Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. The Collection of the Piermont Morgan Library / Ed. E. Porada. N. Y.: Pantheon Books, 1948. 2 vols.
- Iskra M., 2016. «Bottle-brush» Trees and its Roles in Creating Standard Compositions on Neo-Assyrian Seals in the Linear-style // Études et Travaux. XXIX. P. 67–73.
- Matthews D., 1990. Principles of Composition in Near Eastern Glyptic of the Later Second Millennium B. C. Freiburg; Göttingen: Universitätsverlag Freiburg Schweiz Vandenhoeck: Ruprecht Göttingen. 166 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Seria Archaeologica; vol. 8.)
- Matthews D. M., 1992. The Kassite Glyptic of Nippur. Freiburg; Göttingen: Universitätsverlag Freiburg Schweiz Vandenhoeck: Ruprecht Göttingen. 153 p. (Orbis Biblicus et Orientalis; vol. 116.)
- Muscarella O. W., 1966. Hasanlu 1964 // Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 27. No. 3 (November). P. 121–136.
- Porada E., 1952. On the problem of Kassite glyptic art // Archaeologia Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. Locust Valley: J. J. Augustin. P. 179–188.

Сведения об авторе

Зинченко Софья Анатольевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, 105066, Россия; e-mail: zintchenko@mail.ru, szinchenko@hse.ru

S. A. Zinchenko

ANTHROPOZOOMORPHS OF THE KELERMES SWORD: IN SEARCH OF ICONOGRAPHIC ANALOGIES

Abstract. This paper analyzes iconographic analogies stylistically similar to the images on the scabbard of the Kelermes sword by examining 31 glyptic items (cylinder seals and stamp seals). The analysis findings suggest that iconographic images similar to the Kelermes images were quite popular at the end of 2000–1000 BC because of their replication on mass produced items such as seals and a popularity of the image program.

Keywords: Kelermes kurgan, glyptics of the Near East of the mid-2000–1000 BC, Sagittarius-Centaur, Pabilsag, iconographic patterns.

REFERENCES

- Black J., Green A., 1992. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. London: Published by British Museum Press for Trustees of the British Museum. 192 p.
- Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals V. Neo-Assyrian and Neo-Babylonian Periods. D. Collon, ed. London: Published by British Museum Press for Trustees of the British Museum, 2001. 204 p.
- Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals VI. Pre-Achaemenid and Achaemenid Periods. P. H. Merrillees, ed. London: Published by British Museum Press for Trustees of the British Museum, 2005. 162 p.
- Catalogue of the Western Asiatic Seals in British Museum. Stamp Seals III. Impressions of Stamp Seals on Cuneiform Tablets, Clay Bullae and Jar Handles. T. C. Mitchell, A. Searight, eds. Leiden; Boston: Published in Collaboration with the Trustees of the British Museum, 2008. 314 p.
- Chernenko E. V., 1980. Drevneyshie skifskie paradnye mechi (Mel'gunov i Kelermes) [Earliest Scythian symbolic swords (Mel'gunov and Kelermes)]. *Skifiya i Kavkaz [Scythian and Caucasus]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 7–30.
- Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. The Collection of the Piermont Morgan Library. E. Porada, ed. New York: Pantheon Books, 1948. 2 vols.
- Galanina L. K., 1997. Kelermesskie kurgany [Kelermes kurgans]. Moscow: Paleograf. 316 p.
- Iskra M., 2016. «Bottle-brush» Trees and its Roles in Creating Standard Compositions on Neo-Assyrian Seals in the Linear-style. *Études et Travaux*, XXIX, pp. 67–73.
- Kisel' V. A., 2003. Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov [Masterpieces of jewelers of the Near East from Scythian kurgans]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 192 p.
- Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu [Animal style of Eurasia. Art of Lower Volga and Ural region tribes in Scythian epoch]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Kurtik G. E., 2007. Zvezdnoe nebo Mesopotamii [Starry sky of Mesopotamia]. St. Petersburg: Aleteyya. 744 p.
- Matthews D. M., 1990. Principles of Composition in Near Eastern Glyptic of the Later Second Millennium B. C. Freiburg; Göttingen: Universitätsverlag Freiburg Schweiz Vandenhoeck: Ruprecht Göttingen. 166 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Seria Archaeologica, 8.)
- Matthews D. M., 1992. The Kassite Glyptic of Nippur. Freiburg; Göttingen: Universitätsverlag Freiburg Schweiz Vandenhoeck: Ruprecht Göttingen. 153 p. (Orbis Biblicus et Orientalis, 116.)
- Minasyan R. S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e [Metalworking in Antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: GE. 472 p.
- Muscarella O. W., 1966. Hasanlu 1964. *Metropolitan Museum of Art Bulletin*, vol. 27, no. 3 (November), pp. 121–136.
- Porada E., 1952. On the problem of Kassite glyptic art. *Archaeologia Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld*. Locust Valley: J. J. Augustin, pp. 179–188.
- Pridik E. M., 1911. Mel'gunovskiy klad 1763 goda [Mel'gunov hoard of 1763]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 24 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 31.)
- Raevskiy D. S., Kullanda S. V., Pogrebova M. N., 2013. Vizual'nyy fol'klor. Poetika skifskogo zverinogo stilya [Visual folklore. Poetics of Scythian animal style]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 274 p.
- Zinchenko S. A., 2014. Strelets ili kentavr: spetsifika formirovaniya i funktsionirovaniya odnogo obraza v kul'turakh Drevnego mira v I tys. do n. e. [Sagittarius or centaur: features of formation and functioning of one image in cultures of the Old world in I mill. BC]. *AV*, 20. St. Petersburg, pp. 242–231.

About the author

Zinchenko Sophia A., National Research University Higher School of Economics, ul. Staraya Basmannaya, 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: zintchenko@mail.ru, szinchenko@hse.ru

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

В. Е. Щелинский

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РОДНИКИ 4 В ЮЖНОМ ПРИАЗОВЬЕ*

Резюме. Одним из основных направлений исследований в археологии палеолита являются вопросы начального расселения первобытных людей и развития культуры на древнейшей стадии раннего палеолита на территории России. В Южном Приазовье в результате планомерных исследований в последние годы выявлена ранее неизвестная таманская раннепалеолитическая индустрия охотников на крупных млекопитающих, существовавшая в интервале между 1,2 и 1,6 млн л. н. Выделение ее требовало дополнительных обоснований. В статье анализируются материалы нового раннепалеолитического местонахождения Родники 4, принадлежащего к этой индустрии. Исследования подтвердили довольно высокий уровень технологической сложности таманской индустрии и обоснованность отнесения ее к раннему ашелю, понимаемому не как культурная традиция, а как технологическая стадия в развитии каменных индустрий.

Ключевые слова: ранний плейстоцен, таманская раннепалеолитическая индустрия, местонахождение Родники 4, Южное Приазовье, Южная Россия.

Введение

В Южном Приазовье в настоящее время выявлен ряд раннепалеолитических стоянок. Все они находятся на северном (азовском) берегу Таманского полуострова у пос. За Родину, в 25 км к западу от г. Темрюка (рис. 1).

Наиболее полно изучены стоянки Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и Родники 2 и местонахождение Родники 3 (Щелинский, 2014; 2016а; 2016б; Shchelinsky et al., 2010; 2016). Материалы исследований этих памятников указывают на их эоплейстоценовый возраст (калорий/гурий). По палеомагнитным данным они древнее эпизода Харамильо (Додонов и др., 2008). Содержащиеся в них остатки фауны крупных и мелких млекопитающих принадлежат таманскому фаунистическому комплексу, синхронному позднему виллафранку–раннему галерии и соответствующему интервалу MIS 53–MIS 22 (Тумов и др., 2012; Baigusheva et al., 2016; Kahlke et al., 2011). Прослежены функциональные различия стоянок.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00049 а.

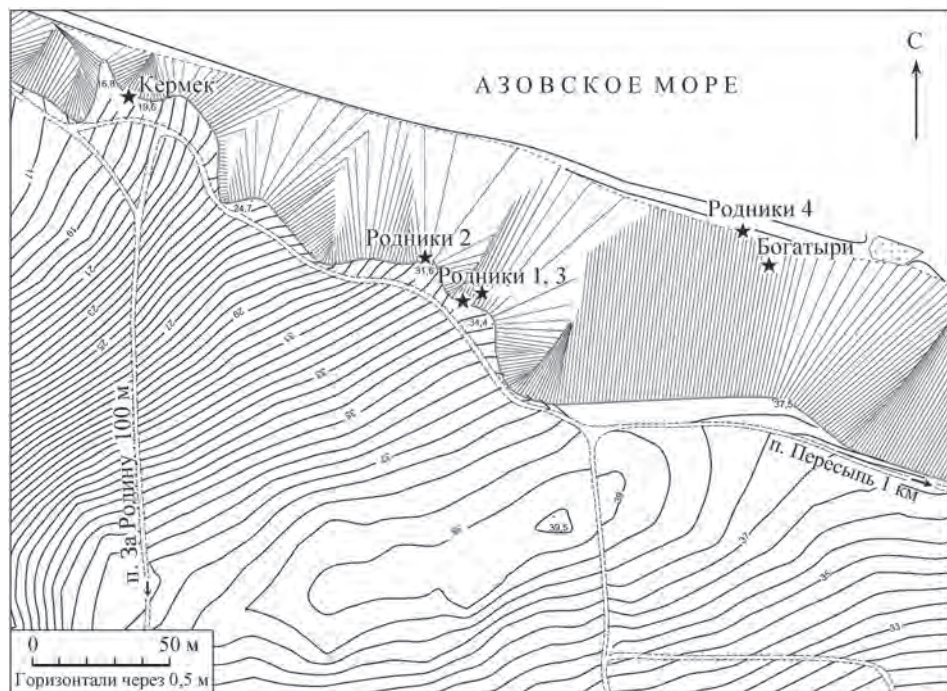

Рис. 1. Топографический план раннепалеолитических стоянок на северном берегу Таманского полуострова у пос. За Родину

Стоянки Родники 1 и 2 были пляжевыми кратковременными и неоднократно посещаемыми местами обитания, видимо, небольших групп раннепалеолитических людей. Стоянка Богатыри/Синяя Балка, напротив, является местом их специализированной охотничьей деятельности (kill site), где происходили забой и разделка туш крупных млекопитающих, главным образом южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эласмотериев (*Elasmotherium caucasicum*) (Щелинский, 2013).

Каменные индустрии этих памятников типичны для начальной поры раннего палеолита, но имеют свои региональные особенности. При этом по базовым технологическим признакам и типологическим категориям орудий они сходны между собой и образуют единую индустрию, описанную под названием «таманская раннепалеолитическая индустрия» (Щелинский 2014; Shchelinsky et al. 2016). Возраст ее, по совокупности геологических, палеомагнитных и биостратиграфических данных, надежно определяется хронологическим интервалом между 1,2 и 1,6 млн л. н., и при этом, вероятнее всего, он может составлять около 1,5 млн л. н. (Титов и др., 2012; Щелинский, 2014; 2016б; Shchelinsky et al., 2010; 2016). Установлено, что эта индустрия существенно отличается, например, от индустрий территориально и хронологически близких раннепалеолитических стоянок Кавказа, таких как Дманиси в Южной Грузии

и Мухкай 1 и 2 и Айникаб 1 и 2 в горном Дагестане, определяемых как олдован (Амирханов, 2007; 2016; Ожерельев, 2015; *Amirkhanov et al.*, 2014; *Lumley et al.*, 2005; *Mgeladze et al.*, 2010).

На данном этапе исследований актуальным является вопрос о культурно-стадиальном статусе этой неизвестной ранее древнейшей за пределами Кавказа раннепалеолитической индустрии. Первоначально казалось, что она может быть атрибутирована как особый вариант олдованского технокомплекса (олдована) или метода 1 (mode 1) (Щелинский, 2010; *Shchelinsky et al.*, 2010). Предпринята была также попытка определить ее условным термином «архаичный ашель», с тем чтобы отразить присутствие в ней, в отличие от архаичных олдованских индустрий, выраженного ашельского компонента, свидетельствующего о ее переходном характере от олдована к раннему ашелю (Щелинский, 2014; 2015; 2016а; *Shchelinsky et al.*, 2016). Однако новые данные не подтверждают эти заключения. К олдованскому технокомплексу в настоящее время относятся наиболее простые в технологическом отношении каменные индустрии, называемые по-разному: олдованские (в Африке), индустрии нуклеуса и отщепа (core-and-flake lithic industries), похожие на олдован (Oldowan-like) или европейский технологический метод 1 (European Mode I). Каменный инвентарь их состоит преимущественно из неоформленных изделий – отщепов, очень простых нуклеусов и мало отличимых от нуклеусов чопперов и массивных скребел. Эти древнейшие индустрии, впервые появившиеся в Восточной Африке более 3 млн л. н. и местами сохранявшиеся до середины среднего плейстоцена, несмотря на некоторые региональные отличия, характеризуются изготовлением главным образом простых, чаще мелких, отщепов с острыми краями, которые, как и нуклеусы и сходные с ними изделия, использовались в качестве орудий и редко преобразовывались в стандартизованные орудия с помощью ретуши и иных приемов вторичной обработки (*Bar-Yosef*, 2006; *Carbonell et al.*, 1999; 2008; *Garcia et al.*, 2013; *Harmand et al.*, 2015; *Lumley et al.*, 2009; *Moncel*, 2010; *Schick, Toth*, 2006; *Semaw*, 2000; *Shea*, 2010). Наглядным образцом такого рода раннеплейстоценовых индустрий является, например, индустрия стоянки Дманиси в Закавказье (*Lumley et al.*, 2005; *Jöris*, 2008).

В таманской раннепалеолитической индустрии, как показал анализ каменного инвентаря ряда относящихся к ней памятников, технология обработки камня и орудия, несомненно, более сложные и развитые. В ней, наряду с простыми отщепами и нуклевидными изделиями, служившими орудиями, много разнообразных намеренно оформленных и стандартизованных мелких и крупных орудий с хорошо выраженными типологическими особенностями. Обращает также на себя внимание наличие крупных отщепов размерами > 10 см и таких специфических категорий орудий, как пики и кливеры (Щелинский, 2014; 2016а; 2016б; *Shchelinsky et al.*, 2016). Эти формы изделий, включаемые в группу т. н. крупных режущих орудий (large cutting tools/LCTs), отсутствуют даже в самых поздних индустриях олдованского технокомплекса (*Mosquera et al.*, 2013). Однако они характерны для более развитых индустрий раннего ашеля (*Beyene et al.*, 2013; *Leakey*, 1971).

В последнее время при раскопках памятников таманской индустрии были обнаружены и ручные рубила, являющиеся наиболее весомым отличительным

признаком ашельского технокомплекса (*Щелинский, 2016б*). Рубила в таманской индустрии характеризуются архаичными типами (они частично двусторонне обработанные и не слишком крупные) и единичны. Тем не менее важен сам факт наличия их в этой индустрии.

Надо сказать, что ручные рубила, наряду с пиками и кливерами, впервые были выявлены в раннеплейстоценовых индустриях в Восточной Африке, описанных как развитой олдован (*Leakey, 1971; 1975*). Однако позже выделение этого культурно-стадиального подразделения было поставлено под сомнение, и сейчас индустрии, относимые к развитому олдовану, большинством исследователей интерпретируются как раннеашельские (см., например: *Semaw et al., 2009; Torre, 2011; Torre et al., 2012; Toth, Schick, 2000*).

Новые данные заставляют пересмотреть первоначальное определение культурно-стадиального статуса таманской раннепалеолитической индустрии. Наличие в ней выраженного набора крупных режущих орудий, в том числе ручных рубил, позволяет отнести ее к раннему ашелю, имеющему некоторые местные технологические и типологические особенности (*Щелинский, 2016б*).

Вполне понятно, что это заключение необходимо подкрепить дополнительными данными, прежде всего путем исследования новых археологических памятников, относящихся к таманской раннепалеолитической индустрии. В этой связи интересны материалы местонахождения Родники 4, рассматриваемые в статье.

Расположение, геологические условия, тафономия и возраст культуросодержащих отложений местонахождения Родники 4

Местонахождение Родники 4 было открыто в 2010 г. и предварительно исследовано в 2011 г. (*Щелинский, 2012; 2015*). Оно находится в береговом обрыве на высоте 16 м над уровнем Азовского моря и всего в 15 м к северо-западу от стоянки Богатыри/Синяя Балка (рис. 1). Несмотря на столь близкое расположение к этой стоянке, перед нами, несомненно, самостоятельный археологический памятник (первоначальное его название – Береговое), о чем свидетельствуют геологические условия его залегания. Как показали исследования, культуросодержащий слой местонахождения связан с пачкой отложений, находящейся внутри толщи грязевулканических глин, т. е. являющейся своего рода включением или ксенолитическим пакетом в этих глинах. При этом оказалось, что это та же самая грязевулканическая толща, в которой залегает в виде аналогичного, но более крупного ксенолитического пакета и пачка культуросодержащих отложений близлежащей стоянки Богатыри/Синяя Балка (*Измайлов, Щелинский, 2013; Щелинский, 2014*). Таким образом, можно констатировать, что культуросодержащие отложения обоих памятников были отторгнуты от первоначального места залегания и перемещены грязевулканическим потоком одновременно в результате взрывного извержения грязевого вулкана, находящегося в районе расположения этих памятников. Точное время извержения вулкана пока не установлено, но есть основания предполагать, что оно произошло еще в раннем плейстоцене.

На местонахождении был поставлен небольшой раскоп площадью около 4 кв. м. На его южной стенке прослеживались следующие отложения (сверху вниз):

1. Почвенно-растительный слой – суглинок темно-серый, плотный, сухой, трещиноватый, с мелкими обломочками осадочных пород, слой слабо обособлен и выделяется с трудом, нижний контакт постепенный. . . . 0,2–0,3 м.

2. Песок желтовато-серый, имеет линзовидное залегание только над центральной частью стенки раскопа, протяженность линзы 0,7 м. Песок разнозернистый, рыхлый, землистый, нечетко слоистый, гнездами ожелезненный, с обилием беспорядочно ориентированного очень мелкого неопределимого тонкостенного раковинного детрита. . . . 0,12 м.

3. Глина темно-серая, плотная, сухая, весьма крупнооскольчатая, неслоистая (бесструктурная), сильно трещиноватая, при воздействии разрушается на отдельные округлой и неправильной формы. Отмечены белесые солевые выцветы по поверхностям скола, редкие пятна и мелкие, рыхлые гнезда гидроокислов железа, а также очень редкий, мелкий раковинный детрит. Глина содержит щебень и дресву осадочных пород (не более 2–5 %), совершенно неокатанную и разноориентированную. Цвет иногда по поверхностям сколов приобретает зеленовато-болотный оттенок, по тем же поверхностям отмечаются тончайшие присыпки слюдистого песка. Нижний контакт весьма четкий, неровный, «перемятый», с падением на восток под углами 5–7°. По контакту отмечено местами ожелезнение, а также невыдержанные линзочки (до 5–7 см) песка зеленовато-серого, разнозернистого, с мелким раковинным детритом, напоминающим описанный в слое 2. . . . 0,4–1,1 м.

Глины слоя 3 имеют типично грязевулканический генезис.

4. Брекчия песчанистая, рыхлая, общий цветовой фон буро-серый с желтоватым оттенком, землистый, цвет распределен сравнительно равномерно. Количество обломочного материала – 50–60 %, местами снижается до 40–50 %, в основном это щебень и дресва, лишь 15–20 % составляют более крупные обломки. Встречены также единичные глыбы размерами до 0,5 м. В целом обломки разноориентированные, в пространственной ориентации их невозможно найти какой-либо закономерности, угловатые, практически неокатанные, на редких обломках можно найти признаки легкого сглаживания граней (весьма слабой окатанности). По составу: мергель, известняк, тонкий песчаник, алевролит, окварцованный доломит, сидерит, плитчатый конгломерат. Цвет обломков может меняться от желтовато-серого до коричневатого. На поверхности некоторых наблюдается кремнистый, коричневатый, а также темный, марганцовистый налет. Заполнитель – песок буро-серый, разнозернистый, сравнительно рыхлый (рассыпается в руках), местами цвет рыжевато-серый и желтоватый из-за наличия большого количества пятен гидроокислов железа, неслоистый, бесструктурный, содержит гравий, мелкие обломки дрейссен и кардид, а также рассредоточенный и разноориентированный раковинный мелкий детрит. Местами наблюдаются вытянутые и округлые линзы (до 15 см) более чистого и более отсортированного рыжевато-серого песка кварцево-глауконитового, мелкого, тоже с раковинным детритом. Отмечены также напоминающие конкреции гнезда ожелезненных мелкодресвяных брекчий диаметром до 12 см и более мелкие гнезда темно-серых

глин, напоминающих глины слоя 3. В верхней западной части стенки раскопа обнаружено единичное гнездо (стяжение) со значительным содержанием сернистого материала диаметром около 12 см. Видимая мощность. . . . 2,4 м.

От раскопа слой брекчии продолжается вниз, хотя нижний контакт четко не прослежен. Общую мощность его можно оценить в 3,5 м. Ниже, судя по высыпкам на склоне, вновь развиты грязевулканические глины, подобные описанным в слое 3. В восточной части разреза отмечается в целом практически вертикальный, четкий, неровно-волнистый контакт брекчии с грязевулканическими глинами слоя 3. Западные границы массива брекчии прослеживаются не столь четко. Судя по высыпкам, слой с понижением протягивается в западном направлении, имея общую ширину (включая расчищенную и нерасчищенную части) 5–6 м.

Этот основной слой разреза (4) является культуросодержащим слоем. О генезисе его можно судить предположительно. Песчанистый в целом характер отложений как будто указывает на важную роль водной среды в их первоначальном формировании. Об этом же свидетельствует и наличие фауны водных моллюсков. Можно также предполагать, что отложения, образующие слой, длительное время находились на поверхности и подверглись химическому выветриванию, отчего приобрели буро-серую окраску. Вместе с тем эти отложения, несомненно, переотложены. Причем переотложение их произошло еще до попадания в грязевулканический массив. Можно предположить, что первоначально эти отложения представляли собой древний приуступовый обвальнo-осыпной шлейф. С этим предположением вполне согласуется распределение культурных остатков в слое и их сохранность.

Культурные остатки не образуют выраженных горизонтов и встречаются на разной глубине и во всей толще слоя, в том числе в прослойках и линзах песка. При этом они залегают в основном поодиночке. Скоплений находок не выявлено. Изделия имеют хорошую сохранность.

Говорить определенно о геологическом возрасте культуросодержащего слоя рассматриваемого местонахождения довольно трудно. По литологическим признакам он однозначно не сопоставим с культуросодержащими слоями рядом расположенной стоянки Богатыри/Синяя Балка, надежно датированной, несмотря на переотложение, по содержащейся на ней фауне таманского фаунистического комплекса и палеомагнитным данным в интервале между 1,2 и 1,5 млн л. н. Слой слабо охарактеризован и палеонтологическим материалом. Обнаруженные в нем остатки крупных млекопитающих единичны и мало информативны (найден хвостовой позвонок слона и неопределимые обломки костей). Определенные остатки мелких млекопитающих из слоя также отсутствуют.

В слое довольно многочисленна лишь малакофауна. Однако эта фауна своеобразная (очень обедненная), так как состоит в основном из представителей рода *Dreissena*. Как известно, эти моллюски имеют широкий временной диапазон и чаще всего указывают скорее на палеоэкологические условия, чем на возраст вмещающих отложений. Применительно к рассматриваемому культуросодержащему слою они свидетельствуют о наличии на месте первоначального формирования слоя пресноводного или слабо солоноватоводного бассейна или русла реки со спокойным течением. Вместе с тем обильные дрейссены в культуросодержащем слое все же могут указывать и на его вероятный возраст.

Дело в том, что раковины именно этих моллюсков являются наиболее многочисленными в сборах малакофауны на всех эоплейстоценовых местонахождениях Таманского полуострова. В этом отношении культуросодержащий слой Родников 4 не является исключением, что может косвенно свидетельствует о его эоплейстоценовом возрасте.

Однако есть, как кажется, и прямые геологические свидетельства, указывающие именно на этот возраст местонахождения. Дело в том, что с толщей грязевулканических отложений, включающей культуросодержащий слой местонахождения, связана не только упоминавшаяся стоянка Богатыри/ Синяя Балка, но и некоторые другие эоплейстоценовые раннепалеолитические памятники, в том числе залегающие *in situ* и хорошо датированные по биостратиграфическим данным стоянки Родники 1 и 2. Их возраст определен интервалом между 1,2 и 1,6 млн л. н. (Щелинский, 2010; 2014; 2016a; Shchelinsky *et al.*, 2010; 2016). При этом, если стоянка Богатыри/Синяя Балка, как и местонахождение Родники 4, включена в эту толщу, то стоянки Родники 1 и 2 располагаются поверх нее. Т. е. данная грязевулканическая толща является цоколем культуросодержащих отложений этих стоянок. Таким образом, эоплейстоценовый возраст местонахождения Родники 4 не вызывает сомнений. Можно даже предполагать, что оно постарше стоянок Родники 1 и 2, хотя, видимо, ненамного.

Естественно возникает вопрос: единовременны ли культурные остатки местонахождения? Проведенный анализ показывает, что среди них нет изделий, которых можно было бы отнести к примеси. Изделия не различаются ни по исходному сырью, ни по сохранности. Все указывает на то, что культурные остатки местонахождения происходят из одного разрушенного культурного слоя.

Каменная индустрия

Археологический материал местонахождения состоит из 170 каменных изделий. Состав их указывает на полную технологическую цепочку обработки камня, включающую его первичное расщепление, отбор/оформление и использование орудий.

Сырье

Все изделия изготовлены из местного прочного окварцованного доломита миоценового возраста, представленного преимущественно остроугольными кусками, часто плитчатой формы, различных размеров. Т. е. это тот же самый доломит, какой использовался в качестве сырья и на других ближайших раннепалеолитических стоянках. Коренные выходы его отсутствуют в окрестностях. Однако он содержится в большом количестве в широко распространенных по округе разновозрастных толщах грязевулканических отложений.

Доломит собирался людьми главным образом на обнажениях этих отложений. Об этом свидетельствует отсутствие следов окатанности на подавляющем большинстве исходных кусков доломита, использовавшихся для обработки.

Окатанные отдельности сырья, происходящие из галечников, применялись весьма редко. В естественных условиях доломит был разного качества и подвергался отбору. Преимущественно использовался однородный мелкозернистый доломит хорошего качества. Из него изготовлено 92,4 % изделий.

Сохранность изделий

Изделия преимущественно (94,1 %) неокатанные и сохраняют острые края. При этом они довольно слабо патинизированные, хотя в той или иной степени корродированы в результате химического выветривания. Пatina на них в основном коричневатая-серая, реже серовато-коричневая, наиболее выветрелые экземпляры имеют серовато- и коричневатую-белесую окраску.

Размеры изделий

По размерам изделия составляют три группы: крупные (> 5 см) – 103 экз. (60,6 %), из них > 10 см – 16 экз. (15,5 %); мелкие (3,1–5 см) – 52 экз. (30,6 %) и особо мелкие (3 см и $<$) – 15 экз. (8,8 %). Изделий второй и третьей размерных групп существенно меньше, что характерно для неполных (переотложенных) комплексов.

Технологические группы инвентаря

Изделия образуют четыре основные технологические группы, характеризующие последовательные стадии изготовления орудий:

Нуклеусы. . . . 14 экз.

Отщепы. . . . 85 экз.

Обломки доломита со следами намеренного раскалывания. . . . 17 экз.

Орудия. . . . 54 экз.

Большая пропорция орудий в коллекции объясняется, скорее всего, выпадением из нее, видимо, значительной части мелкогазмерного инвентаря (чешуек, отщепов, обломков).

Нуклеусы

Одним из основных культурно-стадиальных показателей раннепалеолитической индустрии является технология производства заготовок для орудий, и в частности особенности подготовки нуклеусов, а также системы их расщепления с целью изготовления заготовок/отщепов определенной морфологии.

Все нуклеусы в коллекции крупные и на обломках доломита (7 искусственных, 6 естественных, 1 неопределимый). Размеры самых крупных: $11 \times 15,5 \times 20$ см; $4,6 \times 11,5 \times 7$ см; $9,2 \times 7,5 \times 9$ см. Они практически не обработаны и не оформлены. Ударной площадкой служили естественные поверхности отдельностей доломита,

часто покрытые коркой, плоскости раскалывания этих отдельностей и негативы предшествующих сколов. Лишь в некоторых случаях такие ударные площадки имеют частичную подправку мелкими сколами и ретушью. Системы расщепления нуклеусов и их соотношение показаны в табл. 1.

Как видим, в одинаковых пропорциях представлены односторонние, двух-трехсторонние и призматические (грубопризматические) нуклеусы. При этом преимущественно использовалось однонаправленное скалывание отщепов.

Таблица 1. Системы расщепления нуклеусов

Типы нуклеусов	Приемы скалывания	Кол-во
Односторонние	Однонаправленное	5
Двухсторонние	Призматическое + встречное	1
	Призматическое + однонаправленное	1
	Однонаправленное + с негативом одного скола	1
Трехсторонние	Однонаправленное + с негативом одного скола + с негативом одного скола	1
	С негативом одного скола + с негативом одного скола + с негативом одного скола	1
Призматические		4

Отщепы

Среди отщепов (с учетом использованных в качестве заготовок для орудий всего 104 экз.) большинство составляют мелкие (40 экз., 38,5 %) и особо мелкие (13 экз., 12,5 %) предметы. Однако и крупных отщепов лишь ненамного меньше (51 экз., 49 %). Размеры двух из них превышают 10 см. Многие отщепы в той или иной степени фрагментированные. Ударная площадка на отщепах > 3 см (сохранилась на 70 экз.), главным образом корковая (57 экз., 81,4 %), иногда гладкая (7 экз., 10 %), редко двухгранная (4 экз., 5,7 %) и фасетированная (2 экз., 2,9 %). Обращает на себя внимание наличие единичных отщепов (4 экз.) с редукцией края ударной площадки (снятие карниза). Этот технический прием свидетельствует о стремлении наносить точные удары отбойником и скалывать более длинные отщепы предсказуемой формы. Соотношение огранки отщепов, указывающей на приемы скалывания их с нуклеусов, и форм отщепов показано в табл. 2 (учтены определимые отщепы > 3 см, всего 91 экз.). Превалирует продольная однонаправленная огранка, следовательно, основным было однонаправленное скалывание отщепов с нуклеусов. Это показывают и сохранившиеся нуклеусы. Вместе с тем по огранке отщепов видно, что нуклеусы расщеплялись и другими приемами скалывания: продольным встречным, ортогональным и разнонаправленным, хотя эти технические приемы имели подчиненное значение. Форма отщепов с огранкой весьма разная, но, однако, в большинстве

подчетыреугольная. Примечательно также довольно заметное количество правильных удлиненных и подтреугольных отщепов. Таким образом, основные формы отщепов хорошо коррелируют с преимущественным использованием приема однонаправленного скалывания при расщеплении нуклеусов. Следует отметить, что на лезвиях многих отщепов прослеживается макроскопический износ в виде чешуйчатой выкрошенности от использования в работе. Имеются также отщепы с легкой подправкой, видимо, затупившихся при работе лезвий единичными мелкими сколами или частичной ретушью.

Таблица 2. Соотношение огранки и форм отщепов

Огранка отщепов	Форма отщепов	Кол-во
Продольная однонаправленная (57 отщепов)	Удлиненная	8
	Подтреугольная	6
	Подчетыреугольная	30
	Овальная	3
	Округлая	1
	Бесформенные отщепы	9
Продольная встречная (3 отщепа)	Удлиненная	1
	Подтреугольная	1
	Подчетыреугольная	1
Ортогональная (4 отщепа)	Подтреугольная	1
	Подчетыреугольная	1
	Бесформенные отщепы	2
Разнонаправленная (5 отщепов)	Подчетыреугольная	3
	Округлая	1
	Бесформенный отщеп	1
Отщепы без огранки/первичные/		22

Искусственные обломки

Наряду с производством отщепов имело место изготовление обломков доломита, использовавшихся как простые орудия и в качестве заготовок для оформленных орудий. Это было элементарное раскалывание крупных отдельных доломита на более мелкие обломки с последующим отбором наиболее подходящих для использования. Достаточно сказать, что на обломках изготовлено 64,8 % орудий и использованные обломки в основном были намеренно полученные.

Орудия

Первое, что характеризует орудия, это – их разнообразие, относительная развитость и типологическая выраженность, несмотря на имеющуюся архаику изготовления (рис. 2–4). Орудия в подавляющем большинстве (85,1 %) крупные. Размеры наиболее крупных: $18,6 \times 8,8 \times 5$ см; $14,5 \times 18 \times 6$ см, наиболее мелких: $3,4 \times 3,2 \times 1,3$ см; $2 \times 4,2 \times 2$ см. Многие орудия (35,2 %) на отщепах, но, как отмечалось, большая их часть на обломках. Состав и некоторые технико-типологические признаки орудий показаны в табл. 3. Представлены как простые и довольно архаичные орудия: чопперы (рис. 4, 4), нуклевидный скребок, чопперовидные скребла, клювовидные, зубчатые и выемчатые орудия, так и более развитые грубых

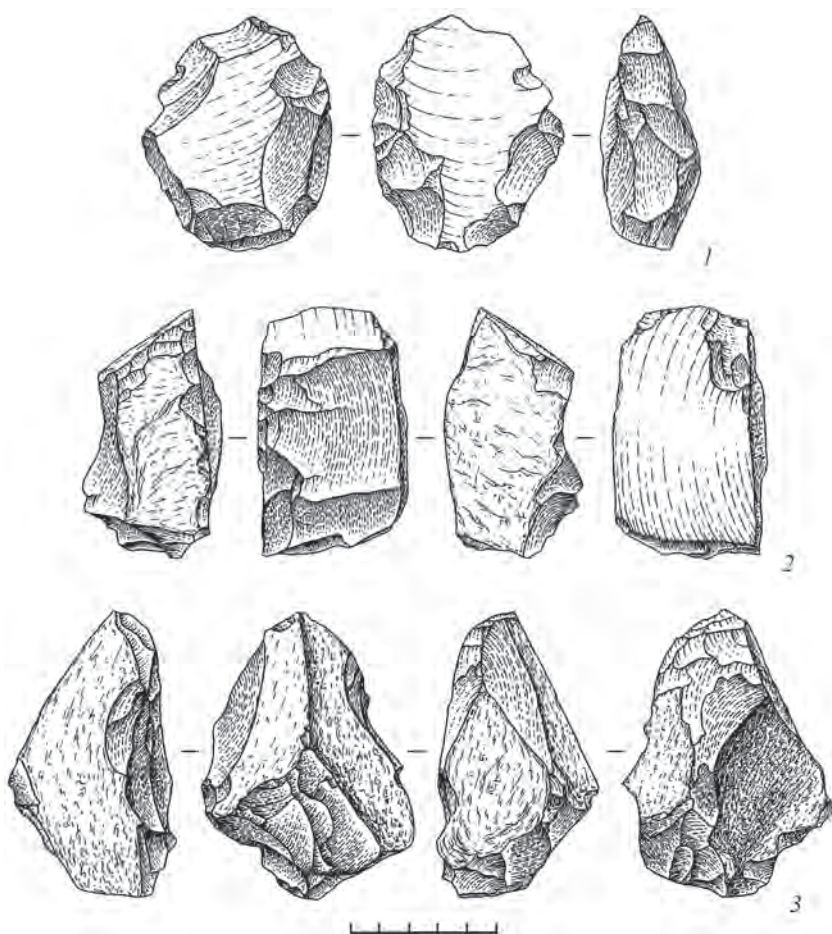

Рис. 2. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 4.
Частичные бифасы/грубые ручные рубила (1 и 3) и кливер на отщепе (2)

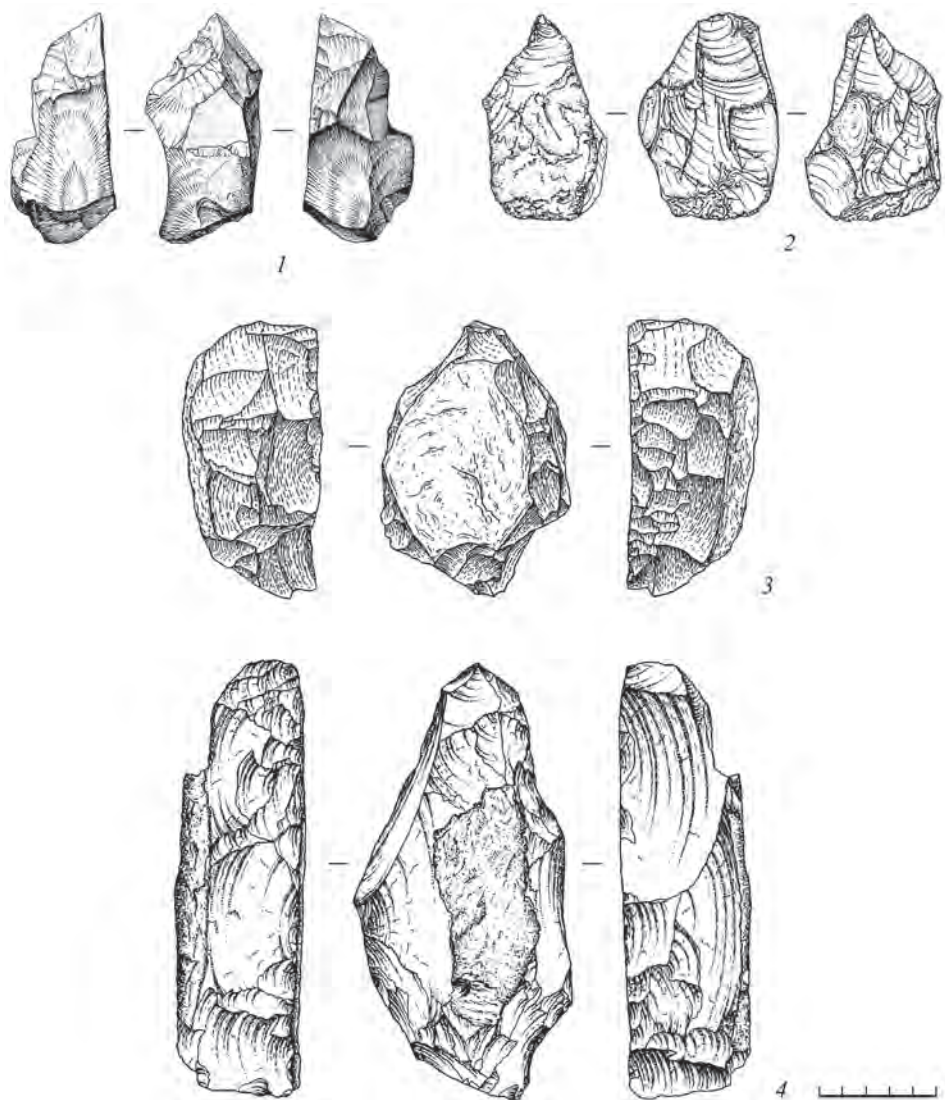

Рис. 3. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 4. Пики (1–4)

ручных рубил (рис. 2, 1, 3), кливера (рис. 2, 2) и пиков (рис. 3, 1–4), образующих сложные орудия. Особенно примечательно наличие частичных бифасов или группу крупных режущих орудий (LCTs), традиционно рассматриваемых как наиболее важный технологический показатель ашельских индустрий. Законченными формами представлены ретушированные орудия. Выделяются многочисленные разнообразные скребла (рис. 4, 2, 5–7), в том числе на отщепах

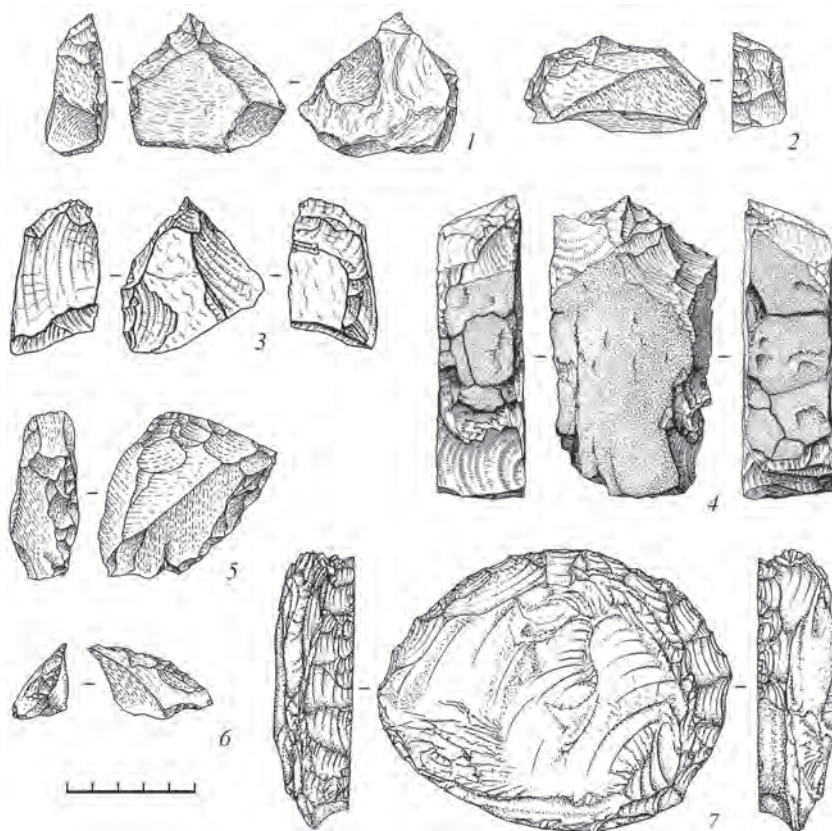

Рис. 4. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 4. Орудия

1, 3 – остроконечники; 2, 7 – скребла на обломках доломита; 4 – чоппер; 5, 6 – скребла на отщепках

(рис. 4, 5, 6), а также своеобразные остроконечники на обломках (рис. 4, 1, 3). Из других единичных орудий надо отметить орудия с резцовыми сколами на отщепках.

Рассмотренный раннепалеолитический комплекс местонахождения Родники 4 оригинален по некоторым технологическим характеристикам. Однако в целом он вполне сопоставим с индустриями близлежащих и также близких по возрасту раннепалеолитических стоянок Родники 1, Родники 2, Богатыри/Синяя Балка и местонахождения Родники 3, объединяемых в одну особую таманскую раннепалеолитическую индустрию Приазовья, и достаточно уверенно может быть отнесен к этой индустрии.

Таблица 3. Состав и технико-типологические признаки орудий

Категории орудий	Специфика орудий	Кол-во
Грубые рубила (частичные бифасы)	На отщепе	1
	На обломке	1
Кливер	На широком отщепе, с частичной обработкой	1
Пики	На обломке, двухсторонне обработанный, с выраженной пяткой	1
	На обломках, односторонние, без выраженной пятки	3
Чопперы	На обломках	5
Чопперовидные скребла	На обломках	3
Нуклевидный скребок	На обломке	1
Скребла	На отщепах	7
	На обломках	10
Скребок	На обломке	1
Остроконечники	На обломках	3
Клювовидные орудия	На обломках	2
Орудия с резцовыми сколами	На отщепах	3
Долотовидное орудие	На отщепе	1
Зубчатые орудия	На отщепах	4
	На обломках	2
Выемчатые орудия	На обломках	2
Комбинированные орудия	На отщепах	2
	На обломке	1

Заключение

Местонахождение Родники 4 имеет важное значение для характеристики таманской раннепалеолитической индустрии. Вместе с другими сходными памятниками (Родники 1–3 и Богатыри/Синяя Балка) оно показывает, что эта индустрия существовала в Приазовье, по-видимому, длительное время в интервале между 1,2–1,6 млн л. н. Носители ее были охотниками на крупных млекопитающих таманского фаунистического комплекса, в особенности на южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эласмотериев

(*Elasmotherium caucasicum*) (Щелинский, 2013; 2014), и уже использовали огонь (Bosinski, 2016; Bosinski et al., 2003). Изучение материалов местонахождения Родники 4 позволило получить дополнительные данные о технологии изготовления и типологии каменных орудий таманской индустрии, свидетельствующие о довольно высоком уровне ее технологической сложности и обоснованности отнесения к раннему ашелю. При этом, учитывая широкие пространственные и хронологические рамки индустрий с двухсторонне обработанными крупными режущими орудиями (Деревянко, 2015; Moncel et al., 2015), понятие «ашель/ранний ашель», на мой взгляд, следует воспринимать не как культурную традицию, а как технологическую стадию в развитии каменных индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 2007. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ. 344 с.
- Деревянко А. П., 2015. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 612 с.
- Додонов А. Е., Трубихин В. М., Тесаков А. С., 2008. Палеомagnetизм костеносных отложений местонахождения Синяя Балка/Богатыри // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: мат-лы междунар. конф. (Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.) / Ред. С. А. Васильев, А. П. Деревянко, Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 57–58.
- Измайлов Я. А., Щелинский В. Е., 2013. Геологическая ситуация раннепалеолитических местонахождений в Южном Приазовье на Таманском полуострове // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Ред. С. А. Васильев, А. В. Ларионова. СПб.: ИИМК РАН. С. 20–39.
- Ожерельев Д. В., 2015. Культурно-хронологическое определение каменных находок из слоя 129 многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II // КСИА. Вып. 241. С. 7–20.
- Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С., 2012. К вопросу об объеме пскупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: мат-лы LVIII сессии Палеонтологического общества при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Т. Н. Богданова. СПб.: ВСЕГЕИ. С. 142–144.
- Щелинский В. Е., 2010. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности: пам. А. А. Формозова (1928–2009) / Ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и Ко. С. 57–77.
- Щелинский В. Е., 2012. Родники 4. Новая раннепалеолитическая стоянка в Южном Приазовье (мат-лы 2010–2011 гг.) // АВ. Вып. 18. СПб. С. 13–24.
- Щелинский В. Е., 2013. Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.): сб. ст. / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 713–716.
- Щелинский В. Е., 2014. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН. 168 с.
- Щелинский В. Е., 2015. Олдованские традиции и их развитие в раннем палеолите Южного Приазовья (по мат-лам стоянок Родники 1 и 4 на Таманском полуострове) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре» / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН. С. 20–30.
- Щелинский В. Е., 2016а. Каменная индустрия раннеплейстоценовой стоянки Родники 2 на Таманском полуострове // АВ. Вып. 22. СПб. С. 13–30.

- Щелинский В. Е., 20166. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 3 на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки ИИМК РАН. Т. 13. С. 7–22.
- Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: the discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 13. Iss. 8. P. 717–725.
- Baigusheva V. S., Titov V. V., Foronova I. V., 2016. Teeth of early generations of Early Pleistocene elephants (Mammalia, Elephantidae) from Sinyaya Balka / Bogatyri site (Sea of Azov Region, Russia) // *QI*. Vol. 420. P. 306–318.
- Bar-Yosef O., 2006. The known and the unknown about the Acheulian // *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard* / N. Goren-Inbar, G. Sharon (eds). London: Equinox. P. 479–494.
- Beyene Y., Katoh S., Gabriel G. W., Hart W. K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P. R., Suwa G., Asfaw B., 2013. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia // *Proceeding of the National Academy of Sciences*. Vol. 110. No. 5. P. 1584–1591.
- Bosinski G., 2016. L'importance sociale du feu dans les cultures du Pleistocène moyen. L'apport de Terra Amata // *Terra Amata – Nice, Alpes-Maritimes, France* / Ed. H. de Lumley. T. V: Comportement et mode de vie des chasseurs acheuléens de Terra Amata. Paris: CNRS Editions. P. 446–447.
- Bosinski G., Shchelinsky V., Kulakov S., Kindler L., 2003. Bogatyri (Sinaja Balka). Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Rußland) // *Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für Dietrich Mania* / J. M. Burdukiewicz, L. Fiedler u. a. (Hrsg). Halle (Saale): Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte. S. 79–89.
- Carbonell E., Bermúdez de Castro J. M., Parés J. M., Pérez-Gonzales A., Cuenca-Bescós G., Ollé A., Mosquera M., Huguet R., van der Made J., Rosas A., Sala R., Valleverdu J., Garcia N., Gran-ger D. E., Martínón-Torres M., Rodríguez X. P., Stock G. M., Vergès J. M., Allué E., Burjachs F., Cáceres L., Canals A., Benito A., Díez C., Lozano M., Mateos A., Navazo M., Rodríguez J., Rosell J., Arsuaga J. L., 2008. The first hominin in Europe // *Nature*. Vol. 452. No. 7186. P. 465–470.
- Carbonell E., Mosquera M., Rodríguez X. P., Sala R., van der Made J., 1999. Out of Africa: the dispersal of the earliest technical systems reconsidered // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 18. Iss. 2. P. 119–136.
- Garcia J., Martinez K., Carbonell E., 2013. The Early Pleistocene stone tools from Vallparadís (Barcelona, Spain): Rethinking the European Mode 1 // *QI*. Vol. 316. P. 94–114.
- Harmand S., Lewis J. E., Feibel C. S., Lepre Ch. J., Prat S., Lenoble A., Boës X., Quinn R. L., Brenet M., Arroyo A., Taylor N., Clément S., Davaer G., Brugal J.-Ph., Leakey L., Mortlock R. A., Wright J. D., Lokorodi S., Kirwa Ch., Kent D. V., Roche H., 2015. 3.3-million-year-old stone tools from Lomekwi 3, West Turkana, Kenya // *Nature*. Vol. 521. No. 7552. P. 310–315.
- Jöris O., 2008. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 157 S.
- Kahlke R.-D., Garcia N., Kostopoulos D. S., Lacombar F., Lister A. M., Mazz P. P. A., Spassov N., Titov V. V., 2011. Western Palaearctic palaeoenvironmental conditions during the Early and early Middle Pleistocene inferred from large mammal communities, and implications for hominin dispersal in Europe // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 30. Iss. 11–12. P. 1368–1395.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Vol. 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // *After the Australopithecines: Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene* / K. W. Butzer, G. L. Issak (eds). Paris: Mouton. P. 477–493.
- Lumley de H., Barsky D., Cauche D., 2009. Archaic stone industries from east Africa and southern Europe. Pre-Oldowan and Oldowan // *The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins* / K. Schick, N. Toth (eds). Bloomington, IN: Stone Age Institute Press. P. 55–91.
- Lumley H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celibert, V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanisi en Géorgie // *L'Anthropologie*. Vol. 109. No. 1. P. 1–182.
- Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Desprée J., Chagelishvili R., Nioradze M., Nioradze G., 2010. First human settlement of the Caucasus. Technical behavior and raw material acquisition at Dmanisi site Georgia (1.77 Ma) // *QI*. Vol. 223–224. P. 422–425.

- Moncel M.-H., 2010. Oldest human expansions in Eurasia: favouring and limiting factors // *QI*. Vol. 223–224. P. 1–9.
- Moncel M.-H., Arzarello M., Boëda É., Bonilauri S., Chevrier B., Gaillard C., Forestier H., Yinghua L., Sémah F., Zeitoun V., 2015. The assemblages with bifacial tools in Eurasia (first part). What is going on in the West? Data on western and southern Europe and the Levant [Electronic resource] // *Comptes Rendus Palevol*. Access mode: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1631068315002109>. Access date: 13.05.2017.
- Mosquera M., Olle A., Rodríguez X. P., 2013. From Atapuerca to Europe: tracing the earliest peopling of Europe // *Vol.* 295. P. 130–137.
- Schick K., Toth N., 2006. An overview of the Oldowan industrial complex: The sites and the nature of the evidence // *The Oldowan: case studies into the Earliest Stone Age* / N. P. Toth, K. Schick (eds). Bloomington: Stone Age Institute Press. P. 3–42.
- Semaw S., 2000. The world's oldest stone artifacts from Gona, Ethiopia: Their implications for understanding stone technology and patterns of human evolution between 2,6–1,5 million years ago // *JAS*. Vol. 27. Iss. 12. P. 1197–1214.
- Semaw S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan-Acheulian transition: is there a “Developed Oldowan” artifact tradition? // *Camps M., Chauhan P. R.* (eds). *Sourcebook of paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations*. N. Y.: Springer. P. 173–194.
- Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V., 2010. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // *QI*. Vol. 223–224. P. 28–35.
- Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N., 2016. The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // *QI*. Vol. 393. P. 51–69.
- Shea J., 2010. Stone Age visiting cards revisited: a strategic perspective on the lithic technology of early hominin dispersal // *Out of Africa I: The First Hominin Colonization of Eurasia* / Ed. J. G. Fleagle. N. Y.: Springer. P. 47–64.
- Torre de la I., 2011. The Early Stone Age lithic assemblages of Gadeb (Ethiopia) and the Developed Oldowan/early Acheulean in East Africa // *Journal of Human Evolution*. Vol. 60. P. 768–812.
- Torre de la I., McHenry L., Njau J. and Pante M., 2012. The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa // *Archaeology International*. Vol. 15. P. 89–98.
- Toth N., Schick K., 2000. Early Paleolithic // *Encyclopedia of human evolution and prehistory* / E. Delson et al. (eds). N. Y.: Garland. P. 225–229.

Сведения об авторе

Щелинский Вячеслав Евгеньевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shchelinsky@yandex.ru

V. E. Shchelinsky

RODNIKI 4: THE EARLY PALEOLITHIC LOCALITY IN THE SOUTH OF THE SEA OF AZOV COAST-LINE AREAS

Abstract. One of the main areas of the studies concerning archaeology of the Paleolithic are issues of initial settlement of prehistoric population and development of its culture at the earliest stage of the Early Paleolithic in the territory of Russia. As a result of systematic explorations carried out in recent years, a previously unknown Taman Early Paleolithic industry of hunters who hunted large mammals, which existed in the period between 1,200,000 and 1,600,000 years ago, was singled out. This task required additional justification. The paper analyzes materials from Rodniki 4, i. e. a new Paleolithic locality,

which belonged to this industry. The explorations confirmed a rather high level of Taman industry sophistication and provided a good case to refer it to the early Acheulean, which is interpreted as a technological stage in development of lithic industries rather than a cultural tradition.

Keywords: Early Pleistocene, Taman Early Paleolithic industry, Rodniki 4 locality, South of the Sea of Azov coastal area, South Russia.

REFERECES

- Amirkhanov Kh. A., 2007. Issledovaniya pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze (predvaritel'nye rezul'taty) [Investigations of Oldowan sites in North-Eastern Caucasus (preliminary results)]. Moscow: Taus. 52 p.
- Amirkhanov Kh. A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: beginning of prehistory]. Makhachkala: Mavraev". 344 p.
- Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: the discovery and investigation of Oldowan sites in Northern Caucasus. *Comptes Rendus Palevol*, vol. 13, iss. 8, pp. 717–725.
- Baigusheva V. S., Titov V. V., Foronova I. V., 2016. Teeth of early generations of Early Pleistocene elephants (Mammalia, Elephantidae) from Sinyaya Balka/Bogatyri site (Sea of Azov Region, Russia). *QI*, 420, pp. 306–318.
- Bar-Yosef O., 2006. The known and the unknown about the Acheulian. *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. N. Goren-Inbar, G. Sharon, eds. London: Equinox, pp. 479–494.
- Beyene Y., Katoh S., Gabriel G. W., Hart W. K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P. R., Suwa G., Asfaw B., 2013. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 110, no. 5, pp. 1584–1591.
- Bosinski G., 2016. L'importance sociale du feu dans les cultures du Pleistocène moyen. L'apport de Terra Amata. *Terra Amata – Nice, Alpes-Maritimes, France, V. Comportement et mode de vie des chasseurs acheuléens de Terra Amata*. H. de Lumley, ed. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique Éditions, pp. 446–447.
- Bosinski G., Shchelinsky V., Kulakov S., Kindler L., 2003. Bogatyri (Sinaja Balka). Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Rußland). *Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für Dietrich Mania*. J. M. Burdukiewicz, L. Fiedler, hrsg. Halle (Saale): Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte, Ss. 79–89.
- Carbonell E., Bermúdez de Castro J. M., Parés J. M., Pérez-Gonzales, A., Cuenca-Bescós G., Ollé A., Mosquera M., Huguet R., van der Made J., Rosas A., Sala R., Valleverdu J., Garcia N., Granger D. E., Martínón-Torres M., Rodríguez X. P., Stock, G. M., Vergès J. M., Allué E., Burjachs F., Cáceres I., Canals A., Benito A., Diez C., Lozano M., Mateos A., Navazo M., Rodríguez J., Rosell J., Arsuaga J. L., 2008. The first hominin in Europe. *Nature*, vol. 452, no. 7186, pp. 465–470.
- Carbonell E., Mosquera M., Rodríguez X. P., Sala R., van der Made J., 1999. Out of Africa: the dispersal of the earliest technical systems reconsidered. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 18, iss. 2, pp. 119–136.
- Derevyanko A. P., 2015. Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii [Three global migrations of man in Eurasia], 1. Novosibirsk: IAET SO RAN. 612 p.
- Dodonov A. E., Trubikhin V. M., Tesakov A. S., 2008. Paleomagnetizm kostenosnykh otlozheniy mestonakhozhdeniya Sinyaya Balka/Bogatyri [Palaeomagnetism of bone-bearing deposits at site Sinyaya Balka/Bogatyri]. *Ranniy paleolit Evrazii: novye otkrytiya: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries: transactions of International conference]*. S. A. Vasil'ev, A. P. Derevyanko, G. G. Matishov, eds. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 57–58.
- Garcia J., Martínez K., Carbonell E., 2013. The Early Pleistocene stone tools from Vallparadís (Barcelona, Spain): Rethinking the European Mode 1. *QI*, 316, pp. 94–114.
- Harmand S., Lewis J. E., Feibel C. S., Lepre Ch. J., Prat S., Lenoble A., Boës X., Quinn R. L., Brenet M., Arroyo A., Taylor N., Clément S., Daver G., Brugal J.-Ph., Leakey L., Mortlock R. A., Wright J. D.,

- Lokorodi S., Kirwa Ch., Kent D. V., Roche H., 2015. 3.3-million-year-old stone tools from Lomekwi 3, West Turkana, Kenya. *Nature*, vol. 521, no. 7552, pp. 310–315.
- Izmaylov Ya. A., Shchelinskiy V. E., 2013. Geologicheskaya situatsiya rannepaleoliticheskikh mestonakhozhdeniy v Yuzhnom Priazov'e na Tamanskom poluostrove [Geological situation of Early Palaeolithic sites in Southern Azov Sea region in Taman' Peninsula]. *Drevneyshiy Kavkaz: perekrestok Evropy i Azii [Earliest Caucasus: crossroad between Europe and Asia]*. S. A. Vasil'ev, A. V. Larionova, eds. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 20–39.
- Jöris O., 2008. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 157 S.
- Kahlke R.-D., Garcia N., Kostopoulos D. S., Lacombat F., Lister A. M., Mazz P. P. A., Spassov N., Titov V. V., 2011. Western Palaearctic palaeoenvironmental conditions during the Early and early Middle Pleistocene inferred from large mammal communities, and implications for hominin dispersal in Europe. *Quaternary Science Reviews*, vol. 30, iss. 11–12, pp. 1368–1395.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge, 3. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence. *After the Australopithecines: Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene*. K. W. Butzer, G. L. Issak, eds. Paris: Mouton, pp. 477–493.
- Lumley de H., Barsky D., Cauche D., 2009. Archaic stone industries from east Africa and southern Europe. Pre-Oldowan and Oldowan. *The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins*. K. Schick, N. Toth, eds. Bloomington, IN: Stone Age Institute Press, pp. 55–91.
- Lumley H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celibert, V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanisi en Géorgie. *L'Anthropologie*, vol. 109, no. 1, pp. 1–182.
- Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Desprée J., Chagelishvili R., Nioradze G., 2010. First human settlement of the Caucasus. Technical behavior and raw material acquisition at Dmanisi site Georgia (1.77 Ma). *QI*, vol. 223–224, pp. 422–425.
- Moncel M.-H., 2010. Oldest human expansions in Eurasia: favouring and limiting factors. *QI*, 223–224, pp. 1–9.
- Moncel M.-H., Arzarello M., Boëda É., Bonilauri S., Chevrier B., Gaillard C., Forestier H., Yinghua L., Sémah F., Zeitoun V., 2015. The assemblages with bifacial tools in Eurasia (first part). What is going on in the West? Data on western and southern Europe and the Levant. Electronic resource. *Comptes Rendus Palevol*. (URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1631068315002109>)
- Mosquera M., Olle A., Rodríguez X. P., 2013. From Atapuerca to Europe: tracing the earliest peopling of Europe. *QI*, 295, pp. 130–137.
- Ozherel'ev D. V., 2015. Kul'turno-khronologicheskoe opredelenie kamennykh nakhodok iz sloya 129 mnogoslnoynoy rannepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay II [Cultural and chronological attribution of stone finds from layer 129 at the Mukhai II multilayer Early Palaeolithic station]. *KSLA*, 241, pp. 7–20.
- Schick K., Toth N., 2006. An overview of the Oldowan industrial complex: The sites and the nature of the evidence. *The Oldowan: case studies into the Earliest Stone Age*. N. P. Toth, K. Schick, eds. Bloomington: Stone Age Institute Press, pp. 3–42.
- Semaw S., 2000. The world's oldest stone artifacts from Gona, Ethiopia: Their implications for understanding stone technology and patterns of human evolution between 2.6–1.5 million years ago. *JAS*, vol. 27, iss. 12, pp. 1197–1214.
- Semaw S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan-Acheulian transition: is there a “Developed Oldowan” artifact tradition? // *Camps M., Chauhan P. R.* (eds). Sourcebook of paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations. New York: Springer. P. 173–194.
- Shchelinskiy V. E., 2010. Pamyatniki rannego paleolita Priazov'ya [Early Palaeolithic sites in Azov Sea region]. *Chelovek i drevnosti: Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) [Man and antiquities: In memory of A. A. Formozov (1928–2009)]*, I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i Ko, pp. 57–77.
- Shchelinskiy V. E., 2012. Rodniki 4. Novaya rannepaleoliticheskaya stoyanka v Yuzhnom Priazov'e (materialy 2010–2011 gg.) [Rodniki 4. New Early Palaeolithic station in Southern Azov Sea region (materials of 2010–2011)]. *AV*, 18. St. Petersburg, pp. 13–24.

- Shchelinskiy V. E., 2013. Funktsional'nye osobennosti oldovanskikh stoyanok na Tamanskom poluostrove v Yuzhnom Priazov'e (geologicheskie i arkheologicheskie svidetel'stva) [Functional features of Oldowan sites in Taman' Peninsula in Southern Azov Sea region (geological and archaeological evidences)]. *VIII Vserossiyskoe soveshchanie po izucheniyu chetvertichnogo perioda: «Fundamental'nye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy»: sbornik statey [VIII All-Russian meeting on quaternary research: «Fundamental problems of quarter; research results and main directions of further investigations»: collected articles]*. G. G. Matishov, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 713–716.
- Shchelinskiy V. E., 2014. Eopleystotsenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavkaz'e [Early Palaeolithic station Rodniki 1 in Western Forecaucasus]. St. Petersburg: IIMK RAN. 168 p.
- Shchelinskiy V. E., 2015. Oldovanskie traditsii i ikh razvitie v rannem paleolite Yuzhnogo Priazov'ya (po materialam stoyanok Rodniki 1 i 4 na Tamanskom poluostrove) [Oldowan traditions and their development in Early Palaeolithic of Southern Azov Sea region (based on materials of stations Rodniki 1 and 4 in Taman' Peninsula)]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiума RAN «Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture» [Traditions and innovations in history and culture: program of fundamental researches of Presidium of RAS «Traditions and innovations in history and culture»]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow: IEA RAN, pp. 20–30.
- Shchelinskiy V. E., 2016a. Kamennaya industriya rannepleystotsenovoy stoyanki Rodniki 2 na Tamanskom poluostrove [Stone industry of Early Pleistocene station Rodniki 2 in Taman' Peninsula]. *AV*, 22. St. Petersburg, pp. 13–30.
- Shchelinskiy V. E., 2016b. Rannepaleoliticheskoe mestonakhozhdenie Rodniki 3 na Tamanskom poluostrove (Yuzhnoe Priazov'e) [Early Palaeolithic site Rodniki 3 in Taman' Peninsula (Southern Azov Sea region)]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK RAS]*, 13, pp. 7–22.
- Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V., 2010. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki. *QI*, 223–224, pp. 28–35.
- Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N., 2016. The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (Southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results). *QI*, 393, pp. 51–69.
- Shea J., 2010. Stone Age visiting cards revisited: a strategic perspective on the lithic technology of early hominin dispersal. *Out of Africa I: The First Hominin Colonization of Eurasia*. J. G. Fleagle, ed. New York: Springer, pp. 47–64.
- Titov V. V., Tesakov A. S., Baygusheva V. S., 2012. K voprosu ob ob'eme psekupskogo i tamanskogo faunisticheskikh kompleksov (ranniy pleystotsen, yug Vostochnoy Evropy) [On problem of volume of Psekups and Taman' faunistic complexes (Early Pleistocene, South of Eastern Europe)]. *Paleontologiya i stratigraficheskie granitsy: materialy LVIII sessii Paleontologicheskogo obshchestva pri RAN [Paleontological and stratigraphic borders: transactions of LVIII session of Paleontological society at RAS]*. T. N. Bogdanova, ed. St. Petersburg: VSEGEI, pp. 142–144.
- Torre de la I., 2011. The Early Stone Age lithic assemblages of Gadeb (Ethiopia) and the Developed Oldowan/early Acheulean in East Africa. *Journal of Human Evolution*, 60, pp. 768–812.
- Torre de la I., McHenry L., Njau J., Pante M., 2012. The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa. *Archaeology International*, 15, pp. 89–98.
- Toth N., Schick K., 2000. Early Paleolithic. *Encyclopedia of human evolution and prehistory*. E. Delson, ed. New York: Garland, pp. 225–229.

About the author

Shchelinsky Vyacheslav E., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: shchelinsky@yandex.ru

С. Церна

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МЕЛКОЙ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ НА ПОСЕЛЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ КУКУТЕНЬ-ТРИПОЛЬЕ

Резюме. В настоящей статье проводится исследование встречаемости мелкой антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье. В основе работы – выборка из 121 поселения, по которым автору были доступны данные о количестве обнаруженной антропоморфной пластики и размерах раскрытой раскопками площади. Для каждого поселения высчитывалось число статуэток на 100 кв. м площади, при этом количество статуэток делится на число квадратных метров изученной площади и затем умножается на 100. Этот показатель позволяет сопоставлять данные с разных памятников. В результате удалось высчитать, что средняя встречаемость фигурок на кукутень-трипольских памятниках не превышает 5 статуэток на 100 кв. м изученной площади. Представлены результаты статистической обработки данных, которые затем обсуждаются в диахронном аспекте. Намечены дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: энеолит, культура Кукутень-Триполье, антропоморфная пластика, показатель присутствия статуэток, поселения, статистика.

Введение

Мелкая антропоморфная пластика является одной из наиболее характерных категорий находок на поселениях нео-энеолитических культур Юго-Восточной Европы и Карпатского Бассейна. Глиняные фигурки часто рассматривались как предметы древнего искусства или ритуальные артефакты, и этим аспектам феномена антропоморфных статуэток посвящено немало работ. В то же время количественно глиняные миниатюры представляют собой третью по распространению категорию инвентаря раннеземледельческих поселений после посуды и орудий труда из камня и кости; их количество исчисляется тысячами.

В культуре Кукутень-Триполье, занимавшей в VI–IV тыс. до н. э. лесостепные территории между Карпатами и Днестром, к настоящему моменту известно почти 10 000 антропоморфных фигурок. На целом ряде поселений всех этапов культуры статуэтки исчисляются сотнями. Массовость является одной из основных характеристик пластики. Учитывая высокие количественные показатели

статуэток, логично использовать для их изучения методы исследования других массовых категорий инвентаря. Соответственно, изучение аспектов распределения статуэток на памятнике является одним из начальных этапов в последовательности работы с материалом.

Целью настоящей работы является исследование распространения мелкой антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье. Анализ проводится по количеству статуэток на каждом памятнике на основании составленной автором базы данных.

Используемые источники

Исследование проведено на основе выборки из 121 поселения культуры Кукутень-Триполье, по которым автору были доступны данные о количестве обнаруженной антропоморфной пластики и размерах вскрытой раскопками площади. Хронологически памятники распределяются следующим образом: 34 поселения относятся к этапу Прекукутень – Триполье А; 30 поселений – к этапу Кукутень А – Триполье В1; 11 памятников к этапу Кукутень АВ – Триполье В1В2; 33 поселения – к этапу Кукутень В – Триполье В2, В2/С1 и С1; этап Триполье С2 представлен 13 поселениями. Ученные памятники распространены по всей территории между восточными Карпатами и Днестром (рис. 1), причем в бассейнах Сирета, Днестра и Прута их концентрация выше (Manzura, 2005. Figs. 2; 3; 6; 7; 12).

В зависимости от раскопанной площади памятники были разделены на три категории: 1) до 499 кв. м, 2) 500 – 4999 кв. м и 3) свыше 5000 кв. м. На всех этапах памятники первой категории составляют больше половины выборки, за ними следуют памятники второй категории. Поселений третьей категории всего семь, причем на этапе Прекукутень – Триполье А они не представлены (рис. 2, 1).

Общий анализ распространения фигурок

На 121 поселении зафиксировано 5979 статуэток (табл. 1). Учитывая общее количество известных в культуре Кукутень-Триполье фигурок (9222, по подсчетам автора), выборка может считаться достаточно репрезентативной.

На каждом из поселений высчитывалось число статуэток на 100 кв. м площади. Такой показатель присутствия позволяет сопоставлять данные с разных памятников. Для этого количество статуэток делится на число квадратных метров изученной площади и умножается на 100. Для многослойных памятников поселение каждого этапа считается отдельной единицей.

Статистическая обработка данных¹ представлена на двух диаграммах: диаграмме рассеивания и диаграмме размаха.

¹ Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 17.0.

Таблица 1. Использованные данные по исследованной площади и количеству находок антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье²

Сплошная нумерация	Постатная нумерация	Название памятника	Страна	Исслед. площадь (кв. м.)	Кол-во статуэток	Кол-во статуэток на 100 кв. м. исслед. площади
<i>Прекукутень – Триполье А</i>						
1	1	Александровка I	Молдова	96	11	11,45
2	2	Александровка	Украина	1433	107	7,5
3	3	Байя – Ын Мукие	Румыния	524	4	0,76
4	4	Бернашевка	Украина	1000	67	6,7
5	5	Бернове – Лука	Украина	200	64	32
6	6	Босанчъ – Ла Под Ла Редиу	Румыния	82	8	9,75
7	7	Бэкринешть VII	Молдова	94	3	3,2
8	8	Вэлень – Пятра Нямец	Румыния	460	2	0,4
9	9	Данилова Балка	Украина	312	6	1,9
10	10	Извоаре	Румыния	391	24	6,1
11	11	Исайя	Румыния	1200	58	4,8
12	12	Исакова II	Молдова	252	16	6,35
13	13	Киперешть – Цэруш	Румыния	79	7	8,9
14	14	Козина	Украина	30,6	3	9,8
15	15	Кормань	Украина	20	11	55
16	16	Кошерница I	Молдова	148	8	5,4
17	17	Кэрбуна I	Молдова	334	15	4,5
18	18	Ларга Жижия	Румыния	150	12	8

² Полностью список литературы, использованной для составления таблицы, представлен в диссертации автора (см.: Церна, рукопись дис.).

Сплошная нумерация	Позатпная нумерация	Название памятника	Страна	Исслед. площадь (кв. м.)	Кол-во статуюток	Кол-во статуэток на 100 кв. м. исслед. площади
19	19	Ленковцы	Украина	1286	89	6,9
20	20	Лука-Врублевская	Украина	850	267	31,4
21	21	Окопы	Украина	2800	15	0,5
22	22	Плискив – Чернявка	Украина	370	2	0,5
23	23	Путинешть I	Молдова	260	71	27,3
24	24	Рогожень I	Молдова	140	6	4,3
25	25	Русештий Ной I	Молдова	308	64	20,8
26	26	Руший – Мэнэстиоара	Румыния	284	3	1
27	27	Солончень I	Молдова	261	4	1,5
28	28	Тимково	Украина	59	19	32,2
29	29	Траян – Дялул Вией	Румыния	2150	16	0,7
30	30	Тыргу Фрумос	Румыния	2000	367	18,35
31	31	Тырпешть	Румыния	3200	109	3,4
32	32	Флорешть I	Молдова	1500	36	2,4
33	33	Флорешть III	Молдова	572	16	3
34	34	Холеркань	Молдова	500	13	2,6
ВСЕГО					1523	
<i>Кукутень А – Триполье В I</i>						
35	1	Берешть	Румыния	388,6	104	26,8
36	2	Делешть – Четэцуя	Румыния	77	1	1,3
37	3	Друца I	Молдова	436	97	22,25
38	4	Дрэгушень – Остров	Румыния	3200	150	4,7
39	5	Дрэгушень – Ын Дял Ла Лутэрие	Румыния	45	17	37,8

40	6	Жора де Сус	Молдова	352	7	2
41	7	Извоаре	Румыния	391	36	9,2
42	8	Калу – Пятра Шоймулуй	Румыния	454,7	7	1,5
43	9	Кетрешть	Румыния	254	1	0,4
44	10	Костешть – Чьер	Румыния	130	10	7,7
45	11	Красноставка	Украина	71,5	1	1,4
46	12	Куконештий Векь I	Молдова	818	6	0,73
47	13	Кукутень	Румыния	890	36	4
48	14	Покряка	Румыния	297	43	14,5
49	15	Поливанов Яр III	Украина	1385	35	2,5
50	16	Преутешть – Халтэ	Румыния	238	8	3,4
51	17	Путинешть II	Молдова	184	5	2,7
52	18	Путинешть III	Молдова	851	120	14,1
53	19	Руджиноаса	Румыния	588	176	28,9
54	20	Русештий Ной I	Молдова	308	51	16,6
55	21	Рэучешть – Мунтень	Румыния	400	65	16,25
56	22	Скынтейя	Румыния	1390	263	18,9
57	23	Трушешть	Румыния	30 000	184	0,6
58	24	Тырлешть	Румыния	3200	53	1,7
59	25	Тэкута	Румыния	200	46	23
60	26	Тэтэрэука Ноуэ III	Молдова	112	2	1,8
61	27	Фрумушика	Румыния	1800	60	3,3
62	28	Фулжерииш	Румыния	270	25	9,3
63	29	Хойсешть Ла Под	Румыния	1000	26	2,6
64	30	Хэбэшешть	Румыния	9000	175	1,9
				ВСЕГО	1810	

Сплошная нумерация	Позапная нумерация	Название памятника	Страна	Исслед. площадь (кв. м.)	Кол-во статуюток	Кол-во статуэток на 100 кв. м. исслед. площади
<i>Кукутень АВ – Триполье В1В2</i>						
65	1	Александровка II	Молдова	118	2	1,7
66	2	Гура Кэинарулуй	Молдова	250	22	8,8
67	3	Клишев	Украина	3300	15	0,45
68	4	Котыргачь – Коту Попий	Румыния	624	6	1
69	5	Мырзешть	Молдова	148	2	1,4
70	6	Поливанов Яр II	Украина	1385	32	2,3
71	7	Рэдулений Веки II	Молдова	250	5	2
72	8	Траян – Дялул Фынтынилор	Румыния	12 000	179	1,5
73	9	Флорешть V	Молдова	376	17	2,7
74	10	Чулукань I	Молдова	346	7	2
75	11	Яблоана I	Молдова	5350	711	13,3
ВСЕГО статуэток для Кукутень АВ						
<i>Кукутень В – Триполье В2, В2/С1, С1</i>						
76	1	Белелуя VI	Украина	221	4	1,8
77	2	Белый Камень	Украина	776	5	0,6
78	3	Бильшивыцы	Украина	500	10	2
79	4	Брынзень VIII	Молдова	836	64	7,7
80	5	Ворошиловка	Украина	1107	152	13,73
1	2	3	4	5	6	7
81	6	Главан I	Молдова	140	6	4,3
82	7	Григоревка – Игнатенкова Гора	Украина	1266	10	0,8
83	8	Григоревка – Хагище	Украина	290	8	2,8

84	9	Доброводы	Украина	176	4	2,3
85	10	Драгушень – Четэуя	Румыния	160	53	31,25
86	11	Калу – Пятра Шоймулуй	Румыния	454,7	19	4,2
87	12	Костешть – Чьер	Румыния	130	132	101,5
88	13	Кукутень	Румыния	890	161	18
89	14	Майданецкое	Украина	5200	218	4,2
90	15	Небелевка	Украина	2500	103	4,12
91	16	Незаможник	Украина	1700	8	0,5
92	17	Незвиско	Украина	1084	14	1,3
93	18	Пекари II	Украина	222	10	4,5
95	20	Раковэц	Молдова	363	88	24,2
96	21	Рипница 2	Украина	270	8	3
97	22	Рипница 6	Украина	120	8	1,7
98	23	Рэучешть – Мунтень	Румыния	400	38	9,5
99	24	Сорока (Озеро)	Молдова	302	23	7,6
100	25	Стена IV	Украина	100	2	2
101	26	Тальянки	Украина	4262	38	0,9
102	27	Тринка – Ла Шанц	Молдова	163	38	21,5
103	28	Фрумушика	Румыния	1800	13	0,7
104	29	Ходаки	Украина	50	2	4
105	30	Хомине	Украина	312	13	4,2
106	31	Чапаевка	Украина	5000	100	2
107	32	Чечельник	Украина	142	3	2,1
108	33	Шурь I	Молдова	112	5	4,5
ВСЕГО				1391		

Сплошная нумерация	Поэтапная нумерация	Название памятника	Страна	Исслед. площадь (кв. м.)	Кол-во статусных памятников	Кол-во статусных памятников на 100 кв. м. исслед. площади
<i>Триполье С2</i>						
109	1	Брызень IX	Молдова	496	3	0,6
110	2	Костешть – Чьер	Румыния	130	2	1,5
111	3	Хородишта	Румыния	560	5	0,9
112	4	Тырпешть	Румыния	3200	4	0,12
113	5	Троянов	Украина	2000	175	8,75
114	6	Косёновка	Украина	112	3	2,7
115	7	Сандраки	Украина	120	10	8,3
116	8	Паволочь	Украина	150	20	13,3
117	9	Дуруитоаря – Кэсоая ку Апэ	Молдова	160	2	1,25
118	10	Тринка – Изворул луй Лука	Молдова	6500	5	0,1
119	11	Хоров I	Украина	394	20	5,1
120	12	Хоров IV	Украина	542	3	0,55
121	13	Поливанов Яр I/2	Украина	1385	5	0,4
				ВСЕГО		
				Общее число статусных памятников		5979

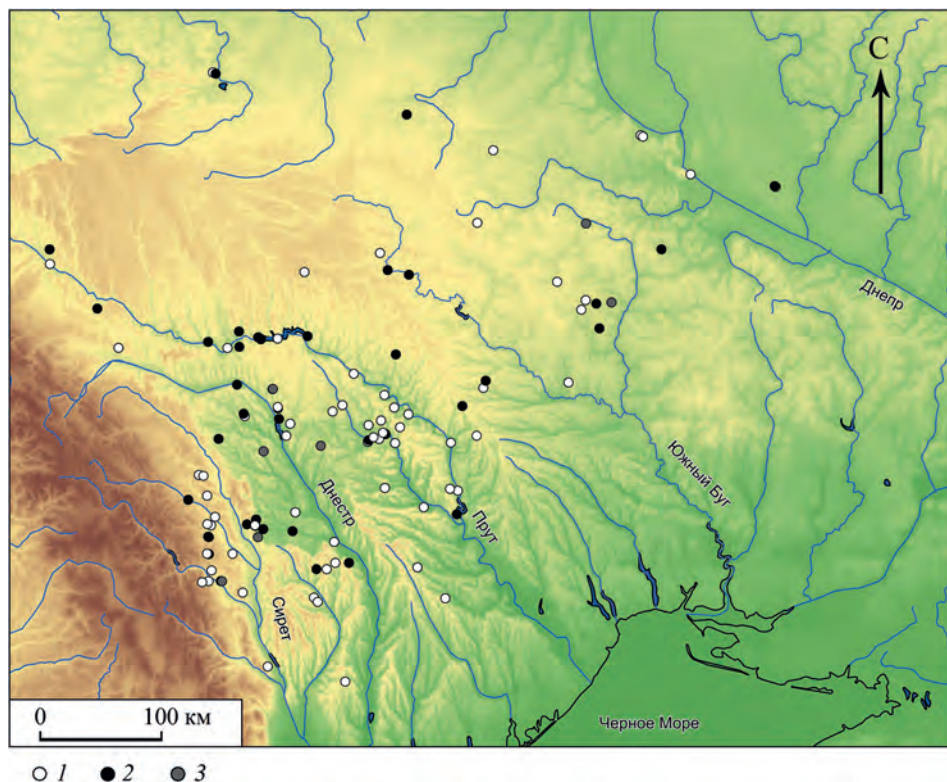

Рис. 1. Картографирование выборки из 121 поселения культуры Кукутень-Триполье с обозначением степени исследованности

Условные обозначения: категории исследованной площади: 1 – до 499 кв. м; 2 – от 500 до 4999 кв. м; 3 – свыше 5000 кв. м

На диаграмме рассеивания (рис. 3) представлена встречаемость антропоморфных фигурок на поселениях с исследованной площадью более 500 кв. м. Таких памятников 50. Диаграмма показывает наличие незначительной обратной корреляции, где показатель присутствия пластики уменьшается по мере увеличения площади и часто оказывается меньше единицы. Лишь в двух случаях для поселений с раскопанной площадью больше 2000 кв. м показатель превышает 5 фигурок на 100 кв. м (поселения Тыргу Фрумос этапа Прекукутень и Яблоана I этапа Кукутень АВ).

Для проверки данных диаграммы рассеивания и их поэтапной визуализации была составлена диаграмма размаха (так наз. «коробочная»), где по горизонтальной оси представлены хронологические этапы, а по вертикальной – число фигурок на 100 кв. м (рис. 4). Диаграмма была составлена в двух вариантах: общая (рис. 4/А) и для памятников, где было исследовано больше 500 кв. м (рис. 4/Б), с целью «отсечь» слишком «разнобойные» значения коэффициента для поселений, изученных малой площадью. И в этом случае значение медианы

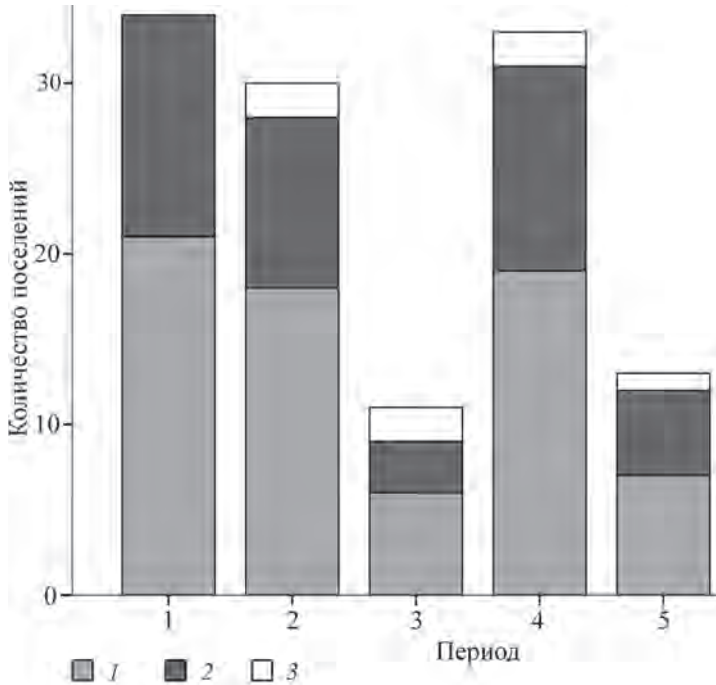

Рис. 2. Хронологическое распределение поселений, включенных в выборку

1 – Прекукутень – Триполье А; 2 – Кукутень А – Триполье В1; 3 – Кукутень АВ – Триполье В1В2; 4 – Кукутень В – Триполье В2, В2/С1, С1; 5 – Триполье С2

Условные обозначения: категории исследованной площади: 1 – до 499 кв. м; 2 – 500–4999 кв. м; 3 – свыше 5000 кв. м

для каждого хронологического этапа не превышает 5. Вариабельность (смещение) данных в сторону более высокого значения показателя встречаемости наблюдается прежде всего для периодов 1, 2 и 4, что обусловлено степенью исследованности памятников. Здесь они соответствуют памятникам, раскопанным малыми площадями.

Таковы общие результаты статистического анализа встречаемости статуэток в культурном слое поселений культуры Кукутень-Триполье. Далее следует более подробный анализ данных для каждой хронологической ступени. Особое внимание уделено поселениям с исследованной площадью выше 500 кв. м и большим количеством антропоморфных статуэток. В этих случаях можно попытаться проследить, как специфика изученных археологических комплексов могла обусловить более высокую встречаемость статуэток, для чего необходимо обратиться к информации о контексте находок.

Для периода **Прекукутень – Триполье А** было привлечено 34 поселения, скоторых происходят 1523 статуэтки. На 13 памятниках раскопано больше 500 кв. м. В двух из них показатель присутствия статуэток заметно выше: Тыргу

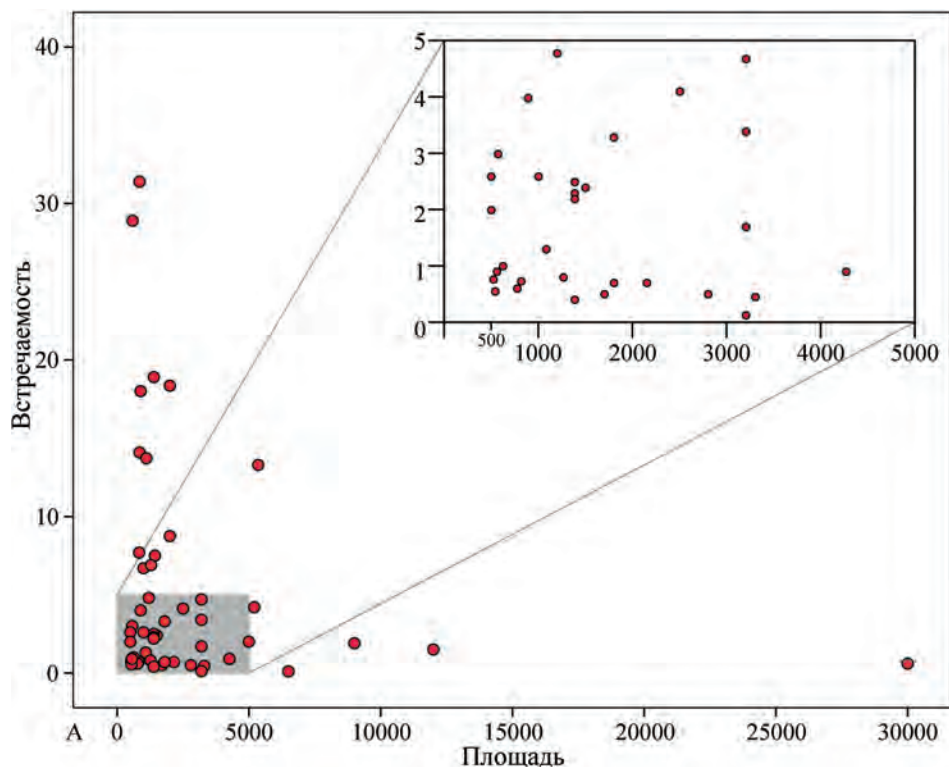
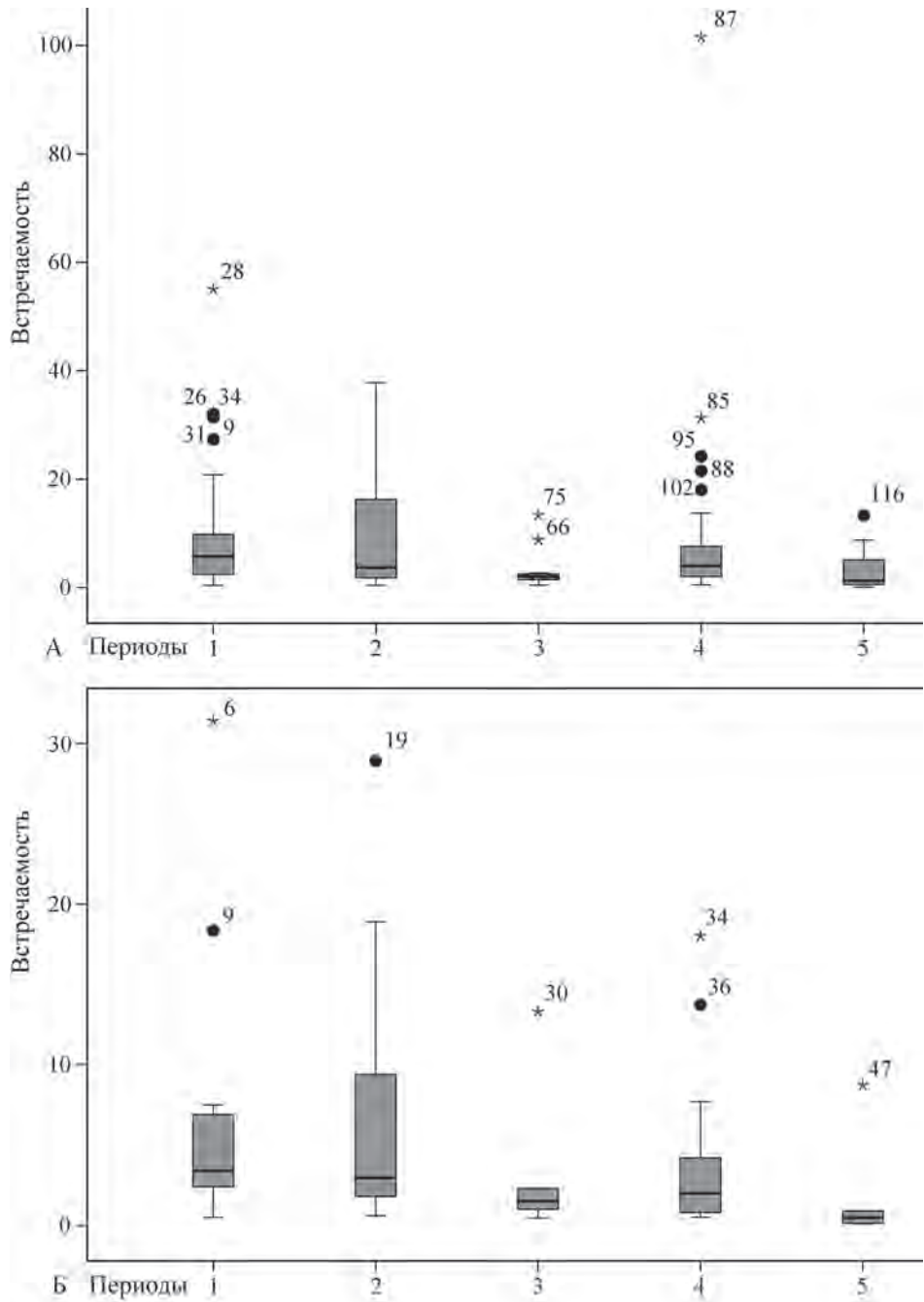

Рис. 3. Диаграмма рассеивания значений показателя присутствия мелкой антропоморфной пластики на исследованных участках поселений

Горизонтальная ось – исследованная площадь; вертикальная ось – показатель присутствия антропоморфных фигурок (число статуэток на 100 кв. м)

Фрумос – 18,35 (исследовано 2000 кв. м) и Лука-Врублевцевская – 31,4 (исследовано 850 кв. м).

В Тыргу Фрумос статуэтки происходят из 16 наземных домов, одного углубленного жилища и 55 ям. Эти комплексы не одновременны и относятся к трем микрогоризонтам, которые датируются ранним Трипольем. В публикации памятника приведена обобщенная информация о контексте для всех типов антропоморфных изображений, не только для мелкой пластики. Так, авторы включили в обзор антропоморфные элементы на керамике, глиняные конусы с антропоморфными признаками и др. (*Ursulescu et al.*, 2014), всего 414 находок. Для наземных и углубленного комплекса указано общее число антропоморфных изображений. Учитывая, что мелкая пластика составляет абсолютное большинство антропоморфных изображений в Тыргу Фрумос (367 из 414), данные весьма показательны. Так, из жилищ происходят 189, из ям – 146, из слоя – 73 и с поверхности – 6 находок. Сравним эти данные с другими памятниками, раскопанными крупными площадями, где были исследованы наземные жилища и ямы. В Исайя

(Ursulescu, Tencariu, 2008) на площади в 1200 кв. м исследовано 8 жилищ и 47 ям. Найдено 59 статуэток, которые распределяются следующим образом: 40 в жилищах, 14 в ямах, 3 в слое и 2 на поверхности. В Тырпешть (площадь 3200 кв. м) изучено 10 наземных жилищ и несколько ям (Marinescu-Bîlcu, 1981. Р. 24). Здесь обнаружено 109 статуэток. В Александровке 107 статуэток найдено в 13 жилищах (1433 кв. м площади – Зиньковская, 1976). В Ленковцах раскопано пять наземных и пять углубленных жилищ на площади 1286 кв. м; найдено 89 фигурок (Черниш, 1959), причем количество статуэток в жилищах не превышало 8, за исключением углубленного жилища № 1, где найдена 21 статуэтка.

В целом количество фигурок в наземных жилищах в Тыргу Фрумос сравнимо с Александровкой (15 жилищ и 189 статуэток в Тыргу Фрумос и 13 жилищ с 109 фигурками в Александровке). 146 статуэток из 55 ям также не является предельным показателем для раннего Триполья. Завышенное значение показателя присутствия пластики на данном поселении, вероятнее всего, объясняется высокой плотностью археологических комплексов на памятнике с тремя микрогоризонтами. К анализу распространения антропоморфных статуэток на этом поселении следует вернуться после его полноценной публикации.

В Луке-Врублевцевой абсолютное большинство статуэток происходит из углубленных сооружений, которые являются основным типом археологического комплекса на этом памятнике (Бибилов, 1953). В жилище № 1, частично разрушенном береговым оползнем, найдено 4 статуэтки, в жилище № 2 зафиксировано 87 фигурок, в жилище № 3 – 55, в пределах жилого комплекса № 4, который включал углубленное жилище и восемь ям, найдено 72 статуэтки, в жилище № 5 – 57 статуэток. Жилища № 6 и 7 были исследованы частично; данные о распределении фигурок отсутствуют. В жилище № 3 большинство фигурок было обнаружено в золистых слоях заполнения возле очагов. Схожая ситуация наблюдалась и в длинном жилище № 3 с 11-ю очагами.

Отметим крайне высокую степень насыщенности археологическим материалом углубленных сооружений в Луке-Врублевцевой. Это не только пластика, но и керамика, кости животных, орудия труда и т. д. Примечательны также находки черепов собак и быка, а также костей ребенка под скоплением обожженной глины. Дно углублений неровное, в заполнении встречаются широкие прослойки раковин *Unio*. Эти наблюдения и расположение памятника под «защитой» скалистого берегового обрыва позволили Н. Б. Бурдо считать Луку-Врублевцевую своеобразным «ландшафтным святилищем», где проводились ритуальные трапезы и жертвоприношения, связанные с использованием огня (Бурдо, 2013. С. 51). Подобная интерпретация представляется возможной, несмотря на отсутствие

Рис. 4. Диаграмма размаха значений показателя присутствия мелкой антропоморфной пластики на исследованных участках поселений

A – для всех проанализированных памятников; *B* – для памятников с исследованной площадью свыше 500 кв. м

Горизонтальная ось – хронологические этапы: 1 – Прекукутень – Триполье А; 2 – Кукутень А – Триполье В1; 3 – Кукутень АВ – Триполье В1В2; 4 – Кукутень В – Триполье В2, В2/С1, С1; 5 – Триполье С2; вертикальная ось – показатель присутствия антропоморфной пластики

некоторых данных: нет уверенности в том, что памятник раскрыт полностью; неизвестно, были ли поблизости синхронные поселения с обычными жилищами. Большое число находок антропоморфной пластики встречается и в других углубленных объектах, например в жилище № 2 на поселении Путинешть I найдено 49 статуэток и 16 соответствующих им миниатюрных глиняных стульчиков (Маркевич, 1973. С. 58–60).

Таким образом, самый высокий показатель присутствия антропоморфной пластики в раннем Триполье зафиксирован для памятника, где были обнаружены исключительно углубленные объекты.

Для периода Кукутень А – Триполье В1 было привлечено 30 поселений, с которых происходят 1810 статуэток. На 12 памятниках раскопано больше 500 кв. м. На трех из них показатель присутствия статуэток сильно завышен: Путинешть III (14,1; исследовано 851 кв. м), Скынтейя (18,9; исследовано 1390 кв. м) и Руджиноаса (28,9; исследовано 588 кв. м).

В Путинешть III было исследовано пять наземных и два углубленных жилища (Sorochin, 2002. Р. 59–62). Коллекция антропоморфной пластики насчитывает 120 единиц, контекст находок указан для 109 (Сорокин, 1990; 1991; 1992). Так, в слое было найдено 6 фигурок, в наземных жилищах от 2 до 8 статуэток, в углубленном жилище № 3 обнаружено 34, а в углубленном жилище № 4 – 42 статуэтки. Наличие большого количества пластики в углубленных сооружениях определило завышенное значение показателя присутствия фигурок на памятнике.

В Скынтейя (Mantu, 1993) найдено 263 фигурки³, происходящих из шести жилищ (136 единиц), 56 ям (56 единиц), слоя (54 единицы) и с поверхности памятника (17 единиц). Статуэтки распределяются неравномерно как по жилищам, так и по ямам (от 3 до 25 статуэток в жилищах № 2–6 и от 1 до 7 в 13 из 14 ям). Обращает на себя внимание жилище № 1, где было 75 фигурок, и яма № 21 с 24 фигурками. Из 56 ям пластика найдена лишь в 14. Таким образом, высокое значение показателя присутствия определяется большой исследованной площадью и наличием комплексов, где количество фигурок на порядок превышало данные для остальных объектов.

Неравномерное распределение характерно и для памятника, где проводились наиболее широкие раскопки, полностью исследованного поселения Трушешть (184 статуэтки с 30 000 кв. м изученной площади). Там пластика найдена в 38 из 93 жилищ, не более 5 статуэток на жилище. Из 188 ям лишь в 14 были фигурки: в 13 ямах – по одной, и в единственной яме содержалось 17 статуэток (Petrescu-Dîmbovița et al., 1999).

В Руджиноаса раскопками 2001–2010 гг. (Lazarovici, Lazarovici, 2012) обнаружено 118 статуэток, происходящих из двух наземных жилищ, 5 землянок, рва, палисада, слоя и с поверхности. Наземные жилища содержали 2 и 3 фигурки. Землянки содержали по 3–9 статуэток, в заполнении рва было 12, в заполнении палисада – 15 фигурок. Очевидно, столь высокое значение показателя присутствия пластики в Руджиноаса (28,9) связано с плотным расположением

³ Учтены лишь опубликованные статуэтки из раскопок 1985–1990 гг.; фигурки из исследований последующих лет еще не введены в научный оборот.

археологических комплексов на сравнительно небольшой исследованной площади – около 588 кв. м.

Следовательно, на этапе Кукутень А повышенные значения показателя присутствия пластики определяются тремя факторами: значительное количество пластики в углубленных сооружениях; наличие на поселениях отдельных сооружений, в которых найдено на порядок больше статуэток, чем в остальных комплексах; высокая плотность расположения археологических объектов.

Для периода Кукутень АВ – Триполье В1В2 учтено 11 поселений, где найдено 998 статуэток. На 5 памятниках исследовано больше 500 кв. м. В этой группе показатель присутствия несколько выше и равен 13,3 лишь в Яблоана I (раскопано 5350 кв. м).

Раскопками в Яблоана выявлено 63 углубленных сооружения, образующих в плане два круга (*Сорокин, Борзьяк*, 1998). Всего обнаружено 711 фигурок, 458 из них происходит из жилищно-хозяйственных комплексов и 253 – из слоя. В жилищах распределение пластики следующее: по 1–5 экз. в 19 комплексах, по 6–10 в 4, по 11–15 в 6, по 16–17 в 2. В 8 жилищах было обнаружено свыше 20 фигурок; это объекты № 11 и 50 (по 21 экз.), № 37 (24 экз.), № 21 (25 экз.), № 52 (31 экз.), № 51 (35 экз.), № 33 (37 экз.) и № 36 (54 экз.). Жилище № 36 с наибольшим количеством пластики отличается также самым богатым орудийным набором и составом керамики. Пластика была найдена в 8 хозяйственных ямах, где было обнаружено по 1–4 фигурки.

Таким образом, завышенное значение показателя присутствия для Яблоана определяется высоким содержанием пластики в углубленных объектах и культурном слое, причем большое количество статуэток в слое связано с изучением памятника широкой сплошной площадью.

Кукутень В – Триполье В2, В2/С1, С1. Для этого периода было привлечено 33 поселения, с которых происходят 1391 статуэтка. Из 33 поселений на 14 раскопано больше 500 кв. м. Среди них незначительное превышение показателя присутствия пластики отмечается в помелении Брынзень VIII (7,7; раскопано 836 кв. м), более существенное в Ворошиловке (13,73; раскопано 1107 кв. м) и Кукутени (18; раскопано 890 кв. м).

В Брынзени исследовано семь наземных жилищ и 9 ям. Памятник не опубликован, и данные по распределению статуэток содержатся только в отчете о работах 1980 г., в ходе которых было вскрыто 4 жилища и 8 ям (*Маркевич*, 1981а). Из четырех жилищ три содержали от 1 до 6 фигурок; из 8 ям в четырех найдена пластика, от 1 до 5 фигурок.

В Ворошиловке раскопано 9 наземных жилищ, 2 землянки и 10 хозяйственных ям, в которых обнаружено 152 статуэтки (*Гусев, Заець*, 1993; *Гусев*, 1995). Данные об их контекстуальном распределении отсутствуют; однако указывается, что в яме № 2 возле наземного жилища № 4 было найдено 93 антропоморфных статуэтки. Вероятно, большинство статуэток происходило из углубленных комплексов, что и определило завышенный показатель присутствия статуэток.

В Кукутени было исследовано 47 жилищ, в 32 из них обнаружена пластика (*Petrescu-Dîmbovița, Văleanu*, 2004); из общего количества в 161 экз. по меньшей мере 118 происходят из жилищ, в основном от 1 до 4 статуэток в жилище. Редко количество статуэток составляло 7–8 экземпляров, в двух жилищах было найде-

но по 16 и 20 экз. Этап Кукутень В представлен несколькими субфазами, а в ряде случаев жилища частично перекрывают друг друга, что скорее всего обусловило высокое значение показателя присутствия пластики.

Обзор контекстуальной информации показывает, что на этапе Кукутень В много пластики на тех поселениях, где были исследованы углубленные комплексы или отмечается высокая плотность археологических объектов.

Период Триполье С2 представлен 13 поселениями, с которых происходят 257 статуэток. На 6 памятниках вскрыто более 500 кв. м. В этой группе несколько завышенное присутствие антропоморфных фигурок наблюдается в Троянове, где на раскопанной площади 2000 кв. м показатель составляет 8,75 фигурок на 100 кв. м. К сожалению, материалы раскопок практически не опубликованы; отсутствуют и данные по контексту пластики. Было раскрыто 35 жилищ, расположенных кругами. Центральная часть поселения раскопана широкой, почти сплошной площадью (*Шмаглей*, 1959. С. 54, 55). Возможно, этим объясняется большое количество фигурок на памятнике.

По сравнению с Трояновом на поселениях, исследованных широкой площадью в западной части ареала культуры (бассейны Сирета, Прута и Днестра), пластики значительно меньше. Здесь на трех памятниках, где было раскопано более 1000 кв. м, фигурок крайне мало и показатель их присутствия не превышает единицы, причем самое низкое его значение зафиксировано на наиболее полно исследованном поселении (Тринка – Изворул луй Лука, раскопано 6500 кв. м). В целом для западной части ареала Триполья С2 отмечается резкое уменьшение количества пластики по сравнению с предыдущим этапом, что можно считать закономерностью (в особенности для памятников типа Гординешть – Хородиштя).

К сожалению, остаются практически неопубликованными данные с двух полностью раскопанных важнейших памятников Попрутья – Брынзень III и Костешть IV (*Маркевич*, 1981а. С. 33–45).

Обсуждение результатов

Проведенный анализ показал, что в интенсивности использования антропоморфной пластики в культуре Кукутень–Триполье прослеживается определенная хронологическая эволюция. Больше всего находок фигурок на поселениях раннего и начала среднего этапов. В конце среднего и на позднем этапе среднее количество фигурок падает в полтора-два раза, что может быть связано с общим увеличением размеров поселений и стандартизацией их внутренней планировки, когда возрастает количество ординарных, «типовых» жилищ с близким набором инвентаря. На позднейшем этапе Триполья С2 параметры производства статуэток резко падают, отражая общий процесс дезинтеграции культуры и, вероятно, некоторого отхода от массового использования антропоморфной пластики как одной из составляющих традиционного уклада раннеземледельческих общин на «классических» этапах их эволюции.

Различия в количестве пластики на одноэтапных поселениях обусловлены рядом факторов. Самый высокий показатель присутствия фигурок дают памятники,

где раскопано больше углубленных объектов (которые, как правило, на одном из этапов своего функционирования служили местом для сброса бытовых отходов), а также поселения с внутренней микрохронологией, где комплексы одного этапа перекрывают друг друга. На количество статуэток влияет и степень исследованности межжилищного пространства; зачастую там находят немало фрагментов фигурок.

Примером различий между насыщенностью пластикой различных типов объектов являются крупные трипольские памятники («мега-поселения») Буго-Днепровского междуречья. Если в Небелевке и в Майданецком показатель составляет около 4 фигурок на 100 кв. м изученной площади, то в Тальянках он равен 0,9. Это связано с тем, что в Тальянках преимущественно изучались наземные жилища («площадки»), в то время как в Небелевке и Майданецком основное количество фигурок происходит из ям. В то же время не все крупные углубленные объекты содержали пластику; так, в объекте «котлован» из Тальянок найдено лишь 4 фигурки.

Возвращаясь к общему обзору полученных данных, отметим, что распределение пластики в наземных жилищах достаточно равномерно и редко превышает 8 фигурок, причем для крупных поселений с высоким уровнем стандартизации это число, как правило, не превышает 4 статуэтки⁴. В то же время выделяются наземные жилища, где количество пластики резко превышает данные для остальных построек того же памятника. Это, например, жилище № 1 из Скынтейя (75 фигурок) или два жилища из Кукутень с 16 и 20 статуэтками. То же относится и к углубленным комплексам: выделяются углубленные жилища № 1 из Ленковцев (21 статуэтка), № 1 из Луки-Врублевцевой (87 фигурок), № 36 из Яблоана (54 фигурки). Различия наблюдаются и между ямами – таковы единичные объекты из поселений Скынтейя, Трушешть, Ворошиловка, содержащие намного больше фигурок, чем остальные ямы. Вероятно, разница в количестве фигурок в разных комплексах на одном поселении определяется различным назначением построек: часть из них могла играть особую роль в общинных культовых действиях. То же относится и к ямам: большое количество пластики в одной яме может указывать на особую роль жилища, из которого сбрасывались фигурки в период заполнения ямы, если он был длительным, или на наличие определенных общинных действий, после которых большое количество фрагментов статуэток сбрасывалось в яму одновременно. Однако полный анализ контекста распределения пластики на трипольских поселениях является темой отдельной работы. Ему препятствует неполнота и недостаточность публикации материала. Однако следует принять во внимание растущее количество геомагнитных планов трипольских поселений, способных раскрыть пространственные взаимоотношения между жилищами и ямами, а также указать на наличие жилищ особых размеров, которые могли играть специфическую роль. Таковые уже были обнаружены на крупных памятниках Украины и Молдавии (см.: Trypillia-Megasites..., 2016; *Țerna et al.*, 2016). С другой стороны, на «мега-структуре» из Небелевки площадью 1200 кв. м было найдено лишь 10 фигурок.

⁴ Подсчеты автора (см.: Церна, рукопись дис.).

В будущем было бы интересно сравнить инвентарь одной из таких крупных построек с инвентарем одной из близлежащих крупных ям, откуда добывалась глина для строительства и куда зачастую сбрасывали различные отходы, связанные с функционированием комплекса.

Заключение

Использованные в работе источники неоднородны, не во всех случаях опубликованная информация является достаточно полной. Нельзя исключать, что в ряде случаев количественные показатели инвентаря того или иного комплекса не вполне соответствуют его реальному наполнению. Нередко при нанесении статуэток на план к наземному жилищу относили и фигурки, обнаруженные в перекрывающем его слое; в таких случаях артефакты могут не относиться к данному конкретному комплексу. При исследовании углубленных сооружений нередко состав и распределение инвентаря оценивается по визуально определяемому контуру ямы, а артефакты, находящиеся в слое над контуром, не принимаются во внимание. Это неверно, поскольку в черноземных почвах трипольских поселений границы углубленного сооружения определяются лишь на уровне предматерикового суглинки, т. е. ниже древней дневной поверхности. В целом за более чем столетие полевых исследований культуры Кукутень-Триполье степень детализации и точности документации заметно варьировала в зависимости от принятой в разное время на разных территориях методики раскопок и фиксации материала.

Значительный объем выборки, привлеченной для проведенного анализа, позволяет надеяться на высокую репрезентативность, «сглаживание» объективных и субъективных пробелов в исходной информации. На конечный результат влияет и стратегия раскопок; исследования сплошной площадью практикуются еще редко (прежде всего по финансовым соображениям), а широкомасштабные раскопки прошлого зачастую проводились многочисленными поисковыми траншеями, расширявшимися в местах обнаружения сооружений – чаще всего наземных жилищ. В результате данные по межжилищному пространству недостаточно представительны.

Вышперечисленные проблемы, накладывают свой отпечаток на исследования распределения предметов материальной культуры на кукутень-трипольских поселениях. Таково объективное состояние источников. Будущие исследования покажут, насколько верны представленные в настоящей работе подсчеты и выдержат ли они проверку новыми данными, с более точной фиксацией контекста фигурок. Более высокий уровень технического оснащения современных полевых работ позволяет надеяться на получение новой, полной и детальной информации. Это позволит в будущем на новом уровне вернуться к проблеме распространения мелкой антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье.

Перспективным представляется также проведение подобных подсчетов для зооморфной пластики и сравнение полученных результатов. Исследования В. И. Балабиной (Балабина, 1998. Табл. 1) позволили выявить достаточно стабильное процентное соотношение двух категорий пластики: за исключением

раннего и позднейшего (С2) периодов, антропоморфная пластика составляла 60–70 %, а зооморфная – 30–40 % выборки. Сравнение количественных характеристик распределения материала по одной выборке поселений может дать интересные результаты.

Возможно также сравнение показателя присутствия мелкой антропоморфной пластики Кукутень-Триполья с аналогичными данными для других раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы и Карпатского бассейна. Это позволит выявить сходные и различные тенденции в диахронной вариативности присутствия и использования статуэток или, по крайней мере, заложит основу для будущих сравнительных исследований.

Автор выражает благодарность В. И. Балабиной и Р. Хофманну за обсуждение содержания и методики работы, Н. Бурдо, М. Видейко, Т. Ткачуку и Г. Сырбу за информацию о данных раскопок ряда поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабина В. И., 1998. Фигурки животных в пластике Кукутень-Триполья. М.: ИА РАН. 271 с.
- Бибииков С. Н., 1953. Поселение Лука-Врублевская: К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. М.: АН СССР. 460 с. (МИА; № 38.)
- Бурдо Н. Б., 2013. К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры // *Revista Arheologică*. SN. Vol. IX. No. 1. P. 48–53.
- Гусев С. О., 1995. Трипольська культура Середнього Побужжя рубежу IV–III тис. до н. е. Вінниця: Антекс-УЛТД. 298 с.
- Гусев С. О., Заць І. І., 1993. Трипольське поселення Ворошилівка на Південному Бузі // *Подільська Старовина*. Вінниця. С. 53–77.
- Зиньковская Н. Б., 1976. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка // *МАСП*. Вып. 8. Одесса: Одесский археологический музей. С. 161–169.
- Маркевич В. И., 1973. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970–1971 гг. // *АИМ 1970–1971*. Кишинев: Штиинца. С. 52–78.
- Маркевич В. И., 1981а. Отчет о полевых исследованиях, проведенных Археолого-этнографической экспедицией сектора народной культуры с МАЭ // *Архив НМИМ*. № 158. Кишинев.
- Маркевич В. И., 1981б. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца. 195 с.
- Сорокин В. Я., 1990. Отчет о полевых исследованиях Трипольской экспедиции в 1989 г. // *Архив НМИМ*. № 303. Кишинев.
- Сорокин В. Я., 1991. Отчет о полевых исследованиях Трипольской экспедиции в 1990 г. // *Архив НМИМ*. № 319. Кишинев.
- Сорокин В. Я., 1992. Отчет о полевых исследованиях Трипольской экспедиции в 1991 г. // *Архив НМИМ*. № 336. Кишинев.
- Сорокин В. Я., Борзьяк И. А., 1998. Антропоморфная пластика трипольского поселения Яблони I // *In memoriam James Harvey Gaul / H. Todorova, H. Hauptmann, M. Stefanovich (eds)*. Sofia: The James Harvey Gaul Foundation. P. 161–182.
- Церна С. В. Антропоморфная пластика культуры Кукутень-Триполье: типология, хронология, контекст [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН.
- Черниш К. К., 1959. Ранньотрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ: АН УРСР. 108 с.
- Шмаглій Н. М., 1959. О планировке позднетрипольских поселений Восточной Волыни // *КСИА АН УССР*. Вып. 9. С. 52–55.
- Lazarovici C. M., Lazarovici Gh., 2012. Ruginoasa – Dealul Drăghici: Monografie arheologică. Suceava: Editura Karl Romstorfer. 431 p.

- Mantu C. M.*, 1993. Plastica antropomorfă a aşezării Cucuteni A3 de la Scînteia (jud. Iaşi) // *Arheologia Moldovei*. XVI. P. 51–67.
- Manzura I.*, 2005. Steps to the steppe: or, how the North Pontic region was colonized // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 24. No. 4. P. 313–338.
- Marinescu-Bîlcu S.*, 1981. *Ţirpeşti. From Prehistory to History in Eastern Romania*. Oxford. 432 p.
- Petrescu-Dîmboviţa M., Florescu M. Florescu A. C.*, 1999. *Truşeşti. Monografie arheologică*. Bucureşti; Iaşi: Editura Academiei. 812 p.
- Petrescu-Dîmboviţa M., Văleanu M.-C.*, 2004. *Cucuteni-Cetăţuie: săpăturile din anii 1961-1966. Monografie arheologică*. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă. 725 p.
- Sorochin V.*, 2002. *Aspectul regional Drăguşeni-Jura. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă*. 401 p.
- Ţerna S., Rassmann K., Vasilache M., Radloff K.*, 2016. Stolniceni I – new research on a Cucuteni-Tripolye large site // *Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava / A. Zanolici, E. Kaiser, M. Kashuba (eds)*. Chişinău: Verlag nicht ermittelbar. P. 137–148. (Tyragetia International; I.)
- Trypillia-Megasites and European Prehistory 4100–3400 BCE / J. Müller, K. Rassmann, M. Y. Videiko (eds)*. Leeds: European Association of Archaeologists, 2016. 311 p.
- Ursulescu N., Boghian D., Cotiugă V.*, 2014. Contributions to the knowledge of the anthropomorphic plastic art of the Precucuteni culture. The representations from the settlement of Târgu Frumos // *Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe / C.-E. Ursu, S. Ţerna (eds)*. Suceava: Editura Karl A. P. 377–414.
- Ursulescu N., Tencariu F. A.*, 2008. Sur le contexte de découverte de la plastique anthropomorphe précucutenienne. Le cas de l'habitat de Isaiia (dép. de Iaşi) // *Studia Antiqua et Archaeologica*. XIII–XIV. P. 3–23.

Сведения об авторе

Церна Станислав Валентинович, Университет «Высшая Антропологическая Школа», ул. Н. Йорга, 5, MD-2029, Кишинев, Республика Молдова; Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ternastas@mail.ru

S. Ţerna

THE ISSUE OF PORTABLE ANTHROPOMORPHIC ART OCCURRENCE AT THE CUCUTENI–TRIPOLYE SITES

Abstract. This paper explores occurrence of portable anthropomorphic art at the Cucuteni–Tripolye sites. The study uses a sample of 121 settlements regarding which the author had access to the data on the number of the discovered objects of portable art and the size of the excavated area. The number of statuettes per 100 sq. m was calculated for each settlement; the number of the statuettes was then divided into the number of square meters of the excavated area and multiplied by 100. This indicator offers an opportunity to compare data from various sites. The resulting estimates demonstrate that the average occurrence of figurines at the Cucuteni–Tripolye sites does not exceed five figurines per 100 sq. m of the excavated area. The paper describes results of the statistical data processing, which are then discussed diachronically.

Keywords: Eneolithic, Cucuteni–Tripolye archaeological culture, portable art, statuette occurrence indicator, settlements, statistics.

REFERENCES

- Balabina V. I., 1998. Figurki zhivotnykh v plastike Kukuteni-Tripol'ya [Animal figurines in plastic art of Cucuteni-Tripol'e]. Moscow: IA RAN. 271 p.
- Bibikov S. N., 1953. Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaya na Dnestre: K istorii rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh plemen na yugo-vostoke Evropy [Early Tripol'e stockbreeding tribes in South-East of Europe]. Moscow: AN SSSR. 460 p. (MIA, 38.)
- Burdo N. B., 2013. K voprosu ob interpretatsii uglublennykh ob'ektov na poseleniyakh tripol'skoy kul'tury [On problem of interpretation of objects with sunken bottom at settlements of Tripol'e culture]. *Revista Arheologică. SN*, vol. IX, no. 1, pp. 48–53.
- Chernish K. K., 1959. Rann'otripil's'ke poselennya Lenkivtsi na Seredn'omu Dnistri [Early Tripol'e settlement Lenkovtsi on Middle Dniester]. Kiev: AN URSR. 108 p.
- Gusev S. O., Zaets' I. I., 1993. Tripil's'ke poselennya Voroshilivka na Pivdennomu Buzi [Tripol'e settlement Voroshilovka on Southern Bug]. *Podil's'ka Starovina [Podolian Antiquity]*. Vinnitsa, pp. 53–77.
- Gusev S. O., 1995. Tripil's'ka kul'tura Seredn'ogo Pobuzhzhya rubezhu IV–III tis. do n. e. [Tripol'e culture of Middle Bug region of the turn of IV–III mill. BC]. Vinnitsa: Anteks-ULTD. 298 p.
- Lazarovici C. M., Lazarovici Gh., 2012. Ruginoasa – Dealul Drăghici. Monografie arheologică. Suceava: Editura Karl Romstorfer. 431 p.
- Mantu C. M., 1993. Plastica antropomorfă a așezării Cucuteni A3 de la Scânteia (jud. Iași). *Arheologia Moldovei*, XVI, pp. 51–67.
- Manzura I., 2005. Steps to the steppe: or, how the North Pontic region was colonized. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 24, no. 4, pp. 313–338.
- Marinescu-Bîlcu S., 1981. Tîrpești. From Prehistory to History in Eastern Romania. Oxford. 432 p.
- Markevich V. I., 1973. Issledovaniya Moldavskoy neoliticheskoy ekspeditsii v 1970–1971 gg. [Investigations of Moldavian Neolithic expedition in 1970–1971]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Moldavii v 1970–1971 gg. [Archaeological investigations in Moldavia in 1970–1971]*. Kishinev: Shtiintsa, pp. 52–78.
- Markevich V. I., 1981a. Otchet o polevykh issledovaniyakh, provedennykh Arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsiei sektora narodnoy kul'tury MAE [Report on field investigations conducted by Archaeological-ethnographic expedition of Department of folk culture, MAE]. *Archie of NMIM*, Kishinev. (In Russian, unpublished.)
- Markevich V. I., 1981b. Pozdnetripol'skie plemena Severnoy Moldavii [Late Tripol'e tribes of North Moldavia]. Kishinev: Shtiintsa. 195 p.
- Petrescu-Dîmbovița M., Florescu M. Florescu A. C., 1999. Trușești. Monografie arheologică. București; Iași: Editura Academiei. 812 p.
- Petrescu-Dîmbovița M., Văleanu M.-C., 2004. Cucuteni-Cetățuie: săpăturile din anii 1961–1966. Monografie arheologică. Piatra-Neamț: Constantin Matasă. 725 p.
- Shmaglii N. M., 1959. O planirovke pozdnetripol'skikh poseleniy Vostochnoy Volyni [On planning of late Tripol'e settlement of Eastern Volynia]. *KSIA AN USSR*, 9, pp. 52–55.
- Sorochin V., 2002. Aspectul regional cucutenian Draguseni-Jura. Piatra-Neamț: Constantin Matasă. 401 p.
- Sorokin V. Ya., 1990. Otchet o polevykh issledovaniyakh Tripol'skoy ekspeditsii v 1989 g. [Report on field investigations of Tripol'e expedition in 1989]. *Archive of NMIM*. Kishinev. (In Russian, unpublished.)
- Sorokin V. Ya., 1991. Otchet o polevykh issledovaniyakh Tripol'skoy ekspeditsii v 1990 g. [Report on field investigations of Tripol'e expedition in 1990]. *Archive of NMIM*. Kishinev. (In Russian, unpublished.)
- Sorokin V. Ya., 1992. Otchet o polevykh issledovaniyakh Tripol'skoy ekspeditsii v 1991 g. [Report on field investigations of Tripol'e expedition in 1991]. *Archive of NMIM*. Kishinev. (In Russian, unpublished.)
- Sorokin V. Ya., Borziyak I. A., 1998. Antropomorfhnaya plastika tripol'skogo poseleniya Yablona I [Anthropomorphic plastic art of Tripol'e settlement Yablona I]. In *memoriam James Harvey Gaul*. H. Todorova, H. Hauptmann, M. Stefanovich, eds. Sofia: The James Harvey Gaul Foundation, pp. 161–182.

- Țerna S., Rassmann K., Vasilache M., Radloff K., 2016. Stolniceni I – new research on a Cucuteni-Tripolye large site. *Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava*. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, eds. Chișinău: Verlag nicht ermittelbar, pp. 137–148. (Tyragetia International, I.)
- Trypillia. Mega-sites and European Prehistory 4100–3400 BCE. J. Müller, K. Rassmann, M. Yu. Videiko, eds. Leeds: European Association of Archaeologists, 2016. 311 p.
- Tserna S. V. Antropomorfnyaya plastika kul'tury Kukuten'–Tripol'e: tipologiya, khronologiya, kontekst (Rukopis'): dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk [Anthropomorphic plastic art of Cucuten'–Tripol'e culture: typology, chronology, context: PhD Manuscript. Moscow. (In Russian, unpublished.)]
- Ursulescu N., Boghian D., Cotiugă V., 2014. Contributions to the knowledge of the anthropomorphic plastic art of the Precucuteni culture. The representations from the settlement of Târgu Frumos. *Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe*. C.-E. Ursu, S. Țerna, eds. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer, pp. 377–414.
- Ursulescu N., Tencariu F. A., 2008. Sur le contexte de découverte de la plastique anthropomorphe précucutenienne. Le cas de l'habitat de Isaiia (dép. de Iași). *Studia Antiqua et Archaeologica*, XIII–XIV, pp. 3–23.
- Zin'kovskaya N. B., 1976. Antropomorfnyaya plastika rannetripol'skogo poseleniya Aleksandrovka [Anthropomorphic plastic art of early Tripol'e settlement Aleksandrovka]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Materials on archaeology of North Pontic zone]*, 8. Odessa: Odesskiy arkheologicheskiy muzey, pp. 161–169.

About the author

Țerna Stanislav V., High Anthropological School University, H. Jorga st., 5, Kishinev, MD-2029, Republic of Moldova; Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova , 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ternastas@mail.ru

А. А. Ковалев

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА В СИНЬЦЗЯНЕ

Резюме. В статье приведены максимально полные сведения об известных к настоящему времени проявлениях афанасьевской культуры на территории Синьцзяна. Автор утверждает, что, вопреки распространенному мнению, каких-либо признаков влияния афанасьевской культуры на территориях южнее Тянь-Шаня, в том числе в памятниках типа Гумугоу, не наблюдается. Кроме раскопанных на самом севере региона двух афанасьевских курганов, материалы которых до сих пор не опубликованы, свидетельствами афанасьевского присутствия в Синьцзяне являются только глиняные и каменные сосуды с признаками, типичными для афанасьевской керамики. В статье публикуются изображения пятнадцати доступных для изучения предметов. Характер орнаментации, особенности формы этих сосудов, а также связь ряда находок такого рода с чемурчекским культурным феноменом эпохи ранней бронзы, по мнению автора, говорит о проникновении носителей афанасьевской культуры в Синьцзян на позднем этапе ее существования, во второй четверти 3 тыс. до н. э., и сосуществовании пришлых афанасьевцев с носителями чемурчекского феномена. Дисперсное распространение специфических признаков афанасьевской керамики Синьцзяна на Алтае и Верхнем Енисее показывает, что синьцзянские афанасьевцы, в свою очередь, оказали влияние на своих северных соседей. Кроме признаков влияния носителей чемурчекского культурного феномена, в афанасьевской керамике Синьцзяна прослеживается компонент восточно-европейского происхождения, что может быть еще одним подтверждением участия населения степей Восточной Европы в миграции чемурчекского населения из Франции на Алтай.

Ключевые слова: афанасьевская культура, чемурчекский феномен, эпоха энеолита, период ранней бронзы, археология Синьцзяна, кемпи-обинская культура, мегалиты Западной Европы.

Идея о проникновении афанасьевской культуры в Синьцзян была впервые высказана С. В. Киселевым, где он указал на возможное родство афанасьевской керамики с «елочным орнаментом», найденной М. А. Стейном «в низовьях Яркенд-Дарьи» (Киселев, 1951. С. 59). В своде Стейна приведены фотографии нескольких фрагментов керамики с «елочными» отпечатками или

прочерченными линиями, но они обнаруживают аналогии в памятниках более позднего периода¹.

В 1986 г. антрополог Хань Кансинь, публикуя краниометрические данные могильника Гумугоу (Qǎwrigul), исследованного западнее озера Лобнор, выдвинул предположение, что «ранняя» серия черепов имеет морфологическое сходство с афанасьевскими (*Хань Кансинь*, 1986). Несмотря на то что к этой серии автором были отнесены только четыре образца (из могил M25, 28, 29, 31: см. Там же, 1986. С. 374), а материалы могильника более тридцати лет оставались неопубликованными, статья китайского антрополога вызвала волну публикаций о возможной миграции афанасьевского населения вплоть до пустыни Такла-Макан (*Семенов*, 1993; *Молодин, Алкин*, 1997; 2012; 2016; *Mallory, Mayr*, 2000. Р. 240–243; и т. д.). В 2013 г. наконец был опубликован отчет о раскопках могильника Гумугоу (*Ван Бинхуа*, 2013). К сожалению, ничего общего с афанасьевской культурой, как в материалах вышеупомянутых могил M25, 28, 29, 31, так и в материалах могильника в целом, не обнаруживается. Погребения «ранней группы» совершены вытянуто на спине в узких деревянных трапециевидных ящиках, керамика в могилах отсутствует, частыми находками являются плетеные сосуды, костяные и деревянные булавки с округлым стержнем, деревянные антропоморфные фигурки. К тому же недавнее исследование А. Г. Козинцева не подтвердило вывод о существовании отдельной, «афанасьевской», группы черепов из Гумугоу: исследователь находит им параллели в андроновских сериях из Казахстана (*Козинцев*, 2009. С. 133, 134).

Таким образом, предположение о присутствии носителей афанасьевской культуры южнее Тянь-Шаня (в Таримской впадине) пока не получило подтверждения. Надежным свидетельством присутствия носителей афанасьевской культуры в Синьцзяне к настоящему времени можно считать лишь два афанасьевских к-на (21 и 22) м-ка Аймаохань, недавно раскопанных экспедицией Института культурного наследия и археологии Синьцзяна на самом севере автономного района, в уезде Хабахэ (Каба)², а также локализованные находки керамических сосудов с афанасьевскими признаками.

Могила к-на Аймаохань I M22, судя по докладу Юй Цзяньцзюня, представляла собой подпрямоугольную земляную яму, в которой последовательно были

¹ Возможно, С. В. Киселев имел в виду находку scxlix.a.03, обнаруженную экспедицией недалеко от озера Лобнор (*Stein*, 1928. Р. 748. Pl. XXIII). Это небольшой фрагмент стенки красно-коричневого глиняного сосуда, украшенный сплошь «в елочку» частыми отгисками орнамента – гладкого, линзовидного в сечении штампа шириной примерно 0,7 см. Этот орнамент, впрочем, находит самые близкие аналогии на керамике окуневской культуры (*Лазаретов*, 1997. Табл. XVII, 2). Остальные опубликованные Стейном фрагменты с рядами косых насечек (*Stein*, 1921. Pl. IV, C.122.001; 1928. Pl. XXIII, C. scxlv.a.09; XXVI, L. I. 03) находят аналогии в синьцзянских памятниках периода поздней бронзы (Синьцзян каогу..., 1988. С. 405. Рис. 18; Синьцзян вэньбу..., 2008. С. 38–41).

² Материалы раскопок не опубликованы, но представлены в докладе Юй Цзяньцзюня на 6-й Международной конференции «Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири» в Хух-Хото.

совершены два погребения взрослых на спине, с ногами, поднятыми коленями вверх. В инвентаре отмечены глиняные яйцевидный орнаментированный сосуд и курильница с трубчатыми ножками и ушком с двумя отверстиями, украшенная снаружи елочным орнаментом.

К югу от Хабахэ, вплоть до Тяньшаня и Тарбагатая, известны около двадцати (опубликовано 15) глиняных и каменных сосудов с афанасьевскими признаками, часть из которых найдена в погребальных комплексах (рис. 1). Об облике большинства из них приходится судить по фотоизображениям и очень неточным прорисовкам. К счастью, некоторые сосуды мне удалось осмотреть в Синьцзяне лично³.

1. Глиняный сосуд из к-на М16 м-ка Кэрмуци (Чемурчек), раскопки 1963 г., уезд Алтай (Синьцзян шэхуй..., 1981. С. 26. Рис. 5; Синьцзян гудай..., 1985. Кат. № 75; *Ван Линьшань, Ван Бо*, 1996. С. 50, 84. Кат. № 111; *Ковалев*, 2007. Ил. 16; Сычоу чжи лу..., 2008. С. 222). Форма венчика и шнуровая орнаментация ставят под сомнение его афанасьевскую атрибуцию. К-н М16, как по форме погребального сооружения, так и по сопроводительному инвентарю, относится к типичным чемурчекским памятникам Синьцзяна (*Ковалев*, 2015. С. 244, 245; 2016). Курган представлял собой прямоугольную ограду (11,1 × 19,7 м), ориентированную длинной осью примерно по линии север–юг. В пределах ограды прослеживается невысокая земляная насыпь. С южной ее стороны были установлены две стелы (симметрично относительно длинной оси сооружения). Ограда устроена из массивных (толщиной до 20 см) поставленных на ребро каменных плит. В пределах кургана, по данным раскопщиков, находились 5 каменных ящиков, инвентарь которых частично опубликован. «В пределах ограды» были также найдены четыре глиняных сосуда: один относится к тюркскому времени (см.: *Варенов*, 2002), а три – к эпохе бронзы. Один из группы ранних сосудов (шифр М16: 1) – глиняный, коричневатого-желтоватого цвета, с эллипсоидным туловом, «желобчатым» выпуклым горлом, орнаментированный по краю венчика косыми насечками, по горлу – двумя рядами отступающей гребенки в елочку, под горлом – рядом косых оттисков острой палочки, по тулову – фестонами, составленными из концентрических дугообразных оттисков шнура. Наружная поверхность сосуда и внутренняя поверхность венчика залощены, ниже по внутренней поверхности сосуда идут горизонтальные каннелюры. Высота сосуда – 17, диаметр устья – 9 см. Сосуд хранится в Институте культурного наследия и археологии Синьцзяна, и в 1998 г. мною осмотрен и сфотографирован (рис. 2, 4), достоверные рисунки сосуда опубликованы (*Kovalev*, 1999. С. 165, 166; *Ковалев*, 2007. С. 41. Илл. 16)⁴. Этот сосуд не может считаться собственно

³ Фотографию одного афанасьевского сосуда из запасников музея уезда Бурчун любезно разрешил использовать чл.-корр. РАН Е. Н. Черных, за что я приношу ему искреннюю благодарность.

⁴ К сожалению, до сих пор исследователи игнорируют эти публикации и делают далеко идущие выводы о культурной принадлежности сосуда, опираясь лишь на неверный схематичный рисунок из китайской статьи 1981 г., который был приведен и в ряде недавних публикаций (*Молодин, Алкин*, 2012. Рис. 1, 1; 2016. С. 508; *Вадецкая и др.*, 2014. Рис. 182, 1).

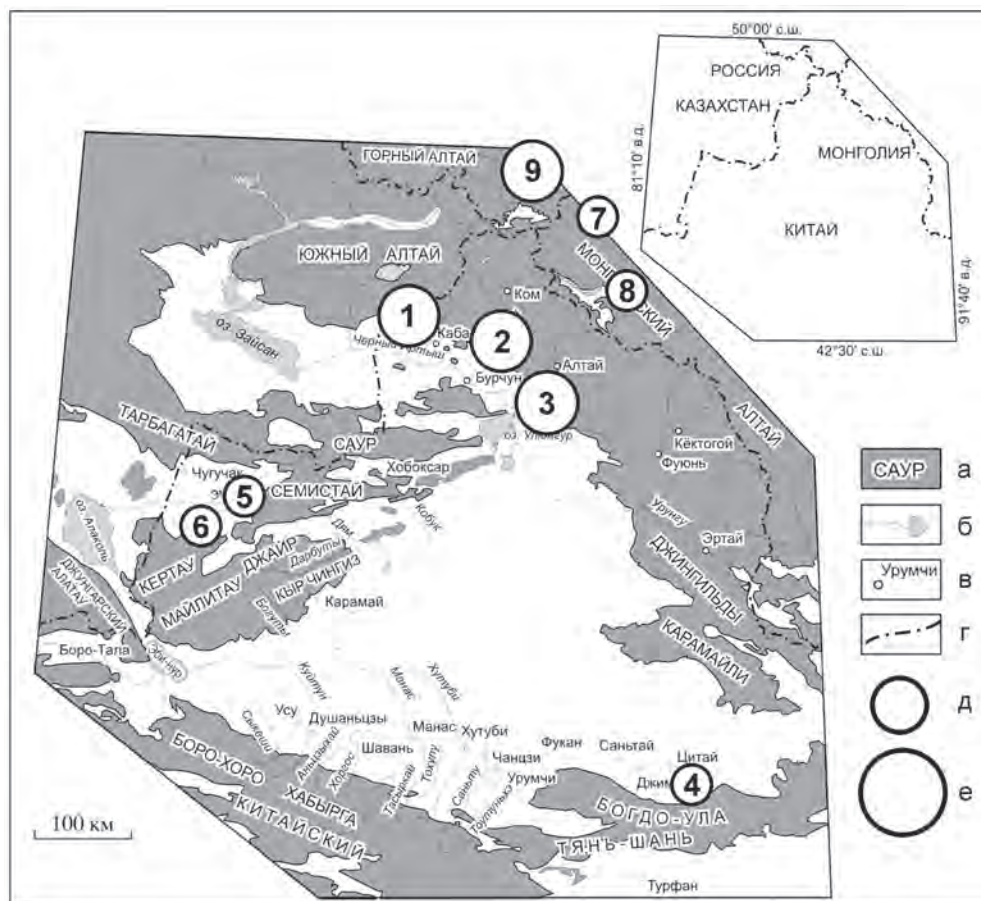

Рис. 1. Карта распространения проявлений афанасьевской культуры в Синьцзяне и прилегающих регионах (по: Мамедов, Новиков, 2015. Рис. 1)

Условные обозначения: а – горы и денудационные равнины; б – реки и озера; в – населенные пункты; г – государственные границы; д – отдельная находка; е – серия находок/комплексов

1 – к-ны M21, M22 м-ка Аимаохань I, уезд Хабахэ; 2 – находки в уезде Бурчун; 3 – находки в городском уезде Алтай; 4 – сосуд из волости Каньэрцзы, уезд Цитай; 5 – сосуд из м-ка Худжирт, уезд Дурбульдзин (Эминь); 5 – сосуд из к-на M74 м-ка Водохранилище Алтынэмель, уезд Юйминь (Чаганьтокай); 6 – к-н Кургак гови 1; 7 – сосуд из компл. Хар чулуут II-1; 8 – м-к Бертек-33

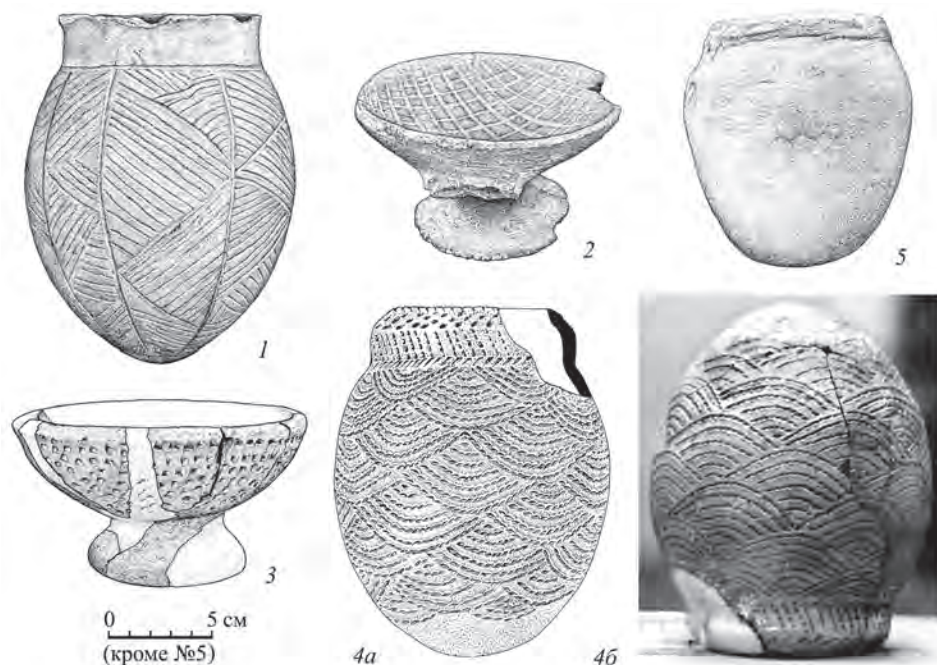

Рис. 2. Сосуды с афанасьевскими и восточноевропейскими признаками из чемурчских комплексов

Глиняные сосуды: 1 – из камен. ящика Копар, уезд Бурчун; 2 – курильница из камен. ящика Копар, уезд Бурчун (прорисовка по фото из: Чжан Юйчжун, 2007); 3 – курильница из к-на М24 м-ка Кэрмуци (Чемурчек), городской уезд Алтай (прорисовка по фото из: Синьцзян гудай..., 1985); 4а, б – из к-на М16 м-ка Кэрмуци (Чемурчек), городской уезд Алтай (4б – фото А. А. Ковалева); 5 – каменный сосуд из камен. ящика С к-на М18 м-ка Борат III, уезд Бурчун (прорисовка по фото из: Юй Цзяньцзюнь, 2013)

афанасьевским, а восходит к восточноевропейским энеолитическим прототипам репинского круга, о чем говорит как особенная форма венчика (выпуклое желобчатое горло, а не утолщенный венчик), так и орнаментация отпечатками веревочного штампа (Kovalev, 1999. С. 165, 166; Ковалев, 2005. С. 181, 182; 2007. С. 41. Илл. 21). Недавно были опубликованы несколько сосудов с желобчатым горлом (рис. 5, 4–7), происходящих из афанасьевских памятников Горного Алтая, а также афанасьевский сосуд из могилы 13 Усть-Куломского м-ка, тулово которого сплошь покрыто горизонтальными отпечатками шнура (Погожева и др., 2006. С. 122, 123, 131. Рис. 49). Эти находки говорят о распространении указанных специфичных признаков в памятниках афанасьевской культуры, однако оставляют открытым вопрос об атрибуции рассматриваемого изделия.

2. Глиняная курильница из к-на М24 м-ка Кэрмуци (Чемурчек), раскопки 1963 г., уезд Алтай (Синьцзян шэхуй..., 1981. С. 26. Рис. 3; Синьцзян гудай..., 1985. Кат. № 164; Сычоу чжи лу..., 2008. С. 222). К-н М24, как и М16, относится

к типичным чемурчекским памятникам Синьцзяна (Ковалев, 2015. С. 247) и представляет собой прямоугольную каменную ограду ($20,8 \times 12,1$ м), ориентированную длинной осью примерно по линии запад–восток. У середины восточной ее стороны лицом на восток было установлено антропоморфное изваяние. Внутри ограды располагался один каменный ящик ($1,8 \times 1,6$ м, глубина – 1,3 м), ориентированный с отклонением от северного направления в 30° по часовой стрелке. В западной части ящика были обнаружены два фрагментированных человеческих скелета, уложенных вытянуто на спине, головой на запад, а в восточной – в беспорядке кости еще от 5 костяков. Здесь была найдена глиняная курильница, орнаментированная подтреугольными оттисками приостренной палочки (шифр М24:8, высота – 8,3, диаметр венчика – 14,3 см) (рис. 2, 2). В ящике, помимо курильницы, обнаружены каменные сосуды (обломки сосуда на округлой подставке и с округлым ушком/ушками? и целый типа «дэн» – «светильник», но, скорее всего, ковшик с короткой рукояткой), а также фрагменты керамики.

3–4. Глиняные сосуд и курильница из каменного ящика в урочище Копар (Копазр) близ деревни Акжар (Ахэцзяр) (уезд Бурчун, волость Имик (Воимокэ)) (Чжан Юйчжун, 2005; 2007; Сычоу чжи лу..., 2008. С. 227). Каменный ящик (1,14 м (С–Ю), 1,56 м (З–В), высота – 1,36 м) располагался посреди поля и был найден местными жителями в ходе обработки почвы (Чжан Юйчжун, 2005; 2007). Каждая стенка составлена из одной подтесанной плиты (толщина около 15 см), сверху сохранилась одна из плит перекрытия. При обнаружении ящика на всех стенках прослеживались росписи, однако удалось рассмотреть только лишь рисунок красной краской на южной стенке (перекрытой плитой), представлявший косую сетку, дополненную точками. Фотография (Чжан Юйчжун, 2005) позволяет разглядеть лишь неясный рисунок. Конструкция ящика и росписи указывают на чемурчекскую принадлежность памятника (Ковалев, 2015. С. 247). Сообщалось, что в ящике находчики якобы обнаружили два сосуда и бронзовый нож (?). Описание и неплохие фотографии сосудов приведены в повторной публикации (Чжан Юйчжун, 2007). Один из сосудов имеет яйцевидное тулово, сплошь покрытое орнаментом из заштрихованных треугольников, неорнаментированное горло отогнуто наружу (рис. 2, 1). Высота сосуда – 17, диаметр устья – 9,5 см. Второй сосуд – курильница на округлой подставке (рис. 2, 2). Подставка орнаментирована насечками по краю. На чаше снаружи – два сосцевидных налепа. Изнутри чаша орнаментирована прямой сеткой, образованной глубокими желобками. Высота курильницы – 7,4, диаметр чаши – 13, диаметр подставки – 7,4 см.

5. Каменный сосуд из ящика М18С к-на М18 м-ка Борат (Болатэ) III, волость Имик (Воимокэ), уезд Бурчун (Юй Цзяньцзюнь, 2013. С. 76) (рис. 2, 5). Курган М18, как и описанные выше курганы из Кэрмуци, относится к типичным чемурчекским памятникам Синьцзяна (Юй Цзяньцзюнь, 2013; Ковалев, 2015. С. 252). Курган представлял собой прямоугольную каменную ограду, ориентированную длинной осью примерно по линии запад–восток, устроенную по периметру земляной насыпи высотой до 1 м. В пределах ограды располагались два каменных ящика, впущенных, вероятно, с уровня древнего горизонта, и три ящика – с уровня насыпи. В одной из «основных» гробниц обнаружен каменный сосуд с высокими плечиками и утолщенным стянутым венчиком. Форма изделия необычна

для чемурчекских каменных сосудов, имеющих в основном эллипсоидные или цилиндрические очертания.

6. Глиняный сосуд из музея уезда Бурчун (Шоуле юму..., 2014. С. 193) (рис. 3, 1). Яйцевидной формы (остродонный) с высоким прямым расширяющимся горлом, сплошь покрыт округлыми отпечатками. Высота – 21,4, диаметр устья – 12,3 см. Обстоятельства находки неизвестны.

7. Глиняный сосуд из волости Чункур уезда Бурчун (Сычоу чжи лу..., 2016. С. 326) (рис. 3, 3), яйцевидный, с выпуклым желобчатым горлом. По венчику – елочный орнамент, составленный из отпечатков плоского штампа, от венчика спускаются треугольные шевроны, составленные из трех рядов ногтевых(?) отпечатков, пространство внутри и за пределами шевронов заполнено уголками, выполненными последовательными отпечатками плоского штампа (?). Высота – 17,8, диаметр устья – 12 см. Обстоятельства находки неизвестны.

8. Каменный сосуд из музея уезда Бурчун (Шоуле юму..., 2014. С. 186) (рис. 3, 5). Яйцевидной формы с высоким отогнутым горлом. На плечиках прослеживаются горизонтальные нарезные линии. Высота – 16, диаметр устья – 10,5 см. Обстоятельства находки неизвестны.

9. Глиняный сосуд, найденный в районе м-ка Кэрмуци (Чемурчек) в 1994 г. (уезд Алтай) (*Ван Линьшань, Ван Бо*, 1996. С. 53, 84. Кат. № 123; Сычоу чжи лу..., 2008. С. 222) (рис. 3, 2). Тулово яйцевидно-эллипсоидное, высокое вертикальное горло. По тулову – орнамент из прочерченных линий, составляющих косую сетку. Образованные этой сеткой ячейки заполнены округлыми отпечатками палочки и прочерченными линиями. Обстоятельства находки неизвестны.

10. Глиняный сосуд из музея городского уезда Алтай (Шоуле юму..., 2014. С. 196) (рис. 3, 4). Тулово эллипсоидной формы, высокое отогнутое наружу горло. По тулову – орнамент из прочерченных линий, образующих полосу из заштрихованных треугольников вершинами вверх и вниз. Высота – 20,2, диаметр устья – 12,8 см. Обстоятельства находки неизвестны.

11. Глиняный сосуд из музея городского уезда Алтай (Там же. С. 194) (рис. 3, 6). Тулово эллипсоидной формы, высокое отогнутое наружу горло. По тулову – елочный орнамент, образованный прочерченными линиями. Высота – 23, диаметр устья – 14 см. Обстоятельства находки неизвестны.

12. Глиняный сосуд из музея округа Алтай (Там же; Сычоу чжи лу..., 2016. С. 323 – изображение искажено) (рис. 4, 1). Тулово шаровидной формы, высокое вертикальное горло. Полностью покрыт орнаментом, образованным прочерченными «лентами», рассеченными поперечными отпечатками гладкого штампа. Ленты на шейке образуют ряд параллельных шевронов, на тулове – косую сетку, ячейки которой заполнены параллельными линиями. Высота – 19,5 см, диаметр устья – 13,1 см. Обстоятельства находки неизвестны.

13. Глиняный сосуд, найденный на территории бывшей 4-й бригады волости (бывшей «главной бригады») Каньэрцзы, уезд Цитай (*Сюэ Цзучжэнь*, 1982. С. 23; Сычоу чжи лу..., 2008. С. 202) (рис. 4, 2). В русскоязычной литературе памятник получил название «Сыдуйтуцю» (*Варенов*, 1998. С. 79; *Молодин, Алкин*, 2012. С. 152–153; 2016. С. 508–509), что, на мой взгляд, неверно. Это слово не является именем собственным. Местонахождение в публикации обозначено

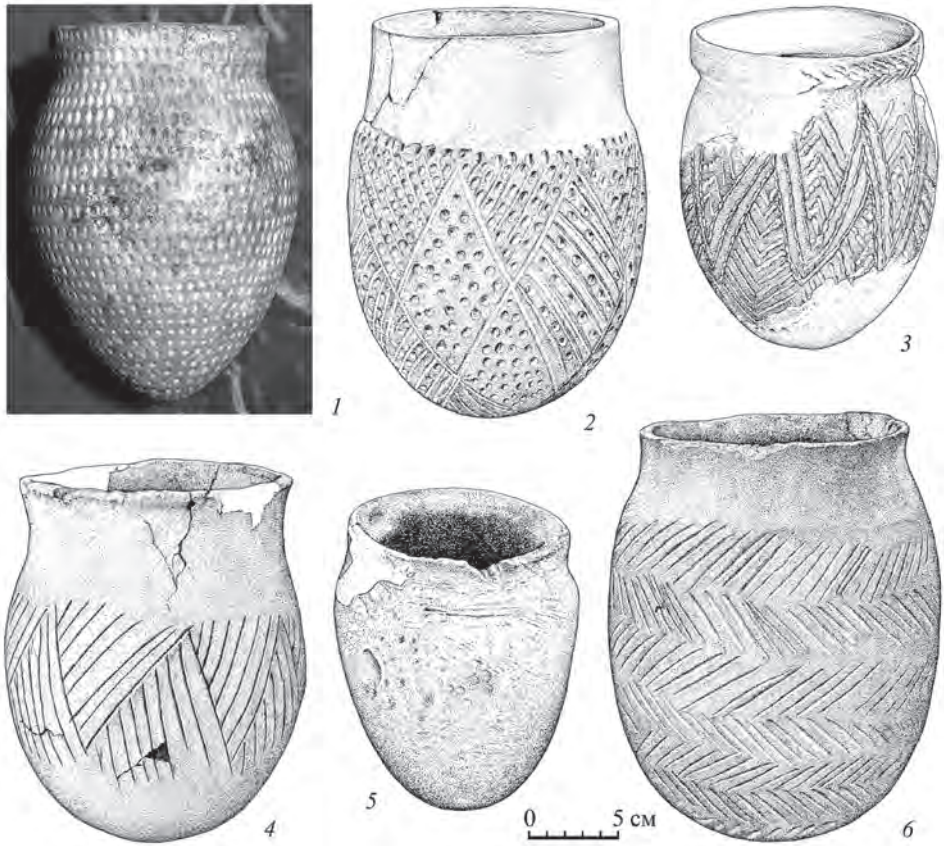

Рис. 3. Сосуды с афанасьевскими признаками из северной Джунгарии

Глиняные сосуды: 1 – музей уезда Бурчун (фото Е. Н. Черных); 2 – территория мог. Кэрмуци (Чемурчек), городской уезд Алтай (прорисовка по фото из: Ван Линьшань, Ван Бо, 1996); 3 – волость Чункур уезда Бурчун (по: Сычоу чжи лу..., 2016); 4, 6 – музей городского уезда Алтай (прорисовка по фото из: Шоуле юму..., 2014); 5 – каменный сосуд из музея уезда Бурчун (прорисовка по фото из: Там же)

фразой: «Каньэрцзы да дуй (главная бригада Каньэрцзы) сы дуй (4-я бригада) ту цю (земляная насыпь (насыпи), холм (холмы)) ичжи (развалины, селище)» (СюэЦзучжэн, 1982. С. 23), то есть «селище на холме на территории 4-й бригады главной бригады Каньэрцзы». В тексте повествуется не об одном, а о двух холмах («ту цю»): о селище, расположенном на земляном всхолмлении высотой 3 м, протяженностью 400 м, на поверхности которого археологами были собраны фрагменты керамики и костей животных, а также о другом холме в трех километрах от первого, на сей раз высотой 5 м, диаметром 50 м. Находка была сделана у второго «холма». Как говорится в первой публикации, афанасьевский сосуд был найден местными жителями в 1976 г. в местности около одного из двух заметных всхолмлений на территории «4-й бригады». Якобы вместе

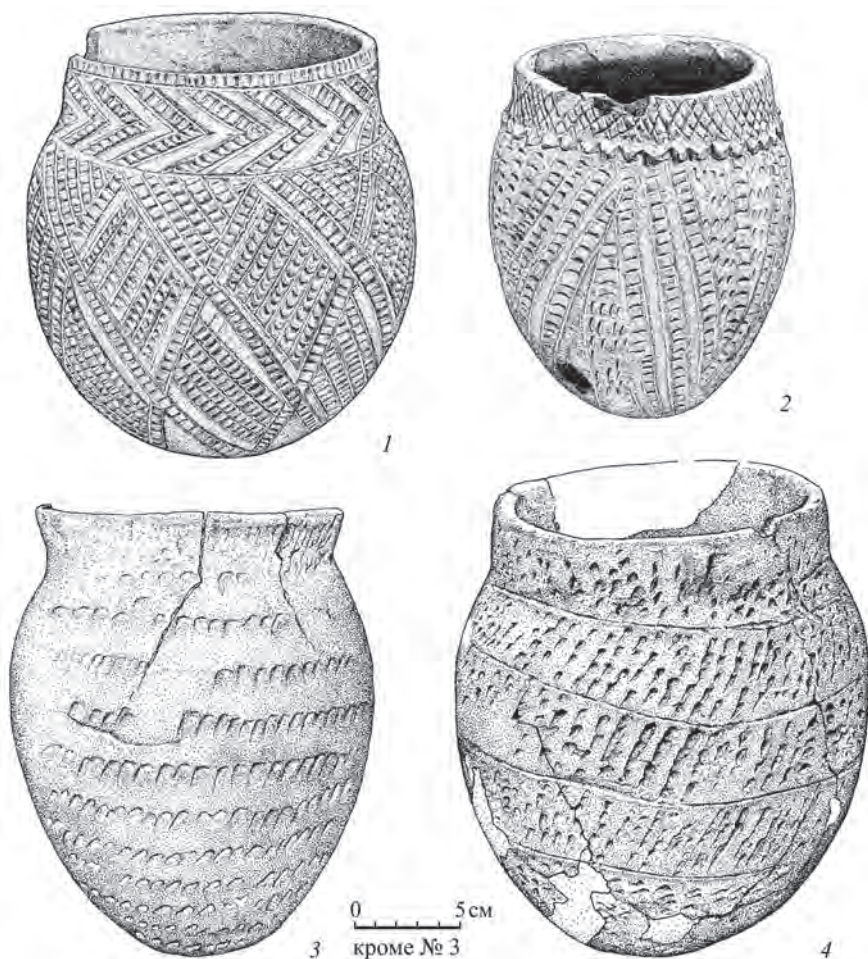

Рис. 4. Глиняные сосуды с афанасьевскими признаками из Синьцзяна

1 – музей округа Алтай (прорисовка по фото из: Шоуле юму..., 2014); 2 – волость Кань-эрцзы, уезд Цитай (прорисовка по фото из: Сычоу чжи лу..., 2008); 3 – м-к Худжирт, уезд Дурбульджин (Эминь) (прорисовка по фото из: Ван Юнцян, 2011); 4 – к-н М74 м-ка Водохранилище Алтынэмель, уезд Юйминь (Чаганьтокай) (прорисовка по фото из: Синьцзян вэньу..., 2012)

с ним крестьяне нашли каменную «седлообразную» зернотерку и фрагменты другого керамического сосуда «аналогичной» формы, орнаментированного горизонтальными полосами гребенчатого штампа. Судя по набору и сохранности предметов, крестьяне разграбили погребение (погребения?) с афанасьевским материалом. Яйцевидной формы тулово покрыто орнаментом в форме шевронов, образованных прочерченными «лентами», рассеченными поперечными отпечатками гладкого штампа. Поле внутри и снаружи шевронов заполнено такими же лентами и наколами. Вертикальное горло орнаментировано косой сеткой, образованной

прочерченными линиями. В первой публикации высота (скорее всего, неверно) определена в 14, во второй – 16,7 см. Диаметр устья – 11 см.

14. Глиняный сосуд из могилы в к-не М74 м-ка Водохранилище Алтынэмель (волость Алтынэмель (Алэтэмулэ), уезд Юйминь (Чаганьтокай)) (Синьцзян вэньу..., 2012. С. 67. Рис. 55 и 4-я стр. обл.; Сычоу чжи лу..., 2016. С. 356 – изображение искажено) (рис. 4, 4). Курган (Синьцзян вэньу..., 2012. С. 53. Рис. 22) представлял собой округлую каменно-земляную насыпь (диаметр – 9,2, высота до 0,5 м), к югу от которой прослеживался каменно-земляной навал диаметром 7,2 м. Вероятно, в этот навал входили камни, выбранные грабителями из середины насыпи, где камней практически не осталось. В южном секторе насыпи была открыта земляная подпрямоугольная яма (2,2 × 1,34 м, гл. 1,1 м), ориентированная длинной осью по линии север–северо-восток – юг–юго-запад, заполненная каменными глыбами. В пространстве, образованном приваленной к юго-юго-западной стенке каменной плитой, был зачищен мужской костяк, уложенный, судя по чертежу, скорченно на правом боку, головой на запад–северо-запад. Левая (?) рука вытянута к тазу, правая не показана на чертеже. За спиной погребенного располагался сосуд, у таза были обнаружены каменные бусины черного цвета. Тулово сосуда яйцевидной формы, горло вертикальное. Высота сосуда – 21,5, диаметр устья – 14,5 см. Сосуд покрыт горизонтальными полосами косых отпечатков палочки (накалывание), имитирующих наклонные отступающие отпечатки гребенчатого штампа. Полосы разделены прочерченными горизонтальными линиями. По костям человека из погребения получена радиоуглеродная дата BA120452 – 3940 ± 40 л. н., что после калибровки в программе OxCal 4.0 относит памятник с вероятностью 95,4 % к следующим временным отрезкам: 2568BC (13,2 %) 2520BC; 2499BC (77,4 %) 2332BC; 2326BC (4,8 %) 2299BC.

15. Глиняный сосуд из могильника Худжирт (Хоцзиэртэ), монгольская национальная волость Худжирт, уезд Дурбульджин (Эминь) (Ван Юнцян, 2011) (рис. 4, 3). Обнаружен в 2011 г. в одном из курганов, раскопанных в связи со строительством трассы Карамай-Тачэн. Опубликована только фотография сосуда без масштаба. Он имеет яйцевидное тулово и высокое отогнутое горло. На шейке прослеживаются вертикальные прочерченные линии, на тулове – горизонтальные ряды наклонных отпечатков гладкого штампа.

Рассматриваемая серия керамических изделий не очень велика, тем не менее позволяет сделать предварительные выводы об особенностях афанасьевских сосудов Синьцзяна. Большая работа по подготовке и изданию свода материалов афанасьевской культуры, предпринятая в последние годы Н. Ф. Степановой, А. В. Поляковым и Э. Б. Вадецкой (Афанасьевский сборник, 2010; Афанасьевский сборник 2, 2012; *Вадецкая и др.*, 2014), облегчает решение этой задачи.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что все известные глиняные сосуды «афанасьевской традиции» из Синьцзяна имеют высокое горло, чем резко отличаются от афанасьевских сосудов Верхнего Енисея. По этому признаку они сближаются с афанасьевской керамикой Алтая (Степанова, 2010. С. 182). Но у большей части сосудов из Синьцзяна горло не орнаментировано, что очень редко встречается на Алтае и Енисее. Кроме того, что горло у них имеет большую относительную высоту, в ряде случаев оно вертикальное или слабоотогнутое,

что характерно для памятников Северо-Западного Алтая (*Вадецкая и др.*, 2014. С. 280–291) (рис. 5, 3). В двух случаях зафиксировано выпуклое желобчатое горло: этот признак, как отмечалось, встречен на некоторых сосудах из Горного Алтая (рис. 5, 4–7).

На 6 сосудах (из 13, за исключением курильниц) нанесен орнамент в виде шевронов, заполненных штриховкой или точками. Отчасти схожий узор имеется на нескольких сосудах из Горного Алтая и Верхнего Енисея (рис. 5, 1, 2, 8, 12, 14, 16), причем точное соответствие известно только в одном случае – орнамент на горле сосуда из погр. 2 могилы 14 Усть-Куюмского м-ка (*Погожева и др.*, 2006. Рис. 54) (рис. 5, 16).

Основным элементом орнаментальных композиций на двух сосудах выступают прочерченные «ленты», рассеченные поперечными отпечатками гладкого штампа. Похожие фигуры наблюдаются на курильнице и одном шаровидном сосуде из Хакасии (рис. 5, 10, 11).

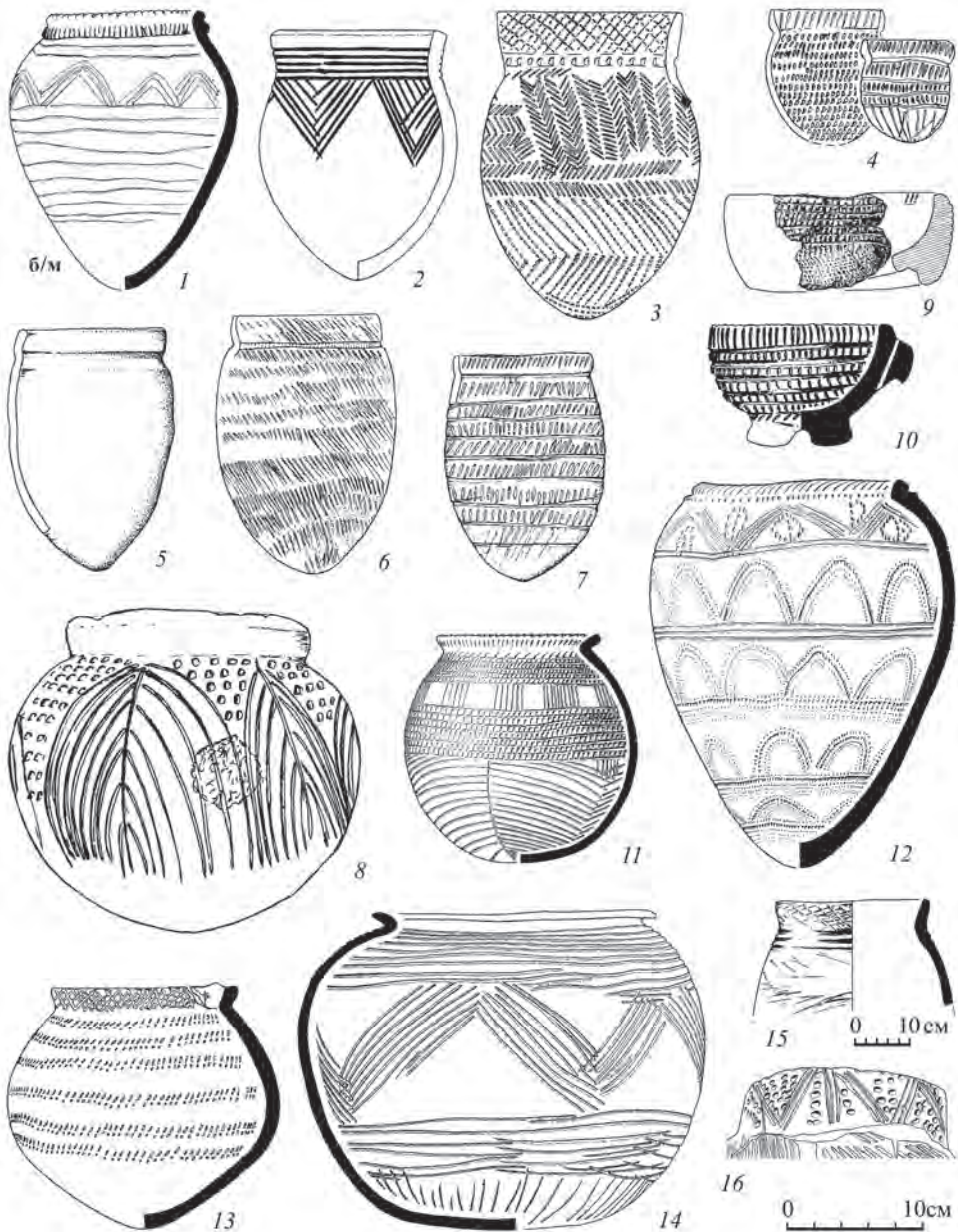
Орнамент в виде прямой или косой сетки, встреченный четырежды на синьцзянской керамике, в нескольких случаях прослежен на сосудах из Алтая и Верхнего Енисея (рис. 5, 3, 9, 13, 15). Обращает на себя внимание серия из м-ка Ит-коль II, где из семи сосудов у четырех горло орнаментировано косой сеткой, как и у нашего сосуда из Каньэрцзы (*Поляков*, 2010. Рис. 8) (рис. 5, 13).

В некоторых случаях афанасьевские сосуды на переходе от плечиков к горлу имеют рассеченные валики (рис. 5, 1, 3, 12), как на сосуде из Каньэрцзы.

Орнаментальная композиция на сосуде из к-на М16 м-ка Кэрмуци (Чемурчек), составленная из концентрических дугообразных отпечатков шнура, как уже указывалось, находит аналогии только лишь в материалах энеолита – средней бронзы Восточной Европы (*Ковалев*, 2007. С. 47. Илл. 21). Хотя шнуровая орнаментация выявлена на афанасьевском сосуде из мог. 13 Усть-Куюмского м-ка, там она представлена в весьма примитивном виде: горизонтальными отпечатками охватывающих тулово веревочных колец (*Погожева и др.*, 2006. Рис. 49).

На рассматриваемой синьцзянской керамике отсутствует орнамент, нанесенный шаганием и прокатыванием инструмента. За исключением сосуда из к-на Кэрмуци М16, принадлежность которого афанасьевской традиции не доказана, на афанасьевских сосудах из Синьцзяна не встречено отпечатков гребенчатого штампа. Ведущими способами орнаментации являются протаскивание, накалывание и штампование незубчатыми орудиями. Возможно, это свидетельствует об относительно позднем проникновении афанасьевских традиций в Синьцзян, ведь для позднейших памятников Горного Алтая, т. н. «куротинского» типа погребений, качалка также не характерна (*Степанова*, 2012. С. 176). В куротинских погребениях найдены сосуды с неорнаментированными вертикальными шейками (*Вадецкая и др.*, 2014. Рис. 64, 13–15). О появлении афанасьевского населения в Синьцзяне не ранее второй трети III тыс. до н. э. свидетельствуют и находки афанасьевских сосудов в чемурчекских комплексах, которые датируются в целом этим же временем (*Ковалев*, 2011. С. 186–188; 2016), и дата по костям человека в погребении к-на М74 м-ка Водохранилище Алтынэмель ВА120452 – 3940 ± 40 л. н., т. е. 2568–2299 CalBC (95,4 %) (см. выше).

Мотив косой сетки и шевронов с заполнением свободных полей параллельными линиями и ямками находит ближайшую аналогию в росписях на плитах

чемурчекских каменных ящиков Китайского Алтая. В этом регионе известны пока три гробницы с росписями: Копар, Тоганьбай II М2В, Борат III М18 (Юй Цзяньцзюнь, 2013. С. 76; Ковалев, 2015. С. 247, 250), и все эти росписи следуют одному шаблону. Наклонными крест-накрест, вертикальными и горизонтальными линиями формируются треугольные и ромбические ячейки, заполненные округлыми точками. Ближе всего к этим изображениям росписи каменных ящиков кеми-обинской культуры (Тоцев, 2007. Рис. 35, 36). Интересно, что на территории Монголии таких композиций в росписях нет, но часто встречаются параллельные ряды треугольных фестонов, концентрические ромбы, ломаные и меандровидные линии, косая сетка без точек (Ковалев, *Эрдэнэбаатар*, 2014б. Рис. 17; Ковалев и др., 2015. Рис. 31; Грушин и др., 2015. Рис. 5–17) – элементы, прямые аналогии которым обнаруживаются в Западной Европе (Twohig, 1981; Robin, 2009; Ковалев, 2012. Рис. 1).

Тесные связи носителей афанасьевской культуры и чемурчекского культурного феномена на севере Синьцзяна, в западных предгорьях Монгольского Алтая, подтверждают и находки четырех афанасьевских глиняных сосудов в чемурчекских каменных ящиках, а также двух афанасьевских яйцевидных сосудов, изготовленных из камня, как и большинство чемурчекских емкостей (Ковалев, 2011. Рис. 21; 27; Тишкин и др., 2013). Чемурчекским влиянием можно объяснить эллипсоидность тулова и отсутствие орнамента на горле ряда афанасьевских сосудов из северной Джунгарии (Ковалев, 2011. Рис. 21; 27). Именно здесь, в синьцзянском округе Алтай, концентрируется керамика с наиболее специфическими признаками (шевроны, ромбы, ленты, шнуровой штамп, желобчатое горло). Напротив, два изделия, найденные на западе Синьцзяна, по форме и орнаментации не выходят за пределы стандарта афанасьевских памятников Алтая.

Специфические черты синьцзянской керамики, как было показано выше, настолько редко и дисперсно встречаются на афанасьевской посуде Алтая и Верхнего Енисея, что трудно было бы предположить их проникновение в Синьцзян из какого-либо внешнего микрорегиона. Скорее, наоборот, эти признаки впервые появились именно в Джунгарии, в смешанной культуре афанасьевских мигрантов, откуда затем распространялись по всей территории афанасьевской культуры. Территориально близкие к синьцзянским находкам афанасьевские памятники, исследованные на плато Укок и в Баян-Ульги аймаке Монголии – м-к. Бертек-33 (Савинов, 1994), к-н Кургак гови 1 (Ковалев, *Эрдэнэбаатар*, 2014а), а также святилище (?) Хар чулуут 2-1 (раскопки А. А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра, 2015 г.) (рис. 1) –

Рис. 5. Афанасьевские сосуды с признаками, характерными для афанасьевской керамики Синьцзяна

1 – Онгудай; 2 – Нижний Тюмечин 5, кольцо 2; 3 – Ело-1, ограда 4; 4, 7 – Кара-Коба-1, ограды 1 и 7; 5 – Усть-Куюмский м-к, погр. 14; 6 – Салдыр-1, огр. 18; 8, 16 – Усть-Куюмский м-к, м. 14 (погр. 1 и 2); 9 – Денисова пещера; 10 – Летник-VI, огр. 25, м. 1; 11, 15 – Афанасьева гора, м. 24 и 27; 12 – Карасук III, огр. 1, м. 1; 13 – Итколь II, кург. 27, м. 1; 14 – Карасук III, огр. 2, м. 2

1–4, 7, 8 – (по: Вадецкая и др., 2014); 5, 16 – (по: Позожева и др., 2006); 6 – (по: Ларин, 2005); 9 – (по: Деревянко, Молодин, 1994); 10, 15 – (по: Грязнов, 1999); 11, 12, 14 – (по: Вадецкая, 2012); 13 – (по: Поляков, 2010)

не содержат керамики с особенностями, позволяющими утверждать, что связи Синьцзяна и Алтая в афанасьевское время осуществлялись через Монгольский Алтай или Укок. Судя по распространению сосудов с указанными специфическими признаками, афанасьевцы Синьцзяна могли контактировать с северными однокультурными группами через территорию Восточного Казахстана⁵.

Ю. Н. Есин привел ряд убедительных аналогий встреченному на афанасьевских сосудах орнаменту в виде косой сетки и «косого креста» (вариант той же сетки) (*Есин, 2010. С. 58. Рис. 5; 6*). Все эти аналогии относятся к окуневской культуре: керамике, росписям на плитах, объектам монументальной скульптуры. Причиной этого сходства исследователь склонен считать влияние афанасьевского субстрата на окуневцев (Там же. С. 62). Однако распространение мотива косой сетки / косого креста проще объяснить влиянием чемурчекских традиций как на позднее афанасьевое через Синьцзян, так и на окунево. Тем более что для окуневской посуды, как и для афанасьевской керамики Синьцзяна, обычна орнаментация наколами, вдавленными округлыми углублениями, прочерченными линиями (*Лазаретов, 1997; Леонтьев, 2006; и др.*).

Появление в центре территории распространения чемурчекского феномена наряду с афанасьевскими иными элементами материальной культуры восточноевропейского генезиса – керамики со шнуровой орнаментацией, желобчатым горлом, сложными орнаментальными композициями в виде ромбов и треугольников, заполненных округлыми точками, а также аналогичных росписей каменных гробниц – подтверждает мою идею о присоединении части населения восточноевропейских степей к чемурчекской миграции (*Ковалев, 2005. С. 181, 182*).

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. 293 с., ил.
- Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. 226 с., ил.
- Вадецкая Э. Б.*, 2012. Афанасьевская керамика (классика археологического рисунка) // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука. С. 31–84.
- Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.*, 2014. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука. 380 с., ил.
- Ван Бинхуа*, 2013. Гумугоу. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ. 242 с., ил. (На кит. яз.)
- Ван Линьшань, Ван Бо*, 1996. Чжунго Аэртай шань цаюань вэньу (Культурное наследие степей китайского Алтая). Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. 96 с. (На кит. яз.)
- Ван Юнцян*, 2011. Эминь Хоцзиэртэ муди каогу фацзюэ (Археологические раскопки могильника Худжирт в уезде Эминь) // 2011 вэньу каогу няньбао (Летопись культурного наследия и археологии за 2011 год) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района). Урумчи. С. 11. (На кит. яз.)

⁵ В то время, когда настоящая статья подготавливалась к печати, на могильнике Улкен Каратал в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области была исследована могила афанасьевской культуры, в которой был найден в том числе глиняный сосуд с высоким неорнаментированным горлом и с эллипсоидным туловом, украшенным орнаментом в форме заштрихованных шевронов – типичными «синьцзянскими» признаками (Толеубаев и др., 2017).

- Варенов А. В., 1998. «Афанасьевские» древности из Северного Синьцзяна и их алтайские аналогии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы науч.-практ. конф. Вып. IX. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 77–81.
- Варенов А. В., 2002. Средневековые древности из могильника Кээрмуци в Восточном Туркестане (Синьцзяне) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии: докл. участников IX и X сессий археологов и антропологов Дальнего Востока (12–15 апр. 1999 г. и 10–17 апр. 2001 г.). Владивосток. С. 253–262.
- Грушин С. П., Тишкин А. А., Мунхбаяр Ч., Фрибус А. В., 2015. Росписи на каменных плитах чемурчского кургана Бэлэн усны дэнж (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: МИСР. С. 142–154.
- Грязнов М. П., 1999. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин. 136 с.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., 1994. Денисова пещера. Ч. I. Новосибирск: Наука. 262 с.
- Есин Ю. Н., 2010. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 53–73.
- Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР. 642 с.
- Ковалев А. А., 2005. Чемурчский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культуры эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рожд. Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 178–184.
- Ковалев А. А., 2007. Чемурчский культурный феномен (статья 1999 года) // «А.В.»: сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-информ-пресс. С. 25–76.
- Ковалев А. А., 2011. Великая чемурчская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб.: Юридическая книга. 2011. С. 183–244.
- Ковалев А. А., 2012. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб.: МИСР. 158 с.
- Ковалев А. А., 2015. Чемурчские памятники Синьцзяна: артефакты, комплексы, погребальные сооружения // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: МИСР. С. 240–279.
- Ковалев А. А., 2016. Чемурчский культурный феномен // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. / Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Наука. С. 512–515.
- Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Грушин С. П., Тишкин А. А., Ожередов Ю. А., 2015. Чемурчские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: МИСР. С. 100–141.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., 2014а. Исследования ритуальных оград чемурчского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 г. // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: Лема. С. 163–234.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., 2014б. Исследования чемурчских курганов в Булган сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 гг. // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: Лема. С. 235–406.
- Козинцев А. Г., 2009. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию // АЭАЕ. № 4 (40). С. 125–136.
- Лазаретов И. П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ. С. 19–64.

- Ларин О. В., 2005. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Салдыяр-1. Барнаул: Алтайский ун-т. 208 с., ил.
- Леонтьев С. Н., 2006 К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элексис принт. С. 260–272.
- Мамедов Г. М., Новиков И. С., 2015. Геоморфология Джунгарской равнины и ее горного обрамления // Геоморфология. № 1. С. 88–100.
- Молодин В. И., Алкин С. В., 1997. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманитарного фак-та НГУ. Новосибирск: НИИ математико-информационных основ обучения НГУ. С. 35–38.
- Молодин В. И., Алкин С. В., 2012. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука. С. 149–154.
- Молодин В. И., Алкин С. В., 2016. Культура Гумугоу (афанасьевская) // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. / Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Наука. С. 506–509.
- Погожева А. П., Рыкун М. П., Степанова Н. Ф., Тур С. С., 2006. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Азбука. 234 с.
- Поляков А. В., 2010. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 144–158.
- Савинов Д. Г., 1994. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бетекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 39–49.
- Семенов Вл. А., 1993. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток // Петербургский археологический вестник. Вып. 4. С. 25–30.
- Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Или чжоу вэньу цзюй, Нилэкэ сянь вэньу гуаньлисо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Бюро культурного наследия области Или, Управление культурного наследия уезда Нилка). Нилэкэ сянь Халасу ичжи каогу фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет об археологических раскопках селища Халасу в уезде Нилка) // Синьцзян вэньу. № 3–4. 2008. С. 33–43. (На кит. яз.)
- Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Юйминь сянь Алэтэнемүлэ шуйку муди каогу фацзюэ баогао (Отчет об археологических раскопках могильника Водохранилище Алтынэмель в уезде Юйминь) // Синьцзян вэньу. № 3–4. 2012. С. 41–75. (На кит. яз.)
- Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Культурное наследие древних народностей Синьцзяна) / Синьцзян вэйюэр цзычжицзю шэжуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Институт археологии Академии общественных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района) – сост. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. 22, 4, 19 с., 175 л. ил. (Разд. пагин.) (На кит. яз.)
- Синьцзян каогу со (Институт археологии Синьцзяна). Синьцзян Хэшо Синьтала ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках селища Синьтала в [уезде] Хэшо, Синьцзян // Каогу. № 5. 1988. С. 399–407, 476. (На кит. яз.)
- Синьцзян шэжуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Институт археологии академии общественных наук Синьцзяна). Синьцзян Кээрмуци му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил в Кээрмуци, Синьцзян) // Вэньу. № 1. 1981. С. 23–32. (На кит. яз.)
- Степанова Н. Ф., 2010. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 177–187.
- Степанова Н. Ф., 2012. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука. С. 173–182.
- Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна) / Сост. Ци Сяошань, Ван Бо. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. 304 с. (На кит. яз.)
- Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (сюй) (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна (продолжение)) / Сост. Ци Сяошань, Ван Бо. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2016. 432 с. (На кит. яз.)

- Сюэ Цзучжэнь, 1982. Синьцзян Цитай фасянь дэ шици шидай ичжи ю гуму (Селища и древние могилы каменного века, открытые в уезде Цитай, Синьцзян) // Каогусюэ цзикань. Вып. 2. С. 22–24. (На кит. яз.)
- Тишкин А. А., Грушин С. П., Мунхбаяр Ч., 2013. Каменные сосуды из памятников ранней бронзы долины Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. № 2 (8). С. 117–129.
- Толеубаев А. Т., Жуматаев Р. С., Шагибаев М. С., Ожаубаев А. С., 2017. Предварительные итоги археологических исследований на могильнике Айнабулак-1 и Улкен Каратал в полевом сезоне 2017 года // Алтай – түркіәлемінің алтын бесігі (Алтай – золотая колыбель тюркского мира). Өскемен (Усть-Каменогорск). С. 172–200.
- Тоцев Г. Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ. 304 с., ил.
- Хань Кансинь, 1986. Синьцзян Кунцзюэ хэ Гумугоу муди жэнь гу яньцзю (Исследование костей человека из могильника Гумугоу [на реке] Кончедарья, Синьцзян) // Каогу сюэбао. 1986. № 3. С. 361–384. (На кит. яз.)
- Чжан Юйчжун, 2005. Буэрцзинь сянь фасянь дэ цайхуй ши гуань му (Могила с расписным каменным ящиком, обнаруженная в уезде Бурчун) // Синьцзян вэньу. № 1. С. 124–125. (На кит. яз.)
- Чжан Юйчжун, 2007. Синьцзян Буэрцзинь сянь чутоу дэ ганьлань син тао гуань (Глиняный сосуд в форме маслины, выкопанный в уезде Бурчун, Синьцзян) // Вэньу. № 2. С. 66–67. (На кит. яз.)
- Шоуле, юму, хуанцзинь дао (Охота и собирательство, кочевое скотоводство, золотой путь) / Алэтай дицю вэньу цзюй, Алэтай дицю боугуань (Бюро культурного наследия округа Алтай, Музей округа Алтай). Урумчи: Синьцзян кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2014. 382 с. (На кит. яз.)
- Юй Цзяньцзюнь, 2013. Болатэ мусюнь каогу фацзюэ цзи (Записки об археологических раскопках могильника Борат) // Дачжун каогу. № 6. С. 73–77. (На кит. яз.)
- Kovalev A., 1999. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek // Eurasia Antiqua. Bd. 5. S. 135–178.
- Mallory J. P., Mayr V. H., 2000. The Tarim mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London: Thames and Hudson. 352 p.
- Robin G., 2009. L'architecture des signes: l'art pariétal des tombeaux néolithiques autour de la mer d'Irlande. Rennes: Presses universitaires de Rennes. 364 p.
- Stein A., 1921. Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Oxford: Clarendon Press. 5 vols. XXXIX, 1580, 59 p. plates, planes, maps.
- Stein A., 1928. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-Su and Eastern Iran. Oxford: Clarendon Press. 4 vols. XXXV, xii, 1160 p., plates, planes, maps.
- Twohig E. Sh., 1981. The megalithic art of Western Europe. N. Y.: Oxford University Press, 1981. 272 p.

Сведения об авторе

Ковалев Алексей Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: chemurchek@mail.ru

A. A. Kovalev

AFANAS'EVO CULTURE IN XINJIANG

Abstract. The article presents the most complete information on the currently known manifestations of Afanasievo culture in Xinjiang. The author argues that, contrary to popular belief, any signs of the influence of Afanasievo culture in the territories south of the Tien Shan, including sites of the Gumugou type, are not registered. Only two

Afanasievo type mounds have been excavated in the very north of region, the materials have not yet been published yet. Other evidences of Afanasievo presence in Xinjiang are limited to clay and stone vessels with typical Afanasievo features. Fifteen images of objects available for the study are published. Their ornamentation and shapes, as well as the connection of a number of finds with Qiemuerqieke cultural phenomenon of the Early Bronze Age, in the author's opinion evidence penetration of the bearers of Afanasievo culture to Xinjiang on the late stage of its existence (in the second quarter of the 3rd mill. BC) and the newcomers' coexistence with the bearers of Qiemuerqieke phenomenon. Dispersed distribution of specific features of Afanasievo ceramics of Xinjiang in the Altai and Upper Yenisei regions shows that Afanasievo people of Xinjiang, in their turn, influenced their northern neighbors. Besides evidence of the influence of the bearers of the Chemurchek phenomenon in Afanasievo ceramics of Xinjiang some components of East European origin can be traced. This could be yet another confirmation of participation of the population of the East European steppes in migration of the Qiemuerqieke population from as far as France to Altai in early 3rd mill. BC.

Keywords: Afanasievo culture, Qiemuerqieke phenomenon, Eneolithic, Early Bronze Age, Xinjiang archaeology, Kemi-Oba culture, West European megaliths.

REFERECES

- Afanas'evskiy sbornik [Afanas'ev collection of articles]. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, 2010. 293 p., ill.
- Afanas'evskiy sbornik 2 [Afanas'ev collection of articles 2]. N. F. Stepanova, ed. Barnaul: Azbuka, 2012. 226 p., ill.
- Derevyanko A. P., Molodin V. I., 1994. Denisova peshchera [Denisova cave], I. Novosibirsk: Nauka. 262 p.
- Esin Yu. N., 2010. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'evskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny [Problems of singling out images of Afanas'ev culture in rock art of Minusinsk depression]. *Afanas'evskiy sbornik [Afanas'ev collection of articles]*. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 53–73.
- Grushin S. P., Tishkin A. A., Munkhbayar Ch., Fribus A. V., 2015. Rospisi na kamennykh plitakh chemurchekskogo kurgana Belen usny denzh (Khovd somon Khovd aymaka Mongolii) [Paintings on stone slabs of Chemurchek kurgan Belen usny denzh (Khovd somon Khovd aymak of Mongolia)]. *Drevnyeshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen [Earliest Europeans in heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon]*, II. *Rezul'taty issledovaniy v tsentral'noy chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel' [Results of investigations in central part of Mongolian Altai and Kobdo River source; sites of Xinjiang and borderlands]*. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: MISR, pp. 142–154.
- Gryaznov M. P., 1999. Afanas'evskaya kul'tura na Enisee [Afanas'ev culture on Yenisei]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 136 p.
- Han Kangxin, 1986. Xinjiang Kongque he Gumugou mudi ren gu yanjiu [Researches of human bones in Gumugou cemetery on Kunque (Konchedarya) river, Xinjiang]. *Kaogu xuebao*, 3, pp. 361–384. (In Chinese.)
- Kiselev S. V., 1951. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [Ancient history of South Siberia]. Moscow: AN SSSR. 642 p.
- Kovalev A. A., 2005. Chemurchekskiy kul'turnyy fenomen: ego proiskhozhdenie i rol' v formirovaniy kul'tur epokhi ranney bronzy Altaya i Tsentral'noy Azii [Chemurchek cultural phenomenon: its origin and role in formation Early Bronze Age cultures in Altai and Central Asia]. *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 60-letiyu so dnya rozhdeniya Yuriya Fedorovicha Kiryushina [West and South Siberia in antiquity: collection of scientific works devoted to 60th anniversary of Yu. F. Kiryushin]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 178–184.

- Kovalev A. A., 2007. Chemurchekskiy kul'turnyy fenomen (stat'ya 1999 goda) [Chemurchek cultural phenomenon (article of 1999)]. *A. V.: sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A. V. Vinogradova* [A. V.: collection of scientific works in honour of 60th anniversary of A. V. Vinogradov]. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, pp. 25–76.
- Kovalev A. A., 2011. Velikaya chemurchekskaya migratsiya iz Frantsii na Altay v nachale tret'ego tysyacheletiya do n. e. [Great Chemurchek migration from France to Altai in beginning of third millennium BC]. *Rossiyskiy arkhologicheskiy ezhegodnik* [Russian archaeological annual], 1. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga, pp. 183–244.
- Kovalev A. A., 2012. Drevneyshie statui Chemurcheka i privileyushchikh territoriy [Earliest statues of Chemurchek and adjacent territories]. St. Petersburg: MISR. 158 p.
- Kovalev A. A., 2015. Chemurchekskie pamyatniki Sin'tszyana: artefakty, komplekсы, pogrebal'nye sooruzheniya [Chemurchek sites of Xinjiang: artefacts, complexes, burial constructions]. *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen* [Earliest Europeans in heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon], II. Rezul'taty issledovaniy v tsentral'noy chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel' [Results of investigations in central part of Mongolian Altai and Kobdo River source: sites of Xinjiang and borderlands]. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: MISR, pp. 240–279.
- Kovalev A. A., 2016. Chemurchekskiy kul'turnyy fenomen [Chemurchek cultural phenomenon]. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from the earliest time till beginning of XXI century], 1. *Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arkhologicheskim dannym): ot paleolita do V v. do n. e.* [Earliest and ancient history (based on archaeological data): from Palaeolithic to V c. BC.]. A. P. Derevyanko, ed. Moscow: Nauka, pp. 512–515.
- Kovalev A. A., Erdenebaatar D., 2014a. Issledovaniya ritual'nykh ograd chemurchekskogo oblika i svyazannykh s nimi pamyatnikov v Bayan-Ul'gi aymake Mongolii v 2004 godu [Investigations of ritual enclosures of Chemurchek appearance and related sites in Bayan-Ul'gi aimak of Mongolia in 2004]. *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen* [Earliest Europeans in heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon], I. Rezul'taty issledovaniy v Vostochnom Kazakhstane, na severe i yuge Mongol'skogo Altaya [Results of investigations in Eastern Kazakhstan, in North and South of Mongolian Altai]. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: Lema, pp. 163–234.
- Kovalev A. A., Erdenebaatar D., 2014b. Issledovaniya chemurchekskikh kurganov v Bulgan somone Khovd (Kobdoskogo) aymaka Mongolii v 2003–2010 godakh [Investigations of Chemurchek kurgans in Bulgan somon Khovd (Kobdo) aimak in Mongolia in 2003–2010]. *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen* [Earliest Europeans in heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon], I. Rezul'taty issledovaniy v Vostochnom Kazakhstane, na severe i yuge Mongol'skogo Altaya [Results of investigations in Eastern Kazakhstan, in North and South of Mongolian Altai]. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: Lema, pp. 235–406.
- Kovalev A. A., Munkhbayar Ch., Grushin S. P., Tishkin A. A., Ozheredov Yu. A., 2015. Chemurchekskie kurgany v urochishche Khuuray salaany am (Khovd somon Khovd aymaka Mongolii) [Chemurchek kurgans in locality Khuuray salaany am (Khovd somon, Khovd aimak of Mongolia)]. *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen* [Earliest Europeans in heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon], II. Rezul'taty issledovaniy v tsentral'noy chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel' [Results of investigations in central part of Mongolian Altai and Kobdo River source: sites of Xinjiang and borderlands]. A. A. Kovalev, ed., comp. St. Petersburg: MISR, pp. 100–141.
- Kovalev A., 1999. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek. *Eurasia Antiqua*, 5, pp. 135–178.
- Kozintsev A. G., 2009. O rannikh migratsiyakh evropeoidov v Sibir' i Tsentral'nyu Aziyu [On early migrations of Caucasoids to Siberia and Central Asia]. *AEAE*. № 4 (40), pp. 125–136.
- Larin O. V., 2005. Afanas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya: mogil'nik Sald'yar-1 [Afanas'ev culture of High Altai: cemetery Sald'yar-1]. Barnaul: Altayskiy universitet. 208 p., ill.
- Lazaretov I. P., 1997. Okunevskie mogil'niki v doline reki Uybat [Okunevo cemeteries in Uibat River valley]. *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskustvo. Antropologiya* [Okunevo collection of articles. Culture. Art. Anthropology]. St. Petersburg: Petro-RIF, pp. 19–64.
- Leont'ev S. N., 2006. K voprosu o keramicheskoy traditsii okunevskoy kul'tury Srednego Eniseya [On problem of ceramic tradition in Okunevo culture of Middle Yenisei]. *Okunevskiy sbornik* 2.

- Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevo collection of articles 2. Culture and its milieu]*. St. Petersburg: Eleksis print, pp. 260–272.
- Mallory J. P., Mayr V. H., 2000. The Tarim mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London: Thames and Hudson. 352 p.
- Mamedov G. M., Novikov I. S., 2015. Geomorfologiya Dzhungarskoy ravniny i ee gornogo obramleniya [Geomorphology of Dzungar plain and its mountainous frame]. *Geomorfologiya [Geomorphology]*, 1, pp. 88–100.
- Molodin V. I., Alkin S. V., 1997. Mogil'nik Gumugou (Sin'tszyan) v kontekste afanas'evskoy problemy [Cemetery Gumugou (Xinjiang) in context of Afanas'ev problem]. *Gumanitarnye issledovaniya: itogi poslednikh let: sbornik tezisov nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 35-letiyu gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Humanity studies: results of recent years: abstracts of scientific conference devoted to 35th anniversary of Humanity faculty of Novosibirsk State university]*. Novosibirsk: NII matematiko-informatsionnykh osnov obucheniya Novosibirskogo gos. universiteta, pp. 35–38.
- Molodin V. I., Alkin S. V., 2012. Pamyatniki afanas'evskogo vremeni na severo-zapade Kitaya (Sin'tszyan) [Sites of Afanas'ev time in North-West of China (Xinjiang)]. *Afnas'evskiy sbornik 2 [Afnas'ev collection of articles 2]*. N. F. Stepanova, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 149–154.
- Molodin V. I., Alkin S. V., 2016. Kul'tura Gumugou (afanas'evskaya) [Gumugou (Afnas'ev) culture]. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka [History of China from the earliest time till beginning of XXI century]*, 1. *Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arkheologicheskim dannym): ot paleolita do V v. do n. e. [Earliest and ancient history (based on archaeological data): from Palaeolithic to V c. B.]*. A. P. Derevyanko, ed. Moscow: Nauka, pp. 506–509.
- Pogozheva A. P., Rykun M. P., Stepanova N. F., Tur S. S., 2006. Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaya [Eneolithic and Bronze Age of High Altai], 1. Barnaul: Azbuka. 234 p.
- Polyakov A. V., 2010. Pamyatniki afanas'evskoy kul'tury na severnom beregu ozera Itkol' (Respublika Khakasiya) [Afnas'ev culture sites on northern shore of Itkul' Lake (Republic of Khakasia)]. *Afnas'evskiy sbornik [Afnas'ev collection of articles]*. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 144–158.
- Robin G., 2009. L'architecture des signes: l'art pariétal des tombeaux néolithiques autour de la mer d'Irlande. Rennes: Presses universitaires de Rennes. 364 p.
- Savinov D. G., 1994. Mogil'nik Bertek-33 [Cemetery Bertek-33]. *Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny (Gornyy Altay, ploskogor'e Ukok) [Ancient cultures of Bertek valley (High Altai, plateau Ukok)]*. V. I. Molodin, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 39–49.
- Semyonov V. I., 1993. Drevneyshaya migratsiya indoevropeytssev na Vostok [Earliest migration of Indo-Europeans to the East]. *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik [Petersburg Archaeological bulletin]*, 4, pp. 25–30.
- Shoule yumu, 2014. Shoule yumu huangjin dao [Hunting and gathering, nomadic cattle breeding, golden road]. *Aletai diqu wenwu jiu, Aletai diqu bowuguan [Bureau of Cultural Relics of Altai Region, Museum of Altai Region]* // coll. *Urumqi: Xinjiang kexue jishu chubanshe*. 382 p. (In Chinese.)
- Sichou zhi lu, 2008. Sichou zhi lu. Xinjiang gudai wenhua [Silk road. Ancient culture of Xinjiang] / Qi Xiaoshan, Wang Bo – coll. *Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe*. 304 p. (In Chinese.)
- Sichou zhi lu, 2016. Sichou zhi lu. Xinjiang gudai wenhua (xu) [Silk road. Ancient culture of Xinjiang (continued)] / Qi Xiaoshan, Wang Bo – coll. *Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe*. 432 p. (In Chinese.)
- Stein A., 1921. Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Oxford: Clarendon Press. 5 vols. XXXIX, 1580, 59 p. plates, planes, maps.
- Stein A., 1928. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-Su and Eastern Iran. Oxford: Clarendon Press. 4 vols. XXXV, xii, 1160 p., plates, planes, maps.
- Stepanova N. F., 2010. Afnas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya i Eniseya: pogrebal'nyy obryad i keramika (skhodstvo i razlichie) [Afnas'ev culture of High Altai and Yenisei: burial rite and ceramics (similarity and dissimilarity)]. *Afnas'evskiy sbornik [Afnas'ev collection of articles]*. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 177–187.
- Stepanova N. F., 2012. Afnas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya i pogrebeniya kurotinskogo tipa Afnas'ev culture of High Altai and the Kurotinsky type burials]. *Afnas'evskiy sbornik 2 [Afnas'ev collection of articles 2]*. N. F. Stepanova, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 173–182.

- Tishkin A. A., Grushin S. P., Munkhbayer Ch., 2013. Kamennye sosudy iz pamyatnikov ranney bronzы doliny Buyanta (Mongol'skiy Altay) [Stone vessels from Early Bronze Age sites of Buyant valley (Mongolian Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological investigations], 2 (8), pp. 117–129.
- Toleubaev A. T., Zhumataev R. S., Shagibaev M. S., Ozhaubaev A. S., 2017. Predvarite'nye itogi arkheologicheskikh issledovaniy na mogil'nike Aynabulak-1 i Ulken Karatal v polevom sezone 2017 goda [Preliminary results of archaeological investigations at cemetery Aynabulak-1 and Ulken Karatal in field season of 2017]. *Altai – zolotaya kolybel' tyurkskogo mira* [Altai – a golden cradle of Turkic world]. Ust'-Kamenogorsk, pp. 172–200.
- Toshchev G. N., 2007. Krym v epokhu bronzы [Crimea in Bronze Age]. Zaporozh'e: Zaporozhskiy natsional'nyy universitet. 304 p., ill.
- Towhig E. Sh., 1981. The megalithic art of Western Europe. New York: Oxford University Press. 272 p.
- Vadetskaya E. B., 2012. Afanas'evskaya keramika (klassika arkheologicheskogo risunka) [Afnas'ev ceramics (classics of archaeological drawing)]. *Afnas'evskiy sbornik 2* [Afnas'ev collection of articles 2]. N. F. Stepanova, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 31–84.
- Vadetskaya E. B., Polyakov A. V., Stepanova N. F., 2014. Svod pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury [Corpus of Afnas'ev culture sites]. Barnaul: Azbuka. 380 p., ill.
- Varenov A. V., 1998. «Afnas'evskie» drevnosti iz Severnogo Sin'tszyana i ikh altayskie analogi [«Afnas'ev» antiquities from North Xinjiang и their Altai analogies]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Preservation and investigation of cultural heritage of Altai region: transactions of scientific-practical conference], IX. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 77–81.
- Varenov A. V., 2002. Srednevekovye drevnosti iz mogil'nika Keermutsi v Vostochnom Turkestane (Sin'tszyane) [Medieval antiquities from cemetery Keermutsi in Eastern Turkestan (Xinjiang)]. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noy Azii: doklady uchastnikov IX i X sessiy arkheologov i antropologov Dal'nego Vostoka (1999 g. i 2001 g.)* [Archaeology and cultural anthropology of the Far East and Central Asia: reports of participants of IX and X meetings of archaeologists and anthropologists of the Far East (1999 and 2001)]. Vladivostok, pp. 253–262.
- Wang Binghua, 2013. Gumugou. Urumqi [Urumchi]. Xinjiang renmin chubanshe. 242 p., il. (In Chinese.)
- Wang Linshan, Wang Bo, 1996. Zhongguo Aertai shan caoyuan wenwu [Cultural relics of grassland of Chinese Altai]. Shenzhen: Xinjiang meishu sheying chubanshe, 1996. 96 p. (In Chinese.)
- Wang Yongqiang, 2011. Emin Huojierte mudi kaogu fajue [Archaeological excavations of Khudzhirt cemetery in Emin county]. 2011 wenwu kaogu nianbao [2011 year annals of cultural relics and archaeology] / Xinjiang weiwuer zizhiq wenwu kaogu yanjiusuo [Institute of Cultural Relics and Archaeology of Xinjiang Uyghur Autonomous Region] – coll. Urumqi, p. 11. (In Chinese.)
- Xinjiang gudai, 1985. Xinjiang gudai minzu wenwu [Cultural relics of nationalities of Xinjiang] / Xinjiang weiwuer zizhiq shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo [Institute of Archaeology of the Academy of Social Sciences of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region] – coll. Peking: Wenwu chubanshe. 22, 4, 19 p., ill. (In Chinese.)
- Xinjiang kaogu, 1988. Xinjiang kaogu yanjiusuo [Institute of Archaeology of Xinjiang]. Xinjiang Heshuo Xintala yizhi fajue jianbao [Short report on excavation of Xintala site in Heshuo, Xinjiang]. Kaogu. № 5, pp. 399–407, 476. (In Chinese.)
- Xinjiang shehui, 1981. Xinjiang shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo [Institute of Archaeology of the Academy of Social Sciences of Xinjiang]. Xinjiang Keermuqi mu fajue jianbao [Short report on excavation of tombs in Keermuqi, Xinjiang]. Wenwu. № 1, pp. 23–32. (In Chinese.)
- Xinjiang wenwu, 2008. Xinjiang wenwu kaogu yanjiusuo, Yili zhou wenwu ju, Nieleke xian wenwu guanlisuo [Institute of Cultural Relics and Archaeology of Xinjiang, Bureau of Cultural Relics of Yili Region, Department of Cultural Relics of Nilka county]. Nieleke xian Halasu yizhi kaogu fajue jianbao [Brief report on archaeological excavation of Halasu site in Nilka county]. Xinjiang wenwu. № 3–4, pp. 33–43. (In Chinese.)
- Xinjiang wenwu, 2012. Xinjiang wenwu kaogu yanjiusuo [Institute of Cultural Relics and Archaeology of Xinjiang]. Yumin xian Aleteniemule shuiku mudi fajue baogao [Report on archaeological

- excavations of Aletenimule reservoir cemetery in Yumin county*]. *Xinjiang wenwu*. № 3–4, pp. 41–75. (In Chinese.)
- Xue Zuzheng, 1982. Xinjiang Qitai faxian de shiqi shidai yizhi yu gumu [Remains and ancient tombs of Stone Age, discovered in Qitai county, Xinjiang]. *Kaoguxue jikan*. Vol. 2. pp. 22–24. (In Chinese.)
- Yu Jianjiun, 2013. Bolate muxun kaogu fajiue ji [Essay on archaeological excavations of Borat cemetery]. *Dazhong kaogu*. № 6, pp. 73–77. (In Chinese.)
- Zhang Yuzhong, 2005. Buerjin xian faxian de caihui shi guan mu [Tomb with painted stone cist discovered in Buerjin county]. *Xinjiang wenwu*. № 1. pp. 124–125. (In Chinese.)
- Zhang Yuzhong, 2007. Xinjiang Buerjin xian chutu de ganlan xing tao guan [Pottery olive-shaped vessel excavated in Buerjin county, Xinjiang]. *Wenwu*. № 2, pp. 66–67. (In Chinese.)

About the author

Kovalev Alexey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru

Ю. Д. Разуваев

БРОНЗОВЫЕ КОНЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ*

Резюме. В бассейне Верхнего Дона найдено, случайно и в ходе раскопок, семь бронзовых подвесок, представляющих собой стилизованную фигурку лошади с петелькой для подвешивания на спине. Их можно связать с поселениями городецкой культуры IV–III вв. до н. э. Вместе с уже известными аналогиями эти предметы входят в вещевой комплекс культур лесного круга. Подвески выполнены по общей схеме, хотя сильно различаются деталями. Две из них, подвергшиеся рентгеноспектральному анализу, изготовлены из оловянистой бронзы. Для отливки такого рода предметов использовались как двусторонние формы, так и выплавляемые модели. Среди находок многие являются производственным браком.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, скифская эпоха, городецкая культура, бронзовые коньковые подвески.

Недавно в «Кратких сообщениях» была представлена небольшая серия подвесок, обнаруженных на нескольких поселениях эпохи раннего железа в бассейнах Днепра, Оки и Дона (*Обломский и др.*, 2012). Это тринадцать предметов из медных сплавов, представляющих собой стилизованную фигурку лошади с петелькой для подвешивания на спине. Авторы статьи соотнесли их с археологическими культурами лесного круга, датировали ориентировочно IV–III вв. до н. э., а также высказались относительно способа изготовления¹. Сейчас появилась возможность существенно дополнить опубликованную ими сводку за счет находок в Верхнем Подонье.

В этом регионе теперь известно семь подобных предметов, обнаруженных в пяти пунктах (рис. 1). Фигурки лошадок состоят в основном из круглого или овального в сечении прутика. Они выполнены по общей схеме: в профиль, с изогнутой шеей, опущенной вниз мордой, высоко стоящей гривой, округлой петелькой на холке. Но все изделия разные, отличаются рядом деталей.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту 15-01-00103а.

¹ Описательная и иллюстративная части этой публикации имеют некоторые недочеты, что, впрочем, отчасти исправляет заметка А. Г. Шпилева (2012), в которой приведены фотографии находок из Курской области.

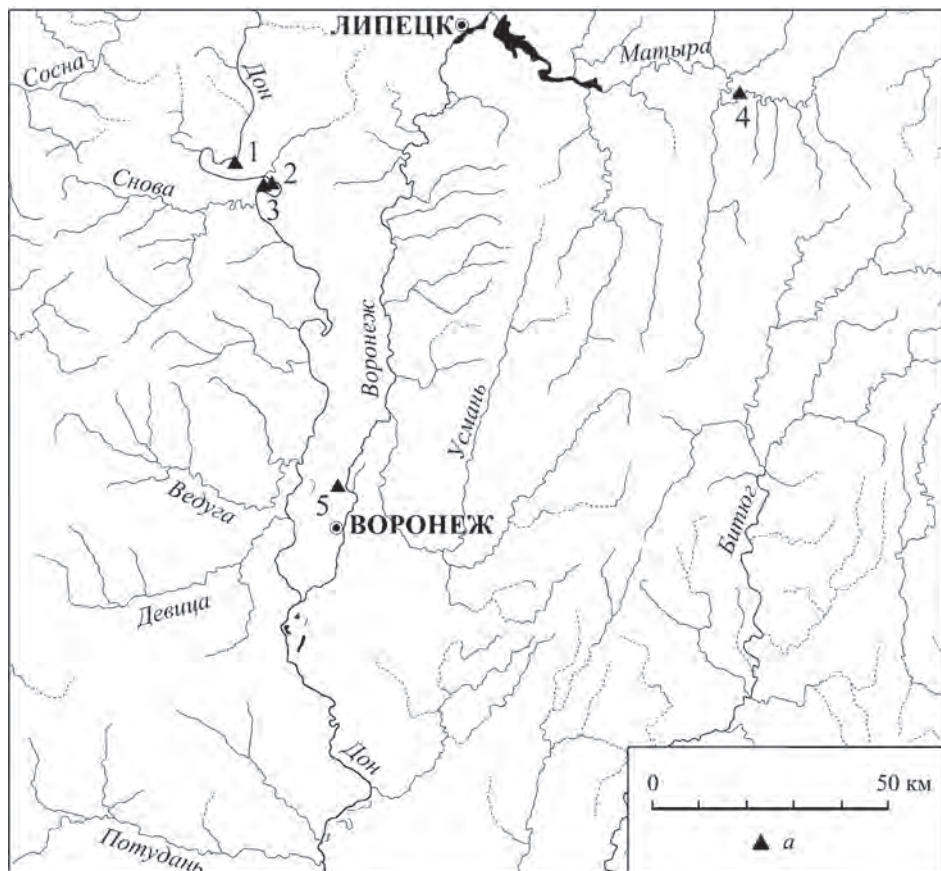

Рис. 1. Находки коньковых подвесок в бассейне Верхнего Дона

a – место находки

1 – городище у с. Верхнее Казачье; *2* – поселение Острая Лука-7; *3* – поселение Ксизово-19; *4* – с. Яблоновец; *5* – Кузнецовское городище на северной окраине г. Воронежа

К сожалению, ни одна из находок не происходит из закрытого комплекса, однако связь их с поселениями скифской эпохи не вызывает сомнений. Проблема заключается в определении культурной принадлежности, поскольку в то время регион был освоен как лесостепным скифоидным, так и лесным городецким населением.

Одна из находок была сделана еще в 1940 г. в строительной траншее на территории Кузнецовского городища, расположенного у северной окраины г. Воронежа на правом берегу одноименной реки (Валукинский, 1948. С. 299). В слое этого памятника, помимо прочих, имеются и материалы V–IV вв. до н. э., скифоидные и городецкие (Пряхин и др., 1997. С. 11, 12). Судя по рисунку в публикации, эта лошадка имела размеры $4,0 \times 2,4$ см, у нее одна передняя и две задние ноги, намечен хвост (рис. 2, *1*).

Рис. 2. Бронзовые коньковые подвески

1 – Кузнецовское городище; 2 – с. Яблоновец; 3 – поселение Ксизово-19; 4, 5 – поселение Острая Лука-7; 6, 7 – городище у с. Верхнее Казачье

В левобережье р. Воронеж несколько лет назад была случайно найдена еще одна подвеска². Это произошло на террасе левого берега р. Матыра у северной окраины с. Яблоновец (Петровский р-н Тамбовской обл.). О наличии именно в этом месте древнего поселения данных нет, но в ближайшей округе известно три поселка городецкой культуры (Разуваев, 2012. Табл. 1, 55–57). Да и вообще таковых в долине Матыры немало. Подвеска имеет размеры $2,8 \times 2,1$ см, изображает лошадку с четырьмя конечностями (рис. 2, 2).

Места остальных пяти находок концентрируются на поселенческих памятниках т. н. Острой Луки Дона – большой излучины реки в районе г. Задонска Липецкой области.

Одна подвеска, уже опубликованная в вышеупомянутой статье, происходит с многослойного поселения Ксизово-19. Сам этот памятник характеризуется относительной немногочисленностью материалов скифской эпохи. Но его территория фактически представляет собой окраину обширного селища, слой которого содержит керамику и вещи как скифоидной, так и городецкой культуры (Обломский, Разуваев, 2009). Кроме того, стоит упомянуть, что здесь же открыты грунтовые погребения скифского времени (Обломский, Разуваев, 2013).

² Сообщение тамбовского археолога С. И. Андреева, которому автор выражает свою признательность.

Данная лошадка имеет размеры $5,2 \times 2,7$ см, одну переднюю и две задние ноги, хвост (рис. 2, 3).

Еще две подвески найдены неподалеку от Ксизово-19, менее 1 км северо-восточнее, на поселении Острая Лука-7. Одна из них обнаружена при обследовании памятника во время разведки 2013 г. (Гончаров, 2014. Л. 52), другая случайно найдена ранее³. Среди собранных на территории поселения фрагментов керамики скифского времени не оказалось ни одного с характерной «рогожной» поверхностью, хотя на Острой Луке городецкие памятники в количестве более четырех десятков открыты повсеместно (Сарапулкина, 2009). От попавшей в подъемный материал фигурки лошадки сохранилась лишь передняя часть размерами $2,7 \times 1,7$ см (рис. 2, 4). Своими очертаниями она напоминает ксизовскую подвеску, хотя и не идентична ей. Другая лошадка, с отломанной головой, имеет размеры $2,8 \times 1,7$ см, у нее одна передняя и две задние ноги (рис. 2, 5).

Две подвески были найдены в 2015 и 2016 гг. в ходе проводившихся под руководством автора раскопок городища у с. Верхнее Казачье. Это многослойный памятник, на котором есть напластования раннескифского времени, а также скифоидные и городецкие материалы IV–III вв. до н. э. Оба предмета обнаружены в слое в таком контексте, что сомневаться в принадлежности их скифской эпохе не приходится. Размеры одной из подвесок, задняя часть которой явно обломана, составляли $3,1 \times 2,3$ см. У этой фигурки одна передняя нога и, по-видимому, были две задние, вместе с гривой изображены уши (рис. 2, 6). Своим обликом подвеска похожа на одну из найденных на поселении Острая Лука-7. Вторая лошадка (рис. 2, 7) имела размеры $3,1 \times 2,1$ см (задняя часть, скорее всего, обломана). У нее по одной передней и задней конечности, но та и другая выполнены из согнутого вдвое прутика. Завитками прутика у фигурки сформованы уши и грива. Такой прием отмечен лишь для нескольких изделий (Обломский и др., 2012. Рис. 1, 2; Шпилев, 2012. Рис. 1, 4; 2, 7; 3, 2), чаще грива подчеркивается вертикальными насечками или вдавлениями.

Обе найденные на городище подвески были подвергнуты рентгеноспектральному анализу, показавшему, что они изготовлены из оловянистой бронзы, но разнятся рецептурами сплава: в первой больше олова и присутствует кремний (табл.)⁴.

Таблица. Состав металла подвесок с городища у с. Верхнее Казачье
(массовая доля элементов указана в %)

Образец	Cu	Sn	Pb	Si	Fe	As
1 (2015 г.)	79,0	16,6	–	4,0	–	–
2 (2016 г.)	92,6	7,4	–	–	–	–

³ Информация задонского краеведа А. Д. Швырёва, которому автор выражает свою благодарность.

⁴ Анализ проведен при содействии кафедры технологии сварочного производства и диагностики Воронежского государственного технического университета.

Любопытно, что на городище открыты свидетельства бронзолитейного производства. В частности, в одной из ям скифоидной постройки IV в. до н. э. найдены обломки глиняной льячки. Извлеченный из прикипевшего к ним шлака медный королек по составу отличается от металла подвесок. Не схожими рецептурой сплавов с последними оказались и найденные на городище бронзовые предметы скифского времени (за одним малозначашим исключением). Таким образом нет оснований полагать, что подвески входили в вещевой комплекс поселения скифоидной культуры.

Вместе с тем на местное производство одной из них как будто указывают затеки металла по краям фигурки (рис. 2, 6). Образовавшись по стыку двух створок литейной формы, они, по идее, подлежали удалению при окончательной отделке изделия. Однако так ли это было?

Кромка из затеков металла имеется почти на всех донских подвесках. Более того, она же отчетливо видна и на фотографиях многих предметов из других регионов (*Обломский и др.*, 2012. Рис. 1, 2; *Шпилев*, 2012. Рис. 1, 2; 2, 1, 2, 7; 3, 2). Отсюда следуют два вывода.

Во-первых, высказанное ранее суждение о том, что для изготовления рассматриваемых вещей применялась техника литья по выплавляемой модели (*Обломский и др.*, 2012. С. 172), верно лишь отчасти. В нашем случае так могла быть сделана одна подвеска из Верхнего Казачьего, обладающая усложненной формой (рис. 2, 7). Большинство же такого рода изделий выплавлялось в двусторонних формах.

Во-вторых, отливки зачастую не подвергались тщательной чистовой обработке. Либо производство было настолько массовым, что эта операция сознательно упрощалась, либо, и это более вероятно, во многих случаях, в руки археологов попал брак. Именно так выглядят обломанные лошадки из Острой Луки и Верхнего Казачьего. На последней еще и смазан рельеф одной стороны гривы. Явно испорчена подвеска из Подмосковья, у которой даже не удалены литники (Там же. Рис. 1, 2). Наконец, шесть лошадок (некоторые с явным браком) найдены в Курской области в составе клада, куда входили и три бронзовых заготовки-прутка (*Шпилев*, 2012. С. 165).

Судя по разнообразию фигурок, мест их изготовления наверняка было немало. Это обстоятельство уже подметили коллеги, как и то, что ареал подвесок-коньков накладывается на территорию юхновской, милоградской, днепро-двинской, дяковской культур лесной зоны (*Обломский и др.*, 2012. С. 174). Добавим, что довольно схожие изделия известны и в ананьинской среде (*Голубева*, 1966. С. 80). Теперь же в этот ареал можно уверенно включать и ту часть лесостепного Подонья, которая была плотно освоена городецким населением. При этом новые находки в целом подтверждают и предположение исследователей о бытовании подвесок в рамках IV–III вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Валукинский Н. В.*, 1948. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // *СА*. Вып. X. С. 291–301.
Голубева Л. А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // *СА*. № 3. С. 80–98.

- Гончаров В. О., 2014. Отчет о проведении археологических разведок на территории Усманского и Задонского районов Липецкой области. Т. I // Архив ИА РАН. 176 л.
- Обломский А. М., Разуваев Ю. Д., 2009. Материалы скифского времени с верхнедонского поселения Ксизово 17 // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. В. Килейников. Вып. 13. Воронеж: Научная книга. С. 176–185.
- Обломский А. М., Разуваев Ю. Д., 2013. Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 231. С. 183–195.
- Обломский А. М., Сыроватко А. С., Сапрыкина И. А., 2012. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. С. 169–178.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В., 1997. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 44 с.
- Разуваев Ю. Д., 2012. Городецкие поселения на р. Воронеж: структура размещения и топография // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / Отв. ред. С. И. Андреев. Вып. 3. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т. С. 145–165.
- Сарапулкина Т. В., 2009. Комплекс памятников Городецкой культуры в районе Донского меандра // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. В. Килейников. Вып. 13. Воронеж: Научная книга. С. 281–283.
- Шпилев А. Г., 2012. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // Древности Днепропровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рожд. А. И. Пузиковой): сб. науч. тр. Курск: Курская гор. тип. С. 165–169.

Сведения об авторе

Разуваев Юрий Дмитриевич, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: razuvaevyd@mail.ru

Yu. D. Razuvaev

BRONZE HORSE-SHAPED PENDANTS OF THE SCYTHIAN PERIOD IN THE UPPER DON REGION

Abstract. Seven bronze pendants featuring a stylized figure of a horse with a loop on the horse back for hanging were found in the Upper Don Region by chance and in the course of excavations. These pendants may be linked to the settlements of the Gorodets culture of the 4th–3rd centuries BC. Along with the known analogies, these items are included in the finds assemblages of the forest cultures. The pendants were made using the same technique; however, they differ substantially in details. Two of these pendants subjected to the X-ray spectrometry are made of tin bronze alloys. Both two-piece casting molds and the lost-wax casting technology were used. Many finds are production rejects.

Keywords: Upper Don Region, Scythian period, Gorodets culture, bronze horse-shaped pendants.

REFERENCES

- Golubeva L. A., 1966. Kon'kovye podveski Verkhnego Prikam'ya [Horse-shaped pendants of Upper Kama region]. *SA*, 3, pp. 80–98.
- Goncharov V. O., 2014. Otchet o provedenii arkhеologicheskikh razvedok na territorii Usmanskogo i Zadonskogo rayonov Lipetskoy oblasti, I [Report on realization of archaeological surveys in territory of Usmanskiy and Zadonsk districts of Lipetsk region]. Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished).

- Oblomskiy A. M., Razuvaev Yu. D., 2009. Materialy skifskogo vremeni s verkhnedonskogo poseleniya Ksizovo 17 [Materials of Scythian time from Upper Don settlement Ksizovo 17]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological sites of Eastern Europe: high school collection of scientific works], 13. V. V. Kileynikov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 176–185.
- Oblomskiy A. M., Razuvaev Yu. D., 2013. Gruntovye pogrebeniya skifskogo vremeni u s. Ksizovo na Verkhnem Donu [Ground burials of Scythian time near village Ksizovo on Upper Don]. *KSI4*, 231, pp. 183–195.
- Oblomskiy A. M., Syrovatko A. S., Saprykina I. A., 2012. Ob odnom tipe podvesok-kon'kov na territorii lesnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropy [On one type of horse-shaped pendants in territory of forest and forest-steppe zones of Eastern Europe]. *KSI4*, 226, pp. 169–178.
- Pryakhin A. D., Besedin V. I., Razuvaev Yu. D., Tsybin M. V., 1997. Vantit. Izuchenie mikroregiona pamyatnikov u severnoy okrainy g. Voronezha [Vantit. Investigation of micro-region of sites in northern outskirts of Voronezh]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 44 p.
- Razuvaev Yu. D., 2012. Gorodetskie poseleniya na r. Voronezh: struktura razmeshcheniya i topografiya [Gorodets settlement on Voronezh River : location structure and topography]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny* [Tambov antiquities. Archaeology of Oka-Don plain], 3. S. I. Andreev, ed. Tambov: Tambovskiy gos. universitet, pp. 145–165.
- Sarapulkin T. V., 2009. Kompleks pamyatnikov gorodetskoj kul'tury v rayone Donskogo meandra [Complex of Gorodets culture sites in the region of Don meander]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological sites of Eastern Europe: high school collection of scientific works], 13. V. V. Kileynikov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 281–283.
- Shpilev A. G., 2012. Zoomorfnye ukrasheniya skifskogo vremeni iz Kurskoj oblasti [Zoomorphic ornaments of Scythian time from Kursk region]. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Puzikovoy): sbornik nauchnykh trudov* [Antiquities of Dnieper left bank region from Stone Age till late Middle Ages (toward 80th anniversary of A. I. Puzikova): collection of scientific articles]. Kursk: Kurskaya gorodskaya tipografiya, pp. 165–169.
- Valukinskij N. V., 1948. Materialy k arkheologicheskoy karte territorii g. Voronezha [Materials for archaeological map of Voronezh territory]. *SA*, X, pp. 291–301.

About the author

Razuvaev Yuriy D., Voronezh State Pedagogical university, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: razuvaevyd@mail.ru

А. В. Бонин

О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕУКРЕПЛЕННОЙ ЧАСТИ ИЛЬИЧЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Резюме. В статье анализируются материалы раскопок разных лет неукрепленной части памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка». С учетом результатов охранно-спасательных раскопок 2015–2016 гг. в статье делаются выводы о функционировании неукрепленной части поселения во II–III и, возможно, VI в. н. э.

Ключевые слова: Ильичевское городище, римское время, амфоры, краснолаковая керамика, винодельня, поселение, укрепление, «батарейка».

Ильичевское городище, расположенное на северо-западной оконечности Фонталовского полуострова, севернее современного пос. Ильич, известно тем, что на его территории находилось укрепление-батарейка I в. н. э., одно из более чем десятка выявленных на Таманском полуострове.

Напомним вкратце датировки Ильичевской батареи. Согласно Н. И. Сокольскому и Э. Я. Николаевой, слой сооружения укрепления залегает непосредственно на материке (Сокольский, 1966. С. 128; Николаева, 1981. С. 89). Из находок отсюда упомянуты: «ручки косских амфор и двустольные светлоглиняные обломки эллинистической черепицы, фрагменты сосудов, покрытые бурым эллинистическим лаком, обломок чернолакового сосуда». Слой датируется I в. до н. э. – I в. н. э. Вышележащий слой содержит материал, «аналогичный находкам в слое пожара на Батареях I и II»: «амфоры «слоистой» глины, светлоглиняные узкогорлые I в. н. э., фрагменты краснолаковых сосудов I–II вв. н. э.» (Николаева, 1981. С. 89–90). Таким образом, если принять во внимание особенности описания амфорного материала (см.: Бонин, 2012) из раскопок Н. И. Сокольского, то хронологические рамки существования Ильичевской батареи вполне могут быть сопоставимы с другими крепостями этого региона, а именно: начало I – первая четверть II в. н. э.

Памятник, помимо крепости, имел и неукрепленный «посад». О его размерах нет единого мнения. Д. Б. Шелов по результатам разведок определил площадь поселения в 12 га (300 × 400 м) (Шелов, 1951. С. 228). Н. И. Сокольский после разведок 60-х гг. прошлого века расширил его до 16 га (400 × 400 м) (Сокольский, 1966. С. 126). По Я. М. Паромову, размеры поселения составляли 850 × 600 м (площадь около 42 га) (Паромов, 1992. С. 98). В юго-западной части памятника

Н. И. Сокольским отмечены «зольные свалки» (Сокольский, 1966. С. 126). Вопросы датировки неукрепленной части поселения и являются темой настоящей статьи.

Судя по сборам подъемного материала, начало жизни на территории памятника следует отнести к эллинистическому времени. Но соответствующих находок на фоне материала римского и позднеантичного времени немного (Шелов, 1951. С. 229; Паромов, 1992. С. 99). Подтверждают это и разведочные раскопки Д. Б. Шелова. Из описания стратиграфии четырех раскопов в различных частях памятника явствует, что слой римского времени залегал непосредственно на материке. На одном из участков (в северо-западной части городища) были найдены остатки строения, на другом (в западной части городища) – выявлен мусорный слой со следами пожарища. Мощность же культурных напластований колебалась от 1,2 до 4 м (Шелов, 1951. С. 229–230). В числе наиболее распространенных находок упоминаются: «краснолаковая посуда, богато представленная сосудами различных форм и разного времени, – с I в. до н. э. до III в. н. э. Далее отмечаются «фрагменты узкогорлых, светлоглиняных амфор I–II вв. н. э. и поздних массивных и грубых красноглиняных амфор III–IV вв. н. э.». Что же касается датирующего материала эллинистического времени, то исследователем упоминаются единичные обломки керамики, которые были найдены в слое римского времени. Более поздние находки охарактеризованы как «отдельные фрагменты, принадлежащие уже V–VI вв. н. э.» (Там же. С. 230).

Небольшие раскопки проводились на территории памятника и во время работ на укреплении экспедиции под руководством Э. Я. Николаевой. Тогда было заложено в общей сложности 5 раскопов разной величины южнее и западнее крепости. Еще два раскопа были разбиты к западу от крепости, в районе берегового обрыва.

Раскоп Б (а) располагался к западу от крепости, на гряде, которую исследовательница определила как вал городища, в 67 м от подножия крепости. Площадь его составила 50 кв. м (Николаева, 1975. С. 1, 13). В числе находок упоминается сероглиняная лощеная посуда с зооморфными ручками и краснолаковая керамика, датируемая IV–V вв. н. э. (к сожалению, изображения находок в отчете не представлены). Также отмечены отдельные вещи эллинистического времени, монеты Рескупорида VI (323 г.), Ининфимея (234–239 гг.), Феодосия I (382–392 гг., кизикской чеканки) и Котиса II (123–132 гг., в подъемном материале) (Там же. С. 13–14).

Раскоп Б был разбит к юго – юго-западу от цитадели, в 25 м от угла ул. Советской и Степной. Судя по планам раскопок последующих лет, он несколько раз менял свое обозначение (раскоп Б, раскоп Б 1975 г., раскоп Б 1976 г.), пока рядом с ним, в 1989 г., не был заложен раскоп, обозначенный на плане как раскоп Б (г). Поэтому вся эта площадь получила условное название – *раскоп Б 1975, 1989–92 гг.*

На этом участке в 1975 г. также была вскрыта площадь 50 кв. м. Мощность культурного слоя составила 13 штыков. Основная масса находок датирована исследовательницей II–III вв. н. э. Среди них отмечаются фрагменты красноглиняных и светлоглиняных узкогорлых амфор, краснолаковых сосудов «римского

времени», в том числе почти целая краснолаковая мисочка со штампом «ступня», фрагменты эллинистической терракоты, большое количество керамических пробок (Николаева, 1975. С. 14–15).

В 1989–1991 гг. здесь же были вскрыты 16 квадратов размерами 5×5 м каждый, на глубину в 6 штыков. Выявлены остатки строений, вымостки и девять «зерновых» ям. По всей видимости, судя по описаниям материала, все эти строительные остатки можно датировать III–V вв. н. э. Их перекрывал «зольник», датируемый VI в. н. э. В то же время в отчете за 1991 г. указывается, что в мусорном слое (зольнике) зафиксированы фрагменты краснолаковой керамики IV–V вв. н. э., и приводится рисунок обломка горла амфоры типа 100 по И. Б. Зеест (IV в. н. э.) (Николаева, 1989. С. 21–36; Николаева, Устаева, 1990. С. 34–69; Устаева, 1991).

Раскоп Б(б) размерами 5×5 м (Николаева, 1986. С. 25) располагался в 168 м к югу от крепости, у вала, за асфальтовой дорогой (ул. Степная). Материк зафиксирован на глубине 1,4 м. В ходе работ прослежено 3 слоя.

Верхний слой, толщиной 0,2–0,3 м, из строительных остатков содержал лишь «галечно-керамическую» вымостку I. Из датирующего материала следует отметить немногочисленные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типов С и D, а также более многочисленные обломки амфор конца III – IV в. н. э. (типы 96 и 100 по И. Б. Зеест), фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа F, коричневоглиняных с перехватом, а также немногочисленные фрагменты краснолаковых мисок – «позднеримский С» (по Дж. Хейсу). В отчете слой датируется V–VI вв. н. э. Там же. С. 26–28).

Нижележащий слой мощностью 0,1–0,46 м датируется примерно по тому же набору материала (типы 96 и 100 по И. Б. Зеест; красный лак – «позднеримский С»). К этому слою относится нижний горизонт вымостки I – вымостка Ia. Вымостка в основном состояла из вышеупомянутого набора фрагментов керамики. Кроме того, к этому слою относится и яма I. В ее заполнении найдены те же типы тарной и столовой керамики, а также немногочисленные обломки светлоглиняных узкогорлых амфор I–III вв. н. э. (типы В и С) и обломки светлоглиняных широкогорлых амфор с двустольными ручками. Отмечены находки фрагментов сосудов красного лака и стекла IV–VI вв. н. э. (Там же. С. 29–33).

Мощность последнего слоя – около 0,5 м. В нем зафиксированы строительные остатки: кладки 1–2, вымостки 2 и 3. Находки отсюда относятся ко II–IV вв. н. э. (фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типов В и С, небольшие краснолаковые чашечки II–III вв., фрагмент горла бальзамария II–III вв.) (Там же. С. 33–38).

На основании результатов раскопок этого участка делается вывод, что к югу от крепости существовало поселение «по крайней мере, уже во II–III вв. н. э. Жизнь на данном участке продолжалась до VI в. н. э.» (Там же. С. 38). Если для нижнего слоя, датируемого II–III вв. н. э., это утверждение справедливо, то для вышележащих слоев его можно считать не совсем верным: строительных остатков там практически не зафиксировано; так что после III в. н. э., скорее всего, данный участок поселения использовался в качестве свалки.

Раскоп Бв был заложен в 1986 г. в 174 м к юго-западу от крепости, за ул. Степной. Здесь исследовалась винодельня, выявленная в 1985 г. и первоначально

(до 1988 г.) принятая за рыбозасолочную ванну. Этот раскоп в последующие годы неоднократно менял свое название (Бв, Б, Бг), поэтому он условно называется *раскоп Б(г) 1986–88–92–94 гг.* В 1986 г. была открыта стена с прилегающей вымосткой и двумя цистернами (Николаева, 1986. С. 38–48) и прослежена нижеследующая стратиграфия.

Верхний слой пахотный, мощностью 0,25 м.

Ниже прослежен слой светло-серого/коричневого суглинка (0,2–0,4 м), перекрывавший кладку стены 1. В этом слое «основная масса керамики представлена типами римского времени: светлоглиняными узкогорлыми амфорами (типы В и С по Д. Деопику), большими красноглиняными боспорскими амфорами с плоским широким венцом (типы 72 и 82, 83 по И. Б. Зеест) и др., небольшими краснолаковыми чашечками на кольцевом поддоне, краснолаковыми кувшинами и тарелками» и более поздним – тип 100 по И. Б. Зеест (не ранее середины IV в.). «Поскольку слой 2 перекрывал все сооружения хозяйственного комплекса, то и сами эти постройки мы не можем датировать позднее III в. н. э.» (Там же. С. 40–42).

Глубже зафиксирован слой желто-коричневого суглинка, в котором находились строительные остатки: стена, вымостка, пифос и две цистерны винодельни. В одной из цистерн найдены «типы амфор те же, что и охарактеризованные выше в слое 2 и 3. Этот факт объясняется тем, что заполнение цистерны произошло в результате гибели и разрушения постройки, время существования которой падает на первую половину III в. н. э.» (Там же. С. 42–47).

Раскопки 1988 г. доказали, что исследованию подвергается винодельня, которая была датирована «во всяком случае в V в. н. э., поскольку сливами ей служили горла амфор V в. Эту дату подтверждают и краснолаковые блюда V–VI вв., и тарелки, и некоторые формы амфор» (Николаева, 1988. С. 29).

Доследование винодельни в 1993–1994 гг. показало, что, хотя она относится к позднеантичному времени, в слое встречаются находки начиная с I в. н. э. (Николаева, Устаева, 1993. Рис. 185; Устаева, 1994. Рис. 70–72).

Раскоп Д был заложен у подножия холма цитадели. Площадь его составила 6 кв. м (2 × 3 м). Он был доведен до материкового желтого песка (глубина 1,7–1,8 м). В северо-западном углу обнаружены остатки постройки. Изображений и описания находок в отчете не представлено, только упомянуто о «большом количестве красного лака», по которому постройка была датирована V–VI вв. н. э. (Николаева, 1975. С. 15).

В 2015–2016 гг. под руководством автора на территории памятника были проведены охранно-спасательные работы, обусловленные строительством энергомоста Российская Федерация – полуостров Крым. Один из ключевых пунктов энергомоста – переходный пункт «Кубань» – ныне располагается на территории рассматриваемого памятника, западнее крепости-батареи и ее т. н. вала. Общая площадь землеотвода под объекты строительства составила почти 3 га. Хотя обработка материалов раскопок еще не завершена, стоит озвучить некоторые, разумеется, предварительные выводы.

Весьма интересные результаты дал раскоп 1, разбитый в 100–150 м к юго-востоку от крепости, неподалеку от раскопов Б(а) (1975 г.), Б (1975, 1989–92 гг.), Б(б) (1986 г.), Б(г) (1986–88–92–94 гг.), и раскоп Д (1975 г.). Площадь раскопа

Рис. 1. Раскоп 1, жилищно-хозяйственный комплекс II–III вв. н. э.

составила 2130 кв. м. Здесь обследован хозяйственный комплекс, который датируется II–IV вв. н. э. (рис. 1). В состав комплекса входят каменные фундаменты стен и многочисленные хозяйственные ямы и пифосы (на раскопе зафиксировано более двухсот объектов, в основном это хозяйственные ямы).

В юго-восточном углу раскопа 2 (площадь 11 268 кв. м), заложенного в 200 м северо-западнее укрепления, прослежена мусорная свалка II–IV вв. н. э.

Раскоп 3 (площадь 11 520 кв. м), разбитый в 200 м к западу от крепости-батарейки, между раскопами 1 и 2, показал (на части площади) примечательную стратиграфию. По всей видимости, через северную часть раскопа проходила балка, которая на определенном этапе жизнедеятельности городища была засыпана мусорными сбросами, содержащими в больших количествах золу, раковины мидий, а также многочисленные фрагменты керамики II–III вв. н. э. и прочие находки. Севернее описанной свалки прослежен жилищно-хозяйственный комплекс с хозяйственными ямами и вкопанными пифосами и винодельней. Южнее зольной свалки выявлена часть некрополя позднеримского времени.

Основными датировочными типами тарной керамики для вышеописанных раскопов являются светлоглиняные узкогорлые амфоры (типы С, D, E по Д. Б. Шелову), розовоглиняные широкогорлые амфоры боспорского производства (типа 83, 89 по И. Б. Зеест), оранжевоглиняные и красноглиняные амфоры II–III вв. н. э. (68, 73, 76–77 по И. Б. Зеест; тип 41 по В. В. Крапивинной) (рис. 2), светлоглиняные

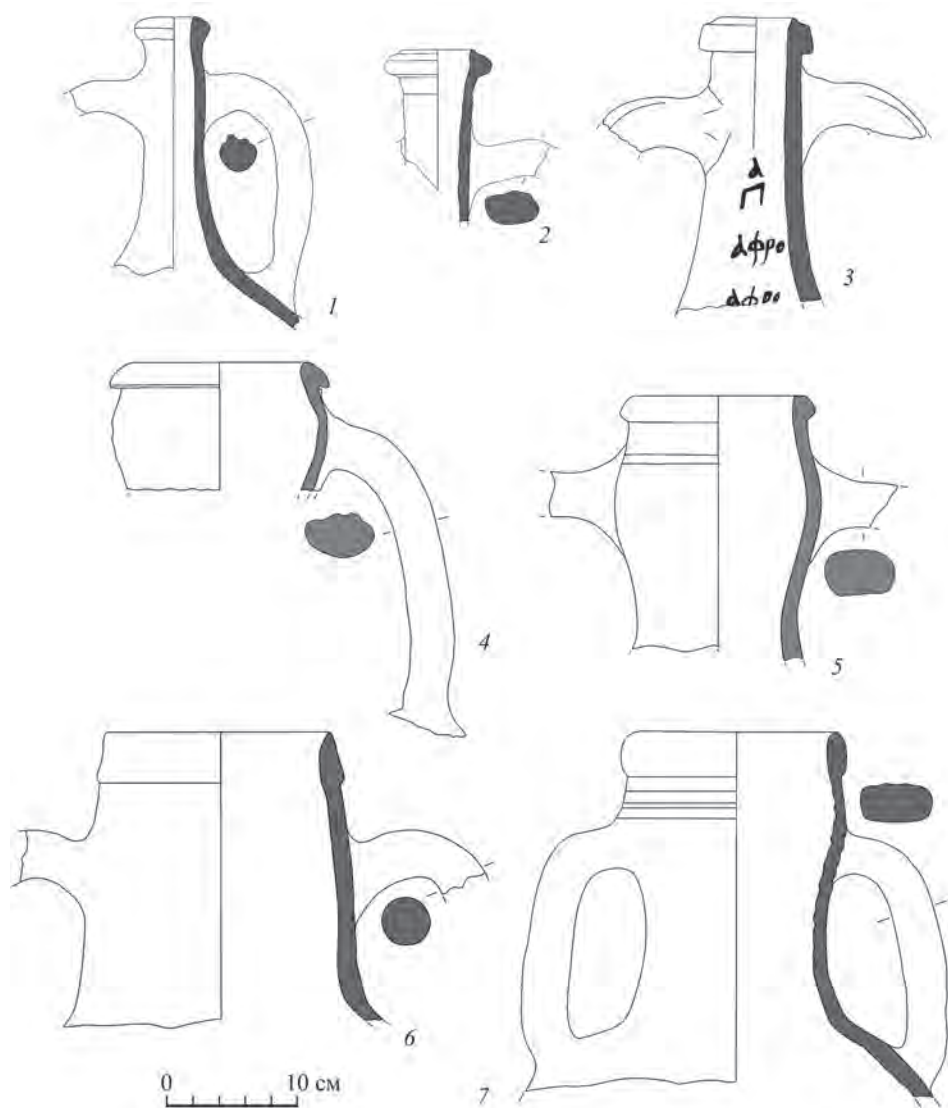

Рис. 2. Фрагменты амфор из раскопа 1

1 – фрагмент горла светлоглиняной амфоры типа «F» по Д. Б. Шелову (III–IV вв. н. э.); 2 – фрагмент горла светлоглиняной амфоры типа «С» по Д. Б. Шелову (II–III вв. н. э.); 3 – фрагмент горла светлоглиняной амфоры типа «Е» по Д. Б. Шелову (IV в. н. э.); 4 – фрагмент горла красноглиняной амфоры типа 73 по И. Б. Зеест (II–III вв. н. э.); 5 – фрагмент горла красноглиняной амфоры типа 84 по И. Б. Зеест (II–III вв. н. э.); 6 – фрагмент горла розово-глиняной амфоры типа 83 по И. Б. Зеест (II–III вв. н. э.); 7 – фрагмент горла розовоглиняной амфоры типа 86 (?) по И. Б. Зеест (II–III вв. н. э.)

с воронковидным горлом (тип 90 по И. Б. Зеест), коричневоглиняные колхидские амфоры Кх I по С. Ю. Внукову. В слое в небольшом количестве присутствуют фрагменты светлоглиняных южнопонтских амфоры типов Син II, Син III и С I. Столовая краснолаковая посуда преимущественно представлена формами сосудов, распространенных в II–III вв. н. э. Это формы I, II, VI Pontic Sigillata по J. Hayes (рис. 3). Упомянем и краснолаковые глубокие миски, относящиеся к типу I по И. С. Каменецкому.

Исследования неукрепленной части поселения показали, что время жизнедеятельности «посады» Ильичевского поселения приходится на II–III и, возможно, IV в. н. э. Слои предшествующих столетий не найдены ни в одном из раскопов в радиусе 200–250 м от батарейки.

Однако слои I в. до н. э. – I в. н. э. выявлены в прибрежной части поселения, на раскопах Берег 1, Берег 3 и раскопе 4, в 300–350 м к западу от укрепления.

На первом раскопе (Берег I, площадь 112,5 кв. м) частично раскопаны остатки винодельни и нескольких строений. По находкам (двуствольные светлоглиняные амфоры СIа, буролаковая столовая керамика) эти постройки можно датировать временем не позднее рубежа н. э. – начала/первой половины I в. н. э. (Николаева, Устаева, 1993. С. 25–33).

На втором раскопе (Берег III, площадь 250 кв. м) в 1996–1997 гг. исследовались остатки хозяйственной постройки, предположительно усадьбы. Датировочный материал примерно тот же, что и на раскопе Берег I: светлоглиняные двуствольные широкогорлые амфоры, светлоглиняные узкогорлые типа А; краснолаковая керамика I в. до н. э. – тарелки восточной сигиллаты А, формы 2А (по Дж. Хейсу), краснолаковые кубки с барбатинным орнаментом. Отмечено довольно значительное количество фрагментов эллинистической керамики. Найдены при раскопках и монеты: Амис (85/65 гг. до н. э.), Митридата VIII (39/40–42/42 гг. н. э.) (Завойкин, 1996. С. 2–9. Рис. 30–33; 1997. С. 2–11). Таким образом, постройки на раскопе Берег III можно датировать концом I в. до н. э. – серединой I в. н. э.

В центральной части раскопа 4¹, площадью 4975 кв. м, в 2015–2016 гг. был открыт каменный фундамент и вымостки двора большой усадьбы размерами 20 × 20 м, состоявшей из пяти помещений. Северная часть этой постройки была открыта еще в 1993 г. экспедицией Таманского музея под руководством Э. Р. Устаевой (раскоп Берег I). Рядом с усадьбой тогда же была найдена сильно разрушенная винодельня, которая и была доследована. Две новые винодельни были выявлены в северной части раскопа. Они были однотипны и состояли из давяльной площадки и двух цистерн. Рядом с винодельней № 3 были расчищены каменные фундаменты и вымостки еще одной усадьбы. Все открытые комплексы датируются I в. до н. э. – I в. н. э. (Бонин, Шаров, 2016. С. 60, 61).

Таким образом, можно предположить, что существование неукрепленного поселения приходится на II–III вв. н. э., т. е. на время, скорее всего следующее за разрушением укрепления. Ранних слоев, синхронных (или предшествующих) времени функционирования укрепления, вблизи Ильичевской батарейки не выявлено.

¹ Руководитель раскопок и держатель Открытого листа О. В. Шаров.

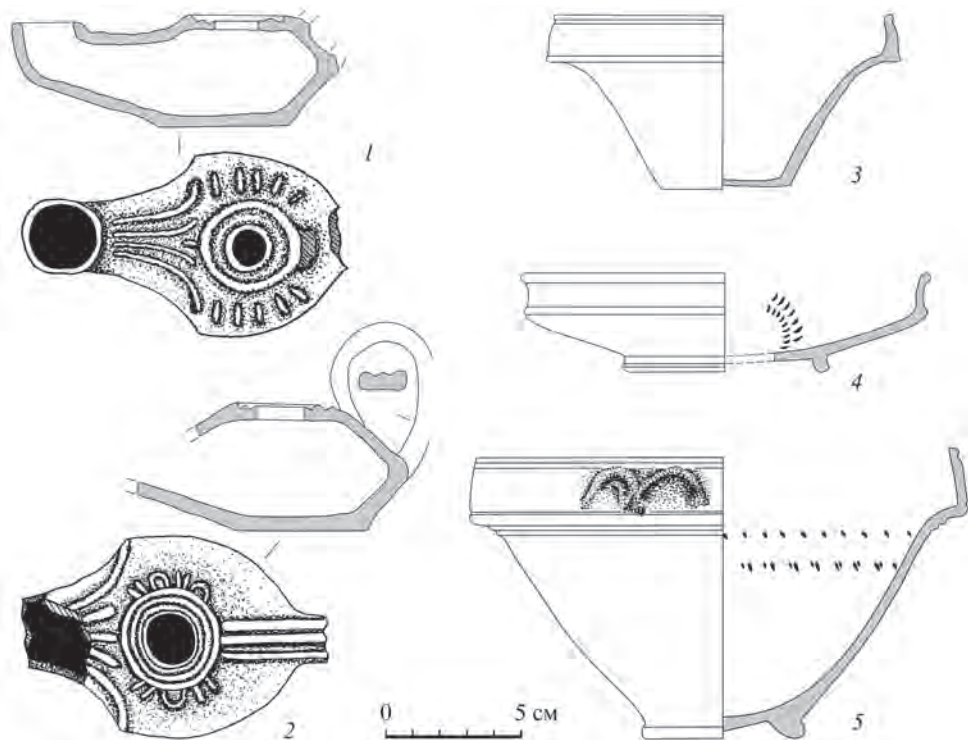

Рис. 3. Светильники и столовая керамика из раскопа 2

1 – светильник сероглиняный однорожковый; 2 – светильник красноглиняный однорожковый; 3 – краснолаковая чаша. Понтийская сигиллата. Form V по J. Hayes; 4 – Краснолаковая тарелка. Понтийская сигиллата. Form I по J. Hayes; 5 – Краснолаковая чаша. Понтийская сигиллата. Form VI по J. Hayes

Наличие в прибрежных раскопах строений I в. до н. э. – I в. н. э. и отсутствие напластований более позднего времени, столь характерных для остальной площади памятника, позволяет, вслед за А. А. Завойкиным, Г. П. Гарбузовым и Н. И. Сударевым (Завойкин, 1999. С. 227; Гарбузов, Сударев, 2015. С. 137–142), предположить, что раннее поселение (в том числе и эллинистического времени) располагалось западнее Ильичевского городища и ныне разрушено береговой абразией. Строительные же остатки, найденные на берегу, являются западной окраиной исчезнувшего поселения.

Что касается раннесредневекового этапа существования памятника, то, по всей видимости, следует признать, что поселение было обитаемо в основном в пределах позднего укрепления (Николаева, 1981. С. 88; Паромов, 1992. С. 99). Однако наличие слоев позднеантичного и византийского времени в раскопах, наиболее близкорасположенных к цитадели (например, находка винодельни и хозяйственного комплекса к югу от цитадели), позволяет говорить о жизни и за пределами укрепления в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонин А. В., 2012. О хронологии амфор из слоя разрушения батареек Фонталовского полуострова // ДБ. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 9–23.
- Бонин А. В., Шаров О. В., 2016. Н. И. Сокольский и его батарейки. От укреплений к поселениям // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XVII Боспорские чтения: мат-лы конф. Керчь: Деметра. С. 57–63.
- Гарбузов Г. П., Сударев Н. И., 2015. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // ДБ. Вып. 19. М.: ИА РАН. С. 135–152.
- Завойкин А. А., 1996. О раскопках на Ильичевском городище в 1996 г.: Полевой отчет // Архив ИА РАН. Р-1. № 20186–20187.
- Завойкин А. А., 1997. О раскопках на Ильичевском городище в 1997 г.: Полевой отчет // Архив ИА РАН. Р-1. № 20186.
- Завойкин А. А., 1999. Проблема локализации Киммериды // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М.: Наука. С. 220–236.
- Николаева Э. Я., 1975. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5729.
- Николаева Э. Я., 1981. Поселение у деревни Ильич // КСИА. Вып. 168. С. 88–92.
- Николаева Э. Я., 1986. Отчет о работах Ильичевской экспедиции за 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11773.
- Николаева Э. Я., 1988. Отчет о работах Ильичевской экспедиции ИА АН СССР за полевой сезон 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13833.
- Николаева Э. Я., 1989. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14519.
- Николаева Э. Я., Устаева Э. Р., 1990. Отчет о работах Ильичевской археологической экспедиции ИА АН СССР и Таманского археологического музея за 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15576.
- Николаева Э. Я., Устаева Э. Р., 1993. Отчет о работах Ильичевского отряда ИА ТАЭ РАН г. Москвы и Ильичевского отряда Таманского отдела Краснодарского музея-заповедника в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18018.
- Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М. Деп. в ИНИОН РАН 1.10.1992, № 47103.
- Сокольский Н. И., 1966. Ильичевское городище // СА. № 4. С. 125–140.
- Устаева Э. Р., 1991. Отчет о работе в летний полевой сезон 1991 г. на пос. Ильич // Архив ИА РАН. Р-1. № 16458.
- Устаева Э. Р., 1994. Отчет о работе Таманского археологического отряда ТМК Краснодарского государственного музея-заповедника в полевой сезон 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18955.
- Шелов Д. Б., 1951. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. Вып. XXXVII. С. 228–231.

Сведения об авторе

Бонин Александр Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bonin_a80@mail.ru

A. V. Bonin

ON THE ISSUE OF THE OCCUPATION PERIOD OF THE IL'ICHEVKA SETTLEMENT UNFORTIFIED PART

Abstract. The paper reviews materials from excavations in the unfortified part of the archaeological site known as the hillfort and dwelling site of Il'ichevka carried out in various years. Based on the results of the rescue excavations of 2015–2016, the paper

concludes that the unfortified part of the settlement was occupied in the 2nd–3rd centuries and, probably, the 6th century AD.

Keywords: Il'ichevka Hillfort, Roman period, amphorae, red-glazed pottery, winery, settlement, fortification, 'Batareika'.

REFERENCES

- Bonin A. V., 2012. O khronologii amfor iz sloya razrusheniya batareek Fontalovskogo poluostrova [On chronology of amphorae from destruction layer of batteries in Fontalovskiy Peninsula]. *DB*, 16. Moscow: IA RAN, pp. 9–23.
- Bonin A. V., Sharov O. V., 2016. N. I. Sokol'skiy i ego batareyki. Ot ukrepleniya k poseleniyam [N. I. Sokol'skiy and his batteries. From fortifications to settlements]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. XVII Bosporskie chteniya: materialy konferentsii [Bosporus Cimmerian and barbaric world in Classical epoch and Middle Ages. XVII Bosporan readings: transactions of conference]*. Kerch': Demetra, pp. 57–63.
- Garbuzov G. P., Sudarev N. I., 2015. Nemetskie aerofotosnimki vremen VOV kak istochnik dannykh po arkheologii Aziatskogo Bospora [German aerial photos of Grate Patriotic war time as data source on archaeology of Asiatic Bosporus]. *DB*, 19. Moscow: IA RAN, pp. 135–152.
- Nikolaeva E. Ya., 1975. Otchet o rabote Il'ichevskogo otryada Tamanskoy ekspeditsii za 1975 g. [Report on works of Il'ich group of Taman' expedition for 1975]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Nikolaeva E. Ya., 1981. Poselenie u derevni Il'ich [Settlement near village Il'ich]. *KSIA*, 168, pp. 88–92.
- Nikolaeva E. Ya., 1986. Otchet o rabotakh Il'ichevskoy ekspeditsii za 1986 g. [Report on works of Il'ich group of Taman' expedition for 1986]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Nikolaeva E. Ya., 1988. Otchet o rabotakh Il'ichevskoy ekspeditsii IA AN SSSR za polevoy sezon 1988 g. [Report on works of Il'ich group of Taman' expedition of IA AN SSSR for field season of 1988]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Nikolaeva E. Ya., 1989. Otchet o rabotakh Il'ichevskoy ekspeditsii v 1989 g. [Report on works of Il'ich expedition in 1989]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Nikolaeva E. Ya., Ustaeva E. R., 1990. Otchet o rabotakh Il'ichevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN SSSR i Tamanskogo arkheologicheskogo muzeya za 1990 g. [Report on works of Il'ich archaeological expedition of IA AN SSSR and Taman' archaeological museum for 1990]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Nikolaeva E. Ya., Ustaeva E. R., 1993. Otchet o rabotakh Il'ichevskogo otryada IA TAE RAN g. Moskvy i Il'ichevskogo otryada Tamanskogo otdela Krasnodarskogo muzeya-zapovednika v 1993 g. [Report on works of Il'ich group of IA TAE RAS, Moscow, and Il'ich group of Taman' department of Krasnodar museum-reserve in 1993]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Paromov Ya. M., 1992. Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova [Archaeological map of Taman' Peninsula]. Moscow. Dep. in INION RAN 1.10.1992, No. 47103.
- Shelov D. B., 1951. Gorodishche okolo khutora Il'ichevka [Fortified settlement near farmstead Il'ichevka]. *KSIMK*, XXXVII, pp. 228–231.
- Sokol'skiy N. I., 1966. Il'ichevskoe gorodishche [Il'ichevka fortified settlement]. *SA*, 4, pp. 125–140.
- Ustaeva E. R., 1991. Otchet o rabote v letniy polevoy sezon 1991 g. na pos. Il'ich [Report on work at settlement Il'ich in summer field season of 1991]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Ustaeva E. R., 1994. Otchet o rabote Tamanskogo arkheologicheskogo otryada TMK Krasnodarskogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika v polevoy sezon 1994 g. [Report on works of Taman' archaeological group of TMK, Krasnodar State museum-reserve in field season of 1994]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Zavoykin A. A., 1996. O raskopkakh na Il'ichevskom gorodishche v 1996 g.: Polevoy otchet [On excavations at Il'ichevka fortified settlement in 1996: Field report]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Zavoykin A. A., 1997. O raskopkakh na Il'ichevskom gorodishche v 1997 g.: Polevoy otchet [On excavations at Il'ichevka fortified settlement in 1997: Field report]. *Archive of IAN RAN*. (In Russian, unpublished).

Zavoykin A. A., 1999. Problema lokalizatsii Kimmeridy [Problem of location of Cimmerida]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 1996–1997. Moscow: Nauka, pp. 220–236.

About the author

Bonin Aleksandr V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bonin_a80@mail.ru

Р. Р. Вергазов

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ СУЛТАНУИЗДАГА. К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ, ДАТИРОВКИ И СТИЛИСТИКИ КАПИТЕЛЕЙ

Резюме. Статья посвящена архитектурным деталям, случайно найденным в 1966 г. во время строительных работ в горах Султануиздага. Мраморные капители и барабаны колонн привлекли внимание исследователей древней архитектуры Хорезма, поскольку они являются уникальными памятниками, не имеющими аналогий в художественной культуре данного региона. Особенно примечательно образное и стилистическое решение капителей с фантастическими миксоморфными образами баранов с человеческими лицами. Проблема атрибуции и датировки данных архитектурных деталей остается актуальной по сей день, вызывая дискуссии в научном сообществе. На наш взгляд, капители и фрагменты колонн относятся к архитектуре Хорезма эпохи Ахеменидов. Данная атрибуция была сделана на основе анализа стилистических и конструктивных особенностей капителей, их сопоставления с образцами кушанского периода. Особое внимание уделено технике обработки мрамора, системе пропорционирования и конструкции крепления колонн, находящей параллели в ахеменидской архитектуре и скульптуре. В статье рассмотрены особенности миксоморфного образа человеко-барана в контексте авестийских представлений, а также выделены характерные черты, позволяющие отнести находки из Султануиздага к провинциальным памятникам Ахеменидов конца V – начала IV в. до н. э.

Ключевые слова: Султануиздаг, Хорезм, Ахемениды, архитектура, капители, барабаны колонн, атрибуция, датировка, стилистика.

В 1966 г. в ходе строительных работ в горах Султануиздага были случайно найдены мраморные архитектурные детали: две капители и два фрагмента фуста колонн (Маньлов, 1975. С. 210). Эти находки привлекли внимание специалистов, в первую очередь из-за особенностей образного и стилистического решения капителей, представляющих собой две обращенные в противоположные стороны фигуры миксоморфных существ с туловищем барана и человеческим лицом. Их особая ценность заключается в том, что архитектурные детали являются на сегодняшний день уникальными находками, не встречающимися больше в данном регионе. Кроме того, одна из капителей не была полностью завершена, что позволяет исследовать особенности техники обработки камня.

Эти памятники, безусловно, относятся к архитектуре древнего Хорезма. Тем не менее возникла необходимость вписать их в контекст определенной исторической эпохи. Однако проблема атрибуции и датировки капителей усложняется отсутствием находок материальной культуры вместе с архитектурными деталями, которые были обнаружены в 1,5 км к югу от месторождения мрамора в горах Султануиздага (Манылов, 1975. С. 213). Следовательно, единственный возможный путь атрибуции находок связан с анализом стилистических особенностей капителей и поиском аналогий в художественной традиции данного региона. В этой связи следует отметить, что мнения специалистов о проблеме атрибуции и датировки архитектурных деталей из Султануиздага разделились. Первая группа исследователей (С. П. Толстов, Г. А. Пугаченкова) считает, что данные находки напрямую ориентируются на памятники дворцовой архитектуры Ахеменидского Ирана (Пугаченкова, 1971. С. 239). Вторая группа специалистов (Ю. А. Рапопорт, Б. Я. Ставиский) рассматривает капители из Султануиздага как произведения архитектуры Кушанского царства и датирует их первыми веками нашей эры (Ставиский, 1971. С. 162). По мнению Ю. А. Рапопорта, эти памятники были выполнены для парадного зала (№ 28) здания I в Топрак-Кале, который относится к II–III вв. н. э. (Рапопорт, 1993. С. 166). Данная атрибуция была основана на схожести материала (серый мрамор) найденной каменной плиты из зала № 28 из Топрак-Калы и архитектурных деталей из Султануиздага. Вместе с тем этот аргумент не может служить достаточным доказательством принадлежности капителей и фрагментов колон к постройке Топрак-Калы, поскольку карьеры Султануиздага были известны еще в эпоху Ахеменидов: в знаменитой строительной надписи царя Дария I из Суз (DSf: 39–40) упоминается бирюза, доставленная из Хорезма для возведения дворца резиденции в Сузах (Пугаченкова, 1971. С. 239). По всей вероятности, в царской надписи речь идет именно о месторождениях бирюзы из гор Султануиздага, где были найдены древние выработки (Виноградов и др., 1965. С. 118, 119). Помимо бирюзы, здесь с древнейших времен (с V в. до н. э.) добывался и мрамор (Манылов, 1973. С. 192–194), из которого изготовлены найденные архитектурные детали. Кроме того, отсутствие в зале № 28 Топрак-калы фрагментов барабанов каменных колонн и капителей, а также других мраморных плит служит еще одним доводом в пользу иного происхождения памятников из Султануиздага. По нашему мнению, найденные в горах архитектурные детали относятся к архитектуре Хорезма эпохи Ахеменидов (конец VI – начало IV в. до н. э.). В данной статье мы подробнее остановимся на анализе особенностей капителей, что позволит более определенно атрибутировать и датировать эти находки.

Две капители из Султануиздага представляют собой мраморные блоки прямоугольной формы. Наиболее показательна в отношении техники обработки камня незавершенная капитель (95 × 45 × 28 см) (рис. 1, 1): на заготовке сохранились следы металлической пилы (распилы разделяли голову миксоморфного существа от основного блока) и зубила (по всей поверхности камня) (Манылов, 1975. С. 211). Аналогичная техника обработки мрамора с использованием плоского зубила применялась при создании многочисленных рельефов Персеполя (Roaf, 1983. P. 3; Sweek, Simpson, 2009. P. 86). Не менее важным является наличие отверстия в нижней части блока заготовки – по всей видимости, оно предназначалось

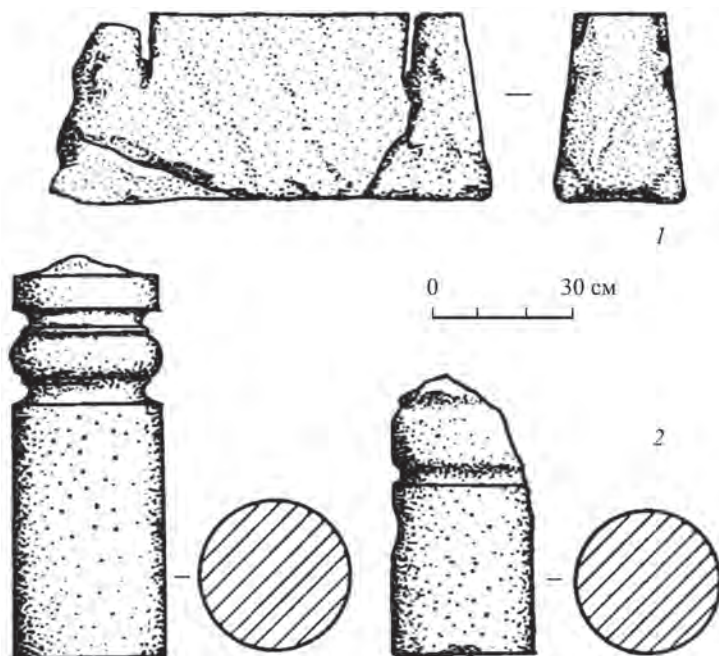

Рис. 1. Архитектурные детали из Султануиздага (по: Манылов, 1975)

1 – незавершенная капитель; 2 – два барабана колонн

для металлического или деревянного штыря, скрепляющего капитель с верхним барабаном и фустом колонны. Эта конструкция восходит к древнегреческой технике «анафиросиса», которая скрепляла каменные барабаны колонн с помощью металлических прутьев, вставленных в специальное отверстие. В этой связи следует отметить, что греческая техника «анафиросиса» была адаптирована персами и применялась в архитектуре Ахеменидов начиная с дворцов эпохи Кира II в Пасаргадах (Nylander, 1970. Р. 38, 67–69). Аналогично капителям барабаны колонн (рис. 1, 2) из Султануиздага также имеют углубления прямоугольной формы на торцевой стороне (Манылов, 1975. С. 211) для скрепления барабанов между собой штырями, что указывает на схожесть конструкции крепления колонны, относящейся к греко-персидским строительным традициям VI–V вв. до н. э. В результате незавершенная капитель предоставляет ценный материал по технике обработки камня и конструктивным особенностям, находящим параллели в ахеменидской архитектуре и монументальной скульптуре.

Наиболее хорошо сохранившаяся капитель ($98 \times 40 \times 25$ см) состоит из двух сросшихся миксоморфных фигур человеко-барана, на спинах которых покоится прямоугольный блок (рис. 2). Фантастические существа выполнены без детальной трактовки черт. Обе фигуры изображены с согнутыми ногами. Примечательно, что аналогичная поза распространена в капителях с протомами быков и человеко-быков (возможно, гопатшахов – мифических существ с телом быка

Рис. 2. Мраморная капитель из Султануиздага
(Каракалпакский государственный краеведческий музей, Узбекистан)

и торсом человека, упоминающихся в Авесте) из дворцов Персеполя (*Schmidt*, 1953. Р. 127, 112, 113). При этом капитель из Султануиздага лишена каких-либо орнаментальных мотивов, что может указывать как на упрощение исходных богато декорированных образцов из Персеполя, так и на ее незавершенность. У одной из фигур отбита голова; по-видимому, это произошло в процессе обработки камня (*Манылов*, 1975. С. 210). Вторая фигура представляет изображение мужской головы с бараньими закрученными рогами, их полусферическая форма завершается на уровне виска острым концом. По всей видимости, бараньи рога не являются частью головного убора фигуры, а непосредственно соединяются с головой миксоморфного существа (*Пугаченкова*, 1971. С. 239). Его удлиненное лицо с острым узким подбородком выполнено довольно плоско и обобщенно. Над низким лбом виден обод головного убора, который обнаруживает определенное сходство с трактовкой нижней части тиары го-патшаха из капителей колонн трипилон в Персеполе (*Schmidt*, 1953. Р. 113). Вполне возможно, что редуцированная форма головного убора обусловлена конструктивными задачами капители, связанными с созданием плоской опорной поверхности для балок перекрытия. Надбровные дуги фантастического существа выделены полукруглыми бороздками. Овалы глаз остались непроработанными. Надбровные дуги переходят в прямой нос, под которым высечен небольшой выпуклый участок, вероятно изображающий усы (*Манылов*, 1975. С. 210). Фронтальные части капителей имеют вытянутую трапецевидную форму за счет нижней части фигур с согнутыми ногами. Их общие пропорции обнаруживают поразительное сходство с вышеупомянутыми капителями из трипилон в Персеполе. Несмотря на разницу в размерах (столичный образец вдвое больше: $200 \times 100 \times 55$ см), система пропорционирования капители с протомой человеко-быка из Персеполя близка памятнику Султануиздага, где

длина капители больше высоты в два раза, а ее ширина вдвое меньше высоты. Подобные параллели не случайны, поскольку такая архитектурная деталь, как капитель, всегда согласуется с особенностями конструкции постройки, ее пропорции должны соответствовать главной функции – служить точкой опоры, распределяющей тяжесть кровли. Судя по относительно небольшому диаметру барабанов колон (32 см), постройка, для которой были изготовлены эти архитектурные детали, имела деревянную кровлю. Что касается боковых частей капители, то они примечательны в первую очередь наличием задних частей фигур животных и большого прямоугольного блока на их спинах. Действительно, обе миксоморфные фигуры на капители из Султануиздага являются не просто протомами, а полноценными изображениями туловищ животных с задними конечностями. Эта особенность может быть отчасти объяснена провинциальной вариацией исходного классического образца V в. до н. э. из дворцов Персеполя или же намеренным изображением целой фигуры, обусловленным особым символическим подтекстом образа. Вероятно, мастера-камнетесы, выполнившие капитель из Султануиздага, были знакомы с памятниками официального искусства Ахеменидов в Сузах и Персеполе, их образным решением и системой пропорций, на которую они ориентировались при создании данных архитектурных деталей. По своей стилистике капители из Султануиздага относятся к провинциальным образцам классического зодчества Ахеменидов V в. до н. э.

Что касается прямоугольного блока (20 × 55 см) на спинах миксоморфных фигур, то, по-видимому, его наличие продиктовано конструктивными особенностями и ролью капители в общем архитектурном решении постройки. В классических зооморфных капителях эпохи Ахеменидов между протомами всегда остается пространство для поперечной балки – т. н. «седло», глубина которого зависит от разницы высоты голов и спин зооморфных протом (*Schmidt*, 1953. Р. 68, 260). В случае с капителями из Султануиздага «седло» заменено профилированным блоком камня. Вполне возможно, что данное решение обусловлено особенностями стоечно-балочной конструкции постройки, в которой поперечная балка могла опираться не на капитель, а на продольную балку, покоившуюся на прямоугольном блоке и головах фантастических существ. В этой связи примечательно, что в недостроенном дворце крепости Калалы-гыр 1 эпохи Ахеменидов также используется стоечно-балочная конструкция с деревянными колоннами и капителями, которые оформлены протомами грифонов персепольского типа (*Толстов*, 1962. С. 112). К сожалению, капители из Калалы-гыр 1 не сохранились, кроме формы для отливки протомы из алебаstra, поэтому крайне трудно судить об их конструктивном решении. При этом показательна разница в материалах калалыгырских капителей (алебастр или глина на деревянной основе) (*Рапопорт и др.*, 2000. С. 31. Илл. 7) и архитектурных деталей (мрамор) из Султануиздага, что может указывать на более высокий статус заказчика постройки, для которой они предназначались. Наличие прямоугольного блока следует рассматривать исключительно как конструктивную особенность этих архитектурных деталей. Не менее важным является проблема определения расположения капителей и барабанов колонн из Султануиздага в постройке, для которой они были выполнены. На основе сопоставления с дворцом в Калалы-гыр 1 наиболее вероятное месторасположение мраморных колонн связано с внутренним

пространством постройки. Судя по общему количеству найденных блоков капителей (всего три) (Маньлов, 1975. С. 211), они должны были украшать парадный четырех- или шестиколонный зал.

Особый интерес представляет фантастическое существо, украшавшее капители. Вероятно, миксоморфный образ человеко-барана связан не только с местной мифологической традицией Хорезма (Пугаченкова, 1971. С. 239), но и общеиранскими авестийскими верованиями. По всей вероятности, это фантастическое существо изображает хварн (фарн), воплощающий в зороастрийской традиции удачу и царскую власть (Рапопорт и др., 2000. С. 31, 32). Значение хварны для верований древних хорезмийцев подробно рассмотрено в монографии Б. А. Литвинского (Литвинский, 1968) и статье Ю. А. Рапопорта (Рапопорт, 1977). В контексте атрибуции и датировки капителей из Султануиздага коснемся наиболее значимых для нашей темы проблем. Одна из главных – проблема образа барана как ипостаси хварны. Впервые в зороастрийских текстах баран, олицетворяющий хварну, появляется достаточно поздно – в пехлевийском сказании «Kar-Namag i Ardashir i Pabagan» эпохи Сасанидов (III–VII вв. н. э.) (Литвинский, 1968. С. 55, 56). В более ранних младоавестийских текстах Яшт (середина I тыс. до н. э.) воплощением хварны выступает огонь (Yt. 10, 127) или птица Варагн (Yt. 19, 34–38) (Рапопорт, 1977. С. 65). Однако отсутствие упоминаний барана как ипостаси хварны в младоавестийских источниках не может служить аргументом в пользу более поздней датировки капителей из Султануиздага. Дело в том, что большая часть древнего текста Авесты не дошла до наших дней. Вполне вероятно, что в эпоху Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.) уже существовало развитое представление о хварне и ее воплощении в образе барана, которое было зафиксировано лишь в позднейшем пехлевийском сказании или же в несохранившемся младоавестийском тексте (Литвинский, 1968. С. 57, 58). Еще одна важная проблема связана с миксоморфной природой образа из капители Султануиздага, который соединяет туловище барана и человеческую голову. Это можно объяснить наслоением авестийской традиции (в том числе древнейшего тотемистического пласта Авесты) (Толстов, 1948. С. 301–303) на местные хорезмийские верования и мифологию, что привело к созданию этого синкретического образа. Хорезмийский человеко-баран находит некоторые параллели с иранским образом гопатшаха (человеко-быка), который, в свою очередь, восходит к ассирийским аладламму (крылатым быкам или львам с человеческой головой) (The Assyrian Dictionary... Р. 286, 287). Примечательно, что иранский образ гопатшаха встречается в памятниках глиптики (Берзина, 2000. С. 19–23) и керамики Хорезма (Калалы-гыр 2. С. 220–223) периода IV–III вв. до н. э. Иранский гопатшах мог оказать влияние на сложение иконографии миксоморфного образа человеко-барана в изобразительном искусстве древнего Хорезма. По нашему мнению, ключевое значение в формировании данного иконографического типа имеет местные мифологические представления древних хорезмийцев, на основе которых произошел симбиоз традиций, приведший к созданию образа человеко-барана. Таким образом, миксофорные фигуры на капителях из Султануиздага напрямую связаны с авестийским представлением о хварне – символе царской удачи и земного благополучия (Рапопорт, 1977. С. 65), который через призму местной мифологии и древнеиранских верований воплотился в виде

человеко-барана. Вполне вероятно, что капители с таким содержательным образом украшали наиболее репрезентативные части постройки – парадные колонные залы – или же в качестве апотропея оформляли входные фасады-порттики.

Для атрибуции капителей из Султануиздага эпохой Ахеменидов, помимо стилистического анализа, следует сопоставить эти архитектурные детали с памятниками кушанского периода. Наиболее показателен в этом отношении материал Бактрии I–IV вв. н. э., поскольку в памятниках этого времени на территории Хорезма (Аяз-Кала, Гуяркала) не сохранились эти архитектурные детали. Большинство капителей кушанского времени обнаруживают явные черты влияния эллинистической архитектуры как в части декора, так и в конструктивном решении капителей (*Ставиский*, 1972. С. 44–48). Наследуя традиции греко-бактрийского искусства, кушанские памятники обладают общей характерной особенностью – следованием образцам коринфского ордера и делением декорации капителей на два пояса (особенно в позднекушанский период, Там же). Самым распространенным мотивом орнамента капителей этого периода является листва аканфа и ее различные вариации – от отдельных крупных листьев (Шахринау, Термез) до пышных пучков (Кара-тепе, Сурх-Котал). Фигуративные композиции в кушанских капителях представлены различными изображениями грифонов, львов, лежащих быков, полуфигур в античных одеждах (*Вязьмитина*, 1945. С. 29), персонажей и символов из буддийской культуры (*Rowland*, 1953. Р. 46). Под влиянием индийского искусства Гандхары ряд кушанских капителей (Кара-тепе, Шам-кала) обладает выраженной центрической композицией, которая основана на геральдической схеме с изображением по центру животного в фас и двух боковых лежащих зооморфных фигур (*Ставиский*, 1972. С. 49). Как правило, эта композиция содержит в себе мотив терзания хищником двух лежащих быков (реже грифонов), который был распространен в месопотамском искусстве I тыс. до н. э. Конструктивное решение кушанских капителей не подразумевает какое-либо членение камня распилами, он представляет собой единый монолитный блок с декоративной композицией, на который опираются балки перекрытия. Показательно, что большинство найденных капителей кушанского периода в Бактрии украшали не свободно стоящие колонны (в основном из дерева), а пилястры. Принимая во внимание все эти особенности, важно отметить, что капители из Султануиздага принципиально отличаются от кушанских образцов как в части конструкции (распилы непосредственно в блоке камня; крепление металлическими штырями с каменным барабаном колонны), так и в декорации (отсутствие двухъярусного членения и эллинистических черт, таких как орнаментальная листва аканфа). В результате сравнение архитектурных деталей из Султануиздага с известными на сегодняшний день капителями кушанского периода обнаруживает серьезные различия, не позволяющие атрибутировать найденные хорезмийские памятники кушанским периодом.

Анализ стилистических, конструктивных особенностей капителей из Султануиздага дает основание полагать, что данные архитектурные детали были выполнены в эпоху Ахеменидов. При всей уникальности этих памятников их древнеперсидское происхождение кажется нам наиболее вероятным. Что касается датировки капителей, то, вероятно, они были изготовлены в конце VI – начале IV в. до н. э., именно в этот промежуток времени Хорезм находился в составе

ахеменидской империи (*Рапопорт и др.*, 2000. С. 30–33). То обстоятельство, что архитектурные детали были оставлены неподалеку от места добычи камня, служит ценной информацией для более конкретной датировки этих памятников. По всей вероятности, каменные капители и барабаны колонн предназначались для дворца персидского сатрапа, который возводился, по-видимому, в конце V в. до н. э., незадолго до выхода Хорезма из-под власти Ахеменидов. После изменения политической ситуации в этом регионе строительство сатрапского дворца оказалось нецелесообразным и было остановлено аналогично памятникам крепости Калалы-гыр 1 (Полевые исследования... С. 141–143). На основании этих данных, архитектурные детали из Султануиздага следует датировать рубежом V–IV вв. до н. э. Судя по особенности обработки мраморных блоков и композиции капителей, мастерам-камнетесам была известна как техника изготовления, так и художественное решение архитектурных деталей официальных памятников Ахеменидов в Пасаргадах, Сузах и Персеполе. Возможно, вместе с местными мастерами над мраморными блоками трудились и приглашенные из центра империи камнетесы. Миксоморфные образы человеко-баранов из капителей Султануиздага связаны, скорее всего, с авестийскими представлениями о хварне и местными хорезмийскими верованиями. Подобный синтез культур весьма характерен для огромной империи Ахеменидов, в которой происходили активные процессы взаимовлияния локальных художественных традиций различных народов и официального искусства персов. К числу провинциальных памятников Ахеменидов конца V – начала IV в. до н. э. в восточных сатрапиях можно отнести и хорезмийские капители с миксоморфными образами человеко-баранов.

Таким образом, исследование проблемы атрибуции, датировки и стилистики архитектурных деталей из Султануиздага позволяет по-новому взглянуть на материал художественной культуры древнего Хорезма эпохи Ахеменидов. Древнеперсидское происхождение капителей актуализирует вопросы, связанные с архитектурной постройкой, для которой они предназначались, степенью участия в их создании местных и приглашенных мастеров, а также влиянием столичных памятников дворцового зодчества Ахеменидов на строительную традицию Хорезма середины I тыс. до н. э. Капители из Султануиздага являются знаковыми находками для данного региона, которые свидетельствуют о серьезных культурных связях ахеменидского Ирана и древнего Хорезма.

ЛИТЕРАТУРА

- Берзина С. Я., 2000. Керамическая печать из Самарканда // Средняя Азия: археология, история, культура: мат-лы междунар. конф., посвящ. 50-летию науч. деят. Г. В. Шишкиной. М. С. 19–25.
- Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д., 1965. Кызылкумская бирюза (из истории добычи и обработки) // Советская этнография. № 2. С. 114–134.
- Вязьмитина М. И., 1945. Раскопки на городище Айртам // Термезская археологическая комплексная экспедиция. Т. 2: Годы 1937 и 1938. Ташкент: Фан. С. 23–34.
- Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Под ред. Б. И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. 286 с.
- Литвинский Б. А., 1968. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш. 120 с.

- Маньков Ю. П., 1973. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. (Археолого-топографическое исследование Султаниздага): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент. 20 с.
- Маньков Ю. П., 1975. Мраморные архитектурные детали из Султануиздага // СА. № 3. С. 210–213.
- Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. / Под ред. С.П. Толстова, М. Г. Воробьева. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Пушаченкова Г. А., 1971. Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М.: Наука. С. 237–240.
- Рапопорт Ю. А., 1977. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М.: Наука. С. 58–71.
- Рапопорт Ю. А., 1993. Загородные дворцы и храмы Топрак-Калы // ВДИ. № 4. С. 161–187.
- Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М., 2000. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.: Индрик. 207 с.
- Ставиский Б. Я., 1971. Средняя Азия и ахеменидский Иран // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М.: Наука. С. 155–164.
- Ставиский Б. Я., 1972. Капители древней Бактрии // СА. № 2. С. 41–50.
- Толстов С. П., 1948. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: 16-я тип. треста «Полиграфкнига». 352 с.
- Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература. 322 с.
- Nylander C., 1970. Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian Architecture. Uppsala: Universitetsbibliotek. 176 p.
- Roaf M., 1983. Sculptures and sculptors at Persepolis // Iran. Vol. 21. 164 p.
- Rowland B., 1953. The art and architecture of India. Buddhist. Hindu. Jain. London: Penguin Books Ltd. 288 p. (The Pelican History of Art.)
- Schmidt E. F., 1953. Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago: University of Chicago Press. 297 p., 123 fig., 205 pl.
- Sweek T., Simpson St. J., 2009. An unfinished Achaemenid sculpture from Persepolis // The British Museum. Technical Research Bulletin. Vol. III. P. 83–88.
- The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / I. J. Gelb, B. Landsberger, A. L. Oppenheim, E. Reiner (eds). Vol. 1. Chicago: Oriental Institute, 1964. 392 p.

Сведения об авторе

Вергазов Рамиль Рафаилович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: vergazov-ramil@yandex.ru

R. R. Vergazov

ARCHITECTURAL DETAILS FROM THE SULTANUIZDAG. THE ISSUE OF ATTRIBUTION, DATING AND STYLISTIC FEATURES OF THE CAPITALS

Abstract. The paper reports on architectural details found by chance during construction works in the Sultanuzdag Mountains in 1966. Marble capitals and column drums attracted attention of Khorezm ancient architecture researchers because these are unique objects that have no analogues in the artistic culture of the region in question. Image and stylistic solutions found for the capitals, which display fabulous mixomorphic images of rams with human faces, are of tremendous interest and are still generating debates in the scientific community. In our view, the capitals and the column fragments are attributed to

the Khorezm architecture of the Achaemenid period. This attribution was made through analysis of stylistic features and design aspects of the capitals and their comparison with the details of the Kushan Empire period. Special focus was given to the technology of marble treatment, the system of proportioning and the methods used to fit together the drums and keep the columns in place, which have parallels in the Achaemenid architecture and sculpture. The paper examines distinctive features of the mixomorphic image of a half human–half ram in the context of Avestan concepts and singles out specific features that help attribute the finds from the Sultanuizdag to provincial Achaemenid sites of the late 5th–early 4th centuries BC.

Keywords: Sultanuizdag, Khorezm, Achaemenid, architecture, capitals, column drums, attribution, dating, style.

REFERENCES

- Berzina S. Ya., 2000. Keramicheskaya pechat' iz Samarkanda [Ceramic seal from Samarkand]. *Srednyaya Aziya: arkheologiya, istoriya, kul'tura: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti G. V. Shishkinoy* [Central Asia: archeology, history, culture: transactions of international conference dedicated to 50th anniversary of scientific activities of G. V. Shishkina]. Moscow, pp. 19–25.
- Kalaly-gyr 2. Kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV–II vv. do n. e. [Kalaly-gyr 2. Ritual center in ancient Khorezm IV–II cc. BC]. B. I. Vaynberg, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 286 p.
- Litvinskiy B. A., 1968. Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen Yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) [Kangui-Sarmatian farn (to the historical and cultural relations of tribes of Southern Russia and Central Asia)]. Dushanbe: Donish. 120 p.
- Manylov Yu. P., 1973. Arkheologicheskie pamyatniki Sultanuizdaga epokhi antichnosti i srednevekov'ya. (Arkheologo-topograficheskoe issledovanie Sultanizdaga): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Archaeological sites of Sultanuizdag in Antiquity and the Middle Ages. Abstract of PhD thesis]. Tashkent. 20 p.
- Manylov Yu. P., 1975. Mramornye arkhitekturnye detali iz Sultanuizdaga [Marble architectural details from Sultanuizdag]. *SA*, 3, pp. 210–213.
- Nylander C., 1970. Ionians in Pasargadae. *Studies in Old Persian Architecture*. Uppsala: Universitetsbibliotek. 176 p.
- Polevye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. [Field investigations of Khorezm expedition in 1958–1961]. S. P. Tolstov, M. G. Vorob'ev, eds. Vol. 1. 1963. Moscow: AN SSSR.
- Pugachenkova G. A., 1971. Zodchestvo Sredney Azii i Irana v istoricheskikh svyazyakh [Architecture of Central Asia and Iran in historical links]. *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury: K 2500-letiyu Iranskogo gosudarstva* [History of Iranian state and culture (to the 2500th anniversary of Iranian state)]. Moscow: Nauka, pp. 237–240.
- Rapoport Yu. A., 1977. Kosmogonicheskiy syuzhet na khorezmiyskikh sosudakh [Cosmogonic scene of Khorezm vessels]. *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e. Istoriya i kul'tura* [Central Asia in antiquity and Middle Ages. History and culture]. Moscow: Nauka, pp. 58–71.
- Rapoport Yu. A., 1993. Zagorodnye dvortsy i khramy Toprak-Kaly [Country palaces and temples at Toprak Kala]. *VDI*, 4, pp. 161–187.
- Rapoport Yu. A., Nerazik E. E., Levina L. M., 2000. V nizov'yakh Oksa i Yaksarta. Obrazy drevnego Priaral'ya [In the lower reaches of Oxus and Jaxartes rivers. Images of the ancient Aral Sea region]. Moscow: Indrik. 207 p.
- Roaf M., 1983. Sculptures and sculptors at Persepolis. *Iran*, 21. 164 p.
- Rowland B., 1953. The art and architecture of India. Buddhist. Hindu. Jain. London: Penguin Books Ltd. 288 p. (The Pelican History of Art.)
- Schmidt E. F., 1953. Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago: University of Chicago Press. 297 p., 123 ill., 205 pl.

- Staviskiy B. Ya., 1971. Srednyaya Aziya i akhemenidskiy Iran [Central Asia and Achaemenid Iran]. *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury: K 2500-letiyu Iranskogo gosudarstva [History of Iranian state and culture (to the 2500th anniversary of Iranian state)]*. Moscow: Nauka, pp. 155–164.
- Staviskiy B. Ya., 1972. Kapiteli drevney Baktrii [Capitals of Ancient Bactria]. *SA*, 2, pp. 41–50.
- Sweek T., Simpson St. J., 2009. An unfinished Achaemenid sculpture from Persepolis. *The British Museum. Technical Research Bulletin*, III, pp. 83–88.
- The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 1. I. J. Gelb, ed. Chicago: Oriental Institute, 1964. 392 p.
- Tolstov S. P., 1948. Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya [Ancient Khorezm. The Experience of historical and archaeological research]. Moscow: 16-ya tipografiya tresta «Poligrafkniga». 352 p.
- Tolstov S. P., 1962. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta [On the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes rivers]. Moscow: Vostochnaya literatura. 322 p.
- Vinogradov A. V., Lopatin S. V., Mamedov E. D., 1965. Kyzylkumskaya biryuza (iz istorii dobychi i obrabotki) [Kyzylkum turquoise (from mining and processing history)]. *SE*, 2, pp. 114–134.
- Vyaz'mitina M. I., 1945. Raskopki na gorodishche Ayrtam [Excavations at fortified settlement Airtam]. *Trudy Akademii Nauk UzSSR. Termezskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya [Transactions of Academy of Sciences of UzSSR. Termez archaeological complex expedition]*, 2. *Gody 1937 i 1938 [Years 1937 and 1938]*. Tashkent: Fan, pp. 23–34.

About the author

Vergazov Ramil R., M. V. Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: vergazov-ramil@yandex.ru

А. А. Михеева (Китаева)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАХОРОНЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ ДРЕВНЕГО МЕРВА

Резюме. Некрополь Древнего Мерва (II–VII вв. н. э.) – уникальный археологический памятник, расположенный недалеко от современного г. Байрам-Али в Туркмении. Планомерные раскопки этого памятника позволили специалистам-археологам детально изучить погребальный обряд зороастрийского населения Парфии. Помимо захоронений в оссуариях и сосудах оссуариях, на некрополе были встречены захоронения по обряду трупоположения: в могильных ямах, обложенных жжеными кирпичами, и в гробах цилиндрической формы, которые некоторыми учеными были отнесены к христианскому населению Мерва, так как, согласно Авесте, зороастрийцам запрещалось погребать своих умерших в земле. Есть ли у нас археологические предпосылки для подобного утверждения или мы должны исходить из общей исторической картины Мерва периода раннего средневековья?

При исследовании С. А. Ершовым самого южного холма некрополя были обнаружены четыре надписи квадратным еврейским письмом на сосудах-оссуариях. Могла ли часть некрополя принадлежать иудейской общине Мерва или это все же единичные случаи захоронения иудеев на зороастрийском кладбище? Вполне вероятно, что религиозная система в древнем Мерве была такова, что позволяла соседство на одном некрополе зороастрийских погребений и погребений иноверцев.

Ключевые слова: парфянское и сасанидское время, Парфия, некрополь Древнего Мерва, зороастрийские оссуарии, погребения по христианскому погребальному обряду, керамические гробы цилиндрической формы, надписи квадратным еврейским письмом, иудеи.

Мервский (Байрам-Алинский) некрополь располагался в Туркмении, в Марыйской области, недалеко от современного г. Байрам-Али¹. Памятник был обнаружен в 1954 г. и в этом же году началось его планомерное исследование (рис. 1)².

¹ В настоящее время вся территория некрополя застроена жилыми домами.

² Раскопки на памятнике проводили: в 1954–1956 гг. – Косье Ф. Я., Дурдыев Д., Марущенко А. А., Ершов С. А., Ганялин А. Ф. (Институт истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР), 1955 г. – Обельченко О. В. (ЮТАКЭ), 1956 г. – Сусенкова Р. С. (ЮТАКЭ), 1965, 1967, 1970, 1975 – Дресвянская Г. Я. (ЮТАКЭ), 1963 г. – Кошеленко Г. А. (ЮТАКЭ), 1965 г. – Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М. (Институт археологии АН ССР).

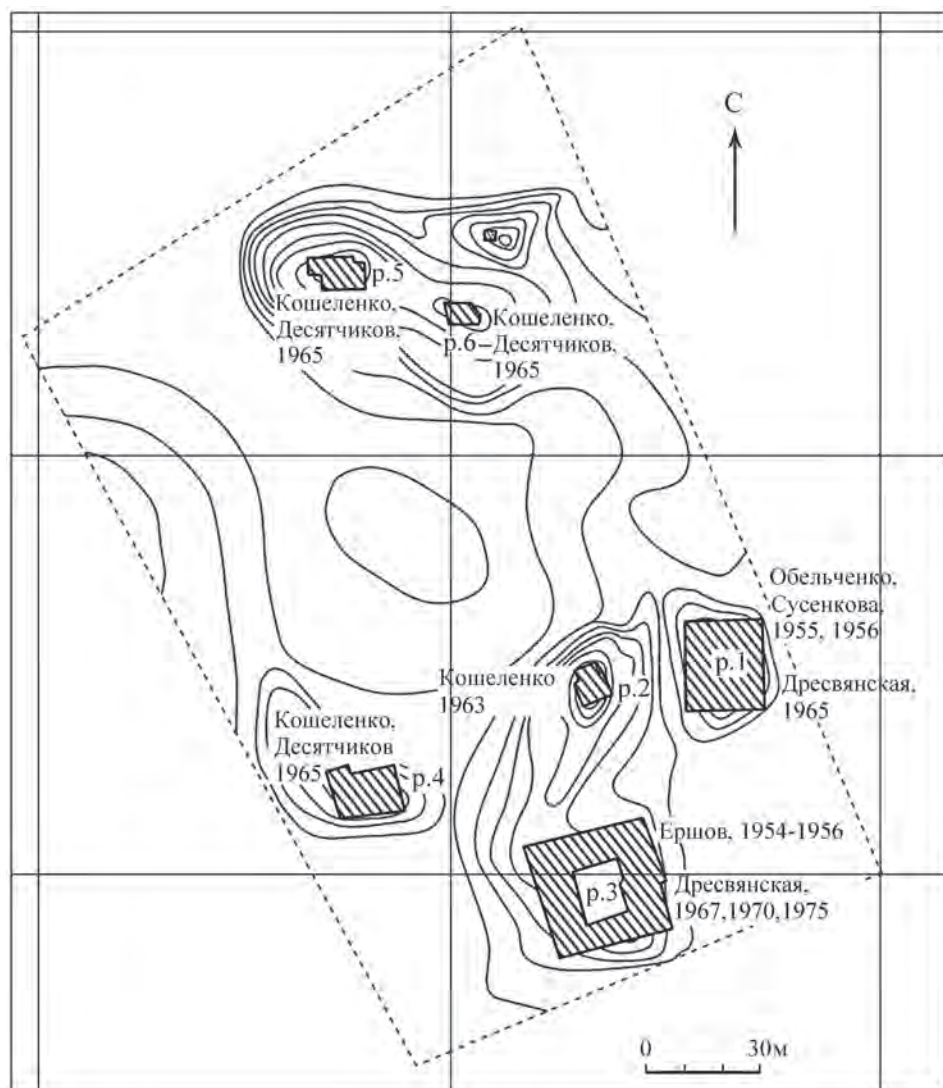

Рис. 1. План некрополя Древнего Мерва с указанием года и места работ исследователей (Ершов, 1959; Дресвянская, 1989)

Некрополь представлял собой семь небольших, но сильно оплывших холмов, расположенных рядом друг с другом. Археологические работы на памятнике показали, что в южной части некрополя располагалась группа наземных погребальных сооружений-наусов³, построенных примерно в одно и то же время – в конце II – начале III в. н. э. Все сооружения были построены из сырцового кирпича, но имели разную архитектурную планировку. На раскопах 1, 2, 3, помимо захоронений в оссуариях, сосудах-костехранилищах (хумы, горшки, кувшины), захоронений кучками и массовых и одиночных скоплений костей, были прослежены захоронения в могилах. Сооружение, раскопанное в западной части некрополя (раскоп 4; Кошеленко, 1965. С. 179), использовалось для погребений по обряду трупоположения (III–V вв. н. э.). Когда здание уже было разрушено, на холме, образовавшемся от его остатков, помещали глиняные оссуарии (V–VII вв.) с маленькими кувшинчиками при них. Наусы в северной группе некрополя, по Кошеленко, – это раскопы 5 и 6⁴, разновременные. Раскопки южного холма (раскоп 6) выявили слои только парфянского времени. Помещение (2,5 × 2,5 м) с суфой было полностью завалено остатками детских костей. На раскопе 5 были выявлены слои только сасанидского времени – V–VII вв. н. э. Помещения науса использовались для захоронения по зороастрийскому обряду в сосудах-костехранилищах. Некоторые наусы имели несколько строительных периодов. Ближе к VI – середине VII в. все наусы забрасываются, стены оплывают и разрушаются, несмотря на это, на некрополе продолжались захоронения в сосудах-костехранилищах и в керамических гробах цилиндрической формы. Следует сказать, что на всех холмах некрополя встречались массовые захоронения в виде беспорядочно лежащих одиночных или наваленных кучами, иногда порубленных тел. Некоторые погребенные были просто брошены в ямы и не закапывались землей. Сопроводительный инвентарь в большей степени зафиксирован при оссуарных погребениях, захоронения в могилах практически все безынвентарные. Захоронений костей животных на некрополе не обнаружено.

Краниологический материал позволил антропологу Т. А. Трофимовой отнести погребенных на некрополе к представителям автохтонного населения Мервского оазиса (Трофимова, 1959. С. 205–217).

Помимо захоронений, как считается, по зороастрийскому обряду погребения⁵, на некрополе были зафиксированы погребения в грунтовых могильных ямах, в могильных ямах, обложенных жженым или сырцовым кирпичом, и в керамических гробах цилиндрической формы. На основании того, что Авеста

³ Наус – древний или средневековый склеп из глины, камня или кирпича для хранения оссуариев у зороастрийцев Средней и Передней Азии (Мейтарчян, 2001. С. 208).

⁴ К сожалению, определить на плане некрополя, какой холм № 5, а какой № 6 из заметки в Археологических открытиях Г. А. Кошеленко, довольно сложно. Поэтому, судя по описанию и по рисункам на плане, рискну предположить, что южный холм в северной группе – это бугор 6, а западный холм – это бугор 5.

⁵ К зороастрийским погребениям, как правило, мы относим вторичные захоронения очищенных костей в оссуариях, сосудах-оссуариях (кувшины, хумы и т. д.), захоронения кучи костей, когда после очищения от плоти кости просто собирали в кучу и оставляли на площадке.

запрещала зороастрийцам погребать труп умершего в земле, чтобы ее не осквернить, исследователи отнесли вышеуказанные погребения к христианскому населению Мерва. Как подтверждение к данному заключению, на одном из холмов некрополя (раскоп 1) была обнаружена грунтовая могила, перекрытая обожженным кирпичом с надмогильником в виде прямого креста (*Обельченко*, 1969. С. 88). В 1965 г. было вскрыто погребение № 99, сложенное из обожженного кирпича; над головой покойного был зафиксирован кирпич с изображением прямого креста (*Дресвянская*, 1989. С. 136)⁶. Кроме этого, при раскопках самого южного холма (раскоп 3) были обнаружены четыре надписи, прочерченные на сосудах-оссуариях квадратным еврейским письмом (*Ершов*, 1959. С. 179). На основании данных надписей, погребения с надмогильником в виде креста и прочерченного на кирпиче креста Дресвянская пришла к выводу, что некрополь принадлежал общинам, идеологически близким друг другу, – христианам, иудеям или манихеям, но не зороастрийцам (*Дресвянская*, 1989. С. 160). Есть ли у нас археологические предпосылки для такого утверждения или подобные выводы можно сделать, только исходя из общей исторической картины ранне-средневекового Мерва?

Остановимся подробнее на «христианских» захоронениях, разделив их по типам: тип 1 – труположение в грунтовой могиле (не ранее IV в. н. э.; *Кошелев*, 1965. С. 5). Могила представляла собой прямоугольную яму, заглубленную в грунт платформы на 40–50 см. Сверху яма засыпалась землей до уровня пола. Костяки лежали на спине, руки вдоль тела. Встречена одна могила, в которой лежали сразу два умерших. Ориентация головы на северо-восток или на север. Инвентаря в могиле не обнаружено.

Тип 2. Могильная яма прямоугольной формы, перекрытая сверху сырцовым кирпичом, обозначенная с поверхности воткнутыми в землю обломками толстостенных сосудов (*Ершов*, 1959. С. 166). Обнаружена только на раскопе 3 и не связана ни с одним уровнем полов. Скелеты лежали на спине, в вытянутом положении, ориентация головы на юг или на север. Сверху скелеты были прикрыты сырцовыми кирпичами, в четырех случаях положенными плашмя, а в двух – поставленными на ребро, наклонно друг к другу. Инвентаря не обнаружено.

Тип 2а. Могильная яма, перекрытая обожженным кирпичом (*Обельченко*, 1969. С. 88, 89). Была обнаружена при исследовании верхнего слоя восточного холма (раскоп 1). Кирпичи, поставленные на ребро, образовывали двухскатное перекрытие могилы. Некоторые кирпичи упали, на некоторых кирпичах сохранилась алебастровая замазка. Размеры кирпичей: 34,5 × 36 × 5,5 см; 28 × 29 × 5 см; 30 × 30,5 × 5,5 см. Ориентирована могила с юго-запада на северо-восток. В юго-западном конце перекрытия лежали плашмя четыре кирпича, образуя прямой крест, который являлся продолжением двухскатного перекрытия. Длина перекрытия могилы 1,9 м, ширина – 45 см. Длина крестообразной выкладки 55 см, ширина – 0,9 м. В могиле был обнаружен скелет, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Левая рука скелета была согнута

⁶ Крест сделан по сырому кирпичу до обжига. Размеры креста: длина 18 см, ширина 12 см, толщина полос 1 см, глубина до 5 мм.

под прямым углом и положена кистью на пояс, правая была согнута в локте и положена кистью на грудную клетку. Череп слегка повернут направо к плечу. Никакого инвентаря в могиле не оказалось.

Тип 3. Могильная яма, обложенная жженными кирпичами (*Ершов*, 1959. С. 170, 171; *Кошеленко*, 1965. С. 4; *Обельченко*, 1969. С. 94, 95; *Сусенкова*, 1969. С. 101, 102; *Дресвянская*, 1989. С. 136). Планировка могилы следующая: пол выстилался жженными кирпичами, затем на пол на ребро ставились кирпичи, образовавшие длинные боковые стенки. Сверху могила перекрывалась плашмя жженными кирпичами. С торца могилу закрывали кирпичи, поставленные на ребро. Ориентация могил различная, но преобладала с северо-востока на юго-запад. Иногда могила изнутри и снаружи обмазывалась алебастровым раствором⁷. Костяк в могиле лежал в вытянутом положении, головой на северо-восток или на восток, иногда на юг; руки вытянуты вдоль туловища, или одна рука на груди, вторая вдоль туловища, или две на груди – варианты различны. Размеры кирпичей обкладки могилы: $32 \times 32 \times 5\text{--}6$ см; $33 \times 33 \times 5\text{--}6$ см; $32 \times 39 \times 10$ см. Иногда на кирпичах были клейма: клеймо в виде полосы, делящей кирпичи на две части; в виде буквы О; в виде прямой линии. В одной из могил один кирпич, стоявший в изголовье, имел скругленные верхние углы. У другого кирпича было зафиксировано изображение знака прямого креста. Размер кирпича: $33 \times 33 \times 5$ см. Крест был сделан углублением по сырому кирпичу до обжига и находился в верхнем левом углу.

Тип 4. Погребение в нише-подбое. Зафиксировано при раскопках Кошеленко (раскоп 2, *Кошеленко*, 1965. С. 5, 6). На высоте 30 см от уровня пола вырубалась ниша глубиной до 40 см, высотой 30–50 см и длиной 1,7 м. Умершего укладывали в нишу, после чего закладывали вертикально поставленными кирпичами и обмазывали глиняной штукатуркой. Погребения были без сопроводительного материала.

Тип 5. Керамические гробы цилиндрической формы (VII в.). Встречены на раскопах 1, 2, 3. Три керамических цилиндра, соединенных вместе, служили гробом для умершего. В длину один цилиндр составлял от 60 до 90 см, диаметр – от 32 до 40 см, толщина стенок 2 см. Открытые концы прикрывались глубокими мисками усеченно-конической формы или иногда просто обожженными кирпичами. При расчистке цилиндров выяснилось, что внутри находился скелет, ориентированный головой на северо-восток. Костяк лежал в сжатом положении, руки согнуты в локтях и сложены крест-накрест на тазе. Ноги сжаты и плотно соединены в коленях. Никакого инвентаря при скелете не было. Ориентация и уровень залегания идентичны погребениям с труположениями в грунт.

Погребения в грунтовых могилах, в могилах, обложенных жженными кирпичами⁸, не связаны ни с одним уровнем полов и, как правило, впускные. Еще одним общим признаком погребений, обложенных жженными кирпичами, можно считать алебастровую замазку, которой покрывались кирпичи изнутри. Датировка погребений варьирует от II–III вв. (*Дресвянская*, 1989. С. 157) до VI в. (*Обельченко*,

⁷ Не совсем понятно, как могила, обложенная жженными кирпичами, могла обмазываться алебастровым раствором снаружи. См.: *Сусенкова*, 1969. С. 101.

⁸ Ершов называет их гробницами, Обельченко – могилой в виде «ящика».

1969. С. 94, 95)⁹. Керамические гробы цилиндрической формы были зафиксированы только на раскопах 1 и 3 и датируются V– серединой VII в. Погребения в нише-подбое было прослежено только на раскопе 2 по одному в помещениях № 1, 3, 4. В помещении № 4 погребение было вырублено не только в западной стене, но было углублено в пол под стеной (*Кошеленко*, 1965. С. 5, 6).

Возможно ли интерпретировать данные захоронения как христианские? Аналогий погребению (типу 2а) с надмогильником в виде креста нет на территории Средней Азии. На Мервском некрополе были зафиксированы могилы с надмогильниками (*Дресвянская*, 1989. С. 137, 138), но проследить их наличие сложно, так как, по мнению Дресвянской, они могли быть уничтожены временем. Не может считаться убедительной версия о христианском погребении, в изголовье которого был обнаружен кирпич с процарапанным крестом. На некрополе были встречены аналогичные могилы (3 шт.), кирпичи, обращенные внутрь могилы, также имели клейма в виде прямого креста или русской буквы «Т», в виде одной полосы и рядом небольшой подковки, в виде перекрестия или крестообразного знака, в виде буквы Р и в виде кольца. В могильных ямах, сложенных из сырцового кирпича, также были встречены клейма, но в виде отпечатков пяти пальцев руки и в виде «розетки» – отпечатков четырех сложенных щепоткой пальцев левой руки (II–III вв. н. э.). По мнению А.Б. Никитина, данный крест — это просто маркировка кирпича (*Никитин*, 2001. С. 39), подобные маркировки кирпичей широко известны на других памятниках Средней Азии, и трактовались клейма по-разному¹⁰, правда, религиозный контекст был предложен только в отношении мервского погребения.

На территории Средней Азии были обнаружены погребения, которые мы точно можем идентифицировать как христианские. В Северной Киргизии, на городище Ак-Бешим (*Кызласов*, 1959. С. 231–233), при раскопках церкви были вскрыты погребения с подбоем и могильная яма, стенки которой были обложены сырцовым кирпичом. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад. В одном погребении был обнаружен нательный крест и глазчатые стеклянные бусы, характерные для VII–VIII вв.

В обычной грунтовой могиле было обнаружено захоронение на городском некрополе Красная речка в Киргизии (*Горячева*, 1988. С. 62–75). Сверху могила была покрыта прямоугольными сырцовыми кирпичами. На шее у женщины был зафиксирован нательный крест, голова положена на подушечку. Датировка могилы – середина VIII в. Работы на Краснореченском некрополе были продолжены в 2008 и 2011 гг. (*Торгоев*, 2014. С. 323). В одном катакомбном захоронении погребенный лежал на спине, головой на запад. Кости ног были сдвинуты и полностью разворочена грудная клетка. По устному сообщению автора, вероятно, что на усопшем был нательный крест, и при ограблении его сняли с костяка, повредив при этом кости грудной клетки.

⁹ Сусенкова датирует погребения, обложенные жжеными кирпичами, не позже IV в. (*Сусенкова*, 1969. С. 101–102).

¹⁰ См., например: *Толстов*, 1948. С. 94; *Воронина*, 1952. С. 89, 90; *Филанович*, 1961; *Гертман*, 1979 С. 70–73.

Захоронение по обряду трупоположения, головой на запад, было обнаружено на могильнике Дашти-Урдакон (ок. древ. Пенджикента). На шее у девочки был зафиксирован четырехконечный с расширяющимися концами крест (*Беленицкий и др.*, 1982. С. 217; *Распопова*, 2014. С. 154–160)¹¹. Могила датируется VIII в. Информации о конструкции могилы в сообщении автора раскопок нет.

Раскопками на левом берегу Заравшана (недалеко от Самарканда) на некрополе Дурмен было выявлено три захоронения со схожим погребальным обрядом (*Шишкина*, 1994. С. 56). Одно из погребений представлено захоронением в деревянном гробу, доски которого были скреплены большими железными гвоздями. Под голову, обращенную на запад, был положен удлинённый (25 × 8 × 4 см) полуобожжённый кирпич. Кости погребённого были в полном анатомическом порядке. В области живота умершего был обнаружен нашивной равноконечный крест из тонкого золотого листа. Крест из золота был нашит на одежду и, по мнению автора, указывал на священнический сан погребённого. У остальных двух погребений также были сбитые из досок гробы, специальный кирпич в изголовье, одинаковая ориентация погребальных камер, что дало возможность предположить, что все три погребения были одной конфессии. Датировка погребений – XI в.

При обследовании площадки под застройку общественного здания на площади Регистан (Самарканд), на глубине от 4,5 до 5,5 м, были вскрыты четыре сооружения в виде узких длинных ящиков-лотков, сложенных из жёженого кирпича, уложенного плашмя. Длина лотков 192–195 см, ширина 60–63 см, высота 40–45 см. Сверху ящики-лотки были прикрыты крупным жжёным кирпичом (42 × 20 × 9 см). Лотки ориентированы с востока на запад. Внутри двух сооружений были расчищены костяки, втиснутые в узкие цисты. Костяки лежали на спине, головой на запад. У одного костяка был прослежен железный наконечник с истлевшей деревянной втулкой, в другом погребении были найдены металлические бляшки типа несторианских крестов. Остальные ящики содержали чёрный тлен. К северу от ящиков был расчищен пол помещения, украшенный майоликовыми плитками в форме несторианского креста (*Бурякова, Буряков*, 1973. С. 209, 210). Датировка сооружений не ранее IX в.

Более поздние погребения были обнаружены еще в 1885, 1886 гг. Н. Н. Пантусовым на территории Северной Киргизии, в Семиреченской обл., при раскопках при-Пишпекского и при-Токмакского кладбищ (*Пантусов*, 1886; 1887. С. 1–7). На всей территории кладбища были обнаружены надгробные камни, с высеченными на сирийском языке именами усопших и крестами. Камни находились всегда у изголовья, в западной части могилы. Крест и надпись были направлены в сторону востока, датировка погребений – XIII–XIV вв. Могилы имели несколько вариантов внутреннего устройства. Один из вариантов аналогичен захоронению Мервского некрополя – погребение в нише-подбое. На при-Пишпекском кладбище устройство подбоя проводилось с одной или с двух сторон. Усопшего клали в могилу и закрывали ее кирпичом. Встречались, но не массово, и деревянные гробы, но без крышки – они закрывались кирпичом,

¹¹ Раскопки могильника Дашти-Урдакон в 1976 г. проводились под руководством Г. В. Длужневской.

опиравшимся на проложенные жерди. Во всех случаях усопший укладывался вытянуто на спине, головой на запад. В положении рук имелся ряд вариантов (Кольченко, 2013. С. 81–83). На при-Токмакском кладбище было вскрыто 34 могилы. В могиле № 32 (XXXII) на шейном позвонке покойника был найден медный крестик. На камнях этого кладбища также изображались кресты (Пантусов, 1887. С. 7).

Из приведенных выше примеров захоронений, интерпретируемых как христианские, можно выделить общие признаки для данных захоронений:

1. Труположение в могильных ямах (техника строительства могильных ям различна) – костяки лежат на спине в вытянутом положении, положение рук имеет варианты.

2. Ориентация головы строго на запад, ногами к востоку.

3. Костяк находится в деревянном гробу или без гроба. В некоторых погребениях под головой кирпич или подушка (кирпич-подушка).

4. Как правило, безынвентарные (не считая нательных и нашивных крестов или предметов украшений).

Вышеприведенная характеристика христианского погребения на территории Средней Азии прослеживается с VII в., не ранее. Если мы рассмотрим классический погребальный обряд христианина, известный нам по письменным источникам (в данном случае мы не рассматриваем первые захоронения христиан Рима в локулах, кубиклах и криптах), то увидим, что обряд почти идентичен: 1) христианина необходимо было похоронить в земле, в деревянном гробу; 2) желательно, чтобы гроб был сделан из досок, а не выдолблен из цельного дерева; 3) покойный укладывался в могилу головой на запад, ногами к востоку; 4) в гроб класть ничего не следует, так как в мирской жизни вещи ему уже не нужны (Владимирский, 1870а. С. 38–50; 1870б. С. 46–55; 1870в. С. 209–210). Таджикско-персидский поэт X–XI вв. Фирдоуси в своем эпическом произведении об истории иранского народа «Шахнаме» сообщает о смерти Кесры Нушинравана¹²:

Труд долгов, не ставь усыпальницу, трон,
Сверши христианский обряд похорон... (Фирдоуси, стих 3440, 3450)

Из чего следует, что не нужно строить дахму (наус. – *М. А.*) и трон, а по закону Мессии сделай мне могилу (Фирдоуси, 1989. С. 607). У другого известного арабского историка и философа ат-Табари мы узнаем, что последний Сасанидский царь Иездигерд III¹³ был погребен мервскими христианами в гробу (по одной из версий – в деревянном), в наусе, построенном посреди митрополичьего сада в Мерве. После погребения царя вход в наус замуровали («История» ат-Табари..., 2883). К сожалению, был ли гроб опущен в могилу, просто положен на землю или поставлен на суфу, определить невозможно. Эти сведения относятся к концу VI – середине VII в. – времени, когда Мервский некрополь еще продолжал функционировать.

¹² Сасанидский царь Хосров I Аноширван. Время правления – 531–579 (Фрай, 2002. С. 368).

¹³ Время правления – 632–651 гг. (Там же. С. 368).

У погребенных на некрополе не было четкой ориентации положения головы. Можно предположить, что у христиан Мерва это было необязательным. Хотя известно, что еще при Константине Великом в IV в. церковью был установлен особый чин погребения христианина, который регламентировал определенные правила захоронения умершего (Энциклопедический словарь. Т. 24. С. 40–42). Конечно, надо иметь в виду, что в Мерве основная масса христиан придерживалась несторианского толка вероисповедания, но вряд ли это как-то сказывалось на погребальном обряде.

Прямых аналогий погребениям Мервского некрополя с другими захоронениями на территории Средней Азии, которые мы можем точно интерпретировать как христианские, не обнаружено, поэтому мы не можем точно ответить на вопрос, принадлежали ли мервские погребения христианам, так как устройство могильной ямы – это прежде всего строительный прием, а не одна из сторон погребального обряда. Погребение с намогильником в виде креста – единственное захоронение, которое, вероятно, можно связать с христианством, потому что доказать обратное практически невозможно. Можно предположить, что захоронения в могильных ямах на некрополе Мерва относились к христианам, но только исходя из общей исторической картины Мервского оазиса периода раннего средневековья¹⁴. В связи с этим вопрос о принадлежности захоронений по обряду трупоположения христианам для мервских погребений до настоящего времени остается открытым и дискуссионным.

Особо следует отметить керамические гробы цилиндрической формы (тип 5)¹⁵. По аналогии с захоронениями в цилиндрах на некрополе Бизацены (соврем. Сфакс) в Тунисе (*Cabrol*, 1907. Р. 730–733) Обельченко, Сусенкова и Дресвянская отнесли данный тип захоронений к христианскому погребальному обряду. Но Сфакские цилиндры – это не цилиндры как таковые, а керамические кувшины из обожженной глины. Автор не сообщает, делались ли подобные кувшины специально для погребений или это случайный способ захоронения, известно точно, что это не массовые захоронения. Аналогичные мервским цилиндры были обнаружены в начале 90-х гг. на поселении Коштепа (Узбекистан, близ города Карши) в полуподземном архитектурном комплексе второй половины VI – начала VII в. н. э. (*Раимкулов*, 2001. С. 147–149). В помещении № 3 на полу в разных местах стояли вертикально пять полых цилиндрических изделий с прямыми стенками толщиной 2,5–3 см, диаметром от 32 до 55 см. Вероятно, эти цилиндры там же и делали, так как рядом был обнаружен раздавленный цилиндр из необожженной глины красноватого цвета. И в этом же помещении, рядом с цилиндрами, стоял крупный котел без каких-либо следов огня, по мнению автора раскопок, для замешивания глины. А. Раимкулов относит этот комплекс к христианской общине, проживавшей недалеко от Коштепа, и считает, что данные цилиндры предназначались для погребений умерших христиан, аргументируя тем, что на Мервском некрополе были

¹⁴ Согласно письменным источникам, христианство в Мерве начинает распространяться уже с III в. К V в. христианская община была уже довольно значительная, а в V в. Мервский епископ был возведен в ранг митрополита. См. об этом подробнее: *Бадеп и др.*, 1996. С. 85–94; *Koshelenko*, 1995. Р. 55–70.

¹⁵ Дресвянская их называет керамическими цилиндрами-кубурами.

обнаружены захоронения в керамических цилиндрах, которые, в свою очередь, интерпретируются как христианские. Захоронений в данных цилиндрах в Коштепа не обнаружено, соответственно, их принадлежность и назначение определить сложно. Интерпретация мервских захоронений в гробах цилиндрической формы также затруднительна. Возможно, что это просто один из вариантов погребений, так как на памятнике было встречено захоронение наполовину из обожженного кирпича, наполовину из сосуда цилиндрической формы (Ершов, 1959. С. 168). Можно сказать, что было под рукой, из того и сделали могилу усопшему.

Погребение в терракотовом саркофаге было обнаружено около буддийского комплекса Дальверзин-Тепе (Пугаченкова, 1971. С. 201). Саркофаг составлен из двух керамических половинок, обжигавшихся в печи. Размеры его — 1,98 × 52 см. Датировка — с I до начала III в. н. э. Скелет лежал на спине, крышки не было, возможно, она была деревянной и истлела полностью. Рядом с саркофагом выявлена светлоангобированная посуда. Автор предположила, что данное захоронение могло принадлежать проживавшим в Бактрии парфянам или парфянским купцам (Там же. С. 202). Конечно, данное захоронение — не полная аналогия мервским гробам цилиндрической формы, но некоторые параллели, как мне кажется, имеются¹⁶.

Известно, что Мерв в период Сасанидов был поликонфессиональным городом (Кошеленко, Гаибов, 2006. С. 361). Помимо зороастрийцев, на его территории проживали представители самых разных конфессий: иудеи, буддисты, христиане. И, как было отмечено выше, на некрополе Мерва были обнаружены оссуарии, на которых квадратным еврейским письмом были прочерчены и процарапаны еврейские имена (Ершов, 1959. С. 179)¹⁷. Две надписи прори-

¹⁶ Подробнее см.: Литвинский, 1983. С. 81–122.

¹⁷ Стоит отметить, что С. А. Ершов говорит о четырех надписях, но на изображении видно, что их пять. Предполагаю, что верхняя правая надпись — «Йаков» — была сделана специалистом, вероятно М. Е. Массоном, как правильный вариант имени, которое мы видим в прямоугольной рамке — «Йосеф бар Йаков», в имени «Йаков» буквы «куф» и «бет» написаны так, как будто это одна буква, в действительности это две отдельные буквы. В связи с этим, согласно отчету С. А. Ершова, можно говорить только о четырех надписях, из которых две читаются хорошо, а две верхних в левой части неясны, так как написаны с ошибками. Посмотреть данные надписи в оригинале в настоящее время не представляется возможным.

История изучения этих надписей следующая: по прорисовкам М. Е. Массона в 1956–1957 гг. А. М. Беленицкий и В. А. Лившиц установили, что надписи написаны квадратным еврейским письмом и содержат имена собственные усопших. Первоначально, правда, надписи пытались читать на пехлевийском. На устном докладе А. М. Беленицкий, В. А. Лившиц и И. Д. Амусин говорили об этих надписях, но публикаций не было. В Израиле эти надписи опубликовал А. Клеван (Клевань, 1976; 1979). В 1988 г., опять же в Израиле, вышла статья М. Занда, в которой он также предлагает прочтение этих надписей (Занд, 1988. С. 8). Крайнюю левую надпись М. Занд читает как «Ашер (?) бар», вероятно, слово «бар» здесь следует как предположение, так как данного слова нет на изображении, представленном в отчете Ершовым (Ершов, 1959. С. 179). В Москве о надписях в 1990 гг. писал А. И. Наймарк (Наймарк, 1996. С. 75–83). М. Носовский, писавший об этих надписях в 2005 г., увидел рядом с именем «Ашер» слово «бен» (сын),

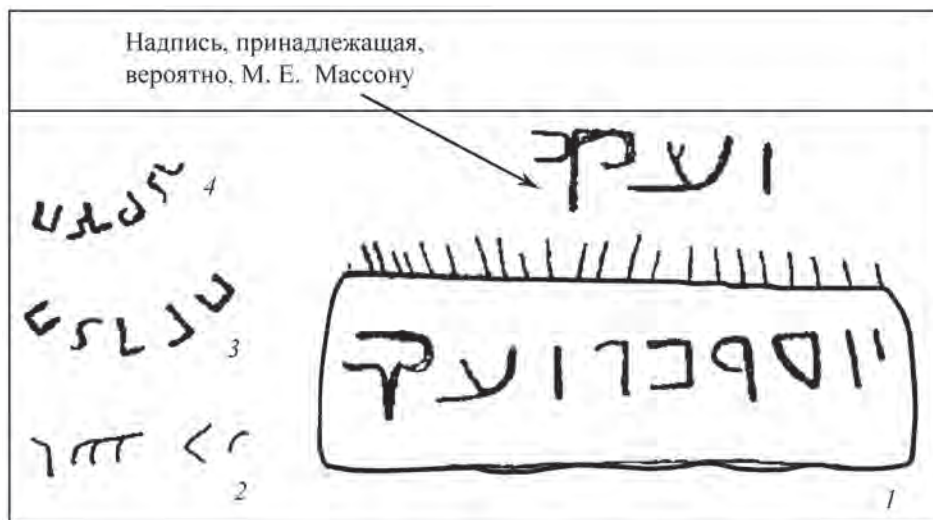

Рис. 2. Надписи на сосудах-оссуариях квадратным еврейским письмом (VI–VII вв. н. э.; *Ершов, 1959*)

сованы на дверцах от оссуариев, третья – на крышке от сосуда-оссуария, четвертая – на донышке сосуда. Ершов датирует надписи VI–VII вв. (рис. 2). Хорошо читаются два имени: 1 – «Йосеф бар Йаков», 2 – «Ашер» – и переводятся так: 1 – «Иосиф сын Иакова», 2 – «Ашер», что в переводе с иврита означает «Счастливым». Довольно странно встретить типичные иудейские имена на зороастрийском кладбище. Что могло заставить иудеев похоронить своих усопших на зороастрийском кладбище?

Нам известно достоверно, что иудеи проживали в Парфии, в Мерве, с начала IV в. (*Zand, 1989. P. 531–533*) и попали они туда благодаря Великому шелковому пути, а также после восстания Бар-Кохбы (132–135 гг. н. э.), когда евреи восстали против римлян, были жестоко подавлены и вынуждены были бежать из Иудеи (*Рвеладзе, 2004. С. 8*). Археологические материалы дают нам более раннюю датировку возможного появления иудеев в Мерве¹⁸.

я слово «бен» не увидела (*Носовский, 2005. С. 27*). Также автор пишет об «оссуариях для захоронения костей, остающихся после сожжения тела». Это не совсем верно. Как в еврейской, так и в зороастрийской традиции кремация тел, в силу религиозных убеждений, была запрещена.

¹⁸ На Эрк-кале, в стратиграфическом слое I–III вв., был найден необожженный глиняный сосуд, верхнюю часть тулова опоясывала парфянская надпись, выполненная черной тушью: «Собственность Пакора, сына Йоса», где имя Йоса (Йоси) – древнееврейское, уменьшительное от Йосеф (перевод В. И. Лившица). На второй парфянской надписи, выполненной на тулове сосуда черной тушью (II–III вв.), сохранилось только имя собственное: «MYLK» (*Livshits, Usmanova, 1994. P. 103, 104*), в переводе с иврита «Царь».

Каков же погребальный обряд иудеев? Из письменных источников нам известно (Погребение и траур, 1991), что в Библейский период (X в. до н. э. – VI в. до н. э.) после наступления смерти покойнику закрывали глаза (Бытие, 46, 4). Еврея можно было только похоронить: *Ты прах земной, и в прах возвратишься* (Бытие, 23, 19; 25, 9; I Сам., 25, 1). Позже Тора выражает этот же принцип в законе: *...и обязательно следует захоронить его* (Второзаконие 21:23). Кремация трупа считается страшным грехом и до настоящего времени. Во времена иудейских царей принято было хоронить в семейных склепах. Обычай, о которых говорится в Библии, практически все сохраняется и в талмудическое время (II в. н. э. – до XVIII в. н. э.). Покойнику закрывали глаза, рот и вообще все лицевые отверстия, для того чтобы воздух не проникал внутрь. Клади на песок или на соль, чтобы он не касался непосредственно земли. Тело обмывалось и натиралось маслом и ароматными веществами – миррой и алоэ. Бальзамировали, вероятно, только знатных людей. Тело облачалось в саван, бедных хоронили в грубой холстине. Обыкновенно хоронили на спине, лицом кверху. Хоронили по большей части в деревянных гробах, сделанных из кедрового дерева, но делались они также из камня и глины. На дне обязательно делали отверстие, чтобы ускорить процесс разложения. В Иерусалиме обыкновенно покойника выносили на Масличную гору на носилках, где гроб изготовлялся из нецементированной каменной плиты со стенками и покрытым землею сверху, но без дна. Иногда на гроб или носилки клали эмблемы того, чем занимался покойный. На гроб клали также ком палестинской земли. Для евреев быть похороненным в земле Палестины считалось облегчением наказаний за грехи (Сангедрин, 46б). Через год, когда мягкие части тела уже гнивали, гроб доставался из склепа, кости вынимались и натирались вином и маслом. Кости мужчин, по закону, должны были быть собраны мужчинами, кости женщин – женщинами. Затем кости помещались в костехранилища (оссуарии), но не более одного костяка в один оссуарий. Оссуарий тоже мог быть изготовлен из дерева, глины или мягкого камня. Перед новым преданием земле совершался частичный похоронный ритуал. Все дела, связанные с подготовкой к погребению и погребением, выполняло специальное похоронное общество – Хевра кадиша. Ушедших из еврейства хоронили тихо и без знаков почета. Во времена диаспоры евреи хоронили своих усопших просто в земле.

Согласно иудейскому обряду захоронения, иудея первоначально хоронили в склепе в деревянном гробу или без гроба. Через год происходило очищение костей, т. е. перезахоронение «омытых» костей в оссуариях или сосудах-оссуариях.

Еврейские захоронения могли появиться на зороастрийском кладбище в следующих случаях: возможно, ввиду каких-то причин не удалось похоронить умершего на еврейском кладбище, поэтому похоронили на зороастрийском, но для того чтобы выделить, что это были захоронены иудеи, они сделали надпись на оссуариях, на крышке и на донце сосуда.

Второе: если иудей по какой-то причине решил принять зороастризм. В еврейской диаспоре такие случаи бывали. Нельзя утверждать, что иудей принимал другое вероисповедание именно из-за религиозных убеждений, в большинстве случаев это было вызвано крайней жизненной необходимостью. Например,

из Талмуда известно, что в Иране некоторые особенности старой практики взимания налогов сохранялись еще при Хосрове I (531–579). Если кто-нибудь не мог уплатить земельный налог, обрабатываемый им участок переходил к тому, кто вносил установленную сумму налога. Уплатив земельный налог за того, кто не мог платить сам, можно было приобрести этого должника в качестве зависимого или раба. Согласно Вавилонскому Талмуду (Трактат «Nedarim» (62b), если иудей объявлял себя зороастрийцем, он мог избежать подушной подати. Христианский епископ и главы иудейских общин сами собирали налоги со своей паствы (Фрай, 2002. С. 313). Приняв зороастризм, внутри семьи, как правило, иудей продолжал соблюдать все свои обычаи, но уже тайно.

Некоторая схожесть иудейского погребального обряда с зороастрийским, вероятно, позволяла иудеям Мерва в единичных случаях хоронить своих единоверцев на зороастрийском кладбище, поэтому говорить о том, что часть некрополя могла принадлежать иудеям, довольно опрометчиво.

Многие специалисты допускают, что, возможно, религиозная система в древнем Мерве была такова, что позволяла соседство на одном некрополе зороастрийских погребений и погребений иноверцев (Мейтарчиан, 2001. С. 80). В отношении иудеев и зороастрийцев мне кажется это вполне вероятным.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер А. Н., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А., 1996. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока: мат-лы междунар. конф. М. С. 85–94.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И., 1982. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI: 1976 г. Душанбе: Дониш. С. 197–221.
- Бураякова Э. Ю., Бураков Ю. Ф., 1973. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969–1971 гг.) // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент: Фан. С. 209–211.
- Владимирский В., 1870а. Погребение у древних христиан // Душеполезное чтение. Ч. 1. М.: Катков и К. С. 38–50.
- Владимирский В., 1870б. Погребение у древних христиан // Душеполезное чтение. Ч. 2. М.: Катков и К. С. 46–55.
- Владимирский В., 1870в. Погребение у древних христиан // Душеполезное чтение. Ч. 3. М.: Катков и К. С. 201–209.
- Воронина В. Л., 1952. Строительная техника древнего Хорезма // Труды Хорезмской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л. С. 87–104.
- Гертман А. Н., 1979. Некоторые особенности маркировки сырцовых кирпичей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М. С. 70–73.
- Горячева В. Д., 1988. Город золотого верблюда. Краснореченское городище. Фрунзе: Илим. 115 с.
- Дресвянская Г. Я., 1989. Некрополь Старого Мерва // ТЮТАКЭ / Под ред. М. Е. Массона. Т. XIX: Древний Мерв. С. 122–163.
- Еришов С. А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // Труды Института истории, археологии, и этнографии АН Туркм. ССР. Т. V. Ашхабад: АН ТССР. С. 160–204.
- Занд М., 1988. Расселение евреев в Средней Азии в древние времена и в раннем Средневековье // Пеамим. № 35. С. 4–11.
- «История» ат-Табари: избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева. Ташкент: Фан, 1987. С. 24–30.
- Клевань А., 1976. Еврейская надпись из Средней Азии // Иеда-ам. 18.

- Клевань А., 1979. Еврейские надписи на оссуариях, найденных в Центральной Азии // Кадмонийот. Т. 12. № 2–3. 1979. С 91, 92 (на яз. иврит).
- Кольченко В. А., 2013. Кара-Джигачское (При-Пишпекское) средневековое кладбище (археологический аспект) // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков: сб. мат.-лов. Бишкек: Инф.-издат. центр Бишкекской и Кыргызстанской епархии. С. 81–83.
- Кошеленко Г. А., 1965. Отчет о раскопках некрополя древнего Мерва в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2884, 2884а.
- Кошеленко Г. А., Гаилов В. А., 2006. Мерв в период Сасанидов: на перекрестке культур // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука. С. 356–362.
- Кызыласов Л. Р., 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭЭ). Т. II. М. С. 231–233.
- Литвинский Б. А., 1983. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в Древности. М.: Наука. С. 81–122.
- Мейтарция М. Б., 2001. Погребальные обряды зороастрийцев. М.: Летний сад. 248 с.
- Наймарк А. И., 1996. Следы еврейской культуры в Согде // Вестник еврейского университета. Вып. 1 (11). 1996. С. 75–83.
- Никитин А. Б., 2001. К истории христианства в Мерве // Пилигримы. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 39–41.
- Носовский М., 2005. Бухара, Самарканд и далее. Очерки по истории бухарских евреев и других еврейских общин Востока. Нью Йорк: Центр «Рошнои». С. 27.
- Обельченко О. В., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) // ТЮТАКЭ. Т. XIV. С. 86–99.
- Пантусов Н. Н., 1886. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 74–83.
- Пантусов Н. Н., 1887. Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища [Рукопись]. СПб. 7 с.
- Погребение и траур // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 12. М.: Терра, 1991. С. 604–609.
- Пугаченкова Г. А., 1971. Новое в изучении Дальверзин-тепе (К истории бактрийско-кушанской городской культуры) // СА. № 4. С. 186–203.
- Раимкулов А. А., 2001. Христианские погребальные цилиндры из Коштета Нахшабского // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 32. Ташкент: Фан. С. 147–149.
- Распопова В. И., 2014. Христиане в Пенджикенте в VIII в. // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения: памяти Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН: Арт-Экспресс. С. 154–160. (Труды ИИМК РАН; т. XLII.)
- Ртвеладзе Э. В., 2004. Евреи-иудаисты в доисламской Средней Азии // Евреи в Средней Азии: вопросы истории и культуры: сб. науч. ст. Ташкент: Фан. С. 5–12.
- Сусенкова Р. С., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1956 г.) // ТЮТАКЭ. Т. XIV. С. 100–108.
- Толстов С. П., 1948. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М. С. 94.
- Торгоев А. И., 2014. Тань-Шанская археологическая экспедиция: основные итоги работ 2007–2013 годов // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия. С. 311–330.
- Трофимова Т. А., 1959. Черепа из оссуарного некрополя возле Байрам-Али (Южная Туркмения) // Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Т. V. Ашхабад: АН ТССР. С. 205–217.
- Филанович М. И., 1961. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва. Известия АН ТуркмССР. Сер. Общественных наук. Вып. 1. С. 43.
- Фирдоуси А., 1989. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. Т. VI: От начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура, до конца книги. М.: Наука. 639 с.
- Фрай Р., 2002. Наследие Ирана. М.: Вост. лит. РАН. 463 с.
- Шишкина Г. В., 1994. Несторианское погребение в Согде самаркандском // Из истории древних культов. Христианство / Под ред. Л. И. Жуковой. Ташкент: Гл. ред. энцикл. С. 56–58.

Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. Т. 24. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. С. 40–42.

Cabrol F., 1907. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie. T. I. Paris: Letouzey et Ané.

Koshelenko G., Bader A., Gaibov V., 1995. The Beginnings of Christianity in Merv // *Iranica Antiqua*. Vol. XXX. P. 55–70.

Zand M., 1989. Bukharan Jews // *Encyclopedia Iranica*. Vol. IV. Fac. 5. N. Y.; London. P. 530–545.

Livshits V., Usmanova Z. I., 1994. New Parthian Inscriptions from Old Merv // *Irano-Judaica III*. Jerusalem. P. 103–104.

Сведения об авторе

Михеева (Китаева) Анна Андреевна, Государственный музей Востока, Никитский бульвар, д. 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: hmunter666@mail.ru

A. A. Mikheeva (Kitaeva)

ON THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE GRAVES FROM THE NECROPOLIS OF OLD MERV

Abstract. The necropolis of Old Merv (the 2nd–7th centuries) is a unique archaeological site located not far from today's Bairam-Ali (Turkmenistan). Systematic excavations provided an opportunity to study the funeral rite of the Zoroastrian population of Parthia. In addition to burials in ossuaries, some of the burials discovered in the necropolis were made by placing the deceased inside the pits lined with burned bricks as well as in coffins of a cylindrical form referred by some scholars to the Merv Christian population because this ritual is not consistent with the Zoroastrian tradition. Excavations conducted by S. A. Ershov in the southernmost hill of the necropolis revealed four inscriptions on ossuaries made in Jewish square script. Could a part of the necropolis be owned by the Merv Jewish community or are these graves rare cases of Jewish burials at the Zoroastrian cemetery? It is quite likely that the religious system in Old Merv allowed for Zoroastrian graves to be made side by side with the graves of adherents of other religions.

Keywords: Parthian and Sasanian Empire periods, Parthia, Old Merv necropolis, Zoroastrian ossuaries, Christian burials, ceramic coffins, inscriptions, Jewish square script, Jews.

REFERENCES

Bader A. N., Gaibov V. A., Koshelenko G. A., 1996. Mervskaya mitropoliya [Merv Archidiocese]. *Traditsii i nasledie khristianskogo Vostoka. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Traditions and heritage of Christian Orient. Transactions of international conference]*. Moscow: Indrik., pp. 85–94.

Belenitskiy A. M., Marshak B. I., Raspopova V. I., Isakov A. I., 1982. Raskopki drevnego Pendzhikenta v 1976 g. [Excavations of ancient Pendzhikent in 1976]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XVI. Dushanbe: Donish, pp. 197–221.

Buryakova E. Yu., Buryakov Yu. F., 1973. Novye arkheologicheskie materialy k stratigrafii srednevekovogo Samarkanda (po raskopkam na ploshchadi Registan v 1969–1971 gg.) [New archaeological materials for stratigraphy of medieval Samarkand (based on excavations in Registan square in 1969–1971)]. *Afrasiab [Afrasiab]*, II. Tashkent: Fan, pp. 209–211.

- Cabrol F., 1907. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie, I. Paris: Letouzey et Ané.
- Dresvyanskaya G. Ya., 1989. Nekropol' Starogo Merva [Necropolis of Old Merv]. *TYuTAKE*, XLIX. *Drevniy Merv [Old Merv]*. M. E. Masson, ed., pp. 122–163.
- Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic dictionary], 24. I. E. Andreevskiy, ed. St. Petersburg: F. A. Brokgauz, I. A. Efron, 1898, pp. 40–42.
- Ershov S. A., 1959. Nekotorye itogi arkheologicheskogo izucheniya nekropolya s ossuarnymi zakhoroneniymi v rayone goroda Bayram-Ali (raskopki 1954–1956 gg.) [Some results of archaeological investigation of necropolis with ossuary burials in vicinity of town Bayram-Ali (excavations of 1954–1956)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Turkmenской SSR [Transactions of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Academy of Sciences of Turkmen Soviet Socialist Republic]*, V, pp. 160–204.
- Filanovich M. I., 1961. Syrtsovye kirpichi s kleimami drevnego Merva [Mudbricks with signs from Old Merv]. *Izvestiya AN Turkmen SSR, ser. Obshchestvennykh nauk [Bulletin of Turkmen SSR, Ser. Social Sciences]*, 1, pp. 39–44.
- Firdousi A., 1989. Shakhname [Shah-name], VI. Ot nachala tsarstvovaniya Yezdgerda, syna Bakhrama Gura, do kontsa knigi [From beginning of reign of Yezdgerd, son of Bahram Gur, till the end of the book]. Ts. B. Banu-Lakhuti, V. G. Berznev, trans. Moscow: Nauka. 639 p.
- Fray R., 2002. Nasledie Irana [Heritage of Iran]. Moscow: Vostochnaya literatura. RAN. 463 p.
- Gertman A. N., 1979. Nekotorye osobennosti markirovki syrtsovykh kirpichey Sredney Azii [Some features of marking mudbricks in Middle Asia]. *Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii [Ethnography and archaeology of Middle Asia]*. Moscow: Nauka, pp. 70–74.
- Goryacheva V. D., 1988. Gorod zolotogo verblyuda. Krasnorechenskoe gorodishche [City of golden camel. Krasnorechenskoe fortified settlement]. Frunze: Ilim. 115 p.
- «Istoriya» at-Tabari: izbrannye otryvki [«History» of at-Tabari: selected fragments]. V. I. Belyaev, trans. Tashkent: Fan, 1987, pp. 24–30.
- Klevan' A., 1976. Evreyskaya nadpis' iz Sredney Azii [Jewish inscription from Middle Asia]. *Ieda-am*, 18, pp. 119–120.
- Klevan' A., 1979. Evreyskie nadpisi na ossuariyakh, naydennykh v Tsentral'noy Azii [Jewish inscriptions on ossuaries found in Central Asia]. *Kadmoniyot*, 12, No. 2–3, pp. 91–92. (In Hebrew).
- Kol'chenko V. A., 2013. Kara-Dzhigachskoe (Pri-Pishpekskoe) srednevekovoe kladbishche (arkheologicheskiy aspekt) [Kara-Dzhigach (Pri-Pishpek) medieval cemetery (archaeological aspect)]. *I Paskhal'nye chteniya. Traditsii druzhby narodov Rossii i Sredney Azii na protyazhenii vekov: sbornik materialov [I Easter readings. Traditions of friendship between peoples of Russia and Central Asia through centuries: collected materials]*. Bishkek: Informatsionno-izdatel'skiy tsentr Bishkekskoy i Kyrgyzstanskoy eparkhii, pp. 81–83.
- Koshelenko G. A., 1965. Otchet o raskopkakh nekropolya drevnego Merva v 1963 g. [Report on excavations of necropolis of Old Merv in 1963]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Koshelenko G., Bader A., Gaibov V., 1995. The Beginnings of Christianity in Merv // *Iranica Antiqua*, Vol. XXX. P. 55–70.
- Koshelenko G. A., Gaibov V. A., 2006. Merv v period Sasanidov: na perekrestke kul'tur [Merv in Sassanian period: on crossroad of cultures]. *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii [Ethnocultural interaction in Eurasia]*, 1. Moscow: Nauka, pp. 356–362.
- Kyzlasov L. R., 1959. Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Ak-Beshim v 1953–1954 gg. [Archaeological investigations at fortified settlement Ak-Beshim in 1953–1954]. *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Transactions of Kirgiz archaeological-ethnographic expedition]*, II. G. F. Debets, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 231–233.
- Litvinskiy B. A., 1983. Pogrebal'nye sooruzheniya i pogreba'naya praktika v Parfii (k voprosu o parfyano-baktriyskikh sootvetstviyakh) [Burial constructions and burial practice in Parthia (on issue of Parthian-Bactrian concordances)]. *Srednyaya Aziya, Kavkaz i zarubezhnyy Vostok v drevnosti [Middle Asia, Caucasus and foreign Orient in antiquity]*. Moscow: Nauka, pp. 81–122.
- Livshits V., Usmanova Z. I., 1994. New Parthian Inscriptions from Old Merv. *Irano-Judaica III*. Jerusalem, pp. 103–104.
- Meytarchiyani M. B., 2001. Pogrebal'nye obryady zoroastriysev [Burial rites of Zoroastrians]. Moscow: Letniy sad. 248 p.

- Naymark A. I., 1996. Sledy evreyskoy kul'tury v Sogde [Traces of Jewish culture in Sogd]. *Vestnik evreyskogo universiteta* [Jewish university bulletin], 1 (11), pp. 75–83.
- Nikitin A. B., 2001. K istorii khristianstva v Merve [Toward history of Christianity in Merv]. *Piligrimy* [Pilgrims]. St. Petersburg: GE, pp. 39–41.
- Nosovskiy M., 2005. Bukhara, Samarkand i dalee. Ocherki po istorii bukharskikh evreev i drugikh evreyskikh obshchin Vostoka [Bukhara, Samarkand and further. Essays on history of the Bukhara Jews and other Jewish communities of Orient]. New York: Roshnoi centre. 212 p.
- Obel'chenko O. V., 1969. Nekropol' Drevnego Merva (materialy raskopok 1955 g.) [Necropolis of Old Merv (materials from excavations of 1955)]. *TYuTAKE*, XIV, pp. 86–99.
- Pantusov N. N., 1886. Khristianskoe kladbishche bliz goroda Pishpeka (Semirechenskiy oblasti) v Chuyskoy doline [Christian cemetery near town of Pishpek (Semirechenskaya oblast') in Chui valley]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhologicheskogo obshchestva* [Notes of Oriental department of Imperial Russian Archaeological society], 1 (1886). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 74–83.
- Pantusov N. N., 1887. *Opisanie pri-Pishpekskogo khristiansko-nestorianskogo kladbishcha. Rukopis'* [Description of Pishpek Christian-Nestorian cemetery. Manuscript]. St. Petersburg. 7 p.
- Pogrebenie i traur [Funerals and mourning]. *Evreyskaya entsiklopediya. Svod znaniy o evreytve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem* [Jewish Encyclopedia. Corpus of knowledge on the Jews and their culture in past and in present], 12. Moscow: Terra, 1991, pp. 604–609.
- Pugachenkova G. A., 1971. Novoe v izuchenii Dal'verzin-tepe (K istorii baktriysko-kushanskoy gorodskoy kul'tury) [New in research of Dal'verzin-tepe (Toward history of Bactrian-Kushan urban cultures)]. *SA*, 4, pp. 186–203.
- Raimkulov A. A., 2001. Khristianskie pogrebal'nye tsilindry iz Koshtepa Nakhshabskogo [Christian burial cylinders from Koshtepa of Nakhshab]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan], 32. Tashkent: Fan, pp. 147–149.
- Raspopova V. I., 2014. Khristiane v Pendzhikente v VIII v. [Christians in Pendzhikent in VIII c.]. *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kul'turogenез, religioznye vozzreniya: pamyati Vadima Mikhaylovicha Massona* [Archaeology of ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, religious views: in memory of V. M. Masson]. St. Petersburg: IIMK RAN: Art-Ekspress, pp. 154–160. (Trudy IIMK RAN, XLII.)
- Rtveladze E. V., 2004. Evrei-iudaisty v doislamskoy Sredney Azii [Judaic Jews in pre-Islamic Central Asia]. *Evrei v Sredney Azii: voprosy istorii i kul'tury: sbornik nauchnykh statey* [Jews in Central Asia: problems of history and culture: collection of scientific articles]. Tashkent: Fan, pp. 5–12.
- Shishkina G. V., 1994. Nestorianskoe pogrebenie v Sogde samarkandskom [Nestorian burial in Sogd of Samarkand]. *Iz istorii drevnikh kul'tov. Khristianstvo* [From history of ancient cults. Christianity]. L. I. Zhukovoy, ed. Tashkent: Glavnaya redaktsiya entsiklopediy, pp. 56–58.
- Susenkova R. S., 1969. Nekropol' Drevnego Merva (materialy raskopok 1956 g.) [Necropolis of Old Merv (materials from excavations of 1956)]. *TYuTAKE*, XIV, pp. 100–108.
- Tolstov S. P., 1948. Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya [Ancient Khorezm. Attempt of historical-archaeological research]. Moscow: MGU. 352 p.
- Torgoev A. I., 2014. Tan'-Shanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: osnovnye itogi rabot 2007–2013 godov [Tien Shan archaeological expedition: main results of works in 2007–2013]. *Ekspeditsii. Arkheologiya v Ermitazhe* [Expeditions. Archaeology in Hermitage]. St. Petersburg: Slaviya, pp. 311–330.
- Trofimova T. A., 1959. Cherepa iz ossuarnogo nekropolya voze Bayram-Ali (Yuzhnaya Turkmeniya) [Skulls from ossuary necropolis near Bayram-Ali (South Turkmenia)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Turkmenskoy SSR* [Transactions of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Academy of Sciences of Turkmen Soviet Socialist Republic], V, pp. 205–217.
- Vladimirskiy V., 1870a. Pogrebenie u drevnikh khristian [Burial among early Christians]. *Dushepoleznoe chtenie* [Edifying reading], 1. Moscow: Katkov i K, pp. 38–50.
- Vladimirskiy V., 1870b. Pogrebenie u drevnikh khristian [Burial among early Christians]. *Dushepoleznoe chtenie* [Edifying reading], 2. Moscow: Katkov i K, pp. 46–55.
- Vladimirskiy V., 1870c. Pogrebenie u drevnikh khristian [Burial among early Christians]. *Dushepoleznoe chtenie* [Edifying reading], 3. Moscow: Katkov i K, pp. 201–209.

- Voronina V. L., 1952. Stroitel'naya tekhnika drevnego Khorezma [Construction technique of ancient Khorezm]. *Trudy Khorezmskoy arkeologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Khorezm archaeological expedition]*, 1. Moscow; Leningrad, pp. 87–104.
- Zand M., 1988. Rasselenie evreev v Sredney Azii v drevnie vremena i v rannem Srednevekov'e [Settling of the Jews in Middle Asia in antiquity and early Middle Ages]. *Peamim*, 35, pp. 4–11.
- Zand M., 1989. Bukharan Jews. *Encyclopedia Iranica*, vol. IV, fac. 5. New York; London, pp. 530–545.

About the author

Mikheeva (Kitaeva) Anna A., The State Museum of Oriental Art, Nikitskiy bulvar, 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: hmunter666@mail.ru

Е. В. Суханов, А. Н. Свиридов

КОМПЛЕКСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АМФОР С ПОСЕЛЕНИЯ ГОРА ЧИРКОВА-1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Резюме. Статья посвящена публикации двух комплексов с раннесредневековыми амфорами, открытых в ходе охранно-спасательных раскопок 2016 г. на поселении Гора Чиркова-1 в Темрюкском районе Краснодарского края. На основании существующих научных представлений о хронологии обнаруженной в комплексах амфорной тары они относятся к концу VII – X вв. На примере публикуемых сосудов в статье подробно рассматривается вопрос о возможности сужения датировок раннесредневековых «причерноморских» амфор путем привлечения данных о культурных особенностях форм и их связей позднеримскими прототипами.

Ключевые слова: «причерноморские» амфоры, Гора Чиркова-1.

Поселение Гора Чиркова-1 расположено в Темрюкском районе Краснодарского края, в 3,6 км к северо-востоку от восточной окраины поселка Виноградный, в 3,2 км к югу от п. Приморский. Полевые исследования на памятнике проводились в 2016 г. Таманским отрядом Института археологии РАН. Поселение расположено на уплощенной гряде, протянувшейся в широтном направлении. Настоящая статья посвящена публикации двух комплексов, содержавших раннесредневековые амфоры.

Кв. Д-4, объект 2¹ (рис. 1, 1). Обнаружен в юго-западной части квадрата Д-4 по темному пятну в материке на глубине -137 от нулевого репера. Пятно имело правильную округлую форму диаметром 2,3 м. Объект представлял собой яму глубиной 0,8 м, заполненную однородным темно-серым суглинком. В яме расшищены 2 амфоры (ин. № 78 и 79²).

1. Ин. № 78 (рис. 1, 3)³. Амфора с туловом яйцевидной формы. Дно округлое. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, не заглажена. Верхний край

¹ Далее в тексте мы будем использовать следующее наименование этого объекта – Д-4.

² «Ин. №» – индивидуальный номер, присвоенный индивидуальным находкам из слоя, а также целым или археологически целым сосудам из объектов.

³ Основные метрологические характеристики амфор представлены в табл. 1 (с. 325).

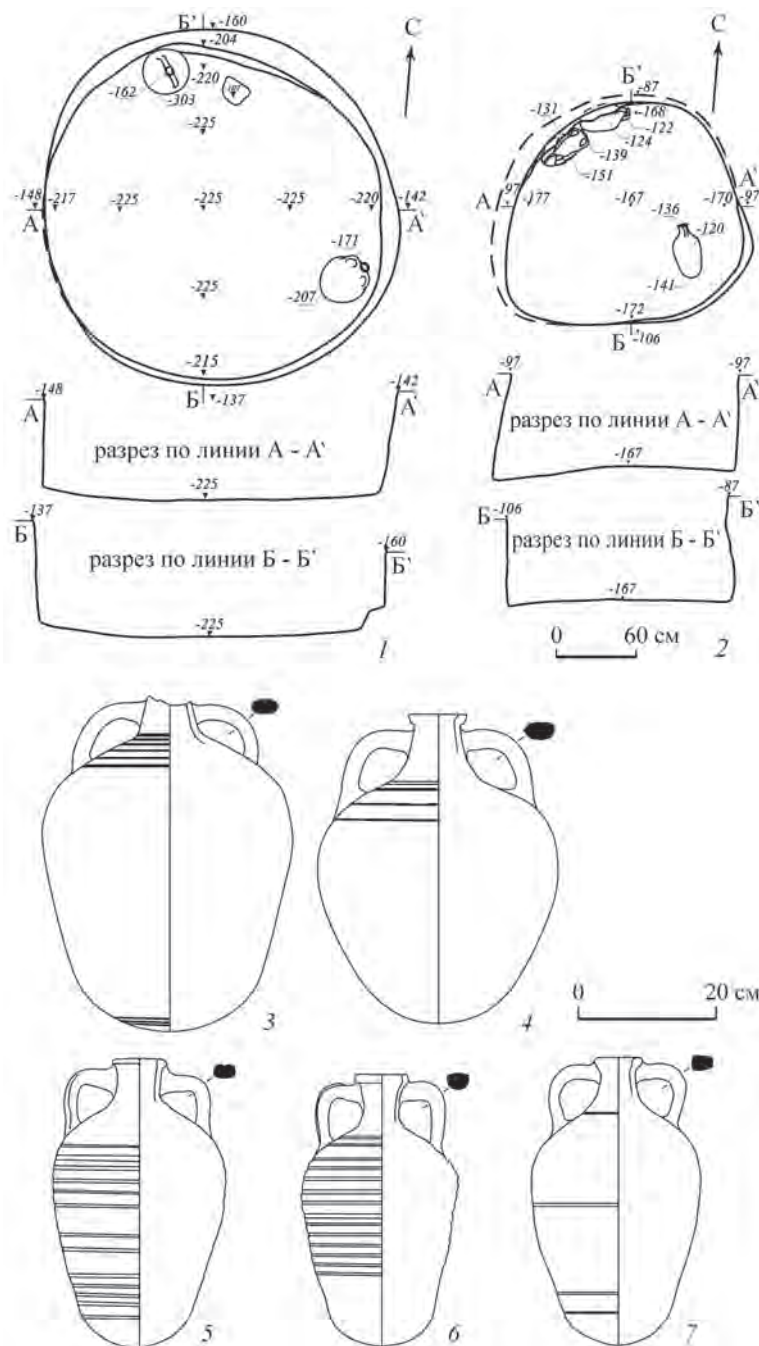

Рис. 1. Планы объектов и материал. 1-кв. Д-4, объект 2; 2-кв. М-21, объект 2; 3-ин. № 78; 4-ин. № 79; 5-ин. № 138; 6-ин. № 139; 7-ин. № 140

Таблица 1

Контекст, ин. №	Линейные размеры (мм)					
	H_1	H_2	D_1	D_2	D_3	V (л.)
кв. Д-4, об 2. № 78	488	57*	365		86	24,7
кв. Д-4, об 2. № 79	450	93	350	84	123	19,61
кв. М-21, об 2. № 138	420	56	252	79	66	8,2
кв. М-21, об 2. № 139	395	74	229	77	62	6,8
кв. М-21, об 2. № 140	422	71	247	71	61	8,5

Основные линейные размеры амфор: H_1 – высота сосуда, H_2 – высота горла, D_1 – максимальный диаметр тулова, D_2 – диаметр венчика, D_3 – диаметр основания горла, V – внутренний объем (за вычетом объема горла).

горла утрачен. Сохранившаяся часть горла имеет коническую форму. Ручки овальные в сечении, прикреплены к верхнему краю горла. На плечиках сосуда присутствует 6 зон горизонтального линейного орнамента. В придонной части три неглубокие бороздки. В черепке видны включения известняка и мелкодисперсного песка. В качестве наиболее близких аналогий амфоре № 78 следует рассматривать сосуды из Мартыново (*Нидзельницкая*, 2009. Рис. 9, 1), Херсонеса (*Романчук и др.*, 1995. Табл. 20.91, 21.93), Аматауса (Кипр) (*Demesticha*, 2005. Fig. 2), Сарачханэ (*Hayes*, 1992. Fig. 57.26).

2. Ин. № 79 (рис. 1, 4). Амфора с туловом сферической формы. Дно округлое. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, заглажена. На плечиках неглубокий линейный зональный орнамент. Горло конической формы. Венчик массивный, слегка отогнут наружу и профилирован внешним валиком. Ручки овальные в сечении, верхним краем крепятся к центральной части горла. На внешней стороне дна присутствует выступ диаметром около 3 см. Морфологически близкие сосуды обнаружены в Танаисе (*Нидзельницкая, Ильяшенко*, 2007. Рис. 5, 1), акватории Фанагории (*Голофаст, Ольховский*, 2013. Рис. 3, 1), встречаются в раннесредневековых материалах Сицилии (*Ardizzone*, 2012. Fig. 8, 10). Множество схожих по форме амфор содержали материалы кораблекрушения VII в., исследованного около мыса Яси Ада (Турция) (*Bass*, 1982. Fig. 8, 4).

Кв. М-21, объект 2⁴ (рис. 1, 2). Представлял собой яму округлой формы диаметром 1,7 м, глубиной 0,75 м. Заполнение ямы – желтый суглинок, перемешанный с золой. В юго-восточной части ямы на уровне 0,3 м от уровня фиксации пятна расчищена амфора (ин. № 138). Вторая амфора (ин. № 139) была расчищена около северо-западной стенки, на глубине 0,3 от устья ямы. Третья амфора (ин. № 140) располагалась на глубине 0,4 м у северо-западной стенки ямы.

⁴ Далее в тексте мы будем использовать следующее наименование этого объекта – М-21.

1. Ин. № 138 (рис. 1, 5). Амфора с туловом яйцевидной формы. Форма горла близка к цилиндрической, венчик имеет валикообразную форму. Ручки прикреплены к горлу чуть ниже венчика. Внешняя поверхность тулова покрыта нерегулярными неглубокими бороздами, которые, вероятно, были нанесены при помощи пальцев, судя по имеющимся динамическим следам. Ручки овальные в сечении, лицевая сторона декорирована неглубоким желобком. Черепок кремово-коричневого цвета, в глине присутствуют включения известняка и мелкодисперсного песка. В качестве близких аналогий следует рассматривать амфоры из Кеп (*Таскаев, Чхаидзе, 2007. Рис. 1, 2*), Октябрьского (*Белинский, Кулаков, 2013. Рис. 8*), Фанагории (*Чхаидзе, 2012. Рис. 75, 4*), Сидорова (*Кравченко, Давыденко, 2001. Рис. 24, 1*), Тепсеня (*Майко, 2004. Рис. 102, 4*). Определенные черты сходства формы прослеживаются и с амфорой из Гнездовского могильника (*Авдусин, 1952. Рис. 7*).

2. Ин. № 139 (рис. 1, 6). Амфора с туловом яйцевидной формы. Горло расширяется кверху, венчик валикообразной формы. Ручки прикреплены непосредственно под венчиком. Внешняя поверхность декорирована глубокими желобками, покрывающими примерно $\frac{2}{3}$ верхней части тулова. Желобки, вероятно, были нанесены при помощи пальцев, судя по имеющимся динамическим следам. Ручки овальные в сечении, без продольного валика, одно ребро заострено, одно округлено. Прилеп ручки к плечу имеет с внешней стороны овальное пальцевое вдавление. Аналогичное, но менее глубокое вдавление присутствует с внешней стороны горла, в месте крепления к нему ручки. Внешняя поверхность сосуда покрыта ангобом, тон которого чуть светлее тона черепка. В глине присутствуют различного размера включения известняка, крупных красных и черных частиц разной степени окатанности. В качестве наиболее близких аналогий по форме тулова, горла и характеру декорирования поверхности можно привести амфоры из Фанагории (*Чхаидзе, 2012. Рис. 79, 1; 85, 4*), Тамани (*Плетнева, 1963. Рис. 28, 1*), Кеп (*Чхаидзе, 2006. Рис. 10, 1*), Пташкино (*Гадло, 1980. Рис. 7, Б*), Саркела (*Плетнева, 1996. С. 11. Рис. 11, 4*). В качестве менее близкой аналогии можно рассматривать амфору из Правобережного Цимлянского городища (*Плетнева, 1994. Рис. 59, 1*), у которой место наибольшего расширения находится чуть ниже, чем у описываемого сосуда.

3. Ин. № 140 (рис. 1, 7). Амфора с туловом яйцевидной формы. Поверхность светло-коричневого цвета. Горло невысокое, коническое, венчик имеет валикообразную форму. Ручки овальные в сечении, верхним краем крепятся к горлу чуть ниже венчика. Внешняя поверхность тулова почти гладкая, желобки редкие, неглубокие и слабовыраженные. Излом черепка двухслойный: внутренний слой более яркий, красно-оранжевый, внешний – соответствует цвету поверхности. В глине присутствуют включения известняка. Находки близких морфологически сосудов, имеющих гладкое тулово, известны в Кечах (*Таскаев, Чхаидзе, 2007. Рис. 1, 1*) и Алексеевке (*Шелов, 1957. Рис. 39, 1*).

Изученный в публикуемых комплексах поселения Гора Чиркова-1 материал представлен следующими разновидностями амфорной тары:

1. «Причерноморские» (северо-причерноморские) амфоры варианта 2 по А. Л. Якобсону (1979. С. 31). К ним относятся сосуды № 138, 139 из объекта М-21. Амфоры этого варианта обладают коротким горлом, невысокими

ручками, туловом яйцевидной формы, которое декорировано горизонтальными бороздами. Они производились в многочисленных гончарных центрах Крыма (*Паршина и др.*, 2001). Детали профилировки венчиков, ручек, степень желобчатости, а также состав примесей в глинах, из которых изготавливались эти амфоры, могут весьма существенно отличаться. Точная хронология второго варианта «причерноморских» амфор продолжает оставаться предметом дискуссий. Совершенно точно время их бытования покрывает IX–X вв., поскольку они присутствуют в комплексах этого времени как массовый материал (*Науменко*, 1997. С. 332). При этом не до конца ясным остается время начала производства в Крыму «причерноморских» амфор 2-го варианта. Мы склонны придерживаться точки зрения о начале их производства в середине – второй половине VIII в., что подтверждается присутствием этих сосудов в погребальных комплексах второй половины VIII в. могильника Лучистое (*Айбабин, Хайрединова*, 2008. Рис. 32, 5, 12, 20).

К разновидности «причерноморских» амфор определенно относится и сосуд № 140, однако его точное типологическое определение затруднительно в силу отсутствия на корпусе бороздчатого рифления. На основании размеров и пропорций сосуда, морфологии горла, ручек и венчика эта амфора формально может быть отнесена ко 2-му варианту по А. Л. Якобсону.

2. Так называемые византийские шаровидные амфоры (*Byzantine Globular Amphorae*). Морфологически такая тара является наиболее близким аналогом для «причерноморских» амфор 3-го варианта по А. Л. Якобсону (1979. С. 32), более того, высказываются предположения об их возможной тождественности (*Зинько, Пономарев*, 2009. С. 38; *Суханов*, в печати). Такие амфоры характеризуются шаровидным туловом, коническим горлом, массивными ручками, наличием неглубоких бороздок в придонной части. Иногда плечики таких сосудов несли линейно-зональный орнамент. Время бытования описываемой амфорной тары, по современным данным, охватывает последние десятилетия VII – IX в. (*Poulou-Paradimitriou, Nodarou*, 2014. Р. 874). К этой разновидности совершенно определенно относится амфора № 78 из объекта Д-4.

Более запутанной представляется ситуация с типологическим определением амфоры № 79. Приводя ее описание, мы уже указывали на аналогии с материалами кораблекрушения VII в. Яси Ада, представленными амфорами типа Late Roman (LR) 2. Описываемую амфору сближает с ними прежде всего общая пропорциональность формы. При этом весьма существенно отличается морфология горла, а также некоторые метрологические параметры: амфоры LR 2 обычно имеют максимальный диаметр тулова более 40 см и объем 30–40 л, т. е. существенно превосходят по этим показателям анализируемый сосуд. В то же время Л. Ю. Нидзельницкой опубликованы данные по метрическим характеристикам амфор LR 2 из Танаиса, которые вполне сопоставимы с амфорой № 79 (*Нидзельницкая, Ильяшенко*, 2007. С. 197). Следует заметить, что сосуд № 79, как и указанная амфора из Танаиса, морфологически близки и к относительно более поздним амфорам – варианту 3 по А. Л. Якобсону или классам 24, 27 по второй херсонесской классификации (*Романчук и др.*, 1995). Вероятно, именно поэтому сходная по форме амфора, происходящая из материалов подводных исследований в акватории Фанагории, была отнесена

Л. А. Голофаст к амфорам причерноморского типа (*Голофаст, Ольховский, 2013. С. 60. Рис. 3, 1*).

Основываясь на сложившихся к настоящему времени научных представлениях о хронологии раннесредневековой амфорной тары Причерноморья, для комплекса М-21 может быть предложена датировка в пределах VIII–X вв. Комплекс Д-4, с учетом вышеизложенных сложностей в типологическом определении одной из амфор, вероятно, целесообразнее датировать в пределах конца VII – VIII вв. Однако мы полагаем, что в настоящее время существует возможность предложить более узкую датировку для комплекса М-21. Обоснование этого тезиса изложим ниже.

В одной из наших работ (*Суханов, в печати*) были высказаны некоторые соображения, касающиеся возможного направления развития форм «причерноморских» амфор. Кратко изложим основную суть наших построений.

Формы амфор ранее были проанализированы с помощью методов историко-культурного подхода к изучению керамики (*Бобринский, 1978; 1988; Цетлин, 2012*). Напомним, что система трудовых усилий гончара при создании формы сосуда рассматривается в рамках этого подхода в виде двух уровней деятельности. Первый уровень является наиболее общим и связан с навыками воспроизведения общей пропорциональности сосуда. Второй уровень является более глубоким и включает в себя навыки придания форме конкретных очертаний, которые воспроизводятся в естественной структуре сосуда и степени сформированности его функциональных частей. Такой подход к изучению форм посуды обоснован результатами наблюдений за организацией керамического производства в сельских очагах гончарства на территории бывшего СССР. В соответствии с вышеизложенным серию из 130 форм на первом уровне анализа разделили на три условные группы, опираясь на гистограмму коэффициентов общей пропорциональности (ОП) и теоретическую шкалу ОП сосудов, разработанную Ю. Б. Цетлиным, – группы низких, средних и высоких пропорций. Учитывая достаточно формальный характер группировки, ее целесообразность проверялась путем изучения характера связи групп ОП с определенными естественными структурами и состояниями сформированности функциональных частей, т. е. с теми параметрами, которые должны указывать на более глубокие культурные особенности изучаемых форм. В ходе последующего анализа это предположение получило свое подтверждение. Две группы общей пропорциональности (низкие и высокие) оказались связаны с преобладанием определенной естественной структуры, состояний сформированности плеча и доминированием тех или иных стандартов объема. На их фоне существенно отличается группа средних пропорций, которая, помимо «промежуточных» показателей по ОП, характеризуется наибольшим разнообразием по высоте и форме плеча, стандартам объема и естественным структурам форм. Причем природа прослеженного разнообразия, судя по всему, объясняется смешиванием различных культурных и производственных традиций: по доминирующим естественным структурам средняя группа оказывается близка к группе низких пропорций, а по стандартам объема – к группе форм высоких пропорций. Таким образом, целесообразность формального разделения амфор на группы ОП подтвердилась, в результате чего группировка приобрела весьма конкретное культурно-историческое содержание.

Проверка полученных результатов с помощью инструментария геометрической морфометрии (метод главных компонент) позволила прийти к выводу о целесообразности используемой группировки, так как, несмотря на отсутствие на графике видимых скоплений, подавляющее большинство форм средней ОП явно занимают промежуточное положение между двумя другими выделенными группами.

Привлечение позднееримских и ранневизантийских амфорных материалов Средиземноморья позволило прийти к выводу, что формы «причерноморских» амфор низких и высоких пропорций очень близки к своим позднееримским прототипам: низкие формы – к амфорам LR 2, а также византийским шаровидным амфорам конца VII – IX в.; высокие формы – к амфорам LR 1. В дополнение к этому были проанализированы данные по датированным комплексам, содержащим «причерноморские» амфоры. Оказалось, что подавляющее большинство форм низкой и высокой пропорциональности тяготеют к VIII в., реже – к первой половине IX в. В комплексах, относимых к концу первой половины IX в., все еще встречаются формы низкой и высокой пропорциональности, но уже появляются формы средней пропорциональности. В наиболее поздних комплексах, конца IX – X в., представлены только формы смешанной, средней пропорциональной группы. Таким образом, априорное заключение, согласно которому наиболее разнообразная, смешанная группа должна являться хронологически более поздней, относительно двух исходных получило подтверждение, однако установить четкие хронологические рамки бытования каждой из них оказалось затруднительным.

В этой схеме, безусловно нуждающейся в проверке новыми, надежно датированными комплексами, тем не менее прослеживается определенный вектор исторического развития амфорного производства в Крыму VIII–X вв. Полученные данные указывают, что развитие форм «причерноморских» амфор было связано с культурными контактами носителей двух разных традиций формообразования (формы низких и высоких пропорций) и их постепенным размыванием, которые протекали постепенно.

Теперь обратимся к вопросу: каково место амфорного материала из комплексов поселения Гора Чиркова-1 в обрисованной выше схеме эволюции «причерноморских» амфор? Формы амфор из объектов Д-4 и М-21 были изучены с помощью инструментария геометрической морфометрии (программы *tpsDig*, *tpsUtil*, *MorphoJ*) по программе нанесения точек, примененной нами ранее в вышеупомянутой работе. Полученные таким образом данные были приобщены к имеющейся базе данных по формам и вновь подвергнуты анализу с помощью метода главных компонент (рис. 2). Первая компонента, ответственная почти за 60 % общей изменчивости, определяет общую пропорциональность сосуда, высоту места наибольшего диаметра и высоту плеча. Вторая компонента, описывающая 15 % изменчивости, влияет в большей степени на форму и высоту горла и в меньшей – на высоту плеча и крутизну его очертаний.

Выяснилось, что три амфоры из объекта М-21 находятся в средней пропорциональной группе («В»), причем они располагаются на графике весьма компактно. Два сосуда из объекта Д-4 оказались в группе форм низких пропорций. Любопытно отметить, что именно амфора ин. № 79, с точным типологическим

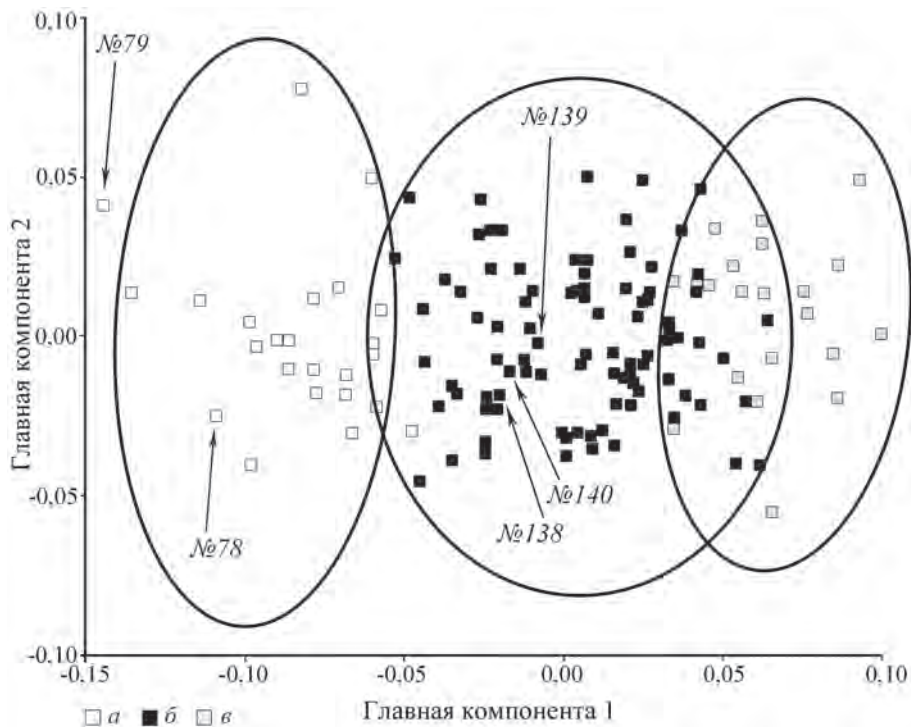

Рис. 2. Результаты анализа форм «причерноморских» амфор методом главных компонент (программа MorphoJ)

и хронологическим определением которой ранее возникли проблемы, оказалась на представленном графике вне основного ареала распространения маркеров форм группы А.

Таким образом, если следовать предложенной нами схеме эволюции форм «причерноморских» амфор, два публикуемых комплекса поселения Гора Чиркова-1 дают важный материал к ее проверке. Яма М-21 является комплексом, где совместно встречены три формы смешанной, по нашей терминологии, группы (т. е. средней пропорциональности), относимые при этом к одному «традиционному» варианту (по А. Л. Якобсону). Важно заметить, что все три сосуда отличаются друг от друга, во-первых, по составу и концентрации естественных включений в глинах, из которых они изготовлены, во-вторых, по особенностям внешнего оформления сосуда. Все это указывает на их производство, как минимум, разными мастерами, а возможно, и в разных центрах, но, вероятно, в один хронологический промежуток, когда процессы культурных контактов различных групп гончаров уже имели место, что привело в том числе к появлению в крымском амфорном производстве более «раздутых» бороздчатых амфор, обладающих меньшей общей пропорциональностью и отличающихся от более ранних форм высоких пропорций. Как было указано выше, определение

четких хронологических рамок для бытования групп низких/высоких и средних пропорций, в силу немногочисленности датированных комплексов, затруднительно. Ясно лишь, что формы средней пропорциональной группы начинают появляться во второй трети IX в. и распространяются во второй половине IX – X в.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А., 1952. Гнездовские курганы. Смоленск: Смоленское обл. гос. изд-во. 40 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у села Лучистое. Т. 1: Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина. 335 с.
- Белинский И. В., Кулаков А. А., 2013. Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности: сб. науч. ст. Аксай. С. 140–162.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 275 с.
- Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики: межвуз. сб. науч. ст. Куйбышев: КГУ. С. 5–21.
- Гадло А. В., 1980. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античная древность и средние века. Вып. 17. Свердловск: Уральский гос. ун-т. С. 130–145.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В., 2013. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. № 02 (40). С. 55–78.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю., 2009. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина. 328 с.
- Кравченко Э. Я., Давыденко В. В., 2001. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк: Изд-во ДонНУ. С. 233–302.
- Майко В. В., 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. К.: Академперіодика. 315 с.
- Науменко В. Е., 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия. С. 324–340.
- Нидзельницкая Л. Ю., 2009. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис. С. 257–293.
- Нидзельницкая Л. Ю., Ильяшенко С. М., 2007. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II: Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим: Гешарим. С. 193–215.
- Паришина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М., 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье: сб. науч. ст. К.: Наукова думка. С. 52–81.
- Плетнева С. А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмуторакани. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–72.
- Плетнева С. А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия. С. 271–396.
- Плетнева С. А., 1996. Саркел и шелковый путь. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 170 с.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский ун-т. 169 с.
- Суханов Е. В. Формы «причерноморских» амфор VIII–X вв. // РА. № 3. С. 89–104.
- Таскаев В. Н., Чхаидзе В. Н., 2007. Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // ДБ. Т. 11. М.: ИА РАН. С. 403–411.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.
- Чхаидзе В. Н., 2006. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. Т. 10. М.: ИА РАН. С. 487–517.
- Чхаидзе В. Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф-принт. 590 с.

- Шелов Д. Б., 1957. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 68. С. 98–103.
- Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука. 163 с.
- Ardizzone F., 2012. Anfore in Sicilia (VIII–XII sec. d.C.). Palermo: Torri Del Vento Edizioni. 222 p.
- Bass G. F., 1982. The Pottery // Yassi Ada / G. F. Bass, F. H. van Doorninck Jr. (eds). Vol. 1: A seventh-century Byzantine shipwreck. Texas: Texas A&M University Press. P. 155–188.
- Demesticha S., 2005. Some thoughts on the production and presence of the Late Roman Amphora 13 on Cyprus // Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence / M. B. Briesse, L. E. Vaag (eds). Denmark: University Press of Southern Denmark. P. 169–178.
- Hayes J., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Princeton: Princeton University Press. 458 p.
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., 2014. Transport amphorae and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th century AD. Preliminary results of the EU funded project “Pythagoras II”: the Cretan case study // Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean. 4: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Oxford: Archaeopress. P. 873–883.

Сведения об авторах

Суханов Евгений Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, 117036, Россия; e-mail: sukhانov_ev@mail.ru;

Свиридов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, 117036, Россия; e-mail: a_sviridov@mail.ru

E. V. Sukhanov, A. N. Sviridov

ASSEMBLAGES OF EARLY MEDIEVAL AMPHORAE
FROM THE GORA CHIRKOVA-1 SETTLEMENT
ON THE TAMAN PENINSULA

Abstract. The paper is dedicated to the publication of two assemblages containing early medieval amphorae discovered during rescue and salvage excavations at Gora Chirkova-1 of the Temryuk district in the Krasnodar Krai carried out in 2016. Based on the existing scientific knowledge on chronology of the amphora transport ware discovered in the assemblages, these amphorae have been dated to the end of the 7th–10th centuries. Using the published vessels as an example, the paper elaborates on possible narrowing of the dating range of the early medieval ‘Black Sea coastal area’ amphorae by using the data on distinctive cultural features of the shape and their linkage to late Roman prototypes.

Keywords: ‘Black Sea coastal area’ amphorae, Gora Chirkova-1.

REFERENCES

- Ardizzone F., 2012. Anfore in Sicilia (VIII–XII sec. d.C.). Palermo: Torri Del Vento Edizioni. 222 p.
- Avdusin D. A., 1952. Gnezdovskie kurgany [Gnezdovo kurgans]. Smolensk: Smolenskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 40 p.

- Aybabin A. I., Khayredinova E. A., 2008. Mogil'nik u sela Luchistoe [Cemetery near village Luchistoe], 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov [Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraine. 335 p.
- Bass G. F., 1982. The Pottery. *Yassi Ada, I. A seventh-century Byzantine shipwreck*. G. F. Bass, F. H. van Doorninck Jr. Texas: Texas A&M University Press, pp. 155–188.
- Belinskiy I. V., Kulakov A. A., 2013. Srednevekovyy sloj poseleniya Oktyabr'skoe I [Medieval layer of settlement Oktyabr'skoe I]. *Khazarskie drevnosti: sbornik nauchnykh statey [Khazarian antiquities: collection of scientific articles]*. Aksay, pp. 140–162.
- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 275 p.
- Bobrinskiy A. A., 1988. Funktsional'nye chasti v sostave emkostey glinyanoy posudy [Functional parts in structure of clay vessels volume]. *Problemy izucheniya arkheologicheskoy keramiki: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey [Problems of investigation of archaeological ceramics: high school collection of scientific articles]*. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 5–21.
- Chkhaidze V. N., 2006. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy [Medieval prural settlement at Kepoi fortified settlement]. *DB*, 10. Moscow: IA RAN, pp. 487–517.
- Chkhaidze V. N., 2012. Fanagoriya v VI–X vekakh [Phanagoria in VI–X centuries]. Moscow: Triumph-print. 590 p.
- Demesticha S., 2005. Some thoughts on the production and presence of the Late Roman Amphora 13 on Cyprus. *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence*. M. B. Briese, L. E. Vaag, ed. Denmark: University Press of Southern Denmark, pp. 169–178.
- Gadlo A. V., 1980. K istorii Vostochnoy Tavriki VIII–X vv. [To the history of Eastern Taurica in VIII–X cc.]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Classical Antiquity and Middle Ages]*, 17. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. universitet, pp. 130–145.
- Golofast L. A., Ol'khovskiy S. V., 2013. Amfornaya tara iz podvodnykh raskopok v akvatorii Fanagoriyskoy gavani [Amphora containers from underwater excavations in Phanagoria harbour waters]. *PIFK*, 02(40), pp. 55–78.
- Hayes J., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul, 2. The Pottery. Princeton: Princeton University Press. 458 p.
- Kravchenko E. Ya., Davydenko V. V., 2001. Sidorovskoe gorodishche [Sidorovskoe fortified settlement]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Middle Ages]*, 2. *Khazarskoe vremya [Khazarian time]*. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 233–302.
- Mayko V. V., 2004. Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Yugo-Vostochnom Krymu [Medieval fortified settlement at Tepsen' plateau in South-Eastern Crimea]. Kiev: Akadempriodika. 315 p.
- Naumenko V. E., 1997. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhiya Mangupa [Excavations of Early medieval settlement at the Mangup foot]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik [Bakhchisaray historic-archaeological collection of articles]*, 1. Simferopol': Tavriya, pp. 324–340.
- Nidzel'nitskaya L. Yu., 2009. Vizantiyskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym ornamentom V – nachala IX vv. (po materialam donskikh muzeev) [Byzantine amphorae with smooth body and zonal ornamentation of V – early IX cc. (based on materials of the Don region museums)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarskoe vremya [International relations in Black Sea basin in Scythian-Antique and Khazarian time]*. Rostov-na-Donu: Media-Polis, pp. 257–293.
- Nidzel'nitskaya L. Yu., Il'yashenko S. M., 2007. Rannesrednevekovoe poselenie na territorii Tanaisa [Early medieval settlement in territory of Tanais]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Materials and investigations on Don archaeology]*, II. *Srednevekovye drevnosti Dona [Don medieval antiquities]*. Moscow; Jerusalem: Gesharim, pp. 193–215.
- Parshina E. A., Teslenko I. B., Zelenko S. M., 2001. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. [Pottery-making centres of Taurica in VIII–X cc.]. *Morskaya trgovlya v Severnom Prichernomor'e: sbornik nauchnykh statey [Sea trade in North Pontic zone: collection of scientific articles]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 52–81.
- Pletneva S. A., 1963. Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha [Medieval pottery from Taman' fortified settlement]. *Keramika i steklo drevney Tmutarakani [Ceramics and glass of ancient Tmutarakan']*. Moscow: AN SSSR, pp. 5–72.

- Pletneva S. A., 1994. Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 [Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement. Excavations of 1958–1959]. *MAIET*, IV, pp. 271–396.
- Pletneva S. A., 1996. Sarkel i shelkovyy put' [Sarkel and Silk Road]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 170 p.
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., 2014. Transport amphorae and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th century AD. Preliminary results of the EU funded project “Pythagoras II”: the Cretan case study. *Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean. 4: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*. Oxford: Archaeopress, pp. 873–883.
- Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V., 1995. Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona [Amphorae from complexes of Byzantine Chersonese]. Yekaterinburg: Ural'skiy universitet. 169 p.
- Shelov D. B., 1957. Raskopki srednevekovogo poseleniya v Vostochnom Krymu [Excavations of medieval settlement in Eastern Crimea]. *KSIMK*, 68, pp. 98–103.
- Sukhanov E. V., 2017. Formy «prichernomorskikh» amfor VIII–X vv. [Shapes of «North Pontic» amphorae of VIII–X cc.]. *RA*. № 3, pp. 89–104.
- Taskaev V. N., Chkhaidze V. N., 2007. Podvodnyy kompleks rannesrednevekovykh amfor iz Kep [Underwater complex of early medieval amphorae from Kepoi]. *DB*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 403–411.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery: Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Yakobson A. L., 1979. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki [Ceramics and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad: Nauka. 163 p.
- Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu., 2009. Tiritaka. Raskop XXVI. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. [Tiritaca. Excavation trench XXVI. Archaeological associations of VIII–X cc.]. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina. 328 p.

About the authors

Sukhanov Evgeniy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sukhano_v@mail.ru;

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: a_sviridov@mail.ru

О. М. Олейников, К. А. Руденко

НАХОДКИ МЕДНЫХ КОВШЕЙ XII ВЕКА В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ И СОСТАВЕ СЫРЬЯ НА НОВГОРОДСКОМ РЫНКЕ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ)

Резюме. В научный оборот вводятся новые экземпляры сосудов, пополнившие немногочисленную категорию медных ковшей восточного происхождения. Поврежденные в древности ковши были обнаружены в Великом Новгороде в слое третьей четверти XII в. (раскоп Воздвиженский-3) и в слое конца XII в. (раскоп Рогатицкий-2014). По данным РФА, ковши изготовлены соответственно из «чистой меди» и оловянно-свинцовой бронзы. Ближайшие аналогии сосудам, обнаруженным в Новгороде, происходят из Волжской Булгарии. Обнаруженные ковши можно рассматривать как доказательство использования вышедших из употребления сосудов в качестве медного сырья, ввозимого в Новгород в XII–XIII вв. преимущественно из Волжской Булгарии по юго-восточному (волжскому) торговому пути.

Ключевые слова: Великий Новгород, Волжская Булгария, болгарская медная посуда, экспорт цветных металлов, состав сырья цветных металлов, юго-восточный (волжский) торговый путь.

В 2014–2015 гг. хозяйственным отрядом Новгородской экспедиции ИА РАН были обнаружены фрагменты двух медных ковшей XII в. (рис. 1).

Несмотря на утраты, это чрезвычайно важные находки, значимость которых определяется следующими обстоятельствами:

1. Обнаруженные сосуды принадлежат к немногочисленному кругу ковшей восточного происхождения и, что особенно важно, являются датированными экземплярами этой категории.

2. Восточные ковши, найденные на новгородской земле, фиксируют ареал медной болгарской посуды и являются прямым свидетельством торговых связей Новгорода по юго-восточному (волжскому) направлению.

3. Сплюснутые ковши, утратившие в процессе эксплуатации часть конструктивных элементов, следует отнести к категории лома, который специально спрессовывался для удобства транспортировки. Этот факт можно рассматривать

как археологическое доказательство использования вышедших из употребления восточных сосудов в качестве медного сырья, ввозимого в Новгород в XII–XIII вв.¹

Последнее обстоятельство представляется особенно важным. В связи с тем, что для периода X–XIII вв. практически полностью отсутствуют письменные источники по юго-восточной (волжской) торговле, археологический материал становится единственным надежным источником по этому направлению торговли, позволяющим, в частности, судить об ассортименте и качестве товаров восточного импорта.

Сосуд (Воздв-3/1-104)² (рис. 1, 1) обнаружен в 2015 г. на раскопе «ул. Воздвиженская, 3», заложенном в Людином конце на Софийской стороне Великого Новгорода. Площадь раскопа (144 кв. м) определялась размерами котлована под строительство жилого дома. В ходе проведенных археологических работ были полностью изучены культурные напластования XII–XVIII вв.

Находка (Воздв-3/1-104) происходит из слоя третьей четверти XII в.³ (11 строительный период) и была найдена в границах усадьбы с большой жилой постройкой размером 6 × 5 м.

Здесь обнаружены медные, свинцовые и железные пластины различной формы и веса (от 0,1 до 25 г), фрагменты верхних частей медных сосудов с загнутыми краями, обрезки проволоки из цветного металла диаметром 0,1–0,55 см и длиной 5–7 см, небольшой моток тонкой (0,1 см) бронзовой проволоки весом 1,1 г, бронзовые и свинцовые выплески весом от 0,1 до 16 г, украшения из цветных металлов со следами литейного брака: лунница круторогая, перстень щитковый, подвеска пластинчатая двуглавая коньковая (группа II, тип VII, по: *Рябинин*, 1981. С. 21, 104), колт 15-лучевой с изображением двух птиц. Эти находки доказывают наличие литейного ремесла, однако указанные артефакты зафиксированы здесь в разрозненном состоянии, что не дает возможности локализовать конкретные постройки, связанные с этой производственной деятельностью.

Ремесленная специализация участка могла много раз меняться. Кроме следов ювелирного производства здесь присутствуют вещи, типичные для иных ремесел и характеризующие различные стороны хозяйственной деятельности

¹ В Новгороде и новгородской земле природные залежи цветных металлов отсутствуют, а в средневековой Руси разведанных месторождений цветных металлов еще не было. Вплоть до конца XVI – начала XVII в. потребности в этом виде сырья Новгород удовлетворял исключительно за счет импорта из стран Востока и Запада. На новгородский рынок поступали слитки и куски металла, продававшиеся на вес, продукты и отходы ремесленного производства (проволока, листы, обрезки листовой, полосовой и проволочной меди и др.), а также изделия, бывшие в употреблении (*Арциховский*, 1956. С. 24; *Хорошкевич*, 1963. С. 312). Многолетние археологические работы в Новгороде показывают, что основной категорией цветных металлов, поступавших в город, был лом или многократно переплавленная продукция.

² Шифр находки означает: раскоп/участок-номер полевой описи.

³ Дендрохронологический анализ выполнен в лаборатории дендрохронологии Центра по организации археологических исследований при Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике к. и. н. О. А. Тарабардиной.

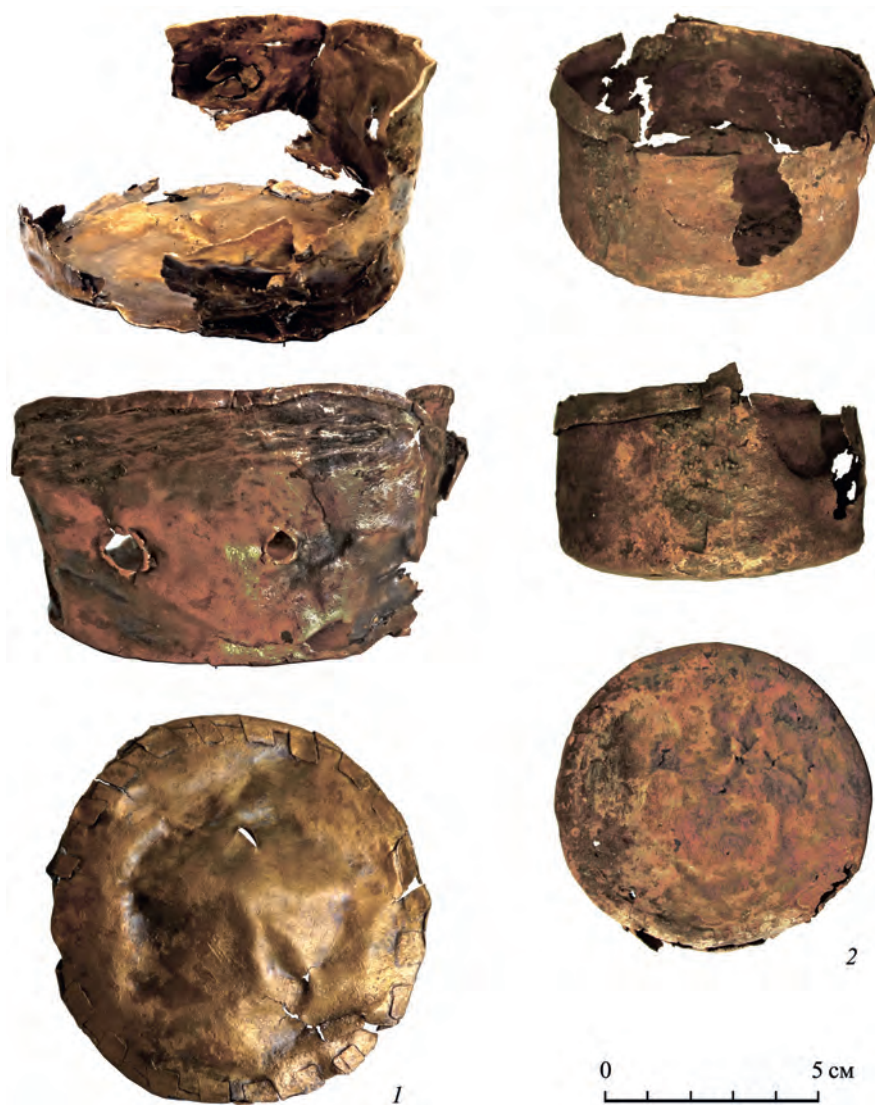

Рис. 1. Великий Новгород. Медные ковши (после реставрации).

Фото О. М. Олейникова, 2015 г.

1 – раскоп Воздвиженский, 3, слой третьей четверти XII в., «чистая медь»; *2* – раскоп Рогатицкий-2014, слой конца XII в., свинцово-оловянная бронза

и быта проживающих здесь горожан. Это фрагменты амфор, шиферные пряслица, свинцовые пломбы, железные иглы, ножи и ледоходные шипы, бронзовые бубенчики и пуговицы, свинцовые и железные накладки, двусторонние деревянные гребни. В этом же слое обнаружены 3 берестяные грамоты № 1059–1061, лингвистический анализ которых проведен А. А. Зализняком и А. А. Гippiусом (*Янин и др.*, 2015. С. 160–163). Подобный вещевой комплекс является обычным для средневековой новгородской усадьбы.

Второй ковш (Рог-2014/3-756) (рис. 1, 2) был найден на раскопе Рогатицкий-2014, заложенном на Торговой стороне Великого Новгорода в южной части исторического Плотницкого конца, на месте строительства жилого дома по адресу: ул. Бол. Московская, 30. Площадь раскопа составила 350 кв. м при мощности культурного слоя XI–XVIII вв. до 6,5 м. В слоях XI–XII вв. прослежено четыре надела, территория которых была застроена жилыми и хозяйственными сооружениями. В них зафиксированы остатки деревянных полов и печей на деревянных опечках (*Гайдуков и др.*, 2015). Ковш обнаружен в слое конца XII в. (17 строительный период), в северо-западном углу усадьбы «А».

В напластованиях этого периода на усадьбах выявлены разнообразные материальные свидетельства литейного производства: фрагменты верхней части медных сосудов, ушки котлов, бронзовая чашка весов, пинцет, обрывки и обрезки медной проволоки диаметром 0,3–0,5 см, большое количество выплесков бронзы, свинца и олова весом от 0,1 до 5 г, литники, каменная литейная форма, тигли, льячки, готовые изделия со следами литейного брака. Здесь также обнаружены следы иных ремесел: предметы, связанные с обработкой железа (крицы, железные шлаки) и кожи (фрагменты, обрывки выделанной кожи и детали сапог). В целом вещевая коллекция этого периода отличается большим разнообразием. Сюда входят предметы христианского культа, вещи, связанные с торговлей, вооружением, инструменты, детали одежды и обуви, различные бытовые изделия и украшения. Из этого же слоя происходит берестяная грамота № 1057 (*Янин и др.*, 2015. С. 160) и редкие бронзовые писала с завершением в виде кисти руки с сомкнутыми пальцами (*Олейников*, 2016), свидетельствующие о высоком общественном статусе новгородцев, проживавших на этой территории.

На момент выпадения в культурный слой оба обнаруженных сосуда находились в состоянии, не пригодном для использования по прямому назначению, и не подлежали ремонту. Они были преднамеренно сплющены, имели утраты разной степени (более значительные у сосуда, происходящего с раскопа Рогатицкий-2014) и были квалифицированы как *лом медных сосудов, бывших в употреблении*.

Несмотря на утраты, представляется возможным реконструировать первоначальную форму сосудов и надежно их атрибутировать. Оба обнаруженных предмета представляет собой фрагменты невысоких широких сосудов цилиндрической формы с плоским дном (рис. 1).

Диаметр дна большего сосуда (Воздв-3/1-104) составляет 9 см, высота вертикального бортика – около 4,5 см, что отвечает расчетному объему ~ 0,28–0,3 л. Вес сохранившегося фрагмента – 77,4 г. По центру бортика пробиты четыре отверстия для заклепок, которыми к сосуду крепилась ручка. Одна заклепка,

изготовленная из свернутой полоски меди, сохранилась. Венчик, сделанный из загнутой кромки стенки, отогнут наружу (рис. 1, 1).

Дно сосуда соединялось со стенками холодной сваркой давлением при помощи надрезанных в виде зубчиков краев стенок, при этом край дна оставался не надрезанным. Таким же образом, вероятно, соединялась и стенка изделия. Отверстия для заклепок большие, но это уже следствие утраты ручки изделия, когда вместе с ручкой отломались и заклепки.

Второй сосуд (Рог-2014/3-756) аналогичен предыдущему, только имеет чуть меньшие размеры: диаметр дна составляет 7,5 см, высота вертикального бортика – около 3,5 см, расчетный объем ~ 0,155 л. Вес фрагмента после реставрации 43,8 г (рис. 1, 2).

Судя по всем отмеченным особенностям, это были открытые сосуды с ручкой (*ковши*) – изделия, широко применявшиеся в хозяйстве и быту в эпоху средневековья в Европе и Азии. Ближайшие аналогии им находим в Волжской Булгарии, где такие ковши относятся к двум типам.

Тип 1 объединяет ковши, имеющие цилиндрическое тулово (размер 4–8 × 7–10 см; стандартный объем составляет 0,5 л, при колебании от 0,1 до 0,6 л). У них отогнутый венчик и перевитая железная ручка (*Руденко*, 2000. Рис. 24, 3–7). Собраны эти ковши из двух частей – дна и тулова, свернутого из одной полосы металла. Стенки тулова соединены либо фальцем (рис. 2, 1), либо «в зубец». Дно и стенки – только «в зубец». Ручка крепилась парой клепок с каждой стороны от соединительного шва. Клепка расковывалась «заподлицо» изнутри сосуда. Сама ручка в месте крепления к стенкам имела широкие лопасти в виде двух прямоугольных пластин длиной 4 см при ширине 1 см. Длина стержня ручки была от 20 до 30 см.

Ковшей этого типа известно 8 экз., и представлены они на следующих памятниках: Булгарское городище (рис. 2, 1); II Рождественское (рис. 2, 2); и II, IV, V Старокуйбышевские селища. На одном из сосудов из IV Старокуйбышевского селища имеется небольшой слив (*Руденко*, 2000. Рис. 24, 8). Практически аналогичный ковш встречен в подъемном материале с V Старокуйбышевского селища (*Казаков*, 1984. С. 58. Рис. 4–8).

Тип 2 представлен ковшами полусферической формы. Один ковш был найден в составеклада на Болгарском городище и датируется XIII–XIV вв. (*Полякова*, 1998. Рис. 2, 15; *Руденко*, 2000. Рис. 24, 2). Он выкован из одной пластины без швов. Диаметр его – 13 см, высота – 4 см. Аналогичный ковш найден на II Нижнемарьянском селище в Татарстане.

Изучение таких материалов в фондах МА АН РТ показало, что ковши первого типа, аналогичные новгородской находке, достаточно стандартны. Впрочем, есть ряд отличий. Так, например, стенки двух ковшей (один с Рождественского II, а второй с IV Старокуйбышевского селища) соединены фальцем, у всех остальных известных изделий швы соединены «в зубец». Причем зубцы надрезались с двух сторон.

Универсальность формы, простота в изготовлении и практическая необходимость способствовали сохранению этого изделия в пользовании в течение длительного времени. Судя по опубликованным фотографиям, рисункам и описаниям обрезков пластин, сохранившим заклепки и очень характерные прямоугольные

Рис. 2. Медные ковши, обнаруженные в Волжской Булгарии

1 – Булгарское городище. XII–XIII вв., коллекция НМ РТ, инв. №5363. Фото М. М. Багаутдинова, 2006 г.; 2 – II Рождественское селище. XII – начало XIII в. Сборы Е. А. Беговатова, 1983 г. Фото К. А. Руденко, 1991 г.

зубцы, соединяющие дно и стенки («в зубец»), фрагменты подобных сосудов были обнаружены в Великом Новгороде в слоях первой и второй половины XIII в. (Коновалов и др., 2008. С. 56, 96, код 636, 638), в Пскове (Королева, 1996. С. 288. Табл. XIV, 1; 2000. С. 128). В 1958 г. в Новогрудке был найден тонкостенный сосуд с отогнутым венчиком и с таким же специфическим соединением «в зубец» («переплетенными краями стенок и днища») (Гуревич, 1981. С. 104, 105). Похожий сосуд был обнаружен в 1938 г. на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря в жилище-мастерской киевского художника XIII в. Сосуд был изготовлен из тонкой листовой меди с металлической ручкой в виде стержня, на который была насажена деревянная рукоять. «Особенностью этого сосуда является своеобразная приклейка дна с помощью переплетенных между собой краев днищ и стенок»

(Каргер, 1958. С. 478. Табл. ХСVII, 2). По мнению М. К. Каргера, этот сосуд мог использоваться для подогревания (но не плавки) какого-то материала.

Аналогичные изделия упоминаются и в публикациях находок медной бытовой посуды на археологических памятниках Средней Азии XI–XIII вв., но из-за малой выразительности они чаще всего не проиллюстрированы (впрочем, как и многие артефакты, обнаруженные на территории древней Руси), и сравнивать их по этой причине нет возможности.

Датируются болгарские ковши в основном домонгольским временем, но, судя по находкам на Болгарском городище, бытовали и в золотоордынский период.

Назначение ковшей в Волжской Булгарии разнообразно. Они использовались для бытовых потребностей, в хозяйстве, а также для некоторых операций в ремесле. Так на IV и V Старокуйбышевских селищах находки ковшей явно связаны с кузнечным делом. Вероятно, они могли находить применение и в каких-то других ремесленных процедурах, например в ювелирном деле. Кроме этого, ковши, как и другая медная посуда, возможно, служили товаром в торговле с Севером и другими соседними областями (Полубояринова, 2004. С. 181). Тем не менее на Руси медная посуда не получила столь широкого распространения в быту, как это было в Волжской Булгарии, у кочевников или финно-угорских народов (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 42).

Сосуды, вышедшие из употребления, использовались как вторичное медное сырье в местном производстве, и в этом же качестве они составляли одну из категорий импорта⁴.

О том, что в самой Волжской Булгарии поврежденные и прохудившиеся медные сосуды утилизировались подобным образом, можно судить, например, по фрагментам и обрезкам медных сосудов – котлов и ковшей на IV Старокуйбышевском селище (АМ АН РТ, инв. № IV Ст.к.–82/20,21), на Старокуйбышевском городище (АМ АН РТ, полевой шифр Ст.к. г./88), а также на многих других болгарских поселениях XI–XIV вв. (Руденко, 2015. С. 66, 67, 135, 136. Рис. 9а; 115).

Тезис о возможном использовании болгарской посуды на Руси в качестве сырья (Руденко, 1992. С. 103; Королева, 2000. С. 130) был поддержан М. Д. Полубояриновой, считавшей, что Русь, вероятнее всего, получала медь от болгар не только в виде металла, но и в виде готовых изделий – котлов (Полубояринова, 2004. С. 180). Новые новгородские находки позволяют дополнить категорию посуды, ввозимой в Новгород в качестве сырья. Наряду с котлами и кумганами (Олейников, Руденко, 2013. С. 116) сюда можно отнести ковши – сосуды,

⁴ Несмотря на то, что Волжская Булгария была одним из поставщиков цветного металла на территорию древней Руси, сами болгарские ремесленники работали на привозном сырье (Полубояринова, 2004. С. 181). Средневековые рудники на территории Булгарии неизвестны (Кузьминых, Семькин, 2006. С. 262–265). Поставщиками меди и бронзы для болгар были прикамские бронзолитейщики и металлурги: на ряде памятников найдены формы-изложницы для отливки товарных бронзовых слитков (Белавин, 2012. С. 22).

типичные для материальной культуры стран мусульманского Востока Средневековья⁵.

Использование испорченных или преднамеренно разрезанных медных сосудов в качестве сырья для изготовления украшений было обычной практикой в ювелирном деле Древней Руси. Медные пластины от сосудов (часто разрезанные на куски правильных геометрических очертаний) и фрагменты сосудов зафиксированы археологами на участках с остатками производственной деятельности по обработке цветных металлов на Гнездовском поселении, в Пскове, Киеве, Смоленске, Суздале, Ярополче, Рязани, Переяславле Рязанском, Вышгороде, Любече, на Райском городище и др. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 42, 43).

В контексте данной статьи следует обратить внимание на находку в Изборске довольно крупного (диаметром около 30 см и высотой 17–19 см) бронзового котлообразного сосуда, выкованного из бронзового листа толщиной в 1,5–2 мм. Сосуд был (так же как новгородские ковши) сильно помят, сплюснен и частично поломан. Он был обнаружен среди разнообразных предметов, связанных с литейным производством. В их числе было большое количество медных пластин, которые могли использоваться, в частности, для производства различных накладок на деревянную утварь, верхних оковок и бляшек (Седов, 2007. С. 226, 291, 292). Сопутствующий археологический материал и физическое состояние находки позволяют отнести этот сосуд к категории медного лома, попавшего в мастерскую в качестве сырья.

Многолетние археологические работы в Новгороде показывают, что основной категорией цветных металлов, поступавших к литейщикам, были лом или многократно переплавленная продукция самого разного вида, качества и состава. Оценить свойства исходного сырья и получаемых сплавов, мастер мог только исходя из накопленного опыта.

Очевидно, что древние мастера умели отличать литейные сплавы от деформируемого металла и при выборе сырья руководствовались целым рядом представлений о его качестве (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 151).

Стоит отметить, что способ обработки изделия зависит от состава металла. *Чистая медь*, обладая высокой пластичностью в горячем и холодном состояниях, прекрасно проковывается (Мальцев, 1970. С. 128). *Оловянная бронза* является высококачественным сплавом, обладающим высокой текучестью. Сплавы с содержанием олова 1–5 % наиболее оптимальны с технологической точки зрения. Они пригодны и для литья, и для формообразующей деформации.

Свинцовая бронза обладает низкими механическими свойствами, так как наличие свинца не позволяет обрабатывать сплав в горячем состоянии, приводя к появлению в этом случае трещин в металле.

Оловянно-свинцовые бронзы с содержанием олова до 15 % и свинца до 5 % могут быть подвергнуты деформации в холодном состоянии и с применением рекристаллизационных отжигов при температурах 500–700 °С. Горячаяковка

⁵ Сосуды, сохранность которых позволяет отнести их к определенной категории, являются редкими находками. Гораздо чаще (и практически на всех раскопах) встречаются фрагменты сосудов (ушки котлов, стенки, донца, венчики, заклепки), по которым невозможно восстановить исходную форму.

сплавов со свинцом исключена из-за растрескивания металла, вызванного оплавлением свинца. Однако даже небольшое количество свинца (1 %) существенно улучшает жидкотекучесть оловянной бронзы и ее способность к заполнению литейных форм. В деформируемых бронзах допустимое количество свинца не должно превышать 5 % (*Зайцева, Сарачева, 2011. С. 152, 153*).

Для определения состава металла описываемых новгородских ковшей был применен современный неразрушающий метод рентгенофлуоресцентного анализа⁶. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Состав металла ковшей восточного происхождения, обнаруженных в Великом Новгороде в 2014 г. Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), 2016 г.

Название	ковш	ковш
Место обнаружения	Великий Новгород	Великий Новгород
Шифр находки	Воздв-3/1-104	Рог-2014/3-756
Тип сплава	«чистая медь» (Cu)	оловянно-свинцовая бронза (CuSnPb)
Способ обработки	ковка	ковка
Датировка	третья четверть XII в.	конец XII в.
Cu	98,93	96,09
Sn	< 0,02	1,08
Pb	0,79	2,80
Zn	< 0,02	0,03
Ag	0,14	< 0,02
Sb	0,15	< 0,02
As	< 0,02	< 0,02

Проведенные исследования показали, что первый ковш (Воздв-3/1-104) изготовлен из нелегированной «чистой меди» (98,93 %). Содержание элементов-примесей: свинца, сурьмы, серебра, олова, цинка и мышьяка – в сплаве меньше 1 %, что доказывает их попадание в сплав в составе исходного сырья (элементы, содержание которых в сплаве менее 1 %, технологического смысла не имеют и в качестве легирующих добавок не рассматриваются). Второй ковш (Рог-2014/3-756) изготовлен из универсальной с технологической точки зрения свинцово-оловянной бронзы с низким содержанием олова (1,08 %) и свинца (2,8 %).

Анализ состава металла новых находок и сосудов, обнаруженных ранее в Великом Новгороде (*Коновалов и др., 2008. С. 55, 56, 69, 70*), Пскове (*Королева, 1996*).

⁶ Рецепт сплава определен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре Axios mAX Advanced, PANalytical (Нидерланды), сертифицированным экспертом-аналитиком А. И. Якушевым.

Таблица 2. Состав металла фрагментов сосудов, обнаруженных в Новгороде и Пскове. Количественный спектральный анализ (по: *Коновалов и др., 2008; Королева, 1996*)

Название	ушко от котла										
Место обнаружения	Великий Новгород										
Код находки	622	623	624	626	627	628	629	630	631	632	633
Тип сплава	«чистая медь» (Cu)										
Способ обработки	ковка										
Датировка	2-я пол. XII в.	кон. XI – нач. XII в.	1-я пол. XIII в.	2-я пол. XII в.	1-я пол. XIII в.	кон. XII – 1-я пол. XIII в.	сер. XIII в.	1-я пол. – сер. XIII в.	1-я пол. XIII в.	1-я пол. XIII в.	2-я пол. XI в.
Cu	99,34	98,74	99,36	99,33	98,87	99,25	98,75	98,63	98,85	98,44	99,05
Sn	0,002	0,00	0,00	0,002	0,00	0,00	0,00	0,001	0,00	0,00	0,00
Pb	0,4	0,9	0,4	0,2	0,4	0,4	0,9	0,16	0,7	0,9	0,6
Zn	0,00	0,00	0,00	0,04	0,007	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Ag	0,03	0,02	0,02	0,04	0,04	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,04
Sb	0,14	0,2	0,18	0,14	0,5	0,2	0,1	0,14	0,2	0,4	0,09
As	0,06	0,05	0,02	0,04	0,12	0,07	0,08	1,0	0,2	0,2	0,2
Fe	0,00	0,00	0,00	0,003	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Ni	0,01	0,08	0,01	0,2	0,05	0,025	0,04	0,018	0,008	0,015	0,002
Bi	0,01	0,01	0,015	0,003	0,015	0,02	0,1	0,02	0,015	0,01	0,015
Публикация	Коновалов и др., 2008. С.55						Коновалов и др., 2008. С. 56				

Название	фрагменты ковшей и других сосудов							ручка сосуда		донце сосуда	пластина с заклепками
Место обнаружения	Великий Новгород							Псков			
Код находки	634	635	636	637	638	639	640	651	652	127	505
Тип сплава	«чистая медь» (Cu)							свинцовая латунь (CuZnPb)	оловянно-свинцовая бронза (CuSnPb)	свинцовая бронза (CuPb)	«чистая медь» (Cu)
Способ обработки	ковка							литье	литье	ковка	ковка
Датировка	кон. XI – нач. XII в.	2-я пол. XII в.	2-я пол. XIII в.	2-я пол. XIII в.	1-я пол. XIII в.	–	–	2-я пол. XII в.	2-я пол. XI в.	–	–
Cu	98,98	99,64	99,11	98,87	99,05	99,84	99,72	95,46	97,07	основа (97–98 %)	основа (~99,5 %)
Sn	0,02	0,02	0,00	0,004	0,001	0,002	0,002	0,7	1,3	0,07	
Pb	0,2	0,13	0,4	0,4	0,7	0,1	0,014	1,1	1,1	1,8	0,15
Zn	0,1	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,015	2,4	0,18	0,00	
Ag	0,05	0,05	0,025	0,04	0,02	0,015	0,03	0,015	0,02	0,03	0,24
Sb	0,3	0,14	0,2	0,3	0,1	0,006	0,18	0,2	0,2	0,25	0,01
As	0,3	0,017	0,2	0,3	0,1	0,02	0,02	0,07	0,08	0,00	
Fe	0,00	0,00	0,00	0,005	0,00	0,00	0,00	0,02	0,01	0,03	0,03
Ni	0,025	0,015	0,018	0,04	0,018	0,008	0,018	0,02	0,02	0,03	0,05
Bi	0,1	0,00	0,00	0,03	0,01	0,01	0,003	0,015	0,015	–	0,01
Источник	Коновалов и др., 2008. С. 56	Коновалов и др., 2008. С. 56, 96	Коновалов и др., 2008. С. 56	Коновалов и др., 2008. С. 56, 96	Коновалов и др., 2008. С. 56, 96	Коновалов и др., 2008. С. 56	Коновалов и др., 2008. С. 69	Коновалов и др., 2008. С. 70	Коновалов и др., 2008. С. 70	Королева, 1996. С. 265, 288. Табл. XIV, I	Королева, 1996. С. 261, 281. Табл. IV, 3

С. 261, 265) и на памятниках Волжской Булгарии (Хлебникова, 1996. С. 263, 264; Зайцева, 2010. С. 131–138)⁷, показывает, что части сосудов, изготовленные ковкой, в основном из «чистой меди» (Cu 98–99 %). Это все ушки от котлов и большинство стенок и донца сосудов, обнаруженных в Новгороде, а также ушки и части восточных сосудов из Биляра, Булгара и Торецкого селища (табл. 1; 2).

Части сосудов, изготовленные литьем (ручки сосудов), выполнены из двух- и трехкомпонентных сплавов: свинцовой латуни, свинцовой, оловянной и оловянно-свинцовой бронзы (табл. 2).

Таким образом, болгарские мастера использовали разные сырьевые материалы для создания изделий в разных техниках. Это свидетельствует о высоком уровне обработки цветных металлов и находит подтверждение на других памятниках.

Из «чистой меди» с незначительными примесями золота, свинца, цинка и мышьяка были изготовлены медные котлы, обнаруженные в мастерских на городище Гальчино в Подмоскowie. Как показали авторы публикации, медные котлы изготавливались из старых, пришедших в негодность способом холодной клепки (Кренке, Янишевский, 2001).

Связь между технологией изготовления украшений и «правильно» выбранным сырьем была убедительно доказана на обширном материале вятичского круга древностей XI–XIII вв. (Зайцева, Сарачева, 2011).

Высокий уровень металлообработки был характерен и для новгородских мастеров, совершенствовавших и усложнявших свои приемы в течение веков (Седова, 1981. С. 4).

На основании вышеизложенного можно заключить, что медные болгарские ковши XII в., обнаруженные в Великом Новгороде, можно рассматривать в качестве источников чистой меди, ввозимой в Новгород. Это согласуется с большой технической культурой многих поколений новгородских литейщиков и с общей динамикой использования «чистой меди» на исследуемом памятнике. В X–XI вв. нелегированная медь составляет 15 % от общего количества проб. В XII–XIII вв. ее доля увеличивается вдвое и она широко используется в мастерских Новгорода в XIV–XV вв. Таким образом, пик использования «чистой меди» в Новгороде приходится на XII–XIV вв. (Коновалов и др., 2008. С. 146).

Изложенные материалы позволяют сделать следующий вывод: обнаруженные в Новгороде бронзовые ковши входят в категорию бытовой медной посуды (котлы, кумганы, ковши), которая могла поступать в Новгород в качестве медного сырья высокого качества из стран Востока, а в XII–XIII вв. – преимущественно из Волжской Булгарии по юго-восточному (волжскому) торговому маршруту. Одним из таких путей мог быть наиболее прямой водный путь по р. Пола, соединяющей оз. Ильмень с системой верхневолжских озер Стерж и Вселуг посредством волоков. В протоке, соединяющей эти два озера (в районе современных селений Наволок, Косицкое), производилась перегрузка на суда (Загоскин, 1909. С. 132).

⁷ Следует иметь в виду, что анализы выполнены в разных лабораториях, в разные годы и различными методами. Не всегда ясен тип (котел, ковш, кувшин, миска) или часть (ручка, донце, стенка, крышка, заклепка) сосуда, анализ которого приведен в публикации. Поэтому сравнить анализы между собой, особенно по микропримесям, затруднительно. Тем не менее делать общие выводы абсолютно корректно.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: АН СССР. С. 7–43. (МИА; № 55).
- Белафин А. М., 2012. Археологические исследования Пермского Предуралья и идеи А. Х. Халикова // Труды КАЭЭ. Вып. 8. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-педагогический ун-т. С. 18–24.
- Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А., Олейников О. М., Степанов М. А., Язиков С. В., 2015. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // Новгород и новгородская земля: мат-лы XXIX науч. конф. / Отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 29. Великий Новгород: Первый ИПХ. С. 66–77.
- Гуревич Ф. Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.: Наука. 158 с.
- Загоскин Н. П., 1909. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое исследование Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного профессора Императорского казанского университета. С приложением атласа карт. Казань: Литотип. И. Н. Харитонов. 464 с. (На обл.: 1909.)
- Зайцева И. Е., 2010. Цветной металл Волжской Булгарии (предварительный анализ) // Русь и восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука. С. 116–138.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик. 402 с.
- Казakov Е. П., 1984. V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С. 39–64.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: АН СССР. 579 с.
- Коновалов А. А., Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. 191 с.
- Королева Э. В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. И. К. Лабутина. Вып. 3: Раскопки в древней части среднего города (1967–1991). Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. С. 229–300. (Материалы и исследования; т. 1.)
- Королева Э. В., 2000. Технологические традиции в ювелирном деле средневекового Пскова (этнический аспект) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: докл. междунар. науч. симп. по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы). СПб.: ВЕСТИ. С. 126–134.
- Кренке Н. А., Янишевский Б. Е., 2001. Мастерская медника на городище Гальчино // Макарьевские чтения. Вып. VIII: мат-лы Российской науч. конф., посвящ. пам. Святителя Макария. Можайск: Терра. С. 269–286.
- Кузьминых С. В., Семькин Ю. А., 2006. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. Т. 2. Казань: РухИЛ. С. 258–272.
- Мальцев М. В., 1970. Металлография промышленных цветных металлов и сплавов. М.: Металлургия. 364 с.
- Олейников О. М., 2016. Новый тип письменных принадлежностей из Великого Новгорода // КСИА. Вып. 242. С. 191–198.
- Олейников О. М., Руденко К. А., 2013. Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // РА. № 2. С. 114–118.
- Полубояринова М. Д., 2004. Рец.: Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань, 2000. 154 с. // РА. № 3. С. 179–181.
- Полякова Г. Ф., 1998. Клад железных и бронзовых бытовых вещей из Болгарского городища // Археологический сборник / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М.: ГИМ. С. 137–141. (ТГИМ; вып. 96.)
- Руденко К. А., 1992. К вопросу о связях черниговского и киевского княжеств с Волжской Болгарией (по материалам медной посуды) // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини / Гл. ред. М. М. Голодна. Чернігів: Сіверянська думка. С. 103.
- Руденко К. А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: Репер. 155 с.

- Руденко К. А., 2015. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: Казанская недвижимость. 400 с.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 122 с. (САИ; Е-60.)
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука. 413 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука. 196 с.
- Хлебникова Т. А., 1996. Анализы Болгарского цветного металла // Город Булгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Ред. Г. А. Федоров-Давыдов и др. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана. С. 258–279.
- Хорошкевич А. Л., 1963. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М. 365 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., 2015. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 2001–2014 годов. Т. XII. М.: Языки славянской культуры. 288 с.

Сведения об авторах

Олейников Олег Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru;

Руденко Константин Александрович, Казанский государственный институт культуры, ул. Оренбургский тракт, 3, Казань, 420059, Республика Татарстан, Россия; e-mail: murziha@mail.ru

О. М. Oleynikov, K. A. Rudenko

FINDS OF COPPER LADLES OF XII CENTURY IN VELIKY NOVGOROD:
THE ISSUE OF THE SOURCES AND COMPOSITION OF RAW MATERIALS
IN THE NOVGOROD MARKET OF NON-FERROUS METALS REVISITED

Abstract. This paper introduced into scientific discourse new vessels which have replenished a small collection of copper ladles of oriental origin. The ladles damaged in old times were discovered in the layer dated to the third quarter of the 12th century (Vozdvizhensky-3 excavation area) and the layer of the end of the 12th century (Rogatitsky-2014 excavation area) in Veliky Novgorod in 2014. The ladles are made from 'pure copper' and tin and lead bronze, respectively. The closest analogies to the vessels found in Novgorod originate in Volga Bulgaria. The ladles discovered should be treated as an evidence of out of use vessels employed as copper raw materials imported to Novgorod in the 12th–13th centuries, predominantly, from Volga Bulgaria.

Keywords: Veliky Novgorod, Volga Bulgaria, Bulgar copper vessels, export of non-ferrous metals, composition of non-ferrous raw materials, southeastern (Volga) trade route.

REFERECES

- Artsikhovskiy A. V., 1956. Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda [Archaeological investigation of Novgorod]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of Novgorod archaeological expedition]. Moscow: AN SSSR, pp. 7–43. (MIA, 55.)
- Belavin A. M., 2012. Arkheologicheskie issledovaniya Permskogo Predural'ya i idei A. Kh. Khalikova [Archaeological investigations of Perm' Urals and ideas of A. Kh. Khalikov]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Transactions of Kama archaeological-ethnographic expedition], 8. Perm': Permskiy gos. humanitarno-pedagogicheskii universitet, pp. 18–24.
- Gaydukov P. G., Kudryavtsev A. A., Oleynikov O. M., Stepanov M. A., Yazikov S. V., 2015. Issledovaniya v yuzhnoy chasti Plotnitskogo kontsa Velikogo Novgoroda v 2014 g. (raskop Rogatitskiy-2)

- [Investigations in south part of Plotnitskiy End of Novgorod the Great in 2014 (excavation trench Rogatitskiy-2)]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land: transactions of scientific conference]*, 29. V. L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Pervyy IPKh, pp. 66–77.
- Gurevich F. D., 1981. *Drevniy Novogrudok [Ancient Novogrudok]*. Leningrad: Nauka. 158 p.
- Karger M. K., 1958. *Drevniy Kiev: ocherki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev: essays on history of material culture of ancient Russian city]*, 1. Moscow, Leningrad: AN SSSR. 579 p.
- Kazakov E. P., 1984. V Starokuybyshevskoe selishche [V Starokuybyshevskoe open settlement]. *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Prikam'ya [Archaeological sites of Lower Kama region]*. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan': IYALI Kazanskogo filiala AN SSSR, pp. 39–64.
- Khlebnikova T. A., 1996. Analizy Bolgarskogo tsvetnogo metalla [Analyses of Bulgar non-ferrous metal]. *Gorod Bulgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov [City of Bulgar: Craft of metallurgists, smiths, founders]*. G. A. Fedorov-Davydov et al., eds. Kazan': IYALI im. G. Ibragimova AN Tatarstana, pp. 258–279.
- Khoroshkevich A. L., 1963. Torgovlya Velikogo Novgoroda v XIV–XV vv. [Trade of Novgorod the Great in XIV–XV cc.]. Moscow: AN SSSR. 365 p.
- Kononov A. A., Eniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., 2008. Tsvetnye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Non-ferrous metals and their alloys in territory of Eastern Europe in medieval epoch]. Moscow: Vostochnaya literatura. 191 p.
- Koroleva E. V., 1996. Rezul'taty spektral'nogo analiza yuvelirnykh izdeliy srednevekovogo Pskova [Results of spectral analysis of jewelry items from medieval Pskov]. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova [A research of Pskov]*, 3. *Raskopki v drevney chasti srednego goroda (1967–1991) [Excavations in ancient part of middle town (1967–1991)]*. I. K. Labutina, ed. Pskov: Pskovskiy gos. pedagogicheskiy institut im. S. M. Kirova, pp. 229–300. (Materialy i issledovaniya, 1.)
- Koroleva E. V., 2000. Tekhnologicheskie traditsii v yuvelirnom dele srednevekovogo Pskova (etnicheskii aspekt) [Technological traditions in jewelry production of medieval Pskov (ethnic aspect)]. *Slavyane, finno-ugry, skandinav, volzhskie bulgary: doklady Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma po voprosam arkheologii i istorii (1999 g.) [Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgarians: reports at International scientific symposium on problems of archaeology and history (1999)]*. St. Petersburg: Vesti, pp. 126–134.
- Krenke N. A., Yanishevskiy B. E., 2001. Masterskaya mednika na gorodishche Gal'chino [Coppersmith's workshop at fortified settlement Gal'chino]. *Makar'evskie chteniya [St. Macarius readings]*, VIII. *Materialy VIII Rossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Svyatitelya Makariya [Transactions of VIII Russian scientific conference, held in memory of St. Macarius]*. Moscow; Mozhaysk: Terra, pp. 269–286.
- Kuz'minykh S. V., Semykin Yu. A., 2006. Tsvetnaya metalloobrabotka [Non-ferrous metalwork]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen [History of the Tartars from the earliest time]*, 2. Kazan': RukhIL, pp. 258–272.
- Mal'tsev M. V., 1970. Metallografiya promyshlennykh tsvetnykh metallov i splavov [Metallography of industrial non-ferrous metals and alloys]. Moscow: Metallurgiya. 364 p.
- Oleynikov O. M., 2016. Novyy tip pis'mennykh prinadlezhnostey iz Velikogo Novgoroda [A new type of writing implements from Novgorod the Great]. *KSIA*, 242, pp. 191–198.
- Oleynikov O. M., Rudenko K. A., 2013. Mednyy kumgan XIII v. iz Velikogo Novgoroda [Copper jar of XIII c. from Novgorod the Great]. *RA*, 2, pp. 114–118.
- Poluboyarinova M. D., 2004. Rets.: Rudenko K. A. Metallichesкая posuda Povolzh'ya i Priural'ya v VIII–XIV vv. Kazan', 2000. 154 p. [Review: Rudenko K. A. Metal ware of Volga and Ural regions in VIII–XIV cc. Kazan', 2000. 154 p.]. *RA*, 3, pp. 179–181.
- Polyakova G. F., 1998. Klad zheleznykh i bronzovykh bytovykh veshchey iz Bolgarskogo gorodishcha [Hoard of iron and bronze utensils from Bolgar fortified settlement]. *Arkheologicheskii sbornik [Collection of archaeological articles]*. S. V. Studzitskaya, ed. Moscow: GIM, pp. 137–141. (Trudy GIM, 96.)
- Rudenko K. A., 1992. K voprosu o svyazyakh chernigovskogo i kievskogo knyazhestv s Volzhskoy Bolgariyei (po materialam mednoy posudy) [On problem of relations of Chernigov and Kiev principalities with Volga Bulgaria (based on copper ware)]. *Arkhiturni ta arkheologichni*

- starozhitnosti Chernigivshchiny [Architectural and archaeological antics of Chernigov land].* M. M. Golodna, ed. Chernigiv: Siveryans'ka dumka. P. 103.
- Rudenko K. A., 2000. Metallichesкая posuda Povolzh'ya i Priural'ya v VIII–XIV vv. [Metal ware of Volga and Ural regions in VIII–XIV cc.]. Kazan': Reper. 155 p.
- Rudenko K. A., 2015. Issledovaniya VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 gg. [Investigations of VI Alekseevskoe and Murzikhinskoe open settlements in Tatarstan in 1992–1996]. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost'. 400 p.
- Ryabinin E. A., 1981. Zoomorfnye ukrasheniya drevney Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic ornaments of Ancient Rus of X–XIV cc.]. Leningrad: Nauka. 122 p. (SAI, E-60.)
- Sedov V. V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 413 p.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda [Jewelry items of ancient Novgorod]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., 2015. Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 2001–2014 godov [Novgorod birch-bark charters from excavations of 2001–2014], XII. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 288 p.
- Zagoskin N. P., 1910. Russkie vodnye puti i sudovoe delo v dopetrovskoy Rossii. Istoriko-geograficheskoe issledovanie N. P. Zagoskina, zasluzhennogo ordinarnogo professora Imperatorskogo kazanskogo universiteta. S prilozheniem atlasa kart [Russian waterways and shipbuilding in pre-Petran Russia. Historic-geographic research of N. P. Zagoskin, distinguished Professor, Faculty member of Imperial Kazan' university. With appendix of map atlas]. Kazan': Litotipografiya I. N. Kharitonova. 464 p. (On cover: 1909).
- Zaytseva I. E., 2010. Tsvetnoy metall Volzhskoy Bulgarii (predvaritel'nyy analiz) [Non-ferrous metal of Volga Bulgaria (preliminary analysis)]. *Rus' i vostok v IX–XVI vekakh. Novye arkheologicheskie issledovaniya [Rus and Orient in IX–XVI centuries. New archaeological investigations]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval', eds. Moscow: Nauka, pp. 116–138.
- Zaytseva I. E., Saracheva T. G., 2011. Yuvelirnoe delo «zemli vyatichey» vo vtoroy polovine XI–XIII v. [Jewelry production of «Vyatichi land» in second half of XI–XIII c.]. Moscow: Indrik. 402 p.

About the authors

Oleynikov Oleg M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru;

Rudenko Konstantin A., Kazan State Institute of Culture, ul. Orenburgskiy trakt, 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; e-mail: murziha@mail.ru

С. И. Андреев, Н. В. Терехова

СТЕКЛЯННЫЕ БУСИНЫ ДАВИДОВСКОГО ГОРОДИЩА

Резюме. Статья посвящена изучению стеклянных бусин раннего железного века и эпохи средневековья, происходящих из культурного слоя Давыдовского городища (Тамбовская область). Авторами разработана типология изделий, в основу которой положен технологический принцип, приведены ближайшие культурно-хронологические аналогии, соотнесены отдельные экземпляры бусин с радиоуглеродными датами, полученными в ходе исследования органических материалов Давыдовского городища. Подавляющее большинство бусин из рассматриваемой коллекции относится к средневековому периоду существования памятника. Исключение составляют два экземпляра, которые, по мнению авторов, маркируют присутствие населения городецкой археологической культуры на городище.

Ключевые слова: стеклянные бусы, городище, средневековье, мордва, городецкая археологическая культура.

Давыдовское городище представляет собой многослойный памятник, который содержит материалы финального энеолита, эпохи средней и поздней бронзы, скифского и сарматского периодов раннего железного века, а также средневекового времени. Памятник расположен недалеко от северной окраины с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области и занимает мыс коренного берега р. Серп (левый приток р. Цны, Окский бассейн). В 2006–2011 и 2014 гг. археологическая экспедиция Тамбовского государственного университета проводила исследования городища, в результате которых была раскопана площадь свыше 1500 кв. м.

В ходе изучения Давыдовского городища было найдено 29 экземпляров стеклянных бусин. Все бусины, за исключением одной, происходят из культурного слоя городища. Лишь двухчастная бусина желтого цвета была обнаружена в яме постройки № 1 (рис. 1, 1).

Главной задачей данной публикации является введение в научный оборот стеклянных бусин из раскопок Давыдовского городища, некоторые из которых представляют большой интерес. Особое значение эта категория находок имеет для решения вопросов датирования отдельных артефактов и уточнения хронологических периодов существования памятника. С этим аспектом связаны

данные, полученные в ходе проведения радиоуглеродного анализа ряда образцов из культурного слоя Давыдовского городища. Перспективной представляется попытка соотнести исследованные бусины с серией радиоуглеродных дат. Для этой цели отобраны результаты радиоуглеродного датирования образцов и экземпляры стеклянных бусин, которые происходят из одних стратиграфических слоев.

Типология. В основе систематизации рассматриваемых стеклянных бусин лежат такие признаки, как технология изготовления бусин, форма, цвет и степень прозрачности. Наиболее значимым признаком систематизации является технология изготовления бусин. Для ее описания использовалась классификация, разработанная З. А. Львовой (Львова, 1979; 1980).

МОНОХРОМНЫЕ

Группа I. Бусины, изготовленные из отрезков тянутой трубочки

I.1. Желтые непрозрачные (двухчастные) бусины шаровидной, усеченной дважды формы¹ (рис. 1, 1, 2; 2 экз.).

I.2. Синие непрозрачные (рис. 1, 7; 1 экз.) и полупрозрачные (рис. 1, 5, 6; 2 экз.) бусины шаровидной, усеченной дважды формы.

I.3. Зеленые непрозрачные (двухчастные) бусины шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 3, 4; 2 экз.).

I.4. Бесцветная полупрозрачная бусина шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 8; 1 экз.).

Группа II. Бусины, изготовленные из однослойных палочек

II.1. Желтая непрозрачная бусина шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 14; 1 экз.).

II.2. Красная непрозрачная бусина призматической формы (рис. 1, 15; 1 экз.).

Группа III. Бусины, изготовленные путем навивки

III.1. Синяя полупрозрачная бусина шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 18; 1 экз.).

III.2. Черная непрозрачная бусина шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 19; 1 экз.).

БУСИНЫ С МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПРОКЛАДКОЙ

Группа IV. Бусины, изготовленные из отрезков тянутой трубочки

IV.1. Коричневая прозрачная бусина (двухчастная) шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 9; 1 экз.).

IV.2. Бесцветные прозрачные бусины (многочастные) шаровидной, усеченной дважды формы (рис. 1, 10–13; 4 экз.).

ПОЛИХРОМНЫЕ

Группа V. Бусины, изготовленные путем навивки

V.1. Черная непрозрачная бусина шаровидной, усеченной дважды формы с декором в виде поперечной полосы белого цвета (рис. 1, 20; 1 экз.).

V.2. Фиолетовые непрозрачные бусины шаровидной, усеченной дважды формы с накладным декором в виде полихромного «глазка» и петлевидной полосой (рис. 1, 21, 24, 25, 26; 4 экз.).

¹ При описании формы многочастных бусин имеется в виду форма сегмента бусины.

V.3. Черные непрозрачные бусины шаровидной, усеченной дважды формы с накладным декором в виде полихромного «глазка» и петлевидной полосой (рис. 1, 22, 23, 27; 3 экз.).

Группа VI. Бусины с неопределенной технологией изготовления

VI.1. Синяя непрозрачная бусина шаровидной, усеченной дважды формы с декором в виде накладных двухцветных (бело-синих) «глазков» (рис. 1, 28; 1 экз.).

VI.2. Синяя непрозрачная бусина цилиндрической формы с декором в виде одноцветных (желтых и зеленых) выпуклых «глазков», зигзагообразной полосой в центре и полосками по краям тулова (рис. 1, 29; 1 экз.).

VI.3. Полихромные непрозрачные бусины цилиндрической формы с полосками белого, красного, желтого и синего цветов на черном фоне (рис. 1, 16, 17; 2 экз.).

Все бусины, включенные в данную группу, представлены фрагментами, что мешает точно установить технологию их изготовления. Однако именно этот факт позволил рассмотреть, что на полосатых бусинах типа **VI.3** нити декора располагаются не только на поверхности, но и проникают довольно глубоко вглубь стекла (рис. 1, 16, 17). Подобные бусины специалисты называют по-разному: «со сплошной инкрустацией», «прослоенные нитями стекла», «с симметричным узором или разводами» (Щапова, 1956. С. 177; Голубева, 1973. С. 182; Полубояринова, 1988. С. 177, 178; Захаров, Кузина, 2008. С. 181). До настоящего времени точный способ нанесения декора на такие бусины исследователями не установлен. Основываясь на изучении коллекции бусин Мининского археологического комплекса, Д. С. Захаров и И. Н. Кузина пришли к выводу, что бусины данной группы изготавливались из листов предварительно декорированного стекла (Там же).

Датировка изделий. Все бусины, рассмотренные выше, были найдены в культурном слое Давыдовского городища. Исключение составляет двухчастная бусина желтого цвета, найденная в одной из ям постройки № 1 (рис. 1, 1). Однако в заполнении ямы не было обнаружено индивидуальных находок, а только многочисленный керамический материал, преимущественно древнемордовской культуры. В связи с отсутствием находок бусин в закрытых комплексах и, следовательно, возможности датировать их по сопутствующему инвентарю, самым продуктивным для решения вопроса хронологии остается поиск ближайших аналогий.

**Рис. 1. Стекланные бусины из раскопок городища
у с. Давыдово (Тамбовская область) (1–29)
и погребения № 25 Андреевского кургана (Республика Мордовия) (30)**

1–8 – монохромные бусины, изготовленные из отрезков тянутой трубочки (группа I); 9–13 – бусины с металлической прокладкой, изготовленные из отрезков тянутой трубочки (группа IV); 14, 15 – монохромные бусины, изготовленные из однослойных палочек (группа II); 16, 17 – бусины с неопределенной технологией изготовления (группа VI); 18, 19 – монохромные бусины, изготовленные путем навивки (группа III); 20–27 – полихромные бусины, изготовленные путем навивки (группа V); 28, 29 – бусины с неопределенной технологией изготовления (группа VI); 30 – бусина с неопределенной технологией изготовления из погребения № 25 Андреевского кургана

1–29 – фонды Липецкого областного краеведческого музея; 30 – фонды Государственного Исторического музея (коллекция ГИМ № 102380, Б 1318/59)

Одноцветные бусины (типы I.1–I.4) и бусины с металлической прокладкой (типы IV.1, IV.2) шаровидной, усеченной дважды формы, изготовленные из отрезков тянутой трубочки (рис. 1, 1–13), имеют наиболее обширные параллели. Бусины этих типов были широко распространены в VIII–XI вв. в памятниках Центральной, Северной и Восточной Европы (Валиулина, 2005. С. 88).

В Поднепровье и близлежащих к нему территориях многочастные бусины и серебрёные пронизки известны в VIII–IX вв. (Школьников, 1978. С. 97, 98). В Новгороде желтые многочастные бусины и бусины с металлической прокладкой датируются X–XI вв. (Щапова, 1956. С. 174–178). В Старой Ладого подобные бусины характерны для VIII–XI вв. (Львова, 1968. С. 88), в материалах Приладожья они относятся к X – первой половине XI в. (Кочуркина, 1989. С. 26).

Сравнительный анализ бусин неволинской культуры по времени их бытования показал, что на протяжении всей культуры (IV–IX вв.) были распространены одноцветные бусины из трубочки без декора (IA) (Голдина, 2010. С. 62. Рис. 20; 43–1). Бусины с металлической прокладкой (IB) датируются в неволинских могильниках концом VII – IX вв. (Голдина, 2010. С. 147. Рис. 37).

В могильниках поломской культуры – I Поломском, II Поломском, Быхчим-шай, Мыдлань-шай, а также на поселении Гурт-ыль-ты – серебрёные многочастные пронизки датируются VIII–IX вв. (Львова, 1973. С. 86). Многочастные пронизки характерны в поломских материалах для последней четверти I тыс. н. э. (Там же. С. 93).

На памятниках Северного Кавказа и в Крыму многочастные бусины из тянутых трубочек наибольшее распространение получили в VIII–IX вв. (Деопик, 1961. С. 217). Бусины с металлической прокладкой на данной территории встречаются в VI–IX вв., но в VIII–IX вв. их было больше, чем в VI–VII вв. (Там же. С. 221). В VI–VII вв. наибольшего процента такие бусины достигают в Крыму (Бакла – 9 %), меньше их в Дагестане (3,8 %) и еще меньше в Центральном Предкавказье (2,7 %). В период VIII–IX вв. в Крыму, Центральном Предкавказье и Салтове позолоченные и посеребрённые бусины составляют около 11 % (Там же. С. 221).

В северокавказском могильнике Клинь-Яр III бусины с металлической прокладкой относятся к третьей хронологической группе предсалтовского горизонта конца VII – первой половины VIII вв. (Мастыкова, 2001. С. 87). В могильнике Мокрая Балка, который также относится к северокавказским памятникам, бусы третьей клинь-ярской группы встречаются в погребениях четвертого этапа по хронологии Г. Е. Афанасьева, т. е. в 700–750 гг. (Там же). Однако, по мнению А. В. Мастыковой, данные бусины существовали здесь уже в конце VII в., т. к. отмечены и в погребениях предшествующего, третьего хронологического этапа могильника Мокрая Балка (625–700 гг.) (Там же. С. 87, 89).

Бусины рассматриваемой группы встречаются и в памятниках Волжской Булгарии. В Билярском городище одноцветные и с металлической прокладкой бусины из тянутых трубочек происходят из объектов нижнего горизонта культурного слоя (вторая четверть X – начало или первая половина XI вв.) и нижнего яруса верхнего горизонта (середина – вторая половина XI – первая треть XIII вв.) (Валиулина, 2005. С. 87). Единичные находки таких бусин известны в Муромском городке, Джукетау, Казани, а в Болгаре представлены значительно большим ассортиментом и количеством (Валиулина, 2005. С. 87; Полубояринова, 2002. С. 23).

Одноцветные многочастные пронизки и бусины с металлической прокладкой представлены в древностях салтово-маяцкой культуры VIII – начала X вв. (Мастыкова, 1991. С. 171–175. Рис. 1; Плетнева, 1989. С. 115, 117, 118. Рис. 63). В погребениях Дмитриевского археологического комплекса такие бусины являются наиболее распространенными среди всех прочих типов (Там же. С. 121). В материалах Маяцкого селища, одного из самых значительных памятников салтово-маяцкой культуры, бусины с металлической прокладкой численно значительно преобладают над одноцветными бусинами из тянутых трубочек (Мастыкова, 1991. С. 174–175).

Нередкой находкой являются такие бусины в мордовских могильниках VIII–XI вв., расположенных по течению р. Цны, – Елизавет-Михайловском, Пановском, Крюковско-Кузновском, Лядинском и Томниковском (Терехова, 2014. С. 40, 41, 43, 48, 49).

Полихромные бусины шаровидной, усеченной дважды формы с накладным декором в виде полихромного «глазка» и петлевидной полосой, изготовленные в технике навивки (типы V.2, V.3) (рис. 1, 21–27), имеют многочисленные аналогии в скандинавских древностях, где датированы Й. Калмером второй половиной X в. (Callmer, 1977. С. 46, 77, 221).

Подобные бусины встречаются в материалах Мининского археологического комплекса, расположенного в Вологодской области (Захаров, Кузина, 2008. С. 161), в Старой Ладоге, где известны в слое Д и выше, т. е. с X в. (Львова, 1968. С. 77). В Древнем Новгороде они были найдены на Неревском, Федоровском и Троицком раскопах (Седова, 1981. С. 25; Лесман, 2006. С. 244). В целом в материалах Древней Руси они датируются X – серединой XI в. (Там же. С. 247–249).

Находки таких бусин известны на болгарских памятниках, где датируются X – началом XI вв. (Полубояринова, 1988. С. 158; Валиулина, 2000. С. 56). В Приладожье они были распространены также в X – начале XI в. (Кочуркина, 1989. С. 262).

Одноцветная бусина призматической формы, изготовленная из однослойной палочки (тип II.2) (рис. 1, 15), ближайšie аналогии имеет в рязано-окских материалах и мордовских могильниках сопредельных территорий.

В Кошибеевском могильнике в единичном экземпляре известна призматическая бусина из оранжевого глухого стекла (тип МБП1), изготовленная из отрезков тянутой палочки (Румянцев, 2006. С. 108. Рис. 8.П.1). Данная бусина входит в группу С наборов бусин, которая датируется О. С. Румянцевой серединой III – рубежом IV–V вв. (Там же. С. 112).

В «классических» могильниках рязано-окской культуры, к которым традиционно относят Кораблино, Заречье 4, Никитино, Борковский, Кузьминский и Курманский могильники, бусины из красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутой палочки, входят в состав группы I и группы II наборов бусин, причем в I группе встречаются призматические экземпляры (Там же. С. 117). Группа I датируется О. С. Румянцевой I – началом III – рубежом IV–V вв., группа II – рубежом IV–V – рубежом V–VI вв. (Там же. С. 124, 126).

В большом количестве бусины из красного непрозрачного стекла разнообразных форм встречаются в ранних мордовских могильниках – Абрамовском

IV–VII вв. (Акимов, Гришаков, 1990. С. 3–13), Армиевском VI–VII вв. (Полесских, 1979. С. 16, 17), Шемшейском сер. III в. (Гришаков, 2005. С. 11), Ражкинском III–IV вв. (Там же. С. 34), Селиксенском III–VII вв. (Вихляев, 1977), Степановском IV–V вв. (Гришаков, 2009. С. 65), Селикса-Трофимовском первой половины IV в. (Румянцева, 2010. С. 279).

Аналогии **полихромным бусинам цилиндрической формы с полосками белого, красного, желтого и синего цветов на черном фоне с неопределенной технологией изготовления (тип VI.3)** (рис. 1, 16, 17) удалось найти в Лядинском могильнике, который относится к кругу цнинских памятников древнемордовской культуры и датируется концом IX – началом XI вв. (Воронина, 2007. С. 95. Цв. вкл. рис. 9). В погребении № 13 подобная бусина была найдена вместе с навитыми бусами с ресничными глазками X – середины XI вв. (рис. 1, 21–27) и скульгами типов 1Б5а и 1Б6а, которые датируются исследователями X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 54). Стоит отметить, что за пределами территории среднецнинской мордвы параллели данным бусинам не были обнаружены.

Одноцветная бусина шаровидной, усеченной дважды формы, изготовленная методом навивки стеклянной массы на инструмент (тип III.1) (рис. 1, 18). Навитые бусины синего цвета широко представлены в древнерусских материалах XI в. Они известны в слоях Древнего Новгорода и Старой Ладogi, встречаются в погребениях могильника Нефедьево (Вологодская область) и в вещевой коллекции Мининского археологического комплекса, расположенного на Кубенском озере (Щапова, 1956. С. 166, 167, 169–171; Львова, 1968. С. 78, 79; Макаров, 1997. С. 121, 125, 126; Захаров, Кузина, 2008. С. 196).

Полихромная бусина шаровидной, усеченной дважды формы с декором в виде накладных двухцветных (бело-синих) «глазков», с неопределенной технологией изготовления (тип VI.1) (рис. 1, 28). Тот факт, что данная бусина фрагментирована и точная технология изготовления не установлена, не позволяет достоверно отнести ее к той или иной хронологической и культурной группе бусин. Однако, на наш взгляд, данный экземпляр наиболее близок бусинам Северного Причерноморья эпохи античности, конкретнее – типу 33-а глазчатых бусин, выделенному Е. М. Алексеевой (Алексеева, 1975. Табл. 15: 1–3). Как отмечает Е. М. Алексеева, ранние глазчатые бусины VI–IV вв. до н. э. изготовлены наиболее простым способом так же, как и глазки. Характерны крупные плоские кольчатые глазки с неровными расплывающимися контурами (Там же. С. 104). Все типы ранних глазчатых бусин, выделенные в античных центрах Северного Причерноморья, в то же время были в ходу в Египте и, вероятно, на территории всего Средиземноморья (Там же).

Полихромная бусина цилиндрической формы с декором в виде одноцветных (желтых и зеленых) выпуклых «глазков», зигзагообразной полосой в центре и полосками по краям тулова, с неопределенной технологией изготовления (тип VI.2) (рис. 1, 29). Среди всего многообразия глазчатых бусин найти аналогию данному экземпляру оказалось затруднительно. Данная бусина ярко выделяется, прежде всего своими параметрами и характером декора. Наиболее близкая параллель была обнаружена в погребении № 25 Андреевского кургана (I–II вв. н. э.) (рис. 1, 30). На шее погребенного находилось

ожерелье из 75 «золоченых» бусин, в центре которого была «большая боченкообразная бусина из синего стекла с 8 шишечками» (Степанов, 1980. С. 15). Уникальность бусины подчеркивает тот факт, что она была найдена в единственном экземпляре в могиле очень знатного человека, по-видимому вождя племени (Там же. С. 15).

Заключение. Подавляющее большинство рассмотренных выше бусин из коллекции, полученной в результате исследования Давыдовского городища, относятся к средневековому периоду существования памятника (рис. 1). Исключение составляют 2 экземпляра стеклянных бусин (рис. 1, 28, 29). Фрагмент синей глазчатой бусины типа VI.1 (рис. 1, 28) маркирует, по всей видимости, присутствие населения городищской археологической культуры на городище. Предположительная датировка данной бусины – VI–IV вв. до н. э. – не противоречит серии дат, полученных в ходе проведения радиоуглеродного анализа органических материалов Давыдовского городища (Андреев, Разуваев, 2015). Хронологические данные в рамках конца VI – первой половины IV в. до н. э. соотнесены с двумя оборонительными системами скифского периода раннего железного века (городищская археологическая культура), сожженными в ходе военных столкновений (Там же. С. 144, 145). Глазчатая бусина цилиндрической формы типа VI.2 (рис. 1, 29), которая по имеющейся аналогии датирована I–II вв. н. э., возможно, является свидетельством, что жизнь на городище после этого события была возобновлена городищским населением и продолжалась вплоть до первых веков н. э.

Остальные бусины происходят из средневекового слоя Давыдовского городища (рис. 1, 1–27). Стоит отметить, что, если по двум описанным выше бусинам даются предположительные культурно-хронологические параллели вследствие их фрагментарной сохранности, то бусины данной группы имеют достаточно устойчивые аналогии. Хронология большинства исследованных бусин укладывается в рамки VIII–XI вв. Наиболее длительный период бытования связан с одноцветными бусинами (типы I.1–I.4) и бусинами с металлической прокладкой (типы IV.1, IV.2), изготовленными из отрезков тянутой трубочки (рис. 1, 1–13). Призматическая бусина из красного глухого стекла типа II.2 (рис. 1, 15), вероятно, связана с периодом заселения мордвой территории городища, т. к. ее хронологические границы лежат ранее VIII в. Наиболее поздние экземпляры относятся к периоду X–XI вв. – это полихромные бусины шаровидной, усеченной дважды формы с накладным декором в виде полихромного «глазка» и петлевидной полосой (типы V.2, V.3, рис. 1, 21–27) и бусины цилиндрической формы с полосками белого, красного, желтого и синего цветов на черном фоне (тип VI.3, рис. 1, 16, 17). По данным радиоуглеродного анализа остатков постройки, уничтоженной пожаром, который, по-видимому, стал следствием разгрома древнемордовского поселения, дата функционирования этого сооружения находится между 892–1035 гг. (Андреев, Разуваев, 2015. С. 145).

С. И. Андреевым и Ю. Д. Разуваевым было высказано предположение, что уничтожение этой древнемордовской крепости связано с походом князя Владимира в 994 году на волжских болгар (Там же). После этого жизнь на городище не возобновлялась.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов Н. А., Гришаков В. В., 1990. Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Ред. М. Ф. Жиганов, И. М. Петербургский, В. Н. Шитов. Саранск: Мордовское кн. изд-во. 104 с. (Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики; вып. 99.)
- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 121 с. (САИ; вып. Г1-12.)
- Андреев С. И., Разуваев Ю. Д., 2015. Радиоуглеродное датирование Давыдовского городища // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (142). С. 143–146.
- Валиулина С. И., 2000. Стекланные бусы как исторический источник по международным связям Волжских Булгар в VIII – начале XIII в. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: докл. междунар. науч. симп. по вопр. археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы). СПб.: Вести. С. 14–16.
- Валиулина С. И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский гос. ун-т. 280 с.
- Вихляев В. И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовский гос. ун-т. 99 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь. 352 с.
- Воронина Р. Ф., 2007. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука. 164 с.
- Голдина Е. В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 264 с.
- Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука. 216 с.
- Гришаков В. В., 2005. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. 95 с.
- Гришаков В. В., 2009. Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. С. 57–80.
- Деопик В. Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3. С. 202–232.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. 365 с.
- Кочкуркина С. И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (Реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, сев. и зап. побережье Онеж. озера). Петрозаводск: Карелия. 347 с.
- Лесман Ю. М., 2006. К хронологии одного из типов средневековых стекланных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках // Археология Верхнего Поволжья: к 80-летию К. И. Комарова: сб. ст. М.: ИА РАН. С. 244–252.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I: Способы изготовления, ареал, время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Искусство. С. 64–94.
- Львова З. А., 1973. Бусы I Поломского могильника. Ч. I // АСГЭ. Вып. 15. Л.: Аврора. С. 83–104.
- Львова З. А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стекланных украшений) // АСГЭ. Вып. 20. Л.: Искусство. С. 90–103.
- Львова З. А., 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стекланных украшений) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство. С. 75–84.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 368 с.
- Мастыкова А. В., 1991. Типология бус из погребений Маяцкого селища // Винников А. З., Афанасьев Т. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (мат-лы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Воронежский ун-т. С. 170–182.
- Мастыкова А. В., 2001. Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клинь-Яр III (по раскопкам В. С. Флерова) // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок ИА РАН. М.: ИА РАН. С. 56–104.

- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Полесских М. Р., 1979. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. Вып. 63. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 5–56.
- Полубояринова М. Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 151–200.
- Полубояринова М. Д., 2002. Торговля Болгара // Великий Волжский путь: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во Ин-та истории АН Республики Татарстан. С. 21–30.
- Румянцева О. С., 2006. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М. 383 с.
- Румянцева О. С., 2010. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху Великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: проблемы и мат-лы. М.: ИА РАН. С. 277–300. (PCM; вып. 13.)
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Степанов П. Д., 1980. Андреевский курган: К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордовское кн. изд-во. 108 с.
- Терехова Н. В., 2014. Бусы среднепеченгской мордвы как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М. 327 с.
- Школьников Н. А., 1978. Стекланные украшения конца I тысячелетия н. э. на территории Поднепровья // СА. № 1. С. 97–104.
- Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы Древнего Новгорода. М.: Наука. 270 с. (МИА; № 55.)
- Callmer J., 1977. Trade Beads and Beads Trades in Scandinavia cu. 800–1000 A.D. // Acta archaeologica Lundensia. Ser. In 4° № 11. 1Bonn-Lund. Rudolf Habelt Verlag – CWK Gleerup. 229 p.

Сведения об авторах

Андреев Сергей Иванович, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов, 392000, Россия; e-mail: ioptambov@mail.ru;

Терехова Наталия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nataliaterehova@mail.ru

S. I. Andreev, N. V. Terekhova

GLASS BEADS FROM THE DAVYDOVO HILLFORT

Abstract. The paper deals with the studies of glass beads dating to the Iron Age and the medieval period retrieved from the occupation layer of the Davydovo hillfort (Tambov Region). The authors have prepared a typology of items on the basis of the technological principle, and provided closest cultural and chronological analogies. Several bead samples have been correlated with the radiocarbon dates obtained by studying organic residues at the Davydovo hillfort. An overwhelming majority of the beads from the collection in question are dated to the medieval period of this site occupation, with the exception of two beads, which, in the authors' opinion, mark the presence of the Gorodets archaeological culture at the hillfort.

Keywords: glass beads, hillfort, medieval period, Mordvinians, Gorodets archaeological culture.

REFERENCES

- Akimov N. A., Grishakov V. V., 1990. Busy Abramovskogo mogil'nika [Beads of Abramovskiy cemetery]. *Srednevekovye pamyatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ya* [Medieval sites of Oka-Sura interfluve]. M. F. Zhiganov, I. M. Peterburgskiy, V. N. Shitov, eds. Saransk: Mordovskoe kn. izdatel'stvo. 104 p. (Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii i ekonomiki, 99.)
- Alekseeva E. M., 1975. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic zone]. Moscow: Nauka. 121 p. (SAI, G1-12.)
- Andreev S. I., Razuvaev Yu. D., 2015. Radiouglerodnoe datirovanie Davydovskogo gorodishcha [Radiocarbon dating of Davydovskoe fortified settlement]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov university. Ser: Humanities], 2 (142), pp. 143–146.
- Callmer J., 1977. Trade Beads and Beads Trades in Scandinavia cu. 800–1000 A.D. // *Acta archaeologica Lundensia*. Ser. In 4° № 11. 1Bonn-Lund. Rudolf Habelt Verlag – CWK Gleerup. 229 p.
- Deopik V. B., 1961. Klassifikatsiya bus Yugo-Vostochnoy Evropy VI–IX vv. [Classification of beads of South-Eastern Europe in VI–IX cc.]. *SA*, 3, pp. 202–232.
- Goldina E. V., 2010. Busy mogil'nikov nevolinskoy kul'tury (konets IV–IX vv.) [Beads from cemeteries of Nevolinskaya (end of IV–IX cc.)]. Izhevsk: Udmurtskiy gos. universitet. 264 p.
- Golubeva L. A., 1973. Ves' i slavyane na Belom ozere. X–XIII vv. [Ves' and Slavs on Beloe Lake. X–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 216 c.
- Grishakov V. V., 2005. Naselenie verkhov'ev Mokshi i Sury nakanune srednevekov'ya [Population of Upper Moksha and Sura reaches on the eve of Middle Ages]. Saransk: Mordovskiy gos. pedagogicheskiy institut. 95 p.
- Grishakov V. V., 2009. Stepanovskiy mogil'nik IV–V vv. [Stepanovskiy cemetery of IV–V cc.]. *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ya* [Antiquities of Oka-Sura interfluve], 3. Saransk: Mordovskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 57–80.
- Kochkurkina S. I., 1989. Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya X–XIII vv.: (Reki Syas', Tikhvinka, Kapsha, Pasha, Voronezhka, Svir', Olonka, Tuloksa, Vidlitsa, severnoe i zapadnoe poberezh'e Onezhskogo ozera) [Sites of South-Eastern areas of Ladoga and Onega lakes region of X–XIII cc.: (Rivers Syas', Tikhvinka, Kapsha, Pasha, Voronezhka, Svir', Olonka, Tuloksa, Vidlitsa, northern and western shores of Onega Lake)]. Petrozavodsk: Kareliya. 347 p.
- Lesman Yu. M., 2006. K khronologii odnogo iz tipov srednevekovykh steklyannykh bus (novgorodskie nakhodki chernykh busin s glazkami v petel'kakh) [To chronology of one type of medieval glass beads (Novgorod finds of black beads with speckles inside loops)]. *Arkheologiya Verkhnego Povolzh'ya: k 80-letiyu K. I. Komarova: sbornik statey* [Archaeology of Upper Volga region: toward 80th anniversary of K. I. Komarov: collected articles]. Moscow: IA RAN, pp. 244–252.
- L'vova Z. A., 1968. Steklyannye busy Staroy Ladogi. Chast' I. Sposoby izgotovleniya, areal, vremya rasprostraneniya [Glass beads of Staraya Ladoga. Part I. Production patterns, area, time of spreading]. *ASGE*, 10. Leningrad: Iskusstvo, pp. 64–94.
- L'vova Z. A., 1973. Busy I Polomskogo mogil'nika [Beads of Polom I cemetery], I. *ASGE*, 15. Leningrad: Avrora, pp. 83–104.
- L'vova Z. A., 1979. Tekhnologicheskaya klassifikatsiya izdeliy iz stekla (po materialam rannesrednevekovykh steklyannykh ukrasheniy) [Technological classification of glass items (based on materials of early medieval glass ornaments)]. *ASGE*, 20. Leningrad: Iskusstvo, pp. 90–103.
- L'vova Z. A., 1980. Priznaki sposoba izgotovleniya izdeliy iz stekla (po materialam rannesrednevekovykh steklyannykh ukrasheniy) [Indications of production patterns of glass items (based on materials of early medieval glass ornaments)]. *ASGE*, 21. Leningrad: Iskusstvo, pp. 75–84.
- Makarov N. A., 1997. Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Beloz'er'ya i Poonezh'ya [Colonization of north periphery of Medieval Rus in XI–XIII cc.: Based on materials from archaeological sites in portages of Beloe and Onega lakes regions]. Moscow: Skriptoriy. 368 p.
- Mastykova A. V., 1991. Tipologiya bus iz pogrebeniy Mayatskogo selishcha [Typology of beads from burials at Mayatskoe open settlement]. *Vinnikov A. Z., Afanas'ev T. E. Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii)* [Cultic complexes of Mayatskoe open settlement (Materials of excavations of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition)]. Voronezh: Voronezhskiy universitet, pp. 170–182.

- Mastykova A. V., 2001. Rannesrednevekoveye busy severokavkazskogo mogil'nika Klin-Yar III (po raskopkam V. S. Flyorova) [Early medieval beads of North Caucasian cemetery Klin-Yar III (based on excavations of V. S. Flyorov)]. *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela okhrannykh raskopok IA RAN* [Practice and theory of archaeological investigations. Transactions of department of rescue excavation of IA RAS]. Moscow: IA RAN, pp. 56–104.
- Pletneva S. A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranič'e (Dmitrievskiy arkheologicheskii kompleks) [On Slavic-Khazarian frontier (Dmitrievskiy archaeological assemblage)]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Polesskikh M. R., 1979. Armievskiy mogil'nik [Armievskiy cemetery]. *Arkheologicheskie pamyatniki mordvy I tys. n. e.* [Archaeological sites of Mordva of I mill. AD], 63. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 5–56.
- Poluboyarinova M. D., 1988. Steklyannye izdeliya Bolgarskogo gorodishcha [Glass items of Bolgar fortified settlement]. *Gorod Bolgar: ocherki remeslennoy deyatel'nosti* [City of Bolgar: essays on craft activity]. Moscow: Nauka, pp. 151–200.
- Poluboyarinova M. D., 2002. Torgovlya Bolgara [Trade in Bolgar]. *Velikiy Volzhskiy put': materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Great Volga route: transactions of International scientific-practical conference]. Kazan': Institut istorii AN Respubliki Tatarstan, pp. 21–30.
- Rumyantseva O. S., 2006. Busy naseleniya Sredney Oki epokhi Velikogo pereseleniya narodov kak istoricheskiy istochnik: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Beads of Middle Oka population in Migration period as a historic source: PhD Thesis manuscript]. Moscow. 383 p.
- Rumyantseva O. S., 2010. Nekotorye osobennosti rasprostraneniya bus v Pooch'e i Oksko-Surskom mezhdurech'e v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Some features of spread of beads in Oka region and Oka-Sura interfluvium in Migration period]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n. e.: Problemy i materialy* [Archaeology of Eastern Europe in I millennium AD: Problems and materials]. Moscow: IA RAN, pp. 277–300. (RSM, 13.)
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry items of ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Shchapova Yu. L., 1956. Steklyannye busy Drevnego Novgoroda [Glass beads of Ancient Novgorod]. Moscow: Nauka. 270 p. (MIA, 55.)
- Shkol'nikova N. A., 1978. Steklyannye ukrasheniya kontsa I tysyacheletiya n. e. na territorii Podneprov'ya [Glass ornaments of late I millennium AD in territory of Dnieper region]. *SA*, 1, pp. 97–104.
- Stepanov P. D., 1980. Andreevskiy kurgan: K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashey ery [Andreevskiy kurgan: To history of Mordva tribes at the turn of millenia]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 108 p.
- Terekhova N. V., 2014. Busy srednetsninskoy mordvy kak istoricheskiy istochnik: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Beads of Middle Tsna Mordva as a historical source: PhD Thesis manuscript]. Moscow. 327 p.
- Valiulina S. I., 2000. Steklyannye busy kak istoricheskiy istochnik po mezhdunarodnym svyaziam Volzhskikh Bulgar v VIII – nachale XIII v. [Glass beads as a historical source on international relations of Volga Bulgars in VIII – early XIII c.]. *Slavyane, finno-ugry, skandiny, volzhskie bulgary: doklady Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma po voprosam arkheologii i istorii (1999)* [Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars: reports of International scientific symposium on problems of archaeology and history (1999)]. St. Petersburg: Vesti, pp. 14–16.
- Valiulina S. I., 2005. Steklo Volzhskoy Bulgarii (po materialam Bilyarskogo gorodishcha) [Glass of Volga Bulgaria (based on materials of Bilyar fortified settlement)]. Kazan': Kazanskiy gos. universitet. 280 p.
- Vikhlyayev V. I., 1977. Drevnyaya mordva Posur'ya i Primokshan'ya [Early Mordva people of Sura and Moksha rivers regions]. Saransk: Mordovskiy gos. universitet. 99 p.
- Vikhlyayev V. I., Begovatkin A. A., Zelentsova O. V., Shitov V. N., 2008. Khronologiya mogil'nikov naseleniya I–XIV vv. zapadnoy chasti Srednego Povolzh'ya [Chronology of cemeteries of population of I–XIV cc. in western part of Middle Volga region]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. 352 p.
- Voronina R. F., 2007. Lyadinskie drevnosti: iz istorii mordvy-mokshi: konets IX – nachalo XI veka: po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983–1985 godov [Lyadino antiquities: from history of Mordva-Moksha: end of IX – beginning of XI century: based on materials of Tsna archaeological expedition, 1983–1985]. Moscow: Nauka. 164 p.

Zakharov S. D., Kuzina I. N., 2008. Izdeliya iz stekla i kamennye busy [Glass items and stone beads]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv.: srednevekove poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of North Russian village X–XIII cc.: medieval settlements and cemeteries on Kubenskoe Lake]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]*. Moscow: Nauka. 365 p.

About the authors

Andreev Sergey I., G. R. Derzhavin Tambov State university, ul. Internatsionalnaya, 33, Tambov, 392000, Russian Federation; e-mail: ioptambov@mail.ru;

Terekhova Natalia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nataliaterekhova@mail.ru

Вал. В. Бейлекчи

ТОПОРЫ МУРОМЫ

Резюме. Топоры – один из наиболее массовых видов мужского погребального инвентаря муромских грунтовых могильников. Известно 257 экземпляров топоров, которые представляют 7 основных типов, различающихся, в свою очередь, по видам: 1) втульчатые топоры-кельты (рис. 3, 1–4); 2) боевые топоры-чеканы (рис. 4, 1–7); 3) боевые (или парадные) топоры-чеканы с трапециевидным лезвием и узким пластинчатым выступом на тыльной части обуха (рис. 5, 1, 2); 4) широколопастной топор с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом; 5) широколопастные топоры с оттянутым вниз лезвием, прямой верхней гранью и двумя парами боковых щековиц с нижней стороны обуха (рис. 5, 4, 5); 6) лопастные топоры с оттянутым вниз лезвием и двумя парами боковых щековиц по обеим сторонам обуха (рис. 5, 3; 6, 1); 7) узколезвийные клиновидные топоры (рис. 6, 2–4). В большинстве известных случаев в погребениях топоры располагались в области предполагаемого пояса.

Ключевые слова: топор, тип, форма, могильники, мурома, финны, погребение, распространение, расположение, лезвие.

Одним из наиболее массовых видов мужского погребального инвентаря муромских грунтовых могильников были ударно-рубящие орудия – топоры.

Нам известны 257 экземпляров топоров из 217 погребальных комплексов, исследованных на 15 могильниках мурома (рис. 1; 2). Происходят топоры из погребений, а также из подъемного материала с территории могильников. Два топора найдены на Пятницком селище. Все они изготовлены из черных металлов.

В целом местоположение топоров в могильных ямах муромских могильников довольно разнообразно (табл. 2). В большинстве известных случаев они располагались в области предполагаемого пояса, что составляет 48 % от общего числа погребений (из них 19 % случаев расположения у правого бедра, 13 % – у левого бедра погребенных). В районе плеч погребенных топоры уложены в 30 случаях, что составляет 15 % от общего числа (примерно поровну как слева, так и справа от погребенного). Топоры обнаружены в ногах погребенных в 9 случаях, что составляет 4,5 % от общего числа. В изголовье топоры найдены в 6 случаях (3 % от общего числа). Известны находки топоров, воткнутых в дно могильных

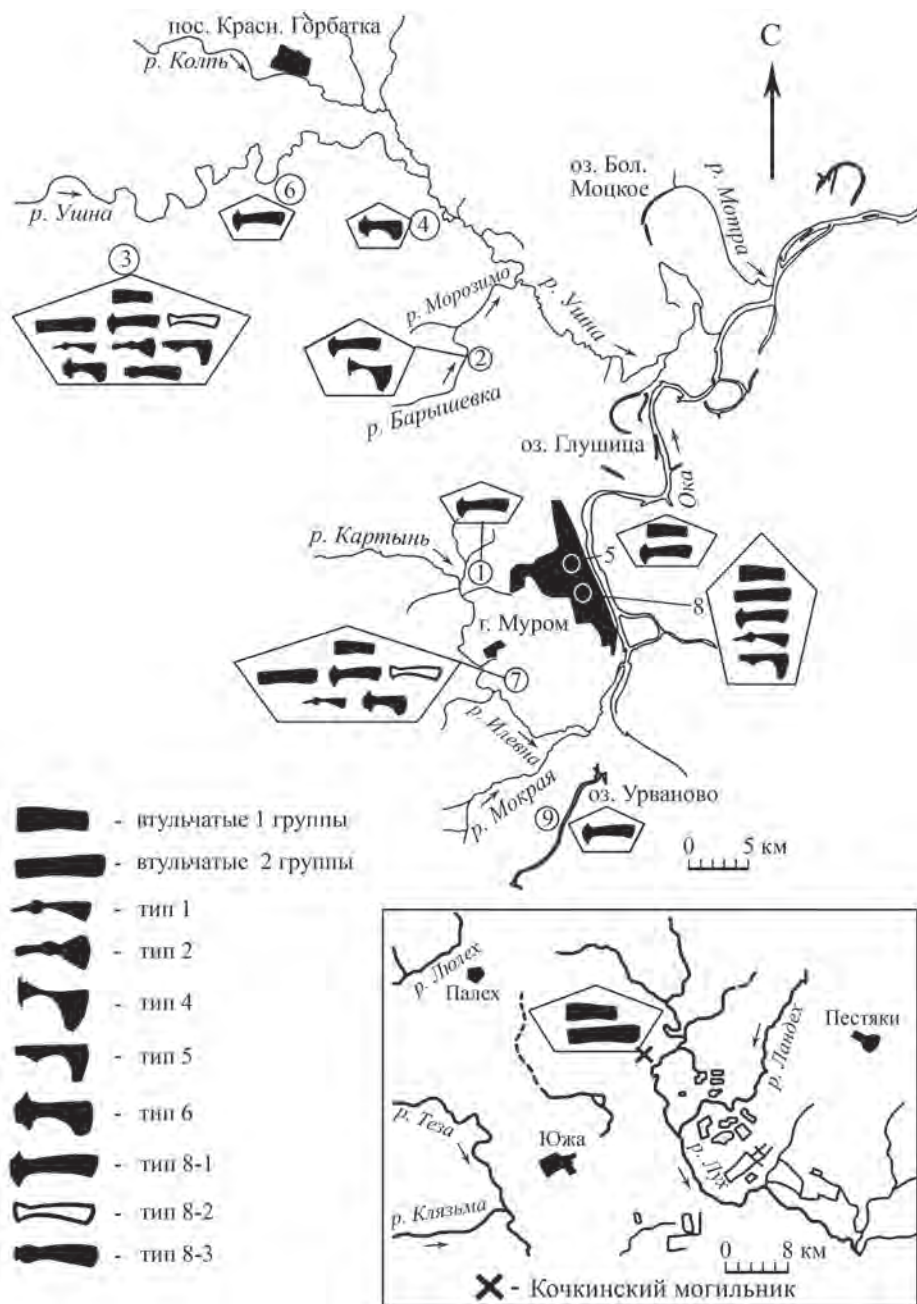

Рис. 1. Карта распределения типов топоров по могильникам муромы в левобережье Нижней Оки. Могильники

1 – Александровский; 2 – Максимовский; 3 – Малышевский; 4 – Молотицкий; 5 – Муромский; 6 – Новленский; 7 – Подболотьевский; 8 – Пятницкий; 9 – Урвановский

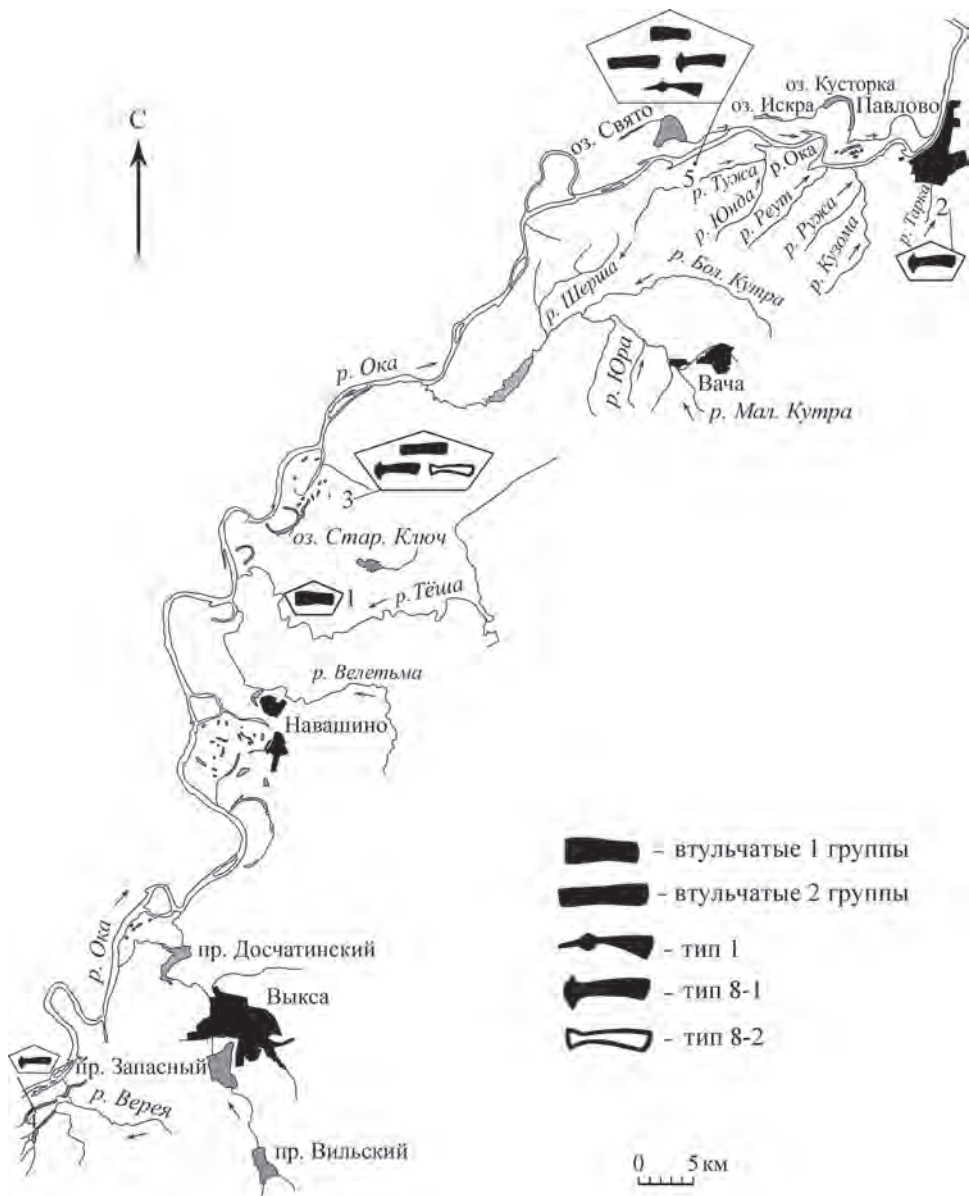

Рис. 2. Карта распределения типов топоров по могильникам муромы в правобережье Нижней Оки. Могильники

1 – Анцифрово-2; 2 – Камушки; 3 – Корниловский; 4 – Нижневерейский; 5 – Чулковский

ям, например в Кочкинском могильнике большинство топоров-кельтов было обнаружено именно в таком положении (*Ерофеева и др.*, 1988. С. 110).

Из 297 мужских погребальных комплексов муромы 207 сопровождалась топорами, что составляет около 70 %. Из 198 случаев нахождения топоров 37 найдено в погребениях, совершенных по обряду кремации.

Следует отметить, что способы применения топоров для хозяйственных нужд или боя, зависящие от формы лезвия, углов насада или длины и формы рукояти, предпочтительно обосновывать в первую очередь данными экспериментальной археологии. Информация по этой теме изложена в ряде публикаций (*Святкин, Власенко*, 2012. С. 40, 41).

Топоры традиционно разделены нами по способу их использования на категории универсальных (военно-хозяйственного назначения) и боевых, а также по способу насада на топорщице (втульчатые и проушные). По составным элементам топоры состоят из лезвия, обуха и топорщицы (*Трубников*, 1997. С. 109).

Краткая сводка топоров муромы представлена в монографии В. В. Бейлекчи «Древности летописной муромы» (*Бейлекчи*, 2005. С. 28, 36). Определение типологического ряда производилось на основании классификации втульчатых топоров, примененной Ю. А. Красновым к находкам Безводнинского могильника (*Краснов*, 1980. С. 69), и типологии проушных топоров, разработанной А. Н. Кирпичниковым на материалах Древней Руси (*Кирпичников*, 1966. С. 30. Рис. 6), при этом сохранена нумерация типов указанных авторов. Среди некоторых типов выделены подтипы. Привлечены также классификации топоров С. В. Святкина, И. Л. Измайлова, В. Йотова, В. К. Михеева (*Святкин*, 2001; *Измайлов*, 1997; *Йотов*, 2004; *Михеев*, 1985). На этом основании выделяются 7 основных типов топоров муромы¹ (табл. 1).

Втульчатые топоры (50 экз.).

Топоры-кельты 1-й группы, коротких пропорций (31 экз.). Длина втулки этих топоров составляет около 1/2 общей длины орудия, лезвие выгнутое, угол наклона оси втулки к оси лезвия незначителен (рис. 3, 1). Среди известных экземпляров выделяется топор-кельт из погребения № 112 Малышевского могильника, который имеет значительный угол наклона оси втулки к оси лезвия, скошенное лезвие и не до конца свернутую втулку (рис. 3, 2). Из материалов Муромского могильника известен топор-кельт, имеющий такую же форму и кольцевую обойму по краю втулки (*Горюнова*, 1953. Рис. 10, 14) (рис. 3, 3).

В целом топоры-кельты были широко распространены у финнов и балтов, подобная конструкция топора впервые появилась в эпоху бронзы. Кельты коротких пропорций, по данным Ю. А. Краснова, появились в Западном Поволжье в первой половине – середине I тыс. н. э., где они начиная с конца III – IV вв. распространились среди рязано-окских и мордовских племен (*Краснов*, 1980. С. 69–71). У муромы кельты 1-й группы бытуют в VII–VIII вв., в IX в. подобные топоры полностью заменяются топорами-кельтами 2-й группы, имеющими большую производственную эффективность за счет удлинения лезвия по отно-

¹ Из общего числа топоров не определенными остаются 2 экземпляра из Малышевского могильника.

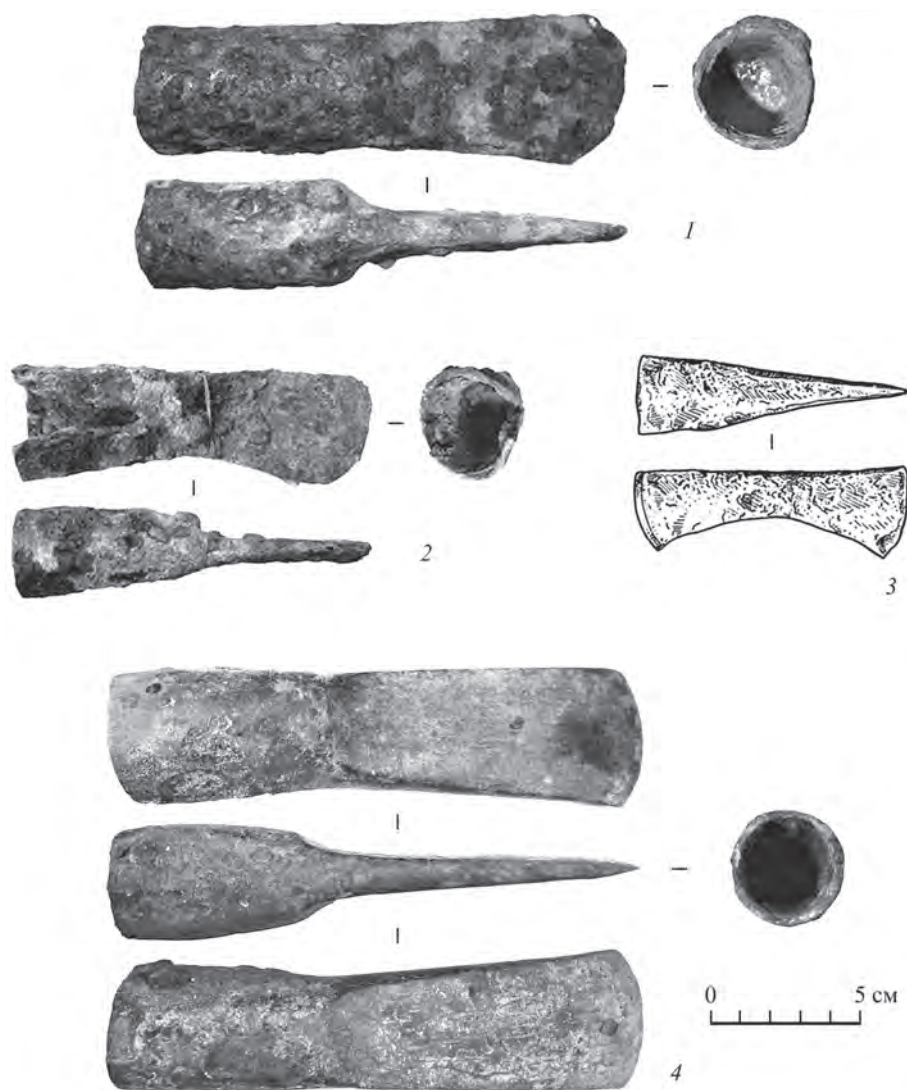

Рис. 3. Втульчатые топоры-кельты (1 и 2 группы)

1 – Малышевский могильник, п. м.; 2 – Малышевский могильник, погр. 112; 3 – Муромский могильник, засыпка погр. 6; 4 – Малышевский могильник, п. м.

шению ко втулке и увеличения наклона оси лезвия к оси втулки (*Жиганов*, 1961. С. 175, 176).

Топоры-кельты 2-й группы, удлинённых пропорций (19 экз.). Длины втулок этих топоров составляют около $\frac{1}{3}$ общей длины орудий, лезвия выгнутые, оттянуты назад по отношению к оси втулки, угол наклона оси втулок к оси лезвий, как правило, незначителен.

Из общей массы известных находок можно выделить топор-кельт из подъемного материала Малышевского могильника (раскопки 1938 г.) (рис. 3, 4), хорошей сохранности, что связано с пребыванием изделия в огне. На обеих сторонах лопасти топора заметны мелкие горизонтальные насечки, сделанные зубилом. Аналогичные следы особой обработки известны на топорах-кельтах с Сарского городища, из Лядинского могильника, поздних погребений Подболотьевского и Хотимльского могильников, относящихся ко времени не ранее X в. Известно, что такая традиция имеет глубокие корни: насечки имеются на лезвиях проушных топоров мазунинской культуры в Прикамье (*Леонтьев*, 1996. С. 126). Выделяется также топор из коллекции грабительских раскопок Подболотьевского могильника 1910 г., хранящийся в Муромском историко-художественном музее, у которого поверх края втулки наварена обойма шириной 2 см, а нижние части втулки и лезвия опущены по дуге (*Бейлекчи*, 2015. С. 230, 231. Рис. 6, 1).

По сведениям Ю. А. Краснова, кельты 2-й группы в Западном Поволжье появились в середине I тыс. н. э. и далее сосуществовали с кельтами 1-й группы (*Краснов*, 1980. С. 69–71). В последней четверти I тыс. н. э. они применялись вместе с проушными топорами и к началу X в. сменились изделиями более совершенных форм.

Втульчатые топоры, видимо, использовались как многофункциональный рубяще-долбящий инструмент и, возможно, как предмет вооружения. Со времени их появления в Волго-Окском регионе и до времени вытеснения проушными топорами они изготавливались различными способами, отражая развитие кузнечных методик.

Проушные топоры (202 экз.).

Боевые топоры-чеканы, тип 1 (9 экз.). Подобные топоры у муромы редки, каждый из них имеет своеобразную форму. Топор-чекан из подкурганного погребения № 11 Подболотьевского могильника (рис. 4, 1) (*Зеленцова, Милованов*, 2015. С. 126. Рис. 4, 9) декорирован у проушины поперечными рельефными канавками – двумя со стороны лезвия и четырьмя со стороны обуха. Аналогия происходит из курганной группы Вельского (бывший Переяславский уезд Владимирской губернии) (*Кирпичников*, 1966. № 4 по каталогу). Судя по погребальному обряду и инвентарю (лировидная пряжка, пешня с квадратной втулкой, пластинчатые браслеты, сосуды с насечками по срезу венчика), погребение, в котором обнаружен чекан, совершено не ранее XI в. Данный образец близок к мордовским чеканам X–XI вв. из цнинских могильников, форма которых считается типично мордовской. На территории Древней Руси и Волжской Булгарии топоры данной конструкции не обнаружены (*Святкин, Власенко*, 2012. С. 36, 37).

Топор-чекан из грабительских раскопок Подболотьевского могильника 1910 г. в коллекции Муромского музея (рис. 4, 2), имеет узкое продолговатое

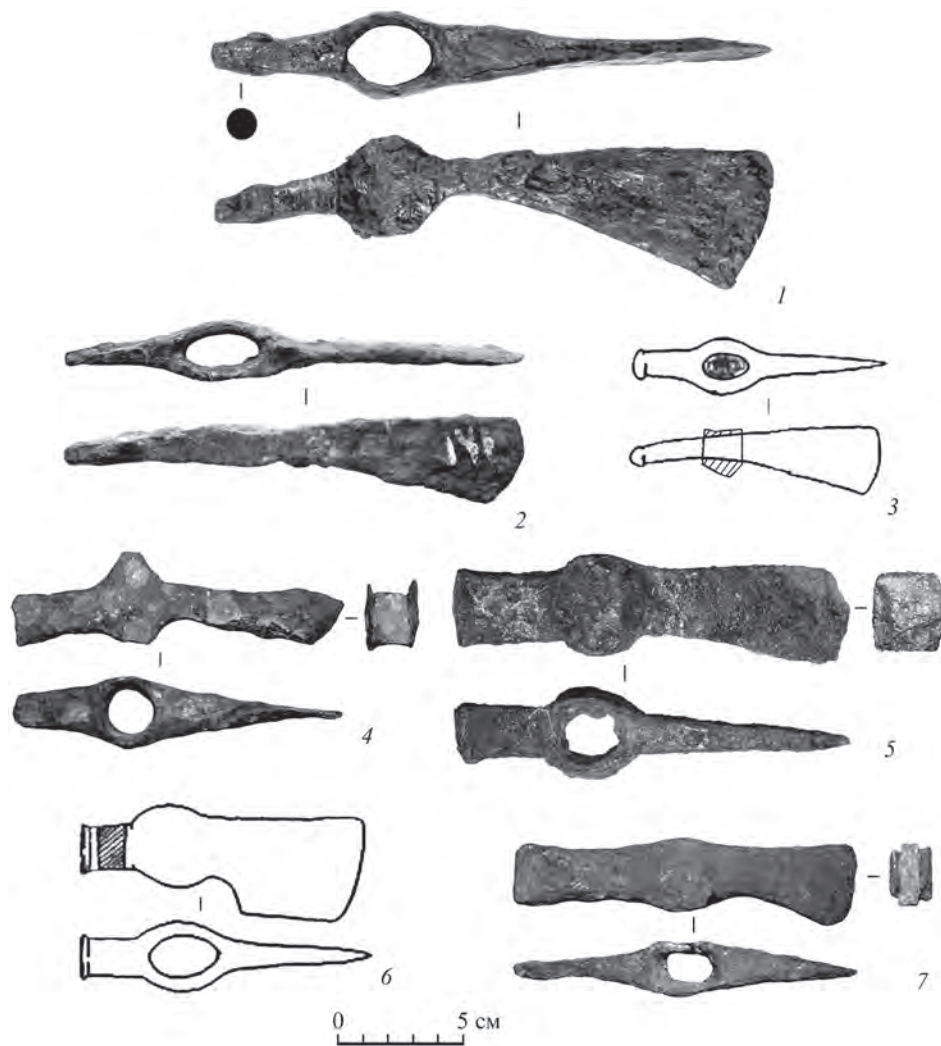

Рис. 4. Проушные боевые топоры-чеканы (тип 1)

1 – Подболотьевский могильник, погр. 11; 2 – Подболотьевский могильник, п. м.; 3 – Чулковский могильник, погр. 78; 4 – Пятницкий могильник, п. м.; 5 – Малышевский могильник, погр. 151–152; 6 – Чулковский могильник, погр. 73; 7 – Пятницкий могильник, п. м.

лезвие, с подквадратным в сечении молотковидным вытянутым обухом, без щековиц (*Бейлекчи*, 2015. С. 230. Рис. 4, 4). Подобный топорик найден в Большой Бремболе Ярославской области (*Кирпичников*, 1966. № 198 по каталогу).

Топор-чекан из погребения № 78 Чулковского могильника (рис. 4, 3) имеет узкое продолговатое лезвие, с вытянутым подпрямоугольным в сечении молотковидным обухом с округлым грибовидным окончанием, без щековиц. По классификации С. В. Святкина, данный топор относится к группе А, типу 1 (*Святкин*, 2001. С. 37, 38). Найден в инвентаре мужского труположения, где нет вещей, датируемых ранее VIII в.

Топор-чекан, найденный в подъемном материале с территории Пятницкого могильника (рис. 4, 4), отличается от вышеописанных парными заостренными подтреугольными щековицами на обухе. Он имеет подквадратный в сечении молотковидный вытянутый обух и узкое лезвие.

Четыре вышеописанных топора по классификации И. Л. Измайлова относятся к *типу А1* (*Измайлов*, 1997. С. 77, 80. Рис. 44). Топоры такой формы могли быть специализированным оружием воина-профессионала. Они были широко распространены в Восточной Европе, появившись с IX в. одновременно у волжских булгар, салтово-маяцкого населения, венгров и на территории Древней Руси. В мордовских могильниках Среднего Поволжья они появились примерно со второй половины VII в., и их появление связывают с сармато-аланскими племенами (*Святкин*, 2001. С. 38). В район Поволжья они могли попасть с волнами тюрко-угорских племен из степных районов Евразии и Прикамья (*Измайлов*, 1997. С. 89–103). Для муромы данные топоры могли бытовать в период с VIII по XI вв.

Топор-чекан из погребения № 151 Малышевского могильника (рис. 4, 5) имеет обух с грибовидной подквадратной в сечении шляпкой, узкое вытянутое лезвие, небольшие округлые щековицы. Найден в инвентаре трупосождения мужчины с труположением коня. Данный топор по классификации И. Л. Измайлова относится к *типу Б1* (Там же. С. 77, 80. Рис. 44), такие изделия интерпретируются как типично «болгарские», бытовавшие в период IX–XI вв. и ставшие наиболее популярными с X в. Близкие по форме топоры известны также из материалов мордовских могильников, Прикамья и Южного Урала периода IX–XI вв., памятников Хазарского каганата VIII–X вв. В погребении № 151 чекан был найден вместе с арочным стремяном (тип VI по классификации А. Н. Кирпичникова). Арочные стремяна типа VI в X в. представляли собой отживающую форму (*Кирпичников*, 1973. С. 106), соответственно, погребение № 115 совершенно не позже X в.

Широколопастной топор-чекан из погребения № 73 Чулковского могильника (рис. 4, 6) по классификации И. Л. Измайлова относится к *типу Б1а* (*Измайлов*, 1997. С. 77, 80. Рис. 44). Найден в инвентаре кенотафа (?). Имеет молотковидный обух с окончанием грибовидной формы и широкое лезвие с небольшой выемкой. Происхождение топоров подобной формы связано со степными и лесостепными районами Восточной Европы, в основном они известны на территориях Волжской Булгарии и сопредельных земель, известны также в салтово-маяцких памятниках Северного Кавказа, в Венгрии, очень редко встречаются на территории Древней Руси (*Культура Биляра*. С. 41. Табл. XIV, 1–2). Описываемый топор

от «биярских» универсальных топоров отличает меньшая массивность, что может интерпретировать его как боевой. Схожие по форме топоры обнаружены в могильнике Дюрсо в трупосожжении № 8 (IX в.). (Крым... С. 257. Табл. 90/6) и в катакомбе в хозяйственной яме 18 Маяцкого селища IX – начала X вв. (Владимиров, 2015. С. 360, 361. Рис. 1, 5). Топор из погребения № 73 Чулковского могильника может быть датирован IX–X вв.

Один чекан, найденный в подъемном материале на Пятницком могильнике, имеет специфическую форму вытянутого уплощенного обуха, которая представляет собой узкий выступ в виде не острой, прямоугольной в сечении пластины (рис. 4, 7). По своему виду этот топор определяется как нечто среднее между типами 1 и 2. Схожие по форме топоры обнаружены в погребении № 3 Дмитриевского могильника, вторая половина VIII – IX вв., в катакомбе II Маяцкого селища IX – начала X вв. (Там же. Рис. 1, 3) и погребении № 17 Мартан-Чуйского могильника в Чечне, X–XI вв. (Сланов, 2000. С. 228. Табл. XX, 10; XXI, 2). Основываясь на датировках аналогий, топор из Пятницкого могильника мог использоваться с VIII по XI вв.

Боевые (или парадные) топоры-чеканы с трапецевидным лезвием и узким пластинчатым выступом на тыльной части обуха, тип 2 (2 экз.). Оба топора происходят из Малышевского могильника (из подъемного материала и из инвентаря погребения № 8 – труположения мужчины; рис. 5, 1, 2). Противоположный лезвию пластинчатый выступ топоров затуплен. По классификации болгарского исследователя Валерия Йотова такие топоры относятся к типу 4, варианту А (Йотов, 2004. С. 97). Наиболее ранние экземпляры топоров подобной формы известны в материалах памятников Кавказа и Башкирии (Стерлитамакский могильник), также они найдены в дружинных курганах Древней Руси, в Скандинавии, Прибалтике и Швеции. Аналогии встречены в Юго-Восточном Приладожье в курганах Исаева (Кирпичников, 1966. № 32 по каталогу), в курганной группе Большая Брембола (Там же. № 43 по каталогу), в большом кургане Гуцинской группы в Чернигове (Там же. № 51 по каталогу), в Шестовицкой курганной группе (Там же. № 54 по каталогу), а также в Северной Болгарии (Йотов, 2004. Рис. 51). Данные топоры-чеканы датируются X – началом XI вв. Экземпляры из Малышевского могильника отличаются своей тонкостью и малой массивностью. Возможность их боевого применения остается под вопросом, скорее эти топоры могли быть парадными.

Широколопастный топор с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом, тип 4 (1 экз.). Происходит из погребения № 1 Максимовского могильника (раскопки 1895 г.). Определение этого топора дано А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1966. № 281 по каталогу), автор датирует его XI в. Подобные топоры появляются на Руси с X в.

Широколопастные топоры с оттянутым вниз лезвием, прямой верхней гранью и двумя парами боковых щековиц с нижней стороны обуха, тип 5 (2 экз.). Происходят из погребения № 179 Малышевского могильника и из Пятницкого могильника. По классификации И. Л. Измайлова относится к типу ГП (Измайлов, 1997. С. 93). Щековицы топоров подтреугольной формы. У топора из Малышевского могильника на обухе имеется плоский слабо выделенный выступ прямоугольного сечения. Топор относится к ранним экземплярам, которые

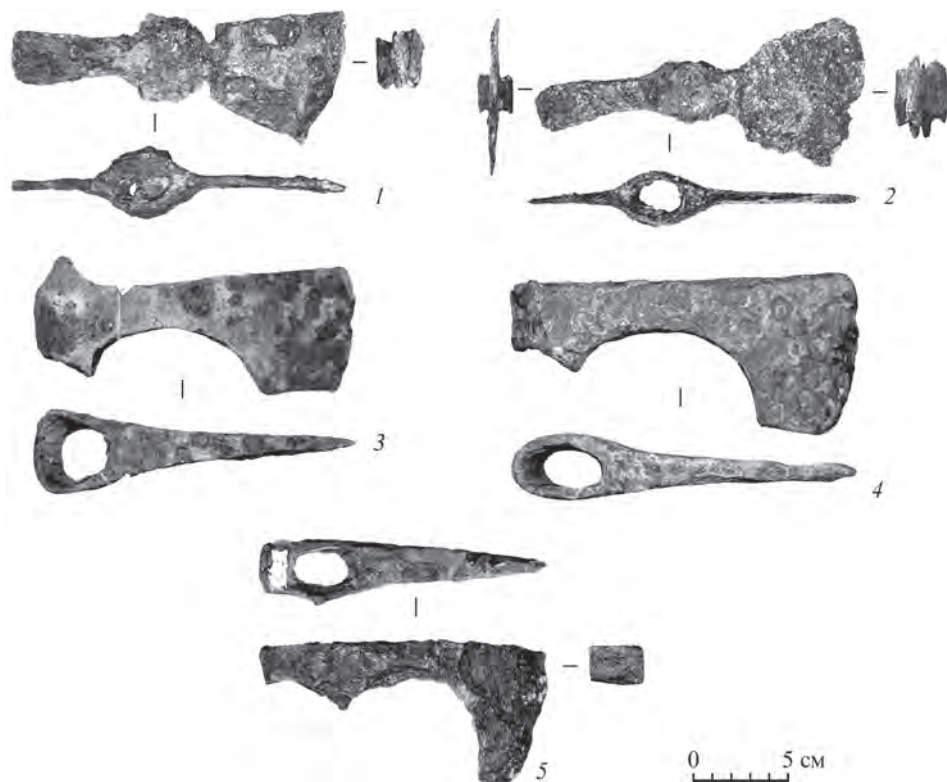

Рис. 5. Проушные боевые (или парадные) топоры-чеканы (тип 2) и проушные топоры (типы 5, 6)

1, 2 – Малышевский могильник, погр. 8, п. м.; 3 – Малышевский могильник, погр. 106; 4 – Пятницкий могильник, п. м.; 5 – Малышевский могильник, погр. 179

по сравнению с более поздними отличаются узкой и длинной лопастью и наличием выступа на обухе (рис. 5, 5), датируются концом VIII – началом IX вв. В инвентаре погребения, где встречен топор, не было вещей, которые не могут датироваться ранее X в. Аналогии подобным топорам встречены на Сарском городище, марийском Веселовском могильнике, на Супрутском городище на р. Упа в Тульской обл., в Приладожье в устье р. Паши в погребении 1 кургана 7, во Владимирских курганах, а также на северо-западных территориях – в Северной Европе (Норвегии, Северной Швеции, Финляндии), где появляются с VII в., а также в Старой Ладогге. Данные топоры не имели широкого распространения на территории Руси и соседних территориях (Леонтьев, 1996. С. 122, 123. Рис. 46, 5).

Топор из Пятницкого могильника имеет короткую и широкую лопасть, ко-сой срез нижней кромки, без выступа на обушковой части (рис. 5, 4). Аналогии этим топорам встречены в финно-угорских могильниках IX–XII вв., например в марийском могильнике «Черемисское кладбище» (Никитина, 2012. Рис. 40, 2;

113, 11), в Прикамье, в домонгольских памятниках Древней Руси (в основном на Северо-Западе), на болгарском Кокретском городище (Измайлов, 1997. С. 93. Рис. 62, 2) и др.

Лопастные топоры с оттянутым вниз лезвием и двумя парами боковых щековиц по обеим сторонам обуха, тип 6 (8 экз.). Делятся на две разновидности: 1) с нешироким лезвием (подтип 6–1); 2) с широколопастным лезвием (подтип 6–2).

Топоры типа 6 с нешироким лезвием (подтип 6–1) встречаются в количестве 5 экземпляров (рис. 5, 3). По классификации И. Л. Измайлова они относятся к *типу VII*. Подобные топоры были широко распространены в Северо-Восточной Европе в IX–XIV вв., бытовали в Волжской Булгарии в IX–X вв. (Измайлов, 1997. С. 90), на территории средней и северной Руси, а также у мордвы и марийцев. Апогей их использования приходится на X–XI вв. (Кирпичников, 1966. С. 37).

Топоры типа 6 с широколопастным лезвием (подтип 6–2) найдены в количестве 4 экземпляров (рис. 6, 1). По классификации И. Л. Измайлова они относятся к *типу VIII*. Изделия имеют вытянутое лезвие, две пары заостренных щековиц на округлом обухе. Топоры такой формы, появившись в XI в., широко распространились у народов Восточной Европы – на территории Древней Руси, Волжской Булгарии, у марийцев (с XII в.) (Измайлов, 1997. С. 91).

Происхождение топоров типа 6 связано с Центральной и Северной Европой, где они появились в VIII–IX вв. и далее распространились на территории Древней Руси, финно-угров и Волжской Булгарии.

Лопастные топоры типов 4, 5, 6 могли быть позаимствованы финнами из славянской среды или могли появиться под влиянием развитой в технологическом плане древнерусской культуры (Кирпичников, 1966. С. 36). Все они имеют заостренные щековицы для надежности крепления к топористицу. Топоры данного типа, имея расширенную рабочую часть и «перенесенный центр тяжести за счет оттянутости ближе к концу лезвия», обладали большим полезным коэффициентом, нежели универсальные узколезвийные клиновидные топоры (тип 8) (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 42). По-видимому, этот тип топоров за счет массивности и улучшенного баланса мог иметь как хозяйственно-бытовое, так и боевое предназначение.

Узколезвийные клиновидные топоры, тип 8 (165 экз.). Топоры данного типа встречаются практически во всех муромских могильниках. Эти топоры по форме можно разделить на три разновидности: 1) узколезвийные клиновидные со щековицами (подтип 8–1); 2) узколезвийные клиновидные без щековиц (подтип 8–2); 3) узколезвийные клиновидные с молотковидным обухом (подтип 8–3).

Основную массу составляют изделия *первой* разновидности (подтип 8–1) (116 экз.): топоры, имеющие округлый обух, двусторонние подтреугольные щековицы и немного оттянутое назад лезвие, ширина которого составляет 1/3 высоты (рис. 6, 2). Спинка лопасти лезвия в большинстве случаев выгнутая, реже прямая. Проушины по форме овальные, круглые или подтреугольные с округлыми углами. По классификации С. В. Святкина относятся к группе А, типу 3 (Святкин, 2001. С. 40). Функционально топоры данного типа использовались

**Рис. 6. Проушные топоры-секиры (тип 6)
и проушные узколезвийные клиновидные топоры (тип 8)**

1 – Подболотьевский могильник, погр. 115 (раскопки 2013 г.); 2 – Малышевский могильник, погр. 187; 3 – Корниловский могильник, погр. 8; 4 – Малышевский могильник, погр. 135

в хозяйственно-бытовых целях – для рубки деревьев, плотницкого дела и т. п., но в случае необходимости могли использоваться и для боевых целей. К примеру, узкое и длинное лезвие удобно для подрубания корней деревьев при корчевании, а также в бортном деле (Дубынин, 1947. С. 39).

Среди топоров *первой* разновидности можно выделить серию «*колунов*» из Подболотьевского и Малышевского могильников (5 экз.), у которых клиновидная лопасть лезвия очень массивна. Толщина клина на месте соединения с обухом составляет около 3 см.

Также выделяется один топор из Чулковского могильника (погребение № 63, трупоположение), имеющий рукоять длиной около 35 см, у которой по бокам были прикреплены железные накладки (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 34. Рис. 12, 6). По мнению В. В. Гришакова и Ю. А. Зеленева, этот топор относится к боевым, что сомнительно, т. к. форма его ничем не отличается от универсальных.

Происхождение топоров типа 8 восходит к позднеантичному периоду, они появляются на территории восточных римских провинций и раннеславянских памятниках в первой половине I тысячелетия (Очерки..., 1956. С. 40). В Невелинском могильнике, в погребениях VIII – начала IX вв. (II–III стадии), встречены подобные топоры грубых форм с простым обухом без заостренных щековиц (Голдина, 2012. С. 50. Рис. 220, 7). Время бытования топоров типа 8 в среде поволжских финнов – VIII–XI вв., наибольшее распространение приходится на IX–X вв. Они были широко распространены среди финно-угорского

населения, встречены в большом количестве в мордовских и марийских могильниках. Следует заметить, что у балтского населения Восточной Литвы в V–VIII вв. были распространены топоры подобной формы, но на их боевую принадлежность «указывает их орнамент, форма, масса и размеры» (*Казакивичус*, 1988. С. 81). Узколезвийные топоры были также характерны для северных областей территории Древней Руси, где проживало смешанное финно-русское население (*Святкин*, 2001. С. 41). Начиная с X в. данный тип топоров постепенно вытесняется более совершенными формами (*Леонтьев*, 1996. С. 122, 126; *Кирпичников*, 1966. С. 38).

Ряд муромских топоров из Подболотьевского, Малышевского и Корниловского могильников (7 экз.) (рис. 6, 3), относящихся ко *второй* разновидности (подтип 8–2), не имеет щековиц на округлом цилиндрическом обухе. Исчезновение щековиц, видимо, связано с упрощением процесса изготовления топоров, что может быть связано с тенденцией выработки массовой продукции без трудоемких технологических операций. Подобные топоры бытовали у мордовских племен с X по XIV в., известны находки из городов Древней Руси, где они распространяются с XII в. и бытуют до XV в., один подобный топор найден в Марийском Поветлужье (*Святкин*, 2001. С. 41). У балтов в VIII–X вв. были распространены подобные по форме, но орнаментированные топоры, подразделявшиеся в зависимости от длины и веса на боевые и универсальные (*Казакивичус*, 1988. С. 76–77). Муромские находки могут быть датированы X–XI вв.

Один из топоров, относящийся к *третьей* разновидности (подтип 8–3), происходит из Малышевского могильника (трупосожжение № 135) (рис. 6, 4) и выделяется из основной массы узколезвийных топоров. Он имеет прямоугольный в сечении короткий квадратный молотковидный обух, лезвие слегка отогнуто назад, щековицы овальные. Отношение ширины лезвия к длине топора равно 1:3. По классификации С. В. Святкина относится к группе А, типу 2 (*Святкин*, 2001. С. 39), по классификации В. К. Михеева – к типу 1 рабочих топоров (*Михеев*, 1985. С. 68). Подобные топоры известны в материалах Волжской Булгарии (IX–XIII вв.), Северо-Западного Предкавказья и многочисленны в мордовских могильниках, где датируются X–XIII вв. (*Измайлов*, 1997. С. 90; *Святкин*, 2001. С. 40). Аналогичные топоры обнаружены в катакомбе в яме постройки 28 Маяцкого селища (IX – начало X в.), на салтовском городище Маяки (*Владимиров*, 2015. С. 362. Рис. 1, 1; *Михеев*, 1985. С. 68. Рис. 24, 13–20). Для муромы данная находка может датироваться IX–XI вв.

В период с конца VII – начала VIII вв. у муромы были в обиходе только втульчатые топоры, причем топоры-кельты 1 и 2 групп сосуществовали вместе. В IX в. в обиходе остаются более совершенные топоры-кельты 2-й группы. Начиная с VIII в. широко распространяются проушные топоры типа 8. Эти топоры встречены во всех муромских могильниках, за исключением слабоизученных могильников. Втульчатые топоры и проушные узколезвийные топоры (тип 8) являлись одними из основных «помощников» муромского населения в хозяйственной деятельности и ремесленном деле, их боевое применение можно представить в редких случаях. Тем не менее без них нельзя было обойтись в походах. Они были достаточно просты в изготовлении, поэтому доступны для всех.

В VIII в., под влиянием болгарских и тюрко-угорских племен, муромское население знакомится с боевыми топорами-чеканами (тип 1) и использует их вплоть до XI в. Находки чеканов у муромы очень редки, они были не так распространены, как, например, у соседних мордовских племен, которые имели непосредственные контакты с населением степных районов Евразии. Концом VIII – началом IX вв. датируется ранний экземпляр топора типа 5 из погребения № 179 Малышевского могильника, его наличие может свидетельствовать о ранних контактах муромы с населением Северо-Запада. Переломным моментом становится X в., когда под воздействием славянской среды у муромы начинают появляться наиболее совершенные универсальные лопастные топоры (типы 4, 5, 6), вытесняя традиционные втульчатые (2 группа) и проушные узколезвийные (тип 8). Также не ранее X в. у муромы появляются топоры-чеканы с трапецевидным лезвием и узким пластинчатым выступом на тыльной части обуха (тип 2), найденные в Малышевском могильнике.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы: погребальный обряд и поселения: учеб. пос. Муром: Изд-во Московского психол.-соц. ин-та. 152 с.
- Бейлекчи Вал. В., 2015. «Мужской» инвентарь в коллекции из грабительских раскопок 1910 года на Подбологьевском могильнике муромы // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 222–235.
- Владимиров С. И., 2015. Топоры Маяцкого археологического комплекса // КСИА. Вып. 239. С. 358–369.
- Голдина Р. Д., 2012. Неволинский могильник VII–XI вв. в Пермском Предуралье: монография. Ижевск: Удмуртия. 472 с. (Материалы и исследования Камской-Вятской археологической экспедиции; т. 21.)
- Горюнова Е. И., 1953. Муромский могильник (К истории города Муромы) // Краткие сообщения о раскопках и полевых исследованиях / ИИМК. Вып. 52. М.: Изд-во АН СССР. С. 33–42.
- Гришаков В. В., Зеленева Ю. А., 1990. Муромы VII–XI вв.: учеб. пос. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.
- Дубынин А. Ф., 1947. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э. [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 362.
- Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В., 1988. Кочинский грунтовый могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14: Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 99–134.
- Жиганов М. Ф., 1961. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря) // СА. № 4. С. 158–179.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 122–134.
- Измайлов И. Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань; Магадан: СВНЦ ДВО РАН. 213 с.
- Йотов В., 2004. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна: Зограф; Велико Търново: Абагар. 350 с.
- Казакявичус В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы: монография. Вильнюс: Мокслас. 160 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. (САИ; вып. Е1-36.)
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. (САИ; вып. Е1-36.)

- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 223 с.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 533 с. (Археология; т. 18.)
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 315 с.
- Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа. 148 с.
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: МарНИИЯЛИ. 408 с. (Археология евразийских степей; вып. 14.)
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. литературы, 1956. 266 с. (Труды ГИМ; вып. 32.)
- Святкин С. В., 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т. 147 с.
- Святкин С. В., Власенко Д. В., 2012. Очерки военного дела мордовских племен в I – первой половине II тыс. н. э.: монография. Саранск. 126 с.
- Сланов А. А., 2000. Военное дело алан I–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 216 с.
- Трубников Б. Г., 1997. Большой словарь оружия. СПб.: Полигон; М.: АСТ. 672 с.

Сведения об авторе

Бейлекчи Валентин Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: benny1987@yandex.ru

Val. V. Beilekchi

MUROMA AXES

Abstract. Axes are the most frequent type of male funeral offerings at Muroma flat cemeteries. The number of discovered axes is 257, they are all divided into seven main types, with subtypes identified within each group: 1) socketed celts (Fig. 3, 1–4); 2) battle chekan axes (Fig. 4, 1–7); 3) battle (or ceremonial) chekans with a trapezoidal blade and a narrow plated prominent part at the heel of the butt (Fig. 5, 1, 2); 4) a broad-bladed axe with the blade that stretches downward, two pairs of side cheeks and an elongated cutting butt; 5) broad-bladed axes, with the blade extending downward, the straight upper edge and two pairs of side cheeks on the lower part of the butt (Fig. 5, 4, 5); 6) bladed axes with the blade that stretches downward and two pairs of side cheeks on both sides of the butt (Fig. 5, 3; 6, 1); 7) narrow-bladed wedge-shaped axes (Fig. 6, 2–4). In most known cases the position of the axes in the graves was near the area where, supposedly, the belt was located.

Keywords: axe, type, form, cemeteries, Muroma, Finns, grave, spread, location, blade.

REFERENCES

- Beylekchi V. V., 2005. Drevnosti letopisnoy muromy: Pogrebal'nyy obryad i poseleniya: uchebnoe posobie [Antiquities of Muroma people mentioned in chronicles: Burial rite and settlements: manual]. Murom: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut. 152 p.
- Beylekchi Val. V., 2015. «Muzhskoy» inventar' v kolleksii iz grabitel'skikh raskopok 1910 goda na Podbolot'evskom mogil'nike muromy [«Men's» funeral offerings in collections from illicit excavations of 1910 at Podbolot'evo cemetery of Muroma]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy*

- zemli: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Vladimir-Suzdal' land: transactions of scientific seminar], 5. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN. pp. 222–235.
- Dubynin A. F., 1947. Malyshevskiy mogil'nik. K istorii Nizhney Oki v I tysyacheletii n. e. (Rukopis'): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Malyshevo cemetery. Toward history of Lower Oka in I millennium AD (Manuscript): PhD thesis]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Erofeeva E. N., Travkin P. N., Utkin A. V., 1988. Kochkinskiy gruntovyy mogil'nik [Kochkino ground cemetery]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya [Archaeology and ethnography of Mari land]*, 14. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya mariytsev [Ethnic genesis and ethnic history of Mari people]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI, pp. 99–134.
- Goldina R. D., 2012. Nevolinskiy mogil'nik VII–XI vv. v Permskom Predural'e [Nevolinskiy cemetery of VII–XI cc. in Perm' Ural region]. Izhevsk: Udmurtiya. 472 p. (Materialy i issledovaniya Kamskoy-Vyatskoy arkhelogicheskoy ekspeditsii, 21.)
- Goryunova E. I., 1953. Muromskiy mogil'nik (K istorii goroda Muroma) [Murom cemetery (Toward history of town of Murom)]. *KSIMK*, 52, pp. 33–42.
- Grishakov V. V., Zelenev Yu. A., 1990. Muroma VII–XI vv.: uchebnoe posobie [Muroma in VII–XI cc.: manual]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet. 77 p.
- Izmaylov I. L., 1997. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII vv. [Weaponry and warfare of Volga Bulgaria population of X – early XIII cc.]. Kazan': Severo-Vostochnyy nauchnyy tsentr Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 213 p.
- Kazakyavichus V., 1988. Oruzhie baltских племен II–VIII веков на территории Литвы [Weapons of Balt tribes of II–VIII centuries in territory of Lithuania]. Vil'nyus: Mokslas. 160 p.
- Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weaponry], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni. IX–XIII vv. [Spearheads, javelins, battle axes, maceheads, bludgeons. IX–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. (SAI, E1-36.)
- Kirpichnikov A. N., 1973. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Equipment of rider and riding horse in Russia of IX–XIII cc.]. Leningrad: Nauka. (SAI, E1-36.)
- Krasnov Yu. A., 1980. Bezvodninskiy mogil'nik. (K istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [Bezvodninskiy cemetery. (For history of Volga region in Gorky vicinity in Early Middle Ages)]. Moscow: Nauka. 223 p.
- Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya, IV–XIII vv. [Crimea, North-eastern Pontic zone and Transcaucasia in medieval epoch, IV–XIII cc.]. T. I. Makarova, S. A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, 2003. 533 p. (Arkheologiya, 18.)
- Leont'ev A. E., 1996. Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of the Merya. To early history of North-Eastern Rus]. Moscow: Geoeko. 315 p.
- Mikheev V. K., 1985. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata [Don region in structure of Khazar khanate]. Kharkov: Vishcha shkola. 148 p.
- Nikitina T. B., 2012. Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of IX–XI cc. in Vetluga-Vyatka interfluve]. Kazan': Mariyskiy NIIYaLI. 408 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 14.)
- Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village of X–XIII cc.]. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Gos. izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noy literatury, 1956. 266 p. (Trudy GIM, 32.)
- Slanov A. A., 2000. Voennoe delo alan I–XV vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Alans' warfare in I–XV cc. (Manuscript): PhD thesis]. Vladikavkaz. 216 p.
- Svyatkin S. V., 2001. Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh племен в первой половине II тыс. н. е. [Weaponry and warfare of Mordva tribes in first half of II mill. AD]. Saransk: Mordovskiy gos. pedagogicheskiy institut. 147 p.
- Svyatkin S. V., Vlasenko D. V., 2012. Ocherki voennogo dela mordovskikh племен в I – первой половине II тыс. н. е. [Essays on warfare of Mordva tribes in I – first half of II mill. AD]. Saransk. 126 p.
- Trubnikov B. G., 1997. Bol'shoy slovar' oruzhiya [Great dictionary of weapons]. St. Petersburg: Poligon; Moscow: AST. 672 p.
- Vladimirov S. I., 2015. Topory Mayatskogo arkhelogicheskogo kompleksa [Axes from Mayatskiy archaeological assemblage]. *KSIA*, 239, pp. 358–369.
- Yotov V., 2004. V"or"zhenieto i snaryazhenieto ot b"lgarskoto srednevekovie (VII–XI vek) [Weapons and equipment in Bulgarian Middle Ages (VII–XI century)]. Varna: Zograf; Veliko T'movo: Abagar. 350 p.

- Zelentsova O. V., Milovanov S. I., 2015. Kurganny obryad pogrebeniya v Nizhnem Pooch'e v epokhu Srednevekov'ya [Kurgan burial rite in Lower Oka region in Middle Ages]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova* [Cities and villages of Medieval Rus: archaeology, history, culture: toward 60th anniversary of N. A. Makarov]. P. G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 122–134.
- Zhiganov M. F., 1961. K istorii mordovskikh plemen v kontse I tysyacheletiya n. e. (mogil'nik u poselka Zarya) [Toward history of Mordva tribes in the end of I millennium AD (cemetery near Zarya settlement)]. *SA*, 4, pp. 158–179.

About the author

Beylekchi Valentin V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: benny1987@yandex.ru

О. А. Фатюнина

ГЕРМЕТИЧНЫЙ ТИГЕЛЬ ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО*

Резюме. В статье приведена характеристика герметичного сосуда, датируемого концом XII – первой половиной XIII вв., из Переяславля Рязанского. Устье тигля было перекрыто тканью и обмазано слоем глины, выполнявшим роль своеобразной крышки. Сосуд существенно отличается по своим морфологическим признакам от всех известных плавильных тиглей. Аналогов этому артефакту ни в отечественных, ни в западноевропейских публикациях не выявлено. Отпечатки текстиля на технической керамике известны, но использовалась она при других металлургических процессах. Вероятно, конструкция тигля была связана с необходимостью создания определенных условий внутри него, что подходит для изготовления зерна.

Ключевые слова: закрытый тигель, сосуд с отпечатками текстиля, грануляция, Переяславль Рязанский, средневековье.

В последние десятилетия в отечественных и западноевропейских публикациях пристальное внимание уделяется металлургической керамике. Появляется все больше археологических подтверждений значительной роли специальных сосудов в процессах плавки, сплавлении различных металлов, а также при отделении металлов друг от друга (*Rehren*, 2003. Р. 207, 213). И если раньше фрагменты и целые глиняные изделия с ошлакованной стекловидной поверхностью интерпретировались исключительно как тигли, то не так давно, помимо тиглей для плавки металла, стали выделять скорифайеры (a scorifier)¹, использовавшиеся для очистки и пробирования серебра (*Söderberg*, 2011. Р. 13), тигли для получения бронзы и латуни в процессе цементации (*Rehren*, 1999. Р. 1084, 1085; *Bayley, Rehren*, 2007. Р. 50, 51; *Martinon-Torres, Rehren*, 2014. Р. 115), тигли для производства стали (*Alipour et al.*, 2011), а также керамическую оболочку (ceramic shells), которая применялась в процессах пайки металлов и обмеднения железа (*Söderberg*, 2004. Р. 117; *Gustafsson*, 2005. Р. 21, 22; *Söderberg*, 2008; 2011. Р. 25, 26; 2014; 2015).

Изучение ювелирного инструментария и изделий, сопутствующих процессу цветной металлообработки, из Переяславля Рязанского (по материалам раскопок в Кремле В. В. Судакова 1986, 1988, 1990 гг. и М. М. Макарова в 1987 и 1989 гг.)

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00153а.

¹ Ранее в специализированной литературе их называли купели (a cupel).

позволило выделить целые и фрагментированные тигли, фрагменты чашечек для очистки или пробирования серебра, несколько образцов свинцового глета, крошки металла, шлаки, фрагменты литейных форм, ювелирные пинцеты и абразивные камни.

Помимо ювелирной мастерской, поблизости, очевидно, располагались и другие мастерские. Как отмечает И. Е. Зайцева, не стоит вырезать из контекста комплекса только те свидетельства, что имеют отношение к ювелирному делу (Зайцева, 2010. С. 202). В связи с этим отметим, что в слое, кроме большой концентрации тиглей, наблюдались многочисленные обломки стеклянных браслетов, которые могли использоваться в качестве лома, несколько фрагментов глиняных сосудов, покрытых поливой с внутренней стороны, и целиком сохранившаяся глазурированная плошечка, применявшаяся для каких-то технических нужд. Можем предположить, что наличие таких находок связано с производством эмалей или поливы. Локализация Переяславль-Рязанского производственного комплекса хорошо согласуется с наблюдением И. Е. Зайцевой о размещении подобных комплексов на периферийных участках детинцев – около валов укреплений (Там же). Ориентировочная датировка его функционирования на основании анализа керамического материала и таких хроноиндикаторов, как стеклянные браслеты и сосуды, – вторая половина XII – XIII вв.

Статья посвящена характеристике герметично запечатывавшегося сосуда, который по своим морфологическим признакам существенно отличается от других переяславль-рязанских тиглей и их фрагментов.

Находка целого тигля (рис. 1) – довольно редкое явление из-за того, что расплав кремнистых составляющих глины вызывал разрушение емкости уже после нескольких плавок металла (Енисова, Митоян, 1999. С. 55). Сосуд происходит из раскопа 1986 г. (пл. 11, кв. 12, яма № 4, гл. – 253–273, № 688) (Судаков, 1986. С. 19, 25). Он был найден в заполнении ямы, контуры которой выявились на уровне материка. Яма имела квадратную форму (2 × 2 м), гл. – 135 см. Помимо заинтересовавшего нас сосуда, в материковой яме были найдены пять фрагментов тиглей, обломок свинцового глета, 22 фрагмента стеклянных браслетов, осколок стеклянного сосуда, шесть донцев с клеймами, фрагмент ножа, два шила и несколько не определенных из-за сильной коррозии железных предметов. Фрагменты тиглей начали фиксироваться с глубины 213–217 см от нулевого репера. Они располагались в юго-восточном углу ямы. В этой части ямы на указанной глубине вскрыты остатки семи обгоревших бревен, размещенных горизонтально. Над бревнами проходил тонкий слой обожженной глины. Слой под бревнами представлен темной супесью с включением угля. В нижней части ямы, на глубине 280–330 см, были обнаружены куски обмазки печи с отпечатками внутренней деревянной конструкции в виде прутьев диаметром от 1,5 до 2 см. Подобные ямы являлись подпечными, а остатки бревен были основанием пода печи (Крыласова, 2015). По большому количеству керамического материала в заполнении ямы, а также по развалам нескольких горшков она датирована концом XII – первой половиной XIII вв., что позволяет несколько сузить возможную датировку рассматриваемого нами тигля.

Изделие имеет яйцевидную форму, край устья округлый, дно также округлое, слегка приплюсненное. Его высота – 60–62 мм, диаметр в точке максимального

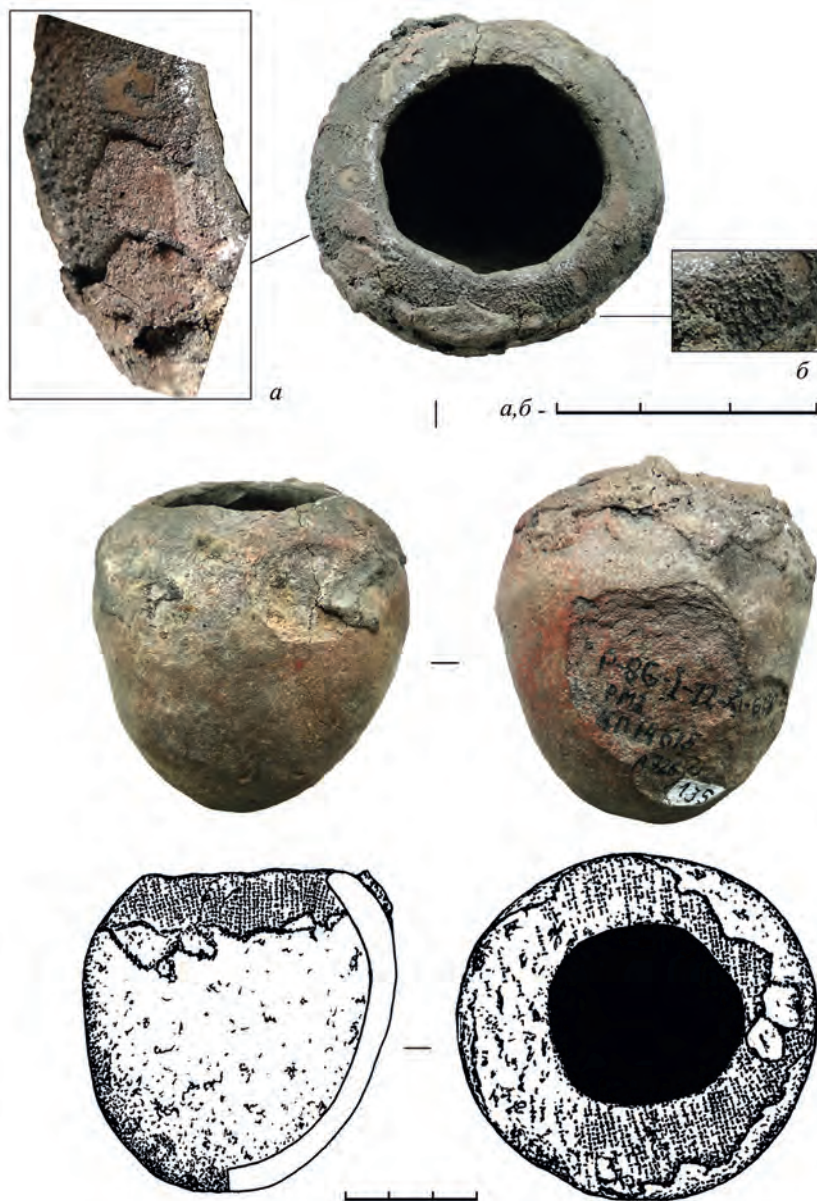

Рис. 1. Тигель (РИАМЗ: А 726, КП-14615/135)

а – следы запечатывания глиной; *б* – отпечатки текстиля

расширения – 56–59 мм, диаметр устья – 29×32 мм, толщина стенок около 4–5 мм. На внешней стороне заметен небольшой скол. От высокотемпературного воздействия тигель с внешней стороны покрылся тонкой стекловидной пленкой, на поверхности наблюдаются пятна красного цвета. Сосуд сильно ошлакован вокруг устья. Наружная ошлакованность является результатом реакции между кремнеземом, входящим в состав формовочной массы, древесной золой в очаге и металлом при его утечке из емкости (Ениосова, Митоян, 1999. С. 55). На внутренней поверхности тигля заметна мелкая сетка трещин. Имеются также и следы работы с металлом: локальные темно-серые пятна (вероятно, металл) и корродированная капля того же цвета.

Помимо прекрасной сохранности сосуда, интерес представляют свидетельства его запечатывания: вокруг устья прослеживается тонкий слой глины и отпечатки текстиля (рис. 1, а). Очевидно, устье сосуда перекрывалось материей, выходящей за его пределы на 15–17 мм. Наблюдается отчетливая фактура ткани (холст) (рис. 1, б): это простое полотняное переплетение растительных волокон $(1 \times 1)^2$. Из-за смещения ткани произошло нарушение ее структуры. Ткань использовалась как прокладка между поверхностью устья и слоем глины, который, вероятно, выполнял роль своеобразной обмазки-«крышки».

По результатам исследования формовочной массы, проведенного сотрудником Института археологии РАН О. А. Лопатиной³, известно, что слой глины, запечатывающий емкость, отличается от той, из которой изготовлен сам сосуд. Для обмазывания устья использовалась более опесчаненная глина. Ожелезненность глины определить не удалось, поскольку после обжига до 950 °С в муфельной печи образцы и самого сосуда, и его обмазки так и остались серого цвета (но с незначительными оттенками терракотового). Это говорит о том, что температура, при которой емкость эксплуатировалась, была еще выше. Следы искусственной растительной примеси без дополнительных сколов не наблюдались.

Проведение химического анализа внутренних стенок тигля не представлялось возможным, потому что сосуд является музейным экспонатом и его дополнительная фрагментация исключена. Но, как известно, шлаки из контактной зоны, образованные в результате реакции между глиняным тестом сосуда и его заполнением в процессе плавки, содержат достаточное количество металла для качественного определения его содержимого (Ениосова, Жарнов, 2006. С. 66). Изучение внешней ошлакованной поверхности устья тигля с помощью неразрушающего энергодисперсного рентгенофлюоресцентного анализа показало наличие таких элементов, как железо, медь, мышьяк, калий, кальций, титан, марганец, кремний (рис. 2)⁴.

Возможно, в сосуде был медный сплав; наличие железа может быть связано с коррозией медного сплава (Ениосова, Ререн, 2011. С. 244). Остальные

² Автор выражает благодарность хранителю коллекции ткани в РИАМЗ А. С. Дульневой за определение.

³ Автор выражает благодарность О. А. Лопатиной за проведенный анализ.

⁴ Особую благодарность автор выражает сотруднику кафедры археологии Исторического факультета МГУ, к. и. н. Н. В. Ениосовой за выполненные анализы и консультации.

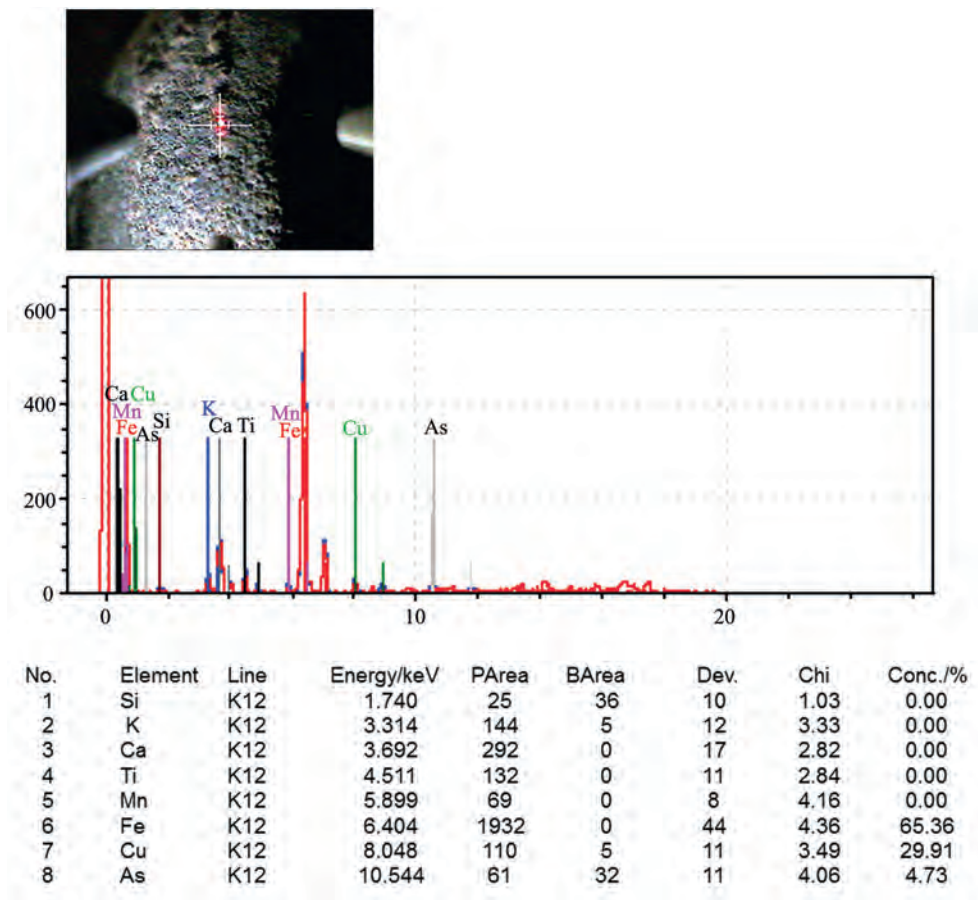

Рис. 2. Результаты качественного рентгенофлуоресцентного анализа ошлакованной поверхности тигля

элементы входят в набор стандартных примесей металла или сплава (Ениосова, Ререн, 2011. С. 247; Дончева, 2013. С. 248). Так, медь, железо, мышьяк могут присутствовать в сплаве с содержанием серебра (Персов и др., 2012. С. 207). Вместе с тем эти элементы (железо, марганец, титан, кремний, калий, кальций) фиксируются в составе глин как естественные микропримеси (Ениосова, Митоян, 1999. С. 55; Крыласова, Подосенова, 2015. С. 32; Allegretta et al., 2017. P. 263). Как видим, интерпретаций может быть несколько. Кроме этого, к результатам анализа шлака на внешней поверхности следует относиться с осторожностью, поскольку по нему нельзя определить точный состав расплавленного в сосуде металла (Дончева, 2013. С. 251, 252). Как показывают исследования, данные химического анализа ошлакованной поверхности верхней части тигля существенно отличаются от результатов анализа внутренней придонной части этого же тигля (Rademakers, Rehren, 2016. P. 590).

Каким же было назначение этого сосуда?

Хорошо известны тигли закрытой конструкции, предназначавшиеся для плавки металлов (*Bayley, Rehren*, 2007. Р. 51; *Дончева*, 2013. С. 244, 245). Преимущество закрытых тиглей в том, что они нагревались быстрее, а остывали медленнее открытых. При работе с серебром закрытая форма тигля позволяла избегать попадания примесей в благородный металл и уменьшала его окисление (*Ениосова, Митоян*, 1999. С. 60).

Однако мы имеем дело с герметично закрытым тиглем, который следует относить к отдельному виду. К нему наиболее близки тигли, закрывающиеся крышками и использовавшиеся в определенных металлургических процессах.

В любом случае, сама форма переяславль-рязанского экземпляра, вне зависимости от процесса, при котором она была задействована, существенно отличается от выделенных типов русских средневековых тиглей (*Горюнова*, 1994; *Ениосова, Митоян*, 1999. С. 58, 59; *Ениосова, Ререн*, 2011; *Ениосова, Жарнов*, 2006). Нет аналогов и в зарубежной литературе (*Bayley*, 2008. Р. 6–8). Артефакт не похож ни на один из нескольких сотен фрагментов плавильных емкостей, происходящих с территории Переяславля Рязанского и хранящихся в фондах РИИМЗ: это полностью запечатывающийся технический сосуд, он самый большой по размерам и кроме него нет образцов с подобной профилировкой устья.

В поисках аналогий и возможных интерпретаций использования сосуда следует рассмотреть также техническую керамику, имеющую отпечатки ткани и задействованную при различных металлургических процессах.

Свидетельства о применении ткани при работе с металлом имеются в средневековом трактате XII в., написанном практикующим мастером Теофилом. В 70 главе, посвященной отделению золота от серебра (*Theophilus*, 1979. Р. 147), Теофил указывает, что после помещения в тигель металла его нужно прижать сверху небольшим фрагментом льняной ткани, чтобы предотвратить попадание воздуха из мехов на металл. Исследователи подтверждают, что для процесса отделения драгоценных металлов требуется закрытая емкость (*Rehren*, 2003. Р. 207).

На городище Асоте (Латвия) в слоях XII–XIII вв. были выявлены тонкостенные (толщиной 3,4 мм) круглодонные тигли цилиндрической формы из светлой огнеупорной глины, в которых, судя по результатам спектрального анализа, плавил серебряные и биллоновые сплавы. И, как сообщает исследователь, «в ряде случаев на стенках тиглей с внешней и внутренней сторон имеются отпечатки ткани, со складками и швом» (*Дайга*, 1960. С. 90, 91). Автор предположительно связал это с технологическим приемом по лепке тигля в льняном мешочке или же со способом предохранения тигля от растрескивания во время сушки (Там же. С. 91). К сожалению, иллюстрации тиглей в статье не приведены.

Очевидно, рассматриваемый нами сосуд был задействован в технологическом процессе, при котором требовалось помещать металл в абсолютно герметичный тигель. Емкость нагревалась до необходимой температуры плавления металла, а затем медленно охлаждалась. После этого обмазку-крышку аккуратно удалили и извлекли содержимое сосуда. К примеру, в подобных условиях могли изготавливать зернь. Как известно, одним из способов ее производства было оплавление или расплавление индивидуальных заготовок для каждой гранулы

(Минжулин, 1990. С. 236; Жилина, 2010. С. 28; Подосенова, 2014. С. 36). Кусочки металла помещались в тигель и расплавлялись в порошке древесного угля. При нагреве, в результате жидкостного поверхностного натяжения, они превращались в шарики (Минжулин, 1990. С. 236). Это свойственно всем металлам, отличие лишь в различной температуре их плавления (золото – 1063 °С, серебро – 960 °С, медь – 1083 °С) (Schwarcz, Varga, 2010. Р. 212). В публикациях можно найти свидетельства изготовления зерни не только из драгоценных металлов, но и из медных сплавов (Руденко, 2009. С. 148), из многокомпонентного сплава на основе меди, серебра (Подосенова, 2014. С. 37). Так, технический сосуд из Переяславля Рязанского мог быть использован для работы и с серебром, и с медью: анализ показал, что температура его эксплуатации была выше 950 °С.

Тот факт, что в процессе изготовления зерни применялся тигель с крышкой, подтверждается результатами экспериментальной археологии (Когсвелл, 2004. С. 11; Нюске, 2010. Р. 56, 57; Barčáková, 2014. S. 320). Крышка в указанном процессе нужна для того, чтобы не выгорал уголь (Ibid.).

По-видимому, матерчатая прокладка на нашем тигле использовалась для поддержания слоя обмазки и увеличения прочности этой своеобразной «крышки», т. е. для предотвращения возникновения на ней трещин во время эксплуатации при высокой температуре и возможного последующего за этим разрушения. В подтверждение предположения можно указать на такой технологический прием: для того чтобы глиняная обмазка не отставала от печи и не растрескивалась от высокотемпературного воздействия, между ними помещалась материя простого грубого полотняного переплетения. Об этом свидетельствуют находки фрагментов обмазки печи с соответствующими отпечатками (рис. 3, 1⁵, 2⁶).

Подводя итоги, отметим, что прямых аналогов нашему тиглю, устье которого перекрывалось материей и поверх нее запечатывалось с помощью глиняной обмазки, пока выявить не удалось. Нет опубликованных данных и об отпечатках текстиля на тиглях со средневековых русских памятников. Полагаем, что тигли с текстильными отпечатками присутствуют среди материалов русских средневековых городов, однако ввиду сильной фрагментарности сосудов выявить такие находки довольно затруднительно.

Как показывают результаты ряда последних научных исследований, мастерство ремесленников находилось на очень высоком уровне. Не вызывает никаких сомнений, что каждый вид технической керамики имел свою специальную конструкцию, позволяющую успешно проводить определенный процесс. Предполагаем, что переяславль-рязанский герметичный тигель создавал необходимые условия для процесса грануляции.

⁵ Фрагмент происходит из охранных раскопок в 2015 г. под руководством к. и. н. И. Ю. Стрикалова на территории острога Переяславля Рязанского и датирован XIII–XIV вв. Кроме рассматриваемого, в слое и в заполнении ям этого периода также были зафиксированы четыре других фрагмента и целый тигель.

⁶ Помимо указанного фрагмента печины с городища Ижеславль (XII–XIII вв., раскопки А. Л. Монгайта в 1955 г.), такие же артефакты были обнаружены на Глебово-Городище в слоях XIII–XVII вв. (Иванов, 2015. С. 4, 9). Автор выражает благодарность начальнику экспедиции Д. А. Иванову за сообщение о наличии подобных находок.

Рис. 3. Фрагменты печины

1 – РИМЗ: А 902, НВ-5848/207; 2 – РИМЗ: А 644а, КП-7357, И284

ЛИТЕРАТУРА

- Горюнова В. М., 1994. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. Институт истории материальной культуры РАН / Ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 60–73.
- Дайга И. В., 1960. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. № 3. С. 78–92.
- Дончева С. М., 2013. Типы и назначение льячек в средневековой Болгарии // Stratum plus. № 6. С. 243–254.
- Енисосова Н. В., Жарнов Ю. Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира // РА. № 2. С. 64–80.
- Енисосова Н. В., Митоян Р. А., 1999. Тигли гнёздовского поселения // Археологический сборник: пам. М. В. Фехнер / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ. С. 54–63. (Труды ГИМ; вып. 111.)
- Енисосова Н. В., Ререн Т., 2011. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения 3: мат-лы междунар. конф. «Археология средневекового города: к 75-летию археологического изучения Новгорода, 25 сентября 2007 г.» / Ред. А. Рыбина. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 243–254.
- Жилина Н. В., 2010. Зернь и скань Древней Руси / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН. 260 с.
- Зайцева И. Е., 2010. К вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История. С. 199–205.

- Иванов Д. А., 2015. Отчет об охранных археологических исследованиях на объекте археологического наследия «Глебово-Городище Восточный посад» в Рыбновском районе Рязанской области в 2014 г. Т. 2 // Архив ИА РАН.
- Когсвелл Дж., 2004. Грануляция стерлингового серебра // Двенадцать техник работы по металлу. Сборник технических приемов для ювелиров / Под ред. Т. МакКрайта; пер. с англ. Омск: Наследие. ДиалогСибирь. С. 9–19.
- Крыласова Н. Б., 2015. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Вып. № 10. Пермь: ПГПУ. С. 125–137.
- Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А., 2015. Metallургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. № 4. С. 27–41.
- Минжулин А. И., 1990. Технология зерни // СА. № 4. С. 231–240.
- Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2012. Тверские кузнецы по злату-серебру XIII в. // Археология Владимиро-Суздальской земли / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 203–214.
- Подосенова Ю. А., 2014. Зернь и скань в ювелирных изделиях Пермского Предуралья эпохи средневековья // ВПУ. Вып. 1 (24). С. 36–43.
- Руденко К. А., 2009. Зернь и скань на булгарских ювелирных изделиях конца X – первой трети XIII в. // Труды КАЭЭ. Вып. 6. Пермь. С. 148–156.
- Судаков В. В., 1986. Отчет об охранных раскопках в кремле г. Рязани в 1986 г. // НА РИАМЗ № 3445. (С альбомом.)
- Alipour R., Gleba M., Rehren Th., 2011. Textile templates for ceramic crucibles in early Islamic Akhsiket, Uzbekistan. Archaeological Textiles Newsletter. № 53. P. 15–27.
- Allegretta I., Eramo G., Pinto D., Hein A., 2017. The effect of mineralogy, microstructure and firing temperature on the effective thermal conductivity of traditional hot processing ceramics // Applied Clay Science. 135. P. 260–270.
- Barčáková L., 2014. Experimentální výroba velkomoravského šperku naleziště v Lumbeho zahradě na Pražském hradě // Castrum Pragense 12. Pohřebiště v Lumbeho zahradě na Pražském hradě. Díl II. Studie / Vedoucí redactor J. Maříková-Kubková. Praha: Archeologický ústav AV ČR. S. 311–418.
- Bayley J., 2008. Lincoln: Evidence for metalworking on Flaxengate and other sites in the city. Postmouth: English Heritage. 149 p. (Research Department Report Series; No. 67–2008.)
- Bayley J., Rehren T., 2007. Towards a functional and typological classification of crucibles // Metals and Mines Studies in Archaeometallurgy. London: Archetype Publications in association with the British Museum. P. 46–55.
- Gustafsson N. B., 2005. On Norse padlocks – production and use Examples from the Birka Garrison // Journal of Nordic Archaeological Science. No. 15. P. 19–24.
- Huycke D., 2010. The Metamorphic: Ornament Re-Thinking Granulation. Een onderzoek naar de transformatiemogelijkheden van granulatie naar sculpturaal zilverwerk. Universiteit Hasselt. 290 p.
- Martinon-Torres M., Rehren Th., 2014. Technical Ceramics // Archaeometallurgy in Global Perspective / B. W. Roberts, C. P. Thornton (eds). N. Y.: Springer. P. 107–131.
- Rademakers F., Rehren Th., 2016. Seeing the forest for the trees: Assessing technological variability in ancient metallurgical crucible assemblages // JAS. Vol. 7. P. 588–596.
- Rehren Th., 1999. Small Size, Large Scale. Roman Brass Production in Germania Inferior // JAS. Vol. 26. Iss. 8. P. 1083–1087.
- Rehren Th., 2003. Crucibles as reaction vessels in ancient metallurgy // Mining and Metal Production through the Ages / P. Craddock, J. Lang (eds). London: British Museum Press. P. 207–215.
- Schwarcz D., Varga Z., 2010. Metalwork in the Early Avar Period: Granulation, Filigree – Imitation // Tyrageia, serie nouă. Vol. IV [XIX]. No. 1: Arheologie. Istorie Antică. Chișinău. P. 209–223.
- Söderberg A., 2004. Metallurgic ceramics as a key to Vicing Age workshop organization // Journal of Nordic Archaeological Science. No. 14. P. 115–124.

- Söderberg A., 2008. Metallurgical clay packages // Excavations at Helgö XVIII / H. Clarke, K. Lamm (eds). Stockholm: Royal Swedish Academy. P. 159–169.
- Söderberg A., 2011. Eyvind Skáldaspillir's silver – refining and standards in pre-monetary economies in the light of finds from Sigtuna and Gotland // *Situne Dei*. Sigtuna: Utgiven av Sigtuna Museum. P. 5–34.
- Söderberg A., 2014. The brazing of iron and the metalsmith as a specialized potter // *The Old Potter's Almanack*. Vol. 19. No. 2. P. 23–29.
- Söderberg A., 2015. The brazing package that King Olof's goldsmith forgot to open // *Fornvännen*. 110. P. 48–50.
- Theophilus*, 1979. On Divers Arts. The foremost medieval treatise on painting, glassmaking and metalwork / Trans. from the Latin with introduction and notes by J. G. Hawthorne, C. S. Smith. N. Y.: Dover Publications, INC. 272 p.

Сведения об авторе

Фатюнина Олеся Александровна, Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Кремль, 15, Рязань, 390000, fatyunina@riamz.ru

O. A. Fatyunina

A HERMETIC CRUCIBLE FROM PEREYASLAVL' RYAZANSKIY

Abstract. The paper describes characteristics of a hermetic vessel dated to the end of the 12th – first half of the 13th century from Pereyasavl' Ryazanskiy. The mouth of the crucible was covered with a cloth and plastered with a clay coat, which served as a lid. Regarding its morphological traits, the vessel is very different from all known crucibles. No comparable analogies to this artifact have been found in Russian or West European publications. Textile impressions on ceramic vessels used for technical purposes have been found before, but such vessels were used in other metal working processes. Most likely, the design of the crucible was dictated by a need to create specific conditions inside it and was appropriate for making granulation.

Keywords: closed crucible, vessel with textile impressions, Pereyasavl' Ryazanskiy, medieval period.

REFERENCES

- Alipour R., Gleba M., Rehren Th., 2011. Textile templates for ceramic crucibles in early Islamic Akhsiket, Uzbekistan. *Archaeological Textiles Newsletter*, 53, pp. 15–27.
- Allegretta I., Eramo G., Pinto D., Hein A., 2017. The effect of mineralogy, microstructure and firing temperature on the effective thermal conductivity of traditional hot processing ceramics. *Applied Clay Science*, 135, pp. 260–270.
- Barčáková L., 2014. Experimentální výroba velkomoravského šperku naleziště v Lumbeho zahradě na Pražském hradě. *Castrum Pragense*, 12. *Pohřebiště v Lumbeho zahradě na Pražském hradě. Díl II. Studie*. J. Maříková-Kubková, ed. Praha: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, pp. 311–418.
- Bayley J., 2008. Lincoln: Evidence for metalworking on Flaxengate and other sites in the city. Portsmouth: English Heritage. 149 p. (Research Department Report Series, 67–2008.)
- Bayley J., Rehren T., 2007. Towards a functional and typological classification of crucibles. *Metals and Mines. Studies in Archaeometallurgy*. London: Archetype Publications in association with the British Museum, pp. 46–55.

- Dayga I. V., 1960. K voprosu o liteynykh formakh i liteynom dele na territorii Latvii (do XIII v.) [On problem of casting moulds and casting in territory of Latvia (before XIII c.)]. *SA*, 3, pp. 78–92.
- Doncheva S. M., 2013. Tipy i naznachenie l'yachek v srednekovoy Bolgarii [Types and function of ladles in medieval Bulgaria]. *Stratum plus*, 6, pp. 243–254.
- Eniosova N. V., Rehren Th., 2011. Plavil'nye sosudy novgorodskikh yuvelirov [Melting vessels of Novgorod jewelers]. *Novgorodskie arkhеologicheskie chteniya-3: materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Arkheologiya srednekovogo goroda: K 75-letiyu arkhеologicheskogo izucheniya Novgoroda» (2007 g.)* [Novgorod archaeological readings-3: transactions of international conference «Archaeology of medieval town: Toward 75th anniversary of archaeological research of Novgorod» (2007)]. A. Rybina, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gos. oblastnoy muzey-zapovednik, pp. 243–254.
- Eniosova N. V., Zharnov Yu. E., 2006. Yuvelirnyy proizvodstvennyy kompleks iz «Vetchanogo goroda» domongol'skogo Vladimira [Jeweler's production complex from «Vetchanyy gorod» of pre-Mongol Vladimir]. *RA*, 2, pp. 64–80.
- Eniosova N. V., Mitoyan R. A., 1999. Tigli gnezdovskogo poseleniya [Crucibles from Gnezdovo settlement]. *Arkheologicheskii sbornik: Pamyati Marii Vasil'evny Fekhner* [Collected archaeological articles: In memory of M. V. Fekhner]. N. G. Nedoshivina, ed. Moscow: GIM, pp. 54–63. (Trudy GIM, 111.)
- Goryunova V. M., 1994. Nekotorye aspekty yuvelirnogo dela rannegorodskikh tsentrov Severnoy Rusi (tigli) [Some aspects of jewelry production of early urban centers in North Rus (crucibles)]. *Novye istochniki po arkhеologii Severo-Zapada* [New data sources for archaeology of North-West]. V. M. Masson, E. N. Nosov, eds. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 60–73.
- Gustafsson N. B., 2005. On Norse padlocks – production and use Examples from the Birka Garrison. *Journal of Nordic Archaeological Science*, 15, pp. 19–24.
- Huycke D., 2010. The Metamorphic Ornament: Re-Thinking Granulation. Een onderzoek naar de transformatiemogelijkheden van granulatie naar sculpturaal zilverwerk. Hasselt: Universiteit Hasselt. 290 p.
- Ivanov D. A., 2015. Otchet ob okhrannykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh na ob'ekte arkhеologicheskogo naslediya «Glebovo-Gorodishche Vostochnyy posad» v Rybnovskom rayone Ryazanskoy oblasti v 2014 g. [Report on rescue archaeological investigations at the object of archaeological heritage «Glebovo-Gorodishche East suburb» in Ryazan' region, Rybnoe district in 2014], 2. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Kogsvell J., 2004. Granulyatsiya sterlingovogo serebra [Granulation of sterling silver]. *Dvenadtsat' tekhnik raboty po metallu: sbornik tekhnicheskikh priemov dlya yuvelirov* [Twelve techniques for working metal: collection of technical modes for jewelers]. T. McKrayt, ed. Omsk: Nasledie. Dialog Sibir', pp. 9–19.
- Krylasova N. B., 2015. Osobennosti srednekovykh pechey (po materialam gorodishch Karagayskogo rayona Permskogo kraya) [Features of medieval ovens (based on materials of fortified settlements of Perm region, Karagaiskiy district)]. *Trudy Kamskoy arkhеologo-etnograficheskoy ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Transactions of Kama archaeological-ethnographic expedition], 10. Perm': Permskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 125–137.
- Krylasova N. B., Podosenova Yu. A., 2015. Metallurgicheskaya masterskaya s Rozhdestvenskogo gorodishcha: k voprosu o razvitii tovarnogo proizvodstva v Permskom Predural'e [Metallurgical workshop from Rozhdestvenskoe fortified settlement: on problem of development of commodity production in Perm' Ural region]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra UrO RAN* [Bulletin of Perm' scientific centre of UrO RAS], 4, pp. 27–41.
- Martinon-Torres M., Rehren Th., 2014. Technical Ceramics. *Archaeometallurgy in Global Perspective: Methods and Syntheses*. B. W. Roberts, C. P. Thornton, eds. New York: Springer, pp. 107–131.
- Minzhulin A. I., 1990. Tekhnologiya zerni [Technology of granulation]. *SA*, 4, pp. 231–240.
- Persov N. E., Saracheva T. G., Soldatenkova V. V., 2012. Tverskie kuznetsy po zlatu-serebru XIII v. [Tver' gold- and silversmiths of XIII c.]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Vladimir-Suzdal' land: transactions of scientific seminar], 4. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 203–214.
- Podosenova Yu. A., 2014. Zern' i skan' v yuvelirnykh izdeliyakh Permskogo Predural'ya epokhi srednekov'ya [Granulation and filigree in jewelry items of Perm' Ural region in medieval epoch]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm' university], 1 (24), pp. 36–43.

- Rademakers F., Rehren Th., 2016. Seeing the forest for the trees: Assessing technological variability in ancient metallurgical crucible assemblages. *JAS*, 7, pp. 588–596.
- Rehren Th., 1999. Small Size, Large Scale. Roman Brass Production in Germania Inferior. *JAS*, vol. 26, iss. 8, pp. 1083–1087.
- Rehren Th., 2003. Crucibles as reaction vessels in ancient metallurgy. *Mining and Metal Production through the Ages*. P. Craddock, J. Lang, eds. London: British Museum Press, pp. 207–215.
- Rudenko K. A., 2009. Zern' i skan' na bulgarskikh yuvelirnykh izdeliyakh kontsa X – pervoy treti XIII v. [Granulation and filigree on Bulgar jewelry items of late X – first third of XIII c.]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Transactions of Kama archaeological-ethnographic expedition]*, 6. Perm': Permskiy gos. humanitarno-pedagogicheskiy universitet, pp. 148–156.
- Schwarz D., Varga Z., 2010. Metalwork in the Early Avar Period: Granulation, Filigree – Imitation. *Tyraseta. Serie nouă*, vol. IV (XIX), nr. 1. Arheologie. Istorie Antică. Chişinău, pp. 209–223.
- Söderberg A., 2004. Metallurgic ceramics as a key to Vicing Age workshop organization. *Journal of Nordic Archaeological Science*, 14, pp. 115–124.
- Söderberg A., 2008. Metallurgical clay packages. *Excavations at Helgö XVII*. H. Clarke, K. Lamm, eds. Stockholm: Royal Swedish Academy, pp. 159–169.
- Söderberg A., 2011. Eyvind Skáldaspillir's silver – refining and standards in pre-monetary economies in the light of finds from Sigtuna and Gotland. *Situne Dei*. Sigtuna: Utgiven av Sigtuna Museum, pp. 5–34.
- Söderberg A., 2014. The brazing of iron and the metalsmith as a specialized potter. *The Old Potter's Almanack*, vol. 19, no. 2, pp. 23–29.
- Söderberg A., 2015. The brazing package that King Olof's goldsmith forgot to open. *Fornvännen*, 110, pp. 48–50.
- Sudakov V. V., 1986. Otchet ob okhrannykh raskopkakh v kremle g. Ryazani v 1986 g. [Report on rescue excavations in Ryazan' Kremlin in 1986]. *Nauchnyy arkhiv Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of Ryazan' historical-architectural museum-reserve]*. (In Russian, unpublished.)
- Theophilus, 1979. On Divers Arts. The foremost medieval treatise on painting, glassmaking and metalwork. J. G. Hawthorne, C. S. Smith, trans., eds. New York: Dover Publications, INC. 272 p.
- Zaytseva I. E., 2010. K voprosu ob organizatsii yuvelirnogo dela v gorodakh Drevney Rusi [On problem of organization of jewelry production in cities of Ancient Rus]. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fedorovny Korzukhinoy (2006 g.) [Slavic-Russian jewelry production and its origins: transactions of international scientific conference dedicated to centenary of G. F. Korzukhina (2006)]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 199–205.
- Zhilina N. V., 2010. Zern' i skan' Drevney Rusi [Granulation and filigree work of Ancient Rus]. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: IA RAN. 260 p.

About the author

Fatyunina Olesya A., Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve, Kremlin, 15, Ryazan, 390000, Russian Federation; e-mail: fatyunina@riamz.ru

В. А. Буров

ПОЛИХРОМНЫЙ ИЗРАЗЕЦ С ДВУГЛАВЫМ ОРЛОМ ИЗ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ. КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XVIII вв.

Резюме. В 2006 г. на территории Соловецкого монастыря в ходе раскопок кельи № 9 был найден развал полихромных печных изразцов конца XVII – начала XVIII вв. Из обломков было собрано два фрагментированных клейма с изображением двуглавого орла – геральдического знака царского дома. Привлечение аналогий позволило установить, что изразцы изготовил в Москве высококвалифицированный керамист. Этот же мастер делал изразцы для Андреевского монастыря. Находка изразца в монашеской келье № 9 вполне объяснима. Согласно письменным документам, с первой половины XVII в. эта келья имела особый статус. Соловецким монахам ее жаловал лично московский царь.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, келейная застройка, полихромные изразцы, двуглавый орел.

В 2006 г. на территории Соловецкого монастыря в ходе раскопок братской кельи № 9 западного Игуменского порядка был выявлен развал полихромных рельефных печных изразцов конца XVII – начала XVIII вв. Он включал 292 средних и мелких фрагмента лицевой поверхности и румп. Глина ярко-красная с примесью мельчайшего песка (Буров, 2007а; 2007б).

Из 82 обломков было собрано два фрагментированных панно с изображением двуглавого орла – геральдического знака. Одно панно почти полное, состоит из четырех изразцов. Его размер по вертикали 54,5–54,8 см, по горизонтали 48,2–49 см (рис. 1, 1). Параметры отдельных изразцов: 27,5 × 24,4 см; 27 × 24,6 см; 27,3 × 23,5 см; 27,5 × 24,7 см. Вторая композиция размером 54,5 × 47,8 см представлена только тремя аналогичными изразцами. К двум панно с орлом относятся еще 19 мелких фрагментов с серо-белым полем и обломки с характерным изображением частей крыла и лапы. Итого, 101 обломок, или 34,58 % всех находок. Очевидно, изразцы с двуглавым орлом занимали центральное место в печном убранстве кельи.

Наружные плоскости сбитых с печи изразцов были покрыты слоями извести и побелки, что свидетельствовало о длительном периоде существования печи.

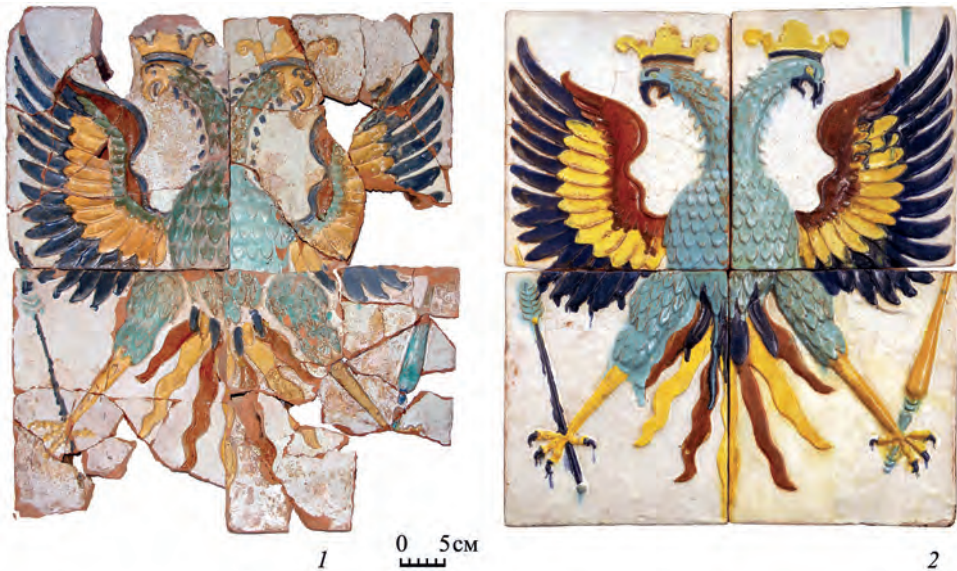

Рис. 1. Клеймо с изображением двуглавого орла

1 – Соловецкий монастырь. Раскоп 6 Настоятельский. 2006 г. Рубеж XVII–XVIII вв. Реставрация В. А. Букова; 2 – Москва. Андреевский монастырь. 1689–1701 гг. (Баранова, 2011. Илл. на с. 214)

В свою очередь, сильная закопченность изнутри румп указала на серьезное разрушение печи, что, вероятно, и привело к ее слому.

На реставрированных изразцах изображение двуглавого орла невысокого рельефа. Он представлен на белом фоне, покрытом многочисленными кракелюрами. Его крылья высоко подняты и расправлены. Языки высунуты, словно птица издает резкий угрожающий клекот, готовясь к нападению. За желтыми лапами орла – скипетр и, очевидно, перуна. Обе головы желтого цвета с желтыми клювами, языки темно-синие. На каждой голове желтая корона с центральным куполообразным выступом и двумя боковыми завитками. Корона на голове слева обведена сверху по контуру темно-синей краской. Тем же цветом обозначены брови, глаза и высунутые языки. Оперения вдоль шеи также темно-синие. Выразительные тонкие вытянутые шеи и тулово покрыты крупными перьями подтреугольной формы бирюзового цвета. Распушенные заостренные узкие перья крыльев по краю темно-синие, в центре желтые; затем следует бирюзовое оперенье, местами с зеленоватым отливом. Два крыла сверху оконтурены неровной коричневой полосой и изогнутой темно-синей линией. Желтый и коричневый цвета хвостовых перьев перемежаются. Многоцветное, насыщенное яркими сочными красками, рельефное пластичное пронзительно выразительное изображение двуглавого орла дает нам полное основание рассматривать соловецкие изразцы как незаурядное произведение декоративного искусства.

Соловецкие изразцы хорошо вписываются в общую картину бытования ценины с двуглавым орлом на рубеже XVII–XVIII вв. Правда, использовали данную разновидность полихромных рельефных изразцов в основном в фасадном декоре. Они, по наблюдению С. И. Барановой, глубокого знатока истории русских изразцов, размещались в Москве на фасаде Сухаревой башни 1692–1695 гг., Главной аптеки у Вознесенских ворот (1699–1701 гг.), церкви Николая Чудотворца на Берсеневке (1656–1657 гг.), церкви Воскресения в Пленницах Андреевского монастыря (1689–1701 гг.), трапезной церкви Успения в Гончарах (1702 г.), Крутицком теремке (1693–1694 гг.). За пределами столицы изразцы с орлом украшали церковь Преображения Саввино-Сторожевского монастыря (1693 г.), храм Петра и Павла в Ярославле (1690-е гг.), Троицкий собор Соликамска (1684–1697 гг.). В Новгороде двуглавый орел присутствует на изразцах церкви Иоанна Богослова и колокольни (1697–1698, 1708 гг.) Николо-Вязищского монастыря (Баранова, 2011. С. 214–227). Приведенные сведения позволяют нам надежно датировать соловецкий изразец с двуглавым орлом 1690-ми – началом 1700-х гг. В этот период во главе обители стоял архимандрит Фирс Шарапов (1689–1718 гг.), бывший казначей и иеромонах.

Для уточнения конкретного происхождения соловецких экземпляров с орлом чрезвычайно важны находки, сделанные архитекторами-реставраторами при обследовании московского Воскресенского храма Андреевского монастыря (рис. 1, 2). Образец из Андреевского монастыря оказался вторичного использования, не архитектурным. Его румпа сильно закопчена, на основании чего возникло справедливое предположение, что он относился к печи монастырской постройки (Баранова, 2011. С. 222).

Нетрудно убедиться, что изображения двуглавых орлов из монастырей на р. Москве и на Белом море, разьединенных расстоянием в 1000 км, практически идентичны. Различие в мелочах, в основном в колере и в отдельных деталях. На соловецком изразце цвет клювов, когтей желтый, а не темно-синий; глаза, завершение скипетра темно-синие, а не желтые. Ободок под короной на московском изразце не светло-синий, а темно-синий. Кроме того, вдоль обеих шей вместо торчащих заостренных коротких перьев расположены точки, а на туловах в ряду разное количество перьев – на соловецком изразце их меньше на одно. У соловецкого изразца раскрашены языки, которые на московской находке не обозначены. Совершенно очевидно, что данные изразцы выполнены одним и тем же мастером, но при этом были использованы разные резные деревянные формы и применен иной вариант раскраски.

Появление изразцов с царским гербом в конкретной келье Соловецкого монастыря нам представляется неслучайным. С. И. Баранова указала на особый статус памятников, на которых были водружены данные керамические украшения, ту или иную связь заказчика с царским двором (Баранова, 2006. С. 175–187; 2011. С. 214–227; 2013. Кат. 86–87).

В нашем случае братская келья № 9 также особая. Первоначально в ней проживал Васьян Напольский (Второй Костромитин). Он скончался 3 июня 1629 г. Этот монах в разное время занимал должности приказного старца вологодской службы, соборного старца, казначея, келаря. В 1598 г. вместе с игуменом Исидором он принимал участие в соборе в Московском Кремле, который утвердил

избрание царем Бориса Федоровича Годунова. В 1609 г., 12 апреля, пробившись сквозь плавающие льдины, старец Васьян прибыл на Соловки из Москвы с грамотой от царя Василия Ивановича Шуйского с уведомлением о получении присланной из монастыря денежной суммы. В 1610 г. он вместе с двумя другими соборными старцами был послан в Москву, чтобы доставить 3150 рублей для «государева ратного дела служивым людям на жалованье» (Буров, 2011. С. 100).

Спустя 5 лет после смерти Васьяна келья № 9 перешла в разряд кельи царского пожалования, т. е. получила особый статус: в 1634/1635 гг. по государевой грамоте царь Михаил Федорович лично пожаловал ее ученику Васьяна – старцу Ефрему Квашнину, который являлся представителем знатного московского боярского рода (Бычкова, 1975. С. 19) и также часто бывал в Москве на царском дворе. В 1631 г. Ефрем привез в монастырь деньги «из государевы казны за керецкую монастырскую слуду» (Книги... Л. 146). В 1644/1645 гг. по царской грамоте келья № 9 снова отошла ученику Ефрема – старцу Савватию Обрютину. В Соловецкой обители это была единственная келья, заселением которой в первой половине XVII в. ведал лично царь. Все остальные кельи распределялись либо настоятелем, либо келарем, либо собором соловецких старцев (Буров, 2011). И хотя для второй половины – конца XVII столетия неизвестны документы о царском пожаловании кельи № 9, видимо, прежний статус за ней все же сохранялся. Только этим и можно объяснить появление здесь печных изразцов с царским двуглавым орлом.

Нелишне также напомнить, что Соловецкий монастырь с середины XVI в., со времени правления игумена Филиппа Колычева (будущего Московского митрополита), был теснейшим образом связан с царским домом. Беломорская обитель являлась важным центром государева богомолья, где в XVI–XVII вв. «соборно и келейно», а «в кельях особне», «денно и ношно» велась молитва за царя Московии (Буров, 2013). А в 1694 и 1702 гг. на Соловки помолиться приплывал Петр I (Досифей, 1847. С. 82–84, 87–104)¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранова С. И., 2006. Москва изразцовая. М.: Москвоведение: Московские учебники. 398 с.
- Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. 432 с.
- Баранова С. И., 2013. Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское – Измайлово – Лефортово – Люблино: каталог. М.: МГОМЗ. 134 с.
- Буров В. А., 2007а. Отчет Соловецкой средневековой археологической экспедиции о раскопках на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Т. 1: Раскоп 6 Настоятельский. Ф. Р-1. № 27580.
- Буров В. А., 2007б. Отчет Соловецкой средневековой археологической экспедиции о раскопках на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2006 г. // Научный архив Соловецкого гос. историко-архит. и природн. музея-заповедника. Т. 1: Раскоп 6 Настоятельский. Ф. 2. Оп. 1. Д. 168-1.

¹ Автор благодарит О. Н. Глазунову, которая внимательно ознакомилась с текстом статьи и сделала ряд важных замечаний.

- Буров В. А., 2011. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков / Отв. ред. Вл. В. Седов. М.; Архангельск: ИА РАН: Соловецкий гос. историко-архит. и природн. музей-заповедник. 490 с.
- Буров В. А., 2013. Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). М.; Архангельск: ИА РАН. 500 с.
- Бычкова М. Е., 1975. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука. 215 с.
- Досифей (Немчинов), 1847. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М.: Тип. скоропечатня В. Кирилова. 188 с.
- Книги приходные и расходные казначея монастырского старца Протасия. 1626–1632 гг. // Российский гос. архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 227.

Сведения об авторе

Буров Владимир Андронович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: burovan@rambler.ru

V. A. Burov

A POLYCHROMIC CERAMIC TILE FEATURING A DOUBLE-HEADED EAGLE FROM THE SOLOVKI MONASTERY. END OF THE 17th – EARLY 18th CENTURIES

Abstract. A heap of polychromic ceramic tiles of the end of the 17th – early 18th centuries was found within the compound of the Solovki Monastery during archaeological excavations of monastic cell No. 9 carried out in 2006. Two fragmented stamps featuring a double-headed eagle, i. e. a heraldic symbol of the czar house, were put together from the heap shards. Comparison with existing analogies helped establish that the ceramic tiles had been made in Moscow by a skilled ceramist. The same craftsman made ceramic tiles for the Alekseyevsky Monastery and the Central Apothecary. The find of ceramic tiles in monastic cell No. 9 is easy to explain. In accordance with the written documents, this cell had a special status starting from the first half of the 16th century. The Moscow czar personally allocated it to the Solovki monks.

Keywords: Solovki Monastery, construction of monastic cells, polychromic ceramic tiles, double-headed eagle.

REFERENCES

- Baranova S. I., 2006. Moskva izraztsovaya [Glazed-tiled Moscow]. Moscow: Moskvovedenie: Moskovskie uchebniki. 398 p.
- Baranova S. I., 2011. Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitelya [Russian glazed tiles. Notes of a museum-keeper]. Moscow. 432 p.
- Baranova S. I., 2013. Moskovskiy arkhitekturnyy izrazets XVII veka v sobranii Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika Kolomenskoe – Izmaylovo – Lefortovo – Lyublino: katalog [Moscow architectural tiles of XVII century in collection of Moscow State joint museum-reserve Kolomenskoe – Izmaylovo – Lefortovo – Lyublino: catalogue]. Moscow: Moskovskiy gos. ob"edinenny muzey-zapovednik. 134 p.
- Burov V. A., 2007a. Otchet Solovetskoy srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh na territorii Solovetskogo monastyrya Arkhangel'skoy oblasti v 2006 g., 1. Raskop 6 Nastoyatel'skiy

[Report of Solovki medieval archaeological expedition on excavations in territory of Solovki monastery, Archangel region in 2006. T. 1. Excavation trench 6, the Abbot's]. Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished.)

- Burov V. A., 2007b. Otchet Solovetskoj srednevekovoj arkeologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh na territorii Solovetskogo monastyrya Arkhangel'skoy oblasti v 2006 g., 1. Raskop 6 Nastoyatel'skiy [Report of Solovki medieval archaeological expedition on excavations in territory of Solovki monastery, Archangel region in 2006. T. 1. Excavation trench 6, the Abbot's]. *Nauchnyy arkhiv Solovetskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo i prirodnogo muzeya-zapovednika* [Scientific archive of Solovki State historic-architectural and natural museum-reserve]. (In Russian, unpublished.)
- Burov V. A., 2011. Istoriya keleynoy zastroyki Solovetskogo monastyrya XV–XIX vekov [History cells buildings of Solovki monastery in XV–XIX centuries]. VI. V. Sedov, ed. Moscow; Arkhangel'sk: IA RAN: Solovetskiy gos. istoriko-arkhitekturnyy i prirodnyy muzey-zapovednik. 490 p.
- Burov V. A., 2013. Gosudarevo bogomol'e – Solovetskiy monastyr': Problemy istorii velikoy severnoy obiteli (XV–XIX veka) [Tsar's pilgrimage – Solovki monastery: Problems of history of great northern abode (XV–XIX centuries)]. Moscow; Arkhangel'sk: IA RAN. 500 p.
- Bychkova M. E., 1975. Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik [Genealogical books of XVI–XVII cc. as a historical source]. Moscow: Nauka. 215 p.
- Dosifey (Nemchinov), 1847. Letopisets Solovetskiy na chetyre stoletiya, ot osnovaniya Solovetskogo monastyrya do nastoyashchego vremeni, to est' s 1429 po 1847 god [Solovki Chronicler for four centuries, from foundation of Solovki monastery till present time, i. e. from 1429 till 1847]. Moscow: Tipografiya skoropechatnya V. Kirilova. 188 p.
- Knigi prikhodnye i raskhodnye kaznacheya monastyr'skogo startsa Protasiya. 1626–1632 gg. [Books of revenues and expenditures of the monastery treasurer, the elder Protasius. 1626–1632]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State archive of ancient documents], F. 1201, Op. 1. D. 227.

About the author

Burov Vladimir A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: burovvan@rambler.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Казарницкий

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ИЗ РАСКОПОК 2002–1015 гг.)*

Резюме. В статье впервые обсуждаются антропологические материалы Усть-Альминского могильника II в. до н. э. – III в. н. э. Выборка из 124 индивидов демонстрирует одни из самых благополучных демографических показателей среди всех известных синхронных материалов из некрополей Крыма и прилегающих регионов Северного Причерноморья, Приазовья и доно-волжских степей. Краниометрические данные свидетельствуют о морфологическом сходстве небольшой мужской выборки с населением боспорских городов Таманского полуострова и Танаиса. Определение популяционной принадлежности женской выборки затруднительно в связи с близостью краниологических характеристик женских серий из скифских, боспорских и черняховских могильников, что само по себе может свидетельствовать о преимущественно мужском характере миграций в античное время при сохранении женской части субстратного причерноморского населения.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, краниометрия, палеодемография, античность, римское время, Усть-Альминский могильник, Крым.

Антропологические материалы из погребений Усть-Альминского могильника, полученные в 2002–2014 гг. в результате работ экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством А. Е. Пуздровского, были переданы им в 2014 г. на временное хранение в Представительство СПбГУ в Республике Крым для проведения палеоантропологической экспертизы. Итоговое экспертное заключение было составлено в 2015 г. с учетом материалов из раскопок того же года, проводившихся уже под началом А. А. Труфанова, после чего костные останки возвращены в Институт археологии Крыма РАН¹.

Экспертиза проводилась на основе стандартных антропологических и криминалистических методик (Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев,

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 15-18-30047 «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.)».

¹ До 2014 г. – Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины.

1966; *Ubelaker*, 1989; Медико-криминалистическая идентификация..., 2000; *White, Folkens*, 2005). Кости, как правило, плохой сохранности, подавляющее большинство скелетов представлены исключительно фрагментами черепа и зубами, существенная часть – только зубами. В связи с этим определение пола и возраста проводилось в основном без учета данных о посткраниальном скелете, для половины взрослых индивидов был установлен только возраст (табл. 1). Несколько черепов после реставрации измерены по краткой краниометрической программе (табл. 2).

Проблема неудовлетворительной сохранности, снижающей достоверность половозрастных определений и демографических реконструкций, в какой-то степени решается большой численностью выборки, насчитывающей 124 индивида из 70 захоронений. Серия может быть разделена по археологическим признакам на хронологические группы, однако в целях приближения к стандартам репрезентативности материал обсуждается далее только суммарно и с максимальной широкой датировкой, охватывающей все время использования некрополя – с конца II в. до н. э. до III в. н. э. (*Высотская*, 1994), хотя для данных семидесяти погребений этот диапазон, по-видимому, гораздо меньше. К сожалению, далеко не все исследованные в 2002–2015 гг. погребения представлены в остеологической коллекции. Судьба антропологических материалов предшествующих лет раскопок и вовсе туманна: лишь небольшая часть из них была передана в НИИ и Музей антропологии МГУ. Станным представляется и принцип отбора для долговременного хранения только костей черепа. При систематическом и скрупулезном сборе всех костных останков (необходимость этого кажется очевидной при раскопках некрополя) удалось бы извлечь несравнимо больше данных о населении одного из крупнейших античных поселений Крымского полуострова. Тем не менее даже то немногое, что было предоставлено для экспертизы, заслуживает специального обсуждения.

На основе полученных половозрастных характеристик был высчитан ряд палеодемографических параметров (*Acsadi, Nemeskeri*, 1970; *Weiss*, 1973) (табл. 3). Доля неполовозрелых индивидов в выборке составила 19,4 %. Соотношение мужчин (31 скелет) и женщин (21 скелет) – 59,6 / 40,4 % (для 48 скелетов взрослых людей половую принадлежность установить не удалось). Средний возраст смерти мужчин – 44,6 года, женщин – 40,3 года. 16,2 % группы достигли старческой возрастной когорты, причем среди мужчин таких 27,5 %, среди женщин – всего 13,8 %. В результате выборка из Усть-Альминского могильника оказалась довольно своеобразной среди синхронных популяций Северного Причерноморья, Приазовья и низовьев Дона и Волги (*Богатенков*, 2003; *Громов и др.*, 2015). Выделяют ее одни из самых высоких показателей продолжительности жизни (как у мужчин, так и у женщин), значительный процент мужчин, доживающих до старости (аналогичный женский показатель близок к средним значениям), а также большая доля мужских захоронений (хотя при имеющейся численности скелетов с известным полом наблюдаемое отличие от соотношения 50/50 статистически недостоверно). Количество детских захоронений – ниже среднего для синхронных популяций, что может объясняться недостаточно тщательным сбором костей при раскопках детских и в особенности младенческих скелетов, процент которых очевидно занижен.

Таблица 1. Половозрастные определения скелетов
из Усть-Альминского могильника

Номер погребения	Год раскопок	Возраст	Пол	Номер погребения	Год раскопок	Возраст	Пол
800	2002	30–45 лет	ж	975	2008	взрослый	–
830	2004	35–45 лет	м	977_3	2008	35–45 лет	ж
833_1	2004	старше 55 лет	м?	977_4	2008	25–35 лет	–
833_2	2004	35–45 лет	ж?	977_5	2008	35–45 лет	м?
853_1	2004	45–55 лет	–	977_6	2008	25–35 лет	ж
853_2	2004	20–30 лет	–	977_7	2008	40–50 лет	м
853a_1	2004	старше 55 лет	м	977_8	2008	40–50 лет	м
853a_2	2004	45–55 лет	м	977_9	2006	35–45 лет	м?
–	2005	25–35 лет	–	978_1	2008	старше 55 лет	ж
–	2004/05	3–8 лет	–	978_2	2008	35–55 лет	–
860	2005	35–55 лет	–	986	2009	взрослый	–
864	2005	3–4 года	–	994	2010	35–45 лет	ж
865_1	2005	6 ($\pm$ 2) лет	–	995_1	2010	35–45 лет	–
865_2	2005	5–6 лет	–	995_2	2010	30–40 лет	–
866	2005	1,5–2 года	–	996	2010	старше 55 лет	–
878_1	2005	45–55 или старше 55 лет	–	1001	2010	45–55 лет	–
878_2	2005	5 ($\pm$ 1,5) лет	–	1002_1	2010	30–45 лет	ж
880	2005	35–55 лет	–	1002_2	2010	35–45 лет	м
881	2005	35–45 лет	ж	1004_1	2011	старше 45 лет	–
884_1	2005	35–45 лет	–	1004_2	2011	до 35 лет	–

Продолжение таблицы 1							
Номер погребения	Год раскопок	Возраст	Пол	Номер погребения	Год раскопок	Возраст	Пол
884_2	2005	2–4 года	–	1010_1	2011	45–55 лет	–
890	2005	35–45 лет	–	1010_2	2011	25–35 лет	–
–	2006	35–45 лет	–	1015	2011	4 (± 1) года	–
–	2006	40–50 лет	ж	1020	2012	40–50 лет	–
900	2006	4 (± 1) года	–	1021	2012	старше 55 лет	м
902	2006	15–30 лет	–	1026	2012	45–55 лет	–
905	2006	35–55 лет	–	1029	2012	45–55 лет	–
909_1	2006	взрослый до 30–35 лет	–	1023_1	2012	18–25 лет	–
909_2	2006	ребенок старше 6–7 лет	–	1023_2	2012	2 (± 8 мес) года	–
911_1	2006	4–8 лет	–	1031_1	2012	старше 55 лет	м
911_2	2006	35–45 (?) лет	–	1031_2	2012	45–55 лет	м?
915	2006	9 (± 3) лет	–	1031_3	2012	1–3 года	–
917_1	2006	1–7 лет	–	1031_4a	2012	15–25 лет	–
917_2	2006	35–45 (?) лет	–	1031_4b	2012	15–25 лет	–
918_3	2006	45–55 лет	–	1031_5a	2012	45–55 лет	ж
918_4	2006	35–45 лет	м	1031_5b	2012	взрослый	м?
918_5	2006	40–50 лет	м	1031_6	2012	5 (± 1,5) лет	–
919_1	2006	35–45 (?) лет	–	1031_7	2012		–
919_2	2006	5–6 лет	–	1031_8	2012	45–55 лет	м
919_3	2006	18–20 лет	–	1031_9	2012		–
921	2006	4–6 лет	–	1039	2013	старше 55 лет	м??

Окончание таблицы 1

Номер погребения	Год раскопок	Возраст	Пол	Номер погребения	Год раскопок	Возраст	Пол
922	2006	35–45 лет	м	1040_1	2013	40–50 лет	м?
925	2006	35–45 лет	ж	1040_2	2013	45–55 лет	м
930	2006	старше 45	–	1040_3	2013	35–55 лет	ж
931	2006	25–35 лет	ж	1040_4	2013	35–55 лет	м?
936	2006	2–8 лет	–	1040_5	2013	4–5 лет	–
944	2006	25–35 лет	–	1040_6	2013	40–50 лет	м
970	2008	25–35 лет	–	1040_7	2013	40–50 лет	м
972_1	2008	30–40 лет	ж	1040_8	2013	40–50 лет	ж
972_2	2008	взрослый	м	1045	2013	40–50 лет	м?
973_1	2008	35–55 лет	м	–	2014	1–2 года	–
973_2	2008	35–55 лет	–	–	2014	около 6 лет	–
973_3	2008	35–55 лет	ж	–	2014	40–50 лет	–
974_10	2008	35–45 лет	ж	–	2014	45–55 лет	м
974_11a	2008	18–25 лет	ж?	–	2014	45–55 лет	ж
974_11b	2008	35–55 лет	ж	1055	2014	около 15 лет	–
974_12	2008	25–35 лет	м?	1074	2015	25–35 лет	м
974_3	2008	старше 35 лет	–	1075	2015	45–55 лет	–
974_4	2008	взрослый	–	1077	2015	взрослый	ж?
974_5	2008	35–45 лет	–	1078	2015	35–55 лет	м
974_6	2008	15–18 лет	–	1079	2015	40–50 лет	м
974_8	2008	20–25 лет	–	1083	2015	30–45 лет	–

Таблица 2. Индивидуальные измерения черепов
из Усть-Альминского могильника

Номер погребения	800	974_10	974_11b	977_3	977_6	830	977_5	977_7	977_8	977_9	1031_2	1074
Возраст (лет)	30–45	35–45	35–55	35–45	25–35	35–45	35–45	40–50	40–50	35–45	45–55	25–35
Пол	ж	ж	ж	ж	ж	м	м?	м	м	м?	м?	м
Продольный диаметр	171,0	–	185,0	171,0	176,0	–	–	–	–	–	190,0	180,0
Поперечный диаметр	134,0	–	138,0	137,0	136	145,0	–	–	–	140,0	139,0	140,0
Высотный диаметр	125,0	–	139,0	132,0	124,0	–	–	–	–	–	132,0	–
Наименьшая ширина лба	91,0	93,0	97,0	92,5	95,0	91,0	–	89,0	–	102,0	–	99,0
Ширина основания черепа	117,0	–	118,0	–	118,0	–	–	–	–	135,0	123,0	126,0
Скуловой диаметр	120,5	–	125,0	125 ?	121,5	122,0	–	135 ?	–	138,0	–	128,0
Верхняя высота лица	67,4	63,6	–	66,5	68,6	74 ?	–	65 ?	69 ?	71,7	–	71,5
Верхняя ширина лица	94,7	98,0	–	100,6	–	103,5	98,0	106 ?	109,5	105,0	–	108,0
Средняя ширина лица	88,5	85,6	–	92 ?	94,7	91,0	92,0	102,0	92,5	99,0	–	97,3
Высота носа	46,7	45,3	–	48,0	48,5	55 ?	–	47 ?	48 ?	50,6	–	51,0
Ширина носа	22,5	24,0	–	22,0	25,8	25,4	22,5	22,0	25,0	27,6	–	25,0
Ширина орбиты от m ^f .	38,5	39,7	–	39 ?	45,5	41,0	–	44,0	41 ?	44,5	–	43,5
Высота орбиты	32,1	31,7	–	32,5 ?	32,0	37,0	–	–	–	30,4	–	32,0
Назомаллярный угол	142,0	141,1	–	146,8	140,9	–	–	–	–	140,2	–	136,4
Зигомаксиллярный угол	129,3	117,9	–	133,1	124,1	129,2	121,5	128,1	128,7	126,3	–	125,3
Симотическая ширина	7,4	10,2	9,8	–	10,0	–	–	7,2	–	8,1	–	10,0
Симотическая высота	3,5	4,6	4,3	–	4,5	–	–	–	–	4,0	–	6,0
Угол выступания носа	38 ?	24,7	–	–	29,2	–	–	–	–	26,7	–	24,9

Таблица 3. Таблицы смертности населения Усть-Альминского городского

Возрастные когорты	Общая выборка				Мужчины				Женщины			
	<i>Dx</i>	<i>dx</i>	<i>Ix</i>	<i>qx</i>	<i>Dx</i>	<i>dx</i>	<i>Ix</i>	<i>qx</i>	<i>Dx</i>	<i>dx</i>	<i>Ix</i>	<i>qx</i>
0–4	11,0	8,87	100,00	0,09	–	–	–	–	–	–	–	–
5–9	10,5	8,47	91,13	0,09	–	–	–	–	–	–	–	–
10–14	1,0	0,81	82,66	0,01	–	–	–	–	–	–	–	–
15–19	4,6	3,70	81,85	0,05	0,0	0,00	100,00	0,00	0,5	2,38	100,00	0,02
20–24	6,1	4,93	78,16	0,06	0,3	0,92	100,00	0,01	0,6	3,06	97,62	0,03
25–29	7,1	5,73	73,23	0,08	1,3	4,15	99,08	0,04	1,1	5,44	94,56	0,06
30–34	8,3	6,67	67,50	0,10	1,3	4,15	94,93	0,04	2,3	11,00	89,12	0,12
35–39	16,1	12,99	60,83	0,21	4,0	13,02	90,78	0,14	5,1	24,09	78,12	0,31
40–44	21,1	17,02	47,84	0,36	8,0	25,92	77,76	0,33	5,6	26,47	54,02	0,49
45–49	18,1	14,60	30,82	0,47	7,5	24,31	51,84	0,47	2,9	13,78	27,55	0,50
Старше 50	20,1	16,22	16,22	1,00	8,5	27,53	27,53	1,00	2,9	13,78	13,78	1,00
Всего	124,0	100,0			31,0	100,0			21,0	100,0		

Если определить средний возраст смерти для мужчин и женщин суммарно и учесть костные останки взрослых индивидов без маркеров половой принадлежности, то этот показатель все равно оказывается сравнительно высоким – 40,4 года. Так как возраст погребенных определялся преимущественно по степени изношенности зубной системы, то столь высокие показатели среднего возраста смерти в какой-то степени могут быть обусловлены избыточной нагрузкой на зубы при использовании их в производственной деятельности или из-за особенностей диеты (см., например: *Smith*, 1984). Исключить вероятность такого влияния будет возможно при увеличении усть-альминской антропологической коллекции за счет полных скелетов – это позволит соотнести данные зубной системы с другими скелетными маркерами биологического возраста.

Графики изменения вероятности смерти (qx) в разных возрастных когортах (рис. 1) демонстрируют низкую смертность детей и молодых взрослых с почти полным прекращением убыли населения в возрасте 10–14 лет и очень медленным ее нарастанием до периода первой зрелости, после чего вероятность смерти увеличивается все сильнее в каждой последующей возрастной когорте. На графиках отсутствуют специфические пики убыли в отдельных когортах, вероятность смерти нарастает постепенно, причем у женщин – быстрее, но со стабилизацией в 40–50 лет, в то время как у мужчин – медленнее, но непрерывно повышаясь.

Итак, реконструированные демографические показатели в целом можно интерпретировать как свидетельство более благополучных условий жизни населения, оставившего Усть-Альминский могильник, по сравнению с крупными городскими центрами Танаисом, Херсонесом и Неаполем Скифским и на значительно более широком сравнительном фоне могильников оседлого и кочевого населения античного времени юга Восточной Европы.

Проблема происхождения обсуждаемой популяции и выявление ее контактов с субстратным и пришлым населением Крымского полуострова рубежа эр пока не может быть решена только морфологическими методами из-за крайней малочисленности пригодных для измерений черепов (см. табл. 2). Однако сравнение их усредненных данных с известными краниологическими материалами античного времени из Крыма и сопредельных территорий представляется небесполезным хотя бы для обсуждения одного из возможных решений, пусть и требующих дополнительных аргументов. Малочисленность усть-альминских материалов не должна препятствовать их анализу в популяционно-генетическом контексте при условии, что полученные в этом разделе выводы будут рассматриваться как повод для размышления, а не установленный факт.

В качестве сравнительных материалов были использованы выборки черепов из некрополей Гермонассы и Фанагории, Танаиса и суммарно с Таманского полуострова (*Герасимова и др.*, 1987; *Батиева*, 2011), из погребений с чертами кизил-кобинской культуры Крыма (*Соколова*, 1960), из скифских памятников Крыма и Северного Причерноморья (*Великанова*, 1975; *Зіневич*, 1971; *Кондукторова*, 1964; 1971; 1979; *Кондукторова, Ефимова*, 2014), из могильников средне- и позднесарматской культуры низовьев Волги и Дона (*Балабанова*, 2000; 2003; *Батиева*, 2011); из захоронений черняховской культуры (*Великанова*, 1975; *Кондукторова*, 1972; *Рудич*, 2000; 2004; 2010) и из меотского могильника

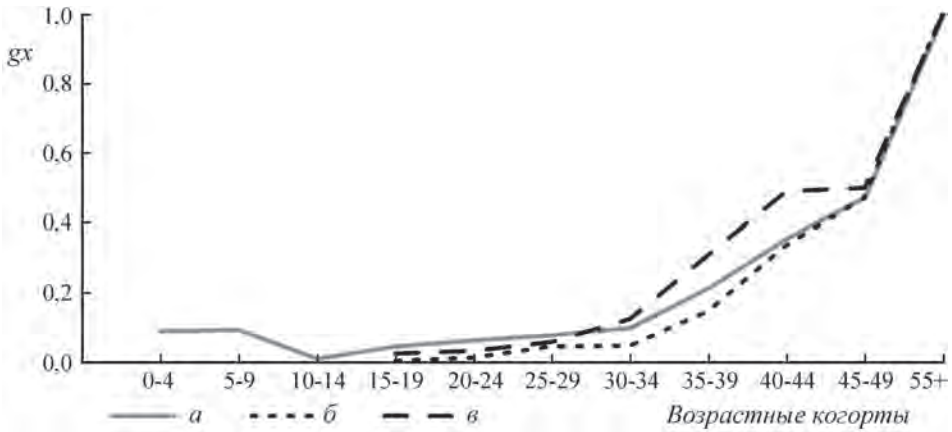

Рис. 1. Графики вероятности смерти (q_x) в разных возрастных когортах

Условные обозначения: а – суммарная выборка; б – мужчины; в – женщины

Старокорсунского городища 2 в Прикубанье (Балабанова, 2013). Сопоставление проводилось по средним групповым данным 14 краниометрических признаков² при помощи дискриминантного канонического анализа в программе Б. А. Козинцева CANON.

Краниологическая дифференциация человеческих популяций Восточной Европы античной эпохи, как известно, во многом совпадает с разделением памятников по археологическим культурам и удается как с разным набором сравнительных материалов, так и по разным краниометрическим признакам в межгрупповом дискриминантном анализе, который предпринимался неоднократно (Ефимова, 2002; Громов и др., 2015; Казарницкий, 2015; 2016). Однако это относится в основном к результатам сопоставления мужских серий, тогда как женские выборки дифференцируются в меньшей степени, из-за чего определение популяционной принадлежности какой-либо новой женской группы черепов становится более сложной и порой морфологически неразрешимой задачей.

При сопоставлении мужских выборок первые два канонических вектора (КВ) отразили в совокупности ровно половину общей изменчивости. Наибольшие коэффициенты корреляции КВ I имеет с такими исходными признаками как скуловой диаметр (0,76), ширина орбиты (0,82), зигомаксиллярный угол (0,64), симотический указатель (0,49) и поперечный диаметр мозгового отдела (0,5). КВ II сильнее всего связан с изменчивостью назомаллярного угла (0,74), верхней высоты лица (-0,51) и угла выступания носа (-0,51). Соответственно,

² Продольный, поперечный и высотный диаметры мозгового отдела черепа, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота носа, ширина и высота орбиты, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель, угол выступания носа.

в пространстве первых двух канонических векторов (рис. 2) по горизонтальной оси оказалась представлена вариация от узких черепов с узким и резко клиногнатным на среднем уровне лицом, среднеширокими орбитами и переносом средней высоты к черепам с широкой мозговой коробкой, менее профилированным в горизонтальной плоскости лицом средней ширины, широкими орбитами и относительно высоким или очень высоким переносом. По вертикальной оси отражена вариация лицевых отделов от средних по высоте, резко профилированных на уровне орбит и с сильно выступающим носом к лицам низким, менее клиногнатным и с меньшим углом выступления носа.

Наиболее своеобразны здесь две старокорсунские серии с минимальными значениями координат в КВ I и большими положительными – в КВ II из-за сочетания длинного мозгового отдела, высокого, узкого, резко профилированного лица, нешироких орбит при среднем в этом масштабе выступании носа и средней же высоте переноса. Чуть менее лептоморфный комплекс представлен в сериях черняховской культуры, получивших отрицательные значения координат в первом векторе, но очень разнообразных по параметрам КВ II. Морфологически близки друг другу выборки из скифских памятников Северного Причерноморья и Крыма, компактно расположившиеся возле нулевых значений по обоим векторам. Противоположное им положение во втором векторе занимают боспорские серии, сконцентрированные в верхней части графика из-за менее высокого, чем у скифов, лица с менее выступающим носом. Широкий разброс координат наблюдается среди серий из могильников средне- и позднесарматской культур, которых объединяют наибольшие широтные размеры при некоторой уплощенности лица в сочетании с высоким переносом. Наконец, особое место занимают серии кизил-кобинской культуры Крыма с их малыми координатами в КВ II и большими – в КВ I: им свойственно сочетание больших поперечных размеров черепа с сильной горизонтальной профилированностью лица.

Таким образом, можно выделить шесть комбинаций краниологических признаков с условными наименованиями «меотская», «черняховская», «скифская», «боспорская», «сарматская» и «кизил-кобинская». Различия между ними носят, разумеется, статистический характер (и не прослеживаются на индивидуальном уровне), а близость расположения на графике серий разной культурной принадлежности свидетельствует, по-видимому, о регулярных брачных контактах между ними, которые при этом не привели к полному смешению популяций разного происхождения. В масштабе проведенного анализа группа мужских черепов из Усть-Альминского могильника заняла место среди серий из боспорских некрополей, будучи наиболее всего сходной с суммарной выборкой из захоронений на Таманском полуострове (*Герасимова и др.*, 1987).

Первые два канонических вектора дискриминантного анализа женских краниологических серий содержат 49,6 % общей изменчивости. КВ I имеет высокие корреляции с поперечным (0,76) и скуловым (0,54) диаметрами, шириной и высотой орбиты (0,78 и 0,64), зигмаксиллярным углом (0,77) и симотическим указателем (0,57), КВ II – с высотным диаметром (-0,67), высотой носа (0,55), шириной и высотой орбит (0,55 и 0,52), назомаллярным углом (0,51) и углом выступления носа (-0,54). Несмотря на то что содержание векторов здесь

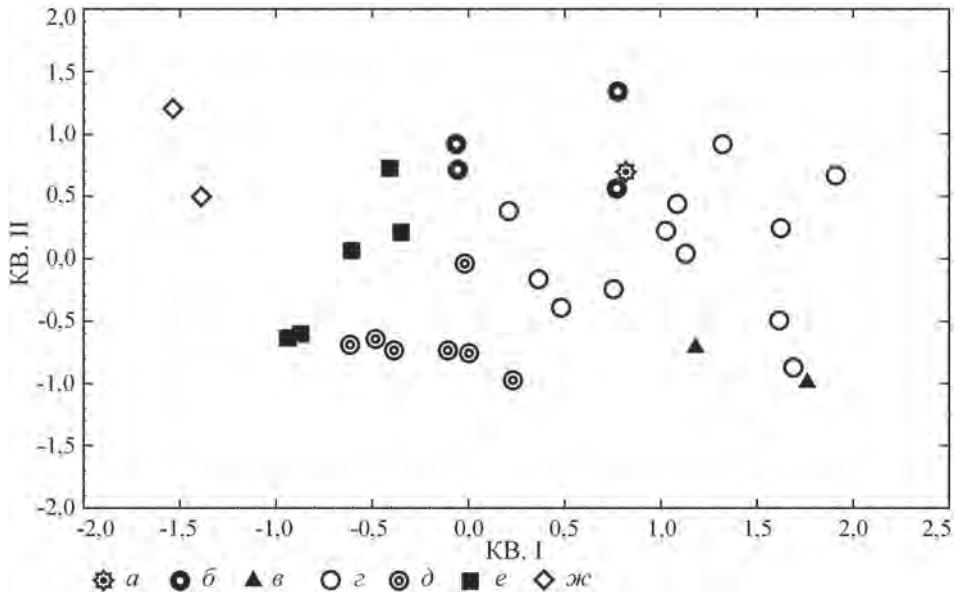

Рис. 2. Результаты межгруппового анализа мужских краниологических серий

Условные обозначения: а – Усть-Альминский могильник; б – боспорские серии; в – кизил-кобинские серии; г – средне- и позднесарматские серии; д – скифские серии; е – черняховские серии; жс – прикубанские меотские серии

почти такое же, как в предыдущем анализе, дифференциация женских серий предсказуемо менее отчетлива, чем мужских (рис. 3). Специфические морфологические комплексы наблюдаются только среди носителей средне- и позднесарматских культур низовьев Волги и Дона и кизил-кобинской культуры Крыма. Сарматские выборки расположены обособленно в правом верхнем квадранте, благодаря тому же сочетанию признаков, что и в мужских сарматских группах – большие поперечные размеры лицевого и мозгового отделов, широкие орбиты, близкие к средним величины зигмаксиллярного угла и относительно высокое переносье. Кизил-кобинские черепа получили минимальные значения в КВ II в основном из-за очень высокого свода черепа. Различия между остальными женскими сериями из меотских, скифских, черняховских и боспорских памятников существенно меньше и прослеживаются только в виде тенденций, например к большей лептоморфности и клиногнатности в Прикубанье, к большим вертикальным размерам лица и более выступающему носу в скифских сериях или к противоположному набору черт – в боспорских. Группа черепов из Усть-Альминского некрополя оказалась в зоне значительного пересечения полей изменчивости нескольких северопричерноморских серий разных археологических культур, поэтому определение вероятной популяционной принадлежности женской части усть-альминских материалов затруднительно.

С аналогичными трудностями определения популяционной принадлежности женской краниологической серии нам приходилось сталкиваться и при

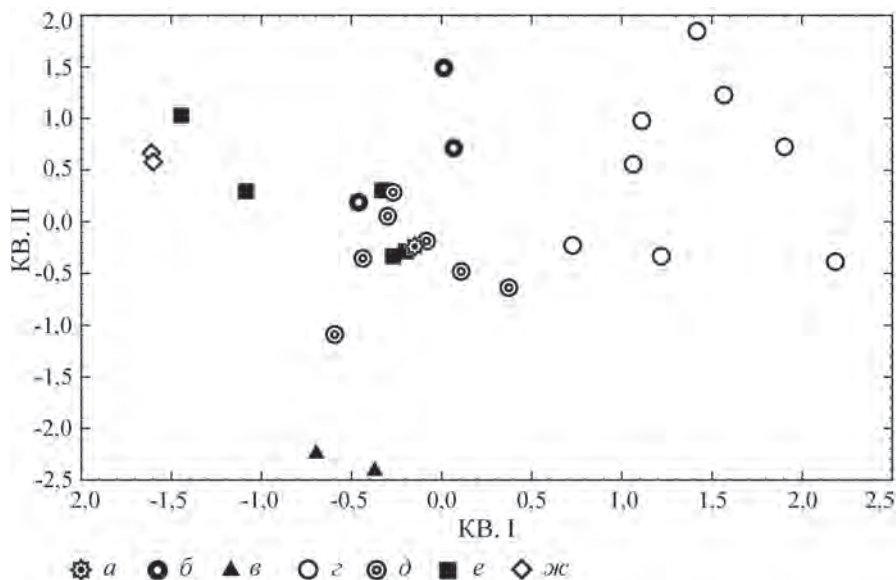

Рис. 3. Результаты межгруппового анализа женских краниологических серий
Условные обозначения см. на рис. 1

работе с антропологическими материалами из женских захоронений рубежа эр в слое Новоселовского городища в Прикубанье (Казарницкий, 2015). Возможным объяснением столь малых морфологических различий представительниц разных культур Северного Причерноморья и Восточного Приазовья может быть сохранение в этих регионах женской части субстратного населения в период расселения преимущественно мужчин – носителей скифской, греческой и центральноевропейской (черняховской) материальных культур.

Подводя итог, можно констатировать, что доступные на сегодняшний день антропологические материалы из Усть-Альминского могильника демонстрируют сравнительно благополучные демографические показатели. Единичные мужские черепа суммарно имеют морфологическое сходство с сериями из некрополей Танаиса, Фанагории, Гермонассы и Таманского полуострова, краниологическую общность которых принято связывать с единым греческим происхождением существенной части их населения (Герасимова и др., 1987). Для столь же немногочисленных женских черепов возможен вывод о принадлежности к слабо дифференцированной морфологически женской части населения Северного Причерноморья и Приазовья античного времени при отсутствии сходства с носителями кизил-кобинской культуры Крыма и средне- и поздне-сарматских культур Подонья и Поволжья. Эти выводы применимы только для небольшой части населения, доступной нам по имеющимся антропологическим материалам. Большое внимание к костным останкам в процессе дальнейших раскопок памятника позволит уточнить или опровергнуть высказанные здесь предположения на основе более представительной остеологической коллекции.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф.*, 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Балабанова М. А.*, 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. М.: Наука. 133 с.
- Балабанова М. А.*, 2003. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 66–88.
- Балабанова М. А.*, 2013. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, С. 21–25.
- Батиева Е. Ф.*, 2011. Население Нижнего Дона (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. 160 с.
- Богатенков Д. В.*, 2003. Палеодемография Мистихали // *Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование* (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир. С. 19–49.
- Великанова М. С.*, 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука. 284 с.
- Высотская Т. Н.*, 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Наукова думка. 206 с.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т.*, 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука. 254 с.
- Громов А. В., Казарницкий А. А., Лунёв М. Ю.*, 2015. Меотские могильники: палеодемография и краниология // Записки ИИМК РАН. № 12. С. 156–175.
- Ефимова С. Г.*, 2002. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Научный мир. С. 279–306.
- Зіневич Г. П.*, 1971. До антропології могильника біля с. Завітне в Криму // МАУ. Вип 5. С. 111–121.
- Казарницкий А. А.*, 2015. Палеоантропологические материалы античного и нового времени из Новоселовского городища (Краснодарский край) // Записки ИИМК РАН. № 11. С. 109–124.
- Казарницкий А. А.*, 2016. Антропологические материалы из могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым) // КСИА. Вып. 243. С. 203–218.
- Кондукторова Т. С.*, 1964. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. Вип 3. С. 32–71.
- Кондукторова Т. С.*, 1971. Пізні скіфи на Нижньому Дніпрі (за антропологічними матеріалами Золотобалківського могильника) // МАУ. Вип. 5. С. 60–71.
- Кондукторова Т. С.*, 1972. Антропология древнего населения Украины. М.: МГУ. 155 с.
- Кондукторова Т. С.*, 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казачье). М.: Наука. 127 с.
- Кондукторова Т. С., Ефимова С. Г.*, 2014. Краниологическая характеристика населения Беляуса // Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс. С. 94–99.
- Медико-криминалистическая идентификация / Под ред. В. В. Томилина. М.: Норма-Инфра, 2000. 472 с.
- Пашкова В. И.*, 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз. 154 с.
- Рудич Т. А.*, 2000. Население черняховской культуры Среднего Поднепровья по данным антропологии // SP. № 4. С. 278–287.
- Рудич Т. А.*, 2004. Антропологічний склад населення черняхівської культури Західної України // Археологія. № 3. С. 37–48.
- Рудич Т. А.*, 2010. Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии // SP. № 4. С. 223–231.
- Соколова К. Ф.*, 1960. Тавры Крымского полуострова (по антропологическим данным) // Вопросы антропологии. № 3. С. 66–76.

- Acsadi G., Nemeskeri J., 1970. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado. 346 p.
- Smith B. H., 1984. Patterns of Molar Wear in Hunter-Gatherers and Agriculturalists // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 63. P. 39–56.
- Ubelaker D. Y., 1989. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Washington, D. C.: Taraxacum. 172 p.
- Weiss K., 1973. Demographic models for anthropology. Washington: Society for American Archaeology. 186 p. (Memoirs of the Society for American Archaeology; no. 27). (American Antiquity; vol. 38, no. 2, part 2.)
- White T. D., Folkens P. A., 2005. The human bone manual. San Diego: Elsevier: Academic Press. 464 p.

Сведения об авторе

Казарницкий Алексей Александрович, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334; Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9. Санкт-Петербург, 199034; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034; Россия; e-mail: kazarnitski@mail.ru

A. A. Kazarnitskiy

ANTHROPOLOGICAL REMNANTS FROM THE UST'-AL'MA CEMETERY
(2002–2015 EXCAVATIONS)

Abstract. The paper introduces anthropological remnants from the Ust'-Al'ma cemetery dated to the 2nd century BC – 3rd century AD. A sample of 124 individuals demonstrates one of the best demographic indicators among all known materials from Crimean necropolei and abutting areas of the North Black Sea coastal line, the Sea of Azov areas and the Don and Volga steppes from the period contemporary with the site. Craniometrical data show morphological similarity between a small male sample and the population of the Bosporan cities located on the Taman Peninsula and Tanais. The cultural attribution of the female sample is difficult due to similarity of the craniological characteristics of the female series from Scythian, Bosporan and Chernyakhovo cemeteries, which may imply a predominantly male nature of migrations during the Classic period, with the female portion of the substratum population of the Black Sea coastal area maintained.

Keywords: physical anthropology, craniology, craniometry, paleodemography, Classical antiquity, Roman period, Ust'-Al'ma cemetery, Crimea.

REFERENCES

- Acsadi G., Nemeskeri J., 1970. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado. 346 p.
- Alekseev V. P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methodics of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Craniometry. Methodics of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Balabanova M. A., 2000. Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya [Anthropology of ancient population of South Ural and Lower Volga regions]. Moscow: Nauka. 133 p.
- Balabanova M. A., 2003. Rekonstruktsiya sotsial'noy organizatsii pozdnykh sarmatov po antropologicheskim dannym [Reconstruction of social organization of Late Sarmatae based on

- anthropological data]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 6. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 66–88.
- Balabanova M. A., 2013. Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2) [Anthropology of Maeotian population of Kuban' (based on materials from cemetery of Starokorsunskaya fortified settlement № 2)]. *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Sixth international Kuban' archaeological conference: transactions]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 21–25.
- Batieva E. F., 2011. Naselenie Nizhnego Dona (paleoantropologicheskoe issledovanie) [Population of Lower Don (paleoanthropological research)]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN. 160 p.
- Bogatenkov D. V., 2003. Paleodemografiya Mistikhali [Palaeodemography of Mistikhali]. *Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V. Vlakhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropol'ya Mistikhali) [Wallachians. Anthro-ecological research (based on materials of medieval necropolis Mistikhali)]*. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 19–49.
- Efimova S. G., 2002. Naselenie Vostochnoy Evropy v epokhu zheleza i pozdnerimskoe vremya [Population of Eastern Europe in Iron Age and Late Roman time]. *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history]*. T. I. Alekseeva, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 279–306.
- Gerasimova M. M., Rud' N. M., Yablonskiy L. T., 1987. Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy [Anthropology of Classical and medieval population of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 254 p.
- Gromov A. V., Kazarnitskiy A. A., Lunev M. Yu., 2015. Meotskie mogil'niki: paleodemografiya i kraniologiya [Maeotian cemeteries: palaeodemography and craniology]. *Zapiski IIMK RAN [Proceedings of IIMK RAS]*, 12, pp. 156–175.
- Kazarnitskiy A. A., 2015. Paleoantropologicheskie materialy antichnogo i novogo vremeni iz Novoselovskogo gorodishcha (Krasnodarskiy kray) [Palaeoanthropological materials of Classical antiquity and New Time from Novoselovskoe fortified settlement (Krasnodar region)]. *Zapiski IIMK RAN [Proceedings of IIMK RAS]*, 11, pp. 109–124.
- Kazarnitskiy A. A., 2016. Antropologicheskaya ekspertiza skeletnykh materialov iz pozdneantichnogo mogil'nika Suvlu-Kaya (Yugo-Zapadnyy Krym) [Anthropological expertise of skeletal remains from the Suvlu-Kaya cemetery of Late Antiquity (South-Western Crimea)]. *KSIA*, 243, pp. 203–218.
- Konduktorova T. S., 1964. Naselennyya Neapolya Skifs'kogo za antropologichnyimi danymi [Population of Neapolis Scythian based on anthropological data]. *MAU*, 3, pp. 32–71.
- Konduktorova T. S., 1971. Pizni skify na Nizhn'omu Dnipro (za antropologichnyimi materialami Zolotobalkivsk'kogo mogyl'nyka) [Late Scythians on Lower Dnieper (based on anthropological materials of Zolota balka cemetery)]. *MAU*, 5, pp. 60–71.
- Konduktorova T. S., 1972. Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy [Anthropology of ancient population of Ukraine]. Moscow: MGU. 155 p.
- Konduktorova T. S., 1979. Fizicheskiy tip lyudey Nizhnego Pridneprov'ya na rubezhe nashey ery (po materialam mogil'nika Nikolaevka-Kazatskoe) [Physical type of people from Lower Dnieper region on threshold of new era (based on materials of cemetery Nikolaevka-Kazatskoe)]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Konduktorova T. S., Efimova S. G., 2014. Kraniologicheskaya kharakteristika naseleniya Belyausa [Craniological characteristic of Belyaus population]. *Dashevskaya O. D. Nekropol' Belyausa [Necropolis of Belyaus]*. Simferopol': Predpriyatie Feniks, pp. 94–99.
- Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiya [Medical forensic identification]. V. V. Tomilin, ed. Moscow: Norma-Infra, 2000. 472 p.
- Pashkova V. I., 1963. Ocherki sudebno-meditsinskoy osteologii [Essays on forensic osteology]. Moscow: Medgiz. 154 p.
- Rudich T. A., 2000. Naselenie chernyakhovskoy kul'tury Srednego Podneprov'ya po materialam antropologii [Population of Chernyakhov culture in Middle Dnieper region based on materials of anthropology]. *SP*, 4, pp. 278–287.
- Rudich T. A., 2004. Antropologichnyy sklad naselennyya chernyakhivsk'koï kul'turi Zakhidnoï Ukraïny [Anthropological structure of population of Chernyakhov culture in Western Ukraine]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 37–48.

- Rudich T. A., 2010. Naselenie chernyakhovskoy kul'tury Dunaysko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya po materialam antropologii [Population of Chernyakhov culture in Danube-Dniester interfluvium based on anthropological materials]. *SP*, 4, pp. 223–231.
- Smith B. H., 1984. Patterns of Molar Wear in Hunter-Gatherers and Agriculturalists. *American Journal of Physical Anthropology*, 63, pp. 39–56.
- Sokolova K. F., 1960. Tavry Krymskogo poluostrova (po antropologicheskim dannym) [Taurians of Crimean Peninsula (based on anthropological data)]. *Voprosy antropologii [Problems of anthropology]*, 3, pp. 66–76.
- Ubelaker D. Y., 1989. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Washington, D. C.: Taraxacum. 172 p.
- Velikanova M. S., 1975. Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [Palaeoanthropology of Prut-Dniester interfluvium]. Moscow: Nauka. 284 p.
- Vysotskaya T. N., 1994. Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' [Ust'-Al'ma fortified settlement and necropolis]. Kiev: Naukova dumka. 206 p.
- Weiss K., 1973. Demographic models for anthropology. Washington: Society for American Archaeology. 186 p. (Memoirs of the Society for American Archaeology, 27). (American Antiquity, vol. 38, no. 2, part 2.)
- White T. D., Folkens P. A., 2005. The human bone manual. San Diego: Elsevier: Academic Press. 464 p.
- Zinevich G. P., 1971. Do antropologii mogil'nika bilya p. Zavitne v Krimu [On anthropology of cemetery near village Zavitne in Crimea]. *MAU*, 5, pp. 111–121.

About the author

Kazarnitsky Aleksey A., Institute of General History Russian Academy of Sciences, Leninskiy prosp., 32A, Moscow, 119334; Saint-Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, Saint-Petersburg, 199034; Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kazarnitski@mail.ru

Е. Н. Учанева, В. С. Бусова

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА САУСКЕН 3*

Резюме. Исследован новый антропологический материал из могильника раннего железного века Саускен 3 (Тува). Были проанализированы основные палеодемографические характеристики популяции. Результаты межгруппового канонического анализа краниометрических данных демонстрируют сходство популяции из могильника Саускен 3 с другими уюкско-саглыным сериями и их отличие от популяций более ранней алды-бельской культуры.

Ключевые слова: палеоантропология, краниометрия, палеодемография, скифское время, Тува, алды-бельская культура, уюкско-саглынская культура.

Археологические изыскания в Республике Тыва ведутся уже не одно десятилетие. Публикация новых археологических и антропологических данных, полученных в последние годы в результате раскопок курганов скифского времени, позволяет с большей точностью реконструировать историю развития региона в эпоху раннего железа.

Могильник Саускен 3 был исследован в 2011 и 2014 гг. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством М. Е. Килуновской и Вл. А. Семенова на правобережной террасе долины реки Ээрбек, в 21,9 км к СЗ от пос. Ээрбек (Республика Тыва) (Семенов, Килуновская, 2014. С. 393). Некрополь состоит из 15 объектов, которые разделяются на две группы: погребальные памятники (12 объектов) и поминальные выкладки (3 объекта), связанные с поминовением умерших. Они разновременные и относятся к разным этапам уюкско-саглынской культуры раннего железного века Тувы.

В целом последовательная смена археологических культур скифского времени в Центральной Туве выглядит следующим образом: алды-бельская (VIII–VI вв. до н. э.) – уюкско-саглынская (VI–II вв. до н. э.). Последняя включает уюкский, саглынский и озен-ала-белигский этапы (Грач, 1980; Семенов, 1992; 2000; и др.).

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-31-01050 «Миграции населения Южной Сибири в раннем железном веке по данным физической антропологии».

На могильнике Саускен 3 преобладают объекты, относящиеся к уюкскому этапу и датирующиеся VI–V в. до н. э. Для них характерны трех-четыревенцовые срубы в ямах глубиной до 4 м. Вещевой комплекс включает в себя предметы вооружения, личные украшения, зеркала и детали костюма, выполненные из кости, медных сплавов, золота, текстиля, кожи и железа (Дорога длиной в тысячелетия..., 2015. С. 151).

Три объекта относятся к озен-ала-белигскому этапу (III–II вв. до н. э.). Этапными памятниками этого периода являются могильники Суглуг-Хем и Хайрыкан, исследованные Вл. А. Семеновым в долине Енисея (Семенов, 2003. С. 76). Для них характерны коллективные погребения в четырех и пятивенцовых срубах на дне ям глубиной до 2 м. Автор раскопок связывает данные погребения с усунями и выделяет хронологические индикаторы, позволяющие соотнести их с хуннской культурно-исторической общностью. В то же время уюкская культура связана с проникновением саков в Центральную Азию из Казахстана (Семенов, 2010а; 2010б).

Из материалов могильника Саускен 3 была сформирована антропологическая серия, состоящая из 58 погребенных.

Основные палеодемографические характеристики населения, погребенного в могильнике Саускен 3 (табл. 1), можно охарактеризовать следующим образом: процент погребенных мужчин превосходит таковой у женщин, однако при такой численности это превосходство не является статистически достоверным. Индивиды старше 50 лет есть только среди женщин, что, вероятно, повлияло на средний возраст смерти, который у женщин выше, чем у мужчин. Процент детской смертности равен 31 % от числа всех погребенных в курганах.

Таблица 1. Палеодемографические характеристики погребенных в могильнике Саускен 3

Название	Мужчины	Женщины	Все погребенные
Объем выборки (N)	21	15	58
Средний возраст смерти (A)	–	–	24,6
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	32,6	35,2	–
Процент детской смертности (PCD)	–	–	31,0
Процент индивидов данного пола (PSR)	58,3	41,7	–
Процент индивидов старше 50 лет (dx50+)	0	13,3	–

В тувинских могильниках Копто и Догээ-Баары, процент детской смертности выше, чем в могильнике Саускен 3, и составляет более 40 % (Чикишева, 2012. С. 154). Низкий процент детской смертности отмечен лишь в могильнике Аржан-2 – около 15 %. Однако это исключение может быть связано с тем, что Аржан-2 является элитным погребальным комплексом и вряд ли отражает реальную палеодемографическую ситуацию. В сопредельных регионах ситуация с детской смертностью обстоит следующим образом: 23,4 % в сборной

пазырыкской серии (Население Горного Алтая..., 2003. С. 69), и 42,6 % в сборной серии тагарской культуры (Козинцев, 1971. С. 150).

В группах раннего железного века Южной Сибири и Алтая, как правило, средний возраст смерти выше у мужчин, чем у женщин. Это справедливо для уюкско-саглынской популяции из могильника Догээ-Баары II (Чикишева, 2012. С. 155), где средний возраст смерти составляет 37,3 и 30,9 лет для мужчин и женщин соответственно. Это также справедливо и для населения тагарской культуры Минусинской котловины (суммарная серия по материалам из могильников разных этапов тагарской культуры: Гришкин Лог I, Каменка I, Туран I, II и III), где средний возраст смерти мужчин – 42,6, а женщин – 38,6 лет (Козинцев, 1971. С. 152). Аналогичная ситуация и в популяциях пазырыкской культуры, где мужчины умирали в среднем в 39,1 лет, а женщины – в 33,2 года (Население Горного Алтая..., 2003. С. 69). Однако в группе из Саускен 3 обратная ситуация: средний возраст смерти выше у женщин и составляет 35,2 года, тогда как у мужчин – 32,6 лет. Это может быть связано с отсутствием пожилых мужчин, что также не характерно для групп раннего железного века Южной Сибири, так как чаще процент пожилых мужчин гораздо выше, чем женщин. В целом продолжительность жизни мужчин, погребенных в могильнике Саускен 3, меньше, чем у синхронного населения соседних регионов, а продолжительность жизни женщин, наоборот, больше, чем у других групп, и уступает только тагарской серии.

Краниологическая серия, пригодная для измерения, включает 28 черепов. Материал был измерен по стандартной краниометрической программе (Алексеев, Дебец, 1964).

Суммарная мужская серия из могильника Саускен 3 (табл. 2) характеризуется длинной, средней ширины и высоты черепной коробкой, мезокранной по черепному указателю и ортокранной по высотно-продольному указателю. Лоб средней ширины, средненаклонный. Лицо средневысокое, широкое, ортогнатное по общему лицевому углу и прогнатное по указателю выступания лица, по верхнелицевому указателю – мезен. Орбиты средней ширины, низкие, хамеконхные по указателю от максиллофронтале. Нос низкий, средней ширины, мезоринный, сильновыступающий. Носовые кости среднеширокие, переносье средневысокое. Лицевой скелет профилирован средне на верхнем уровне и средне на уровне зигомаксиллярных точек. Клыковая ямка среднеглубокая.

Суммарная женская серия из могильника Саускен 3 (табл. 2) характеризуется длинной, средней ширины и высоты черепной коробкой, мезокранной по черепному указателю и ортокранной по высотно-продольному указателю. Лоб средней ширины, сильнонаклонный. Лицо средневысокое, широкое, мезогнатное по общему лицевому углу и мезогнатное по указателю выступания лица, по верхнелицевому указателю – мезен. Орбиты широкие, низкие, мезоконхные по указателю от максиллофронтале. Нос средневысокий, широкий, хамеринный, средневыступающий. Носовые кости среднеширокие, переносье высокое. Лицевой скелет профилирован средне на верхнем уровне и средне на уровне зигомаксиллярных точек. Клыковая ямка неглубокая.

Для межгруппового анализа были использованы серии с территории Тувы из могильников разных культур раннего железного века. Алды-бельская культура:

Чинге, Бай-Даг 6 и 8, Ээрбек 2 (данные авторов), Копто, Аржан-2 (Чикишева, 2012). Уюкский этап: Суме-Беш II, Эки-Оттуг 2 (данные авторов), Эки-Оттуг I (Учанева, 2014). Уюкско-саглынская культура: Аймырлыг – суммарная серия скифского времени (Алексеев и др., 1987), Догээ-Баары II (Чикишева, 2012), Аргалыкты (данные авторов), Саглы (Козинцев, Селезнева, 2011). Озен-ала-белигский этап: Суглуг-Хем I, II (Громов и др., 2015).

Таблица 2. Средние размеры и показатели черепов из могильника Саускен 3

№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	10	186,6	5,73	7	176,6	3,77
8	Поперечный диаметр	10	142,3	5,21	7	138,9	6,76
8:1	Черепной указатель	10	76,3	2,47	7	78,7	4,40
17	Высотный диаметр	10	133,2	3,19	6	129,5	4,51
17:1	Высотно-продольный указатель	10	71,4	2,55	6	73,2	3,20
17:8	Высотно-поперечный указатель	10	93,7	3,33	6	93,7	6,79
20	Ушная высота	10	115,3	2,96	6	112,4	3,23
5	Длина основания черепа	10	102,9	3,74	6	97,9	2,33
9	Наименьшая ширина лба	12	97,0	5,73	11	94,1	2,84
10	Наибольшая ширина лба	11	119,0	3,22	6	116,7	5,32
11	Ушная ширина	10	127,6	4,01	6	123,5	2,35
12	Ширина затылка	10	111,6	4,70	8	107,9	3,10
29	Лобная хорда	12	111,0	4,34	9	106,0	5,70
30	Теменная хорда	12	112,6	6,15	10	111,1	4,35
31	Затылочная хорда	11	93,6	3,79	9	92,9	3,67
25	Сагиттальная дуга	10	371,1	13,45	7	360,1	6,64
26	Лобная дуга	12	127,1	6,01	11	122,2	5,09
27	Теменная дуга	12	124,3	7,62	10	122,8	5,31
28	Затылочная дуга	11	118,1	6,17	9	112,6	6,08
45	Скуловой диаметр	7	137,8	4,70	5	128,8	1,92
40	Длина основания лица	9	99,6	4,28	5	96,8	2,76
40:5	Указатель выступания лица	9	97,2	3,73	5	99,0	1,45
48	Верхняя высота лица	9	70,9	5,10	10	68,2	4,90
48:45	Верхний лицевой указатель	6	52,2	4,63	5	51,7	4,94
43	Верхняя ширина лица	10	107,3	4,08	10	103,4	2,13
46	Средняя ширина лица	10	99,9	4,33	9	96,8	5,39

Окончание таблицы 2

№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
61	Ширина альвеолярной дуги	7	62,4	2,09	10	61,1	4,13
55	Высота носа	10	50,7	2,96	11	49,0	2,28
54	Ширина носа	11	25,6	2,00	12	26,2	2,39
54:55	Носовой указатель	10	50,3	3,81	11	53,4	5,35
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	10	42,5	2,06	11	42,2	1,33
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	6	39,7	1,12	9	37,9	2,62
52	Высота орбиты	10	31,8	2,18	10	32,1	1,69
52:51	Орбитный указатель от <i>mf</i>	10	74,9	6,44	10	76,3	4,70
52:51a	Орбитный указатель от <i>d</i>	6	79,0	4,60	8	82,6	4,14
77	Назомаллярный угол	10	142,3	4,09	9	143,6	4,42
zm'	Зигомаксиллярный угол	10	134,1	5,36	9	136,1	4,07
sc	Симотическая ширина	9	9,1	1,57	11	8,5	1,20
ss	Симотическая высота	9	4,2	1,31	11	3,9	0,90
ss:sc	Симотический указатель	9	46,4	10,95	11	46,6	9,58
mc	Максиллофронтальная ширина	9	21,3	1,68	10	19,5	1,12
ms	Максиллофронтальная высота	9	7,4	1,12	10	7,0	1,72
ms:mc	Максиллофронтальный указатель	9	34,6	3,82	10	35,8	8,93
dc	Дакриальная ширина	5	23,0	1,39	5	22,5	1,77
ds	Дакриальная высота	5	10,9	0,80	5	10,9	0,37
ds:dc	Дакриальный указатель	5	47,8	4,50	5	48,5	4,37
fc	Глубина клыковой ямки	12	4,8	1,35	12	3,4	1,45
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	10	82,1	5,36	6	87,2	4,45
	Угол профиля лба от <i>gl</i>	10	73,9	5,47	6	81,8	3,43
72	Общий лицевой угол	9	85,9	2,67	6	84,2	2,48
75 (1)	Угол выступания носа	9	25,4	6,07	9	20,1	5,42

Межгрупповой анализ был выполнен с помощью канонического дискриминантного анализа на основе индивидуальных измерительных данных. Программа состояла из 15 признаков (продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, высота и ширина носа, ширина (от максиллофронтале) и высота орбиты, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотическая ширина и высота, угол выступания носа).

По результатам канонического анализа мужских серий первые два вектора отражают 50 % изменчивости (табл. 3). Основные нагрузки в первом векторе

падают на продольный диаметр черепа и наименьшую ширину лба, а также на угол выступания носа. Во втором векторе наиболее существенными оказались нагрузки на ширину носа и высотный диаметр.

Таблица 3. Элементы первых двух канонических векторов (КВ)

№ признака по Мартину и др.	Мужчины		Женщины	
	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II
1	0,422	0,075	-0,108	0,153
8	-0,269	0,105	0,294	-0,327
17	0,286	0,450	0,197	0,053
9	0,339	0,107	0,108	-0,139
45	-0,126	0,288	0,222	-0,247
48	0,071	0,317	-0,098	-0,095
55	-0,112	0,177	0,345	0,004
54	-0,182	0,529	0,150	0,537
51	0,134	-0,141	-0,065	0,038
52	-0,220	0,095	0,024	-0,193
77	-0,260	-0,310	0,055	-0,079
zm	-0,135	-0,185	-0,194	0,116
SC	0,251	0,270	-0,117	-0,043
SS	0,079	0,315	0,230	0,036
75 (1)	0,292	0,171	0,279	-0,185
Процент изменчивости	31	20	31	22

Первый канонический вектор играет важную роль в распределении групп на графике (рис. 1). Данный вектор делит группы в соответствии с хронологией таким образом, что наиболее ранние группы (алды-бельская культура) расположились в поле положительных значений первого вектора. Исключение составляет серия из наиболее позднего могильника Суглуг-Хем, относимого автором раскопок к озен-ала-белигскому этапу (Семенов, 2003. С. 76). Максимальные положительные значения по первому вектору имеют серии из могильников Чинге и Аржан-2, которые наряду с другими алды-бельскими памятниками характеризуются наименьшими длиной черепной коробки и шириной лба, что свойственно также сериям из могильников переходного времени от алды-бельской культуры к уюкской – Суме-Беш II, Эки-Оттуг I, II. Отличительной особенностью черепов из могильника Аржан-2 является наибольшая ширина черепа, а из могильника Чинге – самая низкая мозговая коробка. Таким образом, своеобразие алды-бельских групп заключается, в первую очередь, в строении мозгового отдела черепа.

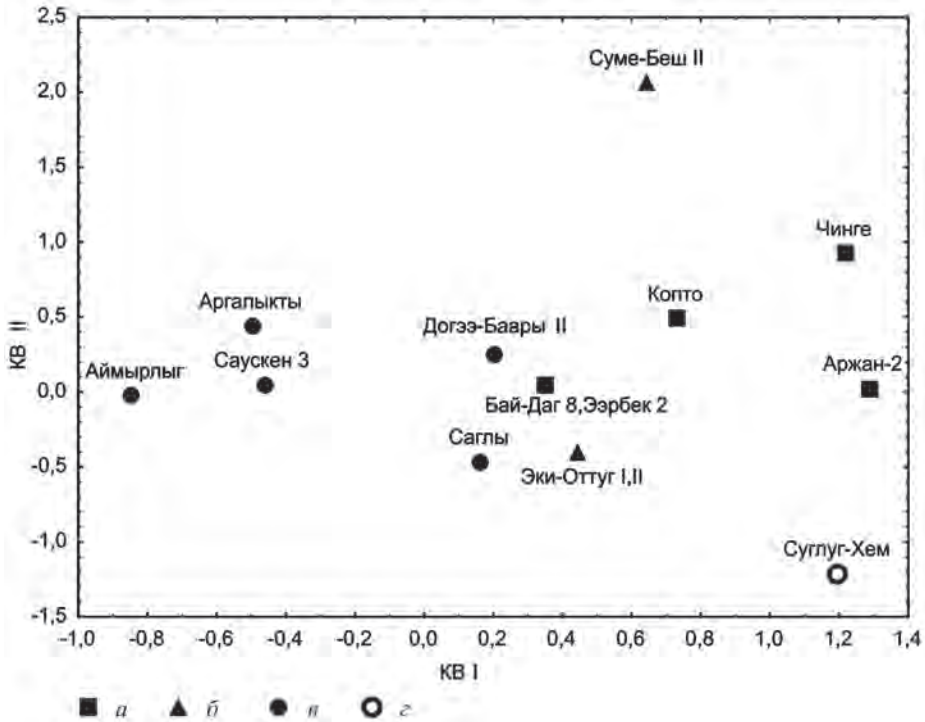

Рис. 1. Положение мужских серий скифского времени Тувы в пространстве канонических векторов

а – алды-бельская культура; *б* – уюкский этап; *в* – уюкско-саглынская культура; *г* – озен-ала-белигский этап

Авторы раскопок могильников Эки-Оттуг I, II и Суме-Беш II охарактеризовали эти могильники как ранние уюкские памятники, или памятники переходного типа от алды-бельской культуры к уюкской (Килуновская, 2012; Семенов, 2012). Это согласуется с данными, полученными в результате межгруппового анализа, так как на графике эти группы занимают промежуточное положение между алды-бельскими и уюкско-саглынскими группами, сближаясь больше с ранними сериями.

В левой части графика расположены уюкско-саглынские серии, которые характеризуются длинной черепной коробкой и широким лбом. Серия из могильника Аймырлыг имеет также наибольший угол выступания носа среди всех групп.

По второму вектору группы находятся примерно в одном интервале значений, близких к нулю. Крайние положения по второму вектору занимают серии из могильников Суглуг-Хем I, II и Суме-Беш II, которые характеризуются самым широким и самым узким носом среди всех групп соответственно.

Необходимо также отметить положение серии из могильников Суглуг-Хем I, II, которая находится в поле координат наиболее ранних групп. Чтобы

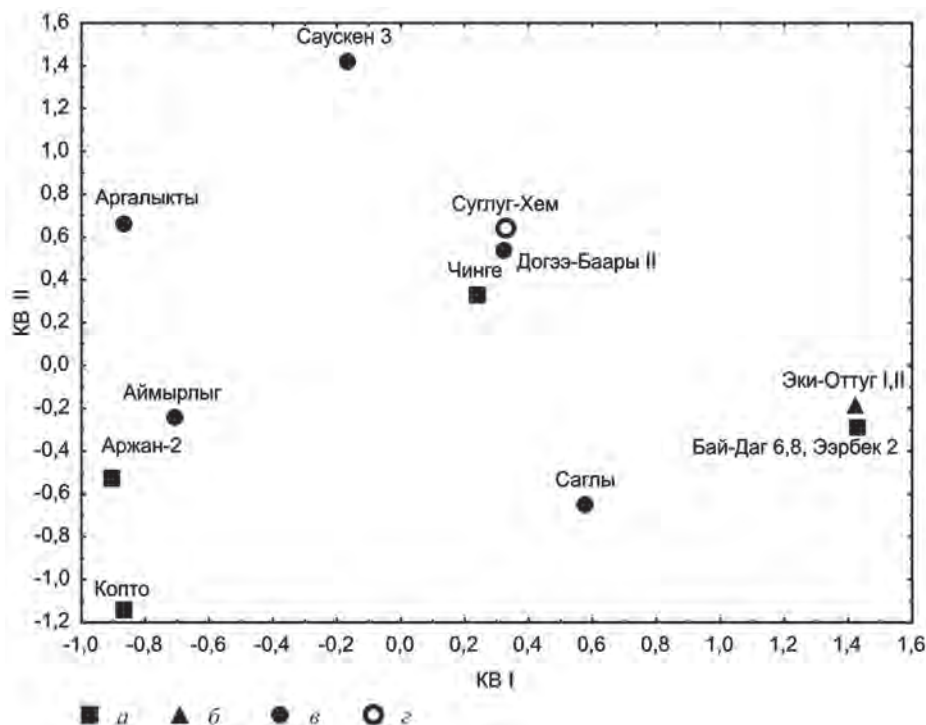

Рис. 2 Положение женских серий скифского времени Тувы в пространстве канонических векторов

а – алды-бельская культура; *б* – уюкский этап; *в* – уюкско-саглынская культура; *г* – озен-ала-белигский этап

объяснить эту ситуацию, необходимо привлечение нового антропологического материала из курганов озен-ала-белигского этапа, что выходит за рамки данной работы и является задачей отдельного исследования.

В женских сериях первые два канонических вектора охватывают 53 % изменчивости (табл. 3). Основные нагрузки в первом векторе пришлись на поперечный диаметр черепной коробки и высоту носа, а также на угол выступания носа. Во втором векторе определяющими являются ширина носа, поперечный и скуловой диаметры.

Распределение женских серий на графике (рис. 2) по второму каноническому вектору согласуется с хронологией могильников. В нижней части графика сконцентрировались алды-бельские группы. Там же оказалась серия из могильника Саглы, которая характеризуется самым широким диаметром и наименьшей длиной черепа по сравнению с другими уюкско-саглынскими сериями.

Исключение из алды-бельских серий составляет группа из могильника Чинге, которая оказалась среди уюкско-саглынских серий, так как имеет среди всех алды-бельцев самую узкую черепную коробку и самый широкий нос. Серия

из погребений переходного типа из могильников Эки-Оттуг I, II, как и в мужских сериях, тяготеет к алды-бельским группам. Среди уюкско-саглынской групп крайнее значение по второму вектору занимает серия из могильника Саускен 3, так как черепа там имеют наибольшую ширину носа. В то же время серия из могильника Копто, наоборот, характеризуется самым узким носом и занимает крайнее отрицательное положение по второй компоненте.

Таким образом, и мужская, и женская серии из могильника Саускен 3 по результатам канонического анализа находятся в поле групп уюкско-саглынской культуры. В целом в распределении серий скифского времени Тувы на графиках есть хронологическая закономерность: более ранние могильники алды-бельской культуры составляют отдельную группу, а более поздние серии уюкско-саглынской культуры – другую. Могильники Эки-Оттуг I, II и Суме-Беш II, которые по хронологии являются переходными от одной культуры к другой, занимают промежуточное положение и по результатам анализа данных краниометрии, имея большее сходство с алды-бельскими сериями.

Дальнейшее изучение археологических и антропологических материалов из могильников долины р. Эрбек, включающих материалы разных этапов уюкско-саглынской культуры из могильников Саускен 1, 2, 5, 7, даст нам более полное представление о структуре населения раннего железного века Тувы, а также позволит прояснить вопрос о популяционных связях с населением раннего железного века Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д., 1987. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука. С. 208–241.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Греч А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. 256 с.
- Громов А. В., Селезнева В. И., Учанева Е. Н., 2015. Антропологические материалы из могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II (Центральная Тува) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 году. СПб.: МАЭ РАН. С. 379–388.
- Дорога длиной в тысячелетия / Отв. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб.: Любавич, 2015. 196 с., цв. ил.
- Килюновская М. Е., 2012. Отчет об археологических раскопках Тувинской археологической экспедицией могильника Эки-Оттуг I (Кызылский кожуун Республики Тыва) в 2011 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. № 24.
- Козинцев А. Г., 1971. Демография тагарских могильников // СЭ. Вып. 6. С. 148–152.
- Козинцев А. Г., Селезнева В. И., 2011. Краниометрические особенности населения Тувы эпохи железа: черепа из могильника Саглы // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН. С. 217–222.
- Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) Новосибирск: СО РАН, 2003. 286 с.
- Семенов Вл. А., 1992. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. Омск: Омский гос. ун-т. С. 65.
- Семенов Вл. А., 2000. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т. С. 134–157.
- Семёнов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение. 240 с.

- Семенов Вл. А., 2010а. Саки и усуни в Туве // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: тр. II междунар. науч.-практ. конф. Красноярск; Кызыл: Красноярский гос. пед. ун-т. С. 255–260.
- Семенов Вл. А., 2010б. Усуни на севере Центральной Азии // АЭАЕ. № 3 (43). С. 99–110.
- Семенов Вл. А., 2012. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН: Периферия. С. 432–435.
- Семенов Вл. А., Кишуновская М. Е., 2014. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Эрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона (03.05.1929–19.02.2010). СПб.: Арт-Экспресс. С. 393–423.
- Учанева Е. Н., 2014. Новые краниологические материалы скифского времени из Центральной Тувы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 413–416.
- Чикишева Т. А., 2012. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 468 с.

Сведения об авторах

Учанева Евгения Николаевна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН). Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: ucha.89@mail.ru;

Бусова Варвара Сергеевна, Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И. Э. Грабаря, ул. Радио, д. 17/6, Москва, 105005; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com

E. N. Uchaneva, V. S. Busova

NEW ANTHROPOLOGICAL REMNANTS FROM SAUSKEN,
AN EARLY IRON AGE CEMETERY

Abstract. New human fossil remains from Sausken 3, which is an Early Iron Age cemetery in Tyva, were examined. Key paleodemographic characteristics of the population were analyzed. The results of the intergroup canonical analysis of craniometrical data revealed similarity between the individuals from the Sausken 3 cemetery and other Uyuk-Saglyn series and their distinction from populations of the earlier Aldy-Belsk culture.

Keywords: paleoanthropology, craniometry, paleodemography, Scythian period, Tyva, Aldy-Belsk culture, Uyuk-Saglyn culture.

REFERENCES

- Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry. Methodics of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Alekseev V. P., Gokhman I. I., Tumen D., 1987. *Kratkiy ocherk paleoantropologii Tsentral'noy Azii* [Brief essay on paleoanthropology of Central Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, pp. 208–241.
- Chikisheva T. A., 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of population

- of South of West Siberia in epochs of Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 468 p.
- Doroga dlinoy v tysyacheletiya [A way millennia long]. N. F. Solov'eva, ed. St.Petersburg: Lyubavich, 2015. 196 p., ill.
- Grach A. D., 1980. Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Early nomads in the centre of Asia]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Gromov A. V., Selezneva V. I., Uchaneva E. N., 2015. Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Suglug-Khem I i Suglug-Khem II (Tsentral'naya Tuva) [Anthropological materials from cemeteries Suglug-Khem I and Suglug-Khem II (Central Tuva)]. *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty Muzeya antropologii i etnografii RAN v 2014 godu* [Radlov collected articles: Scientific researches and museum projects of Museum of Anthropology and Ethnography of RAS in 2014]. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 379–388.
- Kilunovskaya M. E. Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh Tuvinskoy arkhеologicheskoy ekspeditsiyey mogil'nika Eki-Ottug 1 (Kyzyl'skiy kozhuun Respubliki Tyva) v 2011 godu [Report on archaeological excavations of cemetery Eki-Ottug 1 (Tyva Republic, Kyzyl kozhuun) by Tuva archaeological expedition in 2011]. *Archive of IIMK RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Kozintsev A. G., 1971. Demografiya tagarskikh mogil'nikov [Demography of Tagar cemeteries]. *SE*, 6, pp. 148–152.
- Kozintsev A. G., Selezneva V. I., 2011. Kraniometricheskie osobennosti naseleniya Tuvy epokhi zheleza: Cherepa iz mogil'nika Sagly [Cranimetric features of Tuva population in Iron Age: Skulls from cemetery Sagly]. *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty Muzeya antropologii i etnografii RAN v 2010 g.* [Radlov collected articles: Scientific researches and museum projects of Museum of Anthropology and Ethnography of RAS in 2010]. Yu. K. Chistov, M. A. Rubtsova, eds. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 217–222.
- Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheznogo veka kak etnokul'turnyy fenomen: proiskhozhdenie, genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arkhеologii, antropologii, genetiki) [High Altai population in Early Iron Age as ethno-cultural phenomenon: origins, genesis, historical paths (based on data of archaeology, anthropology, genetics)]. Novosibirsk: SO RAN, 2003. 286 p.
- Semyonov V. I. A., 1992. Uyukskie kurgany [Uyuk kurgans]. *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova* [Second history readings in memory of M. P. Gryaznov], 2. Omsk: Omskiy gos. universitet, p. 65.
- Semyonov V. I. A., 2000. Etapy slozheniya kul'tury rannikh kochevnikov Tuvy [Stages of formation of culture of early nomads in Tuva]. *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura: k 60-letiyu M. L. Podol'skogo* [World-outlook. Archaeology. Ritual. Culture: collected articles toward 60th anniversary of M. L. Podol'skiy]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet, pp. 134–157.
- Semyonov V. I. A., 2003. Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoy kotlovine [Suglug-Khem and Khayyrakan – cemeteries of Scythian time in Central Tuva depression]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 240 p.
- Semyonov V. I. A., 2010a. Saki i usuni v Tuve [Sakae and Usuns in Tuva]. *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noy i Severnoy Azii: istoriya, sostoyanie, problemy: trudy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Nomad civilizations of peoples of Central and North Asia: history, state of problem: trfactions of II International scientific-practical conference]. Krasnoyarsk; Kyzyl: Krasnoyarskiy gos. pedagogicheskii universitet, pp. 255–260.
- Semyonov V. I. A., 2010b. Usuni na severe Tsentral'noy Azii [The Usuns in North of Central Asia]. *AEAE*, 3 (43), pp. 99–110.
- Semyonov V. I. A., 2012. Pogrebenie ranneskifskogo vremeni na mogil'nike Sume-Besh v Tuve [Burial of early Scythian time at cemetery Sume-Besh in Tuva]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations], 2. St. Petersburg: IIMK RAN; Periferiya, pp. 432–435.
- Semyonov V. I. A., Kilunovskaya M. E., 2014. Mogil'nik skifskogo vremeni Sausken v doline r. Eerbek (Respublika Tyva) [Scythian time cemetery Sausken 3 in Eerbek River valley (Republic of Tyva)]. *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kul'turogenез, religioznye vozzreniya: Pamyati V. M. Massona (03.05.1929–19.02.2010)* [Archaeology of ancient societies of Eurasia:

chronology, cultural genesis, religious views: In memory of V. M. Masson (03.05.1929–19.02.2010)]. St. Petersburg: Art-Ekspress, pp. 393–423.

Uchaneva E. N., 2014. Novye kraniologicheskie materialy skifskogo vremeni iz Tsentral'noy Tuvy [New craniological materials of Scythian time from Central Tuva]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s''ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, IV. Kazan': Otechestvo, pp. 413–416.

About the authors

Uchaneva Evgeniya N., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunst-kamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: ucha.89@mail.ru;

Busova Varvara S., the Grabar Art Conservation Center, ul. Radio, 17/6, Moscow, 105005; Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. Н. Чхаидзе

ПОЛЕМИКА О «КАМЕННЫХ БАБАХ» – КАК ПОССОРИЛСЯ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ С ВАСИЛИЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ*

Резюме. В работе представлена излишне эмоциональная полемика 1910 г. между Н. А. Веселовским и В. А. Городцовым по вопросу изучения и интерпретации каменных и деревянных изваяний, открытых последним в современной Донецкой области.

Ключевые слова: Веселовский, Городцов, каменные изваяния, историография.

Во второй половине XIX – начале XX вв. изучение каменных изваяний («каменных баб») в России находилось на начальной стадии. Прежде всего исследователям необходимо было решить два вопроса – об этнокультурной атрибуции изваяний и, как следствие, их датировке. Основные пути решения были намечены в работах А. И. Пискарева (1851. С. 205–220), Н. И. Надеждина (1859. С. 165–168), А. В. Терещенко (1866. С. 1–37), А. С. Уварова (1871. С. 501–520), А. И. Кельсиева (1887. С. 76–80), Д. И. Эварницкого (1890. С. 184–194), Н. Е. Бранденбурга (1897. С. 13–18), Ю. А. Кулаковского (1898. С. 235–240) и Н. И. Веселовского, опубликовавшего в 1905 г. работу «Мнимые каменные бабы».

В этой связи интересно рассмотреть достаточно эмоциональную полемику, развернувшуюся между Н. И. Веселовским (1848–1918) (рис. 1) и В. А. Городцовым (1860–1945) (рис. 2) в 1910 г. на страницах Известий Императорской Археологической комиссии (ИИАК).

Вопрос о культурно-хронологической атрибуции каменных изваяний поднимался на XII Археологическом съезде в Харькове в 1902 г. В целях решения этого вопроса В. А. Городцовым проводились работы в Изюмском уезде Харьковской губернии и Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (Цыбин, 1999. С. 205, 209–211): «...главной целью... исследований являлось выяснение... вопроса об отношении каменных баб к курганам» (Городцов, 1907. С. 211).

¹ Тезисно результаты этого исследования опубликованы: Чхаидзе В. Н., 2015.

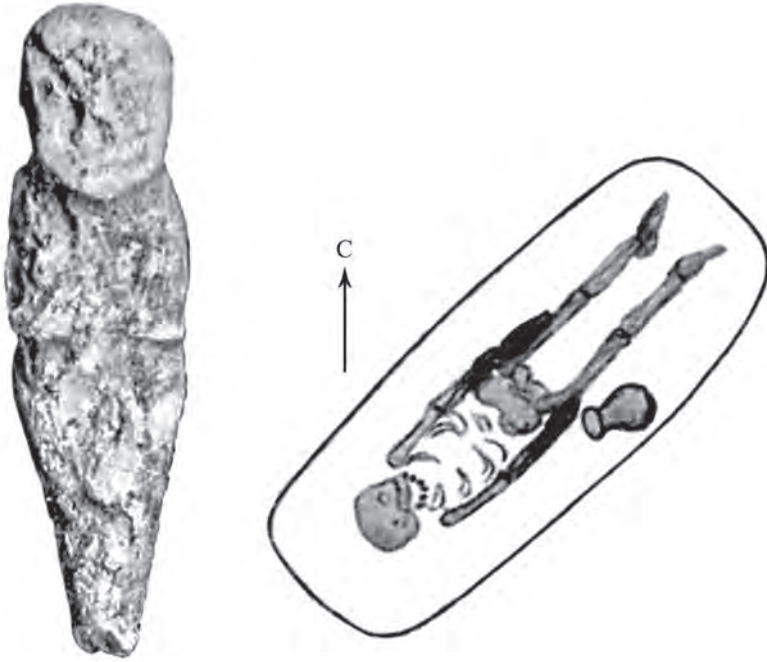
**Рис. 1. Николай Иванович Веселовский
(1848–1918)**

**Рис. 2. Василий Алексеевич Городцов
(1860–1945)**

В 1903 г. при раскопках курганов близ деревни Переездной в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (совр. Артемовский р-н Донецкой обл.) В. А. Городцов открыл детское погребение (курган 1, погребение 4). Ребенок трех лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. Под костями была насыпана меловая известь. На шее находилось ожерелье из мелких зеленоватых бусин. У правой руки располагался раздавленный кувшинчик. В кисти левой руки ребенка была зажата миниатюрная статуэтка из мелового камня (длина 9,5 см, ширина 3 см) (рис. 3). В публикации результатов раскопок (Городцов, 1907. С. 252–253. Рис. 59; С. 308. Рис. 79) В. А. Городцов отнес находку к кругу каменных баб и датировал ее II–III вв. н. э. С этим же временем он связывал и раскопанные в 1901 г. И. М. Сулиным в Сальском округе (междуречье р. Сал и р. Маныч) четыре деревянных изваяния (Сулин, 1902. С. 8, 9), изображения которых также приведены в работе (Городцов, 1907. С. 250–251. Рис. 58).

1 октября 1909 г. Н. И. Веселовский в письме к В. А. Городцову обращается с просьбой сообщить о том, не опубликована ли статуэтка, и о предоставлении ее фотографии. В еще одном письме от 15 октября 1909 г. Н. И. Веселовский пишет: *Я получил Вашу работу «Результаты археологических исследований», и приношу Вам мою глубокую благодарность за Вашу отзывчивость. Хотелось бы оплатить Вам чем-нибудь подобным; а между тем приходится поступить иначе. Вы коснулись вопроса о Каменных бабах, вопроса мне, как Вам известно,*

**Рис. 3. Каменная статуэтка и погребение 4 из кургана 1
близ дер. Переездная (Бахмутский уезд Екатеринославской губернии)
(Городцов, 1907. Рис. 59, 79)**

близкого, и я не могу не ответить. Позвольте надеяться, что мой ответ не испортит наших отношений. Мне было бы крайне досадно, если б это случилось, так как я преклоняюсь перед Вашим необычайным трудолюбием и перед Вашими заслугами в области Археологии. Думаю, однако, что Вы пожалеете, что напечатали свое исследование. Примите уверение в моем искреннем уважении и преданности (Цыбин, 2002. С. 114; см.: Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 385. Л. 17–20). Выдержать этот учтивый тон в ходе дискуссии не удалось (Цыбин, 1999. С. 215. Прим. 51).

В 1910 г. в 35 выпуске ИИАК появилась работа Н. И. Веселовского «Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры...», в которой утверждения В. А. Городцова были представлены как декларативные и не подкрепленные надежными хронологическими обоснованиями. По мнению Н. И. Веселовского, помещенная в работе В. А. Городцова фотография статуэтки была неверно перевернута с ног на голову, из-за чего случился в некотором роде ученый скандал... г. Городцов в перевернутой вверх ногами статуэтке усмотрел каменную бабу миниатюрного вида... Признаюсь, мне было больно и досадно читать его рассуждения о статуэтке ... когда я печатал свою статью о «Мнимых каменных бабах», я льстил себя надеждой, что теперь никто больше не будет сочинять мнимых каменных баб и напускать туману на подлинные их изваяния, которые и без того не совсем еще ясны для нас – и я ошибся. Н. И. Веселовский отмечает,

что посыпание покойника известью или мелом указывает на *медную эпоху*, называет статуэтку *фальшивым документом*, будучи уверенным, что это не каменная баба, а также призывает с осторожностью отнестись к деревянным изваяниям, раскопанным И. М. Сулиным, так как их фотография сделана не с натуры, а с рисунка, т. е. *опоры для выводов она не дает*. В целом же бахмутскую статуэтку Н. И. Веселовский относит к 1500–1200 гг. до н. э., в завершении работы уверяя своего *vis-a-vis*, что *то время, когда о каменных бабах можно было писать что угодно и как угодно, уже прошло и прошло безвозвратно* (Веселовский, 1910а. С. 1, 9–11).

Ответ В. А. Городцова появился в том же 1910 г., в 37 выпуске ИИАК. Автор указывает, что *присутствовавшие при раскопках Бахмутского кургана, давшего находку «миниатюрной каменной бабы», с радостью приветствовали... что эта находка, наконец, рассеет тот густой мрак, который... все еще покрывал вопрос о каменных бабах. Это... приветствовалось и в тех ученых заседаниях, где делались нами доклады о памятнике...* Приведя более полное описание статуэтки, В. А. Городцов продолжал настаивать на правильности своих определений относительно ее верха и низа, а также принадлежности находки к категории каменных баб. Отметил он и то, что Н. И. Веселовский, вместо того чтобы обратиться непосредственно к оригиналу, хранящемуся в Российском Историческом музее, воспользовался лишь фотографией из публикации, которая неясно передает детали и только с лицевой стороны. По мнению В. А. Городцова, статья Н. И. Веселовского направлена на *дискредитирование нашей компетентности в деле суждения о каменных бабах вообще*. Затем автор замечает, что посыпание ложа покойника известью и мелом встречается в разновременных погребениях (указывая и на находки целых кусков мела при погребенных). Далее В. А. Городцов указывает, что бахмутская статуэтка является уникальной, так же как и каменное изваяние, выявленное в 1899 г. Н. И. Веселовским в кургане у хут. Зубовский Кубанской обл. Изваяние находилось в горизонтальном положении, и Н. И. Веселовский почему-то причислил его к разряду *лежащих каменных баб* (Веселовский, 1902. С. 39. Рис. 100). Также на основании присутствия в погребении *рубленых бус египетской голубоватой смальты* и фрагментов кувшинчика, В. А. Городцов настаивал, что статуэтка вместе с сальскими деревянными бабами относится ко времени не позже II–III вв. н. э., хотя автор и не решается отождествить их владельцев со скифами или сарматами. При этом он дает указание на то, что черепа из группы погребений, где была найдена статуэтка, хранятся в Антропологическом музее Московского университета и доступны для изучения. По мысли автора, рассматриваемые им материалы устанавливают: 1) что каменные бабы предназначались для *сопровождения покойников в загробной жизни*; 2) что они в области р. Бахмута связаны с определенным (ранее совсем не известным) типом курганных погребений; 3) что время их совпадает со II–III вв. н. э.; 4) что тип погребений... на берегах р. Бахмута имеется также и в области войска Донского (находка г. Сулина в Сальском округе) и на северном Кавказе; 5) что народ каменных баб хорошо известен грекам и римлянам; 6) что некоторые антропологические черты этого народа доступны положительному выяснению. В заключение В. А. Городцов указывает на излишние эмоции своего оппонента: *...мы, имея довольно*

многочисленные археологические работы, ни разу не позволили себе не только оскорбить личное самолюбие Н. И. Веселовского, но и отнестись к его работам иначе, как с полным вниманием... Ошибаться свойственно человеку, и если бы критикуемый г. Веселовским действительно ошибся, то неужели нужно только глумиться над его ошибкой... Но вот теперь сам критик стал как раз в то положение, в какое он старался поставить критикуемого; интересно, так ли он отнесется сам к себе? (Городцов, 1910. С. 89–97).

В том же выпуске ИИАК был опубликован и ответ Н. И. Веселовского, который, не принимая аргументы В. А. Городцова, полагал, что тот не нашел в себе достаточно мужества, чтобы сознаться в своей ошибке, по-видимому, из опасения поколебать свой авторитет археолога. Приходилось, следовательно, защищаться и возражать во что бы то ни стало, и г. Городцов защищается и возражает против всего... рискуя еще более подорвать свой авторитет... кто способен объяснить статуэтку на выворот, тот не будет, конечно, церемониться ни с подбором доказательств, ни со ссылками на установленные якобы факты. Автор указывает на то, что В. А. Городцов играет словами, когда рассуждает о посыпании ложа погребенного известью или мелом, приписывая самому Н. И. Веселовскому термин *краска* (имеется в виду охра). Упрекая своего оппонента, что тот не привел изображения статуэтки в профиль, Н. И. Веселовский не считает удовлетворительной ее сохранность, чтобы можно было называть ее каменной бабой: *И на таком негодном материале г. Городцов строит свою теорию и по-видимому, думает, что такой прием следует назвать научным!* Автор отмечает, что не сохранился скелет ребенка из погребения, а черепа, хранящиеся в Антропологическом музее разных времен и разных народов и выдаются за принадлежащие тому народу, который положил статуэтку. Получается невероятный сумбур. И все это печатается на казенные деньги и не только печатается, а даже приветствуется в ученых заседаниях! Завершается «Ответ» замечанием о мании величия у В. А. Городцова, который имеет не только труды, но еще и слабость братья за разрешение непосильных, иногда прямо неразрешимых вопросов доисторической археологии и, думая принести этим пользу науке, причиняет ей только вред (Веселовский, 1910б. С. 98–102).

Пolemика на этом была завершена, так как ответа от В. А. Городцова не последовало (надо думать, вследствие чрезмерно грубого, неприемлемого тона Н. И. Веселовского). Однако в библиотеке Института археологии РАН хранится отдельный оттиск из XXXII тома Записок Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД), содержащий исследование Н. И. Веселовского «Современное состояние вопроса о “Каменных бабах” или “Балбалах”» (1915). Оттиск происходит из личной библиотеки В. А. Городцова и, помимо его же рукописных пометок на полях, содержит резюме работы (рис. 4), которое мы приводим полностью:

В этой работе Н. И. Веселовский уже не относит к каменным бабам те удивительные камни, которые были найдены на С. Кавказе и теперь хранятся в Имп. Российском Историческом музее, которые Н. И. В. считал лежащими кам. бабами. Это очень разумно.

Второе в этой работе характерно то, что Н. И. Веселовский не так фанатично стоит за дату Рубрука, приписавшего, очевидно, статуи Ю. России

Характерно, что Н. И. Веселовский в этой
работе совершенно не упоминает, ни словом, ни
важнейших некролей каменного века, которые, конечно,
в самом изобилии много в Бахмутском
у. и г. Сумского-в области Р. Донецкого.
Между тем же. Истории некролей рождался вопрос
лучше, чтобы вестись оставившимся в руках. Вмешает
Эта статья указывает на принадлежность их
к II—III в. по Р. Х. и одних некролей, только
гласно сном с изредка римской цивилизации
Вост.

Рис. 4. Резюме работы Н. И. Веселовского

«Современное состояние вопроса о “Каменных бабах” или “Балбалах”»

(Одесса, 1915), написанное В. А. Городцовым (Библиотека ИА РАН. Ж1. 2-й экз. С. 40)

половцам. Теперь Н. И. относит статуи к VI–XIII векам (стр. 28), а в конце статьи уже минорно гласит «устанавливать хронологию каменных баб... дело – трудное, для этого требуются другие приемы».

Давно бы так.

Характерно, что Н. И. Веселовский в этой работе совсем не упоминает, именно те важные находки каменных баб, которые сделаны в самих погребениях мною в Бахмутском у. и г. Сулиным – в области В. Донецкого. Между тем этими находками решается вопрос лучше, чем всеми остальными взятыми вместе. Эти статуи указывают на принадлежность их ко II–III в. по Р. Хр. и одной народности, имевшей деловые сношения с греко-римской цивилизацией.

Спустя много лет, в 1936 г., в своем дневнике В. А. Городцов так оценивал результаты полемики: *Веселовский грубо облял меня за бахмутскую каменную бабу, по-видимому, настолько сильно разозлившую его, что он вопреки прирожденной своей лени, написал целую статью об «Алебастровых и глиняных статуэтках до-микенской культуры в курганах Ю[жной] России», чтобы в конце статьи обрушится на мою бедную маленькую каменную бабу и поставить ее кверху ногами <...> В молодости я высказал... что «каменные бабы» принадлежат древнему населению Причерноморья и Сев[ерного] Кавказа, а не половцам, как это вслед за Рубруком, утверждали почти все авторитеты археологии конца XIX и начала XX в. ...все эти мысли, высказанные более 30 лет тому назад, а в настоящее время признанные всеми верными, но когда они высказывались, то вызвали негодование против меня и стеснение моих работ. Я помню, когда в ответ проф. Веселовскому высказал в печати вторично свою мысль о каменных бабах, то один из крупных московских археологов [имеется в виду В. И. Сизов. – В. Ч.] обратился ко мне с дружеским советом быть осторожнее, так как неосторожность может нажить мне много врагов – и это было верно, но я не мог молчать, полагая, что правильное решение трудных научных вопросов будет полезно всем и в особенности тем, которые высказались ошибочно об этом (Городцов, 2015. С. 26, 27).*

Казалось бы, полемика двух ученых закончилась ничем: и тот и другой так и остались при своем мнении. Однако неверным было бы полагать, что она не принесла пользы. Изучение каменных изваяний делало первые шаги на пути накопления материала, и позиции обоих исследователей ясно показали не только фактологические ошибки и заблуждения, связанные с крайней малочисленностью изучаемых объектов, но и поиск путей их преодоления (Гераськова, 1991. С. 14, 15). Интересно отметить, что Г. А. Федоров-Давыдов в своей монографии, посвященной средневековым кочевникам Восточной Европы, назвал высказывания В. А. Городцова относительно возможности определения этнокультурной принадлежности каменных изваяний *безнадежно скептическими взглядами* (Федоров-Давыдов, 1966. С. 166). В свою очередь, и С. А. Плетнева в своем «Своде половецких каменных изваяний» разделила мнение Н. И. Веселовского относительно неприятия им датировки «каменных баб», предложенной В. А. Городцовым (Плетнева, 1974. С. 7).

В настоящее время датировка бахмутского погребения может быть установлена в пределах II в. до н. э. – I в. н. э. Подобные статуэтки связаны с сарматским

погребальным обрядом (Скрипкин, 1991. С. 129. Рис. 2, 1). Вообще ориентировка погребенного ребенка на ЮЮВ не характерна для средневековых кочевников (Чхаидзе, 2014. С. 105, 107. Рис. 3, 2). В то же время сальские деревянные изваяния (кстати, первые известные тогда) определенно связываются с кочевниками развитого средневековья (Гуркин, 1987. С. 100, 106, 107. Рис. 5, 7). Открытое у хут. Зубовский изваяние эпохи энеолита, безусловно, просто-напросто упало и не относится к «лежачим», а данные Рубрука вполне применимы к изучению средневековых кочевников (Федоров-Давыдов, 1966. С. 186). Но даже эти очевидные сегодня выводы мы принимаем и благодаря тому, что наши предшественники обсуждали проблему и спорили, иногда излишне эмоционально, но постоянно пребывая в процессе поиска истины.

ЛИТЕРАТУРА

- Бранденбург Н. Е., 1897. К вопросу о каменных бабах // Труды VIII Археологического съезда в Москве (1890). Т. III. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. С. 13–18.
- Веселовский Н. И., 1902. Кубанская область // Отчет ИАК за 1900 год. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 33–46.
- Веселовский Н. И., 1905. Мнимые каменные бабы. СПб.: Тип. П. П. Сойкина. 28 с.
- Веселовский Н. И., 1910а. Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе // Известия ИАК. Вып. 35. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 1–11.
- Веселовский Н. И., 1910б. По поводу ответа В. А. Городцова // Известия ИАК. Вып. 37. СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума. С. 98–102.
- Веселовский Н. И., 1915. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах». Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос. 40 с., 14 табл.
- Гераськова Л. С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ: Наукова думка. 129 с., 24 табл.
- Городцов В. А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 года. Дневник археологических исследований // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905). Т. I. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. С. 211–285.
- Городцов В. А., 1910. Бахмутская «миниатюрная каменная баба» (ответ проф. Н. И. Веселовскому) // Известия ИАК. Вып. 37. СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума. С. 89–97.
- Городцов В. А., 2015. Дневники 1928–1944: в 2 кн. / Сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых. Кн. 2: 1936–1944. М.: Триумф-принт. 695 с.
- Гуркин С. В., 1987. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. № 4. С. 100–109.
- Кельсиев А. И., 1887. О каменных бабах // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе (1881). СПб.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко. С. 76–80.
- Кулаковский Ю. В., 1898. К вопросу о каменных бабах // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. Год VI, № 7–8. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. С. 235–240.
- Надеждин Н. И., 1859. Заметка о каменных бабах // Известия Императорского Русского археологического общества. Т. I. Вып. 3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 165–168.
- Пискарев А. И., 1851. О местонахождении каменных баб в России // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. III. СПб.: Тип. экспедиции заготовления Гос. бумаг. С. 205–220.
- Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука. 200 с. (САИ; вып. Е4-2.)
- Скрипкин А. С., 1991. Антропоморфные статуэтки в погребальном обряде сарматов // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 2. Саратов: Саратовский ун-т. С. 126–134.
- Сулин И. М., 1902. Отчет по командировке в Черкасский и Сальский округа // Труды Донского отделения Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове.

Новочеркасск: Изд-во Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. С. 8, 9.

Тереженко А. В., 1866. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М.: Унив. тип. С. 1–37.

Уваров А. С., 1871. Сведения о каменных бабах // Труды I Археологического съезда в Москве (1869). Т. II. М.: Синод. тип. С. 501–520.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Московский ун-т. 276 с.

Цыбин М. В., 1999. В. А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-восточного порубежья Древней Руси // Исторические записки. Вып. 4. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 204–215.

Цыбин М. В., 2002. Юго-восток Древней Руси и кочевнический мир (из истории изучения проблемы) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16: Археология в Российских университетах. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 110–117.

Чхаидзе В. Н., 2014. Средневековая миниатюрная каменная скульптура из курганной группы Дмитриевская I (Кавказский район Краснодарского края) // МИАСК. Вып. 14. Армавир; Краснодар: Кубаньархеология. С. 104–113.

Чхаидзе В. Н., 2015. Полемика о «каменных бабах» // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания: тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 24–25 февраля 2015. М.: ИА РАН. С. 65–66.

Эварницкий Д. И., 1890. Каменные бабы // Исторический вестник. Т. XLI, июль. С. 184–194.

Сведения об авторе

Чхаидзе Виктор Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

V. N. Chkhaidze

DEBATES ABOUT BALBAL STATUES OR HOW NIKOLAY IVANOVICH QUARRELED WITH VASILIIY ALEKSEEVICH

Abstract. The paper describes emotionally charged debates of 1910 between N. A. Veselovsky and V. A. Gorodstov regarding studies and interpretation of stone and wood images discovered by V. A. Gorodstov in the present-day Donetsk Oblast.

Keywords: Veselovsky, Gorodstov, stone images, historiography.

REFERENCES

- Brandenburg N. E., 1897. K voprosu o kamennykh babakh [On problem of stone balbals]. *Trudy VIII Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve (1890) [Transactions of VIII Archaeological congress in Moscow (1890)]*, III. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, pp. 13–18.
- Chkhaidze V. N., 2014. Srednevekovaya miniatyurnaya kamennaya skul'ptura iz kurgannoy gruppy Dmitrievskaya I (Kavkazskiy rayon Krasnodarskogo kraya) [Medieval miniature stone sculpture from kurgan group Dmitrievskaya I (Kavkazskiy district, Krasnodar region)]. *MIASK*, 14. Armavir; Krasnodar: Kuban'arkheologiya, pp. 104–113.
- Chkhaidze V. N., 2015. Polemika o «kamennykh babakh» [Controversy on «stone balbals»]. *Uchenye i idei: stranitsy istorii arkheologicheskogo znaniya. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Scholars and ideas: pages for history of archaeological knowledge. Abstracts of International scientific conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 65–66.

- Evarnitskiy D. I., 1890. Kamennye baby [Stone balbals]. *Istoricheskiy vestnik [Historic bulletin]*, XLI, July, pp. 184–194.
- Fedorov-Davydov G. A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov [Nomads of Eastern Europe in power of Golden Horde Khans]. Moscow: Moskovskiy universitet. 276 p.
- Geras'kova L. S., 1991. Skul'ptura sredn'ovichnikh kochovikov stepiv Skhidnoi Evrope [Sculpture of medieval nomads of East European steppes]. Kiev: Naukova dumka. 129 p., 24 tabl.
- Gorodtsov V. A., 1907. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Bakhmutskom uезде Ekaterinoslavskoy gubernii, 1903 goda. Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy [Results of archaeological investigations in Bakhmut district, Ekaterinoslav province, 1903. Diary of archaeological investigations]. *Trudy XIII Arkheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave (1905) [Transactions of XIII Archaeological congress in Ekaterinoslav (1905)]*, I. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, pp. 211–285.
- Gorodtsov V. A., 1910. Bakhmutskaya «miniaturnaya kamennaya baba» (otvet prof. N. I. Veselovskomu) [Bakhmut «miniature stone balbal» (response to Prof. N. I. Veselovskiy)]. *Izvestiya IAK [Bulletin of IAK]*, 37. St. Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, pp. 89–97.
- Gorodtsov V. A., 2015. Dnevniky 1928–1944 [Diaries for 1928–1944], 2. 1936–1944. I. V. Belozerova, S. V. Kuz'minykh, comp. Moscow: Triumph-print. 695 p.
- Gurkin S. V., 1987. Polovetskie svyatilishcha s derevyannymi izvayaniyami na Nizhnem Donu [Kuman sanctuaries with wooden statues on Lower Don]. *SA*, 4, pp. 100–109.
- Kel'siev A. I., 1887. O kamennykh babakh [On stone balbals]. *Trudy V-go Arkheologicheskogo s"ezda v Tiflise (1881) [Transactions of V-th Archaeological congress in Tiflis (1881)]*. St. Petersburg: Tipografiya A. I. Mamontova i Ko, pp. 76–80.
- Kulakovskiy Yu. V., 1898. K voprosu o kamennykh babakh [On problem of stone balbals]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Archaeological bulletin and notes published by Imperial Moscow archaeological society]*, God VI, no. 7–8. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, pp. 235–240.
- Nadezhdin N. I., 1859. Zаметка о каменных бабах [Note on stone balbals]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of Imperial Russian archaeological society]*, vol. I, iss. 3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 165–168.
- Piskarev A. I., 1851. O mestonakhozhdenii kamennykh bab v Rossii [On location of stone balbals in Russia]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of Imperial Russian archaeological society]*, III. St. Petersburg: Tipografiya ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, pp. 205–220.
- Pletneva S. A., 1974. Polovetskie kamennye izvayaniya [Kuman stone statues]. Moscow: Nauka. 200 p. (SAI, E4-2.)
- Skripkin A. S., 1991. Antropomorfnye statuetki v pogrebal'nom obryade sarmatov [Anthropomorphic statuettes in burial rite of Sarmatae]. *Arkheologiya Vostochno-evropeyskoy stepi [Archaeology of East-European steppe]*, 2. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 126–134.
- Sulin I. M., 1902. Otchet po komandirovke v Cherkasskiy i Sal'skiy okruga [Report on secondment to Cherkassy and Sal'sk districts]. *Trudy Donskogo otdeleniya Predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XII Arkheologicheskogo s"ezda v Khar'kove [Transactions of Don department of Preliminary committee for organization of XII Archaeological congress in Kharkov]*. Novocherkassk: Predvaritel'nyy komitet po ustroystvu XII Arkheologicheskogo s"ezda, pp. 8–9.
- Tereshchenko A. V., 1866. O mogil'nykh nasypyakh i kamennykh babakh v Ekaterinoslavskoy i Tavricheskoy guberniyakh [On burial mounds and stone balbals in Ekaterinoslav and Taurian provinces]. *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh [Readings in Imperial Society for Russian history and antiquities]*, 4. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 1–37.
- Tsybin M. V., 1999. V. A. Gorodtsov i problemy istoriko-arkheologicheskogo izucheniya yugo-vostochnogo porubezh'ya Drevney Rusi [V. A. Gorodtsov and problems of historic-archaeological research in south-eastern borders of Ancient Rus]. *Istoricheskie zapiski [Historic notes]*, 4. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 204–215.
- Tsybin M. V., 2002. Yugo-vostok Drevney Rusi i kochevnicheskiy mir (iz istorii izucheniya problemy) [South-East of Ancient Rus and nomad world (from history of the problem investigatin)].

Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeology of East-European forest-steppe]. 16. Arkheologiya v Rossiyskikh universitetakh [Archaeology in Russian universities]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 110–117.

Uvarov A. S., 1871. Svedeniya o kamennykh babakh [Information on stone balbals]. *Trudy I Arkheologicheskogo s'ezda v Moskve (1869) [Transactions of I Archaeological congress in Moscow (1869)]*, II. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, pp. 501–520.

Veselovskiy N. I., 1902. Kubanskaya oblast' [Kuban' region]. *Otchet IAK za 1900 god [Report of IAK for 1900]*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 33–46.

Veselovskiy N. I., 1905. Mnimye kamennye baby [Alleged stone balbals]. St. Petersburg: Tipografiya P. P. Soykina. 28 p.

Veselovskiy N. I., 1910a. Alebastrovye i glinyanye statuetki do-mikenskoy kul'tury v kurganakh Yuzhnoy Rossii i na Kavkaze [Alabaster and clay statuettes of pre-Mycenaean culture in kurgans of South Russian and in the Caucasus]. *Izvestiya IAK [Bulletin of IAK]*, 35. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 1–11.

Veselovskiy N. I., 1910b. Po povodu otveta V. A. Gorodtsova [In relation to V. A. Gorodtsov's response]. *Izvestiya IAK [Bulletin of IAK]*, 37. St. Petersburg: Tip. V. F. Kirshbauma, pp. 98–102.

Veselovskiy N. I., 1915. Sovremennoe sostoyanie voprosa o «Kamennykh babakh» ili «Balbalakh» [Present state of problem of «Stone statues» or «Balbals»]. Odessa: «Slavyanskaya» tipografiya E. Khrisogelos. 40 p., 14 tabl.

About the author

Chkhaidze Viktor N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АЕС – Археология Евразийских степей
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АПС – Археологические памятники сиюну
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГИМ – Государственный исторический музей. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МЭА РАН – Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). СПб.
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РиА – Радиоуглерод и археология
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СЭ – Советская этнография. М.
ТАС – Тверской археологический сборник
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Илым

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AES – Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes]
AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
АО – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
АП – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN

- ASGE – Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
- APS – Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [Archaeological sites of the Xiongnu]
- AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg
- BRE – Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
- GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]. St. Petersburg
- GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic Museum]. Moscow
- DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodnyy ezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Bosporus Cimmerian]. Moscow: IA RAN
- IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
- IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
- IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
- IAK – Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya [Imperial Archaeological commission]
- IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
- JAS – Journal of Archaeological Science
- JHE – Journal of Human Evolution
- JWP – Journal of World Prehistory
- KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kul'tury [Brief communications of Institute for Material Culture]. Moscow; Leningrad
- MAE RAN – Muzei antropologii i etnografii RAN (Kunstkamera) [Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstammer); St. Petersburg]
- MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of North Caucasus]; Armavir
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
- NIIYaLI – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific-research institute for language, literature and culture]
- NS – New Series
- PAV – Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik [Petersburg archaeological bulletin]
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]
- PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
- QI – Quaternary International
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RiA – Radiouglerod i arkheologiya [Radiocarbon and archaeology]
- RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
- RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
- SAIPI – Sibirskaya assotsiatsiya issledovateley pervobytnogo iskusstva [Siberian association of researchers of primitive art]
- SE – Sovetskaya Etnografiya [Soviet Ethnography]
- SN – Serie Nouă
- SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Antropology.
- TAS – Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver' archaeological collection of articles]
- TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South Turkmenistan archaeological complex expedition]. Ashkhabad.
- VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

ОТ РЕДАКЦИИ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.

5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.

6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age Levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 247

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Корректор О. Круподер
Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 30.06.2017. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 34,83. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № госрегистрации 1147746155325
Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57. itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks